

История Древнего мира, том 2. Расцвет Древних обществ. (Сборник)

Вторая книга коллективного труда ведущих советских историков рассматривает социально-экономическую, политическую и культурную историю древних классовых обществ периода их расцвета (I тысячелетие до н.э.). Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся древней историей.

- **ЛЕКЦИИ**

- **Лекция 1. Общие черты второго периода древней истории**
- **Лекция 2. Новоассирийская держава**
- **Лекция 3. Урарту, Фригия, Лидия**
- **Лекция 4. Греция в архаический период и создание классического греческого**
- **Лекция 5. Культура Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н. э.**
- **Лекция 6. Ново-вавилонская держава и поздний Египет**
- **Лекция 7. Мидия и ахеменидская Персия**
- **Лекция 8. Греко-персидские войны**
- **Лекция 9. Расцвет афинской рабовладельческой демократии**
- **Лекция 10. Предэллинизм на Востоке**
- **Лекция 11. Пелопоннесская война**
- **Лекция 12. Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н. э.**
- **Лекция 13. Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах**
- **Лекция 14. Греческая культура VII—IV вв. до н. э.**
- **Лекция 15. Александр и диадохи**
- **Лекция 16. Эллинистический Египет**
- **Лекция 17. Эллинизм в Передней Азии**
- **Лекция 18. Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма**

- **Лекция 19. Эллинистическая культура**
- **Лекция 20. Общественные и религиозные течения в Палестине во II в. до н. э.— I в. н. э. Кумранская община**
- **Лекция 21. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма**
- **Лекция 22. Этруски и ранний Рим**
- **Лекция 23. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье (I тысячелетие до н. э.)**
- **Лекция 24. Римская республика с конца VI до середины II в. до н. э.**
- **Лекция 25. Парфия и Греко-Бактрийское царство**
- **Лекция 26. Индия во второй половине I тысячелетия до н. э.**
- **Лекция 27. Расцвет рабовладельческого общества в Китае**
- **Лекция 28. Идеология и культура Китая**
- **КАРТЫ**
 - **Урарту, Фригия и Лидия.**
 - **Передняя Азия в первой половине VI в. до н.э.**
 - **Держава Ахеменидов.**
 - **Греция в IV в до н.э.**
 - **Эллинистические государства.**
 - **Походы Александра Македонского.**
 - **Древняя Италия.**
 - **Средняя Азия, Парфия, Греция-Бактрийское царство.**
 - **Китай в V-III в. до н.э.**
 - **Ассирийская держава в VIII-VII вв. до н.э.**

Источник:

История Древнего Мира т.2. Расцвет Древних обществ: в 3-ех т., Издание второе/Ред. И.М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой - М.:Издательство «Наука», 1983.

Лекция 1: Общие черты второго периода Древней истории

Производительные силы и средства насилия.

В области производительных сил определяющим моментом для второго периода древней истории явился переход к производству стали.

Железо труднее выплавлять из руды, чем медь, его труднее обрабатывать, чем бронзу; температура его плавления выше, а литейные качества ниже.

Кроме того, железо на воздухе быстро ржавеет, (Во всех музеях мира хранится множество изделий из древней бронзы, но изделий из железа сохранилось гораздо меньше, а те, что сохранились, представляют собой бесформенные комки корродированного металла.) По всем этим причинам технология железа в период ранней древности не разрабатывалась и была мало развита; известны лишь отдельные,

случайные образцы железных изделий IV—II тысячелетий до н. э., главным образом украшения.

Во II тысячелетии до н. э. для Европы, Ближнего и Среднего Востока монополистами производства железа были племена северо-восточной Малой Азии, и хеттские цари, подобно их предшественникам, правителям хаттских (протохеттских) городов-государств, ревниво оберегали эту монополию, приносящую им доход.

Однако с падением Хеттской державы монополия эта прекратилась. Хотя и в I тысячелетии до н. э. железные месторождения сохранялись в тайтте обитавшим близ них племенем, которое греки называли халпбами (возможно, западнопротогрузинским), попрепятствовать вывозу железа теперь уже было некому; начался усиленный экспорт его через верхнеевфратскую долину и города-государства Северосирийского союза на юг (с IX в. до н. э.) и на север через ионийские колонии на черноморском побережье и затем оттуда на запад (с VIII—VII вв. до н. э.). Значительная часть военных походов великих держав этого времени — Ассирии, Урарту, Фригии, Мидии — объясняется попытками захватить этот «железный путь» и обеспечить себя новым важным стратегическим сырьем.

Но секрет добычи железа из руд скоро был раскрыт и в ряде других стран, особенно с тех пор, как выяснилось, что железные руды имеют на поверхности земли очень широкое распространение. Начали разрабатываться такие руды в Сирии, Закавказье, в ряде пунктов Европы: так, филистимляне, один из «народов моря», поселившийся на палестинском побережье ещё в самом конце II тысячелетия до н. э., уже имели железное оружие. В VIII—VII вв. до н. э. железные орудия стали преобладать во всей Передней Азии, во многих частях Европы, в Иране и, возможно, в Индии. Несколько позже устанавливается железный век в Средней Азии (VII—VI вв. до н. э.), в Египте, в Китае (VI—V вв. до н. э.).

Первоначально железо получили с помощью так называемого сыродутного процесса, т. е. раскаляя руду до 900—1350° в плавильных печах-горнах и вдувая в нее воздух мехами через сопло. На дне печи образовывалась раскаленная пористая металлическая крица, которую нужно было извлекать из печи, пока она горяча, проковывать для удаления частиц шлака и для уплотнения. Кричное железо получалось мягким и по своим механическим качествам уступало меди; преимущество его было только в его гораздо большей доступности и дешевизне, а также в возможности легче чинить железные изделия в силу лучшей ковкости. Однако уже в IX—VII вв. в Европе и на Ближнем Востоке было открыто углеродистое железо, которое можно было подвергать закалке (Закалка стального оружия впервые упоминается в «Одиссее», созданной в VIII в. до н. э. Разумеется, получаемый тогда металл значительно отличался от литой стали нового времени.), — сталь. Для изготовления стали бруски

кованого кричного железа укладывались вместе с древесным углем в глиняные ёмкости и длительно нагревались.

Только с массовым введением производства стали можно говорить о победе железного века над бронзовым. Стальные инструменты сделали возможной успешную обработку земель, ранее для нее непригодных, вырубку лесов, в частности под пашню, прокладку оросительных каналов в твердом грунте; они революционизировали ряд ремесел, в частности кузнечное, оружейное, столярное, кораблестроительное. В странах речной ирригации применение стали позволило ввести достаточно сложные водоподъемные сооружения: не только использовавшийся ранее в садоводстве шадуф (устройство типа колодезного журавля для подъема воды из нижележащего водоема на вышележащий грунт с помощью кожаного ведра), но и черд (соединенный в кольцо канат с навешенными на нем кожаными ведрами, который с помощью ворота приводят в движение волю, а иногда и рабы) и сакшо (водоподъемное колесо).

Стальная ось была желательна в обоих случаях.

Сталь позволила создавать прибавочный продукт на обширных новых территориях и тем самым значительно расширить область классового цивилизованного общества.

Введение стали революционизировало также военное дело. Вместо кинжалов, топориков и легких копий пехотное войско было теперь вооружено мощными стальными мечами. Если ассирийские и урартские войска в значительной мере пользовались ещё бронзовым оборонительным оружием — шлемами - шишаками, щитами, панцирями, то с середины I тысячелетия до н. э. начинает преобладать стальное оборонительное оружие — шлемы, закрывающие щеки, шею и подбородок, латы, поножи, щиты со стальной обшивкой. Греческий гоплит в стальном вооружении представлял собой грозную вооруженную силу, и уже не могло быть и речи о том, что взятый в плен и обращенный в рабство мужчина, получив в руки лопату или мотыгу, сможет справиться с вооруженным крестьянином или с охраной, поставленной рабовладельцем.

Другое нововведение, революционизировавшее военное дело, принадлежало кочевникам степей нынешней Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Казахстана — скифам. Это были маленькие двухпёрые и трехпёрые бронзовые наконечники стрел, обладавшие баллистическими качествами, намного превосходившими качества стрел ранней древности. Значение их связано с историей конного войска.

В III тысячелетии до н. э. неуклюжие шумерские повозки, запряженные онаграми, служили скорее средством передвижения аристократической части войска; как ударная сила, направленная против сплошного строя тяжеловооруженных пехотинцев, они были

малоэффективны, а после того как Саргоп Древний ввел рассыпной строй, они и вовсе вышли из боевого употребления. Положение изменилось, когда индоиранцы, хетты и митаннийцы, а также ахейцы, опираясь на сделанные уже на Ближнем Востоке изобретения (введение легкой колесницы на двух колесах со спицами), смогли создать легкое конно-колесничное войско; оно придало ударной части армии большую подвижность (при условии достаточно ровной местности) и возможность с налета расстраивать недостаточно стойкие пехотные формирования. Тогда же стала применяться и верховая езда — ранее всего для сопровождения стад при перекочевке (например, с зимних низинных на летние горные пастбища), затем уже в военном деле — главным образом для разведки и для посылки донесений; всадник сидел на лошади не только без стремян, но и без седла, на чепраке. Лишь в IX — VIII вв. до н. э. ассирийцы ввели у себя постоянные конные отряды.

Слабостью колесниц была их непрочность, лишь отчасти устраненная в I тысячелетии до н. э. тем, что колеса были снабжены стальными ободьями; кроме того, несколько убитых или раненых коней могли расстроить весь боевой порядок колесничих. Слабостью конницы была уязвимость всадника. Основным оружием конника великих держав начала I тысячелетия до н. э. было метательное копье (дротик). Поскольку конник не мог опираться на стремяна (их еще не существовало), постольку он не мог колоть пикой; стрельба из лука была очень затруднена необходимостью одной рукой держать поводья лошади; конникам удавалось стрелять только в определенные моменты, когда можно было отпустить поводья; если скорострельность лучника-пехотинца была 6 — 7 выстрелов в минуту и стрелять он мог до исчерпания своего колчана непрерывно 5 — 10 минут, а с перерывами — и до часа, то коннику это было недоступно. Не мог он по тем же причинам и защищать себя надежным щитом, поэтому в ассирийской армии конники обычно ездил по двое: щитonosец и дротикометатель, по числу дротиков на одного воина было гораздо меньшим, чем число стрел в колчане. В других случаях конник носил постоянно на левой руке выше локтя маленький круглый щит, который был совершенно недостаточен для предохранения от стрел и копий противника.

Изобретение скифами нового вида стрел в VIII в. до н. э. и достижение ими высокой выучки конского состава совершенно изменили положение вещей. Скифская тактика основывалась на создании массового легкого конного войска практически без обоза: все снабжение — очевидно, включая и запасы бронзы для отливки наконечников стрел — обеспечивалось за счет грабежа, новые наконечники стрел вместо израсходованных отливались кузнецами в маленьких переносных формах, а сами кузнецы, видимо, входили в состав конного отряда. Такое войско было необычайно подвижно, а при большей дальноточности и пробивной силе стрел могло постоянно держаться на безопасном расстоянии от противника. Стрельба велась в основном не через голову коней, а назад по ходу скачки; кони,

летающие табуном в сторону от опасности, почти не нуждались в поводах и могли управляться одними шенкелями; таким образом, обстрел велся на скаку — когда конный отряд мчался мимо противника и в сторону от него,— но при всем том был убийственным.

Скифские стрелы внедрились в вооружение всех армий Ближнего и Среднего Востока в течение VII—V вв. до н. э. Конечно, в условиях оседлых государств скифская исключительно конная тактика была неприменима, однако улучшение баллистических качеств стрелкового оружия еще более усилило мощь войска древних государств. Постоянно совершенствовались и луки. Третьим военным нововведением было создание инженерной и осадной техники (понтонные мосты, укрепленные постоянные лагеря в полевых условиях, подкопы-сапы, осадные насыпи, различные виды таранов, устройства для метания камней и просмоленной горящей пакли).

В этот же период создается регулярный военно-морской флот. Мореходными ладьями обладали уже в III и II тысячелетиях до н. э. индийцы, шумеры, египтяне, финикийцы, критяне, греки и др., однако парусное вооружение их судов состояло из одного прямого грота, и поэтому маневренность, особенно при встречном ветре, была плоха; гребцы либо совсем отсутствовали, либо размещались в один ряд, и одновременно они исполняли обязанность воинов. После периода морских боев, которыми ознаменовалось движение «народов моря» в конце II тысячелетия до н. э., получило сильное развитие гребное судоходство (в том числе с привлечением рабской силы), были введены палубы, подводный таран, более совершенные укрытия для кормчего и воинов на палубе; грузоподъемность судов увеличилась в несколько раз. С этим связано широкое развитие не только морского транспорта и колонизации берегов Средиземного моря, но и развитие пиратства и морской войны.

Вопросы увеличения прибавочного продукта и обеспечения расширенного воспроизводства.

Возникновение цивилизаций, как известно из предыдущих лекций, было связано с резким скачком в развитии производительных сил: производство достигло такого уровня, когда стал создаваться прибавочный продукт, необходимый для содержания и обслуживания господствующего класса, а также и всей соответствующей надстройки общества, т. е. его государственной организации и культурных установлений. Однажды возникнув, эти надстроечные институты стремятся к расширению и развитию, для чего необходимо все большее количество прибавочного продукта. Однако внутри каждого отдельного общества рост прибавочного продукта после первых блестящих успехов цивилизации сильно замедляется или даже останавливается. Происходит это потому, что производительность труда, прежде всего в важнейшей отрасли экономики — сельском хозяйстве, многократно возросшая с освоением орошаемого

земледелия и основных технических средств ремесла (гончарный круг, ткацкий станок, выплавка меди и железа, изготовление бронзы и стали, водоподъемные машины, алмазное сверло и многое другое). в дальнейшем почти не растет, а иногда даже и снижается. Так, в месопотамском сельском хозяйстве из-за истощения и засоления почвы в результате нерационального орошения (при котором естественные соли из воды с каждым туром орошения во все возрастающем количестве выпадают в почву) более ценные культуры (пшеница) вытесняются менее ценными (ячмень). Рост нормы эксплуатации также упирается в свои естественные пределы: для непрерывного ее увеличения при данном уровне развитии производительных сил производительность труда повышается недостаточно сильно: даже известное усовершенствование ручных орудий, о котором выше шла речь, не могло принести к решительному (скажем, на порядок) увеличению производительности все того же ручного труда. Между тем, к сожалению для хозяина, и производителю приходилось оставлять некий минимум абсолютно необходимых средств существования, и при этом тем больший, чем дальше форма эксплуатации работника от формы полного, классического рабства.

Наконец, и последний резерв увеличения абсолютной величины прибавочного продукта — естественный прирост населения — тоже иссякает. В начале эпохи цивилизации этот прирост действительно был велик по сравнению с первобытной эпохой, и мы наблюдали процесс экстенсивного расселения людей, увеличения числа населенных пунктов. Однако выживаемость детей, по видимому, остановилась где-то около средней цифры 2 — 3 ребенка на одну женщину, т. е. примерно соответствовала норме, едва достаточной для поддержания данной численности населения. Такому положению способствовала, во-первых, так называемая «городская революция», приведшая к крайней скученности населения городов, что при полном отсутствии общественной гигиены приводило к частым опустошающим эпидемиям и к эндемической высокой детской смертности; но эпидемии и детская смертность не могли не затрагивать также и сельское население. Фактором, стабилизирующим уровень народонаселения, были, во-вторых, периодические неурожаи и сопровождающий их голод (следует заметить, что в II тысячелетие до н. э., по-видимому, выпал длительный засушливый период в истории климата Земли).

Государствам приходилось искать дополнительные источники прибавочного продукта извне.

До начала I тысячелетия до н. э. существовали государства только трех типов: это были либо мелкие номовые государства, или города-государства (как, например, в Шумере, в Верхней Месопотамии, в Сирии и Финикии, в Греции), либо неустойчивые конгломераты таких государств, где более слабые платили центральному, наиболее сильному, определенную дань и оказывали ему по требованию

военную помощь (таковы были Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская державы, азиатские владения Египта Нового царства), либо, наконец, это были относительно крупные царства, объединявшие территорию бассейна целой значительной речной долины (Египет и лишь временами Нижняя Месопотамия и Элам). Такого рода государства продолжали существовать и в I тысячелетии до н. э. на периферии древнего мира. (Далее ряд лекций, относящихся ко второму периоду древности, будет все ещё посвящен обществам раннего типа.) Однако более характерными для этого времени, которое мы назовем вторым этапом древности или периодом подъема древней (так называемой рабовладельческой) формации, были новые государственные образования — «мировые державы», или империи.

Именно их создание было обусловлено поисками новых источников прибавочного продукта вне собственной страны, за счет ограбления других стран.

Военное ограбление соседей путем вооруженных набегов со взятием даней и угоном пленных для обращения их в рабов или илотов не являлось новостью; этим занимались все государства с тех пор как возникло классовое общество; однако исход такого рода войн слишком зависел от переменчивой военной удачи, а длительные успехи набегов в одном направлении приводили к опустошению соседних стран и к иссяканию источников добычи (таким образом была, например, практически уничтожена ханаанейская цивилизация Палестины — не только нашествиями новых племен, но, еще до того, опустошительным владычеством фараонского Египта и данями ему).

Увеличение прибавочного продукта за счет внешних ресурсов было в принципе достижимо и другим путем — за счет увеличения численности рабочей силы. Добиться этого можно было, либо захватив новую территорию для эксплуатации (с тем чтобы ликвидировать господствующий класс на этой территории, если он был: при необходимости делиться с ним захват попой территории не привел бы к увеличению прибавочного продукта; именно так поступили дорийцы в Спарте и в некоторых других областях Эгейского региона), либо захватив и угнав на свою территорию рабочую силу (этот способ был широко распространен во II тысячелетии до н. э.; особенно ясно это мы могли видеть на примере хеттов). Но и депортация населения ставила перед господствующим классом очень трудные проблемы. С одной стороны, средства насилия до конца II тысячелетия до н. э. не были достаточно мощными, чтобы обеспечить наиболее высокую — т. е. рабскую в прямом смысле — норму эксплуатации, а увеличение количества рабочей силы без увеличения нормы эксплуатации не решало проблему, стоявшую перед господствующим классом, сколько-нибудь радикальным образом. С другой стороны, использование труда депортированных в условиях хищнической эксплуатации земли не решало и проблемы производительности сельскохозяйственного труда.

Был, наконец, третий способ ограбления соседних стран — с помощью неэквивалентной торговли. В торговле, правда, прибавочный продукт, как известно, не создается, но зато через торговлю он перераспределяется. В ранней же древности, как правило, постоянно и равномерно функционировавшего международного рынка не существовало; и купцы, привозившие в страну товары, в которых она крайне нуждалась, но самостоятельно не производила, могли получать совершенно баснословные монопольные прибыли. Речь здесь идет как о предметах роскоши (малоазиатском серебре, нубийском и индийском золоте, афганском лазурите, ливанском, т. е. финикийском, кедре, финикийских тканях, крашенных пурпуром), так и о предметах необходимости (медь, олово, железо, текстильные изделия - часть последних, впрочем, также относилась к предметам роскоши (Например, так называемый виссон — тончайшая, прозрачная льняная ткань, изготовлявшаяся главным образом в Египте.)). Торговая прибыль имела для известных частей господствующего класса еще и то преимущество, что усиливала имущественное расслоение у них в стране и могла превращаться в ростовщический капитал. Вместе с тем при все возрастающей степени разделения труда между ремесленниками и сельскими хозяевами, а также между сельскими хозяевами, специализирующимися на разных культурах, эти хозяева все же слабо вовлекались в товарное производство (т. е. в производство на продажу) из-за отсутствия денежных средств; но ведь не всегда было возможно вести только прямой, непосредственный обмен: сандалии на рыбу, рыбу па финики и т. п. А при низкой степени вовлеченности большинства отдельных хозяйств в товарный обмен и при сезонном характере сельскохозяйственного производства без кредита многие хозяйства никак не могли бы приобретать необходимые им и не производимые их хозяйством инструменты, утварь, продукты, а в плохой год — и семена. Кредит же в этих условиях «естественно» превращался в ростовщичество, а ростовщичество разоряло все народное хозяйство в целом.

Помимо того, что частная международная торговля содействовала развитию ростовщичества, а стало быть, в конечном счете упадку экономики, она сама по себе еще не решала вопроса об использовании прибавочного продукта извне для нужд государственной, культовой и тому подобных надстроек. Поэтому государство издревле стремилось прибрать международную торговлю к рукам. Осуществить это можно было разными способами. Во-первых, делались попытки вести торговлю через государственный аппарат; тат; поступали государства первого и, вероятно, второго путей развития (в частности, нижнеееопотамские государства) в III и нередко во II тысячелетиях до н. э. Подобно тому, как государство стремилось внутри страны — или, во всяком случае, внутри государственного сектора — заменить торговый обмен централизованным распределением, так и международный обмен предполагалось превратить в часть той же системы централизованного распределения. Этот способ оказался в конце концов невыгодным: за

пределами страны контроль за торговыми агентами был практически невозможен и дело сводилось к их частной наживе, а контроль внутри страны был неэффективен ввиду крайней бюрократичности аппарата.

Во-вторых, можно было предоставить международную торговлю частным лицам или большесемейным объединениям (как это делали в Ашшуре и в Малой Азии), а роль государства свести к сбору пошлины царями. Это значило, что успех или неуспех международной торговли всецело будет зависеть от благоразумия или жадности царьков, через чьи земли проходили купеческие караваны. По так как кризис в том и состоял, что государства рассматривали получаемый ими прибавочный продукт как недостаточный, то ясно, что рано или поздно побеждала жадность. Когда купцов начинали чересчур грабить, они попросту прекращали торговлю (тем самым приводя экономику торгующих государств к серьезному упадку) или же меняли направление торговых путей — в обход наиболее сильных царств; так, например, вместе с ростом масштаба государственных сухопутных объединений растет значение морской торговли в Средиземноморье.

Наиболее сильные и хорошо вооруженные царства не снисходили до взимания пошлин с торговцев. Они предпочитали захватывать и громить города — центры развитого ремесла и перевалочные пункты торговли с богатыми складами товаров. Царские сокровищницы мгновенно пополнялись, зато на будущее замирали целые отрасли производства, зарастали колючками торговые тропы.

Других способов увеличения массы прибавочного продукта за счет внешних ресурсов придумано не было: либо прямое военное ограбление соседних стран, либо перекачивание из них рабочей силы, либо паразитирование на международной торговле. Разумеется, в мировом масштабе никакого увеличения прибавочного продукта это не давало и прогресса производительных сил так не получалось: в лучшем случае речь шла о перераспределении тех же самых производимых благ.

Создание империй было неосознанной попыткой совместить все эти три способа выкачивания прибавочного продукта с периферии. Однако при их возникновении вступили в действие и некоторые другие экономические процессы, поэтому существование империи оказалось неотделимым от дальнейшего существования древнего общества.

Следует учесть характер регионального разделения труда в древности и соответственно некоторые существенные черты международного обмена. Если с точки зрения древнего господствующего класса речь шла об увеличении прибавочного продукта, то с точки зрения общества в целом речь должна была идти об обеспечении расширенного воспроизводства, без которого никакой прогресс производительных сил невозможен. Расширенное же воспроизводство требует определенного соотношения между

подразделениями общественного производства — первым (производство средств производства) и вторым (производство предметов потребления). Все области, охваченные древними цивилизациями, и смежные с ними можно рассматривать с точки зрения их роли в общественном разделении труда и принадлежности к первому или второму подразделению. Именно основные земледельческие страны (они же чаще всего производители текстиля) с точки зрения общественного разделения труда принадлежали ко второму подразделению (предметов потребления), в то время как области, производящие сырье, особенно рудное, а также скотоводческие районы принадлежали к первому подразделению (средства производства). На первый взгляд кажется странным, что скотоводческие районы мы считаем районами производства средств производства, а не предметов потребления; и действительно, с точки зрения самих скотоводов, скот есть прежде всего средство пропитания. Но нужно подходить к этому вопросу не с точки зрения скотоводов, а с точки зрения хозяйства всего древнего общества в целом, общества в основном земледельческого. И тогда оказывается, что поставки в земледельческие области мяса и других предметов потребления, изготовленных из животной продукции, не являются жизненно необходимыми для расширенного воспроизводства, не говоря уже о том, что в оседлых странах древнего мира животные продукты никогда не относились к необходимым средствам существования. Во всех неочевидных центрах этого времени основное питание трудящегося населения — как рабов, так и нерабов — составляли зерновые продукты — хлеб и пиво с небольшим добавлением растительного масла, лука и чеснока. Потребности этой части населения в шерсти, а также льне и хлопке (например, в Индии) вполне могли удовлетворяться за счет внутренних ресурсов каждой страны.

Скотоводческие же районы снабжали древнее общество в целом в основном тягловым и вьючным скотом и ремесленным сырьем — кожами, т. е. действительно продукцией первого подразделения (средства производства).

В горных областях условия для развития сельского хозяйства были хуже, чем в областях цивилизаций речных долин. Но их специализация в области рудной промышленности имела, между прочим, то преимущество, что в ней расширенное воспроизводство (в противоположность скотоводству и земледелию) не зависит ни от необходимости периодических дополнительных капиталовложений (например, в посевное зерно), ни от доступности или недоступности тяглого скота и пастбищ или фуража для него. В то время как любое сельскохозяйственное производство сопровождается сезонными перерывами в производственном цикле, а неблагоприятные климатические условия могут даже вовсе прервать или значительно нарушить ряд циклов, в горной промышленности сезонность не играет никакой роли, и единственные необходимые затраты заключаются в

периодической смене рабочей силы и самых примитивных орудий труда.

Для правильного функционирования общественного расширенного воспроизводства в масштабе целых регионов древних цивилизаций области первого и области второго подразделения должны быть надежно объединены. В наше время естественно было бы искать объединения в налаженном международном обмене. Но на рубеже II и I тысячелетий до н. э. этому мешали непреодолимые препятствия. Источники сырья в горных районах перестали к этому времени быть легкодоступными по той причине, что вся территория между ними и основными потребляющими районами (такими, как Египет и Нижняя Месопотамия) была освоена достаточно могущественными государственными образованиями, а это, как мы указывали, служило существенным препятствием для нормального развития международной торговли. В то же время развитие районов производства минерального сырья и леса и отчасти скотоводства (например, горного коневодства) привело к тому, что они не представляли более такого контраста по сравнению с Египтом и Месопотамией, как это было раньше, и вполне могли обеспечивать самих себя большей частью пищевой и текстильной продукции; по-видимому, сырье, ранее задешево вывозившееся, могло теперь перерабатываться на месте собственной ремесленной промышленностью. Такое положение подрывало основы производства в высокоразвитых странах второго подразделения, и, действительно, мы наблюдаем глубокий экономический и культурный упадок в Египте и Нижней Месопотамии XII—X вв. до н. э.

Выходом из положения могло быть не просто объединение трех способов ограбления соседей {путем простого разорения, путем захвата рабочей силы и путем захвата торговых центров и контроля над торговлей}, но обязательное насильственное объединение в надлежащем соотношении областей первого и второго подразделений общественного производства (средств производства и предметов потребления). Империи, которые, начиная с Новоассирийской (IX—VII вв. до н. э.), сменяют одна другую на территории древнего мира, должны были решать именно эту задачу.

Древние «мировые» державы.

Империи, или так называемые мировые державы, принципиально отличались от крупных государственных объединений, размеры которых определялись лишь экономико-политическими нуждами унификации речного бассейна (Египет, Нижняя Месопотамия) или которые представляли собой конгломерат автономных политических единиц (азиатские владения Египта времени Нового царства, Хеттская, Митанпийская, Среднеассирийская, возможно, Ахейская держава). Разница заключалась, во-первых, в том, что протяженность имперской территории была гораздо большей и не ограничивалась какой-либо одной, хотя бы и крупной, областью, части которой

естественно тяготели друг к другу в силу тесных экономических, географических или племенных связей.

Напротив, империи обязательно объединяли территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по своим географическим условиям, по этническому составу населения и культурным традициям.

Эти неоднородные территории объединялись насильственно с целью обеспечить для более развитых стран второго подразделения принудительный обмен со странами первого подразделения, которые в этом обмене либо вовсе не нуждались, либо нуждались в нем не в такой мере и, уж во всяком случае, не в таких формах. Во-вторых, разница заключалась в том, что прежние крупные государственные объединения хотя и стремились сажать в подчиненных областях своих ставленников, царских родичей и т. п., но в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран; напротив, империи подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции), все государство в целом управлялось из единого центра, а автономные единицы если и сохранялись в пределах империи, то имели совершенно второстепенное значение; империя стремилась низвести их па уровень своих обычных территориальных административных подразделений. При этом нередко граждане государства-завоевателя имели больше прав и экономических возможностей, чем подданные империи в завоеванных областях.

Само собой разумеется, что попытки завоевать соседние страны, расширить свои владения, увеличить число рабочей силы в стране, извлечь выгоду из международной торговли тат; или иначе делали все государства интересующего нас периода. Однако не всякое государство могло создать империю. Поскольку создание империй было прежде всего в интересах высокоразвитых сельскохозяйственных цивилизаций (второго подразделения), можно было бы думать, что именно они и окажутся создателями империй. Но это не так. Создателями империй каждый раз оказывались государства, обладавшие наилучшими армиями (скорее с точки зрения их вооружения и обучения, чем численности, потому что первые успехи всегда давали необходимое новое пополнение в армию победителей); немаловажным было и стратегическое положение государства и его армии. Так, Ассирия, создавшая первую «мировую» империю, была чрезвычайно выгодно расположена в стратегическом отношении: многие наиболее важные транспортные пути Передней Азии (по Евфрату, по Тигру, поперек Верхней Мессопотамии, через перевалы в сторону Иранского и Армянского нагорий) проходили либо прямо через Ассирию, либо настолько близко, что при прочих равных условиях их легче было захватить Ассирии, чем любому другому государству, равному ей по численности населения и размерам первоначальной территории.

Империя как огромная машина для ограбления множества соседних народов не могла быть устойчивым образованием, ибо, что бы ни думали на эту тему цари и их идеологи, дело, как мы уже видели, было не в том, чтобы увеличить массу прибавочного продукта в завоевываемом государстве за счет перераспределения его между бывшим господствующим классом завоеванных стран и господствующим классом завоевываемой страны: это не обеспечивало расширенного воспроизводства и развития производительных сил. Но мере роста государственного механизма и потребностей господствующего класса завоевываемого государства увеличивались общие потери, которые завоеватели наносили древнему обществу в целом. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между охваченными его областями; торговые пути вскоре же переносились за пределы империи (так, центром средиземноморской торговли вместо прибрежных Библа и Сидона стал сначала островной Тир, а затем греческие города и Карфаген, отрезанные громадным морским пространством от пределов восточных империй).

Чем больше вырастала империя, тем менее она оказывалась стабильной, по вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая. Это объясняется тем, что принудительная организация обмена между областями первого и второго подразделений общественного производства оставалась для древнего общества жизненной необходимостью до самого конца его существования. Относительно скоро выяснилось, что для империи — помимо армии и общеимперской администрации, способных организовать принудительный обмен в пределах огромного государства, но игравших в смысле развития производства если не совершенно негативную, то по крайней мере двусмысленную роль, — необходим был ещё иной механизм. Этот механизм должен был обеспечивать реальное функционирование расширенного рабовладельческого воспроизводства и при этом быть гарантированным от произвольного царского вмешательства. Механизм этот вырабатывался весьма постепенно, встречая на первых порах решительное противодействие со стороны царской армии и администрации, которые видели в его возникновении подрыв монопольного единства империи; тем не менее он возникал и развивался, при этом во вполне определенном направлении во всех империях древнего мира. Этим механизмом явилась система внутренне независимых, самоуправляющихся городов. Если земельная территория за пределами городов в результате имперских завоеваний вся целиком вошла, как правило, в состав государственного сектора, а ее население постепенно низводилось до уровня класса подневольных людей рабского типа, то самоуправляющиеся города, существование которых, как выяснилось, было жизненно необходимо для самих империй, представляли теперь общинно-частный сектор, получивший, в странах всех путей развития древнего общества большее экономическое и политическое значение, чем когда-либо раньше. Эти

города тем более расцветали, что в обширных пределах империи, как правило, ничто не мешало торговому обмену между областями обоих подразделений общественного производства.

Правители империй проводили целенаправленную политику создания городов не просто как торгово-ремесленных или военных центров, но и как коллективов граждан, обладавших известным, самоуправлением, хотя и под контролем центральной власти.

Только граждане таких городов были полноправными свободными людьми в рамках данного государства. Союз царской власти и городов был в целом выгоден обеим сторонам, во всяком случае до тех пор, пока это самоуправление обеспечивало реальные привилегии гражданам, и в частности возможность присваивать долю прибавочного продукта, производимого сельскими жителями.

Параллельно с увеличением числа самоуправляющихся коллективов в мировых державах шёл процесс роста центрального аппарата управления. Существование такого аппарата было необходимо, однако чрезмерное его усиление, увеличение числа чиновников могло привести и приводило (например, в Китае в конце империи Цинь. в Египте во II — I вв. до н. э.) к тому, что он превращался в самодовлеющую силу, поглощал основной прибавочный продукт, производимый трудящимися, что, в свою очередь, приводило к хозяйственному упадку и обострению социальной борьбы.

Таким образом, в самой структуре управления мировых держав были заключены противоречивые тенденции, что также порождало их неустойчивость (наиболее устойчивой мировой державой оказалась Римская империя, которой удавалось на протяжении ряда веков успешно сочетать ограниченное местное самоуправление с централизованным бюрократическим аппаратом).

Пути развития Древнего общества. Полис и возникновение античного пути развития.

Описанный процесс постепенно охватил все классовые цивилизации древнего мира независимо от пути развития; в нем сыграли свою роль и общества первого пути (сосуществование двух секторов при преобладании государственного — Вавилония и Элам), и общества второго пути (полное преобладание государственного сектора — Египет); аналогичный процесс — правда, несколько позже, уже за пределами рассматриваемого сейчас периода, — происходил и в Индии и в Китае, обществах, классификация которых по их характерным путям развития еще не произведена, а также в странах третьего пути развития. Разница между отдельными путями развития в этот момент в значительной мере теряет свою резкость, так как особые государственные хозяйства, как таковые, почти повсюду прекратили свое существование, и типичными везде оказываются сравнительно

небольшие частные, в том числе частные рабовладельческие, хозяйства, как на государственной, так и на общинно-частной земле. Различие между секторами сказывается лишь в том, что государство гораздо легче могло вмешиваться в экономическую деятельность хозяйственных единиц, расположенных на царской земле, вплоть до полного их подчинения и низведения владельцев земли до уровня лиц, лишенных всякой собственности на средства производства и эксплуатируемых внеэкономическим путем, т. е. государство могло обратить их из представителей среднего в представителей низшего, эксплуатируемого класса. И это несмотря даже на то обстоятельство, что сельские хозяйства и на государственной земле с исчезновением собственно государственных хозяйств непременно рано или поздно организуются в общины, потому что сельское хозяйство не может в древности существовать без той или иной формы кооперации.

Но сами эти общины, возникающие на государственной земле, становятся средством эксплуатации царских людей.

Однако если в описанный выше процесс вовлекаются общества всех трех (или более) путей развития древнего общества, то центральную роль обычно играют общества третьего пути развития, т. е. те, где издревле установилось некоторое равновесие между государственным и общинно-частным секторами. Это, по всей вероятности, объясняется тем, что в таких обществах был большой контингент полноправных граждан-общинников, которые по понятным причинам всегда давали самых лучших солдат.

Существенные различия между первоначальными тремя путями развития на втором этапе истории древнего общества в пределах империй в значительной мере стираются еще и по следующим причинам. Сам ход имперских завоеваний, при которых неизбежно уничтожаются местные, традиционные органы управления, как государственные, так и общинные, и заменяются единообразной имперской администрацией, приводит к тому, что большинство земель в пределах империи переходит в собственность государства. Люди же, сидевшие на этих землях, независимо от того, были ли они общинниками или царскими людьми, становятся людьми государственными и подневольными. Тем не менее в той или иной форме, в той или иной степени повсюду сохраняются очаги самоуправляющихся общинных организаций — в виде городов, храмов, автономных племен и т. п. Таким образом, все общества в пределах империй становятся похожими на ранние общества первого пути (например, нижнемесопотамские), с тем отличием, что ранее город был центром государственного сектора, а в деревне сохранялся и общинно-частный сектор, а теперь, напротив, общинно-частный сектор чаще всего существует в городах, а в деревне почти безраздельно господствует государственный сектор. Сами формы государственности — монархии во главе с обожествляемым деспотом — нередко ведут свое происхождение из Вавилонии, из Египта и т. п.

Из этого процесса создания империй (который нельзя назвать специфически «восточным», потому что в нем в конце концов принял участие и европейский Запад) на некоторое время выпадает один регион древнего мира, а именно побережья Средиземного моря, и прежде всего греческие города, как на европейском материке, так и на берегах Малой Азии и на островах. Здесь — и притом впервые только на втором этапе развития древнего общества — возникает особый, античный путь развития. Общества, пошедшие по этому пути, на ранней стадии древнего общества принадлежали первоначально к числу обществ третьего пути развития, при котором общинно-частный сектор сосуществовал с государственным.

Однако в результате ряда исторических событий и явлений, о которых мы уже знаем (см. «Ранняя древность», лекции 15, 16), здесь, при падении микенской цивилизации и в ходе последующих разрушительных войн и миграций, в большинстве случаев был в некоторых более отсталых государствах, например в Спарте, наоборот, образовался, как в Египте, только государственный сектор — правда, без государственного хозяйства и с частным пользованием государственными илотами, но это, как мы видели, характерно и для Египта начиная со Среднего царства и отчасти для Хеттской и других переднеазиатских держав II тысячелетия до н. э.). Произошло нечто сходное с тем, что было в Нижней Месопотамии при падении III династии Ура или в долине Инда при гибели протоиндской цивилизации. Что касается долины Инда, то мы не знаем в точности, что там случилось; когда на нее вновь падает свет истории во второй половине I тысячелетия до н. э., она уже подверглась воздействию совсем особой и шедшей своей собственной дорогой ведической цивилизации долины Ганга. Что же касается Нижней Месопотамии, то и там, как и в Греции, гибель государственных хозяйств привела к бурному развитию частного сектора и частного рабовладения; по в условиях, где речная ирригация делала возможной и необходимой централизацию в масштабе всего бассейна нижнего Евфрата, государственный сектор и связанная с ним деспотическая царская власть в конце концов при Рим-Сине и Хаммурапи вновь возобладали.

В Греции обстоятельства сложились по-иному. Здесь новые государства стали возникать именно как города-государства, и только.

Государственному хозяйству тут было возрождаться незачем: в эпоху развитого бронзового и железного века оно не могло иметь никакой общественно полезной функции, и этим греческий город-государство отличался от нового государства Передней Азии (См. о функциях государственного хозяйства на заре цивилизации «Ранняя древность», лекция 1.). Новые города-государства складывались практически в рамках только общинно-частного сектора, и ими вполне успешно управляли общинные органы самоуправления — народное собрание, совет и некоторые выборные должностные лица. Нельзя сказать, чтобы государственного сектора совсем не существовало — в него входили рудники, неразделенные пастбища и запасный

земельный фонд, но не было никаких причин, препятствовавших управлять этими имуществами посредством тех же органов городского общинного самоуправления. Такие города-государства обозначаются греческим словом «полис». Здесь возник особый тип древней собственности — полисная собственность; суть ее заключалась в том, что осуществлять право собственности на землю могли только полноправные члены города-общины; помимо права на свою частную землю, рабов и другие средства производства граждане полиса имели также право участвовать в самоуправлении и во всех доходах полиса. В социально-психологическом плане чрезвычайно важно, что ни в одной прежней общине других типов чувство солидарности ее членов не было так сильно, как в полисе; полиспая солидарность была одновременно и правом и обязанностью граждан, вплоть до того, что они в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся до нас исторические известия), ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных; повинность зажиточных граждан в пользу полиса (литургия) выступала как почетная обязанность, которую знатные и богатые люди могли принимать на свой счет. В то же время нуждающиеся члены полиса имели право рассчитывать на помощь со стороны коллектива своих сограждан. В «восточных» общинах (или общинах ранней древности) обедневшие их члены могли рассчитывать на некоторую, чаще всего небескорыстную помощь своих однообщинников; если они разорялись вовсе, то шли в долговое рабство, в бродячие шайки изгоев-хапиру, а чаще всего в «царские» люди, так как царское хозяйство при своей обширности способно было поглотить почти неограниченное число рабочей силы. В полисах же беднота — так называемый античный пролетариат, или люмпен-пролетариат, — могла жить за счет полиса.

Мощь полисной солидарности и взаимопомощи была столь велика, что греческим полисам в отличие от царя Хаммурапи удалось сломить ростовщический капитал и полностью уничтожить долговое рабство. Ясно, что побороть ростовщичество и принять на себя прокормление бедноты могли лишь достаточно богатые города-государства; кроме богатства они должны были обладать достаточной степенью товарности производства, чтобы не было массовой необходимости в ростовщическом кредите. Попробуем пояснить, что это значит. Напомним, что в эпоху ранней древности в результате разделения труда между земледельцами и скотоводами, между земледельцами и ремесленниками, наконец, между земледельцами, возделывавшими разные культуры, возникла потребность во внутриобщинном обмене; к тому же рост имущественного расслоения вел к тому, что у индивидуального земледельца могло не хватить зерна до посева. При натуральном характере обмена и сезонном характере производства значительная часть таких обменных сделок совершалась в кредит, а кредит давался под условием роста, т. е. уплаты должником процента сверх запятой суммы. На этой почве и развивалось восточное ростовщичество II тысячелетия до н. э., которое разрушало общественную экономику и тормозило ее развитие. Возможность

избежать ростовщического кредита при внутриобщинном обмене появлялась лишь там, где производство работало на рынок и, стало быть, производитель мог в любое время иметь наличные деньги — не обязательно в монетной форме: деньгами мог служить весовой металл (серебро, медь и др.), хлеб, скот и различные другие товары.

Таким образом, предпосылкой прекращения ростовщической практики (Речь идет, конечно, о кредите в сельском хозяйстве и свободном ремесле; в торговле кредит, разумеется, сохранялся и принимал довольно развитые и сложные формы.) было наличие товарного рынка (Надо сказать, впрочем, что и в странах Ближнего Востока I тысячелетия до н. э. ростовщичество, хотя и не совсем исчезло, однако играло весьма ограниченную роль по сравнению с прежним временем. Это и там отчасти объяснялось ростом товарности: производства, особенно в городах; отчасти же, возможно, и защитой царских людей от долговой кабалы, осуществлявшейся государственной властью в своих интересах; администрация при надобности могла совершать различные выдачи им в расчете на получение значительной части продукта их труда. Вопрос этот пока недостаточно исследован.). И действительно, греческие города-государства в отличие от государств ранней древности уже располагали обширным международным рынком как для своих собственных, так и для транзитных товаров. Такими рынками были империи и царства Малой и Передней Азии и Северной Африки, а также так называемая варварская периферия, т. е. племена, окружавшие Средиземное и Черное моря. Уже достигнув железного века, они в силу начавшегося мощного роста производительных сил стояли на пороге классового общества и производили избыток продукта для международного обмена.

То обстоятельство, что хозяйства полисных граждан носили в значительной мере товарный характер (работали на рынок), обуславливало их специфичность. В эпоху ранней древности, как мы знаем, общинники были вынуждены держаться большесемейными объединениями, так что отчленившаяся индивидуальная семья либо погибала, либо снопа вырастала в большесемейную организацию.

В полисе индивидуальное хозяйство, работая на рынок, могли быть вполне жизнеспособным, а если же все-таки разорялось, то могло рассчитывать на государственную поддержку (государство в условиях полиса непосредственно совпадало с территориальной общиной или слитным комплексом таких общин). Это положение имело огромные социально-психологические последствия, оказавшие влияние на более чем сотню поколений. Коллективизм полиса, его гражданская солидарность, как оказалось, превосходно уживались с индивидуализмом, с высокой ценностью личности. Именно это сочетание позволило на той неразвитой базе, какую лишь недавно являло собой мировоззрение и мироощущение греков на раннем этапе классового общества, т. е. на базе мифологического мировоззрения, за исторически короткий срок выработать критическую философскую

и научную мысль, авторское искусство и литературу, философскую этику и технику строго логического мышления. В конце рассматриваемого периода стоит удивительная фигура Аристотеля, одного из величайших мыслителей всех времен; даже средневековое превращение некоторых его гипотез в догму не могло уничтожить его огромного влияния на всю пауку человечества вплоть до сего дня, тт прежде всего на научную логику. Все это сосуществовало с весьма архаичными общинными культурами и религиозной мифологией.

В условиях полиса вырабатывались и совершенно своеобразные государственные формы. И в ранней древности известны были кое-где республиканские формы управления, в которых главы государств (или группы лиц, игравшие эту роль) были подотчетны коллективным органам управления и могли быть ими назначены или низложены. По там — отчасти под влиянием объективных условий, отчасти под прямым идеологическим воздействием, шедшим из экономически передовых стран, имевших тогда деспотическую форму государственного устройства,— республики редко выживали достаточно долго, чтобы оказать существенное воздействие на историю человечества. Напротив, в мире полисов — в древних обществах античного пути развития — республиканские формы государственного управления были явлением типичным. Различие полисных «конституций» заключалось лишь в том, все ли граждане полиса допускались к той или иной степени участия в государственном управлении, или же право участия в нем было ограничено.

Вначале в новообразующихся полисах задавали тон главы наиболее почитаемых, знатных родов — аристократия; но вскоре после падения господства ростовщичества ведущая роль переходит к народному собранию, где были представлены все граждане полиса; нередко такого характера демократии временно выдвигали единоличных, неограниченных правителей, как правило, из рядов того или иного знатного рода, к которому почему-нибудь народ благоволил. Но чаще всего подлинно активное участие в политических делах было в республике ограничено имущественным цензом, что естественно для общества, в котором, деньги начали играть столь большую роль.

Подобно тому как в странах, лежащих к востоку от Греции, государственное устройство экономически передовых стран (деспотия) перенималось остальными, так и в Б регионе Средиземноморья республиканские формы государственного управления перенимались и там, где не было тон предыстории, которая обусловила создание ведущих греческих полисов. Они распространились даже на государства с совсем иным политико-экономическим, строем, например на Спарту («Цари» в Спарте были подотчетны другим государственным органам; следовательно, ее государственный строй не был монархическим.), экономически значительно более напоминавшую Египет, чем соседний Коринф или Афины.

Как ни важен был полис для всего дальнейшего развития человечества, однако в описанном нами виде он просуществовал недолго: возможности развития в замкнутых пределах городов-государств были ограничены, как и возможности частного международного обмена, и к тому же в случае самостоятельных полисов их самостоятельно хозяйствующие граждане по могли быть достаточно защищены теми незначительными военными силами, какими располагало полисное государство. Так же как в империях дальнейшее развитие оказалось невозможным без совмещения их с системой зависимых, но самоуправляющихся городов, способных обеспечить расширенное воспроизводство, так и самоуправляющиеся, но независимые полисы не могли далее развиваться без помощи такой империи, которая, охватив их, создавала бы для них надежность международного торгового обмена.

Рабство и свобода. Рабы и царские люди.

Античный полис создавался в начале железного века. Вооружение античного воина было несравненно более мощным, чем, скажем, воина шумерского или же египетского времени Древнего либо даже Нового царства. Море, окружавшее греческие острова и полуострова, делало бегство с них если не вовсе невозможным, то очень затруднительным. Государственных обширных хозяйств, где наблюдать за рабом нелегко, здесь не существовало. Поэтому и подневольные люди рабского типа, не являвшиеся собственно рабами, встречались здесь редко и только в самых отсталых общинах. Например, в Спарте илоты были собственностью государства, хотя распределялись между отдельными спартиатами для их обслуживания и прокормления, как это делалось и в Египте Среднего и Нового царства; но Спарта долгое время преднамеренно отстранялась от участия в товарном обмене. В большинстве же полисов частные хозяева вполне могли иметь значительное количество собственно рабов. Ничто здесь в принципе не мешало созданию частного и в то же время крупного рабовладельческого хозяйства. Рабы в нем были уже не патриархальными рабами, а рабами классическими: они не всегда участвовали вместе с хозяевами в едином производственном процессе и не входили с ними в одну семью. Для хозяев они были предметами, живыми орудиями труда, и хозяева имели право ими пользоваться и распоряжаться или даже их уничтожить, т. е. поступать с ними так же, как со скотом, утварью или орудиями производства. Именно в античном обществе раб был наиболее рабом, а свободный — наиболее свободным. В ранней древности (например, у хеттов) иногда встречалось понятие «свободный от чего-нибудь» (например, от повинности), «освобожденный от чего-нибудь» (например, от долгового рабства), но не было общего понятия «свободы»; рабу в собственном смысле фактически противостояла длинная лестница подневольных рабского типа, царских людей, общинников, вельмож и т. д.; существовали отношения господства и подчиненности: состоявшие в этих отношениях в любом случае

называли друг друга «господином» и «рабом»; с нашей точки зрения, это мог быть государь и подданный, или царь и придворный служащий, или владелец и его раб — терминология оставалась той же самой; существовало, далее, почти повсюду (кроме Египта) противопоставление «сына общины» и «царского раба» (или «царского человека»); все эти социально-психологические противопоставления маскировали действительное классовое деление общества, о котором говорилось в вводной лекции первого тома.

Лишь в греческих полисах появляется понятие «свободы» (элеутерия) как состояния отсутствия господства кого бы то ни было над данным человеком — понятие, завещанное греческим полисом всему человечеству. Всякое наличие над человеком господства было дулосюнэ — рабством. Греческий полисный «свободный» — прямой преемник «сына общины» ранней древности; но тот еще не чувствовал, что над ним нет никакого господства, и не называл себя свободным. Гражданин полиса не только чувствовал себя свободным, но и считал всякого, кто имеет над собой какое бы то ни было господство, рабом — дулос. Поэтому вне греческого мира, в восточных империях, с его точки зрения, царило поголовное рабство, а попасть под царскую власть было для «свободного» равносильно обращению и рабство. Всякий, кто живет под царской властью, — раб по своей природе; всякий варвар (т.е. по-гречески попросту чужеземец) — раб по своей природе, говорит даже Аристотель, и с точки зрения полисного определения свободы он прав. Разумеется, и в греческих полисах не всякий был свободен: сама свобода граждан полиса была основана на эксплуатации рабов, но ведь при отсутствии долговой кабалы единственным источником рабства была покупка или вооруженный захват человека за рубежом, а чужеземец для полисного гражданина именно и был «рабом по природе», так что не о чем было беспокоиться.

Существовали, конечно, в греческих полисах и лица, не являвшиеся ни гражданами данного полиса, ни рабами. Это были приезжие и случайные переселенцы, главным образом из других греческих же полисов. Как бы долго они ни прожили в этом полнее (иногда многие поколения), они не приобретали в нем гражданских прав и нрава собственности на землю. Но поскольку они в принципе были гражданами какого-то полиса, то не были «рабами по природе». Если же попадался приезжий, происходивший из «варварской», чужеземной страны, то он, чтобы не оказаться лишенным всех прав и обращенным в рабство, должен был быть ксеном, т. е. «гостем» какого-нибудь гражданина («гостями») могли быть между собой граждане разных полисов).

И в восточных империях (пока только восточных — империи на Западе возникнут в конце второго периода) число рабов в это время значительно умножилось и место патриархальных заняли «классические» рабы. Однако здесь состав эксплуатируемого класса был не столь однородно-рабским, как в греческих полисах. В

результате завоеваний царский земельный фонд стал необъятным, и даже при новых, более эффективных средствах насилия не было никакого смысла выделять большую часть армии на то, чтобы держать все население в собственно рабском состоянии.

Оно оставалось «царскими людьми», т. е. подневольными людьми рабского типа, и не более того. (С точки зрения свободных греков, это, конечно, все равно было рабство.) Существование огромного множества царских людей не могло не влиять и на характер отношений между рабовладельцами и «собственно» рабами: ясно, что земледельческое хозяйство, обрабатываемое классическими рабами, в данных условиях было бы менее производительным, чем обрабатываемое царскими людьми, например на земле, арендованной у государства частным хозяином: в большом хозяйстве царские люди требовали меньшего надзора и работали с большей охотой. При этом, если в ранней древности царского или храмового работника в отличие от раба нужно было снабжать пайком (или наделом) на него самого и на его семью, то теперь об этом никто не заботился: крестьянин имел то, что имел, платил собственнику земли и средств производства — царю и работал на своего непосредственного хозяина, а сколько сверх того оставалось на него с семьей — это уж была его собственная забота.

Рабы здесь находили поэтому иное применение, чем в античном мире того же времени: основная фигура здесь — раб на оброке, занимающийся ремеслом, мелкой, а иногда и не мелкой торговлей, арендующий: землю и т. п.; чем больше он зарабатывает, тем выгоднее хозяину: весь пекулий (имущество) раба — собственность рабовладельца; чем больше пекулий, тем больше доход рабовладельца; чем больше доход с раба, тем дороже можно продать самого раба (к концу второго периода эксплуатация оброчных рабов распространилась и в странах античного пути разлития (о причинах этого будет сказано подробнее в соответствующей лекции).). Поэтому товарное производство, каким сейчас становится городское ремесло, — а отчасти и сельское хозяйство на территориях, принадлежащих городам, — это рабское производство в полном смысле этого слова.

Если для античного полиса характерна идеализация свободы, то для восточной империи характерна идеализация своего господина: обожествление государя, начало которому было положено в Египте, в Шумере и Аккаде, пронизывает теперь всю идеологию: традиционные мифологические персонажи общинных культов сводятся в сложный пантеон, до этого пантеон — не более как проекция земной деспотии на небо; в искусстве единственным героем остается царь. Так люди обожествляют собственное унижение, и лишь кое-где — в предгорьях Гималаев, на границе между оседлыми землями Ирана и полупустынями Средней Азии, в Палестине — идет борьба за внесение этики в общепринятую идеологию. При всем отличии между «Востоком» и «Западом», отличии, которое возникает только теперь, только на втором этапе древности, нельзя забывать

основополагающих фактов: во-первых, что и восточные и западные общества этого времени были одинаково построены на принципе существования рабства и, во-вторых, что античный путь развития со всем его своеобразием по сравнению с остальным миром и важностью для истории человечества — это лишь одно из позднейших ответвлений от тех путей развития раннеклассового общества в целом, которые сложились уже на первом, раннем этапе древности.

Литература:

Дьяконов И.М., Якобсон Б.Л., Янковская Н. Б. Общие черты второго периода Древней истории./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.5-20

Лекция 2: Новоассирийская держава

Политическая история.

Ряд событий, происшедших в Передней Азии в конце II тысячелетия до н. э., привел к гибели или ослаблению почти всех «великих держав».

Теперь Ассирия не имела серьезных соперников и могла приступить к осуществлению своих великодержавных притязаний. Но к это время из степей Аравии двинулись новые западносомитские кочевые племена — арамеи. Это было медленное и неуклонное просачивание больших и малых племен, групп отдельных семей, и остановить это движение было практически невозможно. Кочевники далеко не всегда прибегали к силе, а брать укрепленные города они вообще не умели. Но города рано или поздно обнаруживали, что находятся в арамейском окружении. Арамейские наемники (подобно амореям в начале II тысячелетия до н. э.) служили теперь в войсках местных правителей. Постепенно, как ранее амореи, арамейские вожди прибирали к рукам власть в десятках мелких государств Сирии и Верхней Месопотамии. Арамеи переняли местную культуру и в большинстве своем перешли к оседлому образу жизни; их язык вытеснил все местные.

Лишь кое-где сохранились, как островки, позднешеттские (лувийские) и позднешурритские царства. Коренная Ассирия избежала этой участи лишь потому, что в Месопотамии основное движение арамеев шло вдоль Евфрата, а до Тигра и за Тигр они добрались там, где Тигр и Евфрат сближаются, т. е. ниже коренной Ассирии. Но Ассирия потеряла почти все свои владения к западу от Тигра и была отрезана от важнейших источников сырья. Вместе с тем она сохранила и ряд существенных преимуществ, которые должны были сказаться при первом же удобном случае. Так, Ассирия оставалась основным узлом торговых путей, идущих по Тигру и от Тигра на восток, север и запад. Поддержание и расширение контроля над торговыми путями сулило громадные выгоды и было традиционной политикой Ассирии. Этому способствовало и ее выгодное стратегическое положение. К

востоку и северу от Ассирии в начале I тысячелетия до н. э. обитали разрозненные горные племена, способные самое большее на разбойничий набег, чему нетрудно было воспрепятствовать сравнительно небольшими силами. Противники же Ассирии на западе погрязли в междоусобицах, а ее южный сосед — Вавилония сама тяжело пострадала от нашествия халдеев. Наконец. Ассирия сохранила свою превосходную военную организацию, которую в дальнейшем сумела еще усовершенствовать.

Когда Ассирия вновь получила возможность перейти в наступление, перед ней открывались два пути: либо организация «принудительного обмена», т. е. просто грабеж (за применение этого «метода» стояла военно-бюрократическая знать), либо налаживание «правильной» эксплуатации покоренных земель, поддержание «имперского мира», способствующего нормальным экономическим связям (таково было желание верхушки горожан и жречества). С течением времени образовались две соответствующие «партии», а цари либо принимали сторону одной из них, либо пытались лавировать между ними.

Но пока в течение почти всего X века Ассирии пришлось уделять основное внимание обороне, лишь изредка позволяя себе небольшие рейды в горы, на северо-восток и восток. Внутри же страны происходит процесс укрепления царской власти. Эпонимылимму теперь назначаются не по жребию, а в иерархическом порядке, начиная с самого царя во второй год его правления. Политическое же значение должности эпонима было сведено к нулю. Окончательно устанавливается царская титулатура: «царь великий, царь могучий, царь множеств, царь Ассирии» (в дальнейшем еще и «царь четырех стран света»). Для укрепления своей независимости от городского совета Ашшура цари переносят свою резиденцию в другие города. Ашшур остается лишь культовым центром и местом погребения умерших царей.

Первое серьезное наступление на запад Ассирия предприняла в царствование Адад-нерари II (912—891 гг. до н. э.). В результате нескольких походов и длительных осад городов вся область р. Хабур и со притоков перешла под контроль Ассирии. Открылся путь для дальнейшего продвижения к переправам через Евфрат, т. е. в Сирию. Еще до этого Адад-нерари, придравшись к какому-то пустяку, обвинил вавилонского царя в нарушении мира и двинул свои войска на юг. Вавилония потерпела поражение, в результате которого к Ассирии была присоединена область Аррапхи, а южная граница Ассирии почти достигла Дур-Куригальзу и Сиппара.

По, пожалуй, самым главным достижением Ассирии было восстановление ее престижа и боевого духа. Хотя не все походы Адад-нерари II и его преемников были одинаково успешными. Ассирия в течение нескольких последующих десятилетий практически не знала поражений. Стратегическая цель, которую поставили перед собой на будущее цари этой династии, заключалась в том, чтобы, держа в

страхе горцев на севере и востоке при помощи периодических вторжений и не допуская ответных рейдов, неуклонно продвигаться па юг и на запад, дабы взять под свой контроль основные источники сырья, центры производства и торговые пути от Персидского залива до Армянского нагорья и от Ирана до Средиземного моря и Малой Азии.

Первым из ассирийских царей, кому после двухсотлетнего перерыва удалось совершить успешный поход к Средиземному морю, был внук Адад-нерари II — Ашшур-нацир-апал II (884—858 гг. до н. э.). Он был выдающимся полководцем и дипломатом, чрезвычайно методичным и абсолютно безжалостным в достижении поставленной цели. В начале своего царствования он совершил несколько успешных походов на север и восток, принеших очень богатую добычу. В Верхней Месопотамии были подавлены антиассирийские мятежи, а граница Ассирии была отодвинута на запад до самого Каркемиша. В 876 г. Ашшур-нацир-апал перешел Евфрат у этого города и двинул свои войска на запад, к Средиземному морю.

Никто, видимо, даже не пытался оказать ему сопротивление. Принимая по дороге дани и дары от местных царьков, ассирийский царь прошел через долину Оропта и Ливан. На берегу Средиземного моря он по древнему обычаю, омыл свое оружие в его водах. Учредив ассирийскую колонию на Оронте, Ашшур-нацир-апал вернулся в Ассирию с огромной добычей и кедрами, нарубленными в горах Ливана и Амана. Он построил себе новую великолепную столицу — г. Кальху, заселил ее пленными и жил здесь оставшиеся годы своего царствования. Стратегия Ашшур-нацир-апала заключалась в нанесении молниеносных ударов и в создании опорных пунктов на присоединенных территориях. В покоренных царствах он сажал или поддерживал в качестве правителей своих сторонников. Любая попытка мятежа или сопротивления подавлялась беспощадно: население истребляли, а территория подвергалась полному опустошению. В этом случае пленных ассирийцы, как правило, не брали. Лишь изредка небольшое число воинов или ремесленников переселяли в Ассирию. Обычай истреблять всех захваченных «с боем» (не только воинов, но также женщин, детей и стариков) был, по-видимому, распространен в древней Передней Азии повсюду. Так поступали все победители.

Сдавшиеся же без боя лишь облагались данью и оставлялись под властью либо прежних правителей (если ассирийцы им доверяли), либо ставленников Ассирии или же передавались непосредственно под власть ассирийских чиновников. Но такая сдача была сравнительно редкой, поэтому большинство завоеванных ассирийцами территорий за несколько дней обращалось в пустыню: население истребляли от мала до велика, города разрушали до основания, сады вырубали, каналы засыпали. При этом ассирийцы применяли самые устрашающие способы умерщвления людей: сожжение живьем, сажание на колья, сооружение пирамид из связанных пленников,

обреченных, таким образом, на медленную смерть. Очевидно, ассирийцы рассчитывали, что внушаемый этими расправами ужас облегчит им дальнейшую экспансию. Что же касается материальных ресурсов побежденных стран, то все они перекачивались в Ассирию, особенно лошади, рогатый скот, металлы, готовые товары, сырье и т. п. Преемники Ашшур-нацир-апала II действовали в том же духе, но все менее успешно.

Политическая ситуация стала изменяться не в пользу Ассирии: вновь присоединенные провинции в значительной части были опустошены. Они не давали более дохода, а лишь требовали новых и новых расходов на их удержание. Менее пострадавшие провинции и области коренной Ассирии тоже сильно обезлюдели из-за военных потерь и эпидемий. Мелкие сирийские государства перед лицом общего врага образовали две довольно мощные коалиции — Северный союз и Южный союз. На месте разрозненных племен Армянского нагорья образовалось сильное государство Урарту. Торговля стала постепенно направляться по новым путям, в обход ассирийских владений и районов возможных военных действий. Из-за экономического упадка значительная часть мелких производителей попадала в долговую кабалу, теряла свои земли. Это ослабляло и военную мощь Ассирии.

Огромная военная добыча расходовалась на новые военные экспедиции или оседала в руках военно-бюрократической верхушки, приобретающей все большее влияние. Наместники провинций обладали чрезмерной властью, они были почти царями, и некоторые из них не прочь были стать царями вполне. Однако все это обнаружилось лишь постепенно. Салманасар III (858—824 гг. до н. э.) смог повторить поход своего отца к Средиземному морю, но теперь ему пришлось иметь дело с двумя сирийскими союзами.

Несколько походов в Сирию были неудачными, несмотря на то что Салманасар собрал огромное войско (до 120 тыс. человек). Лишь в 841 г., воспользовавшись распадом Южносирийского союза, Салманасар добился успеха, хотя взять г. Дамаск, стоявший во главе коалиции, так и не смог. На побережье Финикии Салманасар повелел вытесать на скале свое изображение рядом с изображением Тиглатпаласара I, Однако для поддержания ассирийской власти в Сирии понадобились затем новые походы. Более удачными были походы в Урарту (на Армянском нагорье) и в Киликию (юго-восточная Малая Азия). Вавилонский царь получил от Салманасара поддержку против другого претендента на престол, но за это вынужден был уступить значительные территории и стать фактически вассалом Ассирии. В своих надписях Салманасар подчеркивает уважение, с которым он отнесся к привилегиям священных городов Аккада и их храмам, куда он принес богатые жертвы. Возможно, он уже тогда думал о перспективе нового объединения всей Месопотамии — на сей раз под властью Ассирии. Но Ассирия была истощена непрерывными войнами, и в ней росло недовольство. В последние годы царствования

Салманасара III вспыхнул мятеж, во главе которого стоял сын самого царя (обойденный при назначении его отцом наследника) ; мятеж был поддержан всей коренной Ассирией. Верными царю и назначенному им наследнику Шамши-Ададу V (824—811 гг. до н. э.) остались лишь царская резиденция — Кальху и действующая армия. Ему потребовалось целых два года для подавления мятежа. Ради этого ему пришлось, в свою очередь, признать верховенство вавилонского царя и возвратить захваченные у Вавилонии земли. В дальнейшем ему удалось отомстить Вавилонии за это унижение, но он даже и не пытался вновь двинуться за Евфрат. Сирия, таким образом, была потеряна.

Наследник Шамши-Адада V, Адад-нерари III (811—781 гг. до н. э.), вступил на престол еще малолетним. Регентшей, как предполагают некоторые ученые, была его мать — царица Шаммурамат, Семирамида позднейших легенд. В правление Шаммурамат и Адад-нерари III предпринимались походы на восток и северо-восток против живших у оз. Урмия маппейцев и мидян. Ассирийское войско доходило до «моря, где восходит солнце», т. е. до Каспия.

Территория Ассирии на востоке была расширена до верховьев Малого Заба, Диялы и Керхе. В 805 г., воспользовавшись распрями в Южносирийском союзе, Адад-нерари двинулся в Сирию.

Он собрал дань с сирийских царств, но закрепиться здесь не смог. Но смог он также предпринять сколько-нибудь успешных действий против Урарту. Лишь в Вавилонии Адад-нерари добился успеха. Он заключил с ней договор, на основании которого ассирийский царь стал «покровителем» Вавилонии. Богатые дары были посланы в главные вавилонские святилища, ассирийцы стали всячески подчеркивать культурное и религиозное единство двух народов. Действительно, в Ассирии все больше распространялась вавилонская культура. Обогатившаяся военной добычей верхушка ассирийского общества могла теперь уделить больше внимания искусству, литературе, науке. За всем этим приходилось обращаться к Вавилонии — главной хранительнице общемесопотамских культурных тенденций.

Конец правления Адад-нерари III ознаменовался новыми мятежами и мощным наступлением Урарту на северо-востоке и северо-западе. Государства верхнего Евфрата и Северной Сирии попали теперь под урартское влияние. Царствовавшие один за другим три сына Адад-нерари III сорок лет вели тяжелые войны с Урарту, шаг за шагом теряя свои позиции. Новые мятежи и эпидемии довершили крах политики, начало которой положил еще Адад-нерари II.

Теперь стала ясной необходимость коренных перемен. Предстояло решить сразу множество задач; заселить опустошенные завоеваниями земли; реорганизовать управление провинциями, чтобы пресечь попытки к отделению; удовлетворить экономические запросы различных группировок верхушки ассирийского общества;

реорганизовать и укрепить армию. Все это понял и сумел осуществить новый царь Ассирии — Тиглатпаласар III (745—727 гг. до н. э.), которого привела к власти очередная гражданская война. Именно с его царствования начинаются новые, небывалые доселе в Ассирии порядки. Жители завоеванных территорий теперь массами насильственно переселяются в коронную Ассирию и в другие провинции. Такие депортации совершаются организованно и по плану. Людей переселяют вместе с их семьями, имуществом и даже «вместе с их богами». Угон людей практиковался и раньше, но лишь изредка и в ограниченных масштабах. Теперь же число невольных переселенцев (до гибели Ассирийской державы) измеряется сотнями тысяч. Угоняемых старались селить как можно дальше от их родины и вперемел;ку с другими племенами. Переселенцы быстро ассимилировались и усваивали арамейский язык в качестве общего разгонорного языка. Скоро арамейский язык распространился на территории Ассирийской державы повсеместно и сильно потеснил аккадский, хотя на аккадском языке продолжали писать официальные документы.

Прежние большие области были разделены на множество мелких, во главе их стояли уже не наместники, а «областена начальники», по большей части из евнухов. Поэтому царь мог не опасаться, что создастся новая династия. Чиновники поенной и государственной администрации «по совместительству» могли быть также и областена начальниками. Была реорганизована и армия. Теперь она состояла не из военных колонистов и ополчения, а из постоянного профессионального войска, находившегося (за счет награбленной ранее добычи) на полном содержании у царя. Этот шаг помимо повышения боеспособности армии увеличивал также независимость царя от общин, прежде выставлявших ополчение. Армия была единообразно экипирована и превосходно обучена. Ассирийцы первыми начали широко применять стальное оружие. Они же впервые ввели два новых рода войск — регулярную кавалерию и саперов. Кавалерия, заменившая традиционные отряды колесниц (Колесницы сохранялись лишь как выезд для царя и его ближайших приближенных.), позволяла наносить внезапные стремительные удары, застигая противника врасплох и нередко добиваясь успеха малыми силами, а также преследовать разбитого противника вплоть до его полного уничтожения. Отряды саперов прокладывали дороги и наводили переправы, позволяя ассирийскому войску преодолевать местности, считавшиеся непроходимыми. Они же впервые дали возможность вести правильную осаду крепостей с применением осадного вала, насыпей, стенобитных машин и т. п. либо полной блокады, позволяющей взять город измором.

Наконец, новая ассирийская армия имела превосходно налаженную службу разведки и связи. Это ведомство считалось столь важным, что во главе его обычно стоял наследник престола. Тиглатпаласар III был не только выдающимся администратором, но и блестящим полководцем и реалистичным политиком. Первые два года своего

царствования он посвятил обеспечению безопасности южных и восточных границ. В Вавилонии он прошел до самого Персидского залива, гремя халдейские племена и выселяя в Ассирию множество пленных. Но он не причинил никакого ущерба городам и всячески подчеркивал свою роль их защитника и покровителя. На востоке были разгромлены горные племена Загроса и созданы две новые области. Отсюда также было переселено множество людей. Теперь можно было приступить к борьбе с Урарту за Сирию. Поход начался в 743 г. На верхнем Евфрате ассирийцев встретило урартское войско — и было разбито в ожесточенном сражении. Тиглатпаласар двинулся дальше на запад и после длительной осады взял Арпад, в это время центр Северосирийского союза. Поход был повторен в 738 г. Многие страны Сирии, а также юго-востока Малой Азии (Табал) и арабские племена Сирийской полупустыни были вынуждены изъявить покорность и принести дань. В Сирии были созданы новые провинции, а значительная часть населения угнана в плен. Затем был предпринят далекий поход на восток — в «страну могучих мидян». Ассирийское войско дошло до горы Демавенд и вернулось с огромной добычей и 65 тыс. пленных. В 735 г. ассирийское войско вторглось в пределы Урарту и осадил его столицу Тушпу. Но взять ее с налета не удалось, а вести длительную осаду Тиглатпаласар считал, видимо, излишним. Вместо этого его войско прошло огнем и мечом всю страну, нанеся урартам страшный ущерб.

Последующие годы Тиглатпаласар III вновь провел в Сирии и Палестине, где дошел со своим войском до самой Газы на границе Египта. В 732 г. был взят Дамаск, стоявший во главе почти всех антиассирийских движений. Ассирийская гегемония в Сирии была, таким образом, вновь подтверждена и закреплена. Тем временем Вавилония из-за ряда внутренних событий оказалась ввергнутой в полную анархию. Настал момент для осуществления того, к чему давно уже стремились ассирийские цари, Тиглатпаласар явился в Вавилонию как восстановитель порядка и спокойствия. Халдейские племена подверглись жестокому разгрому.

120 тыс. человек были угнаны в плен. Но завоеванную страну не разделили, как обычно, на области. Престиж Вавилонии был столь велик, что Тиглатпаласар предпочел короноваться в качестве вавилонского царя (под именем Пулу), объединив, таким образом, всю Месопотамию личной унией.

Наследнику Тиглатпаласара III, Салманасару V (726—722 гг. до н. э.), досталась империя, простиравшаяся от Персидского залива до Средиземного моря. Возможно, переоценив свое могущество, Салманасар V попытался отменить привилегии священных храмовых городов. Поэтому его царствование оказалось недолгим. Он умер (или, скорее, был убит) во время осады Самарии, столицы Израильского царства.

Новый царь, Саргон II (722—705 гг. до н. э.), в своих подписях вопреки обычаю ничего не пишет о своем отце. Из этого следует, что его права на престол были весьма проблематичны. Но по своим способностям он мало в чем уступал Тиглатпаласару III. Между тем перед ним стояли трудные проблемы. В Вавилонии захватил власть халдейский вождь Мардук-апла-иддин II, на севере Урарту оправилось от разгрома и вновь готовилось к активным действиям. В Сирии возникла новая антиассирийская коалиция. Саргон начал с внутренних дел. Он торжественно подтвердил и умножил древние привилегии городов и храмов, чем привлек на свою сторону горожан и жречество (в том числе и в Вавилонии). Но Мардук-апла-иддин заключил союз с Эламом. Поход на Вавилонию, предпринятый в 720 г., оказался неудачным: ассирийцы потерпели поражение. Зато в Сирии они разбили силы коалиции и вернули отпавшие было провинции, пройдя затем всю Палестину до египетской границы. Между тем и на севере обстановка была серьезной. Кроме Урарту там появился новый страшный враг — отряды киммерийцев, пришедшие из-за Кавказа. Впрочем, они представляли более непосредственную угрозу для самого Урарту. Видимо, Саргон воспользовался тем, что киммерийцы нанесли урартам поражение, и немедленно выступил в поход (714 г. до н. э.). Ассирийцы двинулись, однако, не на Урарту, а на восток. Когда же урартский царь Руса попытался зайти в тыл ассирийскому войску, Саргон, зная от своих разведчиков обо всех передвижениях урартской армии, мгновенно повернул на запад, ей навстречу. Для более быстрого продвижения он взял с собой лишь конницу и колесницы. В коротком и чрезвычайно кровопролитном бою урартское войско, застигнутое врасплох, было рассеяно, а сам Руса едва сумел спастись бегством. Затем ассирийское войско, почти не встречая сопротивления, разорило и разграбило Урарту и подчиненные ему мелкие царства, особенно Муцацир, где находились одно из главных святилищ урартских племен и урартская казна. В руки ассирийцев попали несметные богатства, а Урарту никогда уже не смогло оправиться от этого погрома и утратило свое значение «великой державы». В последующие годы полководцы Саргона и пограничные областеначальники подавляли мятежи на востоке и на западе, создавая при этом новые провинции. Саргон же готовился к решению главной задачи — новому завоеванию Вавилонии. В 710 г. он двинул свои войска на юг. Города Вавилонии приняли его сторону, и Мардук-апла-иддину пришлось поспешно отступить в Приморье. Саргон «при кликах ликования» вступил в Вавилон и короновался здесь в качестве царя. Своего наследника Синаххериба он женил на знатной вавилонянке. В 707 г. Саргон с огромной добычей вернулся в новую столицу Дур-Шаррукин («Крепость Саргона») к северу от Ницеви, где и прожил свои последние годы.

Синаххериб (705—681 гг. до н. э.) в отличие от своего отца был сторонником военной партии, а со жрецами и горожанами не ладил. В своей политике он опирался исключительно на грубую силу. Он пренебрег совершением коронационных обрядов в Вавилоне,

вследствие чего там вновь захватил власть Мардук-апла-иддин, немедленно возобновивший союз с Эламом и получивший от него военную помощь. Синаххериб выступил в поход и в сражении у Киша в 702 г. наголову разбил вавилоно-эламские войска. Но Мардук-апла-иддин снова избежал плена. 200 тыс. халдеев были угнаны ассирийцами в другие области державы, а на вавилонский трон был посажен в качестве ассирийской марионетки некий Белибни (Синаххериб упорно пренебрегал вавилонской короной).

Попытки сбросить ассирийское иго имели место также в Сирии и на востоке. В Сирии Синаххериб разбил войска фил ист им с ко г о города Аккаропа, поддержанные египетскими отрядами, а затем осадил Иерусалим. Большинство других государств Сирии и Палестины поспешили изъявить покорность и уплатить дань. С осадой Иерусалима связана первая зафиксированная в истории попытка вести пропаганду среди вражеских войск. Библия повествует о том, как ассирийский военачальник обратился к стоявшим на степе иудейским военачальникам на их родном языке. Красочно описав предстоящие осажденным ужасы голода и жажды, он предложил им капитулировать. Иудейские военачальники были не прочь вести переговоры, но, дабы они были непонятны воинам гарнизона, предложили перейти на арамейский язык, игравший в Иудее того времени примерно такую же роль, как французский язык в Европе XIX в. н. э. Ассириец, однако, отклонил это предложение, поскольку, напротив, хотел быть понятым всеми. Впрочем, осада не имела успеха (видимо, из-за вспыхнувшей в ассирийской армии эпидемии), и Синаххериб удовольствовался получением с иудейского царя огромной дани и заложников. Ассирийские провинции в Сирии были расширены, а в важнейших городах финикийского и филистимского побережья посажены проассирийски настроенные правители.

Чтобы раз и навсегда покончить с Мардук-апла-иддином, Синаххериб двинул армию в Приморье, подвергнув эту страну жесточайшему разгрому. Но Мардук-апла-иддин погрузил на корабли семью, часть войска, статуи богов и даже кости своих предков, пересек Персидский залив и высадился в Эламе. Правителем Вавилонии вместо недостаточно усердного Бслибни Синаххериб сделал своего сына и наследника Ашшур-надип-шуми. Мардук-апла-иддина же он считал настолько опасным, что решился преследовать его даже за морем, снарядив для этого целый флот (с помощью финикийских и, возможно, греческих мастеров и мореходов. Однако Мардук-апла-иддин умер до прибытия ассирийской карательной экспедиции). Но Синаххериб своим высокомерным отношением к городам вообще, а к городам Вавилонии особенно восстановил их против себя, поэтому очередное вторжение эламитов в Северную Вавилонию почти не встретило сопротивления. Ашшур-падин-шуми был уведен пленником в Элам, где вскоре умер или был убит. В Вавилоне же эламиты посадили царем своего ставленника. Синаххериб едва спас свою армию. Последовавший вавилонский поход 693 г. имел лишь частичный успех. Новый поход 691 г.

завершился грандиозным сражением при Халуле, около устья Диялы, с халдеями, вавилонянами, эламитами и даже персами.

Надписи Синаххриба сообщают об одержанной ассирийцами блестящей победе, вавилонская же хроника повествует о поражении ассирийцев. В действительности, видимо, битва закончилась «вничью», но огромные потери вынудили обе стороны временно прекратить военные действия. По примеру своих предшественников Сипаххериб решил обзавестись новой столицей. Для этой цели он избрал Ниневию, отстроив её с величайшей пышностью. Территория города была значительно увеличена и обнесена мощными укреплениями, был построен новый дворец, обновлены храмы. Для снабжения города и разбитых вокруг него садов хорошей водой соорудили акведук.

В 689 г., воспользовавшись смутами в Эламе, Синаххериб снова двинулся на Вавилон. Этот город был одним из наиболее чтимых (в том числе и самими ассирийцами) культовых центров Месопотамии, а его бог-покровитель Мардук (Бел) почитался наравне с богом Ашшуром. Но Сипаххериб не слишком благоговел перед городами и храмами, даже и ассирийскими. Поэтому он учинил над Вавилоном беспримерную расправу: взяв город штурмом, разрушил его до основания, а уцелевших обитателей увел в плен. Синаххериб утверждал, что обломки храмов и городских строений были сброшены в Евфрат, а затем по специально проведенному каналу речные воды устремились на то место, где прежде стоял великий город. Статуи богов увезли в Ассирию. Эта кощунственная жестокость ужаснула всю Переднюю Азию, но вместе с тем вызвала серьезное недовольство даже в самой Ассирии. Синаххериб был вынужден сделать некоторые шаги, направленные к примирению со жрецами. Так, было объявлено, что великие боги сами прогневались на Вавилон за грехи его обитателей и решили его покинуть. Наследником престола Синаххерибу пришлось назначить сторонника жреческой партии, своего младшего сына Асархаддопа, сына вавилонянки. Все ассирийцы «от мала до велика» присягнули новому наследнику, но это, естественно, вызвало недовольство его старших братьев. На границах империи тоже начались смуты, некоторые государства вернули себе независимость (Табал в горах на юго-востоке Малой Азии), а Урарту снова отвоевало Муцацир.

Синаххериб не любил своего наследника и не доверял ему. Асархаддона отослали в западные провинции, но вскоре Синаххериб был убит. Согласно Библии, его убили в храме собственные сыновья. Ассирийский источник сообщает, что Синаххериб пал мертвым между изображениями божеств-хранителей и, следовательно, в их присутствии. Похоже, что оба источника видят в смерти Синаххериба кару богов. В действительности же он нажил множество недоброжелателей среди людей, и не исключено даже, что вдохновителем убийства был сам Асархаддон.

Впрочем, Асархаддону (681—669 гг. до п. э.) пришлось предпринять поход на Ниневию, чтобы отстоять свои права на престол. Братя-отцеубийцы бежали в горы. Новый царь немедленно принял меры к восстановлению Вавилона, объявив, что Мардук сжалился над своим городом и пожелал вернуться туда. Одновременно с восстановлением Эсагилы, главного храма Вавилона {при этом был построен знаменитый зиккурат, вошедший в позднейшие легенды под именем «Вавилонской башни»), начались работы по обновлению одного из главных храмов г. Ашшура. Привилегии ассирийских и вавилонских городов были вновь подтверждены и расширены, а подати в пользу храмов увеличены.

Для возвращения гражданам Вавилона ранее принадлежавших им земель начали военные действия против халдейских племен и царя Приморья. Походы оказались нелегкими, но закончились успешно.

Удалось также отразить угрозу нового вторжения киммерийцев. Наконец, были подавлены антиассирийские выступления в Финикии и Мелитене (на верхнем Евфрате). Ассирийцы взяли и до основания разрушили Сидон, а цари Сидона и Мелитены в цепях были приведены в Ниневию, где и казнены. На месте разрушенного Сидона ассирийцы построили свою колонию — опорный пункт для подготовки вторжения в Египет. Тем временем велись трудные войны на востоке — в Манне и Мидии. Формально здесь имелось около десятка ассирийских провинций, но фактически в большинстве из них власть ассирийцев не выходила за пределы крепостных стен, за которыми сидели их гарнизоны. Реальная власть принадлежала вождям индийских племен, пока еще разрозненных и враждовавших между собой, но уже склонявшихся к объединению. Неожиданные, хотя и не слишком серьезные вылазки предпринимали Элам и Урарту.

Все эти события очень беспокоили Асархаддона. Правда, его официальные надписи сообщают лишь о победах, рисуя нам образ могучего и грозного царя, каким он описан в знаменитом стихотворении В. Брюсова. Но до нас дошли также и документы, не предназначенные для постороннего глаза, — письма и запросы к оракулам. Из них видно, что Асархаддон был человеком суеверным, неуравновешенным и даже трусоватым, а победы, которые еще продолжала одерживать Ассирия, доставались ей со все большим трудом. Но все-таки Ассирия была очень сильна. Хотя первый поход в Египет в 674 г. окончился неудачей, Асархаддон предпринял в 671 г. новый поход, разгромил армию фараона Тахарки и захватил Мемфис. Он принял титул «царь царей Египта, Верхнего Египта и Эфиопии», т. е. проявил намерение продолжить захват долины Нила. Но как только Асархаддон вернулся в Ассирию, в Египте начались волнения, Ассирийские гарнизоны оказались в осаде. В 669 г. Асархаддон снова повел войска на Египет, но дорогою умер.

За несколько лет до этого Асархаддон решил вопрос о престолонаследии.

Его старший сын умер молодым, но оставались еще два сына (видимо, от разных жен) — Шамаш-шум-укин и Ашшур-бан-апли (Ашшурбанапал). Ашшурбанапал был, видимо, любимцем отца и бабки — энергичной и властной Наки'и, жены Синаххериба и матери Асархаддона. Поэтому он и был назначен наследником ассирийского престола, а его брат — вавилонским царем, но верховная власть над обоими царствами вручалась Ашшурбанапалу. Такое решение таило в себе семена будущего конфликта между братьями, но на первое время все обошлось благополучно. Еще при жизни отца все население Ассирии было приведено к присяге на верность Ашшурбанапалу. Он смог беспрепятственно занять ассирийский престол (669—631 или 629 гг. до н. э.). Через несколько месяцев его старший брат короновался в качестве вавилонского царя.

В своих надписях Ашшурбанапал изображает себя заботливым государем, доблестным воителем, бесстрашным охотником и мудрецом, постигшим все науки, искусства и ремесла. По-видимому, этот «автопортрет» верен лишь отчасти. Из царской переписки известно, что Ашшурбанапал был слаб здоровьем или по крайней мере чрезвычайно мнителен. Вопреки утверждениям его анналов он почти никогда не принимал личного участия в военных походах. Так что, повествуя о своих физических доблестях, Ашшурбанапал, скорее всего, выдает желаемое за действительное. Но он в самом деле был довольно образован. В своем ниневийском дворце он собрал огромную библиотеку — более 20 тыс. превосходно выполненных клинописных табличек, своего рода энциклопедию тогдашних знаний и литературы. Этой библиотеке мы обязаны большей частью наших знаний о культуре древней Месопотамии. Ашшурбанапал все время заботился о пополнении своей библиотеки, сам отбирал для нее тексты. Не исключено даже, что некоторые компиляции составлены им самим. Он был также автором ряда стихотворных молитв и, возможно, принимал участие в составлении или редактировании анналов.

Еще до своего вступления на престол Ашшурбанапал, согласно обычаю, руководил ведомством разведки и строительными работами и приобрел значительный административный опыт. Он был также ловким дипломатом, не брезгуя для достижения политических целей любыми интригами и даже убийствами. Характеру Ашшурбанапала были присущи злобная жестокость, стремление не только победить противника, но и максимально его унижить. Наконец, Ашшурбанапал отличался редкой даже по тем временам суеверностью и жил в постоянном страхе перед происками враждебных духов или немилостью богов. Впрочем, ход событий показал, что для его опасений имелись и реальные основания. Ассирия пока благополучно преодолевала опасности, но каждый раз все с большим трудом.

Так, после нескольких лет войны, шедшей с переменным успехом, удалось усмирить Египет, вернувший было себе независимость. С главным врагом — Эламом — Ашшурбанапал попытался установить мирные отношения (возможно, лишь с целью выиграть время). Элам

пренебрег этими попытками и поддержал антиассирийское восстание в Южной Месопотамии. Ассирийский поход на юг в 663 г. оказался не особенно удачным, но в том же году эламский царь и предводители восставших «внезапно» умерли. (Последние эламские цари вообще были удивительно недолговечны. Некоторые исследователи объясняют это «вырождением династии», но возможно, что причину следует искать в Ассирии...) После смерти царя в Эламе начались династические распри, и Ашшурбанапал не преминул предоставить убежище некоторым претендентам, справедливо полагая, что они пригодятся в будущем. Но в 665 г. Ассирию постиг тяжелый удар: Египет вернул себе независимость.

Ашшурбанапал не решился послать против него войска — из-за угрозы со стороны Элама. В 653 г. эламский царь Те-Умман вторгся в Южную Месопотамию, был разбит, собрал новое войско и снова потерпел поражение, в результате чего был казнен вместе с сыном. Элам был отдан под власть царевичей, нашедших в свое время приют в Ассирии.

Тем временем на нее надвинулась еще более грозная опасность — мятеж Шамаш-шум-укина, брата Ашшурбанапала и номинального царя Вавилона. Ему удалось привлечь на свою сторону Египет, сирийских и палестинских царей, шейхов арабских племён, мидян, Элам и Приморье. Всех их объединяла ненависть к Ассирии и надежда сбросить ее тяжелое ярмо. Впрочем, многие племена и города Южной Месопотамии сочли более выгодным сохранить верность Ассирии.

Военные действия начались в 652 г. Ашшурбанапал по обыкновению действовал силой и хитростью. Вавилон очутился в блокаде. Эламское войско, шедшее на помощь, было разбито по дороге; в тылу у него вспыхнули инспирированные ассирийцами мятежи и династические распри. Элам, таким образом, был нейтрализован, а Приморье подверглось жестокому разгрому. Все прочие участники коалиции, кроме арабов, не смогли оказать Вавилону существенной помощи. Вавилон после трехлетней осады и ужасающего голода пал в 648 г. Шамаш-шум-укип велел поджечь свой дворец и бросился в пламя. «Царем» Вавилона был назначен некий Кандалану — ассирийская марионетка. Затем настал черед Элама. В 647 и 646 гг. Элам подвергся нашествиям ассирийских войск.

Последним походом Ашшурбанапал руководил лично и победителем вступил в Сузы. Город был разрушен до основания. Ашшурбанапал вывез в Ниневию неисчислимы сокровища, статуи богов и даже кости эламских царей, а также огромное число пленных. Элам после этого разгрома утратил свое прежнее значение «великой державы».

Таким образом, спокойствие в империи было восстановлено, став во многих ее частях спокойствием кладбища. Но годы Ассирии были уже сочтены.

О последних годах жизни Ашшурбанапала мы почти ничего не знаем (его анналы заканчиваются 636 г.). Существует даже предположение, что около 635 г. он был отстранен или отказался от власти и остаток своих дней провел в г. Харрапе, в Северной Месопотамии. Ассирия оказалась ввергнутой в гражданские войны, пока наконец один из сыновей Ашшурбанапала с помощью некоего полководца не захватил власть. Осыпанный похвалами и милостями полководец, по-видимому, вскоре сверг своего ставленника и воцарился сам. В свою очередь, он был свергнут вторым сыном Ашшурбанапала — Син-шарри-ишкуном. Точные даты всех этих событий установить пока не удастся. Возможно, что они частично совпадали во времени, т. е. одновременно три или четыре царя признавались в разных частях империи.

Между тем вокруг Ассирии сгущались тучи. В 626 г. халдей Набопаласар захватил царскую власть в Вавилонии. Еще раньше к востоку от Ассирии разрозненные племена мидян объединились в Мидийское царство. Опасность с этой стороны была особенно велика: Мидия могла нанести удар в самое сердце Ассирии. Уже в 615 г. мидийцы появились у стен Ниневии. Их удалось прогнать, однако в том же году Набопаласар осадил Ашшур. Его тоже удалось отбросить, но в 614 г. в Ассирию вновь вторглись мидяне и тоже подступили к Ашшуру. Набопаласар немедленно двинул свои войска на соединение с ними. Ашшур пал до прихода вавилонян, и у его развалин цари Мидии и Вавилона заключили союз, скрепленный династическим браком. В 612 г. союзные войска осадили Ниневию и взяли ее всего через три месяца. Город был разрушен и разграблен, мидяне со своей долей добычи ушли восвояси, а вавилоняне двинулись к Харрану, куда прорвалась часть ассирийского войска во главе с неким Ашшур-убаллитом. В Харране Ашшур-убаллит II был провозглашен «царем Ассирии» и получил помощь от Египта. Вавилоняне, со своей стороны, вновь призвали на помощь мидян. В 610 г. войско Ашшур-убаллита, усиленное египетскими подкреплениями, было разбито и отброшено на западный берег Евфрата. Харрап пал, а когда в следующем году Ашшур-убаллит, получив из Египта новые подкрепления, попытался отвоевать город, он был вновь отбит вавилонским гарпи-зоном. В 605 г. под Каркемишем потерпели поражение главная египетская армия и остатки отрядов Ашшур-убаллита.

Так закончила свое существование первая в истории человечества «мировая» держава. При этом не произошло сколько-нибудь значительных этнических перемен: погибла лишь верхушка ассирийского общества — знать и частично горожане. Сельское население осталось на своих местах, и потомки его населяют Северный Ирак до сих пор (давно утерев аккадский язык). Культурные, административные и военные традиции Ассирии были во многом усвоены ее преемниками.

Структура Ассирийского общества.

В поздней Ассирии общинная и большесемейная собственность на землю исчезает. Возникает частное землевладение, а «большая семья» превращается в индивидуальную. Широкое распространение товарно-денежных отношений — характерная черта этого периода, определившая собой многие другие его особенности.

Во главе ассирийского общества стоял царь, власть которого теоретически была ограничена лишь волей богов. Однако реальное содержание этой «воли» определялось соотношением сил между различными группировками знати. Следует подчеркнуть, что ассирийский царь не был ни верховным собственником всей земли, ни верховным судьей. Царем становились не столько по праву рождения, сколько в силу «божественного избрания», т. е. решения оракула, и следовательно, по желанию наиболее влиятельной в этот момент группировки. Царь находился как бы на вершине пирамиды, состоящей из крупных и мелких чиновников, т. е. сложного и разветвленного аппарата управления. Общинная знать к этому времени уже исчезла, и потому знать Ассирии — служилая.

Цари старались не допускать возникновения чересчур могущественных родов. Для предотвращения этого на важнейшие посты назначались, как мы видели, евпухи. Кроме того, хотя крупные чиновники получали огромные земельные владения и множество подневольных людей, эти владения не составляли единого массива, а были преднамеренно разбросаны едва ли не по всей стране. Свои земли вельможа либо сдавал в аренду, либо заставлял их обрабатывать принадлежащих ему подневольных людей. Доход поступал к нему в денежной форме. Кроме того, крупным чиновникам доставались еще и выплаты из казны — за счет податей, даней и военной добычи. Накопец, некоторые из них пользовались доходами от провинций, «приписанных» к их должностям. Что же касается мелких чиновников, то источником их существования было либо крошечное жалованье, похожее скорее на паек, либо очень маленький служебный земельный надел. Наследование чиновничьих должностей происходило лишь по утверждению царем.

При восшествии нового царя на престол все чиновники приносили «присягу» или «клятву», в которой центральное место отведено обязательству немедленно доносить царю о всяком заговоре, мятеже или злоупотреблении.

В Ассирийской державе значительная часть земель принадлежала царю по праву завоевания. Сельские общины превратились в чисто административные и фискальные единицы. Земли из царского фонда раздавались крупным и мелким чиновникам в условное владение или в собственность. Личное (дворцовое) хозяйство царя и членов царской семьи было не так велико, поскольку основные доходы поступали в

виде налогов. Крупными землевладельцами были храмы. Однако землепользование было повсеместно только мелким.

Крупные землевладельцы (царь, храмы, вельможи) располагали сотнями, тысячами, иногда многими тысячами подчиненных им мелких хозяйств. Все земли, находившиеся в собственности или в пользовании частных лиц, облагались государственными податями и поборами в пользу храмов. И те и другие были натуральными: «зерно изъятия» (1/10 урожая); «солома» (подать фуражом в размере 1/4 сбора); «взятие крупного и мелкого скота» (по 1 голове скота с каждых 20) и др. Главный побор в пользу храмов назывался «пятиной». С владением земель были связаны также и повинности. Повинности были и общие (военная и строительная) и специальные (песение какой-либо службы, за которую и выдавался надел). В ряде случаев цари предоставляли землевладельцам так называемый иммунитет, т. е. полное или частичное освобождение от податей и повинностей. Такое освобождение представляло собой уступку государством податей и повинностей в пользу землевладельца, что, естественно, увеличивало его доходы.

Лица, пользовавшиеся той или иной степенью иммунитета от царских налогов и повинностей, назывались «свободными» (заку) или «освобожденными» (закку), но, по существу, это понятие могло включать и вельмож, и подневольных людей.

Основную часть непосредственных производителей в сельском хозяйстве Ассирийской державы составляли люди, насильственно угнанные из родных мест. На новых местах их «сажали» на земли, принадлежащие царю, храмам или частным лицам. Соответственно их и обозначали термином шакну — «посаженный». Существовали также и другие категории подневольных людей. Все они были фактически прикреплены к земле, т. е. продавались, как правило, только вместе с землей и всей семьей, в составе целостного хозяйства. С правовой точки зрения все они считались рабами. Но вместе с тем эти люди могли иметь собственность (в том числе землю и рабов), заключать сделки от своего имени, вступать в брак, выступать в суде и т. п. С другой стороны, мелкое свободное крестьянство постепенно сливается с этими людьми в единое сословие подневольных земледельцев. Происходило это путем «приписывания» земель, населенных свободными крестьянами, к крупным чиновникам в виде «кормления», сначала как бы во временное пользование. Постепенно, однако, эти земли (вместе с людьми) оказывались закрепленными за вельможами навечно.

Свободное население в этот период сосредоточивается в городах — центрах ремесла и торговли. Важнейшие города пользовались особыми привилегиями, освобождавшими их от повинностей и податей, т. е. их население входило в категорию «свободных». Города имели органы самоуправления в виде народного собрания и совета старейшин. По вопросам о степени автономии и объеме привилегий

того или иного города нередко по-разному толковались горожанами и царской администрацией, что приводило к серьезным конфликтам и даже гражданским войнам.

Культура Ассирии.

О повседневной жизни ассирийцев, особенно рядовых, мы знаем довольно мало. Дома ассирийцев были одноэтажными, с двумя внутренними дворами (второй служил «семейным кладбищем»). Стены домов сооружались из сырцовых кирпичей или были глинобитными. В Ассирии климат менее жаркий, чем в Нижней Месопотамии. Поэтому одежда ассирийцев была более основательной, чем у вавилонян. Она состояла из длинной шерстяной рубахи, поверх которой в случае надобности оборачивали еще шерстяную ткань. Ткани были белыми или окрашенными в яркие цвета с помощью растительных красок. Богатые одежды изготавливались из тонких льняных или шерстяных тканей, отделывались бахромой и вышивкой. Из Финикии доставляли шерсть, окрашенную пурпуром, но ткань из нее была баснословно дорогой. Обувью служили сандалии из кожаных ремней, а у воинов — сапоги.

Изделия ассирийских ремесленников (резная кость, каменные и металлические сосуды) нередко были весьма изысканными, но не самостоятельными по стилю: в них ощущается сильное финикийское и египетское влияние. Ведь ремесленников из этих стран массами угоняли в Ассирию.

Ассирийская архитектура тоже не отличалась самобытностью, дворцы строились «на хеттский манер». Зато фризы, украшавшие внутренние помещения этих дворцов, представляют собой одну из ярчайших страниц в истории мирового искусства. Эти фризы были выполнены из известняка в очень низком рельефе и раскрашены минеральными красками. Изображают они пиры и битвы, охоту и торжественные процессии, жестокие расправы и принесение даней покоренными народами. Все эти сцены скомпонованы из готовых канонических деталей, но прихотливость и смелость композиции придают им бесконечное разнообразие. Подчеркнутый натурализм уживается в них с изысканной стилизацией, сильное движение — с плавностью линий. Цвет в этих изображениях, как и в более редких композициях из глазурованного кирпича и в росписях, имеет чисто декоративную функцию. Поэтому на них можно увидеть синих лошадей, желтые фигуры на голубом фоне и т. п. Главная тема изобразительного искусства Ассирии — царь и его деяния. Царей изображают и немногие дошедшие до нас образцы «круглой» скульптуры. Среди них особенно интересна статуэтка из янтаря и золота, изображающая Ашшур-нацир-апала II. Несмотря на миниатюрные размеры, она создает ощущение мощи и величия. Искусство ассирийских скульпторов оказало влияние на персидскую и даже греческую скульптуру. Еще и теперь ассирийские рельефы,

разрозненные, нередко разбитые, почти утратившие краски, производят очень сильное впечатление.

Другим важнейшим вкладом ассирийцев в историю мировой культуры является разработка литературно-исторического жанра. Царские надписи, повествующие о событиях того или иного царствования, имели в Месопотамии многовековую традицию, но только ассирийцы превратили их в настоящую литературу. Хотя эти надписи принято называть «анналами», т. е. летописями, в действительности они ими не являются. Это литературные композиции, в которых исторические события определенным образом «аранжированы», чтобы повествование выглядело более красочным, а его главный герой — царь — более мудрым, доблестным и могучим. Поэтому «анналы» содержат нередко сильные преувеличения (числа убитых врагов, размеров добычи и т. п.), и вместе с тем о многом умалчивают (преимущественно, разумеется, о неудачах). Хотя такие тексты, подобно рельефам, нередко komponуются из стандартных деталей (особенно в описании повторяющихся событий), их энергичный и красочный стиль, яркая, хотя подчас и грубоватая, образность делают их захватывающим чтением.

Ассирийские историки всячески старались показать свою ученость: обильно цитировали старинные тексты, старались писать на «хорошем» аккадском языке, т. е. на литературном вавилонском диалекте. Особенности ассирийских анналов, конечно, сильно затрудняют их использование в качестве исторического источника, но зато повышают их литературную ценность (хотя и историческая ценность их огромна).

Литература:

Якобсон В.А. Новоассирийская держава./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.21-44

Лекция 3: Урарту, Фригия, Лидия

Малая Азия и смежные области после гибели Хеттского царства.

Разрушителями Хеттской державы явились «народы моря» — этнические группы, вероятно, по большей части, как и сами хетты, индоевропейские по своим языкам, но принадлежавшие к другим ветвям этой языковой семьи. Они включали предположительно жителей бассейна Эгейского моря, а также балканские по происхождению племена, названные в ассирийских источниках «мушки», а в лувийских («хеттских иероглифических») — «муска»; мы знаем, что эти племена дошли в XII в. до н. э. до верхней долины Евфрата и здесь перешли к оседлости; эти «восточные» мушки предположительно отождествляются с первыми носителями про то армянского индоевропейского языка. Сходящиеся здесь к Евфрату

долины, которые во II тысячелетии до н. э. были еще населены лувийцами и хурритами, позже, по местным преданиям, считались очагом сложения армянского народа; и не случайно как след бывшего долгого двуязычия в армянском языке ряд социально-бытовых терминов, связанных с горной оседлой жизнью в раннеклассовом обществе, а также названия местной флоры имеют хурритское или хуррито-урартское происхождение. Хотя армяне засвидетельствованы письменными источниками на нагорье, получившем от них свое название, лишь с VI в. до н. э., однако в промежутке между XII и VI вв. на границах этого нагорья нам больше не известно ни таких исторических ситуаций, чтобы они позволяли думать о значительных этнических перемещениях, ни появления совсем новых этнических групп, которое могло бы объяснить резкое отличие индоевропейского армянского языка от всех других известных индоевропейских и неиндоевропейских древних языков Малой Азии, Армянского нагорья и Закавказья, кроме, быть может, одного лишь фригийского языка.

Однако нет также данных, которые заставляли бы думать о появлении носителей протоармянского языка на нагорье раньше чем в XII в. до н. э.; в частности, нередко предполагаемая генетическая связь между армянами и союзом племен Ацци-Хайаса, существовавшим с XV по XIV в. до н. э. в долинах рек Чорохи и верхний Евфрат, ничем не подтверждается. Распространенный с недавних пор взгляд на протоармян как на автохтонов нагорья, основанный на большом архаизме их индоевропейского диалекта, почти сравнимого по архаизму с языками хетто-лувийско-пеласской группы, нужно признать неосновательным по ряду причин. Назовем только две: во-первых, из индоевропейских языков армянский ближе всего к греческому, фракийскому, отчасти к фригийскому и, далее, к индоиранским, но весьма далек от хетто-лувийского. Он вполне мог соседствовать первоначально (до XII в. до н. э.) с носителями древнеанатолийских архаичных языков не с востока, а с запада, т. е. по ту сторону Босфора и Дарданелл, где он и контактировал с протогреческим, фригийским и т. п. Если же предположить, что протоармяне были автохтонами нагорья, то хетто-лувийцы должны были издавна быть их непосредственными соседями, а их языки — являть гораздо больше сходных черт, чего не наблюдается; есть только некоторая ограниченная группа слов, заимствованных в армянский из лувийского явно в позднейший период. Во-вторых, если бы протоармяне были автохтонами нагорья, а хуррито-урарты — позднейшими пришельцами, то наблюдались бы заимствования в хуррито-урартский из армянского терминов для местной флоры, горной и сельскохозяйственной техники, специфических для нагорья социальных условий. Этого также нет; наоборот, именно такие термины в армянском языке доказуемо заимствованы из хуррито-урартского, из чего следует, что носители протоармянского языка появились на нагорье значительно позже хуррито-урартов.

«Восточные» мушки, по ассирийским данным, имели пятерых «царей» и, очевидно, состояли из пяти племен. Основным центром

оседлости их было, по-видимому, царство Алзи (арм. Агдзник) у слияния рек Арацани (Муратсу) и верхний Евфрат (Карасу); ассирийские источники называют Алзи также «Страной мушков». Вероятно, однако, что территория расселения восточных мушков в X—IX вв. до н. э. была шире, простираясь от гор севернее истоков р. Тигр до гор Тавра западнее верхнеевфратской долины.

Следует заметить, что термин мушки применялся не только к племенам, появившимся на верхнем Евфрате в XII в. до н. э.; тот же самый термин («западные» мушки) впоследствии применялся ассирийцами, урартами и древними евреями также к фригийцам — народу, тоже пришедшему с Балкан, но осевшему не в долине верхнего Евфрата, а в центре малоазийского плато.

Есть несколько древнегреческих традиций о приходе фригийцев (тех, которых называли также западными мушками) в Малую Азию; более достоверной следует признать ту, согласно которой фригийцы пришли в Малую Азию с Балкан значительно позже Троянской войны (Вместе с племенем мисов, т. е., вероятно, в начале X в. до н. э. Заметим, что если ассирийцы называют «мушками» как «тшсточпых» мушков (протоармян?), так и «западных» мушков (фригийцев). то в «хеттских иероглифических», т. е. лувийских, надписях, по-видимому, различались первые (муска) от вторых (называемых также муса). Этническое название мисов (точнее. в соответствии с более древним греческим произношением, мюсов, греч. *My sot*) сохранилось еще и тысячелетием позже также в нынешней Болгарии, как Балканах; вероятно, именно оттуда один за другими прибыли и протоармяне («восточные» мушки, муска), фригийцы («западные» мушки, муса). и мисы. Отличие терминов муска и муса зависит, возможно, от характерного армянского суффикса множественного числа -к, отсутствовавшего во фригийском и фракийском; к фракийским племенам, имевшим центр на Балканах, принадлежали и мисы (*Mysol*).

По сохранившимся надписям видно, что фригийский язык занимал в индоевропейской языковой семье промежуточное место между древнегреческим и протоармянским и, по-видимому, был близок к языку балканских фракийцев (может быть, и пеласгов), а также к балто-славянскому праязыку. В течение XI—IX вв. до н. э. Малая Азия очень медленно оправлялась после чудовищного потрясения, испытанного ею при падении Хеттской державы. Эта медленность объясняется не только разрушением большинства городов, сожжением сел и физическим истреблением немалой части населения; она объясняется также тем, что по опустошенной территории еще долго двигались разные племена. С конца XIII по середину XII в. до н. э. через полуостров с запада на восток двигались «народы моря» и «восточные» мушки; в тот же период совершали встречное передвижение, видимо, абхазские и, возможно, уже и западные протогрузинские племена. Когда же эти движения привели Хеттское царство к падению, в образовавшийся вакуум устремились фригийцы,

а затем и некоторые фракийские племена. Однако каждая новая волна продвигалась не столь далеко на восток, как предшествующая, и протоармяне осели в верхнеевфратской долине, фригийцы — в центре полуострова, а фракийцы — на его северо-западе (в X— VIII вв. до н. э.). Наконец, в VIII в. до н. э. на Малую Азию с запада через Босфор вторглись фракийские же конники-треры, но они, видимо, здесь вообще не осели. С востока передвижение западного протогрузинского населения в Южное Причерноморье продолжалось, видимо, до середины VIII в., а и конце VIII в. через западные перевалы Большого Кавказа хлынули конники-киммерийцы.

Античные авторы считали нашествие треров, киммерийцев, а позже и скифов явлениями одного порядка; о скифах же известно и по греческому историку Геродоту, и по характеру археологических находок в Закавказье (разнотипность домашней утвари в могильниках при однотипности оружия и т. п.), что они перевалили через Кавказ без женщин, а потом либо уходили обратно, на север причерноморских степей, либо постепенно растворялись бесследно в переднеазиатском населении.

Кроме того, в эти же века шло интенсивное заселение западного побережья Малой Азии мореходами-греками. В результате Малая Азия I тысячелетия до н. э. оказалась разделенной на следующие этнические области: все западное (эгейское) побережье и отдельные участки северного (черноморского) и южного (средиземноморского) побережий, а также о-в Кипр занимали греческие города-государства; северо-западный угол полуострова занимали пришедшие с Балкан и слившиеся с местным населением фракийские племена, центр полуострова — фригийцы, еще раньше пришедшие с Балкан и также, вероятно, отчасти смешавшиеся с хеттами; на северо-востоке полуострова, в области Понт, жили абхазские и западные протогрузинские племена, в том числе халибы (или халды (арм. хагтик, урарт. халиту), они же, вероятно, мосхи («мушкизированные» халибы).); запад (кроме побережья), юго-запад и юго-восток полуострова населяли народности, являвшиеся потомками хетто-лувийцев II тысячелетия до н. э.; важнейшей была самая западная из них — лидяне; самая восточная, которую мы условно называем «иероглифическими хеттами», или, точнее, «иероглифическими лувийцами» (по письменности, которой они пользовались), вероятно, соприкасалась в верхней долине Евфрата с первыми пришельцами с Балкан еще в XII в. до н. э.— «восточными» мушками, или протоармянами; наконец, на Армянском нагорье жили хурриты (по окраинам) и родственные им урарты (в центре).

Начиная от верхнеевфратской долины и перевалов Тавра на востоке и вплоть до стен греческих городов на западе — на всей этой этнически пестрой территории в XI—IX вв. до н. э. царило запустение. Поселения существовали на старых городищах, но на значительно уменьшившихся площадях; если здесь и возникали ранее VIII в. до н.

э. какие-либо государства, то мелкие, слабые и неустойчивые и не оставившие памятников письменности.

Но изменение условий жизни в Малой Азии определялось не только разорением страны при падении Хеттского царства и при последующих длительных племенных передвижениях; не меньшую роль сыграли и коренные экономические сдвиги, на которые, между прочим, указывает возникновение новых, приморских торговых центров: речь идет о перестройке всей системы международного обмена, что, в свою очередь, было связано с открытием новых сырьевых ресурсов и с иссяканием старых источников сырья.

Пожалуй, одним из важнейших факторов, вызвавших наступившие перемены, было открытие испанского (в начале I тысячелетия до н. э.), а позже и британского олова. Вероятно, это открытие обусловило создание в Испании государства Тартесс (по-гречески), или Таршиш (по-семитски); посредничество в торговле оловом между Тартессом и Передней Азией, надо думать, немало способствовало росту влияния городов финикийского побережья, а затем и финикийских колоний. Между тем восточные месторождения олова, которыми пользовалась ассирийская сухопутная торговля, теперь либо иссякли, либо с ними были утрачены торговые связи. Находка новых богатых источников добычи олова позволила наладить свое производство бронзы не только в Малой Азии, но также и на Армянском нагорье и в Закавказье, где вплоть до последних веков II тысячелетия до н. э. довольствовались сплавом меди с мышьяком; но вскоре в Передней Азии началась эра железных орудий.

Очень важным оказалось то обстоятельство, что падение Хеттской державы положило конец хеттской монополии на добычу железа; его начинают широко вывозить с полуострова в различные страны Передней Азии и Эгейского моря. Впервые освоив технологию железа, многие народы смогли затем постепенно найти и использовать ранее лежавшие втуне собственные железные месторождения (в том числе на Армянском нагорье), и новый металл из редкости, из материала для ценных поделок стал превращаться в массовое сырье для ремесленной промышленности. Оказалось, что найти железную руду и применить ее для производства металла гораздо легче, чем найти годную для производства медь, и что новый металл, не требующий очень редко встречающегося в природе дорогого приплова — олова, несравненно доступнее и дешевле бронзы. Для ряда изделий бронза, однако, еще долго продолжала конкурировать с железом (так, для бритв, для оборонительного оружия, долгое время для накопечников стрел продолжали применять бронзу; как материал для орудий и оружия она уступила только стали).

В течение XI — IX вв. до н. э. главным источником железа оставалась северо-восточная Малая Азия. Вывоза железа отсюда было достаточно для того, чтобы в IX в. до н. э. Передняя Азия перешла к железному веку; к концу VIII в., например, в царстве Урарту

скопились огромные склады уже более не используемых бронзовых мечей, кинжалов и секир. Именно на торговле железом в это время расцвели главные наследники Хеттской державы — царство Мелитепа в долине верхнего Евфрата с центром в г. Мелид (ныне Малатья), принявшее древнее название «Хатти», и царство Каркемиш с династией, ведшей свою генеалогию от хеттских царей, тоже впоследствии претендовавшее на обозначение «Хатти» (В это же время у ассирийцев и у урартов обозначение «хетты» (Хатти, Хате), на которое претендовали эти и другие государства, стало в конце концов применяться ко всем народам к западу от Евфрата, включая евреев, финикийцев, арамеюв, лувийцев и, видимо, также протоармян.), а также и другие мелкие государства на пути из Малой Азии в Сирию и Финикию и из Малой Азии в Верхнюю и Нижнюю Месопотамию. Вступая из Финикии, Сирии или Месопотамии в верхнеевфратскую долину, этот торговый путь, проходя через царство Каркемиш и Мелитену и союзные им мелкие царства, разветвлялся: одна ветвь вела через перевалы гор на северо-запад — к серебряным копьям Понтийского Тавра и к железным рудникам, ревниво охраняемым полусказочными халибами; на северном ответвлении этого же пути, в Южном Причерноморье, в конце VII в. до н. э. возникли греческие торговые колонии — города Синода и Трапезунт, вокруг которых несколько позже образовалась федерация Понт, возглавлявшаяся Синопой и включавшая греческие колонии-порты Керасунт, Котиору, Трапезунт и, возможно, Фасис (в Колхиде, близ нынешнего Поти); другая ветвь вела прямо на север — в долину р. Чорохи и далее в Колхиду (ныне Западная Грузия); третья — на северо-восток, в долину р. Аракс. По этим дорогам шли грузы железа, серебра, свинца, меди и бронзы, слюды, охры, полудрагоценных камней, а также золота, вероятно колхидского.

Древняя Колхида, страна, куда, по преданию, еще в незапамятные времена плавали за «золотым руном» на своем корабле «Арго» греческие герои, находилась в долинах рек Чорохи (совр. Турция) и Риони (Грузия), но о том, что не только в легенде существовало колхидское золото, теперь свидетельствуют только два-три ассирийских и урартских упоминания о захвате золота на верхнеевфратском пути и на р. Чорохи. В I тысячелетии до н. э. — вероятно, позже, чем в Колхиде, — были найдены богатейшие золотые месторождения в р. Пактол на западе Малой Азии, в Лидии. Видимо, и с этой находкой связано оживление торговых связей материковой Греции с Малой Азией в первой четверти I тысячелетия до н. э., а также рост благосостояния ионийских приморских городов. Надо полагать, что от этих городов еще до VIII в. пролегал торговый путь не только в Лидию, но и далее на восток — к рудным месторождениям северо-восточной Малой Азии. Из всех государств Малой Азии XI—IX вв. до н. э. мы осведомлены только о тех, которые лежали в горах Тавра и вдоль чорохско-верхнеевфратского пути. Наши данные происходят отчасти из ассирийских, а позже и урартских военных

реляций, отчасти из «хеттских» (лувийских) иероглифических надписей местных царей.

Эти надписи отличаются довольно скудным содержанием; их рельефные рисуночные знаки высечены на скалах и каменных сооружениях — воротах, плитах, статуях. Но о Колхиде, например, кроме легенды об аргонавтах, мы до VIII в. до н. э. ничего не знаем из письменных источников; затем она дважды упомянута в урартских надписях — видимо, в связи с тем, что к тому времени она заняла бывшую территорию одного из хурритских царств — Страны тахов; последнее, в свою очередь, по крайней мере с XIII—XII по VIII в. до н. э. занимало бывшие земли предгосударственного объединения XV—XIV вв. Хайаса (в долине р. Чорохи и на севере верхнего Евфрата). По соседству, в горах Понта, господствовали еще совершенно первобытные порядки и права, красочно описанные в V в. до н. э. греческим философом Ксенофонтом, проходившим эти места с военным отрядом.

Цари Мелитены носили хурритские и дунайские имена, но в составе ее населения следует предполагать и протоармянский («восточномушкский») элемент; в удачные периоды она, возможно, имела владения и на левобережье верхнего Евфрата, где, повидимому, располагались обычно самостоятельные мелкие государства со смешанным населением. Имена царей были почти повсеместно лувийскими, что, конечно, не исключает наличия в составе населения этих царств и различных других этнических компонентов.

Возвышение Урарту.

Если для Малой Азии XI — IX веков до н. э. были периодом бедствий и глубокого упадка, то для Армянского нагорья это был период дальнейшего трудного развития, выразившегося прежде всего в завершившемся классовом расслоении общества и повсеместном создании государственной власти. Одновременно здесь происходил технологический переворот, связанный с переходом от сплава меди с мышьяком к бронзе, а затем к железу.

С XI в. ассирийские набеги на нагорье были редкими и неглубокими, и данных в источниках о них мало; местные же тексты этого времени неизвестны. Поэтому мы знаем мало конкретного об этой области вплоть до середины IX в.; однако, судя по ряду косвенных данных, надо полагать, что кое-какие царства, пользовавшиеся в административной практике частью «хеттской» иероглификой, частью хурритской (и аккадской?), а позже урартской клинописью, существовали здесь и на протяжении XII — X вв. Здесь прежде всего надо отметить Алзи в долине р. Мурат (Арацани) со смешанным «восточномушкским» и хурритским населением, К этому же времени (но вне области непосредственного хеттско-хурритского

влияния) следует отнести создание и местной, урартской иероглифики.

Неясна этническая принадлежность мелких городов-государств, окружавших с конца II тысячелетия до н. э. оз. Урмия {на территории совр. Ирана), особенно расположенных на холмистой низменности к югу от него (в Стране маннеев); что это были именно города-государства, ясно видно по данным ассирийских анналов в сопоставлении с данными раскопок одного из этих городов; они показывают существование мощной цитадели, дворцовых и храмовых сооружений, каменных мостовых, типичной городской застройки, городских стен и т. п. Весьма возможно, что и этот район был в основном хурритским, хотя сюда еще с первой половины II тысячелетия до н. э. проникали иыдопранцы, а к IX в. до н. э. процент ираноязычного населения в этих местах, по всей видимости, был значительным.

Между хурритами запада (таохами) и востока (матиенами, у оз. Урмия) были расположены места обитания близкородственных им по языку племен урартов. Подобно своим соседям — горным хурритам, и урарты с конца II тысячелетия до н. э. образовывали города-государства (или номовые государства; такие маленькие государственные единицы были в то время рассеяны на большом пространстве от верхнего Евфрата через весь Иран и вплоть до Южной Туркмения). Важнейшим из них был Муцацир. Этот город был центром культа бога Халди, который позже сделался общеурартским божеством. Еще одним урартским центром был город Тушпа (ныне Ван), известный нам из источников со второй половины IX в. здесь был центр культа бога солнца Шивини.

Номовые государства Армянского нагорья были отграничены каждое естественными рубежами отрезка своей долины; и по мере того как от юго-запада к северо-востоку центральные крепости номов становились меньше и слабее, общество все более отдалялось от раннеклассового состояния, характерного для южных и юго-западных частей нагорья, и приближалось к состоянию позднего родо-племенного общества и военной демократии, характерному для большей части тогдашнего Закавказья. В XII в. ассирийские источники насчитывали в «странах (или «стране») Наири» (термин, объединявший в то время все земли от границ п-ова Малая Азия и до центральной части окраинных гор Западного Ирана) многие десятки «царей» (и «цариц», т. е. жриц божества плодородия, выступавших в поход вместе с войсками); это, конечно, были еще племенные вожди, и недаром хетты здесь не раз вели переговоры не только с «царями», по и непосредственно с народом тех или других «стран». Из описаний ассирийских походов XIII—X вв. до н. э. ясно вырисовывается существование здесь обширных, по непрочных объединений — племенных союзов; в надписях же урартских царей VIII в. племенные объединения прослеживаются уже только к северу от оз. Ван и в

особенности к северу от долины Аракса. Этническая принадлежность этих последних племен неясна.

Урарту как государственное объединение, доминирующее в некоторых частях Армянского нагорья, упоминается впервые, по-видимому, ассирийским царем Ашшур-нацир-апалом II (883— 858 гг. до н. э.). После весьма длительного перерыва глубоко внутрь нагорья решился проникнуть его сын Салманасар III в 859 и 856 гг. События этих походов изображены на рельефах ассирийских бронзовых обшивок храмовых ворот. Эти рельефы позволяют судить о военном деле и вооружении урартов IX в. Урартские воины изображены здесь в подпоясанных рубахах, в шлемах с гребнями, с маленькими круглыми щитами и короткими, вероятно бронзовыми, прямыми мечами — вооружение, в общем сходное с лувийско-хурритским. Воины, обороняющие стены, вооружены также луками. То же рельефы изображают вырубку деревьев, казни знатнейших жителей, увоз ассирийцами захваченного добра в больших глиняных сосудах, положенных па повозки, и угон нагих пленных в шейных колодках. Во время похода 856 г. до н. э, ассирийцы прошли через левобережье верхнеевфратской долины — сквозь Страну мушкой (Алзи) и другие области — и вторглись в Страну таохов. Разбив царя таохов, Салманасар повернул и ударил по Урарту с тыла — с северо-запада. Битва привела к поражению урартов и большим их потерям; ассирийцы заняли крепость и столицу одного из урартских округов; последовали обычное разорение местности и зверская расправа над населением. Пленных не брали (кроме колесничих и всадников), но угоняли лошадей и мулов и вывозили добычу. Обходя оз. Ван с севера, Салманасар, пе спеша, велел соорудить в горах «огромное изображение своего величества» с надписью; затем, омыв оружие в «море Наири» (оз. Ван), ассирийцы с боем прошли далее и через владения различных мелких царьков вышли в Ассирию.

Четверть века после этого ассирийцы не тревожили горцев. Урарты воспользовались передышкой для укрепления своего государства. Ко времени после 845 г. до п. о. относятся первые надписи урартского царя Сардури I па ассирийском диалекте аккадского. Эти надписи найдены в Тушпе, и полагают, что именно Сардури I сделал ее своей гражданской столицей, оставив полунезависимый Муцацир культовым центром урартов. Сардури I именуется не только «царем Биайнели (т. е. Вана, Урарту), правителем города Тушпы», но и «царем великим, царем сильным, царем воипств, царем Наири». Эта титулатура повторяла ассирийскую с заменой слова «Ассирия» на «Наири», что означало вызов Ассирии и претензию на соперничество с ней.

Претензия оказалась небезосновательной. Ассирийцы были в это время связаны тяжелой борьбой за «железный путь», которую им приходилось вести с Северосирийским союзом, возглавлявшимся тогда Мелитепой, и с Южносирийским союзом во главе с Дамаском.

Лишь в 832 г. до н. э. стареющий Салманасар послал против Сардури своего полководца; однако Сардури удалось не допустить ассирийцев в глубь государства ни в этот раз, ни позже. Политику Сардури I продолжал его сын, но он рано отошел от активной деятельности, и фактическим правителем страны был Минуа, внук Сардури. Была укреплена урартская власть над Муцациром, которому вначале угрожала Ассирия (причем правителем, по-видимому, поставили брата Минуа), а также занята вся территория вплоть до западного и южного берегов Урмии; урарты вышли во фланг Ассирии. Северная граница Урарту проходила, видимо, между оз. Ван и р. Араке; здесь урарты вели упорную борьбу с вторгавшимися с севера, из-за Аракса, племенами, может быть протогрузинскими.

Ко времени Минуа в Урарту учреждается система наместничеств во главе с областеначальниками, упорядочиваются культы богов и вводится общегосударственная система жертвоприношений. В каждом завоеванном номе принудительно вводился культ государственного урартского бога Халди — мера, незнакомая другим «великим державам».

Незадолго до 800 г, начинается единоличное правление Минуа. Вскоре после этой даты ассирийцы потеряли свои верхнеевфратские провинции, и все левобережье верхнего Евфрата, включая Алзи (Страну мушков), вошло в состав Урарту; Минуа удалось вторгнуться на территорию царства «Хатти» (Мелитены) на правобережье Евфрата и, более того, перевалив через горы, совершить набег на ассирийскую Верхнюю Месопотамию. На севере Минуа проник в Страну таохов, а также возвел новый административный центр на правом берегу Аракса, у подножия горы Арарат; отсюда урарты начали рейды на Закавказье.

Во время правления Минуа по всему царству было построено много оборонительных и оросительных сооружений: один из его каналов до сих пор снабжает водой г. Ван. Урарты не останавливались перед тем, чтобы прорубать каналы в скале или облицовывать их глыбами камня. Это строительство стало возможным в результате введения стальных орудий и распространения обязательных повинностей на обширное новое население царства (случаев постройки больших оросительных сооружений руками рабов-пленных на древнем Ближнем Востоке неизвестно).

Около 780 г. (датировки, предложенные разными исследователями, расходятся в пределах до десятилетия) на престол Урарту вступает Аргишти I, сын Минуа. От его правления дошла одна из крупнейших древневосточных надписей — огромная летопись, высеченная на отвесных склонах Ванской скалы, и другие подробные известия о его походах. В начале своего правления Аргишти повторил поход Минуа на Страну таохов, частично обратив ее в урартское наместничество, а частично обложив данью — золотом, медью, конями и рогатым скотом. Окончательно царство таохов было сокрушено Аргишти лет на 15—20

позже, причем значительная часть долины р. Чорохи, видимо, тогда же перешла в руки Колхиды. Во время первого своего похода, пройдя вдоль юго-западной периферии области колхов, Аргишти вышел к верховьям р. Куры и вернулся через долину Аракса. На западе своего царства Аргишти снаряжал военные экспедиции в верхнеевфратскую долину, на правобережье, в царство Мелитепу (оно же «Хатти»). Отсюда урартскому царю удалось установить свою гегемонию над верхнеевфратским участком «железного пути». Позже им были завоеваны районы верховьев Куры, верховьев Аракса, Севанского озера и севернее. В 4-м (?) году правления им была построена почти на месте позднейшего Еревана крепость Эребуни, заселенная 6600 воинами, взятыми в плен в Мелитене и на вернем Евфрате, по всей вероятности протоармянами по этнической принадлежности, а также и другими племенами. Все они были теперь определены на пограничную военную службу. Несколько позже Аргишти создает на левом берегу Аракса еще более крупную крепость — Аргиштихинели, которая, видимо, должна была явиться административным центром всего Закавказья.

Зайдя через Мелитепу во фланг Ассирии с запада и перерезав ее коммуникации с важнейшими источниками сырья, Аргишти посвятил много лет тому, чтобы обойти Ассирию также и с востока. Основным объектом была Страна маннеев к югу от Урмийского озера и расположенные еще южнее области; Аргишти доходит даже до вавилонских пределов.

Успехам Аргишти, который неоднократно вторгнулся на собственно ассирийскую территорию, содействовала господствовавшая в Ассирии разруха, вследствие чего он часто имел дело не с царскими войсками, а с войсками полусамостоятельных наместников.

Упорные набеги урартов на Страну маннеев привели к сплочению самих маннеев, так что, как только могущество урартов в следующее правление пошатнулось, на месте множества городов-государств урмийского района возникло большое царство под тем же названием Страны маннеев (она же Мана). Оно имело олигархическое управление (рядом с царем стоял совет из царских родичей и местных правителей); но и народ тоже играл заметную политическую роль.

Общество Урарту.

Урарту было наименее доступной врагам областью нагорья, а потому располагало наиболее благоприятными условиями развития.

Для того чтобы сохраниться рядом с могущественной и воинственной Ассирией, царство Урарту должно было быстро сравняться с ней по уровню развития военной и административной техники и по мощи завоеваний. И Урарту этого добилось. С царствования Аргишти I (если не ранее) в урартской армии были, по-видимому, введены ассирийская структура подразделений и система

обучения и, во всяком случае, ассирийское снаряжение и вооружение (пластинчатые панцири, остроконечные бронзовые шлемы, большие круглые бронзовые щиты, сравнительно длинные стальные мечи и лук с колчаном на 36 стрел, с железными, реже бронзовыми, наконечниками). По ассирийскому образцу организуется царский двор с тысячами евнухов. Что касается урартской административной системы, то Ассирия со второй половины VIII в., по-видимому, стала сама копировать ее. Целью как войн, так и «мирной» администрации завоеванных областей был прежде всего захват материальных ценностей, при этом нарушению торговых путей придавалось мало значения; ценности скапливались на царских и храмовых складах ради престижа, обмена подарками с другими дворами и содержания придворного штата, чиновничества и армии; в значительно меньшей мере они поступали в оборот: товарное хозяйство в горных областях Передней Азии было развито низко. В то же время скопление металла и пленных (в том числе ремесленников) в центрах Урарту способствовало высокому развитию литейного и вообще металлургического, а также ювелирного мастерства.

В Урарту не было крупных царских рабовладельческих, земледельческих хозяйств. Принадлежавшие царю земли были сравнительно невелики, и продукты полеводства поступали в урартские «дворцы»-крепости главным образом в виде натурального налога с населения. В этих крепостях находились склады хлеба и фуража для войска, винные кладовые, здесь же были мастерские для первичной переработки поступающего сырья, для изготовления оружия и т. д., располагались гарнизоны и помещались наместники со своим штатом. Лучшее всего такой «дворец»-крепость изучен на материале древнего города Тейшебайни, ныне городища Кармир-блур около Еревана; однако за последнее время раскопаны некоторые подобные крепости и на территории Турции и Ирана.

В Тейшебайпи, городе, заново построенном урартами в VII в., дома, по-видимому, строились сразу целыми кварталами, одновременно с основанием крепости. Каждая семья обитала в жилище, состоявшем из двух-трех помещений, из которых одно было только до половины крыто кровлей, покоившейся на деревянных столбах. Другая его половина служила двориком. Здесь находился врытый в землю очаг. Жители дома не имели собственных постоянных хранилищ для продуктов, не держали при доме скота: видимо, здесь жили люди, работавшие в мастерских цитадели или служившие в гарнизоне или на низших административных должностях. Мебели почти не было; главную утварь составляла глиняная посуда: в ней варили пищу, хранили зерно, масло, пиво, мелкие вещи. Из кости и дерева изготавливали коробочки, ложки, совки, гребни и т. п. В пищу шел ячмень, просо, бобовые, кунжут (на масло), виноград и изюм, а также иногда выдававшееся из дворца мясо. Известны некоторые орудия урартского земледельца: железные серпы, вилы, лопаты, грубые зернотерки из двух камней, каменные ступки-крупорушки. Образцом другого, более органично выросшего типа города на нагорьях может

служить нынешнее городище Хасанлу в Стране маннеев. Здесь вместо прямых, единовременно проложенных улиц — лабиринт естественно складывавшихся переулков, больше имущественного расслоения, выражающегося в различном богатстве и размерах отдельных строений. В Урарту — может быть, и у маннеев — были известны и многоэтажные городские дома, в которых, возможно, жили большими семьями общинники. Большесемейные поселки типа хурритских «башен» были распространены и в сельской местности.

Урартское общество не было этнически однородным. Помимо собственно урартов, жителей бассейна оз. Ван, здесь обитали «хетты» (т. е. лувийцы и протоармяне), хурриты, а также представители северных (протогрузиноязычных и др.) кавказских племен; возможны и иные (иранские, арамейские?) этнические группы.

Разноплеменным и разноязычным, вероятно, было и войско, что должно было сказаться в периоды военных неудач (или хотя бы отсутствия побед). Урартские надписи и титулатура царей объединяют основную массу населения под термином шурели (букв. «оружия», т. е. «воинства» или «вооруженные племена»). Они были обязаны воинской и другими повинностями и жили большими общинно-родовыми поселениями, сгруппированными вокруг окруженных стенами самоуправляющихся и царских поселений-крепостей. Так, существовали целые поселения из родичей царя. Среди царских людей выделялась высшая группа — мари. Военная и служилая знать, может быть, восходила по происхождению к местным знатым родам различных племен.

Важнейшим культовым центром был муцацрский храм бога Халди; он был местом коронации урартских царей и одновременно их сокровищницей. Наряду с храмами (под двускатной крышей с колонным залом и иногда с портиком) в культе Халди существовали святилища под открытым небом — перед иишей в скале или каменной стелой («вратами» бога Халди); как храмы, так и «врата» владели огромными стадами, образовавшимися из царских пожалований и обязательных даров на жертвы, которые приносили семьи общинников; но нет никаких данных о том, чтобы храмы обладали полевыми хозяйствами. Вообще на территории Урартского царства из непромышленных отраслей хозяйства более всего было развито отгонное скотоводство (разводились главным образом овцы, крупный рогатый скот и кони); но урартские цари уделяли исключительное внимание и развитию земледелия и виноградарства — видимо, страна с трудом обеспечивала себя хлебом и вином.

Из каждого похода урартские войска пригоняли наряду со множеством скота также очень много пленных — конечно, преимущественно из мирного населения. Судя по данным надписей, за каждое поколение перемещались сотни тысяч людей. Большинство пленных отдавали царю (так же как ему же, очевидно, переходила и опустошенная и вновь заселенная земля), но многие доставались и

воинам. Однако хозяйство страны было не способно использовать такую массу несвободной рабочей силы, поэтому более половины взятых в плен умерщвляли, а из оставленных в живых (преимущественно мальчиков и молодых женщин) далеко не все переносили тяготы угона. Несомненно, что рабы использовались в скотоводстве и в ремесле; в какой мере и как они использовались в земледелии, неясно. Есть основание полагать, что с ними поступали так же, как в Ассирии, т. е. главным образом сажали на землю в качестве «илотов» царя или его подданных, которые вели хозяйство индивидуально, отдавая значительную часть продукта своего труда. Многих мальчиков кастрировали, пополняя евнухами штаты не только царя, но, вероятно, и областеначальников, жриц и т. п. Важно отметить, что пленных воинов часто включали в урартские пограничные части, где простое чувство самосохранения вынуждало их сражаться против врагов Урарту.

Урарту времени своего расцвета.

В середине VIII в.— около 760 г. до н. э.— на урартский простоял вошел Сардурн II, сын Аргишти. В это время благоприятная для урартов обстановка продолжала сохраняться. Однако Сардури II пришлось неоднократно воевать в Стране маннеев и дальше к югу, вплоть до границ Вавилонии, встречая все более ожесточенное сопротивление. К концу правления Сардури Страна маннеев и другие области этой окраины добились независимости. Целый ряд походов урартского царя был направлен и в Закавказье.

Число пригоняемых пленных все увеличивается: так, за один лишь год Сардури II привел из трех походов 12 735 мальчиков и 46 600 женщин.

Наиболее важным направлением походов Урарту было юго-западное. Сардури дважды совершал поход вниз по Евфрату, где открывался путь в Сирию. Он вступил в сношения с Северосирийским союзом. При помощи союзов влияние Урарту распространилось до самого Дамаска, и сирийцы выступали вместе с Сардури против угрожавшей им всем Ассирии.

Начиная с 781 г. до н. э. периодически происходили стычки между Урарту и Ассирией, и окраинные области то там, то здесь переходили за это время от ассирийцев к урартам. В середине века решительная стычка между двумя державами стала неизбежной. В 745 г. в Ассирии воцарился Тиглатпаласар III, проводивший ряд существенных реформ, используя, по-видимому, и достижения урартской государственной практики. В частности, военная реформа Тиглатпаласара имела прототип в проведенной незадолго до этого военной реформе Сардури: полагаясь на огромное скопление продуктов и ценностей в царских хранилищах, с помощью чего урартский царь мог содержать постоянное войско на свой счет, тот сократил более 350 тыс. воинских повинностных единиц в стране (разумеется, столько ополченцев и

раньше никогда не призывалось одновременно). Однако Сардури, видимо, переоценил свои возможности и слишком ослабил реформой армию. Напротив, в Ассирии реформа Тиглатпаласара, проведенная после тяжелой полосы неурядиц, разрухи и междоусобных войн, привела к большому притоку боеспособных воинов в перестроенную постоянную армию, и в схватке урартский царь оказался слабее. В битве, которая произошла в 743 г., ассирийцы нанесли Сардури и его союзникам поражение. Сардури отступил на восток от верхнего Евфрата, бросив победителям свой лагерь. Тиглатпаласар вернул Ассирии часть областей к северу от верховьев Тигра. Но, по-видимому, только в 735 г. ему удалось вторгнуться в глубь Урарту и даже осадить Тушпу, хотя взять ее цитадель он не мог. Сардури II умер в конце 30-х годов VIII в., и на престол Урарту взошел Руса I. В это трудное для его царства время центробежные силы, сдерживаемые до сих пор оружием урартских царей, получили простор для действий. Местные царьки и даже наместники из высшей урартской знати отлагались от царя Урарту; об этом мы знаем из дошедших донесений ассирийских шпионов. По сообщению одного ассирийского источника. Руса воздвиг впоследствии в Муцацирском храме статую, изображавшую его на колеснице, с надписью: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту». Хотя в этих словах содержится похвальба, они все же передают историческую обстановку: положение Русы было очень тяжелым. Ему, однако, удалось справиться с восстанием наместников и вновь подчинить своей власти маленькое, но политически важное царство Муцацир. Как полагают, Руса реформировал и разукрупнил наместничества и построил соответственно новые крепости — административные центры (в том числе в Закавказье, например, на берегу Севана). Не ограничившись этим, Руса I вышел и в области к востоку от оз. Севан; по-видимому, он дошел по крайней мере до современного Нагорного Карабаха; оттуда он перешел Араке и укрепился там. Но едва Русе удалось вновь собрать воедино Урартское государство, как он столкнулся с серьезной внешней опасностью — вторжением из степей Северного Причерноморья в Закавказье конных отрядов киммерийцев (вероятно, через перевалы Мамисон и Клухор); они первоначально обосновались, по-видимому, в Западной Грузии и оттуда совершали набеги на Урартское царство.

Опасность киммерийцев, а впоследствии скифов состояла, во-первых, в их новой тактике и, во-вторых, в их вооружении луками и стрелами с баллистически гораздо более эффективными, чем прежние, так называемыми скифскими наконечниками стрел. В течение последующих 100—150 лет все армии перевооружились этими стрелами; пока меткость, дальноточность и убийная сила киммерийско-скифских стрел должны были вносить панику в ряды противника и окрестного населения. Однако киммерийцы, как позже и скифы, далеко не сразу научились брать крепости, а крепости были костяком Урартского государства.

Руса I справился с киммерийцами, направив их поток преимущественно в Малую Азию. Но по мере нового роста сил Урарту назрела неизбежность нового столкновения с Ассирией, где тем временем воцарился еще один энергичный царь — Саргон II. Готовясь к борьбе с ним, Руса завязывает отношения с Фригией и с мелкими буферными царствами, расположенными в горах Малоазийского Тавра и на правом берегу верхнего Евфрата.

Урарту и Фригия.

Когда именно в центре Малой Азии возникло Фригийское царство, до сих пор не установлено; расцвет его, связанный с именем знаменитого царя Мидаса, относится ко второй половине VIII в. до н. э. Этому же времени принадлежат раскопанные здания и курганные погребения фригийской столицы Гордион в долине р. Сангария (Сакарья). По преданию, Гордион был назван по имени Гордия, основателя если не Фригийского царства вообще, то, во всяком случае, Фригийской великой державы VIII в. до н. э. (По преданию, Гордий (вышедший из крестьян) поместил в столичном храме телегу, ярмо которой было закреплено хитрым узлом; говорили, будто бы развязавший этот узел будет владеть Азией. Но Александр Македонский, побывавший в Гордионе в IV в. до н. э., его попросту разрубил.).

Первоначальная фригийская территория, если не считать Малой Фригии, выходившей к Мраморному морю, включала лесистый горный массив у истоков больших малоазийских рек; здесь находились важные, по-видимому, автономные храмовые города. Политический центр) фригийской территории находился в долине р. Сангария, а на восток она частично заходила за р. Галис (Кызыл-Ирмак), на древнюю хеттскую землю. Здесь, у южной точки изгиба р. Галис, т. е. уже далеко за пределами первоначальной фригийской территории, оставил свою надпись (иероглификой, на лувийском языке) Гордий I. В ней он уже титулуется «царем Востока и Запада» (середина VIII в. до н. э.).

Расцвет Фригии при Гордий и при Мидасе, сыне Гордия, был быстрым и блестящим; причины этого нам не совсем ясны, однако характерна легенда, утверждавшая, будто Мидас мог превращать все в золото одним своим прикосновением. Мидас I, несомненно, помимо Фригии господствовал и над Лидией (долиной р. Гедиз), и над ее богатыми золотыми месторождениями на речке Пактол, открытыми в послехеттское время (может быть, как раз при фригийском владычестве?). На востоке влияние еще Гордия I, а затем и Мидаса I доходило до гор Тавра, а на западе — до греческих (эолийских и ионийских) городов; дочь царя одного из них была, по преданию, женой Мидаса. Именно он был первым из негреческих царей, кто принес дар в общегреческое святилище в Дельфах (золотой трон). При Мидасе расцвела фригийская металлургическая, ткацкая, деревообделочная промышленность. Интересно, что во Фригии вплоть

до середины VII в. до н. э. не наблюдается признаков ввоза товаров ремесленного производства из Греции и вообще с Запада; напротив, начиная с VIII в. до н. э. в Греции почти повсеместно встречаются изделия фригийские и, по-видимому, либо прибывшие через Фригию урартские, либо имитированные во Фригии по урартским образцам. Не совсем ясно, что шло из Греции в обмен на фригийские товары. Олово? Некоторые сельскохозяйственные продукты, например оливковое масло? Рабы? Греческие мореходы могли быть естественными поставщиками рабов, точно так же как финикийские (сидонские) мореходы, о чьей пиратской деятельности красочно рассказывает греческая поэма VIII в. до н. э. «Одиссея». По данным древнееврейского религиозно-политического проповедника VI в. до н. э. Езекиила, Фригия и Табал (Одна из лувийских областей в горах Тавра на юго-востоке Малой Азии.) еще в его время (когда Фригия находилась в зависимости от Лидии и сама уже вряд ли захватывала много пленных на войне) продавала финикийцам наряду с бронзой также «души человеческие», скорее всего посредничая для работоторговли Запада.

Известно немало культурных изобретений, перенятых, по преданию, греками, а позже римлянами у фригийцев: таковы цветные фризы (лат. *phrygium*) под двускатной крышей храмовых и других зданий (подобные же храмовые здания сооружались и в Урарту), настенные ковры, искусство вышивки золотыми нитками, фригийский музыкальный лад, двойная свирель и кифара (род гуслей), разведение «ангорских» коз с пушистой шерстью и декоративных роз и многое другое. О греческом влиянии на Фригию судить трудно: если не считать надгробных надписей римского времени, до нас дошло лишь немного кратких и обычно не поддающихся истолкованию надписей по-фригийски. Однако надлежит заметить, что с VIII в. и фригийцы и греки пользовались практически одним и тем же алфавитом — алфавитом подлинным, т. е. передававшим не только согласные, но и гласные. Внешне он был близок финикийскому письму начала I тысячелетия до н. э.; гораздо меньше похожи на него (я на греческий алфавит) другие малоазийские алфавиты (лидийский, карийский, ликийский и др.), хотя и они явно семитского происхождения. Однако неясно, восприняли ли фригийцы свою письменность от греков. По ряду соображений вероятно, что фригийцы заимствовали алфавит непосредственно у финикийцев, а затем сами оказали влияние на греков. В частности, последовательная передача на письме всех гласных наряду с согласными, как кажется, именно фригийское изобретение, перенятое у них греками. Очень раннее влияние греков на фригийцев видно, однако, из надписи на культовой нише («вратах бога») в скале из «Города Мидаса», где этот царь носит ахейские (микенские) титулы ванака и лавагет. Итак, в греко-фригийских взаимоотношениях фригийская сторона, видимо, не была только дающей. Тем не менее в материальной культуре (скальные сооружения, бронзовая утварь и т. п.) Фригийское царство дает больше свидетельств контактов с царством Урарту, чем с Грецией;

несомненно, что оно явилось связующим звеном между Передней Азией и греками; первые участки знаменитой персидской «Царской дороги», объединявшей с VI в. до н. э. страны Эгейского моря с Востоком, уже были проложены при Мидасе.

Главную роль во фригийской религии играл культ великой матери-богини Кибелы (Кубабы — культ, восходящий еще к дохурритским временам), а также молодого бога Аттиса, умирающего и воскресающего к новой жизни. В этом культе — по крайней мере позднее — были распространены оргиастические обряды и самооскопление жрецов, посвящавших себя богу, — обычай, представляющийся нам теперь изуверским. Однако культ Аттиса не случайно просуществовал весьма долго и впоследствии распространился на запад вплоть до Рима. Бытовой его основой явилось наличие тысяч евнухов во всех древневосточных государствах той поры, особенно в царских, храмовых и больших частных хозяйствах.

Приверженцы культа Аттиса были не среди одних только евнухов, были они и среди полноценных мужчин и особенно среди женщин.

Фригийские воины изображаются короткобородыми, с серьгами в ушах, одетыми в длинные полосатые рубахи с кисточками по подолу и высокие сапожки; шлемы они носили плетеные, копья короткие, щиты круглые, небольшие. Мода на знаменитые «фригийские колпаки», в будущем ставшие символом свободы, была, видимо, занесена во Фригию позже — киммерийцами или трерами.

Таково было государство, возникшее в VIII в. до н. э. как новый важный фактор в мировой политике, государство, на которое решил ориентироваться Руса I в предстоящей борьбе Урарту с Ассирией. Ассирийский царь Саргон II был в это время занят окончательным покорением Сирии и осаждал важнейший торговый город на Евфрате — Каркемиш, который после утери своего значения Мелитеной и Арпадом стал политическим центром Северо-сирийского союза. По-видимому, последний царь Каркемиша успел послать гонцов к Мидасу в 718—717 гг. и призвать его на помощь. Мидас откликнулся и, как можно думать, тогда же заключил свои союзы и со всеми государствами: Тавра. Заключение союзов было подкреплено делом: фригийские войска перевалили Тавр, и их передовые отряды вышли к Средиземному морю. Здесь, однако, они были отражены ассирийцами, и Мидас далее не двинулся, а Каркемиш был взят Саргоном. Однако столкновение с ассирийцами было слишком незначительным для того, чтобы само по себе задержать фригийцев; можно догадываться, что более важной причиной прекращения их наступления были киммерийцы, около этого времени переставшие тревожить Урарту и через область Понт ударившие по Малой Азии. Таким образом, Руса, видимо, связался с Мидасом лишь после того, как тот справился с первым натиском киммерийцев, — во всяком случае, слишком поздно: фригийское наступление во фланг Ассирии сорвалось. Саргон

предпринял ряд походов в область Тавра с целью одновременно и обеспечить свой фланг, и овладеть «железным путем». Сначала он старался создать себе союзников, сажая, где возможно, своих ставленников, и передавал города одних, царей другим; он даже выдал свою дочь за одного из здешних царей; а затем уже громил непокорных. В конце концов, однако, Саргон присоединил к Ассирии все таврские царства, создав широкий клин между Фригией и Урарту (713—708 гг. до н. э.). При этом дело не обошлось без новых стычек с фригийцами. Но это было уже после того, как ассирийский царь расправился с самим царством Урарту.

Еще после поражения, нанесенного Ассирией Сардури II, Страна манпеев превратилась в большое независимое царство, пытавшееся лавировать между Ассирией и Урарту; Тиглатпала-сар III и Саргон II не трогали его владений, расширяя власть Ассирии за счет более южных — мидийских областей Иранского нагорья. Руса I попытался поддержать в Стране манпеев антиассирийскую оппозицию и к тому же овладел большой полосой маннейских земель на северном и восточном побережье оз. Урмия. В 714 г. Саргон направился на Иранское нагорье, делая вид, что намерен в союзе с маннейским царем углубиться в Мидию. Руса решил этим воспользоваться для того, чтобы зайти в тыл ассирийскому войску, но прекрасно поставленная ассирийская разведка вовремя предупредила Саргона; он повернул свою армию и вблизи нынешнего Тебриза нанес Русе сокрушительное поражение; тот бежал в Тушпу и вскоре покончил с собой. Саргон же совершил в высшей степени опустошительный поход через всю территорию Урарту вокруг Урмийского и Ванского озер, минув только урартскую столицу. Мало того, в конце похода, отпустив основную часть армии с огромной добычей в Ассирию, он неожиданно перевалил через горы в верховья Большого Заба и обрушился на Муцацир, беа сопротивления перешедший в руки ассирийцев. Здесь были разграблены дворец и храм бога Халди и захвачено свыше 330 тыс. предметов искусства и ремесла: более тонны золотых, более пяти тонн серебряных и более сотни тонн бронзовых изделий, а также медных слитков. Вступивший в 713 г. на престол Урарту Лргишти II мало что мог сделать; его попытки опереться на Фригию и на таврские царства против Ассирии оказались безуспешными. С другой стороны, и завоевания Саргона II в горах Тавра оказались непрочными.

При урартском царе Русе II, который правил примерно с 680 по 660 г. до н. э., Урарту переживает новый, но уже последний период подъема. Наиболее серьезной оставалась проблема кочевых отрядов конников. Киммерийцы к этому времени усилились в Малой Азии и громил владения Мидаса, но, безусловно, совершали набеги также на ассирийскую и урартскую территории. В 680 г. новый ассирийский царь, Асархаддон, перешел через Тавр и разбил киммерийцев; вождь киммерийцев Теушпа погиб, а часть его конников пошла на ассирийскую службу. Другая часть вошла в союз с Мидасом, и совместно они совершили (или по крайней мере готовили) набег на «железный путь» в районе Мелитены.

Однако союзы с такой капризной силой, как необузданные конные отряды киммерийцев и скифов, были всегда делом ненадежным, и, видимо, Русе удалось перетянуть киммерийцев на свою сторону; тогда против Урарту образовался союз Фригии, Мелитены и халдов-халибов.

Для Русы II в этот момент существен был нейтралитет Ассирии. Асархаддон готовил поход против одной независимой хурритской области в горах севернее истоков р. Тигр. Наряду с Мелитеной и некоторыми другими стратегически труднодоступными районами эта область (Шубрия) была убежищем для политических беженцев и для беглецов от тягот повинностей как из Ассирии, так и из Урарту. Асархаддон поэтому тоже нуждался в Русе и соглашался на ассирийский нейтралитет. Поход Русы против Фригии, Мелитены и халдов (675 г. до ц. э.) имел успех; урарты захватили много добычи и пленных, а Фригия отдана была на поток и разграбление киммерийцам. Тогда же погиб престарелый Мидас, и ассирийцы, по-видимому принявшие участие в войне на ее последнем этапе, могли около 660 г. числить Фригию даже среди своих «провинций». Это вмешательство ассирийцев не позволило Русе II полностью развить свой успех, и, в частности, царство Мелитены благополучно пережило войну, а в 50-х годах VII в. до н. э. даже расширилось. Хотя ассирийские цари претендовали на власть над Фригией, настоящими хозяевами ее остались киммерийцы, которые вместе со вторгшимися с Балкан трерами опустошали несчастную страну более двадцати лет; после этого, однако, царство Фригии было восстановлено, но уже как зависимое от более западного государства — Лидии. От киммерийских набегов тяжело пострадали и некоторые греческие города Малой Азии. Поход ассирийцев на горную область к северу от истоков Тигра состоялся несколько позже урартского похода против Фригии, а именно в 673 г. до н. э., и также увенчался успехом.

Скрывавшиеся беглецы после калечащих наказаний были выданы своим хозяевам; часть пленных была зачислена в ассирийскую армию.

Скифы, упадок Урарту и возвышение лидии. Первое Армянское государство.

Окончательный уход основных сил киммерийцев в Малую Азию, упадок Фригии и серьезные войны, в которые одновременно вынуждена была ввязаться Ассирия на востоке, в Мидии, а также на юге, в Египте, позволили Русе II посвятить силы развитию земледелия в Урарту, строительству оросительных каналов и новых крепостей и развязали ему руки в Закавказье. Именно ко времени Русы II относится построение нового города и крепости Тейшебайни около современного Еревана. Цитадель его почти целиком была занята гигантским административным зданием, расположенным ярусами-ступами в соответствии с рельефом скалы и включавшим многочисленные склады продуктов и мастерские.

Здесь же была храмовая площадка перед каменной стелой — «ворота бога Халди». Усиление положения урартов в Закавказье было важно для них потому, что в 60—70-х годах VII в. до н. э. вдоль Каспийского моря из придонских степей продвинулась и свая группа ираноязычных конников — скифы. Они образовали род кочевого «царства», скорее всего сначала на просторах современного советского Азербайджана. Но возможно, что после народного восстания в Стране маннеев, когда царь ее обратился за помощью к Ассирии (659 г. ?), переднеазиатские скифы, выступив как союзники Ассирии, получили фактическую гегемонию и в Стране маннеев; к этому времени следует отнести перенесение их центра в район оз. Урмия, о чем свидетельствуют найденные здесь скифские «клады». В 672 г. до н. э. скифы вмешались было в ассиро-мидийскую войну, но затем вступили в союз с ассирийцами и тем самым превратились в важный, нередко решающий фактор ближневосточной политики. В 50-х годах VII в. до н. э. царь скифов Мадий во время серьезнейшей войны 654—652 гг. до н. э. между Ассирией и Вавилоном подчинил себе мидян, а затем, то ли обойдя, то ли пересекши урартскую территорию, ворвался в Малую Азию, где истребил разложившиеся от долгих беспрепятственных грабежей толпы киммерийцев. Урартское царство было настолько деморализовано всеми этими событиями, что новый его царь, Сардури III, в 643 или в 639 г. добровольно признал над собой главенство Ассирии, назвав себя в дипломатическом письме «сыном» ассирийского царя Ашшурбанапала. Но вскоре уже в самой Ассирии начались фатальные события, быстро приведшие ее к гибели, и скифы, оставив Малую Азию, распространили свои набеги на ассирийские владения.

В Малой Азии Гигес, царь и основатель новой династии в Лидии, еще вынужден был вести с киммерийцами борьбу с переменным успехом, то тщетно пытаясь найти против них союзника в Ассирии, то сам вступая в союз против Ассирии с Псамметихом египетским, и в конце концов погиб в борьбе с кочевниками, которые даже взяли лидийскую столицу Сарды. Но уже его сын Ардис (651? — 613? гг. до н. э.) смог воспользоваться уходом победителей над киммерийцами — скифов Мадия - в Ассирию и фактически занять большую часть Малой Азии. Изгнав остатки киммерийцев из своего государства, Ардис предпринял завоевание ионийских городов-государств на побережье. Он овладел Присной, но не смог взять важнейший город — Милет, и война с ним продолжалась при его преемниках. В войне с Милетом и другими греческими городами лидийские цари использовали ту ожесточенную борьбу, которая уже с VIII в. до н. э. происходила там между знатью и остальной массой свободного населения (демосом), Лидяне опирались на аристократическую партию и не имели успеха в борьбе с городами, где держалось демократическое управление: под Клаломенами они потерпели жестокое поражение, а в отношении Милета были вынуждены довольствоваться заключением мира на условиях дружбы и союза.

Если не считать побережий с их независимыми греческими и ликийскими городами и независимыми же, по отсталыми племенами Понтийских гор, в Малой Азии теперь оставались три сильных царства: Лидия, унаследовавшая могущество Фригии, Киликия на юго-восточном побережье и «Дом Тогармы», т. е. бывшее царство Мелитены, сменившее, по-видимому, лувийскую династию на армянскую; мелкие царства гор Тавра, разгромленные ассирийцами, киммерийцами и снова ассирийцами и скифами, вошли в два последних царства.

В верхнеевфратской долине в это время, очевидно, начался процесс создания армянской народности. Этот уголок земли был издавна населен многими этническими группами, говорившими на совершенно различных языках: лувийском, хурритском, урартском, протоармянском, возможно, и на других. Теперь языком их общения стал протоармянский (переработанный в соответствии с языковыми навыками местного, более многочисленного населения, он стал в конце концов, через много столетий, древнеармянским — общим языком нагорья и центральной части Южного Закавказья, однако слова, относящиеся к их родной природе и быту, армяне сохранили из своих прежних языков).

В конце VII — начале VI в. до н. э., поскольку Закавказье, видимо, оставалось еще базой могущества скифов, царства Урарту и Страны маннеев уже не могли более оправиться. Они не вовсе погибли — сказалась сила «костяка» из царских крепостей, — но уже не могли подняться до прежнего благосостояния и могущества.

Последние урартские цари проходят перед нами как бледные тени. Решающие события наступили в связи с крушением Ассирийской державы в 616—606 гг. под ударами Вавилона и Мидии. В ходе войны мидяне подчинили себе Страну маппоев (около 615—613 гг.), а затем и Урарту. В 609 г., видимо, вавилоняне совершили первый поход на Урарту, а в 606 г. — на некую «область» в Урарту под названием «Дом Ханунии», вероятно ныне Хнус, или Хыныс, по дороге на современный Эрзурум. Целью похода было, по-видимому, предотвратить нападение «Дома Тогармы» и Урарту во фланг вавилонянам в разгар их борьбы с остатками ассирийской армии и Египтом. Однако вплоть до 593 г. Урарту, Страна маннеев и Скифское царство все еще продолжали существовать — как вассальные царства Мидии (в качестве таковых они под этим годом упомянуты в библейской «Книге Иеремии»). Скифы, видимо, принимали самое активное участие в событиях этого времени, хотя исследователи сильно расходятся в оценке характера и значения их действий. Во всяком случае, между 593 и 591 гг. все три вассальных царства были уничтожены мидянами; погибли и урартские крепости.

После разгрома скифов мидянами часть их ушла обратно за Большой Кавказ, другая, по сведениям греческого историка Геродота, бежала в Малую Азию, что послужило в 590 г. причиной для большой

войны между Мидией (царь Киаксар) и Лидией (царь Алиатт). О ходе ее можно заключить из сообщений «Книги Езекиила» и некоторых других библейских источников. Лидия подчинила себе Фригию и другие территории Малой Азии; горные племена были объединены в царство Киликию (Табал, Пиринд). В союзе с Лидией выступали Фригия, Табал. Азиатская Фракия (северо-западная Малая Азия, треры) и Понт (раньше переводили: «Верхний Египет, Эфиопия и Ливия»); как наше, так и традиционное толкование основано на несколько субъективном «улучшении» (эмендации) дошедшего до нас явно неисправного библейского текста, но прежний перевод не подтверждается параллельными источниками. Под Поптом здесь имеется в виду союз греческих городов Южного Причерноморья.), остаток киммерийцев в Каппадокии и «Дом Тогармы». Союзники, видимо, перешли верхний Евфрат и угрожали сирийским и бывшим урартским территориям. Однако Киаксару удалось отеснить противников до р. Галис, и после затмения солнца 28 мая 585 г. был заключен мир; граница Мидии прошла по Галису; посредниками были царь Вавилонии и царь Киликии. «Дом Тогармы» (арм. Торгом), видимо, не погиб: но некоторым, хотя и не вполне достоверным, источникам последний продолжал существовать в виде формально зависимого от Мидии Армянского царства, включавшего значительные области на западе Армянского нагорья. Центром этого царства остался город Мелид, судя по тому, что в Греции до V в. до н. э. «армяне» назывались «мелитенянами», а вавилоняне еще в V в. до н. э. именовали западную и восточную часть Армянского нагорья «Мелидом и Урарту». Вероятно, и ряд бывших урартских областей отошел к Мслиду, т. е. к Западной (или собственно) Армении.

Сохранила свое существование, вероятно, и Колхида. Восточная Армения (или собственно Урарту), как и Страна маннеев была поглощена Мидией, которая перенесла свои владения и за Аракс, где, по поздним преданиям, еще долго существовало среди прочего и мидийское население. Что касается Лидии, то последующее полувековье вплоть до ее завоевания в 546 г. до н. э. Киром II Персидским было для нее периодом процветания и тесных торговых связей с греческим Западом. Именно в Лидии начали чеканить первые в мире золотые монеты, а имя ее последнего царя, Крепа, стало символом богатства.

Литература:

Дьяконов И.М. Урарту, Фригия, Лидия./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.45-68

Лекция 4: Греция в архаический период и создание классического греческого полиса

Так называемый архаический период, охватывающий VIII— VI вв. до н. э., является началом нового важного этапа в истории древней Греции. За эти три столетия, т. е. за сравнительно короткий исторический срок, Греция далеко обогнала в своем развитии соседние страны, в том числе и страны древнего Востока, которые до того времени шли в авангарде культурного прогресса человечества. Архаический период был временем пробуждения духовных сил греческого народа после почти четырехвекового застоя. Об этом свидетельствует невиданный взрыв творческой активности.

Вновь после длительного перерыва возрождаются, казалось бы, навсегда забытые виды искусства: архитектура, монументальная скульптура, живопись. Воздвигаются из мрамора и известняка колоннады первых греческих храмов. Высекают из камня и отливают в бронзе статуи. Появляются поэмы Гомера и Гесиода, удивительные по глубине и искренности чувства лирические стихи Архилоха, Саффо. Алкея и многих других поэтов. Первые философы— Фалес. Анаксимен. Анаксимандр — напряженно размышляют над вопросом о происхождении вселенной и первооснове всех вещей.

Стремительный рост греческой культуры в течение VIII — VI вв. до н. э. был непосредственно связан с проходившей в это время Великой колонизацией. Ранее (см. «Ранняя древность», лекция 17) было показано, что колонизация вывела греческий мир из состояния изоляции, в котором он оказался после крушения микенской культуры. Греки сумели многому научиться у своих соседей, в особенности у народов Востока. Так, у финикийцев было заимствовано алфавитное письмо, которое греки усовершенствовали, введя обозначение не только согласных, но и гласных; отсюда ведут свое происхождение и современные алфавиты, включая русский. Из Финикии или из Сирии в Грецию попал секрет изготовления стекла из песка, а также способ добычи пурпурной краски из раковин морских моллюсков. Египтяне и вавилоняне стали учителями греков в астрономии и геометрии. Египетская архитектура и монументальная скульптура оказали сильное влияние на зарождавшееся греческое искусство. У лидийцев греки переняли такое важное изобретение, как денежная чеканка.

Все эти элементы чужих культур были творчески переработаны, приспособлены к насущным потребностям жизни и вошли как органические составные части в греческую культуру.

Колонизация сделала греческое общество более подвижным, более восприимчивым. Она открывала широкий простор перед личной

инициативой и творческими способностями каждого человека, что способствовало высвобождению личности из-под контроля рода и ускорило переход всего общества на более высокий уровень экономического и культурного развития. В жизни греческих полисов на первый план выдвигаются теперь мореплавание и морская торговля. Первоначально многие из колоний, находившихся на отдаленной периферии эллинского мира, оказались в экономической зависимости от своих метрополий.

Колонисты остро нуждались в самом необходимом. Им не хватало таких продуктов, как вино и оливковое масло, без которых греки вообще не представляли себе нормальную человеческую жизнь. И то и другое приходилось доставлять из Греции на кораблях. Из метрополий в колонии вывозилась также глиняная посуда и другая домашняя утварь, затем ткани, оружие, украшения и т. п. Эти вещи притягивают к себе внимание местных жителей, и те предлагают в обмен на них зерно и скот, металлы и рабов. Незатейливые изделия греческих ремесленников первоначально не могли, конечно, конкурировать с высококачественными восточными товарами, которые развозили по всему Средиземноморью финикийские купцы. Тем не менее они пользовались большим спросом на удаленных от главных морских путей рынках Причерноморья, Фракии, Адриатики, где финикийские корабли появлялись сравнительно редко. В дальнейшем более дешевая, но зато и более массовая продукция греческого ремесла начинает проникать и в «заповедную зону» финикийской торговли — в Сицилию.

Южную и Среднюю Италию, даже в Сирию и Египет — и постепенно завоевывает эти страны. Колонии мало-помалу превращаются в важные центры посреднической торговли между странами древнего мира. В самой Греции главными очагами экономической активности становятся полисы, стоящие во главе колониационного движения. Среди них города острова Эвбея, Коринф и Мегара в Северном Пелопоннесе, Эгина, Самос и Родос в Эгейском архипелаге, Милет и Эфес на западном побережье Малой Азии.

Открытие рынков на колониальной периферии дало мощный толчок совершенствованию ремесленного и сельскохозяйственного производства в самой Греции. Греческие ремесленники упорно совершенствуют техническое оснащение своих мастерских. На всю последующую историю античного мира никогда больше не было сделано столько открытий и изобретений, как за три столетия, составляющие архаический период. Достаточно указать на такие важные новшества, как открытие способа пайки железа или бронзового литья. Греческие вазы VII — VI вв. до н. э. поражают богатством и разнообразием форм, красотой живописного оформления. Среди них выделяются сосуды работы коринфских мастеров, расписанные в так называемом ориентализирующем, т. е. «восточном», стиле (его отличают красочность и фантастическая причудливость живописного декора, напоминающие рисунки на

восточных коврах), и более поздние вазы чернофигурного стиля, в основном афинского и пелопоннеского производства. Изделия греческих керамистов и бронзолитейщиков свидетельствуют о высоком профессионализме и далеко продвинувшемся разделении труда не только между отраслями, но и внутри отдельных отраслей ремесленного производства. Основная масса керамики, вывозившаяся из Греции на внешние рынки, изготовлялась в специальных мастерских квалифицированными гончарами и художниками-вазописцами. Специалисты-ремесленники уже не были, как когда-то, бесправными одиночками, стоявшими вне общины и ее законов и нередко не имевшими даже постоянного места жительства. Теперь они образуют весьма многочисленную и довольно влиятельную социальную прослойку. На это указывает не только количественный и качественный рост ремесленной продукции, но и появление в наиболее экономически развитых полисах особых ремесленных кварталов, где селились ремесленники одной определенной профессии. Так, в Коринфе начиная уже с VII в. до н. э. существовал квартал гончаров — Керамик. В Афинах аналогичный квартал, занимавший значительную часть старого города, возник в VI в. до н. э. Все эти факты говорят о том, что в течение архаического периода в Греции произошел исторический сдвиг огромной важности: ремесло окончательно отделилось от сельского хозяйства как особая, совершенно самостоятельная отрасль товарного производства. Соответственно перестраивается и сельское хозяйство, которое может теперь ориентироваться не только на внутренние потребности семейной общины, но и на рыночный спрос. Связь с рынком становится делом первостепенной важности. Многие греческие крестьяне имели в те времена лодки или даже целые корабли, на которых они доставляли продукты своих хозяйств на рынки близлежащих городов (сухопутные дороги в гористой Греции были крайне неудобны и небезопасны из-за разбойников). В ряде районов Греции крестьяне переходят от выращивания плохо удававшихся здесь зерновых культур к более доходным многолетним культурам — винограду и масличным: превосходные греческие вина и оливковое масло пользовались огромным спросом на внешних рынках в колониях. В конце концов многие греческие государства вообще отказались от производства своего хлеба и стали жить за счет более дешевого привозного зерна.

Итак, основным результатом Великой колонизации был переход греческого общества со стадии примитивного натурального хозяйства на более высокую стадию товарно-денежного хозяйства, для которой требовался универсальный эквивалент товарных сделок. В греческих городах Малой Азии, а затем и в наиболее значительных полисах европейской Греции появляются свои монетные стандарты, подражающие лидийскому. Еще до этого во многих областях Греции использовались в качестве основной меновой единицы небольшие металлические (иногда медные, иногда железные) бруски, называвшиеся оболами (букв. «спицы», «вертела»). Шесть оболов

составляли драхму (букв, «горсть»), так как такое их количество можно было захватить одной рукой. Теперь эти древние названия были перенесены на новые денежные единицы, которые также стали называться оболами и драхмами. Уже в VII в. в Греции были в ходу два основных монетных стандарта — эгинский и эвбейский. Эвбейский стандарт был принят помимо острова Эвбея также в Коринфе, Афинах (с начала VI в.) и во многих западногреческих колониях, в остальных местах пользовались эгинским. В основу обеих систем денежного чекана была положена весовая единица, именуемая талантом (Талант как весовая единица был заимствован из Передней Азии; здесь был распространен вавилонский талант (билъту, около 30 кг) из 60 мин, или 360 сиклей, и финикийский талант (киккар, около 26 кг, что равно эвбейскому таланту) из 60 мин, или 360 сиклей. Эгипский талант весил 37 кг.— Примеч. ред.), которая в обоих случаях делилась на 6000 драхм (драхмы обычно чеканились из серебра, обол — из меди или бронзы). «Деньги делают человека» — это изречение, приписываемое некоему спартанцу Аристодему, стало своеобразным девизом новой эпохи. Деньги во много раз ускорили начавшийся еще до их появления процесс имущественного расслоения общины, еще более приблизили полное и окончательное торжество частной собственности.

Сделки купли-продажи распространяются теперь на все виды материальных ценностей. Не только движимое имущество: скот, одежда, утварь и т. п., но и земли, считавшиеся до сих пор собственностью не отдельных лиц; а рода или всей общины, свободно переходят из рук в руки: продаются, закладываются, передаются по завещанию или в качестве приданого. Уже упоминавшийся Гесиод советует своему читателю регулярными жертвоприношениями добиваться расположения богов, «чтобы,— заканчивает он свое наставление,— покупал ты участки других, а не твой бы — другие».

Продаются и покупаются и сами деньги. Богатый человек мог отдать их в долг бедняку под процент, по нашим понятиям очень высокий (18% годовых в те времена не считалось слишком высокой нормой) (Как мы видели выше, в древней Передней Азии предшествовавшего периода процент был значительно выше. Снижение процента — показатель повышения товарности хозяйств и, следовательно, некоторого снижения их зависимости от ростовщического кредита, господство которого в Греции оказалось недолгим.— Примеч. ред.). Вместе с ростовщичеством появилось долговое рабство. Обычным явлением становятся сделки самозаклада. Не имея возможности своевременно расплатиться со своим кредитором, должник отдает в залог детей, жену, а затем и самого себя. Если долг и накопившиеся по нему проценты не выплачивались и после этого, должник со всем своим семейством и остатками имущества попадал в кабалу к ростовщику и превращался в раба, положение которого ничем не отличалось от положения рабов, взятых в плен или купленных на рынке. Долговое рабство заключало в себе страшную опасность для молодых и еще не окрепших греческих

государств. Оно истощало внутренние силы полисной общины, подрывало ее боеспособность в борьбе с внешними врагами. Во многих государствах принимались специальные законы, запрещающие или ограничивавшие закабаление граждан. Примером может служить знаменитая солоновская сейсахтейя («страхивание бремени») в Афинах (см. о ней ниже). Однако чисто законодательными мерами едва ли удалось бы искоренить это страшное социальное зло, если бы рабам-соплеменникам не нашлась замена в лице рабов-чужеземцев, Широков распространение этой новой и для того времени, безусловно, более прогрессивной формы рабства было непосредственным образом связано с колонизацией. В те времена греки еще не вели больших войн с соседними народами. Основная масса рабов поступала на греческие рынки из колоний, где их можно было приобрести в больших количествах и по доступным ценам у местных царьков. Рабы составляли одну из главных статей скифского и фракийского экспорта в Грецию, массами вывозились из Малой Азии, Италии, Сицилии и других районов колониальной периферии.

Избыток дешевой рабочей силы на рынках греческих городов впервые сделал возможным широкое применение рабского труда во всех основных отраслях производства. Покупные рабы появляются теперь не только в домах знати, но и в хозяйствах зажиточных крестьян.

Рабов можно было увидеть в ремесленных мастерских и купеческих лавках, на рынках, в порту, на строительстве укреплений и храмов, на горных разработках. Везде они выполняли самую тяжелую и унижительную работу, не требовавшую специальной выучки. Благодаря этому у их хозяев — граждан полиса создавался избыток свободного времени, который они могли посвятить занятиям политикой, спортом, искусством, философией и т. п. Так закладывались в Греции основы нового рабовладельческого общества и вместе с тем новой полисной цивилизации, резко отличающейся от предшествующей ей дворцовой цивилизации крито-микенской эпохи. Первым и наиболее важным признаком, свидетельствующим о переходе греческого общества от варварства к цивилизации, было образование городов. Именно и архаическую эпоху город впервые понастоящему отделился от деревни и политически, а также экономически подчинил ее себе. Это событие было связано с отделением ремесла от сельского хозяйства и развитием товарно-денежных отношений (Впрочем, сами греки видели главный признак города не с торгово-ремесленной деятельности, а в политической самостоятельности поселения, его независимости от других общин. В их понимании городами (полисами) могли считаться и неукрепленные поселки, обладавшие независимостью по причинам военно-политического характера.).

Почти все греческие города, за исключением колоний, выросли из укрепленных поселков гомеровской эпохи — полисов, сохранив за собой это древнее название. Между гомеровским полисом и

сменившим его полисом архаическим имелось, однако, одно весьма существенное различие. Гомеровский полис был в одно и то же время и городом и деревней, так как никаких других соперничающих с ним поселений на подвластной ему территории не существовало. Архаический полис, напротив, представлял собой столицу карликового государства, в состав которого кроме него самого входили также деревни (по-гречески комы), располагавшиеся по окраинам территории полиса и политически от него зависевшие.

Следует также учитывать, что в сравнении с гомеровским временем греческие полисы архаического периода стали крупнее. Это укрупнение происходило как за счет естественного прироста населения, так и за счет искусственного слияния нескольких поселков деревенского типа в один новый город. К этой мере, называвшейся по-гречески синойкизм, т. е. «совместное поселение», прибегали многие общины для того, чтобы укрепить свою обороноспособность перед лицом враждебных соседей. По большим городам в современном понимании этого слова в Греции еще не было. Полисы с населением в несколько тысяч человек были исключением: в большинстве городов численность жителей не превышала, по-видимому, и тысячи человек. Пример архаического полиса — древняя Смирна, откопанная археологами; часть ее находилась на полуострове, закрывавшем вход в глубокую бухту — удобную корабельную стоянку. Центр города был обнесен оборонительной стеной из кирпича на каменном доколе. В стене было несколько ворот с башнями и смотровыми площадками. Город имел правильную планировку: ряды домов шли строго параллельно друг другу. В городе действовало несколько храмов. Дома были довольно вместительны и удобны, в некоторых из них обнаружены даже терракотовые ванны.

Главным жизненным центром раннегреческого города была так называемая агора, служившая местом народных собраний граждан и в то же время использовавшаяся как рыночная площадь. Свободный грек проводил здесь большую часть своего времени. Здесь он продавал и покупал, здесь же в сообществе других граждан полиса занимался политикой — решал государственные дела; здесь, на агоре, он мог узнать все важные городские новости. Первоначально агора была просто открытой площадью, лишенной каких бы то ни было построек. Позднее на пей стали устраивать деревянные или каменные сиденья, ступенями поднимавшиеся друг над другом. На этих скамьях размещался народ во время собраний. В еще более позднее время (уже в конце архаического периода) по сторонам площади воздвигались специальные навесы — портики, защищавшие людей от лучей солнца. Портики превратились в излюбленное прибежище мелочных торговцев, философов и всякой праздношатающейся публики. Прямо на агоре или неподалеку от неё располагались правительственные здания полиса: булевтерий — здание городского совета (буле), пританей — место для заседаний правящей коллегии пританов, дикастерий — здание суда и т. п. На агоре же

выставлялись для всеобщего ознакомления новые законы и распоряжения правительства.

Среди построек архаического города заметно выделялись своими размерами и великолепием убранства храмы главных олимпийских богов и знаменитых героев. Отдельные части наружных стен греческого храма были раскрашены в яркие тона и богато украшены скульптурой (также раскрашенной). Храм считался домом божества, и оно присутствовало в нем в виде своего изображения.

Первоначально это был всего лишь грубый деревянный идол, имевший весьма отдаленное сходство с человеческой фигурой.

Однако к концу архаической эпохи греки уже настолько усовершенствовались в пластическом искусстве, что высеченные ими из мрамора или отлитые в бронзе статуи богов вполне могли бы сойти за живых людей (греки представляли себе своих, богов человекоподобными существами, наделенными даром бессмертия и сверхчеловеческим могуществом). В праздничные дни бог, наряженный в свою лучшую одежду (для таких случаев в каждом храме имелся специальный гардероб), увенчанный золотым венком, милостиво принимал дары и жертвоприношения от граждан полиса, являвшихся в храм в торжественной процессии. Прежде чем приблизиться к святыне, процессия проходила через город под звуки флейт с гирляндами живых цветов и зажженными факелами, в сопровождении вооруженного эскорта. С особым великолепием справлялись празднества в честь божества данного полиса.

У каждого полиса был свой особый покровитель или покровительница. Так, в Афинах это была Афина Паллада. в Аргосе — Гера, в Коринфе — Афродита, в Дельфах — Аполлон. Храм бога-«градодержателя» находился обычно в городской цитадели, которую греки называли акрополем, т. е. «верхним городом». Здесь хранилась государственная ка:ша полиса. Сюда поступали Штрафы, взимавшиеся за различные преступления, и все другие виды доходов государства), В Афинах уже в VI в. вершина неприступной скалы акрополя была увенчана монументальным храмом Афины — главной богини города.

Известно, как много места занимали в жизни древних греков атлетические состязания. Начиная с древнейших времен в греческих городах устраивались специальные площадки для упражнений молодежи — они назывались гимнасиями. и палестрами. Юноши и подростки проводили там целые дни независимо от времени года, усердно занимаясь богом, борьбой, кулачными боями, прыжками, метанием копья и диска. Ни один большой праздник не обходился без массового атлетического состязания — агона, в котором могли принимать участие все свободнорожденные граждане полиса, а также специально приглашенные чужеземцы.

Некоторые агоны, пользовавшиеся особой популярностью, превращались в межполисные общегреческие празднества. Таковы знаменитые Олимпийские игры, на которые каждые четыре года стекались атлеты и «болельщики» со всего греческого мира, включая даже и самые отдаленные колонии. Государства-участники готовились к ним не менее серьезно, чем к предстоящей военной кампании. Победа или поражение в Олимпии были делом престижа каждого полиса. Победителя-олимпионика благодарные сограждане осыпали поистине царскими почестями (иногда даже разбирали городскую стену, чтобы расчистить путь для триумфальной колесницы победителя: считалось, что персона такого ранга в обычные ворота пройти не может).

Таковы основные элементы, из которых складывалась повседневная жизнь гражданина греческого полиса в архаическую эпоху, а также и в более позднее время: коммерческие сделки на агоре, словопрения в народном собрании, участие в важнейших религиозных церемониях, атлетических упражнениях и состязаниях.

А так как всеми этими видами духовной и физической деятельности можно было заниматься только в городе, то греки не представляли себе нормальной человеческой жизни вне городских стен. Лишь такой образ жизни считали они достойным свободного человека — настоящего эллина, и в этом особом образе жизни они видели свое главное отличие от всех окружающих «варварских» народов.

Порожденный мощным всплеском экономической активности, которым сопровождалась Великая колонизация, раннегреческий город, в свою очередь, стал важным фактором дальнейшего экономического и социального прогресса. Городской уклад жизни с характерным для него интенсивным товарообменом и другими видами хозяйственной деятельности, в которых принимали участие массы людей самого различного происхождения, с самого начала вступил в противоречие с тогдашней структурой греческого общества, основанной на двух главных принципах: принципе сословной иерархии, разделяющем всех людей на «лучших», или «благородных», и «худших», или «низкороденных», и принципе строгой обособленности отдельных родовых союзов как друг от друга, так и от всего внешнего мира. В городах начавшийся уже ранее, в связи с переселением в колонии, процесс ломки межродовых барьеров пошел особенно быстрыми темпами. Люди, принадлежавшие к разным родам, филам и фратриям, не только живут теперь бок о бок, в одних и тех же кварталах, но и вступают в деловые и просто дружеские контакты, заключают брачные союзы. Постепенно начинает стираться грань, отделяющая старинную родовую знать от состоятельных купцов и землевладельцев, вышедших из простонародья. Происходит сращивание этих двух прослоек в единый господствующий класс рабовладельцев. Главную роль в этом процессе играли деньги — наиболее доступный и наиболее мобильный вид собственности. Это хорошо понимали уже современники описываемых событий. «Деньги в

почете всеобщем. Богатство смешало породы»,— восклицает мегарский поэт VI в. Феогнид.

С ростом городов связан прогресс в области внутриволиского и международного права. Необходимость дальнейшего развития товарно-денежных отношений, сплоченно всего населения полиса в единый гражданский коллектив трудно было согласовать с традиционными принципами родового права и морали, в соответствии с которыми каждый чужак — выходец из чужого рода или фратрии воспринимался как потенциальный враг, подлежащий уничтожению или превращению в раба. В архаическую эпоху эти воззрения постепенно начинают уступать свое место более широким и гуманным взглядам, согласно которым существует некая божественная справедливость, распространяющаяся в равной степени на всех людей, независимо от их родовой или племенной принадлежности. С таким представлением мы сталкиваемся уже в «Работах и днях» Гесиода, беотийского поэта VIII в. до н. э., хотя его ближайшему предшественнику— Гомеру оно совершенно чуждо. Боги, в понимании Гесиода, внимательно следят за правыми и неправыми делами людей. Для этой цели на землю посланы «три мириада стражей бессмертных... правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят по миру всюду они, облеченные мглой туманной»(Здесь и далее переводы В.В. Вересаева.).

Главной блюстительницей права является дочь Зевса — богиня Дике («Справедливость»). О реальном прогрессе общественного правосознания свидетельствуют древнейшие сборники законов, приписываемые знаменитым законодателям: Драконту, Залевку, Харонду и др. Судя по сохранившимся отрывкам, кодексы эти были еще очень несовершенны и содержали в себе немало архаичных правовых норм и обычаев: в основе своей законы Драконта и им подобные были записью уже существовавшего обычного права. Многие из этих законов уходят своими корнями в глубины первобытной эпохи, как, например, экзотический обычай привлечения к судебной ответственности «совершивших убийство» животных и неодушевленных предметов, с которым мы сталкиваемся в одном из дошедших до нас фрагментов из законов Драконта. Вместе с тем сам факт записи права нельзя не оценить как положительный сдвиг, поскольку он свидетельствует о стремлении положить предел самоуправству влиятельных семей и родов и добиться подчинения рода судебному авторитету полиса. Запись, законов и введение правильного судопроизводства способствовали изживанию таких старинных обычаев, как кровная месть или мзда за убийство. Теперь убийство уже не считается частным делом двух семей: семьи убийцы и семьи его жертвы. В решении спора участвует вся община, представленная ее судебными органами.

Передовые нормы морали и права распространяются в эту эпоху не только на соотечественников, но и на чужеземцев, граждан других полисов. Труп убитого врага уже не подвергался надругательствам

(ср., например, «Илиаду», где Ахилл надругался над телом погибшего Гектора), а выдается родственникам для предания земле. Свободных эллинов, захваченных в плен на войне, как правило, не убивают и не превращают в рабов, а возвращают на родину за выкуп. Принимаются меры для искоренения морского пиратства и разбоя на суше. Отдельные полисы заключают между собой договоры, гарантируя личную безопасность и неприкосновенность имущества граждан, если они окажутся на чужой территории. Эти шаги к сближению были вызваны реальной потребностью в более тесных экономических и культурных контактах. В известной мере это вело к преодолению былой замкнутости отдельных полисов и постепенному развитию общегреческого, или, как тогда говорили, панэллинского, патриотизма. Однако дальше этих первых попыток дело не пошло. Единым народом греки все-таки не стали.

Именно города были в архаический период главными очагами достижений передовой культуры. Здесь получила широкое распространение новая система письма — алфавит.

Он был намного удобнее слогового письма микенской эпохи: состоял всего из 24 знаков, каждый из которых имел твердо установленное фонетическое значение. Если в микенском обществе грамота была доступна лишь немногим посвященным, входившим в замкнутую группу писцов-профессионалов, то теперь она становится общим достоянием всех граждан полиса (каждый мог овладеть элементарными навыками письма и чтения в начальной школе). Новая система письменности впервые явилась поистине универсальным средством передачи информации, которое с одинаковым успехом могло применяться и в деловой переписке, и для записи лирических стихов или философских афоризмов. Все это обусловило быстрый рост грамотности среди населения греческих полисов и, несомненно, способствовало дальнейшему прогрессу культуры во всех основных ее областях.

Однако весь этот прогресс, как обычно бывает в истории, имел и свою оборотную, теневую сторону. Стремительное развитие товарно-денежных отношений, вызвавшее к жизни первые города с их передовой, жизнеутверждающей культурой, отрицательно отразилось на положении греческого крестьянства. Аграрный кризис, являвшийся главной причиной Великой колонизации, не только не утих, но, напротив, начал свирепствовать с еще большей силой. Почти повсеместно в Греции мы наблюдаем одну и ту же безотрадную картину: крестьяне массами разоряются, лишаются своих «отеческих наделов» и пополняют ряды батраков — фетов. Характеризуя обстановку, сложившуюся в Афинах на рубеже VII—VI вв. до н. э., перед реформами Солона, Аристотель писал: «Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархическим, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также их дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей(Не со

псом ясно, что хотел сказать Аристотель этой фразой. Шестидольники могли отдавать землевладельцу либо 5/6, либо 1/6 урожая. Последнее кажется более вероятным, так как при существовавшей земледельческой технике вряд ли крестьянин мог бы прокормить семью одной шестой долей урожая с участка такого размера, какой он мог обрабатывать вместе с женой и детьми.). Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона». В той или иной мере эта характеристика приложима и ко всем другим районам тогдашней Греции.

Коренная ломка привычного житейского уклада весьма болезненно действовала на сознание людей архаической эпохи. В поэме Гесиода «Работы и дни» вся история человечества представлена как непрерывный упадок и движение вспять от лучшего к худшему. На земле, по мысли поэта, уже сменились четыре человеческих поколения: золотое, серебряное, медное и поколение героев. Каждое из них жило хуже, чем предыдущее, но самый тяжкий удел достался пятому, железному поколению людей, к которому причисляет себя и сам Гесиод. «Если бы мог я не жить с поколением пятого века! — горестно восклицает поэт. — Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться».

Сознание своей беспомощности перед лицом «царей-дароядцев» («Цари» (басилеи) у Господа, так же как и у Гомера, — представители местной родовой знати, стоящие во главе общины.), по-видимому, особенно угнетало поэта-крестьянина. Об этом говорит включенная в поэму Гесиода «Басня о соловье и ястребе»:

Басню теперь расскажу я царям, как они неразумны.
Вот что однажды сказал соловью нестрогласному ястреб.
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзённый кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такую к нему обратился:
«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты не пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим;
Ни победит он его — к уннженью лишь горе прибавит!»
Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица.

В те времена, когда Гесиод создавал свои «Работы и дни», могущество родовой знати в большинстве греческих полисов оставалось еще непоколебимым.

Спустя каких-нибудь сто лет картина коренным образом меняется.

Об этом мы узнаем из стихов другого поэта, уроженца Мегары Феогнида. Феогнид, хотя по рождению он принадлежал к высшей

знати, чувствует себя очень неуверенно в этом меняющемся на глазах мире и, так же как и Гесиод, склонен весьма пессимистично оценивать свою эпоху. Его мучает сознание необратимости социальных перемен, происходящих вокруг него:

Город наш все ещё город, о Кирн, но уж люди другие,
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасся, как дикий олень.
Сделался знатным отныне.
А люди, что знатными были,
Низкими стали.
Ну, кто б все это вытерпеть мог?

Стихи Феогнида показывают, что процесс имущественного расслоения общины затрагивал не только крестьянство, но и знать. Многие аристократы, обуреваемые жадной наживы, вкладывали свое состояние в различные торговые предприятия и спекуляции, но, не имея достаточной практической сметки, разорялись, уступая место более цепким и изворотливым выходцам из низов, которые благодаря своему богатству поднимаются теперь на самую вершину социальной лестницы. Эти «выскочки» вызывают в душе поэта-аристократа дикую злобу и ненависть. В мечтах он видит народ возвращенным в его прежнее, полурабское состояние:

Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо!..
Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ...
(Перевод Л. Пиотровского.)

Действительность, однако, разбивает эти иллюзии глашатая аристократической реакции. Возвращение вспять уже невозможно, и поэт это сознает.

Стихи Феогнида запечатлели разгар классовой борьбы, тот момент, когда взаимная вражда и ненависть борющихся партий достигли своей высшей точки. Мощное демократическое движение охватило в это время города Северного Пелопоннеса, в том числе и родной город Феогнида Мегару, также Аттику, островные полисы Эгейского моря, ионийские города Малой Азии и даже отдаленные западные колонии Италии и Сицилии.

Повсюду демократы выдвигают одни и те же лозунги: «Передел земли и отмена долгов», «Равенство всех граждан полиса перед законом» (исономия), «Передача власти народу» (демократия). Это демократическое движение было неоднородно по своему социальному составу. В нем принимали участие и богатые купцы из простонародья, и зажиточные крестьяне, и ремесленники, и обездоленные массы сельской и городской бедноты. Если первые добивались прежде всего

политического равенства со старинной знатью, то последних гораздо больше привлекала идея всеобщего имущественного равенства, что означало в тогдашних условиях возвращение назад, к традициям общинного родового строя, к регулярным переделам земли. Во многих местах доведенные до отчаяния крестьяне пытались осуществить на практике патриархальную утопию Гесиода и верпуть человечество обратно в «золотой век». Воодушевленные этой идеей, они захватывали имущество богачей и знати и делили его между собой, сбрасывали со своих полей ненавистные закладные столбы (Эти столбы воздвигались кредитором на поле должника в знак того, что поле являлось залогом уплаты долга и могло в случае его неуплаты быть отобрано.), сжигали долговые книги ростовщиков. Защищая свою собственность, богачи все чаще пускают в ход террор и насилие, и таким образом накапливавшаяся веками классовая вражда перерастает в настоящую гражданскую войну. Восстания и государственные перевороты, сопровождавшиеся зверскими убийствами, массовыми изгнаниями и конфискациями имущества побежденных, становятся в это время обычным явлением в жизни греческих городов-государств. Феогнид в одной из своих элегий обращается к читателю с предупреждением:

Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город,—
Верь мне, недолго она в городе может царить.
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства,
Также монархи,— от них обереги нас, судьба!

Упоминание о монархах в последней строке — весьма симптоматично:

во многих греческих государствах длившийся иногда десятилетиями социально-политический кризис разрешался установлением режима личной власти. Истощенная бесконечными внутренними смутами и распрями полисная община уже не могла противостоять притязаниям влиятельных лиц на единоличную власть, и в городе устанавливалась диктатура «сильного человека», который правил, не считаясь с законом и с традиционными учреждениями: советом, народным собранием и т. д. Таких узурпаторов греки называли тиранами (Само это слово заимствовано греками из лидийского языка и первоначально не имело бранного значения.), противопоставляя их древним царям — басилеям, правившим на основании наследственного права или всенародного избрания.

Захватив власть, тиран начинал расправу со своими политическими противниками. Их казнили без суда и следствия. Целые семьи и даже роды отправлялись в изгнание, а их имущество переходило в казну тирана. В позднейшей исторической традиции, в основном враждебной тирании, само слово «тирания» стало в греческом языке синонимом беспощадного кровавого произвола. Чаще всего жертвами репрессий

становились выходцы из старинных аристократических фамилий. Острые террористической политики тиранов было направлено против родовой знати. Не довольствуясь физическим истреблением наиболее видных представителей этой социальной группы, тираны всячески ущемляли её интересы, запрещая аристократам заниматься гимнастикой, собираться на совместные трапезы и попойки, приобретать рабов и предметы роскоши. Знать, являвшаяся наиболее организованной и вместе с тем самой влиятельной и богатой частью общины, представляла наибольшую опасность для единоличной власти тирана. С этой стороны ему постоянно приходилось ожидать заговоров, покушений, мятежей.

По-иному складывались отношения тирана с народом. Многие тираны архаической эпохи начинали свою политическую карьеру в качестве простатов т. е. вождей и защитников демоса. Знаменитый Писистрат, захвативший власть над Афинами в 562 г. до н. э., опирался на поддержку беднейшей части афинского крестьянства, которая обитала в основном во внутренних гористых районах Аттики. «Гвардию» тирана, предоставленную Писистрату по его просьбе афинским народом, составил отряд из трехсот человек, вооруженных дубинами — обычное оружие греческого крестьянства в то смутное время. С помощью этих «дубиноносцев» Писистрат захватил афинский акрополь и таким образом стал хозяином положения в городе. Находясь у власти, тиран задабривал демос подарками, бесплатными угощениями и увеселениями во время праздников. Так, Писистрат ввел в Афинах дешевый сельскохозяйственный кредит, ссужая нуждающихся крестьян инвентарем, семенами, скотом. Он учредил два новых всенародных праздника; Великие Панафиней и Городские Дионисии и справлял их с необыкновенной пышностью (В программу Городских Дионисий входили театральные представления. Согласно преданию, в 536 г. до н. э, при Писистрате была осуществлена первая в истории греческого театра постановка трагедии.). Стремлением добиться популярности среди народа были продиктованы и приписываемые многим тиранам меры по благоустройству городов: строительство водопроводов и фонтанов, сооружение новых великолепных храмов, портиков на агоре, портовых построек и т. д. Все это, однако, еще не дает нам права считать самих тиранов «борцами» за народное дело. Главной целью тиранов было всемерное укрепление владычества над полисом и в перспективе — создание наследственной династии. Осуществить эти замыслы тиран мог, лишь сломив сопротивление знати. Для этого ему и нужна была поддержка демоса или по крайней мере благожелательный нейтралитет с его стороны. В своем «народолюбии» тираны обычно не шли дальше незначительных подачек и демагогических посулов толпе. Никто из известных нам тиранов не пытался осуществить на деле основные лозунги демократического движения: «Передел земли» и «Отмена долгов». Никто из них ничего не сделал для того, чтобы демократизировать государственный строй полиса. Напротив, постоянно нуждаясь в деньгах для выплаты жалованья наемникам, для

своих строительных предприятий и других надобностей, тираны облагали подданных неизвестными ранее налогами. Так, при Писистрате афиняне ежегодно отчисляли в казну тирана 1/10 своих доходов. В целом тирания не только не способствовала дальнейшему развитию рабовладельческого государства, но, напротив, тормозила его.

Тактика, применявшаяся тиранами по отношению к народным массам, может быть определена как «политика кнута и пряника».

Заигрывая с демосом и пытаясь привлечь его на свою сторону как возможного союзника в борьбе со знатью, тираны в то же время боялись народа. Чтобы обезопасить себя с этой стороны, они нередко прибегали к разоружению граждан полиса и вместе с тем окружали себя наемными телохранителями из числа чужеземцев или отпущенных на свободу рабов. Всякое скопление людей на городской улице или площади внушало тирану подозрения; ему казалось, что граждане что-то затевают, готовят мятеж или покушение; жилище тирана располагалось обычно в городской цитадели — на акрополе. Только здесь, в своем укрепленном гнезде, он мог чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности.

Естественно, что в таких условиях действительно прочного союза между тираном и демосом не было и не могло быть. Единственной реальной опорой режима личной власти в греческих городах-государствах, в сущности, была наемная гвардия тиранов. Тирания оставила заметный след в истории ранней Греции. Колоритные фигуры первых тиранов — Периандра, Писистрата, Поликрата и др.— неизменно привлекали к себе внимание позднейших греческих историков. Из поколения в поколение передавались легенды об их необыкновенном могуществе и богатстве, об их сверхчеловеческой удачливости, вызывавшей зависть даже у самих богов,— таково известное предание о Поликратовом перстне, сохраненное Геродотом (Предание рассказывает, что гостивший у Поликрата, тирана о-ва Самос, египетский царь посоветовал ему пожертвовать самым дорогим, что у него было, дабы боги не позавидовали его счастью. Поликрат бросил в море свой перстень, но на следующий день рыбак принес ему в дар большую рыбу, и брошенный перстень нашелся в её брюхе. Египетский царь покинул Поликрата, считая его обреченным, и вскоре тот действительно погиб.). Стремясь придать больше блеска своему правлению и увековечить свое имя, многие тираны привлекали к своим дворам выдающихся музыкантов, поэтов, художников. Такие греческие полисы, как Коринф, Сикион, Афины, Самос, Милет, стали под властью тиранов богатыми, процветающими городами, украсились новыми великолепными постройками. Некоторые из тиранов вели довольно успешную внешнюю политику.

Периандр, правивший в Коринфе с 627 по 585 г. до н. э., сумел создать большую колониальную державу, простиравшуюся от островов Ионического моря до берегов Адриатики. Знаменитый тиран о-ва

Самос Поликрат за короткое время подчинил своему владычеству большую часть островных государств Эгейского моря. Писистрат успешно боролся за овладение важным морским путем, соединявшим Грецию через коридор проливов и Мраморное море с Причерноморьем. Тем не менее вклад тиранов в социально-экономическое и культурное развитие архаической Греции нельзя преувеличивать. В этом вопросе мы вполне можем положиться на ту трезвую и беспристрастную оценку тирании, которую дал величайший из греческих историков Фукидид. «Все тираны, бывшие в эллинских государствах,— писал он,— обращали свои заботы исключительно на свои интересы, на безопасность своей личности и на возвеличение своего дома. Поэтому при управлении государством они преимущественно, насколько возможно, озабочены были принятием мер собственной безопасности; ни одного замечательного дела они не совершили, кроме разве войн отдельных тиранов с пограничными жителями». Но имея прочной социальной опоры в массах, тирания не могла стать устойчивой формой государственного устройства греческого полиса. Позднейшие греческие историки и философы, например Геродот, Платон, Аристотель, видели в тирании ненормальное, противоестественное состояние государства, своеобразную болезнь полиса, вызванную политическими смутами и социальными потрясениями, и были уверены, что долго это состояние продолжаться не может.

Действительно, лишь немногие из греческих тиранов архаического периода сумели не только удержать за собой захваченный ими престол, но и передать его по наследству своим детям (Самым продолжительным было правление династии Орфагоридов в Сикионе (670—510 гг. до н. э.). На втором месте стоят коринфские Кипселиды (657—583 гг. до н. э.), на третьем — Писистратиды (560—510 гг. до н. э.)).

Тирания лишь ослабила родовую знать, но окончательно сломить ее могущество не могла, да, вероятно, и не стремилась к этому. Во многих полисах вслед за свержением тирании снова наблюдаются вспышки острой борьбы. Но в круговороте гражданских войн постепенно зарождается новый тип государства — рабовладельческий полис.

Формирование полиса было результатом настойчивой преобразовательной деятельности многих поколений греческих законодателей. О большинстве из них мы почти ничего не знаем. (Античная традиция донесла до нас лишь несколько имен, среди которых особенно видное место занимают имена двух выдающихся афинских реформаторов — Солона и Клисфена и великого спартанского законодателя Ликурга. Как правило, наиболее значительные преобразования проводились в обстановке, острого политического кризиса. Известен ряд случаев, когда граждане того или иного государства, доведенные до отчаяния бесконечными распрями и смутами и не видевшие иного выхода из создавшегося

положения, избирали одного из своей среды посредником и примирителем.

Одним из таких примирителей был Солон. Избранный в 594 г. до н. э. на должность первого архонта (Архонты (букв. «начальствующий») — правящая коллегия должностных лиц, состоявшая из девяти человек. Первый архонт считался председателем коллегии. По его имени в Афинах обозначался год.) с правами законодателя, он разработал и осуществил широкую программу социально-экономических и политических преобразований, конечной целью которых было восстановление единства полисной общины, расколотой гражданскими междоусобицами на враждующие политические группировки. Наиболее важной среди реформ Солона была коренная реформа долгового права, вошедшая в историю под образным наименованием «стряхивание бремени» (сейсахтейя). Солон и в самом деле сбросил с плеч афинского народа ненавистное бремя долговой кабалы, объявив все долги и накопившиеся по ним проценты недействительными и запретив на будущее сделки самозаклада. Сейсахтейя спасла крестьянство Аттики от порабощения и тем самым сделала возможным дальнейшее развитие демократии в Афинах. Впоследствии сам законодатель с гордостью писал об этой своей заслуге перед афинским пародом:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ,
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
(Перевод С. И. Радцига.).

Освободив афинский демос от тяготевшей над ним задолженности, Солон, однако, отказался выполнить другое его требование — произвести передел земли. По словам самого Солона, в его намерение вовсе не входило «в нажитях родных дать худым и благородным долю равную иметь», т. е. полностью уравнивать знать и простонародье в имущественном и социальном отношении. Солон попытался лишь приостановить дальнейший рост крупного землевладения и тем самым положить предел засилью знати в экономике Афин. Известен закон Солона, запрещавший приобретать землю свыше определенной нормы. Очевидно, эти меры имели успех, так как в дальнейшем, на протяжении VI и V вв. до н. э., Аттика оставалась по преимуществу страной среднего и мелкого землевладения, в которой даже самые большие рабовладельческие хозяйства по площади превышали по площади нескольких десятков гектаров.

Еще один важный шаг в сторону демократизации афинского государства и укрепления его внутреннего единства был сделан в конце VI в. (между 509 и 507 гг.) Клисфеном (Между Солоном и

Клисфеном в Афинах правил тиран Писистрат, а затем его сыновья. Тирания была ликвидирована в 510 г. до н. э.). Если реформы Солопа подорвали экономическое могущество знати, то Клисфен, хотя и сам выходец из знатного рода, пошел еще дальше. Главной опорой аристократического режима в Афинах, так же как и во всех других греческих государствах, были родовые объединения — так называемые филы и фратрии. С древнейших времен весь афинский демос делился на четыре филы, в каждую из которых входило по три фратрии. Во главе каждой фратрии стоял знатный род, ведавший ее культовыми делами. Рядовые члены фратрии обязаны были подчиниться религиозному и политическому авторитету своих «вождей», оказывая им поддержку во всех их предприятиях.

Занимая господствующее положение в родовых союзах, аристократия держала под своим контролем всю массу демоса. Против этой политической организации Клисфен и направил свой главный удар. Он ввел новую, чисто территориальную систему административного деления, распределив всех граждан по десяти филам и ста более мелким единицам — демам. Филы, учрежденные Клисфеном, не имели никакого отношения к старым родовым филам.

Более того, они были составлены с таким расчетом, чтобы лица, принадлежавшие к одним и тем же родам и фратриям, были впредь политически разобщены, проживая в разных территориально-административных округах. Клисфен, по выражению Аристотеля, «смешал все население Аттики», не считаясь с его традиционными политическими и религиозными связями. Таким образом ему удалось решить одновременно три важные задачи: 1) афинский демос, прежде всего крестьянство, составлявшее весьма значительную и вместе с тем наиболее консервативную его часть, был освобожден из-под древних родовых традиций, на которых основывалось политическое влияние знати; 2) были прекращены нередко возникавшие распри между отдельными родовыми союзами, угрожавшие внутреннему единству афинского государства; 3) были привлечены к участию в политической жизни те, кто до этого стоял вне фратрий и фил и в силу этого не пользовался гражданскими правами. Реформы Клисфена завершают собой первый этап борьбы за демократию в Афинах. В ходе этой борьбы афинский демос добился больших успехов, политически вырос и окреп. Воля демоса, выраженная путем общего голосования в народном собрании (эκκλeσιa), приобретает силу обязательного для всех закона. Все должностные лица, не исключая и самых высших — архонтов и стратегов (Стратегами в Афинах назывались военачальники, командовавшие армией и флотом. Коллегия из десяти стратегов была учреждена Клисфеном.), выбирают и обязаны отчитываться перед народом в своих действиях, а в том случае, если допущена какая-нибудь провинность с их стороны, могут быть подвергнуты тяжелому наказанию.

Рука об руку с народным собранием работал созданный Клисфеном совет пятисот (буле) и учрежденный Солоном суд присяжных (гелием). Совет пятисот выполнял при народном собрании функции своеобразного президиума, занимаясь предварительным обсуждением и обработкой всех предложений и законопроектов, поступавших затем на окончательное утверждение в экклесию. Поэтому декреты народного собрания в Афинах начинались обычно с формулы: «Постановили совет и народ». Что касается гелиеи, то она была в Афинах высшей судебной инстанцией, в которую все граждане могли обращаться с жалобами на несправедливые решения должностных лиц. Как совет, так и суд присяжных избирались жеребьевкой по десяти филам, учрежденным Клисфеном. Благодаря этому в их состав могли попасть наравне с представителями знати также и рядовые граждане. Этим они в корне отличались от старого аристократического совета и суда — ареопага.

Впрочем, до полного торжества демократических идеалов было ещё далеко. Сложившаяся в результате реформ Солона и Клисфена система государственного управления оценивалась древними как умеренная форма демократии. Наибольшим значением в политической жизни Афин пользовалась прослойка зажиточного крестьянства, оттеснившая на задний план как старую земельную знать, так и торгово-ремесленные слои городского населения. Зажиточные крестьяне — зевгиты (Зевгит — от греч. зевгос — «ярмо», «упряжка». Упряжка из двух волов была главной рабочей силой в хозяйстве крестьянина (возможно, это слово происходит от места, которое воин занимал в строю.— Примеч. ред.) составляли политически активное ядро народного собрания. Из них же формировалось тяжеловооруженное гоплитское (Гоплит — пеший воин, имеющий полный комплект тяжелого защитного вооружения: тпоаш. панцирь, шлем п щит. В отличие от воинов гомеровской эпохи гоплиты сражались в сомкнутом строю, так называемой фалангой.) ополчение, которое становится теперь решающей силой на полях сражений, почти совершенно вытеснив с них аристократическую конницу. Малоземельные крестьяне, равно как и городская беднота, активного участия в управлении государством в то время еще не принимали, хотя формально и те и другие считались афинскими гражданами. Следует иметь в виду, что пачппая со времени Солона доступ во многие из правительственных учреждений был ограничен в Афинах высоким имущественным цензом. Так, членом совета мог стать лишь человек, принадлежавший к разряду зевгитов, т. е. тот, кто получал со своей земли не менее двухсот мер годового дохода. Самый высокий ценз был установлен для должности архонта — не менее пятисот мер годового дохода. Представители последнего, четвертого по счету разряда фетов (Феты — букв. «поденщики», «батраки». В этот разряд входили граждане, получавшие менее двухсот мер годового дохода с земли, а также те, у кого земли вообще не было) были допущены только в народное собрание и в суд присяжных. Потребовалось не одно десятилетие упорной политической борьбы для того, чтобы

принцип гражданского равноправия был последовательно проведен в Афинах.

Афинская демократия дает представление лишь об одном из возможных путей развития раннегреческого полиса. В течение архаического периода в Греции возникло много очень разнообразных типов и форм полисной организации. Один из самых своеобразных вариантов полисного строя сложился в Спарте — крупнейшем из дорийских государств Пелопоннеса. Начиная уже с древнейших времен социально-экономическое развитие спартанского общества приняло не совсем обычное направление. Основавшие Спарту дорийцы пришли в Лаконию как завоеватели и поработители местного ахейского населения. Примерно с середины VIII в. в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод. Возникшая в связи с этим проблема избыточного населения требовала своего незамедлительного решения, и спартанцы решили ее по-своему: они нашли выход в расширении своей территории за счет ближайших соседей. Главным объектом спартанской агрессии стала Мессения, богатая и обширная область в юго-западной части Пелопоннеса. Борьба за Мессению, происходившая в VIII—VII вв. до н. э., завершилась в конце концов полным завоеванием и порабощением ее населения. Захват плодородных мессенских земель позволил спартанскому правительству приостановить надвигавшийся аграрный кризис. В Спарте был осуществлен широкий передел земли и создана стабильная система землевладения, основанная на строгом соответствии между числом наделов и числом полноправных граждан. Вся земля была поделена на 9000 приблизительно одинаковых по своей доходности наделов, которые были розданы соответствующему числу спартиатов (Спартиаты — обычное наименование полноправных граждан Спарты в источниках.). В дальнейшем правительство Спарты внимательно следило за тем, чтобы величина отдельных наделов оставалась все время неизменной (их нельзя было, например, дробить при передаче по наследству), а сами они не могли переходить из рук в руки посредством дарения, завещания, продажи и т. д. Были поделены и прикрепленные к земле государственные рабы-илоты из числа покоренных жителей Лаконии и Мессении. Сделано это было с таким расчетом, чтобы на каждый спартанский клер (земельный надел) приходилось по нескольку плотских семей, которые своим трудом обеспечивали всем необходимым самого владельца клера и всю его семью.

В результате этой реформы спартанский демос превратился в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов, осуществлявших силой оружия свое господство над многотысячной массой илотов.

Подневольный труд илотов избавлял спартиатов от необходимости добывать себе пропитание и оставлял им максимум свободного времени для занятий государственными делами и с овершенствования

в военном искусстве. Последнее было тем более необходимо, что после завоевания Мессении в Спарте создалась крайне напряженная обстановка: здесь была нарушена основная заповедь рабовладельческой экономики, сформулированная впоследствии Аристотелем: избегать скопления больших масс рабов одного этнического происхождения. Илоты, составлявшие большинство среди трудового населения Спарты, говорили на одном и том же языке и мечтали только о том, как бы сбросить ненавистное иго спартапских завоевателей (По свидетельству Геродота, в спартанской армии, сражавшейся против персов при Платеях (479 г. до н. э.), на каждого полноправного спартиата приходилось по семь илотов.). Удержать их в повиновении можно было только с помощью систематического беспощадного террора.

Постоянная угроза плотского мятежа требовала максимальной сплоченности и организованности спартиатов. Поэтому одновременно с переделом земли в Спарте была проведена целая серия реформ, вошедших в историю под именем «законов Ликурга» (О жизни и деятельности Ликурга не сохранилось никаких достоверных свидетельств. Не удалось установить с достаточной точностью и время реформ. Многие из современных историков считают его вымышленной личностью. Наиболее вероятно, что «ликургов строй» в окончательном виде сложился не ранее чем к концу VII — началу VI в. до н. э.— Примеч. ред.). Реформы эти в короткий срок до неузнаваемости изменили облик спартанского государства, превратив его в военный лагерь, все обитатели которого были подчинены казарменной дисциплине. С момента рождения и до смерти спартиат находился под неусыпным наблюдением особых должностных лиц (они назывались зфорами, т. е. «надзирателями»), которые обязаны были следить за неукоснительным исполнением всеми гражданами законов Ликурга.

В этих законах было предусмотрено все вплоть до мельчайших деталей, таких, как покрой одежды и форма бороды и усов, которые дозволялось носить гражданам Спарты. Закон строжайше обязывал каждого спартиата отдавать своих сыновей, как только им исполнится семь лет, в специальные лагеря — агелы (букв. «стадо»), где их подвергали зверской муштре, воспитывая в подрастающем поколении выносливость, хитрость, жестокость, умение приказывать и повиноваться и другие качества, необходимые «настоящему спартанцу». Взрослые спартиаты в общеобязательном порядке посещали совместные трапезы — сисситии, ежемесячно выделяя на их устройство определенное количество продуктов. В руках правящей верхушки спартанского государства сисситии и агелы были удобным средством контроля за поведением и настроениями рядовых граждан. Государство в Спарте активно вмешивалось в личную жизнь граждан, регламентируя деторождение и супружеские отношения.

В соответствии с принципом «ликургова строя» все полноправные граждане Спарты официально именовались «равными», и это были не

пустые слова. В Спарте действовала на протяжении почти двух столетий целая система мер, направленных к тому, чтобы свести к минимуму любые возможности личного обогащения и тем самым приостановить рост имущественного неравенства среди спартиатов. С этой целью была изъята из обращения золотая и серебряная монета. Согласно преданию, Ликург заменил ее тяжелыми и неудобными железными оболами, уже давно вышедшими из употребления за пределами Лаконии. Торговля и ремесло считались в Спарте занятиями, позорящими гражданина. Ими могли заниматься лишь периеки, (букв, «живущие вокруг») — неполноправное население небольших городков, разбросанных по территории Лаконии и Мессении на некотором удалении от самой Спарты. Практически все пути к накоплению богатства были закрыты перед гражданами этого необыкновенного государства. Впрочем, даже если кому-то из них удалось бы сколотить состояние, воспользоваться им под бдительным надзором спартанской полиции нравов он все равно не смог бы. Все спартиаты независимо от их происхождения и общественного положения — исключения не делалось даже для стоявших во главе государства «цареи» (Начиная с древнейших времен Спартой управляли два «царя», принадлежавшие к двум различным династиям. Власть «царей» была пожизненной, по ее сильно ограничивал постоянный надзор со стороны эфоров. Всей полнотой власти «цари» пользовались лишь во время войны в качестве верховных главнокомандующих спартанской армии.) — жили в совершенно одинаковых условиях, как солдаты в казарме, носили одинаковую простую и грубую одежду, ели одинаковую пищу за общим столом в сисситиях, пользовались одинаковой домашней утварью. На производство и потребление самых незначительных предметов роскоши в Спарте был наложен строжайший запрет. Ремесленники из числа периеков изготавливали лишь самую простую и необходимую утварь, орудия труда и оружие для снаряжения спартанской армии. Ввоз же в Спарту чужеземных изделий был категорически запрещен законом. Спартанскому правительству удалось сплотить граждан перед лицом поработанных, по постоянно готовых к возмущению илотов. Обладая большим запасом внутренней прочности, «община равных» смогла в дальнейшем выдержать такие серьезные испытания, какими были, например, великое восстание илотов 464 г. (так называемая III Мессенская война) или Пелопоннесская война 431 — 404 гг. до н. э. Принесла свои плоды и упорная военная тренировка, которой спартанцы предавались всю жизнь с неослабным рвением. Знаменитая спартанская фаланга (тяжеловооруженная пехота, державшаяся в сомкнутом строю) долгое время не знала себе равных на полях сражений и заслуженно пользовалась славой непобедимой. Спарта сумела еще до начала V в. до н. э. установить свою гегемонию над большей частью Пелопоннеса, а впоследствии попыталась распространить ее также и на всю остальную Грецию. Однако великодержавные претензии Спарты опирались лишь на ее военную силу. В экономическом и культурном отношении она сильно отставала от других греческих государств. Установление «ликургова строя»

резко затормозило развитие спартанской экономики, вернув ее вспять, почти на стадию натурального хозяйства гомеровской эпохи. В атмосфере сурового военно-полицейского режима с его доведенным до абсурда культом равенства постепенно захирела, а затем и совсем исчезла яркая и своеобразная культура архаической Спарты (Археологические раскопки на территории Спарты показали, что в VII — первой полонште VI в. здесь находился один из самых значительных центров художественного ремесла во всей Греции. Изделия лакейских ремесленников этого времени не уступают лучшим изделиям афинских, коринфских и эвбейских мастеров.). После Тиртея, воспевшего подвиги, совершенные спартанскими воинами во время Мессенских войн, Спарта не дала ни одного значительного поэта, ни одного философа, оратора, ученого. Полный застой в социально-экономической и политической жизни и крайнее духовное оскудение — такой ценой пришлось расплачиваться спартанцам за свое господство над илотами. Замкнувшаяся в себе, отгородившаяся от внешнего мира глухой стеной вражды и недоверия, Спарта постепенно становится главным очагом политической реакции на территории Греции, надеждой и опорой всех врагов демократии.

Итак, мы познакомились с двумя крайними, наиболее различившимися формами раннегреческого полиса. Первая из этих двух форм, сложившаяся в Афинах в результате реформ Солона и Клисфена, обеспечивала гражданам гармоническое развитие личности и оказалась более способной к развитию и, следовательно, исторически более перспективной в сравнении со второй — казарменной спартанской формой полиса. Афины не знали свойственной Спарте полной политической дискриминации всех людей физического труда. Именно Афинам суждено было стать в дальнейшем главным оплотом греческой демократии и вместе с тем крупнейшим культурным центром Греции, «школой Эллады», как скажет позднее Фукидид.

Говоря о существенных различиях в общественном и государственном устройстве Афин и Спарты, мы не должны упускать из виду то общее между ними, что позволяет считать их двумя разновидностями одного и того же типа государства, а именно полиса. Любой полис представляет собой самоуправляющуюся, или, как говорили греки, автономную общину, чаще всего не выходящую за пределы одного, обычно небольшого города и его ближайших окрестностей (отсюда общепринятый в современной научной литературе перевод термина полис — «город-государство»). Государства, превышающие по своим размерам эту обычную для полиса норму, встречаются в Греции лишь в виде исключения (примерами могут служить как раз Афины и Спарта, на территории которых кроме главного города, давшего имя своему государству, были еще и другие города). Основная особенность полисной организации, отличающая ее от всех других видов рабовладельческого государства, заключается в том, что здесь в управлении государством участвуют в какой-то, хотя, конечно, далеко

не в равной, мере все члены данной общины, а не только избранная их часть, входящая в чрезвычайно узкий круг придворной знати, как мы чаще всего наблюдаем это в монархиях древнего Востока, Гражданская община (демос) практически сливается здесь с государством(Разумеется, следует иметь в виду, что размеры и численность самих полисных общин могли колебаться в очень широких пределах в зависимости от тех критериев гражданских прав, которые использовались в различных греческих государствах. Если в Афинах: во времена расцвета демократии во второй половине V в. насчитывалось около 45 тыс. полноправных граждан, то в Спарте их число даже и в годы наивысшего подъема её могущества не превышало 9—10 тыс. человек. Впрочем, в Греции существовали и такие полисы, в которых весь гражданский коллектив состоял из нескольких сотен или даже нескольких десятков человек.).

Даже в наиболее консервативных и политически отсталых греческих полисах вроде той же Спарты все полноправные граждане имели доступ в народное собрание, которое считалось носителем высшей суверенной власти в государстве(Этот принцип был сформулирован уже в древнейшем из всех дошедших до нас политических документов — так называемой «Ретро Ликурга» (около VIII в. до н. э.). Его заключительная фраза гласила: «Сила и власть пусть принадлежат народу»). Будучи выражением коллективной воли граждан полиса, решения народного собрания имели силу общеобязательного закона. В этом проявляется важнейший политический принцип, лежащий в основе полисной организации,— принцип подчинения меньшинства большинству, личности коллективу. Выше мы уже видели на примере Спарты, какие парадоксальные формы принимало подчас это всемогущество закона. Да и в других греческих государствах оформленная как закон власть коллектива над личностью и имуществом отдельного гражданина нередко простиралась весьма далеко. В Афинах, например, любой человек, какое бы высокое положение в обществе он ни занимал, мог оказаться изгнанным за пределы государства без всякой провинности с его стороны лишь на том основании, что этого хотело большинство его сограждан(В таких случаях проводилось общее голосование, в котором бюллетенями служили глиняные черепки. Отсюда название этой процедуры — остракизм, букв. «черенкование». Каждый из участников голосования писал на своём черепке имя того человека, который, по его мнению, представлял в данный момент наибольшую опасность для государства. Тот, кто собирал таким образом наибольшее число голосов, изгонялся из Афин сроком на десять лет. Изобретение остракизма приписывалось к древности Клисфену. Заметим, что институт остракизма предполагает поголовную грамотность граждан.). Используя свое право верховного контроля над жизнью и поведением отдельных граждан, полис активно вмешивался в экономику, сдерживая рост частной собственности и сглаживая, таким образом, имущественное неравенство внутри гражданской общины.

Примерами такого вмешательства могут служить уже известная нам солоповская сейсахтейя в Афинах, приписываемый Ликургу земельный передел в Спарте и аналогичные экономические реформы в других полисах (Во многих полисах контроль государства над частным собственностью граждан носил систематический характер. Наиболее типичными его проявлениями можно считать различные запреты и ограничения, налагавшиеся на покупку и продажу земли, так называемые литургии — повинности в пользу государства, выполнявшиеся наиболее зажиточными гражданами; законы против роскоши и т. д.).

Для своего времени полис может считаться наиболее совершенной формой политической организации господствующего класса. Его главное преимущество перед другими формами и типами рабовладельческого государства, например перед восточной деспотией, заключается в сравнительной широте и устойчивости его социальной базы и в тех широких возможностях, которые он давал для развития частного рабовладельческого хозяйства. Полисная община объединяла в своем составе как крупных, так и мелких собственников, богатых земле и рабовладельцев и просто свободных крестьян и ремесленников, гарантируя каждому из них неприкосновенность личности и имущества и вместе с тем определенный минимум прав, и прежде всего права собственности на землю внутри полиса. В правоспособности греки видели основной признак, отличающий гражданина от негражданина. В то же время полис был военно-политическим союзом свободных собственников, направленным против всех поработанных и эксплуатируемых и преследующим две основные цели: 1) удерживать в повинности уже имеющихся рабов; 2) организовывать военную агрессию против стран «варварского» мира, обеспечивая тем самым пополнение рабовладельческих хозяйств необходимой им рабочей силой.

Литература:

Андреев Ю.В. Греция в архаический период и создание классического греческого полиса./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.69-93

Лекция 5: Культура Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н.э.

Вавилонское религиозное мировоззрение.

Монархически-государственный, а не общинный характер официальной вавилонской религии и подавление общественной жизни населения, если не считать жителей привилегированных городов, привели к созданию совершенно иных идеологических форм, чем те, которые господствовали в номовых государствах Шумера(Существенно отличалась вавилонская религиозная идеология и от той, которая

создавалась в мелких государствах и у племен Сирии, Финикии и Палестины. Например, в Вавилонии не могли развиваться в качестве общественно значимых и в классовых условиях шаманистические черты первобытной религиозно-магической практики: здесь слабо развиты оракулы, здесь нет народных ораторов-пророков с их ритмическими проповедями. Исключение, по-видимому, составлял лишь город Мари на среднем Евфрате, где был высокий процент западносемитского населения.).

С ослаблением солидарности территориальных общин все большую роль начинают играть «личные» (они же, вероятно, и семейно-общинные) боги. Таким богом могло быть любое из общевавилонских божеств, причем они не были связаны с каким-либо определенным географическим округом: бурные военные события и перемещение магистральных каналов основательно перемешали вавилонское население, и в кассттское время (XVI—XII вв. до н. э.) уже часто оказывается трудно определить место рождения или жительства человека по тому, кому из богов посвящено его имя. Гораздо большее значение в религии начинает придаваться личным, так сказать, взаимоотношениям отдельного человека (или главы отдельной семьи) с его собственным богом или богиней. Это, в частности, проявляется в возникновении целого жанра молитв и псалмов, а также заклинаний и других магических текстов, рассчитанных на индивидуальное обращение человека к богу, а не на участие его в общем богослужении. В таких псалмах верующий обычно кается в нечаянном нарушении каких-то неизвестных ему правил, установленных богами, что навлекло на него несчастье. Носителями бед представлялись злые сверхъестественные силы, и заклинания имели целью унять эти силы с помощью бога. На этой почве вырабатывается сложная система демонологических представлений.

Заметим, что всякая молитва обязательно сопровождалась ритуалом и, если она творилась в храме, требовала содействия священнослужителя-профессионала. Но у себя дома каждый глава семьи был жрецом семейных богов и духов предков и совершал обряды и молитвы перед маленьким настенным изображением божества. Повышение роли патриархальной семейной общины в ущерб общине территориальной, вероятно, сказалось, между прочим, на резком падении престижа древних богинь, низведенных теперь (за исключением Иштар да еще богини врачевания Гулы) почти исключительно до роли безличных супругов своих божественных мужей.

Общая структура пантеона, созданного еще при III династии Ура, осталась, однако, без перемен; то же касается и сложившихся представлений о генеалогических связях между богами. Хотя царем богов (избранным их советом из числа всех) и считались либо Эллиль, либо Мардук (иногда они сливались в представлении верующих в единый образ «Владыки» — Бела), однако во главе всего мира стояла по-прежнему триада — Ану, Эллиль и Эйя, окруженные советом из семи или двенадцати «великих богов», определяющих «доли» всего

на свете; все боги вообще мыслились разделенными на две родовые группы, частично, но не полностью совпадавшие с делением на божеств земли и подземного мира и на божеств небесных. В преисподней правил Нергал, подчинивший себе силою свою супругу, древнюю богиню Эрешкигаль, на небе — Ану, между небом и землей — Эллиль, в мировом океане — Эйя.

Вавилонское техника и наука.

Наибольшим техническим прогрессом, несомненно, был окончательный переход во II тысячелетии до н.э. к бронзе. Приплав олова к меди значительно снижал температуру плавления металла и в то же время очень улучшал его литейные качества и прочность и сильно увеличивал износостойкость. Бронзовые бритвы смогли вытеснить обсидиановые и кремневые, бронзовые лемехи плугов служили гораздо дольше медных и поэтому были экономичнее в любом хозяйстве; в военном деле бронза позволила от топориков и кинжалов перейти к мечам, а в оборонительном оружии наряду со шлемами и щитами ввести броню для бойцов и коней; теперь уже воин настолько превосходил в боевой мощи своего пленника-мужчину, что того не было необходимости убивать на месте, а можно было угнать к себе на родину и использовать как раба, если позволяли хозяйственные условия. Лишь сталь (в I тысячелетии до н.э.) смогла превзойти бронзу и технологически.

По-видимому, ко II тысячелетию до н. э. надо отнести усовершенствование ткацкого стана, хотя прямых данных об этом у нас нет; во всяком случае, широкая торговля красителями свидетельствует о каких-то изменениях в текстильном деле. В строительстве в средневавилонский период появляется стеклянная полива кирпича. Скотоводство было дополнено массовым коневодством — правда, обслуживавшим исключительно войско. В последней четверти II тысячелетия до н. э. у скотоводов Сирийской степи появляется одомашненный верблюд-дромадер, хотя еще не в большом числе, но это уже позволило части племен перейти к подлинно кочевому быту (Отдельные прирученные экземпляры дромадера упоминаются в текстах уже с начала II тысячелетия до н.э.). Приручение верблюда, сделавшее скотоводов гораздо более подвижными, вероятно, помогало им осуществлять массовые вторжения как в Верхнюю, так и в Нижнюю Месопотамию, причем в последнем случае — напрямик из пустыни, а не обходным путем, которым некогда двигались амореи. У земледельцев Нижней Месопотамии в середине касситского времени прокладка каналов по новым, незаселенным землям привела, видимо, к повышению урожайности, особенно пшеницы и эммера.

Старовавилонский период был временем расцвета вавилонской науки и в областях, менее тесно связанных с практической техникой.

Светская э-дуба была средоточием науки до времен Самсуилуны Вавилонского. Она готовила главным образом писцов для царских и храмовых канцелярий, для суда и пр.; в какой-то степени э-дуба обслуживала и надобности культа, хотя богослужение осуществлялось тогда еще преимущественно не по записанным и заученным с письма текстам, а по устной традиции. Э-дуба, откопанная в Уре, находилась при частном доме, но были, видимо, и казенные, в том числе храмовые, школы. Учились не только мальчики, но иногда и девочки; так, обитель жриц в Сиппаре имела порой писцов-женщин (которые, возможно, сами жрицами не были). Несмотря на сложность клинописи, грамотность была довольно широко распространена: писать умели самые разные лица — от ведшего учет старшего пастуха и иногда даже до царя, которому грамота была менее необходима.

«Писец» было почетным званием образованного человека. Однако высокопоставленные лица, как правило, писали не сами, а диктовали писцу, отсюда формула обращения в письме: «Такому-то скажи — вот что сказал такой-то» — автор письма как бы обращается не к самому адресату, а к его писцу, или гонцу, несущему письмо.

Едва ли не большинство писцов знали клинопись только в пределах своих профессиональных нужд, например умели написать хозяйственную ведомость или юридический документ по установленной обычаем форме, но не умели прочесть религиозно-литературное произведение, и наоборот; часто писцы путались при передаче редких имен собственных, не включенных, в справочники, хотя то, что в них было, вызубривали хорошо, и орфографические ошибки или произвольные написания слов редки.

Но к оканчивающим полный курс э-дубы — к так называемым шумерским писцам (Писец, знавший всего лишь сотню-другую знаков (преимущественно слоговых), обозначался как «хурритский писец». К этнической или языковой принадлежности писцов эти обозначения касательства не имели.) — предъявлялись высокие требования. Они должны были уметь устно и письменно переводить с шумерского на аккадский и наоборот, знать шумерские грамматические термины, спряжение глагола, шумерское произношение, шумерские эквиваленты каждого аккадского слова, различные виды каллиграфии и тайнописи, технический язык жрецов и членов других профессиональных групп, все категории культовых песен, должны были уметь руководить хором и пользоваться музыкальными инструментами, составить, завернуть в глиняный конверт и опечатать документ, знать математику, включая землемерную практику, уметь подсчитать и распределить рационы, вычислить объем землекопных и строительных работ и т. д.

Источником развития науки была главным образом хозяйственная практика больших, т. е. царских и храмовых, хозяйств; на её основе к концу III тысячелетия до н. э. создалась клинописная математика. Её практические основы были заложены в шумерский период, но

расцвета она достигла в послешумерской э-дубе, где математика преподавалась в основном на аккадском языке. Развиваясь теперь прежде всего в школе (готовившей как учителей, так и писцов-практиков) и для школьных нужд, математика получила в э-дубе самостоятельное развитие; среди многочисленных математических справочников и задач встречаются и такие, которые не могли иметь практического применения; решение некоторых задач являлось в некотором смысле самоцелью, иррдастав-ляя как бы теоретический интерес. Вавилонские математики широко пользовались изобретенной еще шумерами шестидесятеричной позиционной системой счета. Вавилоняне умели решать квадратные уравнения, знали «теорему Пифагора» (более чем за тысячу лет до Пифагора). Число Δ практически принималось равным 3, хотя было известно и его более точное значение. Помимо планиметрических задач, основанных главным образом на свойствах подобных треугольников, решали и стереометрические задачи, связанные с определением объема различного рода пространственных тел, в том числе и усеченной пирамиды. Широко практиковалось черчение планов полей, местностей, отдельных зданий, но обычно не в масштабе.

Из практических нужд выросли также записи медицинских и химических рецептов (сплавы, с XIII в. до н. э. — стеклянная глазурь и т. п.), равно как и исторические хроники, бывшие во II тысячелетии до н.э. еще либо сводами событий, которые считались «предзнаменованными» какими-либо природными явлениями (главным образом формой печени жертвенного ягненка), либо списками датировочных формул (Поскольку эры, т. е. точки отсчета во времени, не существовало, постольку датировка велась по знаменательным событиям каждого года; упоминание такого события официально формулировалось для всего государства строго определенным образом.).

Хотя несомненно, что вавилонские филологи, математики, врачи, юристы, архитекторы и т. н. имели определенные теоретические взгляды, но письменно они не фиксировались; до нас дошли только списки, справочники, задачи, рецепты. Все это переписывалось в школах из века в век без всяких изменений и в отрыве от изменяющихся условий жизни, и содержание зазубривалось наизусть.

Механическое заучивание задач и их решений (в том числе иногда и ошибочных) господствовало, очевидно, и в обучении математике.

Система зазубривания наизусть ограничивала дальнейшие возможности развития вавилонской науки; уже одни шумерские составные идеограммы с их чтениями и переводами в современном издании на бумаге занимают несколько больших томов. Зазубренные же знания по своему объему не могли превзойти способности человеческой памяти к удерживанию сведений, логически не связанных между собой.

Попыткой обобщения географических знаний является «карта мира», где земля изображена в виде плоскости, пересеченной реками Евфрат и Тигр, сбегаящими с северных гор, и со всех сторон окруженной мировым океаном, на поверхности которого она, видимо, мыслилась плавающей; по ту сторону океана — острова, посещавшиеся лишь в древности мифическими героями. Предполагалось, что океан был окружен «Плотиной небес», а на ней покоилось несколько (три или семь) небесных сводов; под землей находилась преисподняя. Но географический кругозор вавилонских купцов-практиков был гораздо шире сохранившейся карты: уже в III — II тысячелетиях им была известна Индия, хотя позже путь в нее был временно утерян; к I тысячелетию до н. э. месопотамцы знали Эфиопию — Куш и Испанию — Тартесс, а также, по некоторым косвенным данным, Грецию, Среднюю Азию и снова Индию.

Еще одной побудительной причиной для развития некоторых отраслей познания были — как ни странно это кажется теперь — культово-магические представления и практика. В нуждах культа разрабатывалась, например, музыкальная гармония (учение о ладах, длине струн). Среди множества ритуально-магических текстов, вошедших в вавилонский письменный канон, были и заклинания, составленные для жрецов-знахарей и гадалей. Но и занятия лженауками могли в конечном счете приносить известную пользу. Гадалы записывали, а позже переписывали в огромные своды «предзнаменования», т. е. наблюдения за природными явлениями, за поведением людей и животных, над формой овечьей чечени при жертвоприношениях, над замеченными необычными особенностями анатомии людей и животных (рождение уродов) и т. п.; такие наблюдения увязывались по принципу «после этого, значит, возможно, поэтому» с определенными событиями в жизни людей и государства. Ни одно сколько-нибудь значительное действие, предпринимаемое царем (да, вероятно, и частными лицами), не начиналось без предварительного гадания. Из записей таких «предзнаменований» вавилонянами были извлечены первые исторические обзоры важнейших событий прошлого, память о которых пытались также поддерживать с помощью обычая царей оставлять описания своих деяний (они записывались на камне либо, чаще, на глиняных конусах или цилиндрах, помещавшихся под фундаментами дворцов и храмов, с тем чтобы они были в будущем найдены при сносе здания); а из записей астрономических и метеорологических наблюдений, сначала чисто эмпирических, впоследствии, уже в I тысячелетии до н. э., развились не только астральные культы и астрология, но и вычислительная астрономия: теория видимых лунных и планетных движений, предвычисление лунных затмений. Однако уже раньше, еще до середины II тысячелетия до н. э., были описаны созвездия, наблюдались движения планет и т. д. Сравнительно высокое развитие именно астрономии было, возможно, связано с особенностями употреблявшегося лунного календаря.

Первоначально каждое государство-город имело свой календарь, но после возвышения Вавилона на всю страну был распространен принятый в Вавилоне календарь Ниппура.

Год состоял из 12 лунных месяцев, имевших 29 или 30 дней (поскольку период смены фаз луны равен приблизительно 29,5 суток). Из-за того что солнечный год длиннее лунного приблизительно на 11 дней, для устранения этого несоответствия вводился (со старовавилонского периода — по всей стране одновременно) дополнительный месяц, однако твердые правила относительно его вставки были установлены лишь в середине I тысячелетия до ц. э.; во II тысячелетии до н. э. високосные месяцы вставлялись по усмотрению царской администрации, и нередко, вероятно, с целью увеличить поступающие поборы. Однако в любом случае необходимо было соотноситься с реальными временами года, а действительная величина расхождения года лунного с солнечным могла быть установлена лишь путем астрономических наблюдений. Вместе с клинописью вавилонские науки — и лженауки — были занесены во все страны Передней Азии; но с течением времени, особенно после вымирания клинописной грамоты, многие научные открытия вавилонян (например, в области математики, химии) были утеряны и впоследствии открывались заново; однако греческая и италийская (в первую очередь этруская) культура кое-что заимствовала и у вавилонян, как из наук, так и из лженаук (например, «науку» о гадании по печени), хотя, по-видимому, не непосредственно, а через Финикию и Малую Азию. Но с поздневавилонской астрономией (IV—II вв. до н. э.) греческие ученые знакомились и непосредственно, и она оказала на них заметное влияние; исторические знания вавилонян были переданы грекам вавилонянином Беросом, около 290 г. до н. э. составившим также по-гречески историю своей страны. Шумеро-вавилонская система мер и весов легла в основу многих метрологических систем древней Передней Азии и оказала косвенное влияние на греческую метрологию, а шестидесятеричная система счета через вавилонских и греческих астрономов дошла и до нашего времени: именно этой системой мы пользуемся и сейчас, когда оперируем градусами, минутами и секундами.

Вавилонская литература.

Та же э-дуба, которая положила начало шумеро-вавилонской науке, создала и шумеро-вавилонскую (но в первую очередь именно шумерскую) литературу; большинство произведений аккадской литературы были сложены семьями наследственных писцов в основном во второй половине II тысячелетия до н. э.

Аккадские литературные памятники — это уже литература в собственном смысле слова, новая, самостоятельная отрасль художественного творчества. Конечно, и аккадскую литературу продолжают лимитировать размеры глиняной плитки, но в лучших ее произведениях конспективность сменяется лаконичностью,

беспорядочная рыхлость построения шумерских произведений, державшихся главным образом на однообразных повторах,— продуманной композицией.

Появление литературы как бы разрезает развитие фольклорного искусства в момент введения письменности (это может произойти на самых, разных его этапах), дальше она растет от того уровня фольклора, который впервые застала, не останавливаясь, однако, дальнейшего развития самого устного творчества, поскольку литература и фольклор располагают каждый собственными художественными приемами и способами воздействия на слушателя. Обычно считается, что адресат этих двух видов искусства различен.

Устный фольклор всенароден и в разных вариантах обслуживает все социальные слои общества; письменная литература обычно рассчитана только на грамотного читателя. Однако такое противопоставление применительно к аккадской и вообще к древневосточной литературе не вполне точно: грамотный читатель здесь не только адресат, но и посредник между автором и слушателем произведения. Дело в том, что клинописную табличку нельзя было просто читать для получения личного эстетического удовлетворения.

Не говоря уже о том, что в течение тысячелетия не умели читать «про себя», читали всегда только вслух, сама клинописная грамота настолько сложна, что чтение «с листа» почти невозможно, за исключением тех случаев, когда знакомый формуляр текста и заранее известное приблизительное содержание его сами сразу подсказывают правильный выбор чтений для клинообразных знаков.

Как правило, и для древнего грамотея прочтение клинописного текста содержало некоторый элемент дешифровки и интуитивного угадывания; то и дело приходилось останавливаться и задумываться над чтением. В этих условиях письменный текст оставался до известной степени мнемоническим пособием для последующей передачи его содержания наизусть и вслух, Чтец-грамотей служил передаточной инстанцией между автором произведения и аудиторией, и поэтому аккадское литературное произведение было адресовано не одним только грамотным писцам, но и сколь угодно широкой аудитории, а каноническая запись текста не исключала известной и даже значительной доли импровизации при исполнении произведения. Конечно, импровизация допускалась не всюду: в культовых памятниках, где особенно важна магическая роль слова, текст нельзя было менять, и импровизация оказывалась невозможной, кроме случаев, когда разыгрывалось культовое действие, где жесты и движения важнее слов. Иное дело тексты некультовые — здесь творческая роль сказителя может быть большей, поэтому, например, аккадский эпос о Гильгамеше записан в нескольких изводах (Кроме того, аккадскому эпосу о Гильгамеше предшествовали отдельные былины об этом герое на шумерском языке.).

Для памятников литературы древнего Востока характерна еще одна важная особенность: сюжет дан заранее, он не сочиняется поэтом, а лишь разрабатывается. Содержание большей частью известно слушателям, и им важно не что, а как исполняет сказитель, не узнавание события, а вызываемые им общественные эмоции. Как правило, сюжет идет от мифа и культа. Герои произведения обычно обобщены и являют собой определенные мифологические типы; особого интереса к личности, как таковой, нет, внутренние переживания героев не раскрыты. Нет особого интереса и к личности автора; в ряде случаев традиция сохранила имена авторов, по эти имена легендарны: среди них мы встретим богов, животных, мифических героев и лишь иногда имена, звучащие достоверно.

Все эти черты могут быть выявлены и во многих произведениях первобытного творчества. Это не случайно: ведь основная масса свободного населения древнего мира — это прямое продолжение племенной массы первобытного общества, и исторически, и по своему мировоззрению. Если из этой массы и выделяется господствующий класс рабовладельцев, то сама масса свободных еще не противопоставляет себя им в социально-психологическом отношении: она не отделена от господствующего класса сословной гранью, и при удаче в его состав может войти каждый (или так ему кажется). Формирующийся класс подневольных людей рабского типа собственной идеологии не создает.

Однако (и в этом коренное отличие аккадской литературы от шумерской) литературное творчество вавилонян — не просто воспроизведение древних мифологических мотивов; все наиболее значительные сочинения уже несут в себе определенное социально обусловленное содержание, отражающее мысль их собственного времени. Для более полной передачи мифологические мотивы, из которых, как из кирпичиков, построено произведение, видоизменяются, иногда обрезаются и подгоняются под ту идею, которую хочет передать автор, и прежде всего, подходя к этой задаче с разных и иногда противоположных позиций, авторы аккадских художественных произведений пытаются осмыслить окружающую их мир и условия жизни человека, что-то противопоставить тому чувству ужаса и безнадежности, которое внушало человеку шумерской эпохи его мировоззрение, ведь для тех людей мир управлялся не просто грозными, но злобными и капризными и в то же время непреодолимо сильными: богами. В этот страшный мир аккадская литература пытается внести позитивные идеалы — веру в благодарную память потомков, в конечную справедливость почему-то временно отвернувшегося от людей божества.

Несколько слов о форме аккадской литературы. В ней еще не существовало художественной прозы. Как художественная, т. е. эмоционально воздействующая и передающая эмоциональное отношение автора или сказителя к действительности, воспринималась только ритмическая речь. Поэтическое слово еще не перестало быть

магическим, оно могло звучать только в определенной магически значимой обстановке, и, вероятно, слушатели считали его вызывающим определенные благоприятные магические последствия.

Но даже произведении ритмизованной прозы в аккадской литературе мало (сюда относятся преимущественно ассирийские царские надписи и анналы I тысячелетия до н. э.). Большинство произведений — стихотворные. В соответствии с характером северосемитских языков, где господствовало силовое ударение, аккадское стихосложение основано на счете ударений. Ритм речитативного исполнения зависел, видимо, также от сопровождения ударными и другими музыкальными инструментами. Возможно, что некоторые религиозные тексты, особенно сопровождавшие какое-либо мифологическое или обрядовое действие, исполнялись на два голоса или более.

Таким образом, аккадские литературные произведения — это уже не полулитература, какой была шумерская, а литература в полном смысле слова, со своими эстетическими средствами воздействия, со своей идейной, а не чисто культово-магической задачей, но все же нечто весьма отличное от того, что мы сейчас понимаем под этим словом. Однако при всем своем несомненном родстве с фольклором она уже отделилась от него. Многие фольклорные жанры почти не были освоены аккадской литературой (например, басни, сказка), а некоторые жанры аккадской литературы никогда не существовали в фольклоре.

Самым общим образом памятники аккадской художественной литературы могут быть разделены на предназначенные для культового исполнения и на предназначенные для некультового исполнения — будь то на пиру, на совете или еще где-либо.

Среди некультовой литературы по своему идейному влиянию, его силе и длительности первое место занимает героический эпос, а из памятников эпоса первое место занимает сказание о Гильгамеше.

Оно известно нам на аккадском языке в трех версиях. Древнейшая из них была записана не позже XIX в. до н. э. Наиболее поздняя версия, приписываемая Син-лике-уннинни, относится, видимо, к концу II тысячелетия до н. э. Все дошедшие тексты фрагментированы, и лишь поздняя версия допускает почти полную реконструкцию сюжета.

Аккадский эпос о Гильгамеше — создание поэта, который не просто соединил между собой разрозненные шумерские сказки-былины, но тщательно продумал и скомпоновал известный ему материал, придав всему произведению глубокий философский смысл. Не все шумерские песни о Гильгамеше показались ему пригодными для его цели (например, он не использовал песню о Гильгамеше и Агге) — видимо, они недостаточно раскрывали главную мысль поэмы. Наоборот, рассказ о Потопе, представлявший не только в шумерской, но и в

аккадской литературе отдельное сочинение, органически влился в эпопею и, рассказанный от первого лица тем, кто единственный пережил это бедствие, оказался эмоционально действенным художественным моментом, подчеркнутым, сколь недостижимо и недоступно человеку бессмертие — главная цель странствий Гильгамеша. Точно так же концовка эпопеи выразительно подчеркивает мысль о том, что единственное доступное человеку бессмертие — это память о его славных и нужных делах. Внутренне развитие образа Гильгамеша и его друга Энкиду строго подчинено законам эпического формирования героев. Уже не благодаря волшебным помощникам, как герои мифологических сказок (к числу которых принадлежат и шумерские песни о Гильгамеше), а благодаря развившимся в нем высоким физическим и моральным качествам герой возвышается над прочими смертными и совершает подвиги. И если герой сказки всегда торжествует, то эпический герой гибнет (Энкиду) или терпит поражение после трагической кульминации действия (сам Гильгамеш). Показательно и развитие образа Энкиду из «раба» и одного из магических помощников Гильгамеша в его друга и «брата»; этот образ имеет свое развитие и внутри самого эпоса: невинный дикарь — хранитель пастухов, познавший любовь женщины и вкус хлеба (но все еще не человек в высшем смысле слова — это ясно показано в эпосе), — и, наконец, верный друг и бесстрашный соратник героя — носителя городской цивилизации.

Другие героические эпосы, как, например, приписываемая Лу-Нанне поэма о полете героя Этаны на небо с помощью орла, сохранились плохо.

Героический по своему типу эпос мог строиться не только на образе героя-смертного, но и на образе героя-божества; прототипов песен подобного рода в шумерской литературе мы не знаем (цикл культовых песен об Инане и Думузи представляет собой особый случай). Возможно, что возникновение эпических песен о богах в аккадский период связано с функционализацией и известной индивидуализацией образов божеств, ранее представлявших собой довольно стандартные фигуры богов-созидателей благополучия и плодородия своих общин. Героями являются боги во фрагментированном эпосе о борьбе Бела с чудовищем Лаббу, в хорошо сохранившейся (в двух версиях — канонической и более полной доканонической) песне о боге Нергале и богине Эрешкигаль, а также в эпосе об узурпации престола в царстве богов богом чумы Эррой (конец II тысячелетия до н.э.).

Одной из главных этико-философских проблем представлялся вопрос о причине незаслуженных страданий и смерти человека, который, казалось бы, не нарушил никаких божеских установлений.

Эта проблема, по существу, присутствует и в поэме о Гильгамеше, ей же специально посвящены две замечательные аккадские поэмы: «Невинный страдалец», написанная почти целиком в форме монолога, и «Вавилонская теодицея» (XI в. до н. э.), написанная в форме

диалога между страдальцем и его другом-оптимистом. Первая поэма говорит преимущественно о бедствиях личных, вторая (написанная в форме акростиha, включающего имя автора — Эсагиль-кина-уббиб) — о бедствиях социальных; обе кончаются оправданием божества, пути которого объявляются неисповедимыми. Эти поэмы являются предшественницами аналогичной, но более глубокой по содержанию «Книги Иова», сохранившейся в библейском каноне. О тщетности всех человеческих деяний говорит поэтический диалог «Разговор господина и раба», дата которого неизвестна.

Из некультовых канонических произведений, созданных до 1000 г. до н. э. или около этого, следует еще упомянуть пословицы и афоризмы, хотя записанные пословицы малооригинальны и по большей части переведены с шумерского. Забавны некоторые анекдоты и побасенки, включаемые в собрание поговорок: «Мышь от мангуста (Мангуст поедает не только мышей, но и змей.) забежала в пору змеи и сказала: „Меня прислал заклинатель змей — привет"». «Свинья недостойна быть в храме, она не муж совета, не ступает по мостовой; не говорят: „Свинья, в чем мне почет?", а она говорит: „Свинство — мое упование"».

Из неканонических стихотворных произведений светского характера можно назвать «Сказку о ниппурском бедняке», жестоко обиженном своим градоначальником, и о его мести — о том, как ему удалось с помощью хитроумных переодеваний трижды обмануть и избить градоначальника. Она датируется касситским временем. Любопытен также поздний пародийный «эпос» о Гильгамеше.

В Вавилонии и Ассирии существовали многочисленные памятники любовной лирики; в большом ассирийском «каталоге» песен, исполнявшихся под музыку, приведены первые строки десятков любовных стихотворений; к сожалению, в подлиннике и полностью мы знаем только одно произведение аккадской любовной лирики, имеющее форму диалога между любовниками. Он уверяет ее, что охладел к ней, но, пристыженный ее кротостью, в конце концов к ней возвращается. Диалог — или текст для пения на два голоса — датируется царствованием Хаммурапи.

К тому же времени относится случайно сохранившаяся воинская песня.

На первом месте среди культовых памятников стоит космогонический эпос г. Вавилона, называемый по первой строке «Когда вверху» («Эпума элиш»). Дата его неясна, но несомненно, что поэма гораздо моложе времени Хаммурапи. Тогда как в шумерский период не засвидетельствовано ни одного самостоятельного произведения космогонического содержания, вавилонская космогоническая эпопея занимает важное место среди памятников аккадской литературы. Она состоит из семи песен и содержит более тысячи строк. Интересно, что шумерские боги-творцы выступают в

поэме молодыми богами, а в качестве древних, изначальных сил названы божества, в шумерских мифах неизвестные. Это не случайно; рассказ о создании поколений богов, из которых каждое превосходит предыдущее, нужен, чтобы оценить величие одного-единственного божества — Мардука, бога Вавилона, прямого потомка и законного наследника всех древних могучих сил, в том числе и шумерских богов. Далее, все творческие акты, которые в шумерских мифах совершали разные боги, приписаны одному Мардуку. Политическая и идеологическая цель создания поэмы совершенно ясна. К середине I тысячелетия до н. э. возникает идея о том, что все вообще боги — только разные образы или ипостаси одного Мардука.

По-видимому, некоторые эпизоды мифа разыгрывались в лицах.

То же верно в отношении другой культовой эпической песни — «Хождения Иштар в преисподнюю», по содержанию близкой шумерскому прототипу. Весь конец поэмы состоит из отдельных, логически не связанных между собой строчек, очевидно дополнявшихся мимическим действием.

Гораздо большее место, чем эпосы, занимают среди богослужебной поэзии гимны к богам; некоторые из них и сейчас воспринимаются эмоционально и представляют и для нас эстетическую ценность. Гимны к царям в среднеавилонское время постепенно выходят из употребления.

Наряду с религиозными текстами, рассчитанными на общественное богослужение, в литературный канон входили целые серии стихотворных или песенных текстов для индивидуальных культовых церемоний. Это прежде всего индивидуальные молитвы и псалмы. Они исполнялись либо заинтересованным лицом, либо по его заказу определенным типом жреца и всегда сопровождалась обрядовыми действиями. Содержание их, часто поэтичное, но в массе стандартное, сводится как бы к краткому изложению песни о «Невинном страдальце», кающемся в своих — ему самому точно неизвестных — прегрешениях перед богом, но псалом заканчивается не проявлением благосклонности божества, а лишь просьбой о том. К песенным текстам для индивидуальных культовых действий относятся также заклинания против разного рода злых сверхъестественных существ. Большинство из них малоинтересны с художественной точки зрения, но есть и исключения; так, в заклинание против зубной боли включена интересная легенда о создании мира и всех живых существ, в том числе и «зубного червя» (нерва?); в заклинание против духа, тревожащего сон ребенка, — колыбельная песня, в заклинание против трудных родов — архаический миф о любви бога Луны Сина в образе быка к юной телице; в одном заклинании содержится поэтическое описание ночи.

Особенный интерес представляет серия заклинаний, известных под названием «Шурпу» («Сожжение»). В одной из ее таблиц

перечисляются все возможные грехи, которые мог совершить произносящий заклинание и за которые его могло постигнуть бедствие. Это довольно полный перечень того, что вавилонская этика конца II тысячелетия до н. э. считала аморальным. Помимо обычных грехов (убийство, воровство, прелюбодеяние, непочтение к богу и царю) здесь есть ряд моментов, указывающих на стойкость семейно-общинных отношений (например, неуважение к старшим родичам перечисляется в числе важных грехов). Этические взгляды вавилонян проникли даже в свод «предзнаменований»: любопытно, например, что развод с женой, вполне допустимый по вавилонским законам, считался печальным предзнаменованием для мужа.

После начала I тысячелетия до н.э. в литературном творчестве на месопотамской клинописи заметен спад. Исключение составляют некоторые произведения ассирийской литературы, прежде всего царские анналы и красочные описания отдельных воинских походов, составленные в форме писем царя к богу Ашшуру.

Можно отметить также несколько псалмов от имени царя Ашшурбанапала, поэму о загробном хождении царевича и т. д. К ассирийскому периоду относится написанная по-арамейски «Повесть об Лхикаре» с введенным в нее сборником поучительных изречений. Эта повесть была очень популярна на Востоке и в Европе еще в средние века; она переведена и на Руси под названием «Повесть об Акире Премудром».

Вавилонское и Ассирийское искусство.

Если можно воочию наблюдать богатство и разнообразие аккадской литературы II тысячелетия до н. э., то об изобразительном искусстве этого времени известно мало. Большинство строений — даже огромные дворцы с множеством внутренних дворов и сотнями комнат, подобные дворцу царей Мари, — архитектурно-художественного значения не имели и могут рассматриваться лишь с точки зрения строительной техники; но и тут прогресс с шумерского времени был невелик. Исключение составляет храмовая архитектура; беленые и расчлененные выступами кирпичные ступы храма, продуманное оформление святой святых со статуей бога, видимой сквозь проем из двора для верующих, и многоэтажная громада зиккурата с ее гармоничными объемами уступов и линиями ведущих вверх лестниц, поставленная так, чтобы внушать мысль о зримом восхождении к небесам, к обители бога, венчающей зиккурат, — это, конечно, были произведения искусства. Но до нас дошел только один хорошо сохранившийся храмовый комплекс II тысячелетия до н. э. — это храм и зиккурат в одном из городов Элама, да еще известна часть своеобразного храма Иштар Урукской касситского времени. От I тысячелетия до н. э. довольно хорошо сохранился храм с зиккуратом в одном из пригородов Вавилона. Знаменитая 90-метровая «Вавилонская башня», разрушенная ассирийским царем Синаххерибом в начале VII в. до н. э. и вскоре восстановленная по

приказу его сына зодчим Арадаххешу, до нас не дошла (она была снесена Александром Македонским, который собирался, по не успел построить на ее месте еще более грандиозное сооружение).

Тогда же, при восстановлении Вавилона в VII в. до н. э., город был распланирован так, что образовалась прямоугольная сеть довольно широких «прецессионных» улиц, и лишь между ними сохранялись узкие улочки с беспорядочной застройкой. Это было ассирийским нововведением; такие «проспекты» пролагал в Ниневии еще Синаххериб (причем за нарушение прямой линии настройки виновных домовладельцев сажали на кол).

Вообще для I тысячелетия до н.э. ведущую роль играет не вавилонская, а ассирийская архитектура, в особенности дворцовая.

Дворец представляет собой оформленное башнями и зубцами здание на искусственной платформе; иногда в него встраивался зиккурат; арочные входы обрамлялись каменными статуями крылатых быков или львов — духов-хранителей (шеду) царя, парадные залы понизу облицовывались каменными плитами, покрытыми плоским раскрашенным рельефом со сценами, прославляющими царя как война, жреца и охотника. С течением времени все более начинает преобладать орнаментальный подход к изображаемому; орнаментализм полностью возобладал в урартском и в нововавилонском (а в дальнейшем и в древнеперсидском) искусстве; они находились в сильной зависимости от ассирийского, но для Нового Вавилона тема прославления героической личности царя исключалась, так как царь здесь находился в зависимости от жречества. Место каменных рельефов с изображением деяний царя здесь занимают фризы из цветных изразцов с орнаментальными рисунками или изображениями животных, посвященных тому или иному божееству.

Вавилонская скульптура II—I тысячелетий до н. э. известна нам довольно плохо. Культовые статуи — судя по описаниям, покрытые золотом, инкрустированные камнями и слоновой костью — до нас не дошли. Пожалуй, единственное представление об облике культовой скульптуры первой половины II тысячелетия до н.э. может дать статуя богини Иштар, стоявшая во дворце в Мари, — монументальное, несколько грузное изваяние, размером превышающее человеческий рост. В руках богиня держала сосуд, выдолбленный насквозь. Через дно сосуда капал проходил внутрь статуи. Сама фигура, стоящая у ступей, соединялась таким образом с каналом, идущим за стеной. Видимо, эта статуя играла важную роль в ритуальных празднествах, связанных с обеспечением плодородия: в нужный момент можно было пустить воду по каналу, и она фонтаном била из сосуда. Это одно из ранних органических соединений скульптуры и архитектуры как в декоративном, так и конструктивном отношении. Также некоторое представление о храмовой скульптуре дают и ее многочисленные терракотовые воспроизведения, служившие «образками» в частных

домах. От ассирийского времени дошло несколько статуй и статуэток, изображающих царя, торжественных и маловыразительных.

Сохранилось несколько каменных и бронзовых скульптурных голов (по-видимому, изображающих царей или других высокопоставленных дарителей в храм и сделанных в традициях староаккадской реалистической передачи натуры, с выразительными лицами), а также и некоторые статуэтки культового назначения.

В наибольшем числе, как и от предшествовавших эпох, до нас дошли памятники массового глиптического искусства — цилиндрические печати с мифологическими изображениями. Они почти исчезают в нововавилонское время, заменяясь каплевидной халцедоновой печатью с плоским срезом внизу, на котором изображался лишь жрец перед алтарем божества.

Новые идеологические течения в Передней Азии. Историческая обстановка.

Как мы могли убедиться, в эпоху возникновения Ассирийской и Нововавилонской военных держав творчество в области мировоззрения, науки и литературы на земле Месопотамии в значительной мере замирает. Какие-то новые идеологические веяния, нам не вполне ясные, появились здесь лишь при последнем вавилонском царе — Набониде. Новое движение мысли — по условиям того времени, конечно, религиозно-философской — возникает в I тысячелетии до н. э. в сравнительно более отсталых и к тому же подвергавшихся постоянной угрозе войны и полного разорения западных областях Передней Азии. Именно здесь выросли первые зачатки тех идеологий, которые впоследствии, пройдя через этап иудаизма, играли, особенно в виде христианства и ислама, огромную, норий положительную, а со временем отрицательную роль во всей истории человечества. Сведения о новом идеологическом течении дошли до нас в одной из двух частей христианской Библии — Ветхом завете, сохранившемся как в древнееврейском подлиннике, так и в переводе на языки христианских народов.

Для его понимания надо остановиться на исторической обстановке, сложившейся в Палестине в начале I тысячелетия до н.э. Описанное выше (см.: «Ранняя древность», лекция 12) «время судей» в Палестине (XII—XI вв. до н. э.) характеризовалось сосуществованием и взаимовлиянием двух различных структур— городского классового общества ханаанеев и родо-племенного общества древних евреев.

Характер хапаанейского общества был уже определен выше в той же лекции. Основной единицей социальной организации евреев явился отцовский род (мишпаха), в коллективной собственности которого была земля. Род имел общие празднества и места захоронения, его члены были связаны обязанностью кровной мести и

взаимопомощи. В состав каждого рода входили большие отцовские семьи (бет-аб), состоявшие из трех-четырех поколений потомков одного отца, владевшие наделом родовой земли, отвечавшие за преступления, совершаемые их членами, и т. д. Каждый индивид был неразрывно связан со своей большой семьей, родом и племенем, и поэтому полное обозначение свободного человека состояло из личного имени, отчества и обозначения принадлежности к роду и племени. Высшей стабильной единицей являлось племя (шебет—«колена»). Племена жили обособленно друг от друга и нередко враждовали между собой. Во время общей опасности различные «колена» объединялись в непостоянные союзы, возглавляемые избранными «судьями» (шофет), выполнявшими функции временных военных и гражданских предводителей.

Переход древнееврейских племен к оседлости сделался возможным в результате введения железных орудий и сооружения на нагорьях, где они обитали с XIII—XII вв. до н. э., цистерн для сохранения дождевой воды, шедшей на орошение. Развитие земледелия и ремесел, начатки городской жизни и влияние более развитого хан аапс некоего общества способствовали некоторому размыванию основ родо-племенной организации, выделению знати как господствующего класса и появлению наряду с родовой общиной общины территориальной. Это создавало объективные предпосылки для образования государства, попытки создания которого начались с XI в. до н. э. Процесс был ускорен из-за усиливавшегося напора филистимлян, давления восточных соседей — родственников по языку и происхождению аммонитян, моабитян, эдомитян, набегов кочевников на степи и продолжавшегося сопротивления еще независимых ханаанейских городов-государств.

В этих условиях среди части родовой знати и влиятельного жречества зародилось стремление к образованию более прочного объединения. В результате этой тенденции предводители «колен» провозгласили Саула из «колена» Вениамин царем (около 1030 г. до н.э.). Однако существовали и сильные центробежные, антимонархические тенденции. В Библии сохранилось осуждение самой идеи царской власти, вложенное в уста полубогданного пророка Самуила. По его словам, царь «... и сыновей ваших возьмет, чтобы они составляли умщания, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим...»

Объединение «колен» в одно государство, получившее по племенному союзу название Израильского царства, позволило Саулу одержать ряд побед над филистимлянами. Однако оппозиция против царя нарастала, особенно со стороны могущественного южного «колена» Иехуда, представитель которого Давид, поддерживаемый своим родом, вступил в открытую борьбу с Саулом. Гибель последнего и его сыновей в битве с филистимлянами открыла путь к власти честолюбивому и умному, изворотливому и гибкому Давиду, который

первоначально избирался царем над южными «коленами», а семь лет спустя был избран на основе устного договора со старейшинами всех «колен» общеизраильским царем.

Одним из первых начинаний Давида (около 1004—965 гг. до н.э.) было взятие сильно укрепленного ханаапейского города-государства Иерусалима (в 995 г.), объявленного им своей столицей. Поскольку Иерусалим находился вне территории «колен», то перенос столицы в этот стратегически важный город способствовал усилению власти царя. На это же были направлены остальные мероприятия Давида — создание наряду с племенным ополчением зависимого от царя и верного лично ему войска из чужеземных наемников, образование центрального управленческого аппарата и др. Давид подчинил себе последние независимые ханаанейские города-государства, совершил кровавые вторжения на территорию заиорданских и других царств, оттеснил филистимлян и значительно расширил границы своего государства, во главе которого после него встал его сын Соломон (965—928 гг. до н.э.).

Продолжая завоевательную политику, Соломон установил свое господство над Акабским заливом. Из построенной там гавани Эционгебер (ныне Телль-Хелейфа) его корабли совместно с финикийцами плавали в богатый золотом Офир (на побережье Африки, Южной Аравии или Индии?). Успешная внешняя политика укрепила авторитет царской власти. Этому не в малой степени способствовало возведение мощных крепостей в Мегиддо, Хацоре и других местах, где стояли наемники и отряды боевых колесниц. В Иерусалиме были построены царский дворец и храм бога Яхве, столица расширялась и укреплялась.

Соломон умножил центральный государственный аппарат, в который входил и влиятельный первосвященник Иерусалимского храма. К службе в царскую администрацию привлекались представители родовой знати и немало опытных в государственных делах ханаанейцев. Важную роль играли многочисленные царские и храмовые писцы, которые ведали государственной и деловой перепиской, составляли царские и храмовые анналы и поучения. К управлению государством широко привлекались жрецы, которым в ряде городов были выданы земли.

Грандиозное для небольшой страны строительство и богатый двор, многочисленное чиновничество и наемное войско требовали больших средств, и Соломон установил единую налоговую систему. Все государство, возможно, за исключением территории «колена» Иехуда, было разделено на 12 административно-податных округов: «каждый должен был доставлять продовольствие на один месяц в году». Потребности царского двора и администрации составляли, по преданию, более 10 млн. л муки, 10 тыс. голов крупного рогатого скота и 36 500 голов мелкого скота в год.

Помимо натурального налога, взимаемого в размере десятой доли от урожая и приплода скота, население должно было выполнять также повинность. К разным работам постоянно привлекалось все зависимое нееврейское население в государстве, однако на трудовую повинность для строительства храма и крепостей вызывались и члены израильских «колен».

Все эти меры были направлены на усиление центральной государственной власти, преодоление центробежных устремлений северных «колен». Однако тяжкий податный гнет, непривычная для племенной организации трудовая повинность и особенно привилегированное положение «колена» Иехуда усилили недовольство северян. Народ, собравшись после смерти Соломона для избрания на престол его сына Ровоама, потребовал уменьшения податей и трудовой повинности. После отказа царя выполнить это требование северные «колена» отложились. Так в 925 г. до н.э. распалось единое государство.

Образовавшиеся после раскола два небольших государства — южное, Иудея, и северное, Израиль, отличались друг от друга по географическим условиям, ибо в северном государстве было больше пригодных для интенсивного земледелия долин, в Иудее же преобладали холмистые и гористые местности с трудными почвами, а на юге — полупустыни и пустыни. Если Израильское царство пересекали лажные торговые пути, то южное находилось и стороне от главных международных линий коммуникаций, которые пролегли в этом краю через независимые города филистимского побережья. Разнились оба царства также количеством жителей, ибо в северном проживало около полумиллиона человек, а в южном — вдвое-втрое меньше. Эти и другие различия воздействовали на происходивший с X в. до н. э. в обоих государствах процесс развития и укрепления классового общества, придавая ему местные особенности.

Основой хозяйственной жизни Палестины первой половины I тысячелетия до н. э. явилось основанное на железных орудиях земледелие, сочетавшееся в горах и полупустынях с животноводством. В центральных районах страны преобладало виноградарство, ближе к Мертвому морю выращивали бальзам, а в долинах Северной Палестины простирались хлебные поля.

В городах процветало специализированное ремесло — металлургия и ювелирное дело, ткачество, красильное и гончарное дело, изготовление благовоний и пр. Гончары, плотники и представители других отраслей были объединены в ассоциации, причем профессии были, видимо, наследственными. Наряду со специализированным ремеслом, обслуживавшим царский двор, храмы и верхушку общества, существовало домашнее ремесло.

Из-за многообразия географической среды и порайонной специализации производства был необходим обмен, несмотря на

низкую товарность хозяйств. У городских ворот крестьяне меняли излишки своего хозяйства на нужные им ремесленные изделия.

Израильское царство вело интенсивную внешнюю торговлю. Из Палестины вывозили масло, благовония, лес и другие товары; ввозили предметы роскоши — золото, серебро, драгоценные камни, слоновую кость, ткани и др. Эти товары шли из Египта, Южной Аравии, Финикии и Месопотамии, а начиная с VIII в. до н. э. появляется также керамика, свидетельствующая о ввозе вина или масла из греческих областей по берегам Эгейского моря. Основным методом расчетов было взвешивание серебра с помощью весов и каменных гирь с царским клеймом и обозначением весовых мер.

Развитие специализированного ремесла и торговли, интенсивное строительство крепостей, особенно в Иудее, способствовали новому подъему городской жизни. В X—VI вв. до н.э. был восстановлен ряд разрушенных ханаанейских городов и возникли новые. Преобладали маленькие городки — с площадью 0,4—1 га и населением в несколько сот человек и средние — с площадью 2,5—4 га и населением около 2000—4000 человек. Столицы Иудеи — Иерусалим и Израиля — Самария (Самария была основана в первой четверти IX в. царем Омри. С этих пор северное царство часто вместо «Израиль» называлось также «Самария» или «Дом Омри».) выделялись большей численностью населения (в Иерусалиме жило около 10 тыс. человек) и богатством. Царский дворец в Самарии был украшен колоннами и пластинами из слоновой кости и назван поэтому «домом из слоновой кости». В городах северного царства — Мегиддо, Хацоре и др. — среди многочисленных хижин выделялись немногие двухэтажные дома с 4—10 помещениями вокруг двора. Города Иудейского царства были застроены в основном однотипными зданиями, что свидетельствует о неодинаковой степени имущественной и социальной дифференциации в обоих государствах.

Библейские данные свидетельствуют о наличии обширных царских, а также храмовых хозяйств.

Царские и храмовые земли в своей совокупности составляли царско-храмовой сектор экономики, который, однако, не охватывал всю площадь государств, о чем свидетельствует инцидент, описанный в «III Книге Царств». Житель северного царства Навуфей имел виноградник по соседству с дворцом царя Ахава (IX в. до н. э.) в Самарии. Царь, пожелавший расширить свой сад, предложил Навуфею, что он купит его виноградник за серебро или обменяет на другой. Однако Навуфей отверг предложение царя, указав: «Упаси меня Яхве, чтоб я отдал тебе наследство отцов моих».

Этот пример, подкрепленный и другими, показывает, что право собственности царя не распространялось на всю землю.

Земля вне царско-храмового сектора находилась в собственности рода и была, как правило, неотчуждаемой. Ветхозаветные законы предписывают, что если у человека нет прямых наследников — сыновей, в крайнем случае дочерей, братьев отца, то «отдайте надел его близкому родственнику из рода его, чтоб он наследовал его», дабы земельная собственность не выходила за пределы рода. Однако земля могла перераспределяться, что в условиях разделения ее на наделы, находившиеся во владении семей, и при наличии семейного хозяйства на этих наделах неизбежно вело к концентрации земли внутри рода. Она могла «продаваться» и на сторону, но после известного срока в принципе подлежала возврату в первоначальный род. Преобладали мелкие и средние крестьянские хозяйства, но имелись уже и такие, как, например, хозяйство некоего Набала, в котором «было три тысячи овец и тысяча коз». Возможно, начала возникать и крупная частная собственность на землю.

В царских хозяйствах — на полях и в рудниках, на виноградниках и плантациях — трудились рабы из иноземцев. Эти «вечные рабы» считались вещью («... не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его...». — сказано в «Десяти заповедях»), в отличие от «временных рабов» из единоплеменников, попадавших в долговую кабалу сроком не больше шести лет. Помимо рабов в царских хозяйствах трудились отбывавшие трудовую повинность полноправные члены общин.

Обширную прослойку населения Палестины составляли «пришельцы» (герим), по всей вероятности коллективы или индивиды, не входившие в иудейско-израильскую родо-племенную структуру, но обитавшие на территории обоих государств или переселившиеся туда. «Пришельцы» были лично свободными, но не имели права земельной собственности и гражданства. Многие из ппх находились в зависимости от царской власти, трудились в царских хозяйствах или администрации, а отдельные из них, как, например, «хетт» Урия при царе Давиде, достигали высокого положения при дворе. Иные «пришельцы» работали поденщиками в больших хозяйствах или стали там «присельниками», т. е. обрабатывали землю из доли урожая у тех, при ком они селились.

Они должны были служить в ополчении и платить подати. Законы защищали «пришельцев» от произвола, разрешались сметанные браки между «пришельцами» и членами общин. Однако вливаться в общину «пришельцы» как неполноправные не могли. Среди полноправных имелась своя социальная градация, которая четко проявляется в словах, пророка Иеремии о грядущем наказании «сановников Иудеи и сановников Иерусалима, придворных и священников и всего народа земли». Термином «народ земли» ('ам-ха' арец) обозначалась основная масса свободных производителей материальных благ, преимущественно средние и мелкие земледельцы, владевшие наделами земли в рамках родовой собственности, являвшиеся полноправными гражданами, активно участвовавшие в политической

жизни и составлявшие ядро гражданского ополчения. Однако происходивший в VII—VI вв. до н. э. процесс перераспределения и концентрации земли повлек за собой разорение и обезземеливание части крестьян, образование прослойки «бедноты из народа земли», что неизбежно обострило противоречия между «народом земли» и знатью, обозначенной терминами «могущественные», «знатные» и пр.

Знать первой половины I тысячелетия до н.э., хотя и была уже фактически и формально обособившейся социальной группой, тем не менее сохраняла связь с «народом земли» через систему родо-племенных институтов. Ведь эта знать состояла из наиболее богатых и влиятельных патриархальных больших семей, входивших в роды, к которым, однако, принадлежали и многочисленные патриархальные большие семьи «народа земли». Общность родовой земли и взаимное право наследования, обязанность взаимопомощи и наличие общей генеалогии, обозначение всех членов рода термином «брат» ('ах) и выражение принадлежности к роду словом «сын» (бен) — эти и другие проявления родовой общности реально объединяли сородичей наряду и вопреки столь же реальным классовым различиям между ними. Степень действенности и реальности родовых связей и институтов была различной. Если у полуоседлых животноводов окраин еще в VII—VI вв. до н.э. родовые связи были сильнее классовых различий, а в Южной Иудее обе структуры находились в относительном равновесии, то в Северной Иудее и Израильском царстве, т. е. в районах интенсивного сельского хозяйства, развитого ремесла, родовые связи уступали место общинно-территориальным. В отличие от родовой общины, принадлежность к которой выражалась термином «сын», связь человека с территориальной общиной обозначалась формулой «муж» города ('ир), например «мужи Кириат-Сефера». В крупных городах с разнородным населением, например в Иерусалиме, общинно-территориальная связь доминировала над родовой, но в течение первой половины I тысячелетия до н.э. последняя практически нигде не исчезла полностью и особо стойко сохранялась среди влиятельного жречества.

Древнееврейское жречество, образовавшее замкнутую организацию, приравненную к одному из «колен» («колени» Левий), состояло из священников (коханим) и левитов (левиим), выполнявших различные функции в культе. Если основными обязанностями священников были жертвоприношения, предсказание будущего, обучение народа религиозному закону и выполнение судебных функций, то левиты, занимавшие подчиненное место, были главным образом храмовыми певцами. Священники и левиты, соперничавшие между собой, образовали относительно замкнутые корпорации, в которых с течением времени исчезали одни роды и выдвигались другие.

В Иудейском государстве привилегированное положение занимал храм Яхве в Иерусалиме, а в северном царстве аналогичную роль играли храмы в городах Бет'эл и Дан. Помимо этих

привилегированных храмов, опекаемых царями и тесно связанных с царской властью, имелись многочисленные местные храмы и святилища («высоты») со своим жречеством. Часть святилищ, особенно на севере, была посвящена различным другим божествам, но большинство — богу Яхве. Соперничество между священниками и левитами дополнялось и усложнялось не менее острыми противоречиями между периферийным и столичным жречеством, где религиозные мотивы переплетались с политическими, с борьбой за и против централизации власти в обоих государствах.

В Иудейском и Израильском государствах сохранилась форма государственного управления, созданная Давидом и Соломоном, т.е. наследственная монархия. Но если в Иудейском государстве на протяжении всего времени его существования (925 — 586 гг. до н.э.) правила династия Давидидов, то в северном государстве происходили беспрестанные смены династий. Причина заключалась в неодинаковой степени социальной дифференциации, различиях в силе и действенности родовых связей. В северном царстве ни одно из «колен» не обладало столь очевидным превосходством, как «колени» Иехуда в южном, а соперничество равносильных «колен» между собой, дополненное острыми социальными противоречиями, обуславливало частую смену династий, что, несомненно, ослабляло Израильское царство, ускоряя его гибель. В 722 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II уничтожил Израильское государство, депортировал значительную часть его населения и образовал из него несколько провинции, куда переселил жителей из других стран. Иудейское царство ценою потери части своей территории сумело сохранить призрачную независимость.

Падение Ниневии в 612 г. до н.э. вселило надежды на восстановление полной независимости Иудеи и присоединения к ней территории бывшего северного царства. Осуществлению этой цели должна была послужить религиозно-политическая реформа царя Иосии (639 — 609 гг. до н. э.). Согласно ветхозаветному преданию, в Иерусалимском храме была «найдена» «Книга закона».

Выполняя предписания этой книги, Иосия приказал искоренить культы всех богов, кроме Яхве, уничтожить все храмы и святилища (даже святилища Яхве), кроме иерусалимского, и умертвить «всех жрецов высот» на территории бывшего северного царства. Реформа явилась попыткой внедрения полного и безусловного единобожия, централизации культа Яхве для укрепления царской власти и восстановления господства Давидидов над всей Палестиной. Все эти планы и надежды Иосии были иллюзорными, ибо «наследники» Ассирийской державы — Египет и Нововавилонское государство — не думали отказываться от Палестины. Иосия погиб в сражении с фараоном Нехо в 609 г. до н.э., и это было началом конца Иудейского царства, наступившего в 586 г. до н.э., когда вавилонский царь Навуходоносор II взял Иерусалим, разрушил город и храм и выселил в

Вавилонию около 10% населения Иудеи, главным образом городских ремесленников и знать.

Если раньше жизнь древних евреев была неразрывно связана с одной страной — с Палестиной, то теперь она развертывалась одновременно и параллельно на двух аренах: в Палестине, где обитало около 90% древнееврейского населения под властью вавилонян, и в Вавилонии, где переселенная из Иудеи часть народа в течение двух поколений находилась в непосредственном и постоянном контакте с блистательной аккадской культурой. Жизнь в Палестине и жизнь в Двуречье имела свои особенности, свои специфические проблемы, однако общим была мучительная и трагическая переоценка ценностей, обусловленная народными и личными бедствиями. В этом сложном процессе переосмысления казавшихся ранее незыблемыми устоев решающую роль сыграли так называемые пророки, возглавившие новое религиозно-политическое движение сначала в Палестине, а затем и среди переселенных в Вавилонию в течение VI—V вв. до н.э.

Пророческое движение и его значение.

Религия всегда играла доминирующую роль в жизни древнего Востока, пронизывала все сферы бытия древневосточного человека.

Первая половина I тысячелетия до н.э.— не исключение из этого правила, но именно в это время в религиозной идеологии обнаружилось новые тенденции, наиболее отчетливо проявившиеся в религиозных воззрениях древних евреев.

В связи с возникновением алфавитного письма в Финикии и в Палестине довольно широко распространилась грамотность, и писать умели даже простые люди; сохранились отдельные их письма с конца VIII в. до н.э. Растущая роль записи и письменной передачи мыслей вместе с коренными социально-экономическими и политическими преобразованиями определили развитие древнееврейской религии в первой половине I тысячелетия до н.э.

Древнееврейский пантеон был первоначально весьма густо населен; большой популярностью пользовались ханаанейский Ба'ал (бог, кое-где частично отождествлявшийся с общеплеменным богом Яхве), богиня 'Ашторет и др. С ними соседствовали такие божества, как упомянутый в Ветхом завете бог Бет'эл или почитаемые еще в V в. до н. э. еврейскими наемниками в Элефантине (Египет) божества Ашам-Бет'эл, Анат-Бет'эл и др. Всем этим разным богам посвящались статуи и святилища. Однако с течением времени крепнул авторитет грозного бога южной пустыни Яхве. Культ этого бога был особенно популярен у «колена» Иехуда, и, когда его представители Давид и Соломон создали государство, их племенной бог Яхве стал главенствовать в пантеоне, вбирая в себя черты и атрибуты других божеств.

В целях усиления царской власти и авторитета Иерусалимского храма Давидиды и столичное жречество стремились превратить Яхве в единственного бога. Однако эта монотеистическая тенденция наталкивалась на упорное противодействие периферийного жречества, нередко поддерживаемого знатью и «народом земли». В этой напряженной борьбе за и против единобожия решающую роль сыграло пророческое движение.

Во всем древнем мире крестьяне и сановники, рабы и цари верили, что боги предопределяют судьбу индивида и государства, и все жаждали узнать свое предначертанное богами будущее и исход своих начинаний. Поэтому во всем древнем мире имелись «избранные богом» (некто вроде шаманов), которым в силу их «избранности» якобы открывались тайны божьей воли: считалось, что они могли «пророчествовать», сообщать людям их судьбу и будущее. Пророчествование было одной из важнейших функций определенных категорий жречества. Так это было и в Палестине, где, например, Самуил (XI в. до н. э.) являлся не только священником местного храма, но и «пророком Яхве». Со временем пророки (наби) обособились от остального жречества, и на рубеже VII—VI вв. до н. э. персонал Иерусалимского храма Яхве включал как священников, так и пророков. Многие пророки действовали при дворе царей, однако в отличие от Египта, Двуречья и других стран, где пророчествующие жрецы всегда были связаны с храмом или дворцом, в Палестине VIII — V вв. до н. э. имелись также пророки, независимые от государственных институтов. Вместе с ростом значения пророков изменился и характер их деятельности: из экстатиков и шаманов они превратились в религиозно-политических проповедников. Существовали сообщества из учеников и последователей известного пророка, например «сыны пророков, которые в [городе] Бет'эле» или «пятьдесят человек из сынов пророков» в Иерихоне. Становление пророческих сочинений происходило в рамках этих ассоциаций: истоком ветхозаветных пророчеств были краткие устные ритмизованные речения о современных пророку событиях или вопросах, главным образом общественно-политических; его ученики в устной форме сохраняли и передавали слова учителя, дополняли их новыми речениями или рассказами о его жизни и деятельности, иногда составляли небольшие письменные сборники; затем, нередко несколько десятилетий спустя, дополненные и расширенные пророчества записывались. В Ветхом завете упоминаются многочисленные пророки, создавшие обширную литературу, из которой сохранились лишь осколки — несколько десятков цитат из утраченных речений и 15 целых пророческих книг в Ветхом завете.

Среди пророческих сочинений Ветхого завета первой помещается «Кинга Исаяи», которая состоит из трех разновременных сборников. Первый (гл. 1 — 39) создан в VIII в. до н.э. и связан с реальным лицом — Йеша'яху, сыном Амоца, и кружком его учеников, но содержит также главы и отрывки более позднего времени. Второй сборник (гл. 40—56), в котором высказывается надежда па разгром Вавилона и

упоминается персидский царь Кир II, датируется около 540 г. до н. э., а в третьем сборнике (гл. 56 — 66) отражены проблемы возникающей в период после пленения новой гражданско-храмовой общины. Общность стиля и языка, родство идей и концепций позволяют предположить, что все три сборника создавались в рамках одного пророческого сообщества, которое хранило и развивало взгляды учителя Йешта'йаху, сына Амоца.

Гибель храма Яхве и государства, неминуемое наказание отступивших от Яхве и спасение верных ему — эти мотивы пронизывают речения «Книги Иеремии», действовавшего в 626— 586 гг. до н.э. Его ученики дополнили речения учителя (в гл. 1—25) данными из жизни Иеремии (Йирмиаху) описаниями исторических событий и новыми пророчествами.

«Книга Езекиила» приписывается «священнику Йехезке'элу, сыну Бузи'», однако этому пророку (начало VI в. до н.э.) принадлежат, как полагают, лишь поэтические видения (гл. 1—4, 8—9 и др.), а прозаические отрывки и программа государственного устройства (в гл. 40—48) были, возможно, созданы его учениками в конце VI в. до н.э. (Многослойными являются также книги так называемых «малых» пророков, и в каждой из них следует выделять основное ядро и более поздние дополнения и вставки: к VIII в. до н.э. относимы «основные ядра» книг Амоса, Осип, Михея и, возможно, Авдия; многие речения в книгах Наума, Авакума (Хабаккука) и Софогии датируются VII в. до н.э.; пророчества Иоиля, Аггея. Захарии и Малахии (Мал'акя) созданы в VI—V вв. до н.э., когда была также составлена «Книга Ионы», которая не принадлежит к жанру пророчеств, хотя и приписана пророку, жившему в IX в. до н. э. Напротив, книга Малахии, хотя и относится к жанру пророчеств, видимо, приписана никогда не существовавшему лицу.).

Несмотря на разновременность ветхозаветных пророческих книг, в них можно выделить идеи, характерные для всего пророческого движения. В отличие от жрецов остального древнего мира, чаще всего «пророчествовавших» в ответ на конкретный запрос, большинство ветхозаветных пророков выступали с речами по собственной инициативе. Это придавало речениям пророков всеобщность, они решались быть глашатаями судьбы народа, всего государства. Пророки рассматривали себя, а слушатели их считали выразителями божьей воли. Таковыми пророки были якобы в силу своей избранности богом Яхве. Возвышаясь над людьми, пророк, однако, оставался человеком, подвергавшимся всем человеческим страданиям и невзгодам; утверждается даже мысль о том, что для истинного пророка Яхве страдания — необходимость.

Главный мотив всех ветхозаветных пророческих речений — это страстный призыв к признанию Яхве единственным богом, к полному отказу от поклонения другим богам. Такое поклонение казалось яхвистским пророкам лишь наследием ханаанеев, а уже фактически

ушедшее в прошлое ханаанейское общество (действительно знавшее классовое расслоение на много столетий раньше, чем иудейско-израильское) — воплощением социальной и моральной коррупции и всяческой несправедливости. Вначале Яхве признавался не вообще единственным божеством, а ревнивым богом одного (их собственного) народа, не допускающим соперников на своей земле. Но иногда пророческая мысль доходила до признания универсальности бога как творца всего сущего и защитника всех народов и стран. Пророки боролись против примитивного антропоморфизма в облике Яхве, отстаивали более отвлеченное восприятие бога, что, однако, не мешало им самим упоминать о руках, глазах и ушах Яхве (Побочным результатом борьбы против представления о человекообразном божестве и запрета «творить себе кумира» явилось практическое исчезновение изобразительного искусства в древней Палестине (хотя терракотовые портативные идолы предков-хранителей сохранялись еще долго). Отрицательное отношение к изобразительному искусству было впоследствии воспринято из Ветхого завета исламом.). Яхве у пророков — бог суровый и карающий, но в их речениях нередко звучит также мотив о его милосердии: он «являет милость тысячам», — правда, только тем, кто соблюдает учения пророков.

Признавая всемогущество Яхве и незначительность сотворенного им человека, предначертанность человеческой судьбы богом, наиболее решительные ветхозаветные пророки тем не менее подчеркивали способность человека действовать согласно своей воле и разуму и делать выбор между добром и злом: «Ищите добра, а не зла... возненавидьте зло и возлюбите добро» («Книга Амоса»). Поэтому в пророческих речениях так часто ставился вопрос о значении выполнения религиозных обрядов и этических норм в отношениях между человеком и богом. «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших», — восклицает бог в «Книге Амоса», а в речениях Исайи сказано; «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного... тогда придите и рассудим, говорит Яхве».

Пророки отнюдь не отвергали важности выполнения религиозных ритуалов, но считали, что только сочетание строгой обрядности с соблюдением этических норм является залогом «праведной жизни»; в этом проявилось новое в идеологии древнего мира первой половины I тысячелетия до н.э. Мы уже знаем, что около этого времени аналогичные поиски этических норм шли в Китае, Индии и Иране.

С требованием «праведной жизни» неразрывно связана столь характерная для ветхозаветных пророков критика социальной несправедливости. Осуждение неправедного богатства и роскоши, насилия и произвола, угнетения и бесправия звучит, например, в «Книге Амоса»: «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих..,— клялся Яхве: ...поистине вовеки не забуду ни одного из дел их»; или в словах «Книги Исайи»: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю!..» В

литературе Ближнего Востока эти мотивы были новы. Поскольку средоточием богатства и местом обитания людей могущественных и несправедливых был в основном город, то для ветхозаветных пророков характерна отчетливая антигородская установка. Пророки противопоставляли «городу-блуднице» идеализированный и опозитизированный родо-племенной уклад, что определило также их отношение к царям и царской власти. В древневосточной литературе мало столь резких и непримиримых высказываний о царях, как гневные проповеди ветхозаветных пророков против некоторых властителей обоих царств. Однако неправильно считать пророков отрицателями государственности и царской власти вообще, ибо, осуждая произвол и преступления отдельных царей, пророки всегда отстаивали мысль о незыблемости основанного, как им казалось, на справедливости и воре в Яхве государства Давидидов.

Провозглашение единобожия и признание относительной «автономности» человека, подчеркивание значимости этических норм и резкий протест против социальной несправедливости, антигородская установка и идеализация родо-племенного уклада, но также жесткая непримиримость и суровая нетерпимость пророков к инаковерующим наложили свой отпечаток на весь Ветхий завет и оказали огромное влияние на последующее развитие мысли древности и средних веков, в том числе и мысли оппозиционной, «еретической» и даже революционной.

Ветхий Завет. Его состав и содержание.

В своем окончательном виде Ветхий завет состоит из трех частей— «Пятикнижие Моисея», «Пророки» и «Писания»,— включающих разновременные и различные по содержанию и жанрам сочинения, из коих каждое содержит разнородные слои.

На протяжении многих веков равно среди иудеев и христиан господствовала точка зрения об абсолютной уникальности и неповторимости Ветхого завета. Огромные успехи ближневосточной археологии в XIX—XX вв., открытие и прочтение клинописных и иероглифических текстов, в том числе касающихся тех же событий, о которых упомянуто в Ветхом завете, или содержащих мифы и сказания, гимны, законы и поучения, близкие по содержанию к Ветхому завету, развеяли прежние взгляды и породили диаметрально противоположную точку зрения: признание Ветхого завета илодом сплошного подражания и заимствований из окружавших культур и литератур. Такова была точка зрения влиятельной в XIX в. школы немецких протестантских богословов.

Нет сомнения в том, что в ветхозаветных сочинениях имеются элементы сходства и близости с другими ближневосточными литературами. Однако чаще всего обнаруживаемые во всех ближневосточных литературах черты сходства обусловлены социально-политической общностью создававших их народов,

принадлежностью к одному культурному кругу и тем, что и вавилонская, и финикийская, и древнееврейская, и древнеегипетская литературы черпали из одного общего фонда народной мудрости — фольклора народов древнего Ближнего Востока.

Правильность сказанного подтверждается близостью, по мнению М. А. Коростовцева, между ветхозаветной и древнеегипетской космогониями:

Древнеегипетская космогония:

Водная бездна, водный хаос.

Дух бога, витающий над бездной.

Сотворение света.

Появление суши из бездны.

Ветхозаветная космогония:

Водная бездна, водный хаос.

Витающий над ней дух.

Сотворение света.

Появление из бездны суши.

Поскольку аналогичные космогонические представления имелись также у финикийцев и других народностей Ближнего Востока, то можно заключить, что ветхозаветный миф восходит к общему ближневосточному источнику. К месопотамской мифологии восходит ветхозаветный миф о всемирном потопе. В ветхозаветном и шумерских мифах есть одинаковые мотивы — решение бога или богов уничтожить непослушный человеческий род; богобоязненный герой, которому бог советует построить корабль; спасение героя и его семьи на этом корабле во время потопа и т.п.

Обнаруживаются также черты сходства между ветхозаветными религиозными гимнами и религиозной лирикой финикийцев, о чем свидетельствует такой пример:

«Ибо вот врагов своих ты уничтожишь,
Ибо вот ты рассеешь всех злодеев».
(Из угаритского мифа о Ба'але).

«Ибо вот враги твои, Яхве,
Ибо вот враги твои гибнут,
И рассыпаются все делающие беззаконие»
(Псалом, 91, 10).

Во многом сходно ветхозаветное и прочее древневосточное законодательство. На фоне литератур древнего Востока, в сопоставлении с ними зримо проявляется также и своеобразие Ветхого завета, обусловленное историческими судьбами народа, создавшего этот сборник.

Ядром Ветхого завета является «Тора» — «Пятикнижие» (книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие»), содержащее основные своды религиозных и социальных законов, обрамленные повествованием о сотворении мира и человека, о рае, о грехе первых людей и всемирном потопе, патрархах и пребывании их потомков в Египте, исходе происшедших от них «колен» под предводительством Моисея и их скитании в Синайской пустыне. Кажущееся сюжетное единство «Пятикнижия» — это единство над многообразием и вопреки ему, ибо повествовательные части и своды законов в нем разнородны, многослойны и разновременны. В повествовательных частях легче всего выделить слой, обозначаемый термином «Жреческий кодекс», который характеризуется особенностями языка и стиля, тщательно разработанной хронологической схемой (исходная точка которой — предполагаемая «дата» сотворения мира), большим интересом к жречеству и ритуалу. «Жреческий кодекс» был составлен жрецами уже после падения северного и даже южного царства, в VI—V вв. до н. э., но содержит как сохранившиеся устно, так и уже ранее записанные мифы и легенды, песни и рассказы значительно более древнего времени. Другой обширный слой повествовательной части, обозначаемый термином «Яхвист» по преобладающему там употреблению названия бога, сложился в Иудее еще в X—IX вв. до н.э., а третий слой, по содержанию во многом параллельный «Яхвисту», обозначается термином «Элохист». Этот слой создан и северном царстве в IX в. до н.э., но содержит, как и предыдущий, мифы, сказания и другой материал более древнего времени.

Из сводов законов в «Пятикнижии» самым древним является так называемая «Книга завета» (часть книги «Исход»), в которой особое внимание уделено защите собственности, узаконено бесправие «вечных» рабов, подчеркнуты права мужа и отца семьи. Близость статей этого свода к законам Двуречья первой половины II тысячелетия до н. э. и преобладание в нем архаического принципа «око за око» позволяют предположительно датировать «Книгу завета» XI—X вв. до н.э. Из двух имеющихся в «Пятикнижии» вариантов списка моральных предписаний, так называемых «Десяти заповедей», древнейшим является тот, что в книге «Исход». Лаконизм и категоричность формулировок, отсутствие учета мотивов и условий преступлений, преобладание принципа «око за око» указывают, что этот вариант «Десяти заповедей» коренится в родо-племенной среде домонархического времени. Разумеется, он принадлежит оседлому периоду, а не периоду исхода «колен» из Египта и кочевья по Синайской пустыне под главенством Моисея, как значителен в традиционном тексте книги. Другой вариант «Десяти заповедей» дан во «Второзаконии» — обширном своде религиозного и светского законодательства, пронизанного категорическим осуждением многобожия, признанием Яхве единственным богом, а Иерусалимского храма — единственным местом поклонения ему. Поскольку содержание «Второзакония» перекликается с содержанием религиозной реформы Иосии, то можно предположить, что этот свод

тождествен с упомянутой в описании реформы «найденной» при нем «Книгой законов» и был составлен в VII в. до н. э., хотя и содержит также более древние материалы. Последний свод, «Кодекс святости» (из книги «Левит»), включает главным образом предписания ритуально-этического содержания и был создан жрецами в условиях вавилонского пленения VI—V вв. до н.э.

Процесс объединения всего этого разнородного и разновременного материала, т.е. его циклизация, начался уже в VIII в. до н.э. и завершился в VI — IV вв. до н.э. оформлением «Пятикнижия» как «священного» и нормативного свода для всех верующих в Яхве (так называемых иудаистов).

Вторая часть Ветхого завета. «Пророки», состоит из двух подразделов: «Первые пророки» и «Поздние пророки». «Поздние пророки» включает уже рассмотренные сочинения пятнадцати собственно пророков, а «Первые пророки» представляет собой обширный цикл прозаических сочинений, в котором изложена история древних евреев от прихода в Палестину в XIII—XII вв. до н. э. до гибели Иудейского государства в 586 г. до н. э. Книги этого цикла («Книга Иисуса Навина», «Книга Судей», «I—IV Книги Царств») многослойны. В их основе лежат древние устные сказания (разной степени достоверности) о военных походах «колен» и их предводителях, сказания о сооружении разных святилищ, отрывки из героического эпоса (древняя «Песнь Деборы», XII в. до н.э.) и фольклорные сказания, цикл преданий о святилище в Шило и деятельности Самуила, летописи, написанные дворцовыми и храмовыми писцами, образцы древнейшей в мире художественной прозы, списки должностных лиц и описи административно-территориального деления государств, отдельные пророческие речения и пр. Но весь этот огромный и разнородный материал объединен сквозной концепцией, отчетливо выраженной во фразах, открывающих повествования о царях: «...[царь] Аса делая угодное перед очами Яхве» или «[царь] Йехо'ахаз... делал неугодное в очах Яхве». Если царь «делал угодное», т. е. искоренял «высоты» и всех богов, признавал Яхве единственным богом, то государство и народ процветали, но если царь «делал неугодное», пренебрегал Яхве и поклонялся чужим богам, то это неизбежно оборачивалось несчастьем для государства и народа. Очевидная близость этой концепции учению пророков и содержанию «Второзакония» позволяет заключить, что цикл исторических произведений был составлен под влиянием пророческого движения в VII — первой половине VI в. до н. э. Влиянием пророческого движения с его осуждением ханаапеев и их культов объясняется преувеличение масштаба уничтожения ханаапеев в период вторжения израильских «колен» в Палестину.

В действительности древние евреи VIII—VI вв. до н.э. не только включили в себя массу ханаапеев, но в значительной мере усвоили и их язык: уже упоминалось, что сам язык Ветхого завета они считали «ханаанейским».

Гибель государства и разрушение храма, вавилонское пленение иудеев VI—V вв. до н.э. и зарождение впоследствии новой формы государственности — все это заставляло пересмотреть изложенную и «Первых пророках» картину исторических судеб народа. Поэтому на рубеже V—IV вв. до н.э. создаются «Книга Ездры» (В «Книгу Ездры» включены некоторые подлинные официальные документы администрации персидских царей — Ахеменидов (на арамейском языке).) и «Книга Нсемии» — об образовании поселенческой общины, пишется «Книга Паралипоменон», в которой во многом по-новому излагается история Давидидов. Названные произведения входят в третью часть Ветхого завета — «Писания», которая включает, кроме того, произведения, созданные в персидское (VI — IV вв. до н.э.) и эллинистическое время (IV — II вв. до н.э.): «Притчи Соломоновы», «Книгу Иова», «Песнь песней», «Руфь», «Экклесиаст», «Эсфирь» и «Книгу Даниила». Из них «Книга Иова» — это величественная поэма об испытании праведника богом Яхве с помощью не заслуженных им личных несчастий, «Песнь песней» — сборник любовных и свадебных песен, близких древнеегипетским, «Экклесиаст» — ритмизованное рассуждение о жизни, «Руфь» и «Эсфирь» — занимательные повести с историческим фоном (сюда же следовало бы присоединить и «Книгу Ионы», относимую к «Малым пророкам») и, наконец.

«Книга Даниила» — сборник чудесных историй и пророчеств, отчасти, видимо, связанный с вавилоно-арамейской и, может быть, даже древнеиранской словесностью. В «Писания» входят также «Псалтырь» на 150 псалмов — культовых и царских гимнов, жалобных песен и пр., созданных в основном певцами до пленного Иерусалимского храма, — и книга «Плач Иеремии» из пяти псалмов о гибели государства и храма в 586 г. до н.э.

43 произведения Ветхого завета — это лишь осколок, частица некогда более обширной литературы, о богатстве которой можно лишь догадываться по сохранившимся в греческом переводе II в. до н.э. но не включенным в окончательный канон иудейского Ветхого завета апокрифическим сочинениям (книги «Юдифь», «Товит», I — II «Книги Маккавеев», «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и др.), по упоминаниям древней «Книги Праведного», утраченных речений разных пророков и многого другого. Из древнееврейской литературы долго и тщательно отбирались те сочинения, которые соответствовали учениям, восходившим к пророческому движению, и могли быть объявлены «священными». Такие сочинения были объединены в сборник с продуманной внутренней идеологической, религиозной структурой.

Процесс оформления Ветхого завета, его циклизации и канонизации начался в первой половине I тысячелетия до н.э. и завершился лишь в I в. до н.э. Однако, несмотря на сотни лет редактирования, в Ветхом завете сохранились многочисленные отрывки и целые сочинения, обладающие значительной исторической и художественной ценностью.

Ветхозаветные сочинения, созданные на протяжении целого тысячелетия в изменявшихся исторических условиях, отличаются многогранностью содержания и идей. Вместе с тем в Ветхом завете доминирует одна тема, и эта тема — история. В Ветхом завете развернуто грандиозное полотно — от сотворения мира и человека и (если включить неканонические «Книги Маккавеев») до прихода римлян. В центре этого полотна — история своего народа, но рассмотренная в общемировом обрамлении, причем историческое повествование здесь — не простое упорядочение событий, а руководство идеей «завета» (берит).

Само представление о «завете» (т.е. договоре) между богом и коллективом людей не является исключительной чертой яхвизма, ибо аналогичные представления имелись у разных народностей древности. Новыми в ветхозаветном, точнее, в пророческом учении о завете являются, во-первых, признание активной роли людей в действительности договора с богом и, во-вторых, представление о том, что прошлое, настоящее и будущее народа есть чередование последовательных эпох или кругов, содержание которых обусловлено соответствующим заветом между Яхве и определенной общностью людей. Это учение о завете, развитое и преобразованное кумранитами (см. о них далее, лекцию 20), было воспринято христианством. Для христиан «завет», содержащийся в «Пятикнижии» («Торе»), «Пророках» и «Писаниях», был «ветхим», т. е. старым, устаревшим договором, который единый, всемирный ног заменил «Новым заветом» — христианскими евангелиями. Но «Ветхий завет» не потерял своей святости и для христиан, на него и в евангелиях, и в послеевангельской литературе делаются постоянные ссылки. Ветхозаветные сказания сохраняют авторитетность и для Корана.

Современниками ветхозаветных пророков явились Заратуштра и Будда, Конфуций и Лао-цзы, в учениях которых много общего с идеями пророков: стремление очистить религиозное мировоззрение от примитивного представления о богах, существующих в материальном человеческом или животном облике, и создать более отвлеченное и универсальное восприятие божества, признание относительной «автономности» людей и важности этических начал для «праведной жизни»; критика социальной несправедливости и произвола властей; антигородская установка и идеализация родоплеменного уклада и многое другое.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: основополагающие для пророческого движения и Ветхого завета идеи являлись не только выражением исторического развития и судеб своего народа, но также органической частью новых течений в идеологии всего древнего Востока первой половины I тысячелетия до н.э.

Литература:

Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Вейнберг И.П. Культура Передней Азии в первой

Лекция 6: Нововавилонская держава и поздний Египет.

Политическая история нововавилонского периода.

Выше история Вавилонии была доведена до конца средневавилонского периода, когда в Нижней Месопотамии правила династия, происходившая из касситов — горцев Западного Ирана.

При последнем царе касситской династии, Элльиль-надин-ахи (1159—1157 гг. до н.э.), Вавилония вела в течение трех лет войну с Эламом. Эламтяне в результате завоевали Вавилонию. Так кончилось правление касситской династии, и наместником Вавилонии стал эламский ставленник. Но вскоре, при Навуходоносоре I (II династия Иссина, 1124—1108 гг. до н.э.), наступил кратковременный расцвет Вавилонии. Эламу был нанесен такой удар, что эта страна в течение трех веков (до 821 г. до н.э.) не упоминается в текстах.

В последующей истории Вавилонии большую роль играли племена халдеев, которые поселились вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата, между берегами Персидского залива и южными городами Двуречья. Халдеи вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством и земледелием. В IX в. до н.э. они захватили южную часть Вавилонии и начали продвигаться на север. При этом халдеи воспринимали вавилонскую культуру и поклонялись верховному богу вавилонян Мардуку.

В 729 г. до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, но, когда в 721 г. до н.э. царем Ассирии стал Саргон II, он оказался не в состоянии сохранить власть над Вавилонией. Вождь халдейского племени Мардук-апла-иддин II взял Вавилон и объявил себя царем всей страны. Он был одним из самых выдающихся халдейских вождей, упорно боровшихся против ассирийцев. Но, опираясь на халдейские племена, он раздавая им вавилонские городские земли, поэтому горожане поддерживали его борьбу только против тех ассирийских царей, которые были еще более враждебны городам, особенно против Сипаххернба, Перипетии этой борьбы были изложены выше (см. лекцию 2).

В конце 689 г. Вавилон был полностью разрушен Синаххерибом, немногие уцелевшие от резни жители уведены в плен и проданы в рабство, храмы и частные дома разграблены. Но девять лет спустя новый царь Ассирии, Лсархаддон, велел восстановить город и вернуть его уцелевших жителей обратно. В 652 г. жители Вавилона снова подняли мятеж против Ассирии, на этот раз под руководством Шамаш-шум-укина. Три года ассирийское войско осаждало Вавилон, где

начались эпидемии и людоедство. Последние защитники города сгорели в огне. Добровольно в огонь бросился и сам Шамаш-шум-укин.

Но в 626 г. Вавилония снова была охвачена восстанием. Во главе мятежников стоял халдейский вождь Набоналасар. Вначале он воздерживался от попыток захватить большие города и смог укрепить свою власть лишь на севере Вавилонии, а центр и юг страны сохраняли верность ассирийцам. Набоналасару долго не удавалось взять крупные вавилонские города Урук и Ниппур, где были сильные проассирийские настроения. В Ниппуре во время многомесячной осады армией Набоналасара жители продавали в рабство своих детей, чтобы спасти их от голодной смерти. В 616 г. ассирийцам пришлось оставить Урук, а через год пал и Ниппур, который более десяти лет ценой больших лишений и страданий сохранял верность ассирийскому царю. Теперь почти вся территория Вавилонии была в руках Набоналасара.

Вскоре на Ассирию обрушился новый сокрушительный удар. В 614 г. до н.э. мидяне во главе со своим царем Клаксаром вторглись в ассирийскую провинцию Аррапха, затем двинулись по направлению к Ниневии и окружили этот город. Ниневию взять не удалось, но мидяне осадили и захватили Ашшур и истребили его жителей. Затем вавилоняне и мидяне заключили военный союз против Ассирии. В течение нескольких лет Ассирийская держава была уничтожена.

Таким образом, на всем Ближнем Востоке осталось только четыре могущественных государства: Мидия, Вавилония, Египет и Лидия (в Малой Азии)(Однако Мидия представляла собой не цельное государственное образование, а конгломерат царств, подчиненных индийской династией: сюда входили Перси да — Ашнап, Маннейское царство. Скифское царства (в Азербайджане), Мелитепа, или «Дом Тогармы» (видимо, с армянской династией). Буферное положение между Лидией ж Мидией занимало царство Киликия.). В результате разгрома Ассирии мидяне завладели ее коренной территорией и областью Харран в Верхней Месопотамии. Вавилопяне же прибрали к рукам остальную Месопотамию и готовились установить свой контроль над всеми областями к западу от Евфрата. Но фараон Египта Нехо считал, что территория Сирии и Палестины должна принадлежать ему.

Весной 607 г. Набоналасар передал командование вавилонской армией своему сыну Навуходоносору, взяв на себя управление внутренними делами государства. Перед Навуходоносором стояла задача победить Сирию и Палестину. Но сначала необходимо было овладеть г. Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, часть которого составляли греческие наемники. Весной 605 г. до н.э. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. За городскими стенами началась жестокая битва, и скоро город превратился в пылающие руины, египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После

этого большая часть Сирии и Палестины, т.е. почти все области между Евфратом и Египтом, почти без сопротивления подчинились вавилонянам.

Будучи в Сирии, Навуходоносор в августе 605 г, получил известие о смерти своего отца в Вавилоне и, срочно возвратившись, через месяц стал царем. В 601 г. войско Навуходоносора снова двинулось к египетским границам. В последовавшей битве обе стороны понесли тяжелые потери. В начале 598 г. Навуходоносор совершил поход в Северную Аравию, где он стремился взять в свои руки контроль над караванными путями. К этому времени царь палестинского царства Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами египетского фараона Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил столицу Иудеи Иерусалим и 16 марта 597 г. взял его. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем Навуходоносор назначил Седекию.

В декабре 595 — январе 594 г. в Вавилонии происходили волнения в армии. Мятеж был подавлен, а в стране восстановлен порядок. До нас дошел протокол судебного процесса над одним из заговорщиков, дело которого рассматривалось военным судом под председательством самого царя. Подсудимый был обвинен в государственной измене, нарушении присяги, данной царю, и казнен, а все его имущество конфисковано.

Вскоре новый египетский фараон, Априй, решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газу, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями оттеснил египетское войско к прежней границе и в 587 г. после долгой осады взял Иерусалим. Тысячи жителей Иерусалима были уведены в плен в Вавилонию.

При Навуходоносоре Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было временем подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. Вавилон стал центром международной торговли. Много внимания уделялось искусственному орошению. В частности, около Сиппара был создан большой бассейн, откуда гало много каналов, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи. В Вавилоне был выстроен новый дворец и сооружен знаменитый висячий сад. Кроме того, вокруг города были воздвигнуты необыкновенно мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить государство от вражеских нападений в будущем.

Однако после смерти Навуходоносора II в 562 г. в течение пяти лет на троне сменилось три царя. Жречество стало активно вмешиваться в политику, устраняя негодных правителей. В 550 г. царем стал Набонид, сын одного из вождей арамейских племен, наводнивших Северную и Западную Месопотамию еще в VIII в. до н. э. Большим влиянием на Набонида пользовалась его мать Аддагупии, которая при

ассирийцах была жрицей в храме Сина (бога Луны) в Харрапе и после захвата этого города мидянами бежала со своим сыном в Вавилон. Став царем, Набонид стремился создать прочную державу, объединив все арамейские племена Передней Азии перед лицом опасности, надвигавшейся со стороны Ирана. Набонид поклонялся традиционным богам вавилонян — Мардуку, Набу, Нергалу и т.д. Но постепенно он стал выдвигать на первое место культ бога Луны Сина, жрицей которого была его мать. Это привело к конфликту с жречеством древних храмов в Вавилоне, Борсиппе, Ларсе, Уруке и других городах. Надо учесть также, что бог Луны Набонида в действительности не являлся традиционным вавилонским богом Сипом, а был по своей символике и формам поклонения скорее арамейским богом. Набонид стремился создать державу, где место Мардука как верховного бога занял бы Син.

В течение многих лет Набонид был занят активной политикой на западе своей державы, где он стремился объединить вокруг себя многочисленные арамейские племена. В 553 г. Набонид, воспользовавшись войной между Персией и Мидией, захватил Харран, принадлежавший мидянам, и велел восстановить разрушенный во время войны с ассирийцами в 609 г. храм бога Сина Эхульхуль, который вскоре после этого был торжественно освящен.

Укрепив свое положение в Сирии, Набонид захватил область Тейма в северной части Центральной Аравии, а в 549 г. он на целых десять лет перенес туда и свою резиденцию, передав власть в Вавилоне своему сыну Бел-шар-уцуру (известному из Библии как Валтасар). К середине VI в. до н.э. Персидский залив у берегов Месопотамии был занесен песком, и морская торговля через гавань г. Ура стала невозможной, а перевозка товаров по суше была опасна, стоила дорого и требовала много времени. Поэтому торговый путь по пустыне через оазис Тейма в Египет и Южную Аравию имел большое значение для Вавилонии. К 546 г. прекратилось и долгое соперничество между Египтом и Вавилонией, так как обе страны должны были теперь готовиться к отражению нападения персов. Однако все усилия Набонида, направленные к отражению персидской опасности, оказались обреченными на неудачу. Вавилонское царство от Средиземного моря до Персидского залива было заблокировано персами, которые уже захватили Мидию. Лидию и многие другие страны вплоть до границ с Индией и теперь имели огромную и хорошо вооруженную армию. Да и в самой Вавилонии положение Набонида было непрочным. Поскольку он стремился сломить могущество и влияние жречества Мардука, главного бога Вавилонии, и пренебрегал религиозными праздниками в храме Мардука Эсагиле, влиятельные жреческие круги были недовольны его политикой и готовы были помочь даже и внешнему врагу. Из-за того что персы захватили торговые пути Вавилонии, были недовольны Набонидом вавилонские торговые и ростовщические круги. Они были заинтересованы в создании огромной державы, которая обеспечивала бы им рынки и безопасные пути в Египет. Малую Азию и другие страны Востока.

В различных местах Вавилонии жили тысячи представителей разных народов, насильственно уведённых из своих стран ассирийскими, а затем вавилонскими царями. Эти люди не оставляли надежды вернуться в родные места и поэтому готовы были помочь любому врагу Набонида и ждали персов как своих спасителей. Что же касается вавилонских земледельцев и ремесленников, т. е. основного по численности и значению населения страны, то они безучастно и равнодушно относились к военным приготовлениям Набонида и готовы были без сожаления поменять старых правителей на новых. Наконец, вавилонская армия была истощена многолетними войнами в Аравийской пустыне, и трудно было ожидать, что она окажется способной отразить натиск численно превосходящих сил противника, который к тому же был вооружен лучше, чем воины Набонида. Таким образом, в Вавилонии, оставшейся без помощи союзников, не было достаточно сил, которые могли бы оказать эффективное сопротивление победоносной персидской армии. По библейской легенде, во время пира Валтасара ему явилась таинственная рука, начертавшая на стене загадочные слова: мене, текел, фарес— «исчислен, взвешен, разделен», предвещавшие гибель Вавилону.

Весной 539 г. до н.э. персидская армия двинулась в поход и начала наступать вниз по долине р. Диялы. В этот критический момент Угбару, наместник области Гутиум (вавилонской провинции к востоку от среднего течения Тигра), изменил Набониду и перешел на сторону Кира (По другому толкованию. «Гутиум» (т. е. страна кутиев) было вавилонским названием Мидии в высоком стиле, а Угбару был с самого начала сатрапом персов.— Примеч. ред.).

Мощные оборонительные сооружения, возведенные Навуходоносором II, могли бы отсрочить на продолжительное время падение. Эти укрепления охватывали также крупные города, как Сиппар, Куту, Вавилон и Борсиппа. Особенно хорошо был укреплен Вавилон, обнесённый двойной кирпичной стеной со рвом и валом перед ней. Но эти укрепления мало помогли Набониду, лишённому прочной поддержки своего народа. В августе 539 г. у г. Описа близ Тигра персы разгромили вавилонское войско, которым командовал сын Набонида Валтасар. Затем персы обошли укрепления, возведенные Навуходоносором II, переправились через Тигр к югу от Описа и окружили Сиппар. Оборону Сиппара возглавил сам Набонид.

Персы встретили лишь ничтожное сопротивление со стороны сиппарского гарнизона, а Набонид бежал из города. 10 октября 529 г. Сиппар оказался в руках персов, а через два дня войско персов без боя вступило в Вавилон. Чтобы организовать оборону столицы, туда явился Набонид, но город был уже во вражеских руках, и последний вавилонский царь был взят в плен. 29 октября 539 г. в Вавилон вступил и сам Кир, которому была устроена торжественная встреча. Теперь Вавилония навсегда утратила свою независимость и перестала существовать как самостоятельное государство.

Общество и экономика вавилонии VI в. до н.э.

Общество Вавилонии VI в. до н.э. состояло из полноправных граждан городов, лиц не поработанных, но лишенных гражданских прав, различных групп зависимого населения и, наконец, рабов.

Полноправные граждане являлись членами народного собрания городской храмовой округи, которое имело судебную власть в решении семейных и имущественных дел. К числу полноправных граждан относилась как знать (высшие государственные и храмовые чиновники, представители крупных деловых домов и т. д.), так и основная часть трудового населения (земледельцы и ремесленники), включая сюда и беднейшие слои населения городов. В юридическом отношении все они считались равноправными. Все полноправные граждане могли стать рабовладельцами, но фактически только относительно небольшая часть их имела рабов.

Свободные люди, лишенные гражданских прав, состояли из царских военных колонистов и различных групп государственных работников, наделенных средствами производства и сидевших на царской земле. Эти люди были лишены гражданских прав ввиду того, что они не владели землей в пределах городского общинного фонда и поэтому не могли стать членами народного собрания. Кроме воинов среди них были ремесленники различных специальностей, торговцы и т.д.

Большую роль в производстве играли также те социальные слои зависимого населения, которые были лишены собственности на средства производства. Это были промежуточные между свободными и рабами группы, обрабатывавшие землю, которая не являлась их собственностью. Они находились в личной зависимости от отдельных лиц или коллективов собственников (т. е. храмов) и работали в силу внеэкономического принуждения, но с точки зрения закона не считались собственно рабами. В отличие от подлинных рабов они не являлись полной собственностью своих хозяев, их, например, нельзя было продавать.

Рабы наряду со скотом являлись составной частью движимого имущества и одним из важнейших видов богатства. В храмовых хозяйствах работали сотни рабов, а отдельные состоятельные граждане владели 3—5 рабами. Крупные деловые дома имели десятки и даже сотни рабов. Однако в целом рабов насчитывалось гораздо меньше, чем свободных и зависимых.

Документы не содержат почти никаких данных о применении труда частновладельческих рабов в сельском хозяйстве, за исключением тех случаев, когда рабы выступают в качестве арендаторов. Рабы самостоятельно или вместе со свободными или другими рабами

арендуют у своих хозяев, а также у других лиц (включая сюда и рабов) поля вместе с необходимыми семенами, рабочим скотом и инвентарем. Условия аренды, естественно, не отличались от тех, которые характерны для контрактов между свободными.

Иногда размер арендованных рабами полей был настолько велик, что сами арендаторы вместе с членами своих семей не в состоянии были возделывать их, им приходилось прибегать к помощи значительного числа сельскохозяйственных работников. Нередко рабы сдают взятую ими самими в аренду землю другим лицам (в том числе и рабам) в субаренду.

В ряде случаев они сдают землю даже могущественному деловому дому Мурашу или же обрабатывают поля совместно с ним, выделяя, в частности, равное с ним число землепашцев.

Крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам арендаторов, сдавая им землю по частям небольшими парцеллами, так как непосредственное применение рабского труда требовало постоянного надзора и соответственно вызывало большие расходы. Поэтому в Вавилонии не было рабовладельческих латифундий и наличие крупного землевладения (в том числе храмового) сочеталось с мелким землепользованием, что весьма характерно. В тех случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к помощи своих рабов, они либо выделяли им землю для самостоятельного ведения хозяйства на правах пекулия (имущества, отданного в пользование), либо же, еще чаще, сдавали землю им в аренду. Правда, на храмовых полях рабский труд применялся широко. Но, во-первых, и тут рабов было явно недостаточно для ведения хозяйства, и ими обрабатывалась лишь часть храмовых земель. Поэтому храмовой администрации постоянно приходилось обращаться к услугам сезонных наемных работников, привлекая их даже из соседних стран. Во-вторых, храмы иногда сдавали землю в аренду частновладельческим или своим рабам. Но нередко они предпочитали пользоваться услугами свободных арендаторов. Значительная часть храмовых земель обрабатывалась также зависимыми земледельцами.

Таким образом, хотя в храмовых хозяйствах рабы были заняты в земледелии, труд их не мог удовлетворить все запросы храмового хозяйства. К тому же храмовые рабы причиняли много хлопот своими частыми побегам, нежеланием работать, и за ними требовался постоянный надзор. В этом отношении характерны письма храмовых чиновников своим начальникам, в которых они, во-первых, просят прислать денег для уплаты наемникам, ибо иначе те бросят работу; во-вторых, прислать кандалы для храмовых рабов, часть которых уже бежала. Наемники заинтересованы в работе, когда они своевременно получают плату, а рабы (особенно когда они заняты на тяжелых работах, например на возведении оросительных сооружений) делают все возможное, чтобы уклониться от труда. Мы не располагаем никакими сведениями о применении труда рабов в парских

земледельческих хозяйствах в Вавилонии. Царские земли сдавались в аренду.

В I тысячелетии до н.э. в отличие от III и начала II тысячелетия царское хозяйство было организовано по тину частновладельческого и не играло большой роли. Ведущая роль принадлежала собственно частновладельческим и храмовым хозяйствам. Таким образом, в нововавилонское время рабский труд не имел решающего значения в сельском хозяйстве и по сравнению с трудом мелких землевладельцев и свободных арендаторов применялся в ограниченных масштабах. В VIII —IV вв. до н.э. в Вавилонии было довольно много рабов-ремесленников, что объясняется общим ростом производства и увеличением удельного веса рабского труда. Но даже в нововавилонское время рабский труд не играл решающей роли в ремесле и не мог вытеснить труд свободных, особенно в области квалифицированного ремесленного производства. Свободные ремесленники заключали с разными лицами контракты на изготовление за соответствующую плату различных изделий из своего сырья или из сырья заказчика. Храмы располагали определенным ограниченным числом собственных рабов-ремесленников, но те не в состоянии были даже в минимальной степени удовлетворить потребности храмового производства. Администрация вынуждена была круглый год в больших масштабах привлекать свободный ремесленный труд.

В нововавилонском обществе было сравнительно много рабов, которые имели семьи, владели землей, домами и значительным движимым имуществом.

Тенденции такого использования труда рабов усиливались в течение нововавилонского и ахеменидского периодов, так как рабы, действовавшие самостоятельно, на свой страх и риск, и платившие оброк, были более выгодны хозяевам, чем те, которые работали из-под палки и всегда готовы были совершить побог. Рабы, имевшие пекулий, в экономической жизни действовали как свободные и, подобно последним, распоряжались своим пекулием: брали и давали ссуду деньгами и натуральными продуктами свободным или другим рабам.

Некоторые рабы занимались торговлей, открывали ремесленные мастерские, обучали других лиц различным ремеслам и т. д. Рабы выступали в суде в качестве свидетелей, истцов и ответчиков, и, следовательно, за ними признавалась — хотя бы ограниченная — правоспособность, и они выступали в качестве как объекта, так и субъекта права. Раб не только мог заложить, купить и продать имущество (в том числе и недвижимое: поля и дома), но также мог выступать как залогодержатель имущества свободных и рабов. Рабы покупали, продавали и нанимали для работы свободных.

Раб мог даже быть поручителем за то, что его хозяин погасит ссуду в тех случаях, когда они брали ее совместно.

Естественно, наряду с рабами, имевшими пекулий, жившими своим трудом и платившими оброк хозяину, а также рабами, платившими оброк, пользовавшимися трудом других рабов и свободных, было ещё больше рабов, которые работали под присмотром хозяев и не владели никаким имуществом.

Возникает вопрос: что общего между рабом, закованным в цепи и работавшим из-под палки, и рабом, владевшим (правда, лишь на правах пекулия) средствами производства и надзиравшим над тем, как на него другие работали?

Всех рабов объединяло то, что они принадлежали к сословию рабов и юридически являлись вещью своего господина. Даже самый богатый раб не мог выкупиться на свободу, так как право освобождения раба во всех случаях принадлежало исключительно хозяину. Чем богаче был раб, тем больше были хозяйские доходы и тем менее выгодно было отпускать его на свободу.

Между рабами и рабовладельцами всегда существовали антагонизм и непримиримая вражда.

Но в Вавилонии эта борьба носила стихийный, неорганизованный характер. Рабы выступали против плохих жизненных условий и даже нападали на хозяев с оружием в руках. Но гораздо чаще протест рабов ограничивался тем, что они стремились бежать от своих хозяев и стать свободными людьми.

Наиболее непокорных рабов, которые неоднократно совершали побеги или которых подозревали в намерении бежать, держали в специальных работных домах, где был установлен тюремный режим.

Существование института рабства представлялось нормальным явлением в понятиях не только свободных, но и рабов, которые никогда не выдвигали требования отмены его. Поэтому в вавилонской литературе нет никаких отзвуков осуждения рабства. Организованных массовых выступлений рабов в Вавилонии по было. Это легко объясняется тем, что там не было больших скоплений рабов в сельскохозяйственных имениях или ремесленных мастерских, основанных на рабском труде.

Характерно, что наиболее яркие примеры борьбы рабов засвидетельствованы в документах храмовых архивов. Храмовые рабы имели больше возможностей для совместных выступлений, чем частновладельческие, поскольку нередко они работали сравнительно большими группами.

Труд рабов непосредственно использовался главным образом для выполнения тех видов работы, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора, т. е. там, где их можно было использовать в течение всего года, а не сезонно. Наиболее сложные процессы производства выполнялись свободными, в частности наемными, работниками.

Наемный труд в Месопотамии стал применяться еще в ранние периоды, но именно в Вавилонии I тысячелетия до н.э. он играл весьма значительную роль в общей структуре экономики. Храмы и частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию квалифицированного труда свободных работников в ремесле, сельском хозяйстве и особенно для выполнения трудных видов работы. При этом иногда было нелегко найти необходимое количество работников, и в таких случаях приходилось нанимать их по чрезвычайно высоким ставкам. В поздней Вавилонии нередко встречаются партии наемных работников численностью до нескольких сот человек. Они выступали против несвоевременной оплаты их труда, перебоев в снабжении нищей и не соглашались работать за низкую плату, а в некоторых случаях даже угрожали расправой своим работодателям. Эти многочисленные массы наемных работников главным образом состояли из малоземельных свободных людей.

В связи с этим возникает вопрос о масштабах социального расслоения среди свободных. Как известно, ранее в Месопотамии наиболее распространенной формой порабощения свободных являлась долговая кабала, которая в определенных условиях могла привести к деградации неплатежеспособных должников в рабов в прямом смысле этого слова. В нововавилонское время по сравнению с предшествующими периодами в этом отношении произошли значительные изменения. Кредитор мог арестовать неплатежеспособного должника и заключить его в долговую тюрьму, однако он не имел права продать должника в рабство третьему лицу. Залог, в котором находился должник, был антихрезой, т. е. предполагал использование заложенной вещи кредитором, поэтому должник бесплатно работал на кредитора, сохраняя свою свободу. Практика самозаклада с переходом залога в собственность кредитора совершенно исчезла в Вавилонии VII — IV вв. до н.э. Кроме того, муж теперь не имел права отдавать в залог жену, хотя свободные люди могли отдавать в залог своих детей, которые находились в патриархальной власти главы семьи.

Однако родители отдавали детей в залог в довольно редких случаях. Положение детей, отданных в антихрестический залог, было похоже на рабское, и их работа на кредитора оценивалась той же суммой, что и труд раба. После отработки долга и процентов такие заложники теряли всякую связь с кредитором. Но зато дети должников, взятые в залог, могли быть обращены в рабство в случае неуплаты долга. При этом ограничение долгового рабства определенным сроком (тремя годами), установленное законом

Хаммурапи, в нововавилонское время уже не действовало. Самопродажа в Вавилонии I тысячелетия до н.э. исчезает. Продажа детей родителями, по-видимому, допускалась законом, но к этому прибегали чрезвычайно редко, а именно в случае крайней нужды, катастрофического голода в стране, во время войн и осад.

Хотя среди свободных протекали процессы социального расслоения, разорение и порабощение свободных отнюдь не носили массового характера. Это объясняется сравнительно высоким жизненным уровнем в Вавилонии VIII — IV вв. до н.э. и широкими возможностями для лишившихся своей земли людей заниматься наемным трудом, арендовать чужую землю вместе со всеми необходимыми орудиями труда и рабочим скотом или же переходить на царскую службу и т.п. Поэтому в нововавилонское время долговое рабство практически играло незначительную роль.

Раздел написан Дандамаевым М.А.

Поздний Египет.

Египетское общество XI—VIII вв. до н.э. во многом еще служило продолжением Нового царства по своей экономической и социальной структуре. Но в VII—VI вв. намечаются изменения во всех сферах египетской жизни. Египет, наконец, вступает в железный век.

До нас дошли орудия труда (резцы, пилы, сверла), изготовленные из железа (Характерно, что излюбленным материалом ваятелей того времени становятся твердые породы камня, с трудом поддающиеся обработке бронзовыми орудиями труда. Полагают, что изобилие литых бронзовых статуэток в эту эпоху также указывает на вытеснение бронзы железом из производственной сферы.), железное оружие (кинжалы). У пародов, с которыми судьба свела египтян в эту эпоху, железный век установился раньше: и у эфиопов (Напомним, что речь идет не о современной Эфиопии, а о так называемой Нильской Эфиопии, или Куше (в совр. Судане).), утвердивших свое господство в Верхнем Египте в VIII в. до н.э., и у ассирийцев, вторгшихся в страну в VII в., и у греческих и малоазийских поселенцев (войнов-наемников и купцов), обосновавшихся к VI в. до н.э. в Дельте. Теперь изменения, порой весьма существенные, происходят во всех отраслях египетского хозяйства — в ремесло, земледелии, скотоводстве. Примерно с VII в. до н.э. наблюдается небывалый ранее рост товарно-денежных отношений, причем объектом купли-продажи все чаще становится земля. Это свидетельствует, по-видимому, о развитии частного землевладения. Возможно, истоки такой формы земельной собственности следует искать еще в начальный период Нового царства, когда первые цари XVIII династии щедро дарили воинам земли (вряд ли речь шла только о служебных наделах). Вероятно также, что в период ослабления государственной централизации многочисленные мелкие служебные наделы воинов и чиновников

нередко рассматривались владельцами как их полная собственность, и она ускользала из-под контроля центральной администрации.

Возможно, что именно в связи с появлением значительной, повидимому, категории частных собственников на землю — людей, не столь тесно связанных с определенными служебными обязанностями и соответствующим служебным (государственным) обеспечением, в источниках той эпохи наконец становится достаточно ясным, что лица, обозначенные термином *пемху*, противопоставляются баку — рабам в полном смысле слова — в качестве свободных.

Расширение товарно-денежных отношений, продажа и скупка земли, ростовщичество (сведения о последнем, правда, крайне скудны), способствовали разорению многих мелких собственников-*немху*. Впервые на рабском рынке мы видим раба-должника. Появляются к большому количеству документы о самопродаже в рабство («на вечные времена вместе с детьми»), существует практика закабаления должника сроком до пяти лет, своеобразной формой рабской павнсютости становится самопродажа в «сыновья». Все эти явления — как и в Передней Азии, характерные спутники развития частного рабовладения — наблюдаются в Египте на много столетий позже, поскольку «второй путь развития», по которому шло египетское общество, способствовал длительному сохранению государственного сектора в его архаических формах.

Уже при последних Рамессадах (в самом конце II тысячелетия до н.э.) Египет теряет свое прежнее влияние в Передней Азии. Яркой иллюстрацией этого могут служить злоключения Упуамона, героя египетской повести, посланного (вероятно, при Рамсесе XII) в Финикию за кедром для ремонта обветшалой священной барки бога Амона и испытавшего там многочисленные унижения со стороны местных князьков. Так, царек Библа стремился подчеркнуть свою полную независимость от Египта, перед которым недавно трепетал.

В повести об Упуамоне упоминаются имена жреца Херихора и Несубанебджеда, могущественного владетеля Таниса (Пер-Рамсеса). Первый из них вскоре стал фактическим правителем Верхнего Египта, второй явился основателем новой, XXI династии, цари которой приблизительно сто лет правили Дельтой, поддерживая дружественные отношения с правителями и верховными жрецами Амона-Ра в Фивах.

Прошло столетие, и на политическую арену решительно выступили ливийцы, уже с давних пор проникавшие с запада и оседавшие в Дельте. Еще со второй половины Нового царства пленные ливийцы использовались фараонами в качестве воинов-наемников. Впоследствии ливийцы селились в Дельте целыми племенами. Шешонк, один из вождей-военачальников при последнем царе XXI династии, провозгласил себя царем в середине X в. до н.э., началась XXII ливийская династия. Шешонк укрепил свою власть в Дельте и

объявил своего сына верховным жрецом Амона-Ра в Фивах: страна была вновь объединена. Вскоре войска Шешонка вторглись в Палестину, в 930 г. до н.э. ими был взят и разграблен Иерусалим. По успехи ливийской династии оказались призрачными, ее власть — непрочной. Среди ливийской верхушки разгорелась внутренняя борьба. Дельта распалась на ряд независимых областей, возглавляемых ливийскими князьками, хотя номинально продолжали существовать и ливийские цари, сделавшие своей столицей г. Бубастис в восточной части Дельты (XXII — XXIII династии). Север Верхнего Египта контролировался могущественным номархом Гераклеополя, на юге власть находилась у жречества Амона-Ра. Страна переживала время хозяйственного застоя, упадка ирригационной системы, нарушения торгового обмена. Объединение страны опять становится необходимым условием хозяйственного подъема. Инициатором борьбы за новое объединение выступает фиванское жречество, которое смогло в этой борьбе опереться на военную мощь уже отделившейся от Египта Нильской Эфиопии (Куша), желавшей установить свое господство в Египте.

Ослабление власти Египта над Эфиопией и консолидация местных племен привели к VIII в. до н.э. к возникновению на южных границах Египта эфиопского государства со столицей Напата у IV нильского порога. В середине VIII в. эфиопский царь Пианхи вступил в Фивы и при поддержке жречества Амона, которому по древней традиции поклонялись и в Эфиопии, начал поход на север. Нижний Египет оказал эфионам упорное сопротивление. Войска правителя Саиса Тефнахта при поддержке жителей и жрецов Мемфиса встретили эфиопов в Среднем Египте, однако были разбиты в ряде сражений. После падения Мемфиса, оказавшего мужественное сопротивление эфиопам. Пианхи вступил в Дельту и взял в плен последнего царя XXIII ливийской династии - Осоркона. Тефнахт был вынужден признать власть Пианхи над Нижним Египтом.

Из царей эфиопской (XXV)(XXIV династия правила всем Египтом. Она, однако, интересна тем, что один из её царей, Бокхорнс, попытался положить предел ростовщичеству и долговому рабству в Дельте. По преданию, он был взят в плен эфиопским царем Шабакой и сожжен.) династии наиболее значительными были Шабака и Тахарка, пытавшиеся играть политическую роль и в Передней Азии, однако внутренней раздробленности страны они не преодолели: вся страна, и особенно Дельта, фактически распадалась на мелкие ливийские египетские княжества, и в 674—665 гг. до н.э. Египет не смог противостоять!» ассирийскому завоеванию.

В борьбе против захватчиков страну удалось наконец объединить правителям Саиса в Дельте — Псамметиху I и его сыну Нехо I, по происхождению ливийцам (XXVI династия). Нехо принял участие в бурных событиях, сопровождавших гибель Ассирии в конце VII в. до н. э.; он на короткое время завоевал Палестину и Сирию, однако был разбит вавилонскими войсками Навуходоносора II. Нехо пришлось

отойти на собственную территорию. При нем и его преемниках все же начинается новый подъем египетской экономики и заметно возрастает политический вес и авторитет Египта. Но было уже поздно: надвигался час падения фараонского Египта под ударами персов. В 527 г. до н.э. Египет был завоеван (Однако в течение правления Ахеменидов в Персидской державе Египет неоднократно снова добивался независимости (XXVIII— XXX династии).).

Раздел написан Виноградовым И.В.

Литература:

Дандамаев М.А., Виноградов И.В. Нововавилонская держава и поздний Египет./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.121-136

Лекция 7: Мидия и Ахеменидская Персия.

Мидия.

Родственные друг другу индийские и персидские племена пришли на Иранское плато не позже начала I тысячелетия до н.э. (скорее даже во II тысячелетии до н.э.). Мидяне осели в Северном Иране, а персы — на юге, в современной провинции Фарс (Персида греческих авторов), районе древнего эламского Аншана.

От мидян не дошло пока никаких письменных памятников, и их история восстанавливается на основании упоминаний о них в ассирийских анналах и в позднейших сочинениях греческих историков. В IX—VIII вв. до н.э. мидяне образовывали множество мелких городов-государств, сохраняя при этом также племенные связи. К концу VIII в. они были подчинены Ассирии и вынуждены были платить ей дань.

Необходимость отразить ассирийские нашествия ускорила объединение мелких индийских княжеств.

В 673—672 гг. мидяне подняли восстание против ассирийского господства, которое возглавили некто Каштарити и еще два вождя. В союзе с мидянами выступали манией и скифы. В ходе борьбы Мидия добилась независимости. Историк Геродот указывает, что и это время Мидией правил царь Фраорт (573—652 гг. до н.э.); современные ученые предполагают, что Фраорт и Каштарити — одно лицо. По Геродоту, Фраорт объединил индийские и другие иранские племена и в 653—652 гг. предпринял поход против Ассирии, который, однако, кончился поражением мидян и гибелью самого Фраорта. По-видимому, мидяне понесли поражение от скифов, ставших союзниками ассирийцев, которые установили над Мидией свою гегемонию.

В 625 г. царем Мидии стал сын Фраорта Кпаксар. Он нанес поражение скифам, создал регулярную армию вместо племенного ополчения, распределив её по родам оружия (копьеносцы, лучники и конница). С конце VII в. до н.э. индийская армия во главе с Киаксаром выступила против Ассирии, которая воевала с вавилонянами, и, нанеся ей решающие поражения, захватила Северную Месопотамию. Затем Кпаксару удалось захватить Гирканию и Парфию к востоку и юго-востоку от Каспийского моря, Персию, Элам, Страну маппеев, Урарту и часть Малой Азии.

Когда в 590 г. индийская армия достигла р. Галис (совр. Кызыл-Ирмах) в Малой Азии, царь Лидии Алиатт, обеспокоенный завоеваниями Киаксара, выступил против него. В течение пяти лет война между Лидией и Мидией продолжалась с переменным успехом, 28 мая 585 г. во время битвы на р. Галис произошло солнечное затмение, которое было воспринято обеими-сторонами как плохое предзнаменование. Поэтому сражение прекратили и вскоре заключили мирный договор, установив границу между Лидией и Индийской державой р. Галис. В 584 г. царем Мидии стал сын Киаксара Астиаг.

Мидийская держава была рыхлым образованием, включавшим полузависимые, подчиненные царства и племена. К сожалению, в настоящее время наука еще не располагает прямыми данными для исследования общественной и социальной структуры индийского общества. Большие успехи мидян в войне против такого сильного врага, как Ассирия, и сравнительно легкий захват территории многих соседних стран могут объясняться тем, что в Мидии классовое расслоение было еще невелико, и поэтому вооруженные народные массы играли большую роль в военной и политической жизни страны.

В VII и первой половине VI в. до н.э. Мидия была центром иранской материальной и духовной культуры, которую впоследствии развили дальше персы.

Создание Персидской державы Ахеменидов.

Уже в IX—VII вв. до н.э. в ассирийских надписях упоминается государство Парсуаш, находившееся на востоке бывшей эламской территории; по-видному, это то же, что Парса, или Персида — основное государство, созданное персидскими племенами. Помимо Парсуаша в VII в. до н.э. на восток от Элама находилось несколько других мелких государств, вероятно зависевших от эламитов и одновременно включенных в персидский племенной союз, который возглавляли вожди из династии Ахеменидов. После разгрома Элама ассирийским царем Ашшурбанапалом в 40—30-х годах VII в. до н.э. персы освободились от эламского господства, но вскоре превратились в данников Мидии. В 558 г. царем Персии стал Кир II. Он объединил персидские племена и основал г. Пасаргады, который стал столицей Персидского государства. В 553 г. Кир поднял восстание против мидийского царя Астиага, которому были подчинены персы. Война

длилась три года и окончилась полной победой персов, взятием мидийской столицы Экбатапы (совр. Хамадан) и пленением Астиага. Кир стал царем как Персии, так и Мидии.

Покорив в 550 г. Мидию, Кир в течение следующих двух лет захватил Парфию и Гирканию, входившие в состав бывшей Мидийской державы, в 546 г. персы покорили и Лидию в Малой Азии, которая в то время наряду с Вавилонией и Египтом была одним из крупнейших государств Ближнего Востока. Таким образом, персы вышли к Эгейскому морю. Между 545 и 539 гг. Кир подчинил на Иранском нагорье территории нынешних государств Иран и Афганистан, включая Дрангиану и Бактрию, и проник в Среднюю Азию, завоевав Маргиану (оазис Мары в Туркмении), Согдиану (область Самарканда и р. Зеравшан) и Хорезм (низовья Амударьи). Таким образом, персидское господство достигло северо-западных границ Индии, южных отрогов Гиндукуша и бассейна Сырдарьи. Только после того как ему удалось достигнуть этих отдаленных пределов в северо-восточном направлении, Кир выступил против Вавилонии.

В течение двух месяцев (август — сентябрь) 539 г. Вавилония была захвачена персами. Согласно вавилонским источникам, армия Кира без боя вступила в Вавилон и освободила жителей страны от гнета Пабопида. Кир обвинил его в нарушении благочестия по отношению к богам своей собственной страны и пренебрежении к ним, а сам принес жертвы богу Мардуку. Камбис, сын Кира, присутствовал как представитель своего отца на религиозном празднике в храме Эсагила. Жителям вавилонских городов были обещаны мир и неприкосновенность. Народам, которые были насильственно поселены в Месопотамии вавилонскими царями, Кир разрешил вернуться в свои страны.

Захватив Месопотамию, Кир формально сохранил Вавилонское царство и ничего не изменил в социальной структуре страны. Вавилоп стал одной из царских резиденций. В стране на первый взгляд все осталось прежним: вавилоняне продолжали занимать преобладающее положение в государственном аппарате, а жречество получило возможность возродить древние культы, которым Кир всячески покровительствовал. Более того, власть Кира в Вавилонии не рассматривалась как чужеземное господство, так как он получил царство «из рук бога Мардука», исполнив древние священные церемонии. Кир принял титул «царь Вавилона, царь стран», который сохранялся за его преемниками до времени Ксеркса.

Однако фактически Вавилония из самостоятельного царства превратилась в сатрапию Ахеменидской державы и лишилась всякой независимости во внешней политике, да и внутри страны высшая военная и административная власть теперь принадлежала персидскому наместнику.

После захвата Вавилонии все западные страны до границ Египта (Сирия, Палестина и Финикия) подчинились персам. Торговые города Финикии, так же как вавилонские и малоазийские купцы, были заинтересованы в создании большого государства с безопасными дорогами, где вся посредническая торговля находилась бы в их руках. Захватив весь Ближний Восток до границ с Египтом, Кир решил обезопасить северо-восточные границы своего государства от вторжения кочевых племен Средней Азии. В битве против массагетов на восточной стороне Амударьи в 530 г. Кир потерпел поражение и погиб.

В августе 530 г. царем Ахеменидской державы стал Камбис, который вскоре начал готовиться к нападению на Египет. Египетская армия была быстро разгромлена, флот сдался без боя, фараон Псамметих III оказался в плену. В мае 525 г. Египет превратился в персидскую сатрапию, Камбис был объявлен также и египетским царем и короновался по египетским обычаям. Он пользовался традиционной египетской системой датировки, принял титул «царь Египта, царь стран», участвовал в египетских религиозных церемониях, приносил жертвы египетским богам и оказывал им другие знаки внимания. На рельефах из Египта Камбис изображен в египетской одежде. Чтобы придать захвату Египта законный характер, была создана легенда о рождении Камбиса от брака Кира с египетской царевной Нитетис, дочерью фараона Априя. Следуя политике Кира, Камбис предоставил египтянам свободу в религиозной и частной жизни. За египтянами сохранились их должности в государственном аппарате.

Захватив Египет, Камбис начал готовиться к походу против Нильской Эфиопии. Согласно Геродоту, Камбис вторгся в Эфиопию без достаточных запасов продовольствия и попал в безводную местность; в его армии началось людоедство, и он вынужден был отступить. Камбис вернулся в столицу Египта Мемфис и подавил волнения, которые тем временем начались в этой стране, при этом оскорбив своими действиями религиозные чувства египтян.

Так, он убил быка Аписа. Современники считали, что он подвергся душевному заболеванию.

В марте 522 г. Камбис получил известие о том, что его младший брат Бардия поднял восстание в Персии и захватил там царский престол. Камбис направился в Персию, но умер в пути при загадочных обстоятельствах, не успев вернуть себе власть. Согласно официальной версии, изложенной в огромной наскальной надписи его преемника Дарил I на скале Бехистун (или Бисутун). Камбис еще до прихода в Египет велел тайно убить своего брата Бардию; этим воспользовался некий маг Гаумата, который объявил себя Бардией и 11 марта 522 г. стал царем под видом последнего. К 1 июня 522 г. Бардия-Гаумата получил всеобщее признание у народов Ахеменидской державы. Чтобы удержать покоренные народы от восстаний, он отменил налоги и военную повинность на три года. Его внутренняя политика была

направлена на уничтожение привилегий персидской родовой знати и ее господствующего положения в экономике и обществе. Поэтому Бардия-Гаумата пользовался большой популярностью и поддержкой широких народных масс как в самой Персии, так и в других странах Ахеменидской державы.

Однако по современным данным версия о Гаумате — ложная, и к власти пришел настоящий Бардия. 29 сентября 522 г., после семи месяцев царствования, он был убит заговорщиками — представителями семи знатных персидских родов. Один из заговорщиков, двадцативосьмилетний Дарий, стал царем. Дарий был потомком царьков-Ахеменидов, правивших в Порсиде в VII—VI вв. до н.э., до Кира. Сам принадлежа, таким образом, к верхушке персидской знати, он начал с того, что восстановил ее привилегии, отмененные Бардией.

Сразу после захвата престола Дарием I против него восстала Вавилония. Дарий лично возглавил поход против нее. В декабре 522 г. персы захватили Вавилон, и руководители мятежа были преданы казни. Но пока Дарий был занят карательными действиями в Вавилонии, против него восстали Персия, Мидия, Элам, Маргиана, Парфия, Саттагидия (в совр. Афганистане), сакские племена Средней Азии и Египет. Началась жестокая и кровопролитная борьба за восстановление державы Ахеменидов.

Против восставших в Маршале двинулся сатрап Бактрии Дадаршиш, и 10 декабря 522 г. маргианцы потерпели поражение. За этим последовала резня, во время которой каратели убили 55 тыс. человек. Уже одна эта цифра показывает, что восстание в Маргиане было всенародным движением. В самой Персии под именем сына Кира Бардии соперником Дария выступил некий Вахьяздата, нашедший среди народа большую поддержку. Ему удалось захватить восточноирапские области вплоть до нынешнего Афганистана. Лишь 16 июля 521 г., после пяти битв, полководцам Дария I удалось нанести решающее поражение войску Вахьяздаты. Последний был взят в плен и вместе с ближайшими своими соратниками посажен на кол. Победа над Вахьяздатой была крупным успехом Дария, так как теперь вся Персия оказалась в его руках.

Но в остальных странах продолжались волнения. Пока Дарий был занят подавлением двух восстаний в Эламе, почти вся Мидия оказалась в руках Фравартиша (Фраорта II), который утверждал, что он происходит из рода индийского царя Киаксара. Это восстание было одним из наиболее опасных, и Дарий сам выступил против мятежников. Мидяне потерпели поражение, а Фравартиш попал в плен и был приведен к Дарию, который лично жестоко расправился с побежденным. Он отрезал ему нос, уши и язык и выколол глаз. После этого Фравартиша свезли в Экбатаны и посадили там на кол. В Экбатаны также были доставлены и заключены в крепость ближайшие помощники Фравартита, с которых затем содрали кожу. Мидия, до сих

пор находившаяся на равных правах с Персией, была низведена на положение одной из рядовых провинций.

К лету 521 г. полководцы Дария после пяти битв с восставшими смогли установить свой контроль и в Армении. Тогда же отцом Дария был подавлен мятеж в Парфии и в Гиркании. В это время в Вавилоне произошло последнее крупное восстание, которое длилось до 27 ноября 521 г. Менее значительные волнения в государстве все еще продолжались. Теперь, через год с небольшим после захвата власти. Дарий смог упрочить свое положение и вскоре после этого восстановил державу Кира и Камбиса в со прежних границах. Победа Дария над восставшими народами в значительной степени объясняется отсутствием единства между ними. Дария поддерживали полки царской гвардии, армии оставшихся верными Дарию сатрапов и гарнизонные войска, которые, как правило, в каждой области состояли из чужеземцев. Этими войсками Дарий пользовался очень умело, безошибочно определяя, какой мятеж в данный момент наиболее опасен. Не будучи в состоянии вести карательные операции одновременно во всех направлениях, Дарий подавлял одно восстание, а затем ту же самую армию, при помощи которой подавил первое восстание, бросал против других мятежников.

Общественный и государственный строй Ахеменидской державы.

В Ахеменидскую державу вошли области Малой Азии, Элам, Вавилония, Сирия, Финикия и Египет, в которых задолго до возникновения Персидской империи сложились свои государственные институты — иранские области были более отсталыми. Кроме того, персы покорили также кочевые арабские и скифские племена, которые находились на стадии разложения родового строя. Таким образом, состав державы был очень неоднородным. Часть иранской знати, особенно в восточных областях, по всей вероятности, веда более или менее патриархальное натуральное хозяйство. В то же время в западных областях державы сохранялись социально-экономические отношения, сложившиеся там до персидского завоевания. Товарно-денежные отношения здесь были сравнительно высоко развиты. В самой Персии характерна была эксплуатация работников, которые назывались по-персидски гарда или по-эламски курташ. Это были многочисленные отряды, составленные преимущественно из военнопленных, по также из общинников, вызванных на повинности; не исключено и привлечение наемной рабочей силы. Гарда работали на строительстве многочисленных дворцов в качестве ремесленников и чернорабочих, пасли царский скот, занимались сельскохозяйственным трудом. Гарда, занятые в сельском хозяйстве, нередко селились по деревням; были деревни, сплошь заселенные пленными из определенной местности или покоренного государства.

Помимо того широко практиковалось и расселение военных колонистов из одной страны на территории другой. Наряду с этим сохранялась, особенно в западных областях, прежняя система эксплуатации оброчных рабов, арендаторов и т. д. Разнородный характер общества в различных частях Ахеменидской державы приводил к тому, что при создании системы управления покоренными странами персы сталкивались с большими трудностями.

Кир и Камбис сохраняли прежнее внутреннее управление в завоеванных странах, почти не изменив его, и предоставили покоренным народам известное самоуправление. Однако восстания 522 — 521 гг. показали непрочность Ахеменидской державы. Поэтому реформы Дария были направлены к тому, чтобы создать устойчивую систему государственного управления и контроля над завоеванными странами, упорядочить сбор налогов и увеличить контингенты войск. Осуществление этих реформ заняло ряд лет; началом их, по-видимому, послужила предпринятая около 518 г. реорганизация и унификация системы управления провинциями. В результате проведения этих реформ в Вавилонии, Египте и других странах была создана, по существу, новая административная система, которая в дальнейшем до конца господства Ахеменидов не претерпела существенных изменений.

Дарий I разделил государство на административно-податные округа, которые назывались сатрапиями (Слово «сатрапия» — индийского происхождения, поэтому можно предполагать, что такие единицы существовали еще в Мидии. Но, вероятно, там они имели характер мелких областей типа ассирийских и im охватывали всей территории державы, в частности подчиненных царств.— Примеч. ред.). Как правило, сатрапии по своим размерам намного превосходили провинции более ранних империй, и в ряде случаев границы сатрапий совпадали со старыми государственными и этнографическими границами стран, входивших в состав Ахеменидской державы (например, Египет, Мидия, Элам и т.п.).

Внутри сатрапии могли существовать автономные, самоуправляющиеся племена и города (наиболее важными из последних были финикийские, а также греческие в Малой Азии). Персы не вмешивались во внутренние дела финикийцев, и те до конца поддерживали Ахеменидов. Список сатрапий содержится в Бехистунской и других древнеперсидских надписях. В них перечислены 23 страны. Подобный список сохранился и в труде Геродота. В составе 20 сатрапий он называет около 70 народов, включенных в Ахеменидскую державу. Расхождения между Геродотом и ахеменидскими надписями в значительной мере объясняются тем, что количество сатрапий и их границы менялись вследствие новых завоеваний (например, долины Инда) или же в результате новых административных реформ. Общая тенденция этих реформ сводилась к дроблению сатрапий: число их увеличивалось, а территория

соответственно уменьшалась. Например, при Дарий I Малая Азия была разделена на 4 сатрапии, а при Дарий III там было 7 сатрапий.

Во главе новых административных округов стояли сатрапы. Должность сатрапа существовала с начала возникновения Ахеменидской державы, но при Кире, Камбисе и в первые годы царствования Дария I во многих странах ее исполняли местные чиновники.

Реформы же Дария, в частности, были направлены к тому, чтобы сосредоточить руководящие позиции в руках персов, а на пост сатрапов теперь, как правило, назначались только персы.

При Кире и Камбисе в руках одного и того же лица, а именно сатрапа, были объединены гражданские и военные функции. Об этом, в частности, свидетельствуют документы о деятельности сатрапа Губару (Гобрия) в Вавилонии и Заречье (т. е. Сирии с Верхней Месопотамией), который одновременно являлся гражданским и военным наместником.

Кроме того, согласно Бехистунской надписи, в самом начале царствования Дария I сатрапы наряду с управлением своими областями осуществляли также общее командование войсками во время войны. Дарий ограничил власть сатрапа, установив четкое разделение функций сатрапов и военных властей. Теперь сатрапы превратились исключительно в гражданских наместников, они стояли во главе администрации своей области, осуществляли судебную власть, следили за хозяйственной жизнью страны и поступлением налогов, обеспечивали безопасность в пределах границ своей сатрапии, контролировали местных чиновников. В мирное время в распоряжении сатрапов находилась только небольшая личная охрана. Что же касается армии, то ее возглавляли военачальники, которые были независимы от сатрапов и подчинялись непосредственно царю.

Однако после смерти Дария I разделение военных и гражданских функций не соблюдалось строго, и часто объем власти сатрапа зависел от многих факторов. При сыне Дария Ксерксе и позже некоторые сатрапы находились в зависимости от военачальников. С другой стороны, нередко сатрапы все же осуществляли и военную власть (например, во время похода Ксеркса против Греция — см. далее, лекцию 8), и к IV в. до н.э. это стало обычным явлением. Например, во время войны с Александром Македонским бактрийцы сражались под командованием своего сатрапа.

Начиная со времени царствования Ксеркса иногда две или несколько сатрапий находились в руках одного и того же человека (Начало этому явлению было, по-видимому, положено при самом Дарий I, когда его отец Гистаси возглавлял в Средней Азии несколько сатрапий.— Примеч. ред). Например, царевич Кир Младший получил Лидийскую сатрапию, по власть его распространялась и на

значительную часть Даскилейской и Ионийской сатрапий, В середине IV в. сатрап Киликии Мазей одновременно был наместником Заречья.

В связи с осуществлением новых реформ возник большой бюрократический аппарат с центральной царской канцелярией. Государственное управление располагалось не в главной резиденции царей — Персеполе, а в административной столице — Сузах (в. Эламе). В Сузы приезжали многие высокопоставленные лица и мелкие чиновники из различных концов государства, начиная от Египта и кончая Индией. Но только в Сузах, но также в Вавилоне, Экбатапах, Мемфисе и других столицах сатрапий были крупные государственные канцелярии с большим штатом писцов, которые были заняты перепиской официальных документов. Сатрапы и военачальники были тесно связаны с центральным управлением и находились под постоянным контролем царя и его чиновников, особенно тайной полиции. Верховный контроль над государством и надзор за всеми чиновниками был доверен хазарапату, который одновременно являлся начальником личной гвардии царя, так называемых десяти тысяч бессмертных (Они назывались так потому, что их потери в бою немедленно восполнялись и численность гвардии всегда оставалась неизменной.).

Уже при Кире II государственные канцелярии в западной части Ахеменидской державы пользовались арамейским языком и алфавитным семитским письмом, а позже, когда Дарий провел свои административные реформы, этот язык стал официальным и в восточных сатрапиях и применялся для общения между государственными канцеляриями всей империи. Из центра по всему государству рассылались официальные документы на арамейском языке. Получив эти документы на местах, писцы, которые знали два или несколько языков, переводили их устно на родной язык начальников областей, которые не владели арамейским. Кроме этого, общего для всего государства языка в различных странах для составления официальных документов писцы пользовались также и местными. Например, в Египте администрация была двуязычна и наряду с арамейским для общения с местным населением применялся также позднеегипетский язык (язык демотических документов). Для древнеперсидского языка (по мнению одних ученых, при Дарий I, по мнению других, еще при мидянах) было создано особое, упрощенное по сравнению с аккадским клинообразное письмо. Официальные надписи Ахеменидов высекались на камне на трех языках — аккадском, эламском и древнеперсидском — и тремя видами клинописи. В столице самой Персии Персеполе для административных нужд наряду с арамейским широко пользовались и эламским языком, пока во второй половине V в. до н.э. последний не был окончательно вытеснен арамейским. До тех пор в Персеполе чиновники свои распоряжения делали устно на древнеперсидском языке, а затем писцы их переводили одновременно на эламский и арамейский языки.

В государственном аппарате сами персы занимали особое положение: в их руках были сосредоточены важнейшие военные и гражданские должности не только в самой Персии, но и в других странах. После реформ Дария персы появились даже и в провинциальных учреждениях в качестве судей.

Но вместе с тем ахеменидская администрация широко использовала в государственном управлении представителей других народов. В Вавилонии, Египте, Малой Азии и прочих областях судьями, градоначальниками, управляющими государственными арсеналами, начальниками царских строительных работ обычно были вавилоняне, египтяне, иудеи, арамеи, эламиты, греки и т. д. с их многовековым техническим и административным опытом. Например, в царском хозяйстве Персе поля счетоводами работали эламитяне, а надсмотрщицами и заведующими сокровищницей — персы.

Реформы Дария привели к значительным изменениям в системе аграрных отношений. У покоренных народов была отобрана часть земли. Эту землю Ахемениды раздавали большими поместьями в полновластное и наследственное владение членам царской семьи и представителям персидской знати, крупным чиновникам и т.д. Такие земельные владения были освобождены от уплаты государственных налогов. Яркое представление о хозяйствах этого типа дают поместья знатного перса, сатрапа Египта Аршамы. Он имел крупные земельные владения в Нижнем и Верхнем Египте и в шести различных странах на пути из Суз в Египет: в этих поместьях работали рабы-гарца. Аршаме принадлежали также поля в окрестностях Ниппура (в Вавилонии). Кроме того, в Ниппуре Аршамы владел большими стадами мелкого скота и сдавал его внаем.

Так, например, в 413 г. в течение пяти дней он сдал через своего управляющего внаем различным пастухам 2981 голову мелкого скота, а в 403 г. только за один цепь были сданы внаем 1333 головы скота. Персы чувствовали себя в Вавилонии настолько уверенно, что некий Багамири, сын Митридата, в 429 г. сдал в аренду деловому дому Мурашу свое обработанное хлебное поле, а также поле, которое досталось ему после смерти его дяди (брата отца) Рушундата, сроком на 60 лет. Оба поля были расположены близ Ниппура по берегам двух каналов, рядом с полем другого перса, по имени Рушуннатиш. Багамири сдавал в аренду также жилые дома. Арендатор уже при составлении контракта уплатил всю арендную плату — 180 тыс. л фиников. При этом дом Мурату взял на себя обязательство превратить взятое в аренду поле в сад. Дом Мурашу часто арендовал также поля, принадлежавшие царице и членам царской семьи.

Огромные земельные владения (иногда целые области) с правом наследственной передачи и освобождения от налогов получали и так называемые благодетели царя, оказавшие последнему какие-либо большие услуги. Они имели даже право суда над людьми, жившими в принадлежащих им областях. Например, целые области находились в

руках сатрапа Тиссаферна (во Фригии), потомков соратников Дария в убийство Гауматы Отана (в Каппадокии), Гидариа (в Армении) и т.д. Среди царских «благодетелей» были и чужеземцы, например грек Фемистокл, который получил в свое владение несколько городов.

Наконец, часть земель находилась в фактической собственности царя; по сравнению с предшествующим периодом при Ахеменидах размеры царской земли резко увеличились. Эти земли обычно сдавались в аренду. Так, например, согласно контракту, составленному в 420 г. близ Ниппура, представитель дома Мурашу обратился к управляющему посевами полями царя, расположенными на берегах нескольких каналов, с просьбой сдать ему в аренду сроком на три года одно поле. Арендатор обязался платить ежегодно в качестве арендной платы 33 тыс. л. ячменя, 3 тыс. л. пшеницы, 1500 л. эммера, а также одного быка и 10 баранов. Кроме того, царю принадлежали многие крупные каналы, которые царские управляющие обычно сдавали в аренду. В окрестностях Ниппура царские каналы арендовал дом Мурашу, в свою очередь отдававший их в субаренду коллективам мелких землевладельцев. Например, в 439 г. семь землевладельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского капала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы получили право орошать свои поля в течение трех дней ежемесячно водой из капала. За это они должны были платить арендаторам 1/3 часть урожая и фруктов как «водную подать» с орошаемых полей, а также определенную сумму денег за каждую меру земли. Если субарендаторы используют воду для орошения земель, не предусмотренных договором, арендная плата соответстнетто возрастет.

Персидским царям принадлежали также ирригационная система по р. Ак в Средней Азии, леса в Сирии, доходы от ловли рыбы в Файюмском озере в Египте, рудники, а также сады, парки и дворцы в различных частях государства.

Вместе с тем при Ахеменидах широко применялась (по крайней мере в Вавилонии) такая система землепользования, когда царь сажал на землю своих воинов, которые обрабатывали выделенные для них наделы коллективно целыми группами, отбывали воинскую повинность и платили определенную денежную и натуральную подать. Эти наделы назывались наделами лука, лошади, колесницы и т. д., к их владельцы должны были выполнять военную повинность в качестве лучников, всадников и колесничих. В начале господства персов экономическое положение владельцев этих наделов было устойчивым, так как военные завоевания продолжались, и поэтому цари заботились о своих воинах. Когда владельцы наделов находились на войне, их землю обрабатывали члены семьи. В тех случаях, когда государство не нуждалось в этих людях в качестве воинов, они должны были платить налог. Но постепенно такая замена военной повинности уплатой налога стала обычной. Денежные налоги особенно отрицательно сказывались на хозяйствах рядовых воинов,

так как для их уплаты приходилось прибегать к помощи ростовщиков. Для этого приходилось закладывать наделы, и нередко владельцы были не в состоянии выкупить их обратно. Правда, эти наделы нельзя было отчуждать, и кредитор мог брать в счет долга только урожай, но не мог принимать в заклад землю, которая переходила наследникам воина по мужской линии или же при отсутствии таких наследников возвращалась государству. Но многие колонисты были обременены долгами, и иногда кредиторы фактически брали земли в залог под видом усыновления хозяина, становясь таким образом фактическими владельцами наделов. Кроме того, наделы можно было сдавать в аренду при условии, что владелец-арендодатель будет продолжать нести свою службу.

Следует учесть также то, что размеры наделов постепенно уменьшались, так как они делились между наследниками. Поэтому нередко два или несколько человек совместно владели одним воинским наделом или делили его между собой. Естественно, это также вело к разорению военных колонистов и ослаблению персидской армии. Поэтому в V и IV вв. до н.э. в своей военной политике Ахеменидам приходилось полагаться в основном на наемников, а не на владельцев наделов, которые не всегда имели даже военное снаряжение.

Значительные изменения произошли в период ахеменидского господства и в налоговой политике. При Кире и Камбисе еще не было твердо урегулированной системы налогов, основанной на учете экономических возможностей стран, входивших в состав Ахеменидской державы. Подвластные народы доставляли подарки, а если вносили налоги, то, по крайней мере частично, натурой. Около 518 г. Дарий I установил новую общегосударственную налоговую систему. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные налоги, установленные с учетом количества обрабатываемой земли и степени ее плодородности. Налогами были впервые обложены также и храмы в покоренных областях. Что касается самих персов, они как господствующий народ не платили денежных налогов, по, по-видимому, не были освобождены от натуральных поставок. Остальные народы, в том числе и жители автономных государств (например, финикийцы, киликийцы и т. д.), платили в год в общей сложности около 7740 вавилонских талантов серебра (232200 кг). При этом большая часть этой суммы приходилась на народы наиболее экономически развитых стран — Малой Азии, Вавилонии, Сирии, Финикии и Египта.

Хотя система подарков тоже была сохранена, последние отнюдь не носили добровольного характера. Был установлен определенный размер подарков, но в отличие от податей они уплачивались натурой. При этом преобладающее большинство подданных платили налоги, а подарки доставлялись главным образом народами, жившими на границах империи (колхидяне, эфиопы, арабы и т. д.). Страны, лишенные собственных рудников, для внесения податей должны были

приобретать серебро путем продажи продуктов земледелия и ремесла, что содействовало развитию товарно-денежных отношений.

Завоевав Лидию, персы познакомились с золотой монетой. После 517 г. до н.э. Дарий I ввел и в Ахеменидской державе монетную единицу, составлявшую основу единой для всей империи денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,4 г. Чеканка золотой монеты была прерогативой только персидского царя. Благодаря тому что дарик содержал всего 3% примеси, он в течение нескольких веков занимая положение основной золотой монеты в торговом мире.

В Ахеменидской империи существовали следующие типы монетной чеканки; 1) царская, 2) сатрапская, 3) провинциальная с изображениями царя, 4) чеканка подвластных персам автономных городов и стран. Обычным средством обмена служил царский серебряный сикль весом 5,6 г, равный по своей стоимости 1/20 дарика и чеканившийся главным образом в малоазийских сатрапиях. Как на дарике, так и на сиклях помещалось изображение персидского царя.

Серебряные и более мелкие медные монеты чеканили персидские сатрапы в своих резиденциях и в греческих городах Малой Азии для расплаты с наемниками во время военных походов, а также автономные города и зависимые цари. В частности, финикийские города чеканили муниципальные и царские монеты. В областях с менее развитыми товарными отношениями (например, в Египте, на востоке Ирана) металл даже в монетной форме по-прежнему принимался только на вес. Деньги, поступившие в качестве государственных налогов, в течение многих десятилетий откладывались в царских сокровищницах, были изъяты из обращения, и только небольшая часть этих денег поступала обратно в качестве жалованья для наемников, а также для содержания двора и администрации. Поэтому для торговли не хватало чеканной монеты и даже драгоценных металлов в слитках. Это наносило большой вред развитию товарно-денежных отношений и принуждало к сохранению натурального хозяйства или заставляло прибегать к прямому обмену товарами. Как свидетельствуют документы из Вавилонии, в этой стране при Ахеменидах нередко из-за нехватки серебра имела место меновая торговля. Для уплаты налогов населению приходилось прибегать к ростовщическому кредиту.

Персидская держава после реформ Дария I.

Между 519—512 гг., перейдя через проливы Босфор и Геллеспонт (Дарданеллы), персы захватили, в Европе Фракию и Македонию; на азиатской территории они заняли северо-западную часть Индии. Таким образом, к концу VI в. до н.э. границы Ахеменидской державы простирались от р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до I нильского порога на юге. Однако вскоре началось ослабление Персидской державы. Во время греко-персидских войн (см. далее, лекцию 8) персы потерпели ряд крупных

поражений в материковой Греции и в морских битвах. При Ксерксе (480—465 гг. до н.э.) персы прекратили поддержку местных храмов (в Египте, в Вавилонии) и захватили многие храмовые сокровища. Ксеркс отказался от титула «царя Вавилона», так что Вавилонское царство теперь и формально прекратило существование.

Подобные меры вместе с возросшей в сатрапиях эксплуатацией населения вызывали серьезное недовольство. В V в. до н.э. Египет, Вавилония, Мидия, области Малой Азии и другие страны много раз поднимали восстания против персов. В 486 г. до н.э. восстал Египет и, получив помощь от афинян, сопротивлялся персидскому войску до 484 г. В том же году взбунтовались вавилоняне: сначала — под руководством Белшиманни, а спустя некоторое время — под началом Шамаш-рибы. В 460 г. до н.э. снова восстал Египет под руководством ливийского вождя Ипара. В конце V в. до н.э. вспыхнули новые волнения в Малой Азии, Мидии, Египте и других странах. В 405 г. против царя Артаксеркса II восстал его брат, сатрап Малой Азии Кир Младший. С войсками малоазиатов и десятитысячным наемным войском из греков Кир дошел до Вавилонии, но здесь погиб в бою. Греки, ведомые свошш военачальниками, и среди них известным впоследствии философом и писателем Ксенофонтом, с боем пробившись на родину через Армянское нагорье и Южное Причерноморье. Этот поход показал грекам непрочность Ахеменидской державы. Все эти восстания были обусловлены тем, что при поздних Ахеменидах господство персов обрекало жителей покоренных стран на разорение.

В начале IV в. до н.э. персы потеряли Египет, который был вновь покорен только в 342 г. до н. э. При последних Ахеменидах была потеряна и Индия, а в Средней Азии Хорезм, Согдиана и сакские племена из подданных превратились в «союзников» персов. Вдобавок к этому с конца V в. до н.э. сатрапы Малой Азии постоянно вели между собой войны, в которые ахеменидские цари обычно не вмешивались. Отдельные сатрапы часто восставали также против царя и, опираясь на помощь греческих наемников, стремились стать самостоятельными. Наконец, большое влияние приобрели дворцовая знать и евнухи, которые с помощью заговоров устраняли неудобных царей. Военные поражения наставили ахеменидских царей радикально изменить свою дипломатию, натравливая одних врагов на других и прибегая при этом к подкупу. Так, во время Пелопоннесской войны заинтересованная в ослаблении Греции Персия помогала то Спарте, то Афинам. В 449 г. до н. э. персы побудили афинян за денежную компенсацию отказаться от оказания помощи восставшим египтянам.

В 358 г. до н.э. царем в Персии стал Артаксеркс III, который энергично взялся за восстановление державы в ее прежних размерах. Были подавлены многочисленные восстания и мятежи в Малой Азии, в Сирии, восстановлено персидское господство в Египте и на Кипре.

Но в 337 г. до н.э. энергичной деятельности Артаксеркса III пришел конец: он был отравлен своим личным врачом по наущению

придворного евнуха Багоя. На трон посадили сына Артаксеркса III Арсеса, который вскоре (июнь 336 г.) оказался жертвой нового заговора и был убит вместе со своей семьей. Теперь придворная знать возвела на трон сатрапа Армении Кодомана, представителя боковой линии ахеменидского рода, который принял тронное имя Дария III. Пока верхушка персидской знати была занята дворцовыми интригами и переворотами, на политическом горизонте появился опасный противник. Весной 334 г. до н. э. македонская армия Александра выступила в поход против Персии. Началось македонское завоевание Азии.

Религия Ахеменидов.

Как мы уже знаем, в VII —VI вв. до н.э. в Средней Азии или Восточном Иране возник зороастризм, т. е. религиозное учение, основателем которого был Зороастр (Заратуштра). Согласно этому учению. Ахура Мазда (Ормузд) был богом добра, олицетворением света, жизни и правды. Он существовал еще до сотворения мира и пребывал в непрерывной борьбе с Ангхро Манью (Ахриманом). олицетворявшим зло, мрак и смерть. Человек создан Ахурой Мандой, но свободен в своих мыслях и поступках и поэтому доступен воздействию зла. Однако долг человека — помыслами, словами и делами бороться против Ангхро Манью и его помощников — духов зла. В конечном итоге добро одержит полную победу над злом.

Вскоре после своего возникновения зороастризм начал распространяться в Мидию. Персию и в другие страны иранского мира. При дворе Астиага, а возможно, и Киаксара роль жрецов и царских советников играли маги, однако неясно, в какой степени они с самого начала были приверженцами учения Заратуштры. Во всяком случае, не позже чем с VI в. до н.э. маги уже представляли собой жрецов зороастрийского культа, являясь знатоками ритуала и обрядов, хранителями религиозных традиций мидян и персов. В Персии народные массы поклонялись древним божествам природы — Митре (богу Солнца), Анахите (богине воды и плодородия) и т.д., т.е. почитали свет, солнце, луну, ветер и т.д. Кир II и Камбис еще цедиком находились под влиянием древних религиозных представлений иранских племен, и верховное место в их пантеоне, по всей вероятности, принадлежало не Ахуре Мазде, а Мигре. Зороастризм начал распространяться в Персии лишь на рубеже VI — V вв., т.е. в период царствования Дария I. Ахеменидские цари, оценив преимущества учения Зороастра как официальной религии, тем не менее не отказались от культов древних богов, олицетворявших стихийные силы природы, которым поклонялись персидские племена. Если у Зороастра Ахура Мазда стал, по существу, единственным богом, а Митра и другие древние боги были объявлены злыми духами, у Ахеменидов Ахура Мазда (Заратуштра) объявил верховное божество двумя словами: Ахура Мазда — «Ахура премудрый» (ср. «Ранняя древность», лекция 18), персы соединили их в одно сочетание —

Ахурамазда.) единственным не был, хотя он и почитался выше остальных божеств. Например, Дарий I заявляет в Бехистунской надписи, что Ахура Мазда и другие боги, которые «существуют», помогли ему захватить власть. Позднее, в надписях Артаксеркса II и III, наряду с Ахурамаздой упоминаются в качестве почитаемых богов также Митра и Анахита.

По-видимому, в VI — IV вв. зороастризм еще не стал догматической религией с твердо зафиксированными нормами, и поэтому в разных местах возникали различные модификации религиозного учения; одной из таких форм раннего зороастризма была и ахемейдская религия начиная со времени Дария I. Именно отсутствием догматической религии объясняется исключительная веротерпимость ахеменидских царей. Как известно, Кир II всячески покровительствовал возрождению древних культов в покоренных странах и велел восстановить разрушенные при его предшественниках храмы в Вавилонии, Ассирии, Эламе, Иудее и т.д. Захватив Вавилонию, он принес жертвы верховному богу вавилонян Мардуку и другим местным богам и поклонялся им. После захвата Египта Камбис короновался по египетским обычаям, участвовал в религиозных церемониях в храме богини Нейт в г. Саисе, поклонялся и другим египетским богам и приносил им жертвы. Дарий I объявил себя сыном богини Нейт, строил храмы Амону и другим египетским богам и подносил им ценные дары. Подобным же образом в Иерусалиме Ахемениды почитали Яхве, в Малой Азии — греческих богов, в прочих завоеванных странах они также поклонялись местным богам. В храмах приносились жертвы от имени персидских царей, которые стремились добиться благожелательного к себе отношения со стороны местных богов. Насколько Ахемениды были далеки от мысли навязать покоренным народам культ своего бога Ахурамазды, занимавшего верховное место в иранском пантеоне, видно из документов персепольского архива конца VI — начала V в. до н.э. По свидетельству этих текстов, в Персеполе и других городах Персии и Элама с царских складов отпускались продукты (вино, овцы, зерно и т.д.) для отправления культа не только Ахурамазды и других иранских богов, но также эламских богов Хумбапа, Симута и вавилонского бога Адада. При этом, хотя в перечне богов Ахурамазда упоминается всегда на первом месте, для его культа отпускается в три раза меньше вина, чем было предназначено для почитания эламского бога Хумбана. Вообще боги иранского пантеона выступают в персепольских текстах реже, чем эламские боги, и, судя по размерам жертвоприношений и возлияний, отнюдь не занимают привилегированного положения.

В этой связи весьма примечательны следующие факты. Мардоний, руководивший персидской армией, которая была оставлена в Греции для покорения этой страны, посылал своего представителя в различные греческие храмы с поручением запросить тамошние оракулы относительно исхода предстоявшей войны с противником. Перед решающей битвой при Платеях Мардоний приносил жертвы

греческим богам по эллинскому обычаю, с помощью местного жреца, нанятого за большое вознаграждение.

Хорошо известно, что Ксеркс во время своего похода против Греции разрушал храмы тех греческих государств, которые оказывали ему сопротивление. Однако, захватив Афины и разрушив храмы этого города, Ксеркс тем не менее собрал афинских изгнанников, принимавших участие в его походе, и велел им принести на акрополе жертвы греческим богам по местному обычаю. Имеются и другие свидетельства о том, что персы, находившиеся в Греции, поклонялись эллинским богам.

На первый взгляд эти факты могут показаться странными. Однако древние религии не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов. Поэтому лица, попавшие по каким-либо причинам на чужбину, сохраняя верность своим богам, тем не менее поклонялись и богам той страны, куда они прибыли. Например, персидский чиновник Ариярата, живший в Египте в конце VI — начале V в. до н.э., принял египетское собственное имя Тахос, поклонялся Мину, Гору, Исиде и другим египетским божествам. Лишь отсутствием догматической нетерпимости в древних религиях можно объяснить тот факт, что одна арамейская надпись послеахеменидского времени говорит о бракосочетании между вавилонским богом Белом и иранской богиней Дайна-маздаясниш («маздаяснийской верой» — иранское название зороастризма).

Почитание ахеменидскими царями богов покоренных народов было не только актом политического расчета — чтобы не создавать себе трудностей для мирового господства. Хотя Ахемениды считали своего Ахурамазду самым могущественным богом, они верили также и в богов покоренных народов, поклонялись им и искали у них поддержки. Правда, когда в Вавилонии вспыхнуло восстание против персидского господства, Ксеркс разрушил главный храм этой страны. Эсагилу, и велел увезти оттуда в Персию статую бога Мардука. Как выше указывалось, Ксеркс разрушал также греческие храмы. Однако, прибегая к подобным действиям лишь в качестве крайней меры, он исходил из тех же представлений, что и Кир. Камбис и Дарий I, искавшие поддержки, в частности, у чужеземных богов. Разрушая храмы и вывозя оттуда их кумиры, Ксеркс верил, что лишает враждебное ему население помощи местных божеств. В ряде случаев акции Ксеркса оказались исключительно эффективными. Например. Вавилония, которая дважды восставала при Дарий I и слова взялась за оружие в начале царствования Ксеркса, поело разрушения Эсагилы и исчезновения статуи Мардука никогда больше не восставала и не стремилась к политической независимости. Теперь это оказалось просто невозможным, так как вавилонским царем можно было стать, только приняв власть из рук Мардука. а статуя Мардука в Вавилоне уже отсутствовала.

Литература:

Дандамаев М.А. *Мидия и Ахеменидская Персия./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.137-158*

Лекция 8: Греко-персидские войны.

Предпосылки греко-персидских войн.

Греко-персидские войны явились переломным моментом в истории Греции. Множество мелких греческих городов, нередко враждовавших между собой, смогли сплотиться перед лицом опасности и не только выдержали натиск могущественнейшей Персидской державы, но сумели, отстояв свою независимость, перейти в контрнаступление и положить предел персидской агрессии на запад. Борьба с Персией выявила положительные результаты социальных и политических преобразований, происшедших в греческих полисах в течение VI в. до н.э. Впервые в этой борьбе прозвучали идеи общеэллинской солидарности, единства, основанного вне зависимости от государственных границ па общности образа жизни, культуры, религии, а также языка.

Решающий период греко-персидских войн (500—478) изучается главным образом на основе «Истории» Геродота, который хотя и не был современником описываемых событий, но еще имел возможность беседовать с состарившимися их участниками, посетить места сражений, познакомиться со сравнительно свежей устной традицией, памятниками в честь победителей. Геродот предельно добросовестен в изложении доступных ему фактов, чужд тенденциозности по отношению к персам, не умалчивает о персофильских настроениях среди части греков, но как всякий историк, освещает события прошлого под углом зрения своего времени. Достоверность его рассказа проверяется другими сохранившимися свидетельствами, сообщающими и новые данные, в частности о событиях после 478 г. до н.э. Цепные сведения содержатся в сочинениях Фукидида, Диодора (I в. до н.э.), использовавшего не дошедший до нас труд Эфора (IV в. до н.э.), в биографиях Плутарха, в надписях в честь победы над персами. Последующая греческая и римская традиция изобилует реминисценциями об этих столь значимых для судеб Эллады войнах. Исходным пунктом греко-персидских войн было восстание греческих городов западного побережья Малой Азии и прилегающих островов против персидского владычества. Завоевания Кира, Камбиса и Дария привели к включению всего Ближнего Востока в состав Персидской державы. Греческие города Малой Азии, подчинявшиеся до 546 г. до н.э. Лидии, после ее разгрома перешли под власть персов. Размер налогов, взимаемых новыми властелинами, был примерно таким же, что и прежде, но при владычестве Лидии взыскивавшиеся деньги поступали в обращение, а теперь они оседали мертвым капиталом в сокровищницах персидских царей. Это наносило вред развивавшимся

торгово-денежным отношениям и вызывало недовольство связанных с торговлей групп в греческих городах побережья.

Власть Лидии, не имевшей своего флота, к тому же прямо не затрагивала экономических интересов мадоазийских греков, связанных с морской торговлей.

Персия же, подчинившая своему контролю проливы, соединявшие Средиземное море с Черным, и располагавшая отличным флотом финикийцев, серьезно ограничила торговые возможности греческих полисов как Малой Азии, так и Балканского полуострова. Тягостной для греков была трудовая повинность. Их привлекали к участию в строительных работах, которые персидские цари проводили в больших масштабах, посылая даже в Сузы и Персеполь. Бременем для греческих городов Малой Азии было и обязательное участие в военных походах персидских царей и их сатрапов.

Для недовольства греков персидским владычеством существовали и политические причины. В период персидского завоевания в ряде греческих полисов Малой Азии и прилегающих островов у власти стояли единоличные правители-тираны. Раннегреческая тирания VII—VI вв. до н.э. на Балканском полуострове, на островах Эгейского моря и в Малой Азии имела, как было показано выше, преходящий характер. Персидское же правительство, искусно использовавшее местные традиции, сохранило застигнутую ими форму правления в греческих полисах, превратив прежних тиранов в своих ставленников или заменив их новыми. Изжившая себя тирания стала ощущаться греческим населением как навязанная извне власть, и борьба за демократизацию политического строя слилась с борьбой против чужеземного ига.

Персия, подчинив себе побережье Малой Азии и некоторые прилегающие острова, пыталась продвинуть свое владычество на север и запад. Поход Дария (515—514 гг. до н.э.), хотя и не привел к покорению придунайских областей, заселенных скифами, позволил персам закрепиться на фракийском побережье, что открывало путь для их экспансии в сторону Балканской Греции. Греки Малой Азии тесными экономическими и культурными узами связаны были с родственными им полисами Балканского полуострова. Последние поддерживали антиперсидские настроения в Ионии и на остальном побережье.

К концу VI в. до н.э. определились непримиримые противоречия между выросшей на Востоке гигантской державой, проводившей политику безудержной экспансии, и миром греческих полисов. Отсюда вовсе не следует, что все греческие государства склонны были вступить в борьбу с Персией. Ряд полисов предпочитал стоять в стороне, или не будучи заинтересован в борьбе с Персией, или надеясь таким образом спасти свое существование. Это диктовалось иногда страхом перед военной мощью Персии, иногда недооценкой

грозившей с ее стороны опасности. Здесь играли роль и экономические и политические факторы. Сторонниками решительной борьбы с персами были представители групп, кровно заинтересованных в морской торговле с восточными областями, которые оказались под контролем Персии. Интересы земледельческого населения и полисов с преобладанием аграрного характера экономики в меньшей степени были ущемлены персидскими завоеваниями.

Сказывались и внутривосточные противоречия в полисах. Отдельные группы и деятели искали помощи у Персии в борьбе против своих противников, там нередко находили убежище политические изгнанники. Против борьбы с Персией выступали государства, тяготевшие притязаниями Спарты (Лакедемона) и Афин на господство (Аргос, Эгина).

В этой сложной обстановке произошло антиперсидское выступление греков Малой Азии. Поскольку его инициаторами были полисы центральной части западного побережья Малой Азии — прежде всего Милет,—заселенные ионийскими греками, его принято называть ионийским восстанием. Временно правивший Милетом Аристагор, родственник тирана Гистиея, пытаясь услужить персам завоеванием одного острова на Эгейском море, своими неудачными действиями вызвал их недовольство и решил сам возглавить выступление против Ахеменидов. Оно началось со свержения правивших в греческих полисах тиранов.

Одни из них вслед за Аристагором сами отказались от власти, другие были изгнаны или казнены. Повсеместно в восставших городах установилась республиканская форма правления. К Милету присоединились и другие греческие города Малой Азии и некоторых прилегающих к побережью островов. Был создан общесоюзный орган. Примкнувшие к борьбе города, чеканившие прежде монету различного веса, стали выпускать ее по общему стандарту. Понимая трудность предстоящей борьбы, Милет обратился за помощью в Балканскую Грецию. Спарта, не заинтересованная экономически в связях с Востоком и Причерноморьем, опасавшаяся далеко увести свои войска, решительно отклонила просьбу о помощи.

Из других греческих государств откликнулись только Афины и Эротрпя, заинтересованные в торговле с Востоком и связанные также тесными узами с ионийскими городами. Они послали соответственно 20 и 5 судов в Ионию: афинский флот этого периода был еще невелик (70—100 судов), а по соседству находилась враждебная Эгина.

По прибытии подкрепления восставшие предприняли активную наступательную операцию, дошли до Сард, резиденции персидского сатрапа Артаферпа, и взяли город, кроме цитадели. Случившийся то ли по небрежности солдат, то ли по злему умыслу пожар привел к почти полному уничтожению города и гибели весьма почитаемого местными жителями храма Кибелы, что вызвало сильное их

возмущенно. Поело этого греки покинули Сарды и вернулись к побережью, а афиняне вскоре отплыли домой.

Первоначальные успехи восставших, вследствие которых они приобрели еще некоторых союзников, объяснялись в значительной мере тем, что Персия не сразу подтянула свои войска. В дальнейшем на подавление восстания были брошены сухопутные и морские силы, значительно превосходившие армию восставших. Среди греков с самого начала не было единства. Но все города и области примкнули к восстанию, а его участники выступили не одновременно, что позволило персам бить их по частям. Внутри греческих государств, участвовавших в восстании, но прекращалась борьба группировок. Одни с самого начала считали сопротивление персам безнадёжным, другие в силу экономических или политических причин заинтересованы были в сохранении персидского владычества. В результате, когда произошел решающий морской бой при о-ве Лада недалеко от Милета, самосские и лесбосские корабли ушли домой. Бой кончился полной победой персидского флота, и судьба Милета была решена. Город был взят, разграблен, большая часть населения перебита, а уцелевшие увезены в Сузы и затем поселены у впадения Тигра в Персидский залив. Те, кому удалось спастись, отправились в Сицилию (В прежнем виде Милет не смог возродиться. Археологические раскопки показали, что прежний отличный порт Милета, откуда в свое время отправлялись многочисленные суда в Черное море, никогда более не отстраивался.).

Весть о поражении ионийских греков и участии, постигшей Милет, потрясла Балканскую Грецию, особенно Афины, жители которых считали, что Милет колонизован некогда выходцами из Аттики и связан с ними узами родства. Вскоре на сцене афинского театра была поставлена трагедия Фриниха «Взятие Милета»: зрители рыдали при виде несчастий, обрушившихся на их соплеменников. Автор даже был оштрафован на 1000 драхм формально за напоминание о близких афинянам несчастьях, фактически же за то, что пьеса усиливала антиперсидские настроения, а это представлялось опасным. Однако в Афинах были и сторонники дальнейшей борьбы. Так, Мильтиад, правитель Херсонеса Фракийского, участник восстания, после его поражения бежавший в Афины, родину своих предков, был там отдан под суд за тираническое правление, но оправдан. Это означало победу антиперсидских сил.

Походы Мардония, Датиса и Артаферна.

После подавления восстания в Малой Азии и карательных экспедиций против островов, принявших в нем участие, Персия стала готовиться к походу в Балканскую Грецию. Во главе большой экспедиции, включавшей как сухопутные, так и морские силы, был поставлен племянник и зять Дария Мардоний. В составе его войска были и греки из подчиненных персам областей, которых персы постарались задобрить различными уступками.

В 492 г. до н.э. армия Мардония, переправившись через Геллеспонт, двинулась по фракийскому побережью на запад. Рядом, вдоль побережья, шел флот. По пути создавались опорные пункты с запасами продовольствия и фуража, в ряде городов оставались персидские гарнизоны. Сопrotивление армии Мардония оказали лишь некоторые фракийские племена. Македонский царь Александр занял дружественную персам позицию и разрешил им проход. Однако, когда флот огибал южное побережье Халкидики (мыс Афон), поднявшаяся сильная буря причинила такой огромный урон персам, что Мардоний вернулся в Азию.

Поход 492 г. явился серьезным сигналом для государств Балканской Греции. Было очевидно, что этим дело не ограничится. Особенно серьезные основания для беспокойства были у Афин и Эретрии. Вскоре в различные области Греции явились послы Дария с требованием «дать землю и воду» царю, т.е. признать его верховную власть. Многие острова, в том числе и враждовавшая с Афинами Эгина, подчинились этому требованию. Так же поступили и некоторые государства материковой Греции. Но в Спарте и Афинах послы Дария были казнены. Это свидетельствовало о готовности бороться за свою независимость. Так как расположенная в Сароническом заливе Эгина, имевшая к тому же сильный флот, дала «землю и воду» персам, то по настоянию Афин Спарта, подчинившая Эгину своему влиянию, несмотря на собственные внутренние разногласия, вынудила её дать заложников Афинам, и Эгина была таким образом нейтрализована.

В 490 г. до н.э. Персия организует новый поход против Балканской Греции. На этот раз вся армия была погружена на корабли. Построили специальные суда для перевозки конницы. Во главе экспедиции поставили Датпса и Артафорна, сына сатрапа Сард. Флотилия направилась от побережья Малой Азии через острова Эгеиды к Евбее. На о-ве Делос, где находился особо почитаемый храм Аполлона, жителям была дана гарантия неприкосновенности, персы всячески подчеркивали, что чтут греческие святыни. Зато чрезвычайно сурово наказана была Эротрия на о-ве Евбея. Взяв город после шестидневной осады, персы разграбили его, сожгли святилища, а население обратили в рабство (Геродот говорит, что видел их потомков, поселенных около Суз, они и в изгнании сохранили родной язык.). Афиняне не смогли оказать ему помощь.

Из Евбеи персидский флот направился к Аттике, но не в Саронический залив, а севернее, к Марафону.

Марафонская равнина была удобна для действий персидской конницы. Возможно, что высадиться здесь, посоветовал бывший афинский тиран, престарелый Гиппий, сопровождавший персов. Афиняне немедленно выступили навстречу и одновременно отправили в Спарту гонца с просьбой о помощи. Под предлогом того, что они по обычаю не могут выступить до полнолуния, спартанцы отсрочили свое выступление и явились в Афины уже после Марафонского сражения.

Первое столкновение с персидской армией, вторгшейся на территорию Балканской Греции, афинянам пришлось выдержать одним, к ним присоединился только небольшой отряд пограничного с Аттикой беотийского города Платеи. Контингенты десяти афинских фил возглавлялись стратегами, верховным командующим был архонт-полемарх Каллимах. Но решающую роль в организации и проведении Марафонской битвы сыграл занимавший должность стратега Мильтиад. Он долгое время жил под властью персов, участвовал в их походах и хорошо знал их военную организацию и тактику.

Несколько дней армии стояли друг против друга, не начиная сражения. Персы, возможно, выжидали сигнала своих сторонников в Афинах; афиняне ждали обещанных спартанских подкреплений. Сражение произошло в тот день, когда спартанцы вышли в путь. Персидское командование, рассчитывая застигнуть Афины врасплох и нанести решающий удар до прихода подкреплений, погрузило ночью значительную часть своей конницы на суда, с тем чтобы отправить их к Афинам. Греческому командованию стало известно об этом (через разведчиков или дезертировавших из персидской армии греков), и оно начало сражение в неблагоприятный для противника момент. В результате персидская конница, особенно опасная для греков, не приняла участия в битве. Учитывая численное превосходство персов, Мильтиад построил греческую армию таким образом, что значительно усилил фланги за счет центра. Легко прорвавшие греческий центр персы, вообразив, что одержали победу, бросились вглубь, к греческому лагерю. Но сомкнувшиеся за ними греки, стоявшие на флангах, стали избивать их, отрезав путь к отступлению.

Некоторым персам, бежавшим к побережью, удалось сесть на свои суда, другие погибли по пути в болоте. Афиняне захватили семь персидских судов и уничтожили их. Остальные суда персы вывели в море. По данным Геродота, в этой битве погибли 192 афинянина и 6400 персов (Количество павших врагов, очевидно, действительно было подсчитано, так как афиняне дали обет за каждого убитого принести в жертву Артемиде козу. Так как она оказалась не в состоянии сразу выполнить это обещание, то решили ежегодно приносить в жертву по 500 коз (Ксенофонт)). Имена павших афинян были перечислены на памятной столе, но в список не были включены погибшие при Марафоне платейцы и рабы.

Уцелевшая часть персов, сев на суда, двинулась на юг вокруг мыса Супий, рассчитывая на помощь своих сторонников в Афинах и на отсутствие афинской армии. Однако афиняне, совершив погребение павших, спешно двинулись в Афины. Персидский флот, войдя в гавань Фалер и убедившись, что Афины взять врасплох не удастся, ушел обратно.

Победа греков при Марафоне была для Персии не военным разгромом, а только неудавшейся попыткой, которую можно было возобновить. Но она имела огромное морально-политическое значение

для Греции, особенно для Афин. То, что нападение персов удалось отбить, разрушало легенду об их непобедимости и вселяло надежду на возможность эффективной борьбы с ними и в будущем, Марафонская победа создала предпосылки для будущего объединения греков, когда персидская угроза вновь стала реальностью. В честь победы у Марафона воздвигли памятник, на котором начертаны были надписи, славившие мужество павших, спасших ценой своей жизни свободу Эллады. Позднее в афинском Портике, так называемой Пестрой стое, знаменитый живописец Полигнот изобразил сцены Марафонского сражения. В общегреческие святилища — Олимпию и Дельфы — отправлены были дары из взятой добычи.

Греция в 490-480 гг. до н.э.

Политические осложнения в Египте, Вавилонии, интриги, связанные с престолонаследием, не позволили персидскому правительству добиваться немедленного реванша, и греки получили десятилетнюю отсрочку. Далеко не все, однако, понимали, что это только отсрочка. Вновь обострилась вражда между Афинами и Эгиной, политическая борьба продолжалась п внутри Афин.

Герой Марафона Мильтиад едва не поплатился жизнью за неудачную попытку подчинить о-в Парос, но все же были учтены его заслуги, и политические противники добились лишь присуждения Мильтиада к уплате огромного штрафа в 505 талантов. Мильтиад вскоре умер, а штраф был выплачен его сыном Кимоном. Обострение внутривнутриполитической борьбы в Афинах нашло свое выражение и в том, что с 487 г. до н.э. все чаще стали прибегать к остракизму, преимущественно, однако, противников активной внешней политики. На политической арене выдвигается один из самых ярких и талантливых деятелей Афин — Фемистокл.

Мать Фемистокла была низкого происхождения, по отцу же он принадлежал к знатному жреческому роду. Историк Фукидид, писавший, когда политические споры относительно Фемистокла были в прошлом и стала отчетливо видна его политическая прозорливость, дает ему такую характеристику; «...Фемистокл... с помощью присущей ему сообразительности... после самого краткого размышления был вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего. Он способен был руководить всяким делом... в особенности же заранее предусматривал лучший или худший исход предприятия, скрытый еще во мраке будущего...»

Именно Фемистокл поставил в свое время трагедию «Взятие Милета». В 487 г. по его инициативе архонты стали избираться по жребию, что лишило эту должность исключительного значения и в дальнейшем должно было привести к демократизации ареопага, пополнявшегося бывшими архонтами. Фемистокл был первым афинским деятелем, который понял, что будущее Афин зависит от морского флота. Хотя торговые связи Афин к этому периоду были

очень обширны и афинская керамика повсеместно вытесняла коринфскую, флот был еще незначительным и ввоз и вывоз товаров производились на чужеземных судах. Гавань Фалер была мала для приема большого числа кораблей и грузов. Фемистоклу принадлежала идея оборудования укрепленного порта в Пирее, хотя и несколько удаленном от Афин, но значительно более удобном для стоянки судов. Экономическая и военная роль Пирея в последующей истории Афин показала прозорливость Фемистокла. Но такой порт имел смысл только при наличии соответствующего флота. На помощь Фемистоклу пришел счастливый случай. В 483 г. до н.э. в районе Лаврия на юге Аттики, где велись разработки серебряно-свинцовой руды, была открыта новая, чрезвычайно богатая жила. Фемистоклу удалось провести через народное собрание декрет об использовании средств, полученных от ее разработки, для строительства флота. Были привлечены также и частные средства — снаряжение кораблей было возложено на группу богатых граждан (эта повинность называлась триерархией). Чтобы убедить афинян в необходимости этой меры, Фемистокл ссылался не на казавшуюся далекой персидскую угрозу, а на враждебность соседней Эгины, обладавшей более сильным, чем Афины, флотом.

В результате предусмотрительности и энергичных действий Фемистокла Афины к 480 г. до н.э. превратились в самое сильное в Греции морское государство.

Меры, проводившиеся в этом направлении, казалось, предусматривали лишь усиление военно-морского могущества Афин. Но они имели и далеко идущие внутривнутриполитические последствия. Поскольку на военную службу надо было являться со своим оружием и доспехами, участие в сухопутной армии определялось имущественным цензом, и бедняки могли служить лишь в качестве легковооруженных. Для службы во флоте не требовалось своего дорогого стоившего снаряжения. Поэтому создание большого флота означало привлечение на активную военную службу значительно более широких слоев населения Афин. А это в условиях древней Греции неизбежно должно было повлечь за собой демократизацию политической системы. Независимо от того, понимал ли это Фемистокл и ставил ли перед собой такую задачу, его деятельность способствовала дальнейшей демократизации Афинского государства. Политическим противником Фемистокла, активно выступавшим против его морской программы, был представитель афинской землевладельческой знати Аристид, славившийся неподкупной честностью и справедливостью.

Афиняне поддержали программу Фемистокла, более соответствовавшую их интересам, а Аристид, несмотря на свою безупречную репутацию, подвергся остракизму. Не совсем спокойно в эти годы было и в Спарте. Энергичный и деятельный царь Клеомен, уличенный в интригах и обмане, был вынужден покинуть Спарту, затем возвращен, по вскоре после этого объявлен безумцем и то ли покончил с собой, то ли был убит.

Поход Ксеркса.

В конце 80-х годов ситуация в Персии стабилизировалась, и царь Ксеркс, пришедший к власти после смерти Дария (488 г. до н.э.), стал энергично готовиться к новому походу против Греции. В течение нескольких лет велись работы по сооружению канала через перешеек на Халкидике, чтобы избежать обхода Афонского мыса, где погиб флот Мардония. На строительство согнали многочисленных работников из Азии и с прилегающего побережья. Вдоль берегов Фракии были созданы продовольственные склады, через Геллеспонт переброшены понтонные мосты. Велась и дипломатическая подготовка к походу: послы и агенты Ксеркса направились в различные государства Балканской Греции и даже в Карфаген, который должен был военными действиями отвлечь греков Сицилии от участия в войне с Персией; к подготовке похода Ксеркс привлек греков, нашедших убежище при его дворе (в их числе был бывший спартанский царь Демарат). Аргос и Фессалия изъявили покорность Персии. Во многих греческих городах, не исключая и Афины, имелись сильные проперсидские группировки. Дельфийский оракул предсказывал грекам поражение.

Однако ряд греческих государств готовился к борьбе. Теперь, когда на карту было поставлено само существование независимой Греции, не только Афины, но и Спарта активно в нее включилась. В 481 г. до н. э. создается общеэллинский союз с центром в Коринфе, возглавляемый Спартой: формируется союзный военный совет, разрабатывающий планы военных действий. Несмотря на морское превосходство Афин, верховное командование и сухопутными силами, и флотом вручается Спарте.

Когда в Грецию прибыла весть, что огромная персидская армия во главе с Ксерксом выступила из Малой Азии, в Афинах было принято решение вернуть политических изгнанников, прежде подвергавшихся остракизму. Аристид был даже избран одним из десяти стратегов 480 г. Первоначально решено было встретить персидскую армию, двигавшуюся тем же путем, что и Мардоний в 492 г., на севере Греции, на границе Фессалии с Македонией, где в Темпейском ущелье была удобная позиция для преграждения пути противнику. Однако авангардный отряд греков, в составе которого был и Фемистокл, выяснил, что сосредоточивать там греческие силы опасно: преобладающая часть фессалийских общин не склонна была ввязываться в опасную борьбу и рассчитывала покорностью обеспечить себе спасение от грабежей и насилий персидских войск. Соседняя Македония оказала персам дружественный прием. Поэтому было решено встретить персов на границе Северной и Средней Греции, у Фермопил. Горы в этом месте близко подходили к морскому берегу, и узкий проход было легко защитить. Некогда жители Фокиды, страдавшие от набегов фессалийцев, построили здесь оборонительную стену, и остатки этих укреплений греки намеревались теперь

использовать. Одновременно с действиями сухопутной армии планировались операции флота у о. Евбея, чтобы персы не могли прорваться через пролив Еврпп и оказаться в тылу греков.

Поскольку позиция у Фермопил была оборонительной, сюда первоначально решили направить небольшую часть объединенной греческой армии — всего примерно 7000 человек, в том числе 300 спартанцев во главе с царем Леонидом. По преданию, Леонид, сознавая опасность предстоящего дела, взял в свой отряд только тех спартанцев, у кого были сыновья. Предполагалось, что вслед за этой группой будут посланы подкрепления. Однако этого не было сделано, хотя Леонид просил о помощи. Спарта, как это нередко с ней случалось, опоздала.

Позиция у Фермопил давала возможность надолго задержать наступавшего врага, которому здесь негде было развернуть свои силы. А эта задержка могла бы вынудить персов к отступлению из-за трудности снабжения. Но беда заключалась в том, что кроме прохода через Фермопильское ущелье на юг вела еще одна горная дорога, известная местным жителям и, возможно, персидской разведке. Леонид на всякий случай послал туда отряд из 1000 фокидян. Когда несколько попыток персов пробиться через Фермопильское ущелье было отбито, отборный отряд, включая персидскую гвардию, двинулся в обход по горной дороге; предатель из местных жителей вызвался быть проводником. Это движение осталось не замеченным греками; стоявшие у выхода фокидяне не видели врага до последней минуты, так как его прикрывал росший вдоль склонов горы лес.

Застигнутые врасплох, они не оказали сопротивления, а персы, стремившиеся к своей цели— зайти в тыл защитникам Фермопильского ущелья, позволили им разбежаться.

Когда Леонид узнал о случившемся, он отпустил часть своего отряда, а сам со спартанцами, фиванцами и некоторыми другими греками остался на месте и принял на себя вражеский удар. Греки дрались с мужеством отчаяния, зная, что пути к отступлению нет, и дорого продали свою жизнь. Леонид и все оставшиеся с ним погибли. Задержав наступление врага, они дали возможность провести мобилизацию греческих сил, подтянув их к Истму, и эвакуировать Аттику.

Одновременно со сражением у Фермопил происходили активные действия флота у Евбеи.

Шторм причинил значительный урон персидскому флоту, стоявшему на якоре у плохо защищенного побережья Магнесии, а затем и эскадре, пытавшейся пройти на юг вдоль восточного побережья Евбеи. Столкновения морских сил велись с переменным успехом, обе стороны понесли значительные потери. При получении вести о гибели отряда

Леонида дальнейшее пребывание греческого флота здесь теряло смысл, и он отошел на юг, к Саропическому заливу.

Теперь персы могли беспрепятственно двинуться в Аттику. Беотия подчинилась персам, и в дальнейшем Фивы оказывали им активную поддержку. Сухопутная армия греков стояла на перешейке Истм, и Спарта настаивала на создании здесь укрепленной оборонительной линии для защиты Пелопоннеса. Фемистокл же считал, что необходимо дать персам морской бой у побережья Аттики. Защищать Аттику в тот момент, несомненно, не представлялось возможным. Дельфийский оракул, к которому афиняне обратились в критический для них момент, дал мрачайшее предсказание, рекомендуя спастись на край земли. Однако, по словам Геродота, когда афинские послы заявили, что не покинут святилища, пока Пифия (Жрица Аполлона, изрекавшая пророчество в Дельфах.) не скажет им чего-либо более утешительного, последовало другое пророчество, где говорилось о «деревянных стенах», которые принесут спасение, и упоминался «божественный Саламин». В этом предсказании можно предполагать влияние Фемистокла, которому необходимо было убедить своих сограждан и других союзников в правильности своей позиции.

В 1960 г. была опубликована найденная на территории древней Трезены надпись с декретом Фемистокла. Вырезана она в начале III в. до н.э., но ее содержание относится к 480 г. Там говорится о мобилизации всего боеспособного населения Аттики во флот, об отправке части его к Артемисию (мыс на о-ве Евбея), об эвакуации женщин, детей и стариков на Саламин и в Трезену и о возвращении изгнанных афинских граждан для их участия в общей борьбе. Эта сенсационная находка вызвала большие споры в литературе, так как многое здесь расходится с рассказом Геродота, а некоторые детали не соответствуют афинским условиям начала V в. до н.э. Однако не исключена возможность того, что надпись передает в поздней редакции подлинное содержание не одного, а нескольких декретов, принятых в Афинах по инициативе Фемистокла в самый трудный период их истории. Ответственное решение об эвакуации могло быть предварительно поставлено на обсуждение в народном собрании, которое после проведения всеобщей мобилизации должно было потерять свой основной состав. Слова Фукидида об удивительной способности Фемистокла смотреть далеко вперед и заранее предвидеть ход событий, возможно, были сказаны под впечатлением и этих его действий.

Через несколько дней после Фермопильской битвы персидская армия вступила на почти пустую территорию Аттики. Те афиняне, которые по тем или иным причинам не смогли уехать, и упрямы, истолковавшие оракул о «деревянных стенах» как указание на старинные укрепления Акрополя, укрылись там и оказали персам отчаянное сопротивление. Их, по-видимому, было не так мало, так как 500 человек было взято в плен персами. Афины были разграблены, все дома, кроме тех, где остановилась персидская знать, сожжены,

разрушены храмы Акрополя, некоторые памятники, например скульптурная группа, изображавшая тираноубийц, были увезены в Персию (Памятник тираноубийцам был впоследствии возвращен в Афины Александром Македонским.).

После долгих дебатов на военном совете греков было принято предложение Фемистокла дать бой персидскому флоту в Саламинском проливе. Несмотря на численное превосходство персов, они не считали возможным разделить свои морские силы и послать эскадру для действий против Пелопоннеса. Приводимый у Геродота и трагедииографа Эсхила рассказ о тайной посылке Фемистоклом доверенного раба к Ксерксу с советом напасть на объединенный греческий флот, пока он не рассеется по отдельным государствам, возможно, отражает не столько находчивость афинского стратега, желавшего поставить своих коллег перед свершившимся фактом, сколько стремление греческого командования осуществить уже принятый план действий. Персам тоже важно было поскорее добиться победы, им опасно было двигаться дальше (к Пелопоннесу), оставляя в тылу основные морские силы греков. Долго задерживаться в Аттике они не могли из-за трудностей со снабжением. К тому же для Ксеркса было рискованно долго отсутствовать в Персии.

Как бы то ни было, персы приняли вызов, и в конце сентября 480 г. до н.э. произошла решающая битва в Саламинском проливе. Ночью персидские суда окружили о-в Саламин и блокировали греческому флоту выход. На рассвете началось сражение. Персидские суда, вошедшие в пролив, не имели возможности использовать свое численное превосходство и маневрировать, так как сзади их теснили собственные суда. Греки же могли вводить постепенно в бой свои резервы, стоявшие в заливе у северо-западного побережья Аттики и вначале не замеченные врагом. К тому же поднялся ветер, неблагоприятный для персидского флота, двигавшегося в северном направлении. Ксеркс, лично наблюдавший за битвой с высокого места на побережье Аттики, окруженный секретарями, которые должны были записывать имена особо отличившихся в бою кораблей и командиров, с ужасом видел, как его суда гибнут не только от вражеских ударов, но и наталкиваясь друг на друга. Яркое изображение этой катастрофической для персов ситуации даст участник Саламинского боя Эсхил в своей трагедии «Персы»:

«Сначала	удавалось	персам	сдерживать		
Напор.	Когда	же	в узком	месте	множество
Судов	скопилось,	никому	никто	помочь	
Не	мог,	и	клювы	направляли	медные
Свои	в своих	же,	весла	и гребцов	круша...
...моря		видно		не	было
Из-за	обломков,		из-за	опрокинутых	
Судов	и		бездыханных	тел...	
Найти	спасенье	в	бегстве	беспорядочном	
Весь	уцелевший	варварский	пытался	флот,	

По греки персов, словно рыбаки тунцов.
Кто чем попало, досками, обломками
Судов и веселбили...»
(Перевод С. Анта.)

Победа была полная. Хотя главнокомандующим был не Фемистокл, а спартанец Еврибиад, честь победы единодушно приписывалась афинскому стратегу. При посещении им Спарты Фемистокл удостоился таких почестей, какие до него не воздавались ни одному чужеземцу (Ему была подарена богато разукрашенная колесница; отборный отряд — 300 «всадников» — провожал его до границы (Геродот, Демосфен)).

Однако хотя персидский флот во главе с Ксерксом покинул пределы Греции, по на Балканском полуострове оставлена была сухопутная армия под командованием Мардония. Не имея возможности прокормить себя и свою конницу в Аттике, персы ушли на север. Афиняне получили возможность временно вернуться домой. В следующем. 479 г. до н.э. персы снова вторглись в Аттику и опустошили ее поля. Мардоний при посредничестве македонского царя Александра тщетно пытался склонить Афины к сепаратному миру (По преданию, афинянин, уговаривавший принять предложение Мардония, был побит камнями вместе с женой и детьми.). Спарта, которую саламинская победа освободила от непосредственной опасности, медлила с продолжением активных военных действий против Мардония, предлагая досаждать ему морскими вылазками во Фракии и у побережья Малой Азии, а на Балканском полуострове удерживать линию обороны на Истме. Афинам Спарта обещала компенсацию за потери урожая, средства на содержание женщин, детей и стариков, но не военную помощь. Однако и в самой Спарте были сторонники более активных действий (Павсапий, регент при малолетнем царе, сыне Леонида), и, когда на настоянию Афин было принято решение дать бой Мардонию, мобилизация войск в Пелопоннесе и их продвижение к Истму были проведены так быстро, что враждебный Спарте Аргос, обещавший Мардонию задержать спартанцев, ничего не смог предпринять. Вовремя предупрежденный Мардоний, находившийся в это время в Аттике, отступил на север, в Беотию, оставив позади себя дымящиеся руины. Персам нужна была для сражения равнина, где можно было развернуть их многочисленную и сильную конницу.

К тому же дружественные персам Фивы обеспечивали тыл их армии.

В 479 г. у г. Платеи, на границе Аттики и Беотии, состоялась последняя, решающая битва с персидской армией, вторгшейся на Балканский полуостров. За время, истекшее после Саламинского сражения, персы потеряли ряд островов Эгейского моря и Потидею в Халкидике, но в Балканской Греции Мардония поддерживали часть фессалийцев, Фивы, некоторые полисы Пелопоннеса. У персов было преимущество в коннице, у греков — в тяжеловооруженной пехоте.

Готовясь к бою, Мардоний построил свое войско недалеко от Платеи вдоль реки. Греческая армия заняла оборонительную позицию на склонах горы Киферона, прикрывая путь к Истму, откуда можно было получать продовольствие и в случае необходимости — военную помощь. Персидская конница, совершив ночью налет, нанесла большой урон грекам. Однако отряд афинян отбил нападение.

После этого греки спустились на территорию Платеи и расположились по другую сторону реки лицом к Фивам. Более недели обе армии стояли друг против друга, не вступая в бой. К грекам подошли подкрепления. Павсаний, командовавший союзной армией греков, не решался первым начать сражение. Ожидание было тягостным, особенно для афинян. По сообщению Плутарха, афинские аристократы, разорившиеся из-за войны, решили свергнуть демократию, а в случае неудачи предать Афины «варварам». Аристид, получивший сведения о заговоре, чтобы не вызывать распри перед боем, занял дело, арестовав из большого числа виновных лишь восемь человек, а затем освободил и их, предложив в битве искупить свою вину. Расследования не было, так что подлинное число заговорщиков осталось неизвестным.

В ожидании решающего столкновения Павсаний произвел перегруппировку войск, поместив афинян на правый фланг против персов Мардония, а спартанцев — на левый фланг против греческих союзников Персии. Считалось, что афиняне, уже имевшие опыт Марафонской битвы, лучше справятся с персами. Однако и Мардоний перестроил свое войско, поставив лучшие силы против спартанцев. Пока пехота бездействовала, персидская конница частыми рейдами тревожила греков и наконец захватила и засыпала основной источник их снабжения водой. Греческая армия по приказу Павсания отступила. Мардоний, решив, что греки трусили, перевел свою армию через полувысохшую речку, разделявшую противников. Несмотря на обмеление речки, хорошего брода на ней не было — переправе мешало обилие камней. После переправы персам пришлось лезть в гору навстречу спартанцам, которыми командовал Павсаний. Афиняне и мегаряне отбили натиск беотийских и фессалийских гоплитов (союзников Персии), поддержанных иранской конницей, и стали теснить персидских стрелков. Те всё же держались, пока жив был Мардоний, сражавшийся на белом коне. По вскоре он был убит, и персы оставили поле боя спартанцам. Греки добились победы и в столкновении с выдвинувшимися вперед флангами персидской армии. Командовавший ее центром Артабаз начал поспешное отступление на север и в конце концов на лодках переправился в Византии; Ксеркс одобрил его поведение. Оставшиеся в Беотии персы пытались укрыться в своих укреплениях; греки ворвались туда, разграбили лагерь персов, захватив огромную добычу.

Пленных не брали. По свидетельству греческих источников, из 300 000 персов спаслись только 43 000 из них 40 000 бежавших с Артабазом. Данные, вероятно, преувеличены, а сведения об убитых

греках явно преуменьшены (91 спартанец, 52 афинянина, 16 тегеян и т. д.). Видимо, здесь учтены только гоплиты, чьи имена были перечислены на памятниках в честь павших.

Победа при Платеях произвела не меньшее впечатление, чем саламинская. Шатры, полные золота и серебра, вазы, чаши для питья, умывальники, запястья, ожерелья, мечи — все из золота и серебра, — позолоченные и посеребренные ложа и столы, пестрые ковры — вся эта роскошь, окружавшая знатных персов даже в походе, поразила греков, привыкших к простоте в быту. Часть полученной добычи по обычаю отдали в святилище олимпийского Зевса, в Дельфы и другие храмы, остальное распределили между участниками победы. Павсаний за свою роль в организации победы получил вдесятеро больше остальных: женщин из гаремов, золотую и серебряную утварь, драгоценные металлы, коней и верблюдов. Но впоследствии Павсания обвинили в попытке присвоить себе одну заслугу победы и заставили заменить сделанную по его приказанию надпись на памятнике в Дельфах: «От Павсания-победителя» другой, где перечислялись 31 греческое государство, участвовавшее в Саламинской и Платейской битвах. Платеям, на территории которых была одержана победа, обещали «вечную» благодарность. Фивы за предательство понесли умеренное наказание: казнены были выданные осажденным городом лидеры персофильской группировки, но угроза разрушить город не была выполнена. Победители понимали, что теперь главной задачей является по мести, а восстановление причиненных войной разрушений и освобождение северных и восточных областей.

По преданию, Фемистокл предложил сразу же после Саламинского боя направить флот к Геллеспонту, чтобы уничтожить построенные там Ксерксом мосты и, таким образом отрезав персам путь к отступлению, «захватить Азию в Европе». Этот план был отвергнут, однако вскоре греческий флот начал операции против островов Кикладского архипелага, сотрудничавших с персами. К командующему греческим флотом явились тайные послы от жителей о-ва Самос, еще оставшихся под контролем персов, с призывом поддержать готовящееся восстание ионийских греков. Самосцы освободили 500 афинских пленных, увезенных персами.

Греческий флот подошел к мысу Микале недалеко от Милета (479 г. до н.э.). Войска высадились на берег, и часть их стала продвигаться в глубь страны. Командовавший персидскими войсками Тигран напал на половину греческой армии, остававшуюся на берегу, но потерпел поражение. Ионяне — самосцы и милетяне, — находившиеся в рядах персов, активно помогали своим соплеменникам. Победив на суше, греки уничтожили стоявший поблизости персидский флот, все корабли были сожжены, после того как добычу предварительно вынесли на берег. Битва при Микале, хотя не была столь грандиозной, как предшествовавшие ей, освободила Эгейское море для действий греческого флота. Отныне войну решали морские силы. Спарта, в

руках которой формально все еще было сосредоточено верховное командование, уже тяготилась необходимостью держать свои войска вдалеке от Пелопоннеса; она предложила произвести принудительное переселение персофилов из Балканской Греции в Ионию, а ионян — в Грецию. Против этого решительно возразили афиняне.

Ограничились приемом в общегреческий союз Самоса. Хиоса, Лесбоса и других островов, жители которых принесли клятву верности общему делу.

После победы при Микале греческий флот направился к Геллеспону. Оказалось, что построенные по приказу Ксеркса мосты уже разрушены самими персами. Спартанцы отправились домой, а афиняне и союзные греки Малой Азии под командованием Ксантиппа осадили и взяли г. Сест, где укрепились персы. Геродот на этом заканчивает изложение событий греко-персидских войн. Фукидид тоже считает 480 — 479 гг. до н.э. решающими, а военные действия последующего периода — лишь составной частью целой цепи других важных для Греции событий.

Делосский морской союз. Каллиев мир.

После 479 г. до н.э. Персия более не грозила Балканской Греции. Греческие государства сами перешли в наступление. Отстояв свою независимость, полисы, возглавившие борьбу, попытались использовать победу в своекорыстных целях. Очень быстро были забыты декларации об общности эллинов, о совместной борьбе за свободу. Дальнейшие военные успехи взорвали временно сложившееся единство, все явственнее стали противоречия, особенно между Афинами и Спартой, обострилась временно приглушенная борьба между политическими группами внутри отдельных государств. Влияние Фемистокла после 480 г. до н.э. ослабевает, хотя (некоторое время он продолжает еще играть роль в политической жизни. По его инициативе и при его непосредственном участии отстроили разрушенные персамп укрепления вокруг Афин. Это сделано было вопреки протестам Спарты, которая не без оснований увидела в этом проявление враждебности в отношении к ней (единственной силой, которая могла грозить Афинам с суши, теперь была Спарта).

Фемистоклу приписывается также план постройки так называемых Длинных стен, которые должны были соединить Афины с Пиреем и, таким образом, гарантировать беспрепятственное снабжение города по морю (где господствовал афинский флот) в случае осады его с суши. Этот дальновидный план был осуществлен лишь позже. Но когда стратегический талант Фемистокла сослужил свое, дело, его политическая линия натолкнулась на противодействие со стороны аристократов, возглавленных сыном Мильтиада Кимоном. В трудное для Афин время вновь усилилась роль ареопага, успешно руководившего эвакуацией Аттики перед Саламинским боем. Сплочение перед лицом смертельной опасности, нависшей над

страной, способствовало оживлению веры в традиции, консервативные устои. Когда сильный афинский флот стал фактом, а военные действия были перенесены на Восток, ни один политический деятель уже не выступал против активных морских операций. Более того, аристократическая группа продолжала считать главным врагом Персию и настаивала на сохранении любой ценой союза со Спартой, в которой она видела оплот антидемократических сил в Греции. Характерно, что Фемистокл воспротивился предложению Спарты изгнать из Дельфийской Амфикитии государства, запятнавшие себя союзом с персами. Он опасался, что такая мера даст Спарте доминирующую роль.

Основная масса гражданского населения в греческих полисах, разумеется, но была в состоянии переоценить ценности так быстро, как это сделал Фемистокл, понимавший, что отныне главным противником Афин становится Спарта. Идея о возможности примирения с Персией не могла стать популярной в 70-е годы V в. до н.э.; Фемистокл в 471 г. подвергся остракизму (Во время раскопок в Афинах найдено 542 черепка с именем Фемистокла. Любопытно, что более 190 обнаружены в одном заброшенном колодце. Черенки представляют собой обломки однотипной керамики, явно из одной мастерской. Имя Фемистокла написано всего шестью почерками. Отсюда очевидно, что черепки были заранее заготовлены его политическими противниками, для раздачи участникам голосования). Это, как известно, еще не означало конца политической деятельности. Фемистокл отправляется в Пелопоннес, ведет там активную агитацию против Спарты, пытаясь сплотить враждебные ей силы. Спарта принимает контрмеры: в Афины были посланы документы, якобы найденные при обыске в доме Павсания. Изобличавшие Фемистокла в преступных связях с персами. Фемистокл должен был предстать перед афинским судом по обвинению в государственной измене. Он не явился на суд, бежал из Греции и, как многие политические эмигранты, нашел убежище на Востоке (465/464 г. до н.э.). До конца своих дней он жил в Малой Азии, получив от персидского царя Артаксеркса в управление три греческих города (Персидское правительство охотно поручало управление подвластными ему греческими городами выдающимся греческим деятелям.).

Еще более трагичной была судьба другого героя греко-персидских войн — Павсания, Отозванный с восточного театра военных действий по требованию союзников, обвинявших его в чрезмерной роскоши и тиранических замашках, Павсаний был привлечен в Спарте к ответу за превышение власти. Вначале он был оправдан. Но затем Павсанию предъявили другое, более серьезное обвинение в связях с персами и попытке совершить государственный переворот в сговоре с илотами. Здесь карой могла быть только смертная казнь. Павсаний попытался использовать греческий обычай, дававший право преступнику прибегнуть к защите божества. Он укрылся в храме. Спартанские правители окружили храм со всех сторон и обрекли Павсания на смерть от голода и жажды. Когда он, обессилев, упал и стало

очевидно, что близок конец, осаждавшие ворвались внутрь и вытащили оттуда умиравшего, чтобы смерть не произошла на священной территории. Таким образом, спартанцы, осквернив неприкосновенность священного убежища, совершили кощунство, аналогичное тому, которое допустили афиняне при подавлении Килоновой смуты (В VII в. до н.э. Кклон предпринял неудачную попытку захватить власть в Афинах. Часть его сторонников была убита прямо у алтарей, где они пытались найти убежище. Впоследствии оба государства припомнят друг другу эти акты кощунства, пытаясь использовать это в политических целях.). Участь, постигшая двух выдающихся деятелей, сыгравших столь большую роль в победе над персами, весьма показательна для политической обстановки в Греции.

Между тем морские операции против Персии продолжались успешно. Освобождены были проливы Геллеспонт и Босфор и возобновлена торговля с Северным Причерноморьем. В 478—477 гг. по предложению союзников верховное командование было передано Афинам. Поскольку отныне война велась на море, а самым сильным флотом располагали афиняне, это было вполне закономерно. Как уже было сказано, Спарта неохотно шла на то, чтобы долгое время держать свои войска вдали от Пелопоннеса. К тому же приток персидской добычи и соприкосновение спартанских полководцев с восточной роскошью было губительно для духа ликурговых законов. Поэтому Спарта не возражала.

Образовался Делосский морской союз. В него вошли приморские и островные греческие государства, которые должны были выставять в союзный флот корабли, оснащенные и экипированные, или платить денежные взносы — форос. Размеры фороса определялись в зависимости от материальных возможностей того или иного города. Вначале замена форосом обязательства поставлять корабли показалась облегчением, однако это лишало плативших союзников собственных вооруженных сил и ставило их в полную зависимость от Афин. Союзная казна хранилась на о-ве Делос, но заведовали ею афинские должностные лица. Членство в союзе предполагалось добровольным. Однако освобождаемые от персидских гарнизонов города включались в состав союза принудительно. А союзники, которые под тем или иным предлогом пытались выйти из союза (как острова Фасос и Наксос), объявлялись мятежниками, против них посылались карательные экспедиции, их лишали собственных укреплений и переводили в разряд плательщиков фороса. Так очень быстро обнаружилась гегемония Афин в союзе, тенденция превращения союзников в подданных, а Делосского союза — в Афинскую морскую державу. В 454 г. до н.э. под предлогом усиления персидской угрозы в Эгейском море (подавлено было поддержанное Афинами восстание в Египте) союзная казна была переведена в Афины. Отныне союзные средства беззастенчиво стали тратиться на внутренние нужды Афин. Но, несмотря на эксплуатацию Афинами своих союзников, последние получали и ряд преимуществ от

существования союза (безопасность от внешней угрозы, активизация экономических связей, успешная борьба с пиратством в Эгейде, поддержка Афинами демократических групп).

После отстранения спартанцев от командования военные действия продолжались — прежде всего по очищению от персов Фракии. В эти годы выдвигается Кимон, сын Мильтиада, возглавлявший действия афинского и союзного флота. Это был энергичный и способный полководец. Кимон принадлежал к землевладельческой знати, приверженной идее непоколебимости союза со Спартой. В V в. до н.э. лаконофильство — преклонение перед спартанскими порядками — становится характерной чертой идеологии аристократов в различных государствах Греции. Спартанские порядки представлялись идеалом, которому следовало всячески подражать (Кимон даже дал сыну имя Лакедемоний.).

Афинский демос, разумеется, не сочувствовал этим идеям, но популярность Кимона как удачливого полководца была велика. Под его командованием греки взяли крепость, охранявшую стратегически важные мосты через р. Стримон, и ряд других пунктов на Фракийском побережье. Очищен был от пиратов о-в Скирос, который под предлогом находки там останков легендарного афинского героя Тесея объявили афинским владением (Случайно обнаруженная во время земляных работ могила с останками человека очень высокого роста была объявлена могилой Тесея, который, по одному из вариантов мифа, погиб на Скиросе. Останки были торжественно возвращены в Афины, что, по представлениям греков, давало им право на территорию острова.). Все завоеванные области включались в Делосский союз. Когда Наксос, ранее вступивший в союз, отказался воевать под афинским командованием, Кимон силой вынудил его к покорности. Это было первым прецедентом, за которым затем последовали и другие.

После подавления Наксоса флот Кимона направился к южному побережью Малой Азии. Здесь в 468 г. до н.э. произошло последнее крупное столкновение с новым персидским флотом. Греки одержали двойную победу, разгромив силы персов на море и на суше, как и в битве при Микале. После этого персидский флот уже не отваживался выплывать в Эгейское море. Территория Делосского союза, а следовательно, сфера влияния Афин распространилась на греческие города маяоазийского побережья. Огромное число пленных было обращено афинянами в рабство.

Вскоре после этого была подавлена попытка выйти из Делосского союза о-ва Фасос, очевидно недовольного притязаниями Афин на принадлежавшую Фасосу область Фракийского побережья, богатую золотом и серебром. Фасос постигла такая же кара, как несколько лет тому назад Наксос. Характерно, что Спарта обещала помощь Фасосу против Афин. Хотя обещание, как часто бывало. Спарта выполнить не

смогла, но видно, что отношения между двумя ведущими государствами Греции, возглавившими борьбу с Персией, портились.

В 465 г. до н.э. в Спарте произошло сильнейшее землетрясение. Разрушена была большая часть жилых зданий, погибли все упражнявшиеся в то время в гимназии эфебы. Среди населения распространилась паника. Воспользовавшись этим, илоты подняли восстание. Им не удалось захватить Спарту, но они укрепились на горе Ифоме в Мессении и отбили все попытки спартиатов взять ее. Спарта обратилась за помощью в Афины. Несмотря на противодействие демократических деятелей, Кимону удалось провести через народное собрание решение о посылке отряда в помощь Спарте. Сам Кимон возглавил эту экспедицию. Однако и с приходом афинян Ифому взять не удалось.

Спарта обвинила афинян в сговоре с мятежниками и предложила им удалиться. Это событие было использовано политическими противниками Кимона: он был подвергнут остракизму и покинул Афины.

Падение Кимона означало победу демократических сил в политической жизни Афин. В 462—461 гг. до н.э. была проведена реформа Эфиальта, которая свела на нет политическую роль ареопага. Славившийся неподкупной честностью Эфиальт вначале возбудил против ряда ареопагитов обвинение в аморальных поступках и злоупотреблении своим положением. После этого он без труда провел постановление, по которому за ареопагом осталось лишь право судить за преднамеренное убийство и некоторые преступления против религии. Отнятые у него политические функции были переданы совету пятисот и гелиее. О значении реформы Эфиальта свидетельствует реакция его противников; в 461 г. до н.э. он был убит, очевидно, их агентом. Это политическое убийство не привело к ослаблению демократических сил. Их возглавил младший сподвижник Эфиальта, Перикл, при котором афинская демократия достигла своего наибольшего расцвета.

Военные действия против Персии продолжались, но значительно менее интенсивно, чем раньше. Афины и Спарта открыто враждовали. На Востоке против Персии воевали только Афины со своими союзниками. В конце 60-х годов V в. до н.э. они отправили флот в помощь восставшему против персидского владычества Египту. Одновременно сделана была попытка освободить греческие города Кипра. Упорная и длительная борьба все же закончилась поражением восставших. Афины потеряли большое число судов и людей. Однако морскую мощь Афин это не сломило. В конце 50-х годов под командованием вернувшегося после десятилетнего изгнания Кимона делается новая попытка освободить Кипр и заодно оказать помощь остаткам повстанцев в Египте, которые еще держались в Дельте Нила. Во время осады финикийского города Кития на Кипре Кимон был смертельно ранен. На обратном пути греки дали бой у побережья

Кипра иа суше и на море и одержали двойную победу. Но это обеспечило им лишь безопасное отступление.

Дальнейшее продолжение военных действий ничего не сулило ни той, ни другой стороне. Афины приняли предложение Артаксеркса I о мирных переговорах, Посольство во главе с Каллием отправилось в Сузы. В 449 г. до н.э. был заключен так называемый Каллиев мир. По его условиям Персия обязалась не посылать свои суда в Пропонтиду и Эгейское море, не держать своих войск ближе чем в трех днях пути пешим ходом от западного побережья Малой Азии. Афины обещали оставить Кипр, не помогать более Египту и вывести гарнизоны из городов Малой Азии, которые оставались в составе Делосского союза, но формально признавались подданными персидского царя.

Условия Каллиева мира известны нам только из более поздних источников. Он не принес большого почета Афинам: распространились слухи, что Каллий превысил свои полномочия и был оштрафован.

Формальное окончание греко-персидских войн имело значение прежде всего для Афин и их союзников, так как Спарта и другие государства Балканской Греции давно уже вышли из игры. Теперь Афинское государство получило возможность обратить всю энергию на укрепление и расширение своей гегемонии в союзе и влияния за его пределами, употребить огромные средства на внутренние нужды, общественное строительство. Хотя победа в греко-персидских войнах показала, как много может дать объединение сил греческих полисов, она не устранила внутри- и внешнеполитических противоречий. Напротив, усиливается соперничество двух самых сильных в Греции государств — Афин и Спарты, в которое оказываются втянутыми и другие греческие полисы.

Литература:

Глускина Л.М. Греко-персидские войны./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.159-179

Лекция 9: Расцвет афинской рабовладельческой демократии.

Политический строй.

Как уже было сказано, победа над персами особенно усилила Афинское государство. Начинается наиболее блестящий период в его истории, ознаменованный ростом внешнеполитического могущества, развитием демократических институтов, превращением Афин к подлинный центр просвещения Эллады.

Основы развития по демократическому пути были заложены еще реформами Солона и Клисфепа. В трудные годы персидских нашествий временно сгладились противоречия внутри гражданского

коллектива, усилилось влияние лакопофильски настроенных аристократических групп и возросла роль ареопага. Однако объективные условия — решающее значение флота, в котором служила беднота, укрепление самосознания демоса в результате одержанных побед — неминуемо вели к усилению демократических тенденций. Остракизм Кимопа и реформа Эфиальта означали перелом во внутренней жизни Афин. Функции, отнятые у консервативного органа — ареопага, переданы былп совету пятисот (буле), народному суду (гелиея) и народному собранию (экклесия). Политическая система была отныне целиком подчинена идее народного суверенитета.

Все вопросы внутренней и внешней политики решались в народном собрании, в котором могли участвовать все афинские граждане, независимо от имущественного положения, достигшие 20 лет (С 18 до 20 лет юноша нес военную службу, только после ее окончания он получал полные гражданские права и мог участвовать в политической жизни.). Собрание созывалось не менее 40 раз в течение года. Повестка дня была заранее известна. Регулярно слушались отчеты должностных лиц, обсуждались ассигнования на военные нужды, строительство флота и общественных сооружений, продовольственное снабжение, вопросы, касавшиеся Союзников и отношений с другими государствами.

Основной функцией экклесии было издание законов и декретов (псефисмы) — решений по частным вопросам на основе уже существующих законов. Законопроекты тщательно обсуждались. Текст нового закона, а также законов, которые отменялись им, выставлялся для всеобщего ознакомления. Затем после выступления автора законопроекта в его защиту народное собрание назначало комиссию из числа народных судей для изучения вопроса о целесообразности принятия нового закона. Обсуждение законопроекта происходило как бы в форме судебного процесса. Окончательное решение выносило народное собрание. Но и после принятия нового закона автор его в течение года мог быть привлечен к ответственности по обвинению в том, что предложил закон, противоречащий демократической конституции и существующим законам. Против него возбуждался специальный «иск о противозаконны» (графе параномон). В случае признания иска справедливым автору законопроекта грозило суровое наказание вплоть до лишения его гражданских прав. Эти меры предосторожности направлены были против попыток протасить с помощью ложных доводов законы, ослаблявшие демократический строй. Насколько они были оправданны, видно из того, что, пак только олигархам удавалось прийти к власти, они отменяли «иски о противозаконии».

В народном собрании происходили выборы должностных лип, связанных с государственными финансами, и военных. Их выбирали открытым голосованием.

Остальные должности замещались по жребию.

При принятии решений применялось как тайное, так и открытое голосование. Открыто голосовали путем поднятия рук (хейротония). Тайное голосование применялось при рассмотрении вопросов, касавшихся отдельных лиц (дарование гражданских прав, остракизм и некоторые другие). Рассматриваемые вопросы тщательно обсуждались, каждый участник собрания мог выступить со своими соображениями.

Существовала свобода слова, и ораторам разрешалось подвергать критике любые мероприятия в области внутренней и внешней политики. Право выступить имел каждый гражданин, присутствовавший на собрании.

В промежутках между народными собраниями вопросами управления ведал совет пятисот, пополнявшийся ежегодно по жребию из граждан, достигших тридцатилетнего возраста. В функции совета кроме руководства текущими делами (включая финансы, пополнение и содержание флота, государственное строительство, контроль над деятельностью должностных лиц, распоряжение государственным имуществом, отношения с союзниками, дипломатия) входила подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению в народном собрании. Совет пятисот составлял предварительный проект решения, который мог быть принят или отвергнут народным собранием. Решение, принятое без предварительного обсуждения в совете пятисот, считалось противозаконным.

При токучем составе и большой численности участников народного собрания нельзя было рассчитывать на детальное и деловое обсуждение там политических вопросов. Участие совета пятисот в их подготовке должно было предохранить от принятия необдуманных и вредных для демократии решений. Члены совета при вступлении в должность давали клятву, что будут руководствоваться в своей деятельности законами и «советовать» к наибольшему благу государства.

Совет делился на 10 частей (притании) по 50 человек от филы, каждая из которых дежурила одну десятую года. Эти 50 человек представляли одну из десяти фил, внутри которых квота представительства в совете распределялась между домами: пропорционально их величине и числу граждан в них. Число членов совета от дема колебалось от одного до десяти человек и более. Ежедневно из состава пританов по жребию взбирался председатель, которому вручались ключи от храмов, где хранились государственные документы, казна и печать.

Он же председательствовал в народном собрании, если оно выпадало на этот день. Таким образом, в течение года более половины членов совета проходили через эту почетную должность.

При сравнительно небольшом числе афинских граждан (30—40 тыс.) и том, что членом совета можно было быть только дважды, почти любой афинянин хоть раз в жизни участвовал в деятельности этого важного политического органа (Так, например, философ Сократ, принципиально уклонявшийся от политической деятельности, все же был однажды членом совета 500.).

Большую роль в политической жизни Афин играл суд присяжных — гелиея. В суде могли участвовать (и притом неограниченное число раз) все афинские граждане, достигшие тридцатилетнего возраста, независимо от имущественного ценза. Ежегодно жребием из желающих отбиралось 5000 судей и 1000 запасных. В дни судебных заседаний (их было не менее 300 в год) опять жребием судьи распределялись по судебным помещениям. Они заранее не знали, какие дела будут рассматривать, что исключало возможность подкупа и злоупотреблений. Но вследствие такой практики судьи должны были принимать решения только на основании приводимых сторонами в суде доводов. Адвокаты не допускались, каждый должен был обвинять или защищаться сам (Правда, по особому разрешению можно было другу или родственнику выступить вместо слишком юного или, наоборот, престарелого. За женщин, разумеется, выступали их опекуны.). Так как от ораторского мастерства, умения воздействовать на большую аудиторию (Число судей было разным: в зависимости от характера дела иногда превышало 500 и даже 1000 человек.), знания законов, а главное — умения их применять зависел исход дела, а далеко не всякий афинянин способен был составить необходимый текст речи, распространялось привлечение так называемых логографов. Это были сведущие в законах и искусные в риторике люди, которые по заказу и за соответствующую плату сочиняли речи для своих клиентов. Те заучивали их наизусть и затем произносили в суде (читать «по бумажке» в греческом суде дозволялось только документы, тексты законов и заранее записанные при подготовке дела свидетельские показания, и делал это не сам выступавший, а секретарь суда по его просьбе). Для выступлений существовал строгий регламент, определявшийся водяными часами (клепсидрой). Кроме доводов от фактов и законов привлеченные к суду афиняне нередко прибегали к малопочтенным средствам: старались разжалобить судей, приводили на процесс малых детей, говорили о своих заслугах перед государством, о горькой участи в случае осуждения, плакали и т.п.

Компетенция суда была чрезвычайно обширной. Разбирались частные тяжбы афинских граждан и метеков (постоянно живших в Афинах переселенцев из других областей), многие дела жителей союзных государств, процессы политического характера, дела, связанные с незаконным проникновением в списки граждан, и др. При огромном множестве подлежащих рассмотрению дел существовала определенная очередность.

Союзники, вынужденные приезжать на суд в Афины, жаловались, что им подолгу приходится ждать, пока их дела будут рассмотрены.

Впоследствии появилась категория срочных дел, которые должны были разбираться в течение месяца со дня их поступления. Это касалось прежде всего споров, связанных с торговыми сделками, кредитованием морской торговли и другими займами. Вне очереди рассматривались дела о преступлениях против государства, антидемократических заговорах, по поводу которых вносилось «чрезвычайное заявление» (исангелия). Суд был открытым, гласным. Могли присутствовать не только афиняне, но и приезжие из других государств. Решение принималось тайным голосованием, простым большинством голосов. Оно было окончательным и обжалованию не подлежало.

При вступлении в должность судьи давали клятву, что будут судить нелицеприятно, руководясь только законами и справедливостью. Председательствовавший в суде архонт никак не влиял на решение судей.

Поскольку суд пополнялся желающими, состав его был случаен, небольшая оплата была меньше дневного заработка квалифицированного работника, а заседать приходилось часто. Распространенное представление о том, что в афинском суде заседали преимущественно беднейшие граждане, не подтверждается имеющимися свидетельствами. Суд, как и народное собрание, и совет пятисот воспроизводят в разрезе социальную структуру афинского общества в целом — там представлены все слои гражданского коллектива.

Из выбиравшихся па год должностных лиц важнейшими были стратеги. Они командовали армией и флотом, следили за их состоянием в мирное время, ведали строительством военных укреплений, назначением и распределением триерархов, расходом военных средств. Вместе с советом пятисот стратеги ведали внешнеполитическими вопросами, вели дипломатические переговоры. Они могли созывать чрезвычайные сессии народного собрания, участвовать в заседаниях совета пятисот, имели приоритет в представлении письменных или устных докладов совету и народу. В отличие от других должностей переизбрание стратегов не только допускалось, но было обычным.

Эта должность требовала особой подготовки, способностей, материальных средств и доступна была немногим. Постепенно среди десяти стратегов выделяется один, как бы председатель всей коллегии, который избирается независимо от филы из всего состава граждан. Он играл руководящую роль в Афинах и в мирное время.

Архонты, замещавшиеся с 80-х годов V в. до н.э. по жребию, не играли столь большой роли, как стратеги, но сохранялась традиция счета времени по имени архонта-эпонима, в руках архонтов находилась подготовка судебных дел, контроль над священными угодами, опека сиротского имущества, назначение хорогов,

руководство религиозными процессиями, состязаниями, жертвоприношениями и др. По окончании годичного срока пребывания в должности они входили в состав ареопага, членство в котором было пожизненным. Этот орган после реформы Эфиальта не пользовался прежним авторитетом, но все же в его ведении остались некоторые судебные дела (о предумышленном убийстве, поджоге) и надзор за священным имуществом (земли Элевсина, оливы, считавшиеся священными деревьями богини Афины).

По мере роста могущества Афин, превращения Делосского союза в Афинскую морскую державу и бурного развития афинской экономики, естественно, увеличивался и аппарат управления. Множество ежегодно сменяемых должностных лиц ведало различными областями экономической, финансовой и хозяйственной жизни государства. Выборные должностные лица были и в подразделениях Афинского государства — филах, демах, фратриях. Любой афинский гражданин, хотел он того или нет, втягивался в общественно-политическую жизнь страны. В этом плане вполне правомерны слова, вложенные Фукидидом в уста Перикла: «...скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству... Мы считаем не свободным от занятий и трудов, но бесполезным того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности» (Здесь и далее перевод Ф. Мищенко — С. Жебелева.). Участие в общегосударственных праздниках, сопровождавшихся торжественными процессиями, состязаниями, жертвоприношениями и всенародными трапезами, тоже сплачивало гражданский коллектив.

Афинские граждане по праву гордились своей принадлежностью к самому демократическому в Греции государству. В Афинах любой гражданин мог выступить в народном собрании с критикой должностных лиц, вносить предложения по вопросам внутренней и внешней политики. На сцене афинского театра, особенно во время представления комедий, подвергались критике отдельные аспекты политической и общественной жизни, в карикатурном виде изображались видные государственные деятели. В трагедиях, хотя и посвященных мифологическим сюжетам, также затрагивались животрепещущие проблемы современности, Государство защищало не только жизнь и имущество своих граждан, но и свободу их личности. Афинянина нельзя было подвергнуть тюремному заключению без судебного приговора, а человек, привлеченный к суду, если не надеялся на оправдание, мог покинуть город до рассмотрения своего дела.

Разумеется, афинские граждане имели не только права, но и обязанности перед государством. По выражению одного исследователя, у них была бесспорная свобода внутри государства, но не от него. Кроме военной службы сюда относились так называемые литургии — повинности более обеспеченных афинян за свой счет готовить театральные представления (хорегия), оснащать и набирать

экипажи военных судов (триерархия), обеспечивать организацию гимнастических состязаний, всенародных угощений (по филам и демам) и др. Уклонение от политической и общественной деятельности осуждалось, частная жизнь, хотя и не подвергалась столь жестокой регламентации, как в Спарте, все же должна была подчиняться укоренившимся консервативным устоям. Полагалось приносить установленные жертвы божествам, участвовать в культах фил, демонов, фратрий и государства. Образ жизни, отклонявшийся от обычных рамок, вызывал подозрительное отношение, а в некоторых случаях, как было, например, с Сократом, использовался как повод для обвинений в антидемократизме. Чрезвычайно активная деятельность судов при многочисленном и не всегда достаточно компетентном составе их участников создавала благоприятную почву для появления и распространения профессиональных доносчиков — сикофантов, шантажировавших и вымогавших деньги под угрозой возбуждения судебного дела (Опасаясь получить сомнительную репутацию сикофантов, афиняне, выступавшие в качестве обвинителей, нередко подчеркивали, что делают это только в отмсгку за обиды, нанесенные ответчиком им или их близким.).

Афинская политическая система, самая передовая для Греции того периода, была демократией для меньшинства населения. Из нее были исключены не только рабы, не имевшие ни политических, ни элементарных человеческих прав, но и метеки. Последние по получали политических и гражданских прав, даже если жили в Афинах в течение нескольких поколений. Афинское государство было заинтересовано в увеличении числа метеков, и в некоторые периоды принимались специальные меры для их привлечения. Метеков приписывали к афинским демам, законы защищали их интересы в большей мере, чем обычных чужеземцев — ксенов (Делами метеков ведал архонт-полемарх.).

Однако метеки были отгорожены от гражданского коллектива. Они не только исключались из всякого участия в политической жизни Афин, но и не имели права владеть недвижимым имуществом — землей (Земледелием метеки могли заниматься только в качестве арендаторов частновладельческой земли.) и домами. Запимаясь преимущественно ремеслом, торговлей, работой по найму, метеки вынуждены были жить в наемных помещениях.

В то время как граждане Афин в период мира не платили прямых налогов (Со второй половины V в. до н.э. в период военных действий стали прибегать к введению чрезвычайного военного налога — эйсфоры.), для метеков существовал специальный подушный налог — метойкион.

Метеки наряду с гражданами несли военную службу, более состоятельные из них привлекались к некоторым литургиям.

Иногда за особые заслуги перед Афинским государством отдельным метекам, а в редких случаях и целым группам давались привилегии — освобождение от подушного налога, право приобрести дом и участок земли, а изредка и самая цепная награда — гражданские права. Но это было исключением из правила. В целом же масса метеков, составлявших примерно треть или четверть свободного населения Афин, не могла пользоваться благами демократического строя.

В политической жизни Афин не участвовали и женщины. Афинянки вели даже более замкнутый образ жизни, чем спартанки, получали весьма скудное образование, готовившее их только к роли матери и домашней хозяйки. Жизнь женщины ограничивалась ее домом и двориком, за пределы которых она выходила лишь в особых случаях (похороны или роды у кого-либо из близких, праздничная религиозная процессия), и то при обязательном сопровождении. Необходимые для хозяйства закупки делали муж и рабы. Когда к мужу приходили гости, жена удалялась на свою половину, участие в приемах и беседах мужчин считалось признаком дурного поведения, несовместимым с положением порядочной женщины. Жизнь, разумеется, вносила свои коррективы в эти застоявшиеся консервативные устои, но процесс ломки был болезненным.

При исключении рабов, а затем метеков и женщин из политической жизни блага демократии в Афинах оказываются благами для небольшой части населения — полноправных граждан мужского пола. Правда, следует отметить, что олигархически настроенные античные авторы, критически относившиеся к афинским порядкам и идеализировавшие в противовес им спартанские, возмущаются в числе прочего распущенностью рабов и метеков в Афинах: «... очень велика в Афинах распущенность рабов и метеков. и нельзя тут побить раба, и он перед тобой не постыдится. ...и по одежде и по внешнему виду тут народ несколько не лучше и не отличается от рабов и метеков», — писал один такой автор.

Хотя эти пристрастные суждения нельзя принимать на веру, все же при демократическом строе, по-видимому, даже не имевшему прав населению жилось привольнее, чем при олигархии. В трудные для афинской демократии времена, когда ей грозило уничтожение, рабы, а особенно метеки, принимали активное участие в борьбе против политических противников демоса.

Что касается полноправных граждан, то политический строй Афин обеспечивал им полноту политических прав и свобод. Применение жребия при замещении, должностей предполагало, что любой гражданин может быть привлечен к управлению государством. Ежегодно сменяемые должностные лица регулярно отчитывались перед народным собранием и в случае признания отчета неудовлетворительным могли быть отозваны досрочно. Даже высшие должностные лица должны были руководствоваться волей народного собрания. При всем том принцип прямого народоправства не мог быть

реально осуществлен. Народное собрание происходило достаточно часто, чтобы на нем ставились все важнейшие вопросы текущей политики. Но участвовали в собрании далеко не все граждане Афин. Жителям отдаленных от города районов приходилось затрачивать много времени на дорогу туда и обратно и отрываться от своих хозяйств. Да и горожане нередко по тем или иным причинам пропускали собрания. Характерно, что кворум, требовавшийся для решения некоторых особо важных вопросов, составлял 6000 человек, что примерно равняется 1/4 или даже 1/5 общего числа граждан.

В самом собрании, несмотря на право каждого выступать, даже не считаясь с повесткой дня, как правило, говорили люди, получившие специальное образование, включавшее тогда и искусство красноречия — риторику. Чтобы заставить многотысячную аудиторию себя слушать, а тем более убедить ее, требовались знания и особое мастерство. Такую подготовку могли получить сыновья только состоятельных афинян, и стремились к ней преимущественно выходцы из знатных семей. И не случайно, что большая часть популярных вождей афинского демоса в V в. до н.э. была аристократического происхождения.

В середине V в. до н.э. право занимать должности было распространено на граждан третьего имущественного класса Солон(Судя по «Афинской политике» Аристотеля, феты, представители четвертого имущественного класса, даже в IV в. до н.э. формально не допускались к занятию должностей, кроме судей.). Однако должности, связанные с финансовыми функциями, например казначеев, по-прежнему замещались представителями богатой верхушки. Эти должностные лица, как и военные командиры различных рангов, выбирались открытым голосованием, в то время как должности, открытые рядовому афинянину, замещались с помощью жребия.

И все же любой афинский гражданин чувствовал себя вершителем судеб своего государства.

Ведь он был полноправным участником народного собрания, без санкции которого не принималось ни одно сколько-нибудь важное решение, в том числе законы и декреты. А в суде голосами присяжных, большинство которых составляли рядовые афиняне, определялась участь многих граждан, метеков, союзников. И политическом памфлете последней четверти V в. до н.э., где подробно и критически разбирается политический строп Афин, автор заключает: «Я не одобряю их государственного устройства, но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они удачно сохраняют демократию...»

Афины в правление Перикла.

Самый блестящий период во внутренней истории Афин связан с именем Перикла. Обычно сдержанный в своих оценках Фукидид пишет об этом времени:

«На словах это была демократия, на деле правление одного человека». Во вложенной историком в уста Перикла речи в честь афинян, павших в первый год Пелопоннесской войны(Подлинный текст торжественной речи Перикла не сохранился, а тот, что приводится у Фукидида, сочинен самим историком. Но он стремился передать содержание и дух речи вождя афинской демократии.), содержится подлинный гимн демократическим Афинам: «Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям, мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим... Законы наши предоставляют равноправие для всех... политическим значением у нас в государственной жизни каждый пользуется... в зависимости от его доблести... Мы живем свободной политической жизнью и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях...»

Перикл не был создателем демократической системы правления в Афинах, но именно эта система, атмосфера политической, общественной и культурной жизни в Афинах после побед над персами и создание морской державы послужили питательной почвой для развития всех заложенных в этом человеке дарований и позволили ему наложить неизгладимый отпечаток яркой личности на историю родного города. Величие и слава Перикла были величием и славой Афи. В течение его правления сделано было столько, что это время без колебаний называют «эпохой Перикла». А длилась эта «эпоха» всего лишь пятнадцать лет. По материнской линии Перикл принадлежал к знаменитому роду Алкмеонидов, но отцу — к знатному роду Бузигов, владевших наследственными жреческими должностями. Отец Перикла Ксантипп был активным политическим деятелем, подвергался остракизму, затем был архонтом, стратегом, отличился в битве при Микале (479 г. до н.э.) и в последующих операциях. Перикл получил блестящее образование, развившее его незаурядные врожденные способности. Среди его учителей были философы Анаксагор, Зенон, теоретик музыки Дамон. От них Перикл усвоил научный трезвый подход к явлениям окружающего мира, свободу от суеверий и предрассудков, веру в силу человеческого разума, представление о царящей в мире и необходимой человеческому обществу гармонии, диалектическую систему мышления, логику доказательств.

Широкий политический кругозор, глубокие теоретические познания, тонкий художественный вкус, ораторское дарование, сочетавшее красноречие с трезвостью и логичностью ума, беспредельная преданность родному городу и его демократическому строю при безупречной личной местности определили роль Перикла в жизни Афин V в. до н.э. Называемый источниками сподвижником Эфиальта в

борьбе за реформу ареопага, Перикл выдвигается на политическую арену в конце 60-х годов. После остракизма Кимона его роль усиливается, он в качестве стратега участвует в ряде военных экспедиций — на о-в Евбея, вокруг Пелопоннеса, в Херсонес Фракийский, на о-в Самос, в Понт, активно выступает в народном собрании, ведет решительную борьбу с политическими противниками и становится все более популярным. По его инициативе был заключен мир с персами (449 г. до н.э.), тридцатилетний мир со Спартой (445 г. до н.э.), рядом мер было укреплено ведущее положение Афин в Делосском союзе.

Но только после 443 г., когда остракизмом был изгнан из Афин Фукидид, сын Мелесия, возглавивший аристократическую оппозицию после Кимона и сумевший сплотить ее в сильную организованную группу, начинается период бессменного правления Перикла. Вплоть до 430 г. он ежегодно переизбирался на должность первого стратега и был признанным беспорным главой Афинского государства, направлявшим как внутреннюю, так и внешнюю политику. Но при всем значении и влиянии Перикла он никогда не имел даже подобия диктаторской власти. В его распоряжении не было аппарата насилия, посредством которого он мог бы заставить афинский демос принять то или иное решение или провести в жизнь его предписание. Перикл вносил в народное собрание один проект за другим, и, как правило, они встречали одобрение и принимались. При существовавшей в Афинах политической системе демосу ничего нельзя было навязать, следовало убедить его в своей правоте, в пользе предложенных мер для демократического строя и государства в целом. Это было не «правление одного человека», а разумно управляемая и направляемая демократия.

Перикл не имел возможности, да и не стремился прибегать к репрессивным методам против своих политических противников в Афинах. Таким он остался в памяти потомков, и Плутарх, живший во времена, когда террористическая политика римских императоров наложила неизгладимую печать на всю жизнь империя, подчеркивает, что Перикл на смертном одре в ответ на похвалы его друзей одержанным в победы сказал, что считает самок сланной своей заслугой то, что ни один афинянин не носил траура по его вине. По словам того же Плутарха, «Перикл вел за собой народ убеждением и наставлением... то сдерживая его дерзкую самоуверенность, то при упадке духа ободряя и утешая его... сила его... была спасительным оплотом государственного строя».

Так много веков спустя, когда оценка политического деятеля давалась уже с учетом далекой перспективы, образ Перикла оставался символом незапятнанной политической репутации и глубокого личного благородства.

Внутренняя политика Перикла характеризуется заботой об укреплении и дальнейшем развитии демократии в Афинах;

стремлением обеспечить средства существования свободной афинской бедноте; поощрением литературы, искусства, театра; попытками внедрить в Афинах большую свободу быта, прежде всего в области семейных отношений.

Перикл в течение тридцати с лишним лет играл руководящую роль в политической жизни Афин, хотя бессменная его стратегия длилась менее половины этого времени (с 443 по 430 г. до н.э.). Самым значительным новшеством, введенным в Афинах при Перикле, была оплата службы должностных лиц — гелиастов, булевтов, архонтов и др. Впервые появилась реальная возможность малоимущим гражданам активно заниматься политической деятельностью. Это нововведение было настолько необходимо для афинской демократии, что было продолжено и расширено после Перикла, вплоть до назначения в самом начале IV в. до н. э. платы даже за посещение народного собрания. Антидемократическая оппозиция, разумеется, подвергала жестокой критике оплату должностей, заявляя, что это развращает народ и возлагает лишнее бремя на государственную казну.

Предпринятое в Афинах по инициативе Перикла грандиозное строительство обеспечивало работой нуждавшихся в средствах к жизни бедняков. Люди самых разнообразных специальностей и занятий — от высококвалифицированных мастеров (скульпторы, архитекторы, граверы, золотых дел мастера и др.) до простых погонщиков и грузчиков — были постоянно заняты, а Перикл вносил все новые и новые проекты в народное собрание. На Акрополе воздвигнут был знаменитый Парфенон, создание Иктина, Калликрата и Фидия. Мраморную лестницу, по которой на Панафинен, праздник в честь Афины, покровительницы города, торжественная процессия шла на Акрополь, увенчали парадными пропилеями. Акрополь был украшен статуями Афины работы Фидия, Появилось специальное здание для учрежденных Периклом музыкальных состязаний — Одеон.

Началась перестройка храма Деметры в Элевсине. Афины превращаются при Перикле в прекрасный город Греции, куда много времени спустя продолжали стекаться почитатели искусства. По словам Плутарха, эти творения, созданные в течение короткого времени, продолжали жить в веках, сохраняя при этом видимость свежести и новизны. Памятники художественного вкуса и могущества Афин не раз впоследствии спасали город от губительных разрушений победоносных завоевателей. Поднять на них руку означало посягнуть на славу и величие Эллады.

Такое впечатление Афины Перикла производили и на современников, что немало содействовало усилению престижа города среди союзников и других греков. Афины стали притягательным центром не только ради созерцания прекрасных памятников, но и для активного творчества. Художники, скульпторы, архитекторы, поэты, философы, лучшие умы Греции стремятся в Афины, подолгу живут и работают там.

Недаром Фукидид приписывает Перыклу слова: «Мы послужим предметом изумления для современников и потомства, и нам не нужен для восхваления Гомер...»

Но строительство в столь грандиозных размерах требовало больших средств. После того как союзная казна в 434 г. до н.э. была перенесена в Афины, она постепенно становится составной частью афинских финансов, а когда был заключен мир с Персией и обеспечена безопасность в Эгейском море, союзные средства стали беззастенчиво тратиться на внутренние нужды Афин, в том числе и на строительные работы. Так, обеспечение работой нуждавшихся афинян и украшение города дорого обходились членам Афинского союза. Столь же двойственные последствия имела широко проводившаяся Периклом система создания клерухий — военно-земледельческих афинских поселений на территории союзников. Клерухи сохраняли, афинское гражданство и были не только проводниками афинского влияния, но и прямыми защитниками интересов Афин (на случай недовольства или прямого мятежа). Нуждавшиеся в земле афиняне получали ее за пределами Аттики, что смягчало противоречия внутри гражданского коллектива, клерухии оттягивали часть недовольных, возможные источники внутренних смут. Клерухии были выведены на Херсонос Фракийский (1000 человек), Наксос (500), Андрос (250). в Брею во Фракии (1000), в Синопу, на о-в Евбея и др. Число афинских клерухов достигало почти 10000 человек.

Следующей формой помощи свободной бедноте, опять же сочетаемой с культурно-политическими задачами, были общегосударственные и общенародные празднества, число которых возросло в правление Перикла. Участие в них сплачивало афинян, повышало их политическое сознание, укрепляло привязанность к полису, а сопровождавшие празднества раздачи и угощения приобщали всю массу граждан к доходам государства и богатой верхушки. «Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов...» — говорит Перикл у Фукидида.

Периклу приписывается введение феорикона — зрелищных денег, которые выдавались государством беднейшим гражданам для оплаты театральных билетов. Театральные представления были составной частью общегосударственных праздников, театр играл большую роль в культурной и политической жизни Афин, был источником распространения морально-политических идей.

При Перикле были восстановлены учрежденные еще Писистратом суды по демам, что ускоряло разбирательство локальных конфликтов и освобождало сельских жителей от лишних поездок в Афины. Расширено было применение жребия при замещении должностей. Но проводя никаких радикальных реформ в области быта, Перикл личным примером должен был сильно поколебать консервативные устои

афинской семейной жизни. Женатый вторым браком на Аспасии, милетянке по происхождению, женщине, по всеобщему признанию современников, выдающегося ума, знаний и способностей, Перикл не только сделал свою жену другом и советником в своей деятельности, но и привлек её к участию в теоретических беседах на разнообразные темы науки, культуры, философии, политики, центром которых стал их дом. Аспасия принимала гостей, среди которых были выдающиеся умы и таланты Афин и Греции — Анаксагор, Софокл, Сократ, Фидий, Гипподам и др., и блистала среди них своим красноречием, глубиной незнаний, трезвостью суждений, вызывая глубокое уважение и восхищение. Пример Перикла и Аспасии оказался заразительным. Широко распространившееся в это время просвещение, публичные лекции софистов, постановка морально-этических проб-тем на сцене театра, идеи об относительности существующих представлений о добре и зле, справедливом и несправедливом, сомнения в божественном характере, а следовательно, и в незыблемости институтов, созданных людьми,— все это не могло не поколебать и консервативные семенные устои. Некоторые мужья сами приводят своих жен в дом Аспасии, чтобы они послушали ее рассуждения; бесправие и униженное положение афинской женщины становятся темой дискуссий в обществе и театре. Политическая оппозиция против Перикла, опираясь на живучесть консервативных традиций в демосе, пыталась использовать необычную для Афин атмосферу в его доме для грязных нападок на Аспасию. Ее обвинили в неблаговидном поведении, в сводничестве, и только личное заступничество Перикла, не постыдившегося умолять афинских судей, спасло Аспасию от сурового приговора. Опасность была тем более велика, что Аспасия не была афинячкой, брак ее с Периклом не признавался вполне действительным по юридическим последствиям (Подобные браки по запрещались, но по закону, внесенному самим Периклом в 451 г. до н.э., рожденные в таком браке дети не получали гражданских прав. По иронии судьбы Перикл вынужден был впоследствии просить исключения для своего сына от Аспасии, когда эпидемия унесла двух его сыновей от первого брака.), а афинский суд присяжных был вообще менее снисходителен к чужеземцам, чем к своим согражданам.

Авторитет Перикла был столь непререкаем, что оппозиция действовала окольными путями, стремясь опорочить близких ему людей. Друг и соратник Перикла по перестройке Акрополя — прославленный скульптор Фидий дважды привлекался к ответственности — один раз якобы за присвоение золота или слоновой кости, выделенных на создание статуи Афины, второй — за кощунственное изображение на щите Афины себя и Перикла среди героев, сражавшихся с амазонками. Обвинение в хищении не подтвердилось, но за кощунство Фидий был брошен в тюрьму и там умер. Гонениям подвергся и наставник Перикла Анаксагор, который вынужден был покинуть Афины.

Аристократическая оппозиция критиковала Перикла за слишком суровое обращение с союзниками, за расходование их взносов на внутренние нужды Афин. При Перикле действительно расширилась сфера влияния Афин, к союзу присоединился ряд новых городов, укрепилось афинское влияние во внутренней: жизни союзников (покровительство демократическим слоям населения, разбирательство важнейших дел союзников в афинском суде, контроль над чеканкой монеты), неукоснительно взыскивался φόρος. в своих внешнеторговых связях союзные государства должны были считаться прежде всего с интересами Афин; клерухии ущемляли союзников и материально (изъятие части земель) и морально.

В то же время даже враждебные афинской демократии авторы признавали, что в союзных с Афинами государствах большинство населения заинтересовано было в сохранении союза. Афины, как уже было сказано, поддерживали и насаждали демократические порядки, ограничивали произвол олигархических групп. Безопасность плавания в Эгейском море, обеспеченная господством афинского флота, способствовала развитию экономических и культурных связей.

Фактическое прекращение войн между членами союза позволяло жителям пользоваться всеми благами мирного существования. Небольшие греческие государства, как правило, не могли себя защищать сами и сохранять абсолютную независимость.

Смелый и решительный в области внутривластной, Перикл был сдержан и осторожен в отношениях с другими государствами. Так же как и Фемистокл, он понимал, что после отражения персидской угрозы основным противником Афин становится Спарта. При Перикле завершено было строительство так называемых Длинных стен, соединявших город с гаванью Пирей. Отныне Афины могли не опасаться нападения с суши и, отсиживаясь под укрытием стен, получать все необходимое и общаться с внешним миром с помощью своего флота. Так как угроза сухопутного нападения в это время могла исходить прежде всего от Спарты, а на море бесспорно господствовали Афины, сооружение стен было явно антиспартанским мероприятием и обеспечивало Афинам большую свободу действий в Балканской Греции. При Перикле были предприняты попытки расширить влияние Афин в Средней Греции, во Фракии, в Сицилии и Южной Италии, и даже в части Пелопоннеса (Могары, Аргос). Однако он избегал рискованных операций, предпочитая дипломатические средства, а иногда и экономическое давление. Не все его внешнеполитические начинания удались.

Предложение его созвать общеэллинский конгресс (443 г. до н.э.) для принятия совместных мер по восстановлению разрушенных персами храмов и обеспечению безопасного морского плавания было отклонено усилиями Спарты. Созданная по инициативе Перикла колония Фурии в Южной Италии, к участию в которой были приглашены все желающие, не превратилась, как было задумано, в

символ единения греков под эгидой Афин, а заполнилась выходцами из Пелопоннеса и занимала впоследствии проспартанскую позицию.

Противодействие Спарты и ее союзников распространению афинского влияния, подрывная деятельность внутри Афинского союза, опиравшаяся на поддержку там (и в самих Афинах) антидемократических сил, все более обостряли отношения двух ведущих государств в Греции, и здесь и там усиливались воинственные тенденции, руководители обеих сторон вынуждены были пойти на крайние меры, которые привели к прямому столкновению — Пелопоннесской войне.

Если аристократическая оппозиция критиковала Перикла за угнетение союзников (что в целом было с ее стороны демагогией) и призывала к тесному союзу со Спартой, порядки которой она превозносила, то усилившаяся в последний период правления Перикла радикальная оппозиция призывала к более жесткому обращению с союзниками и к активной внешней завоевательной политике. В её программе отчетливо проявлялись отрицательные стороны рабовладельческой демократии, которая не только не отменила эксплуатацию и угнетение других народов, но не могла существовать без них. Перикл, опиравшийся на свой непререкаемый авторитет и безусловную поддержку большинства афинского демоса, проводил собственную политическую линию, отражая многочисленные нападки оппозиции. Но его политика не выдержала испытаний Пелопоннесской войны. Вскоре после ее начала Перикл ушел с политической сцены, а потом и из жизни. К счастью для себя, он не дождался сокрушения мощи Афин и краха морской державы. Деятельность и личность Перикла оставили неизгладимый след в истории Афин и всей Греции.

Литература:

Глускина Л.М. Расцвет афинской рабовладельческой демократии./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.180-194

Лекция 10: Предэллинизм на Востоке.

Западные сатрапии Ахеменидской державы.

Путешествуя в середине V в. до н.э. по западным окраинам Ахеменидской державы, «отец истории» Геродот обратил внимание на многоликость этой территории, на разнообразие географических условий и этнического состава населения. Какой резкий контраст между Вавилонией, которая «из всех стран на свете... производит безусловно самые лучшие плоды Деметры (т.е. земли)», и выжженной солнцем Аравийской пустыней, между западным побережьем Малой Азии с «самым благодатным климатом на свете» и гористыми

центральными районами, где люди «едят... не столько, сколько пожелают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой».

Накануне включения Ближнего Востока в состав Ахеменидской державы в 546—525 гг. до н.э. там существовали общества с различными уровнями и типами экономики. Имелись общества па разных ступенях разложения первобытнообщинного строя, например арабы к югу от Палестины или таохи, кардухп и другие племена северо-восточной и центральной Малой Азии и Армянского нагорья. В Сирии и в западной Малой Азии преобладали общества без крупномасштабной ирригации п с превосходством общинно-частного сектора над государственным, в Нижней Месопотамии господствовало общество с речной ирригацией, развитыми товарными хозяйствами и сильным государственным сектором, а на побережьях находились финикийские и греческие полисы с высокоразвитым частным товарным хозяйством на собственно рабской основе.

Включение столь разных по уровню развития и типу экономики обществ в состав мировой державы Ахеменидов оказывало на них значительное воздействие. Основным рычагом его в десяти западных сатрапиях был государственный аппарат Ахеменидов.

Некоторые из больших сатрапий, например Заречье, т.е. Сирия и Верхняя Месопотамия, делились на более мелкие провинции, возглавляемые областеначальником — пеха. Такими провинциями в сатрапии Заречье были, например, Аммон в Заиорданье, где в V в. до н.э. должность пеха находилась в руках, местного рода Тобнадов, и Самария в Западной Палестине, где должность пеха наследовалась в семье Сапваллата (точнее, Синубаллита). Передача должности пеха местной знати усиливала стремление провинций к автономии, которую многие самоуправляющиеся территории и общности в составе западных сатрапий имели с самого начала. Формы самоуправления автономных образований были определены их историческими традициями.

Важную группу самоуправляющихся территорий составляли греческие полисы малоазиатского побережья. Они не только сохраняли свои специфические полисные институты (народное собрание, совет, пританы и т.д.), но также древние формы взаимосвязи в виде религиозно-культурных союзов. При персидском владычестве продолжал существовать образованный около 700 г. до н.э. союз 12 ионийских городов (Милет, Эфес и др.). Подобные союзы способствовали сохранению эллинской общности в Малой Азии и ротиводействовали разобщающему воздействию того, что греческие города в политическом отношении подчинялись сатрапам каждый по отдельности. Сатраиы контролировали подвластные им города через тиранов, которые пользовались поддержкой персидских властей, о чем заявил тиран Милета Гистией: «Каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дарня. Если же могущество

Дария будет сокрушено, то ни сам он — Гистией — и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом» (Геродот). В отношении персидских властей к малоазиатским полисам покровительство сочеталось с подозрительностью, стремление полисов к полной независимости беспощадно подавлялось. Но автономия полисов не была отменена.

Аналогичным было положение финикийских городов, которые управлялись собственными царями, и многочисленных династов в Карий, Пафлагонии и других областях Малой Азии. Некоторые племена были фактически независимыми, например арабы, который «никогда не были под нгом персов», или колхи, которые «налагают на себя подати в виде добровольных даров» (Геродот). Наиболее важную группу автономных образований составляли гражданско-храмовые общины (см. ниже), число которых и VI — IV вв. до н.э. заметно возросло, что свидетельствует об их существенной роли в мировой державе Ахеменидов.

Взимание Ахеменидами основного налога в серебре способствовало развитию товарно-донецких отношений и разорению земледельческого населения. Лишь некоторые сатрапии (Лидия, Киликия и др.) обладали собственными серебряными рудниками, остальные должны были приобретать серебро путем продажи продуктов земледелия и ремесленных изделий. Жители провинций Йехуд в Палестине (часть сатрапии Заречье) вносили натуральные налоги — «хлеб пеха», вино, масло и зерно (в сосудах с надписями «Йехуд», «город» или «пеха»). Вполне возможно, что нормой взимания этих налогов была широко распространенная на Востоке десятина. «Хлеб пеха», по-видимому, частично расходовался на содержание двора, администрации и войска пеха, но другая часть скапливалась в огромных хранилищах и, превращенная пеха или купцами в серебро, шла на уплату денежного налога в центральную казну.

Развитию товарно-денежных отношений содействовало также широкое дорожное строительство Ахеменидов. Через западные сатрапии проходили знаменитая «царская дорога») из Сард в Вавилон и многие другие важные пути, по которым спешили гонцы «почтовой службы», шло войско, путешествовали купцы, а иногда и жаждущие знания мудрецы. Эти дороги способствовали миграционным процессам, весьма интенсивным в ахсмеидское время. Новоассирийские и нововавилонские цари постоянно прибегали к массовым переселениям жителей покоренных стран. Ахемениды также нередко применяли принудительные переселения, по лишь как крайнюю меру наказания: Кир II продал в рабство жителей малоазиатских городов Приены и Магнесии, Дарий I выселил восставших милетян, а его полководцы угрожали мятежным ионийцам, что «в случае поражения они сами будут проданы в рабство... а их родную землю отдадим другим» (Геродот). Большая часть принудительно переселенных стала рабами в хозяйствах Ахеменидов

и персидских вельмож. Подсчеты М.А. Дандамаева доказывают, что между 509 и 494 гг. до н.э. в 108 населенных пунктах Персиды п Элама находилось более 21 тыс. рабов — мужчин, женщин и детей из представителей самых различных народностей — египтян, вавилонян, лидийцев, эллинов и др.

Основная масса принудительно переселенных лиц пополняла состав работников государственного сектора экономики, в который входила также часть лиц, добровольно переселившихся, в первую очередь воины-наемники различной этнической принадлежности. Они часто образовывали гарнизоны отдаленных пограничных крепостей; например, гарнизон в Элефантине (на юге Египта) состоял главным образом из иудеев, которые жили семьями, получали за службу вознаграждение хлебом, мясом и другими продуктами, а также небольшие наделы земли. В Вавилонии были поселения воинов малоагшатов, иранцев и др.

Большое место в миграционном процессе VI —IV вв. до н.э. занимала индивидуальная или коллективная добровольная форма переселения. К этой весьма значительной группе переселенцев относились купцы и ремесленники, обосновавшиеся в наиболее оживленных торгово-ремесленных центрах державы. Так, в Вавилонии проживали добровольно переселявшиеся саки и индийцы, иудеи и арабы, египтяне и карийцы; вездесущие финикийские купцы осели в Эционгебсере на берегу Акабского залива Красного моря. Пересолонцы чаще всего жили бок о бок с местными жителями, заключали с ними сделки и вступали в браки, почитали своих и местных богов, принимали местные имена; примеры известны из Египта и Вавилонии.

Наплыв переселенных и переселившихся был настолько значительным, что в некоторых странах, например в Вавилонии, это было одной из причин повышения в полтора раза цен на предметы потребления. В миграционном процессе VI —IV вв. до н.э. наиболее интенсивными были внутриближневосточные перемещения, а именно миграции представителей различных этнических групп Передней Азии. Эллины из материковой Греции и городов Малой Азии пока еще в меньшей степени участвовали в этом миграционном процессе, хотя греческая колонизация продолжалась в юго-восточных районах Причерноморья, Интенсивная миграция совместно с другими факторами — вхождением стран в сравнительно устойчивую державу и относительным миром в ней, дорожным строительством и развитием товарно-денежных отношений — способствовала заметным сдвигам во всех сферах хозяйственной жизни. Решающую роль в этом сыграла металлургия железа и стали, ставшая в середине I тысячелетия до н.э. основой всего производства.

Существенные сдвиги заметны и в основной отрасли производства — в сельском хозяйстве, по наиболее отчетливо они проявились в ремесле. Нет надобности говорить о дальнейшем развитии ремесленного производства в таких старых его центрах, как Нижняя

Месопотамия, Финикия или греческие полисы Малой Азии. Более показателен подъем ремесленного производства в ранее отсталых областях, например в Колхиде или Иудее. Исследования доказывают широкое развитие металлургии железа в причерноморской Грузии, где найдено большое количество железоплавильных мастерских, выплавлявших десятки тонн металла. Значительная часть местного населения была вовлечена в это производство и в другие отрасли ремесла, например в изготовление полотна.

Но менее показателен подъем ремесленного производства в городах Иудеи VI — IV вв. до н.э. Здесь процветало специализированное ремесло, представители которого были объединены в ассоциации по специальностям; например, известна ассоциация «золотых дел мастеров» в Иерусалиме. В городах работали кузнецы и резчики по камню, гончары и ткачи, красильщики и парфюмеры, а в Эйнгеди (на берегу Мертвого моря) сохранилось или возродилось производство прославленного целебного бальзама. На примере керамики из ахеменидской Палестины наглядно прослеживается плодотворное воздействие иноземного влияния на местное ремесленное производство, ибо наилучшими были те изделия, в которых сказывалось влияние Вавилонии или Греции.

Необходимым спутником подъема сельскохозяйственного и ремесленного производства была интенсификация торговли. Из Малой Азии вывозили железо, медь, серебро, золото, строительный лес и полудрагоценные камни, из Сирии — изделия на стекла, из Египта — зерно, полотно, золото и слоновую кость, из Финикии — кедр и крашеную шерсть, на Аравии — золото и благовония и т. д. Особенно характерно для VI — IV вв. до н. э. вовлечение во внешнеторговые связи районов, ранее мало участвовавших в них. Так, в Иудею теперь ввозили золото и серебро, древесину и драгоценные камни, керамику и ткани, благовония и другие товары, а вывозили бальзам, асфальт, парфюмерию, вино и т.д. Археологические находки греческих, египетских, вавилонских, южноаравийских и других изделий свидетельствуют о разветвленности торговых связей. Внешняя и транзитная торговля сочеталась с оживленной внутренней торговлей. Горожане, как нам известно на примере Иерусалима, пользовались рынками, куда крестьяне «возят снопы и навьючивают ослов вином, виноградом, смоквами и всяким грузом...». Заметную роль играли финикийские купцы, которые «жили в Иудее и привозили рыбу и всякий товар» («Книга Нехемии»). Возникла и ассоциация иерусалимских купцов. Ту же картину можно было наблюдать и в других западных сатрапиях державы.

В VI—IV вв. до н.э. торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы, но любые частные лица, нередко сочетавшие торговую деятельность с ростовщичеством. Развитию ростовщичества содействовали налоговая система Ахеменидов (поскольку у населения не хватало серебра) и оживленная торговля; ростовщичество процветало во всех западных сатрапиях. Наиболее

полные сведения о торговой, ростовщической и предпринимательской деятельности содержат архивы вавилонских частных торговых домов Эгибп и Мурашу. Особенно разносторонней была в V в. до н.э. деятельность дома Мурашу, который арендовал земли, пожалованные персидским вельможам, и сдавал их в субаренду, полученные продукты продавал на местных рынках за серебро, ссуживал серебро и зерно, являясь одновременно банком, торговым предприятием и крупным землевладельцем.

В истории древнего мира периоды интенсивной урбанизации сменялись периодами упадка городской жизни. В мировой державе Лхеменпдов происходила интенсивная урбанизация, порожденная расцветом ремесел и торговли и административными нуждами державы.

Правильность сказанного можно лучше показать не на примере старых центров городской жизни в Двуречье, Финикии или запада Малой Азии, где в VI — IV вв. до н. э. продолжался заметный рост городов, а на примере урбанизации в тех районах, где города в предшествовавшие времена были разрушены (Иудея) или вообще не существовали (Колхида, Иверия).

Экономическое развитие Колхиды и Иверии в V—III вв. до н.э. обуславливало не столько сознательное строительство городов сколько их стихийное образование (Унлицихе, Михета и др.). Городами становились лишь те поселения, которые имели наилучшие условия: надежную фортификацию, высокий уровень развития ремесленного производства, местоположение у торгового пути и т.д.

Во время завоевания Иудеи вавилонянами (597 — 586 гг. до н.э.) были разрушены почти все города, особенно на юге страны. Интенсивность процесса восстановления городов и дальнейшей урбанизации в ахеменидский период наглядно выражена в цифрах, показывающих рост численности членов гражданско-храмовой общины и количества городов до и после 458-57 г. до н.э.:

	Ранее 458-57 г.	После 458-57 г.
Численность членов общины	Ок. 42 тыс.	Ок. 150 тыс.
Количество городов	19	48

Что же представляли собой эти города? Существовало несколько «больших» городов с площадью около 7—8 га и населенной около 6,5 — 7 тыс. человек, но преобладали города средней величины (2,5—4 га) с населением около 2 — 4 тыс. человек и совсем маленькие города (0,4—1 га), в которых проживало несколько сот человек. Городское население состояло из ремесленников, купцов, лавочников и земледельцев. Последние составляли значительную часть городских жителей: каждый город имел свою сельскохозяйственную округу в радиусе 5 — 10 км за городскими укреплениями.

С интенсивным процессом урбанизации в западных сатрапиях Ахеменидской державы теснейшим образом связано развитие гражданско-храмовых общин.

Гражданско-храмовые общины в западных сатрапиях.

Своеобразный социально-политический организм, названный в советской научной литературе «гражданско-храмовой общиной» (Г, Х. Саркисян), был широко распространен во всех западных сатрапиях Ахеменидской державы. Многочисленные гражданско-храмовые общины существовали в Малой Азии (Комапа, Зела, Ольба и др.), Армении (Тордан, Анн и др.), Вавилонии (Вавилон, Ниппур, Урук и др.), Сирии (Бамшгга, Эмеса и др.) Финикии (Тир, Си дон, Бпбл, Арвад и др.) и Палестине. Палестинская община наиболее полно отражена в исторических источниках ахеменидского времени, поэтому далее мы остановимся подробнее именно на ней.

Зарождение гражданско-храмовой общины было обусловлено главным образом эволюцией и взаимосвязью двух секторов экономики — государственного и общинно-частного в державе Ахеменидов в целом и в каждой ее составной части в отдельности.

Как уже говорилось в лекции об ахеменидской Персии, установление господства Ахеменидов в Передней Азии повлекло за собой заметное увеличение и до того (со времени Ассирии) обширного царского земельного фонда за счет захвата земель побежденных правителей знати. На царских землях работали десятки и сотни рабов из чужеземцев — курташ или гарда, а часть царской земли сдавалась в аренду. На других землях сидели зависимые земледельцы, объединенные во вторичные сельские общины. Много земель Ахемениды раздавали персидским вельможам, крупным чиновникам и лицам, оказавшим царям услуги. Так, например, бывший великий противник персов Фемпстокл после бегства из Афин подучил от Артаксеркса г. Миунт «на приправу», Магнесию — «на хлеб», а Лампсак — «на вино». Но львиная доля даров или пожалований доставалась персидской знати; так, Ксенофонт в своей книге «Анабасис» рассказывает об обширном поместье перса Асидата в Мисии. Напавшие на это поместье греческие воины захватили «около 250 рабов», что составляло лишь небольшую часть рабов Асидата. Царские хозяйства, поместья знати, поселения зависимых земледельцев и наделы воинов-наемников в своей совокупности образовывали государственный сектор экономики, которому противостоял общинно-частный сектор.

В общинно-частный сектор входили территории полисов, например в Малой Азии, где часть земли находилась в частной собственности граждан, а другая — в совместной собственности всего гражданского коллектива. К этому сектору относились также многочисленные общины свободных земледельцев и обширные храмовые хозяйства, а также племена.

В ахеменидское время в обоих секторах — государственном и общинно-частном — велись практически однотипные хозяйства, что способствовало размыванию различий между ними. Этому содействовало и то, что оба сектора территориально не были обособлены, и в Ниппуре, например, соседствовали царские хозяйства и поместья персидской знати, храмовые латифундии, земли дома Мурашу и др. Многие храмы в первой половине I тысячелетия до н.э. были освобождены от ряда налогов, а в Нововавилонском государстве цари платили налоги храмам, а не храмы — царям! Правда, при Ахеменидах положение здесь изменилось. Некоторые храмовые города уже с давних времен (Вавилон и Борсина — с XIV в. до п. э.) имели самоуправление, мало или совсем независимое от царской администрации. Естественно, что в таких условиях лучше можно было развивать частные ремесленные и земледельческие хозяйства, успешнее заниматься торговлей, чем на царской земле. К этому стремилась не только верхушка царских людей, но и храмовые люди, вообще все, кто мог рассчитывать на развитие своего хозяйства, особенно товарного. Поэтому вполне естественным было желание многих жителей обособиться от государственного сектора. Такое обособление могло осуществляться путем присоединения к храмам, а срастание городской общины с храмом образовало новую структуру — гражданско-храмовую общину, которая в условиях быстрой урбанизации становилась единой организацией для бывших общинников и бывших царских людей, пользовавшейся также поддержкой персидских царей. Доказательство тому — эдикт Кира II от 539 — 538 г. до н.э.

Этот эдикт разрешил желающим из иудеев, переселенных лавлопянами в Нижнюю Месопотамию, возвратиться в Иудею и восстановить Иерусалимский храм. Он послужил началом для многократных репатриаций в конце VI — первой половине V в. до н.э., в результате которых постепенно складывалась община репатриантов, Кир II, однако, не хотел восстановления монархии Давидидов в Иудее, чего не желала и часть репатриантов, считавшая иудейских царей вавилониками постигших народ и страну бедствий. В таких условиях естественным центром собирания репатриантов и примкнувшей к ним части местных жителей стал восстанавливаемый по приказу персидских царей и опекаемый ими Иерусалимский храм, а складывавшаяся община постепенно приобретала очертания гражданско-храмовой. В её развитии в VI — IV вв. до н.э. можно выделить два периода: ранее середины V в. до н.э. — возникающая община, после середины V в. до н.э. — оформившаяся община. Как уже говорилось, это, пожалуй, единственная гражданско-храмовая община, хорошо документированная в источниках, что позволяет проследить на ней как на «модели» сложный процесс становления и развития этого своеобразного социально-политического организма.

Ранее середины V в. до н.э. община включала в себя около 20% населения Иудеи. Растущая обеспеченность и устроенность общинников, приток новых людей обусловили рост численности

членов общины до 70% населения Иудеи во второй половине V в. до н.э. Во втором периоде число населенных общинками городов возросло более чем вдвое. Община занимала шесть отдельных районов, которые, однако, и теперь не образовывали компактной территории. Между районами обитания общинников имелись поселения, в которых жили люди, по принадлежавшие к общине, а некоторая часть общинников, в свою очередь, обитала вне основных территорий общины.

Члены гражданско-храмовой общины делились на две четко разграниченные группы — пежрецов и жрецов. Нежреческая часть общинников включала в себя до середины V в. до н.э. 17, а позже — 32 коллектива, названных бет-абот («отцовский дом»). Бет-абот характеризовался большим численным составом (около тысячи мужчин) и сложной внутренней структурой, ибо включал многочисленные семьи, родственные по мужской линии. У каждого бет-абота была своя родословная и свое название, которое входило также в полное наименование каждого члена общины. Принадлежность человека к бет-аботу выражалась словом «сын», а слово «брат» обозначало всех членов данного коллектива, связанных обязанностью взаимопомощи, коллективной ответственностью и т.д. У руководства бет-абота стоял «глава», имевший права контроля над семьями в коллективе, могущий распоряжаться их трудом и, возможно, частью доходов. Аналогичные коллективы встречаются в других гражданско-храмовых общинах, например в Уруке и других автономных городах Вавилонии, где родословия восходили вплоть до II тысячелетия до н.э.

Жречество, состоявшее в палестинской гражданско-храмовой общине из священников, левитов, храмовых, певцов и привратников, по своей численности и удельному весу играло на первых порах второстепенную роль. Но после середины V в. до н.э. положение жречества в общине коренным образом изменилось: количество бет-аботов священников возросло в три раза, левитов — в четыре, а соотношение между численностью нежрецов и жрецов, бывшее до середины V в. до н.э. 5,4:1, стало позже 1:1,2. В оформившейся палестинской, как и в других гражданско-храмовых общинах, жречество играло ведущую роль. При этом следует учесть, что «жречество» в значительной мере было формальным или фиктивным, поскольку в его состав входили также лица, не выполнявшие никаких религиозно-культовых функций. «Жречеством» было скорее сословным, чем профессиональным признаком.

Весь земельный фонд палестинской гражданско-храмовой общины находился в неотчуждаемой собственности бет-абота. Земля каждого бет-абота была разделена на наделы (в основном средние и мелкие), находившиеся в наследственном, но отчуждаемом внутри бет-абота владении семей данного коллектива. Аналогичными были аграрные порядки и в других, гражданско-храмовых общинах, но в отличие от Иерусалимского храма, не имевшего особой собственной земли и

хозяйства, храмы в других общинах (Урукке, Сиштаре, Комане и др.) являлись собственниками части земли общины. Эту землю они сдавали в аренду членам общины и лишь частично эксплуатировали сами, организовав на них большие храмовые хозяйства.

Члены палестинской гражданско-храмовой общины, объединенные в бет-абот, составляли относительно однородную массу свободных и полноправных людей. Помимо них на территории общины обитали также «приселышки» и «поденщики», которые, по всей вероятности, были людьми свободными, но не принадлежали к общине и поэтому не имели своей земли, а работали в хозяйствах общинников. Там же трудились рабы, составлявшие около 18% числа членов палестинской общины. В других гражданско-храмовых общинах, особенно в тех, где храмы имели свои обширные хозяйства, количество храмовых рабов (ширку в Вавилонии, иеродулы в Малой Азии), а также зависимых земледельцев (иккару в Вавилонии, иерой в Малой Азии) было значительно больше. Так, например, Страбон сообщает, что в Малой Азии в храме Зевса в Венахах «находятся поселения почти 3000 храмовых рабов», а в храме в Комане — «храмовых рабов... больше 6000». До середины V в. до н.э. Иудея входила в состав провинции Самария или других провинций сатрапии Заречья. Поэтому и возникающая гражданско-храмовая община в административном отношении подчинялась пехе Самарии. В середине V в. до н.э. гражданско-храмовая община заметно окрепла и стала значительной силой в Палестине. Этим воспользовался Артаксеркс I (465 — 433 гг. до н. э.), при котором усилились центробежные устремления могущественных сатрапов и местных деспотов. Царь был заинтересован в создании верной ему опоры, какой стала бы гражданско-храмовая община, если ей предоставить большие привилегии. Этим объясняется обнародование в 458-57 г. царского эдикта, освободившего общинников от царского налога и предоставившего общине право собственной юрисдикции, что существенно изменило положение общины в стране.

Осуществление эдикта было поручено Эзре из рода иерусалимских первосвященников. Эзра был фанатичным и нетерпимым сторонником строжайшей самоизоляции общины и добился принятия решения о расторжении смешанных браков между общинниками и лицами, не принадлежавшими к общине. Это решение породило острые противоречия в самой общине и усилило напряженность отношений между ней и пехой соседних провинций, которые опасались чрезмерного усиления верной Ахеменидам гражданско-храмовой общины. В 455 г. до н.э. образовалась враждебная палестинской общине коалиция, в которую входили Санваллат, наследственный пехи провинции Самария, «Тобия, слуга аммонитов», наследственный пехи провинции Аммон, и «аравитянин Гешем», по всей вероятности царь Кедара, полунезависимого арабского царства на окраине Палестины. Подобные конфликты между гражданско-храмовыми общинами, с одной стороны, и сатрапами, пехой и династиями — с другой, происходили и в других странах. В таких случаях Ахемениды

нередко поддерживали гражданско-храмовые общины, как это имело место в Палестине, куда Артаксеркс I направил некоего Нехемию.

Потомок знатного иерусалимского нежреческого рода и «виночерпий» царя, гибкий и энергичный государственный деятель, Нехемия вполне соответствовал возложенной на него задаче. Он прибыл в Иерусалим в 445 г. до н.э. в качестве официально назначенного царем предводителя гражданско-храмовой общины в Иудее, которая в это время была выделена в самостоятельную провинцию йехуд, возглавляемую собственным пеха.

Перед угрозой вооруженного конфликта с враждебной коалицией Нехемия приступил к строительству оборонительной стены в Иерусалиме. Для обеспечения безопасности строителей стены, членов различных бст-аботов, Нехемия организовал отряды ополченцев из общинников, которые составляли ядро военной организации гражданско-храмовой общины. После завершения строительства стены Нехемия переселил в Иерусалим каждого десятого члена общины, и этот многолюдный (около 15 тыс. жителей), хорошо укрепленный город с храмом Яхве стал центром общинного самоуправления. Аппарат самоуправления гражданско-храмовой общины состоял из пеха и должностных лиц, из коих одни были «главы» бет-аботов, другие — жрецы храма. В экстренных случаях созывалось собрание членов общины (кахал), например для решения острого вопроса о долгах.

Размах ростовщичества в общине привел к тому, что обедневшие общинники вынуждены были, как они говорили, «отдавать сыновей наших и дочерей наших в рабов... а поля наши и виноградники наши — у других» («Книга Нехемии»), т.е. в руках богатых семей бет-абота. Это могло стать опасным для окруженной врагами общины, и Нехемия прибег к древнему закону о периодической отмене долгов и возвращении имущества должника, прежде всего захваченных земель. Это мероприятие на время приостановило концентрацию земли и укрепило относительную сплоченность общины, отраженную в принятых установлениях. Эти установления, основанные на законах «Пятикнижия», требовали строгого соблюдения субботнего дня, обязательных приношений в храм (десятина, первинки и др.), обособления членов общины от окружающих народностей. Этим завершилось оформление палестинской гражданско-храмовой общины.

Социально-политический организм, основным стержнем которого был храм Яхве, должен был возглавляться жрецом Яхве. Так было принято в других гражданско-храмовых общинах, возглавляемых жрецами, например в Пессинунте, Зеле, Ольбе и других общинах Малой Азии; в конце V в. до н.э. это было введено и в палестинской общине, во главе которой встали иерусалимские первосвященники, а в IV в. до н.э., по всей вероятности, им были переданы полномочия пеха провинции Йехуд. На протяжении двух веков Ахемениды по

большой части оказывали палестинской общине поддержку, что не исключало существенных колебаний и перерывов в этой политике. Одновременно они сохранили и даже усилили свой контроль.

Таково было отношение персидских царей и ко многим другим гражданско-храмовым общинам. Хотя среди администрации (особенно в сатрапиях и провинциях) существовало мнение, что образование таких общин подрывает целостность державы, Ахемениды, по видимому, все же склонялись к тому, чтобы считать их более надежной опорой своей власти, чем стремившихся к независимости сатрапов и дипастов. Рожденные всем ходом социально-экономического и политического развития, гражданско-храмовые общины были необходимым структурным элементом мировой державы и именно поэтому продолжали существовать в эллинистическое время.

Новые явления в культурной жизни Передней Азии VI—IV вв. до н. э.

Новые явления в культурной жизни ахеменидской Передней Азии были обусловлены всей совокупностью социально-экономического и политического развития, но особенно значительную роль сыграли четыре фактора: вхождение в состав мировой державы, наличие самоуправляющихся гражданско-храмовых общин, оживленные миграционные процессы, породившие небывалое этническое смешение, и активный синтез культуры во всех сферах жизни.

В предшествующие века основная часть носителей культуры — писцы и жрецы — была непосредственно связана с государственным сектором экономики. К VI — IV вв. до н.э. значительный отряд жрецов и иисцов вошел в состав гражданско-храмовых общин, выражая их интересы и чаяния. К этому времени среди носителей культуры увеличился удельный вес писцов, не связанных ни с корпоративным жречеством, ни с государственной администрацией. Эти писцы были менее консервативны, для них было характерно растущее осознание индивидуальности человека и его личной ответственности. Писцы были основными проводниками такого значительного явления культурной жизни VI — IV вв. до н.э., как превращение арамейского языка в официальный канцелярский язык мировой державы, па котором составлялись указы царей, деловые документы (например, наемников в Элефантине) и т.п. В некоторых странах арамейский язык стал разговорным языком, соперничая с местными языками и иногда, как во всей сатрапии Заречья и в Вавилонии, постепенно вытесняя их. Это нередко вызывало активное противодействие, например в палестинской общине, где подчеркнуто заботились о чистоте древнееврейского языка, или в Вавилонии, где в автономных гражданско-храмовых общинах продолжали читать и переписывать произведения на аккадском языке. В языковой сфере проявились две тенденции: универсалистская — тяготение к всеобщности и партикуляристская — стремление к обособленности и замкнутости. Эти

две тенденции пронизывали всю культуру ахеменидской Передней Азии, проявляясь особенно отчетливо в религии.

В Передней Азии существовало великое множество религий различных уровней и форм: примитивные верования племен и олимпийская религия эллинов, сложные политеистические религии египтян и вавилонян, монотеистический яхвизм иудеев и дуалистический зороастризм у персов. Ахемениды придерживались принципа терпимости к чужим религиям, что, как мы уже знаем, проявлялось в оказании государственной помощи культу Ахурамазды и эламского Хумбапа. храму египетского Амона и вавилонского Мардука, иерусалимского Яхве и олимпийского Аполлона, в принятии, например, утверждения, что Дарий I — царь, «рожденный (египетской!) богиней Нейт», которого «Нейт признала своим сыном».

Религиозная терпимость Ахеменидов содействовала повсеместному религиозному синкретизму.

Наглядный пример тому — малоазиатский культ Аполлона Лербенского, в котором олимпийский Аполлон слился с малоазийским Аттисом. В политеистических религиях синкретизм усиливал тенденцию к единобожию. В монотеистическом яхвизме, испытавшем воздействие дуалистического учения Заратуштры, появились очевидные универсалистские тепдепции в признании Яхве богом всех стран и всех людей: «Ко мне обратитесь и будете спасены, все концы земли... Перед мною преклонится каждое колено, мною будет клясться всякий язык» («Второ-Исаня»). Своеобразным проявлением универсализма был термин «Бог небесный», упоминаемый в официальных эдиктах персидских властей, приведенных в ветхозаветной «Книге Ездры», Если для составителей эдиктов в царских канцеляриях Ахеменидов это был, скорее всего, иранский Ахурамазда, то и восприятию членов палестинской гражданско-храмовой общины ото, несомненно, был их Яхве. В этой универсалистской тенденции сказывалось влияние самого существования мировой державы и объединительных усилий Ахеменидов.

Но эта тенденция сосуществовала с партикуляристской, которая особенно заметна в гражданско-храмовых общинах. Партикуляризм, т.е. подчеркивание взаимосвязанности коллектива со своим божеством, признание исключительности данного коллектива, был необходимым порождением самой сущности гражданско-храмовой общины, непременным условием ее самоутверждения. Свой культ был идеологическим оправданием автономии общины, ее особых обычаев и даже особого языка. Поэтому члены храмового объединения Гиргалейя (в Малой Азии) составляли посвятительные надписи по-гречески своим божествам Аполлону Лербенскому и Лето; поэтому в «Книге Ездры» после арамейского эдикта Артаксеркса I, в котором упоминается «Бог небесный», начинается древнееврейский текст: «Благословен Яхве, бог отцов наших», подчеркивавший связанность

бога с еврейской общиной; поэтому члены общины Урука нарекали сыновей по имени местного бога А ну, сохраняли особую нотариально-правовую систему и вымерший за пределами городов аккадский язык.

Противо- и взаимодействие универсализма и партикуляризма отчетливо прослеживается в традиционных жанрах самой богатой или лучше всего сохранившейся из литератур VI — IV вв. до н.э. — в ветхозаветной литературе палестинской гражданско-храмовой общины, где продолжалось создание религиозных псалмов и пророчеств, производились отбор и редактирование древних сказаний и законов, был составлен «Жреческий кодекс» и канон «Пятикнижие» (книги «Бытия», «Исхода», «Левит», «Чисел» и «Второзакония»), вмененный теперь в религиозную догму всем членам общины. Во всех этих произведениях в бесконечных вариациях разрабатывалась старая тема о всемогуществе единого бога, его всеобъемлющем господстве над всеми людьми или избранной общиной, о полной подчиненности ему всех людей и особом его договоре с членами этой общины.

Аналогичные процессы происходили в той или иной форме повсюду: не случайно в гражданско-храмовой общине в Уруке вместо прежней богини-покровительницы Иштар выдвигается местный бог неба Ану, не имевший ранее большого значения в культе, но зато лепт отождествлявшийся с «Богом небесным» Ахеменидов. Эта тема звучала также в зародившейся в среде писцов Египта, Двуречья и Палестины II тысячелетия до н.э. так называемой литературе мудрости, которая стала очень популярной в VI — IV вв. до н.э. В то же время в произведениях этого жанра — первых шести главах ветхозаветной «Книги Даниила», в найденной в Египте, в г. Элефантине, но происходящей из Месопотамии арамейской книге «Премудрости Ахпкара» и других, учащих трудному искусству праведно жить, главный герой — это человек, и в них подчеркивается значимость правильных человеческих деяний: «И муж отличный, сердце которого полно добра, подобен луку, натянутому сильным человеком» («Ахикар»).

Признание значимости человека и его деяний, возможно, было обусловлено усилением роли индивидуума в социально-экономической жизни гражданско-храмовых общин и навеяно учением зороастризма о высоком назначении человека, призванного обеспечить победу божества добра и света. Это мы обнаруживаем также в ветхозаветных исторических произведениях VI — IV вв. до н. э. Гибель государства Давидов и разрушение храма, зарождение новой формы государственности — все это заставляло пересмотреть сотворенную в первой половине I тысячелетия до н.э. картину исторических судеб парода. На рубеже V — IV вв. до н.э. создаются книги Эзры (Ездры) и Нехемии, повествующие о возникновении после пленной общины, пишется «Книга Паралипоменон», в которой во многом по-новому излагается и оценивается история Давидов. В этих произведениях, как и в исторических новеллах того времени (в ветхозаветных книгах «Руфь» и «Эсфирь», апокрифической книге «Юдифь»),

подчеркиваются активность человека и значимость его деяний, что, конечно, не означает отрицания божественной воли и провидения. Такое понимание роли божества и человека в какой-то мере сближает эти ветхозаветные произведения с первыми трудами эллинских логографов.

«А финикияне эти, прибывшие в Элладу... принесли эллинам много паук и искусств и, между прочим, письменность», — писал Геродот, выразив господствовавшее в Элладе признание великой роли восточной культуры в образовании эллинской. В VI — V вв. до н.э. восточная культура оказывала на эллинскую большее воздействие, чем последняя на восточную. Эллинское влияние более заметно в искусстве ахемспидской Передней Азии: оно сказывается в изображениях на малоазийских печатях V — IV вв. до н.э. и в скульптурах, украшавших дворцы Ахеменидов в Сузах и Персеполе, где эллинским было тяготение рельефов к объемности, широкое применение складок в изображении одежды. Однако и в изобразительном искусстве эллинское влияние уступает «внутриближневосточному», так что приходится признать преобладание «внутриближневосточного» синтеза во всех сферах культуры предэллинама.

Что такое пред эллинизм на Востоке? Это два века истории Передней Азии, когда складывались предпосылки эллинизма: интенсивная «внутриближневосточная» миграция и «внутриближневосточный» культурный синтез, заметный подъем производства и относительное выравнивание уровней социально-экономического развития, расширение товарно-денежного хозяйства и активная урбанизация, преобладание в деревнях государственного, а в городах — частного сектора экономики, относительная политическая объединенность и развитие самоуправляющихся гражданско-храмовых общин, взаимо- и противодействие универсализма и партикуляризма во многих сферах, культурной жизни, двойственность системы политического управления, сочетавшей центральную монархическую власть с автономией городских общин. В то же время гражданские общины оставались весьма разнотипными; они не нашли еще окончательных форм и не всегда были обеспечены от произвольного вмешательства в свои дела со стороны царской власти.

Литература:

Вейнберг И.П. Предэллизм на Востоке./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.195-209

Лекция 11: Пелопоннесская война.

Греческий мир на пути к междоусобной войне.

Расцвет греческих городов-государств оказался непродолжительным. Это был краткий период стабилизации и подъема между победами в греко-персидских войнах: и началом Пелопоннесской войны, причем даже и в это время стабилизация была относительной, и подъем чередовался тенденциями к разложению. В столкновении с персами греки убедительно доказали преимущества свободных гражданских общин перед персидской деспотией. Вместе с тем греко-персидские войны, стимулировав развитие интенсивных рабовладельческих форм хозяйства, способствовали росту имущественного и социального неравенства в гражданских коллективах, и они же, выдвинув в первые ряды защитников общей свободы наиболее мощные полисы — Афины и Спарту, положили начало их антагонизму. В древней Греции, в микрокосме небольших городских республик, постоянно действовали две противоположные тенденции. С одной стороны, каждая гражданская община стремилась жить вполне независимо от других, и эта тенденция полисов к автономии и автаркии, т. е. к безусловной политической и экономической независимости, на протяжении столетий оставалась причиной господствовавшей в Греции раздробленности. С другой стороны, потребности экономического развития, прежде всего торговые связи, а также необходимость совместной защиты своих интересов непрестанно побуждали греческие города к объединению, причем инициаторами этого объединения оказывались, естественно, более развитые и мощные полисы, которые пользовались этой общей тенденцией в своих государственных интересах.

Так, Спарта уже в VI в. до н.э. стала организатором Пелопоннесской лиги, объединившей консервативные по большей части общины Южной Греции. Затем в следующем столетии Афины стали организатором другого объединения — Делосского, или Афинского морского союза, который сплотил большую часть прибрежных и островных полисов, связанных общностью торговых интересов и стремлением совместными усилиями вести борьбу с персами. Ядром Пелопоннесской лиги были дорийские общины консервативного, аграрного типа, между тем как в Делосском союзе тон задавали развитые в торгово-экономическом отношении ионийские полисы. Каждое объединение, повинувшись инициативной воле своего лидера, стремилось сохранить и расширить сферу влияния и с ревнивой настороженностью следило за успехами соперничавшей группировки.

Это соперничество двух союзов — на практике прежде всего соперничество возглавлявших их Афин и Спарты — и стало главным политическим антагонизмом в Греции V в. до н.э. и привело греческий мир к всеобщему междоусобному конфликту — Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н.э.). Инициативной стороной при этом выступали в

первую очередь Афины. Потребности их быстро развивавшейся экономики и обусловленные этим социальные сдвиги побуждали афинян энергично расширять сферу влияния: искать выгодных торговых партнеров; ставить под свой контроль районы, способные поставлять строительный лес для афинского флота, сырье и хлеб; захватывать новые территории для вывода в колонии избытка аграрного населения.

Эта агрессивная политика, достигшая своей кульминации в середине V в. до н.э., в пору расцвета в Афинах рабовладельческой демократии, на разных участках приводила афинян к столкновению со Спартой, которая везде — в Пелопоннесе, на Истме, и в Средней Греции, в Беотии, и на островах Эгейского архипелага — становилась оплотом тех, кто был ущемлен Афинами. Дорийские торговые города, соперничавшие с Афинами на море, в первую очередь Мегара и Коринф, земледельческие общины, опасавшиеся за целостность своих владений, наконец, все государства с аристократическим или олигархическим строем — все обращались к Спарте за помощью против Афин, и обращения эти находили отклик тем быстрее, чем сама Спарта выше всего ставила целостность созданного ею политического единства — Пелопоннесской лиги.

Попытки Афин укрепиться на пороге Пелопоннеса — на Истме, а также и в Средней Греции уже в 50-х годах V в. привели к вооруженному столкновению между ними и Спартой. Эта так называемая Первая, или Малая Пелопоннеская война (457—446 гг. до н.э.) явилась своеобразной пробой сил. Она не принесла решающего успеха ни одной из сторон и закончилась «Тридцатилетним» миром, ставшим лишь кратким периодом подготовки к новому столкновению. Историк Фукидид писал: «Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам (т.е. спартам.— Э.Ф.) и тем вынудили их начать войну».

Хотя ясно, что война была вызвана соперничеством Афин и Спарты из-за гегемонии в Греции, тем не менее примечательно, что первоначальный конфликт развивался именно между торговыми полисами — Афинами, с одной стороны, и Коринфом и Мегарой — с другой, что позволяет говорить о значении в развязывании Пелопоннесской войны также и экономических причин.

Первым поводом к конфликту был спор с Коринфом из-за обладания преимуществом в северо-западных водах, на путях к берегам Италии. В середине 30-х гг. на восточном берегу Адриатического моря, в г. Эпидамне, основанном некогда выходцами с о-ва Керкира, вспыхнула распря между демократами и олигархами. Демократы одержали верх, но изгнанные олигархи соединились с местным негреческим населением и стали донимать своими нападениями оставшихся в городе.

Те обратились за помощью к своей метрополии Керкире, а не получив её — к Коринфу. Между Коринфом и его колонией Керкирой давно уже шло соперничество из-за господства на севере Ионийского моря, и теперь коринфяне охотно отправили в Эпидамн дополнительных колонистов и гарнизон. Это привело Коринф к вооруженному столкновению с Керкирой. Керкиряне обратились к афинянам с просьбой принять их в союз и прийти к ним на помощь. В Афинах после некоторых колебаний ответили согласием. Когда в 433 г. в проливе между Керкирой и патериком произошло сражение между керкирянами и коринфянами, афинская эскадра вмешалась и спасла керкирян от разгрома. Так спор между Коринфом и Керкирой из-за Эпидамна привел к вооруженному противостоянию Афин и Коринфа. Между тем возник второй конфликт — из-за Потидеи на п-ове Халкидика. Основанная коринфянами Потидея входила в состав Афинского морского союза. В 30-х годах повышение афинянами суммы союзной подати и установление более жесткого контроля над халкидическими городами заставили потидейцев искать сближения с Пелопоннесским союзом. В 433 г. Потидея обратилась за помощью к Коринфу и к Пелопоннесской лиге, открыто отложившись от Афин.

Из Пелопоннеса в Потидею прибыл двухтысячный отряд добровольцев. Афиняне, в свою очередь, весной 432 г. отправили против мятежного города целое войско. Наконец, добавился третий инцидент: в 433 г. афиняне обрушились и на Мегару. Она примкнула к Пелопоннесской лиге, но экономически продолжала ориентироваться на Афины, которые предоставляли рынок для сбыта ее сельскохозяйственной продукции и изделий ремесла. Афиняне оказывали на Мегару давление, дабы принудить ее порвать с Пелопоннесским союзом, а когда это давление ни к чему не привело, мегарянам были запрещены въезд и торговля в гаванях Афин и городов Афинского союза.

Обращение Потидеи и Мегары за поддержкой в Пелопоннесский союз и в особенности энергичная позиция коринфян, требовавших незамедлительного принятия ответных мер против Афин, побудили Спарту сделать решительный шаг. Осенью 432 г. до н.э. спартанское народное собрание вынесло решение о том, что афиняне виновны в нарушении «Тридцатилетнего» мира. Несколько позже в Спарте состоялся съезд пелопоннесских союзников, который постановил на этом основании начать против Афин войну. Впрочем, ввиду позднего времени года и незавершенности военных приготовлений военные действия сразу не начались, и стороны использовали зиму для мобилизации сил и обоюдных дипломатических демаршей. Инициатива на этот раз принадлежала спартамцам. Они умело использовали в своих целях внутренние осложнения в Афинах, где росла оппозиция Периклу, недовольство в городах Афинского союза, наконец, общественное мнение в остальной Греции, с тревогой следившей за усилением Афин.

Спартанцы начали с того, что предъявили афинянам требование изгнать из своего города «виновных в кощунство против богини». Речь шла о потомках аристократического рода Алкмеонидов — виновников избиения сторонников Килона, заговорщика VII в. до н.э., у жертвенника богини Афины. Перикл по матери был тоже Алкмеонидом, и потому ультиматум спартанцев метил в него. Спартанское требование было в Афинах отвергнуто.

Тогда спартанцы предъявили афинянам новые: снять осаду с Потидеи и предоставить автономию Эгинс, отменить постановление о мегарянах и, наконец, дать свободу всем греческим городам, находящимся под афинской опекой. Последнее требование было заведомо неприемлемо для афинян. Однако не только оно, но и другие, более реальные пожелания Спарты были решительно отвергнуты афинянами. Неуступчивость Афин объясняется внутренней ситуацией в городе, не позволявшей Периклу маневрировать. К концу 30-х годов политическая обстановка в Афинах стала накаляться. Положение Перикла, который единолично, твердой рукой вел государственный корабль в течение последних десяти лет, пошатнулось, и связано это было не с принципиальными расхождениями по тем или иным вопросам, а с тем лишь обстоятельством, что политику так долго направлял он один. Авторитарное положение Перикла стало вызывать недовольство в самых различных слоях и группировках — в среде постепенно возрождавшейся олигархической оппозиции, так же как и у безусловных демократов. Оппозицию этих последних возглавлял Клеон. Не решаясь критиковать политику Перикла по существу, оппозиция на первых порах ограничивалась личными нападками на него и близких ему людей, стараясь так или иначе скомпрометировать их, чтобы подорвать личный авторитет Перикла.

Одной из первых подверглась нападкам подруга Перикла милетявка Асттаспя. Спекулируя на ханжеской морали и предрассудках толпы, комический поэт Гермипп обвинил Аспасию в нечестии и сводничестве. Наставнику Перикла философу-материалисту Анаксагору было предъявлено обвинение в неверии, а другой сподвижник великого политика, знаменитый скульптор Фидий, был предан суду по обвинению в утайке драгоценных материалов, отпущенных на изготовление) статуи Афины для Парфенона. Когда же доказательств этому не нашлось, Фидию было предъявлено обвинение в преступлении против религии, поскольку на щите Афины он посмел изобразить среди прочих фигур себя самого и Перикла.

Для Аспасии Периклу удалось добиться оправдания, Анаксагор отделался штрафом и изгнанием, до Фидии был заключен в тюрьму, где позднее и умер.

Все эти нападки, несомненно, должны были сильно тревожить Перикла, и вероятно, что его непреклонная позиция в конфликтах с Пелопоннесским союзом объяснялась желанием форсировать начало

воины, чтобы по необходимости заставить народ вновь сплотиться вокруг своего испытанного руководителя. Идя навстречу войне, Перикл имел достаточно оснований рассчитывать на победу. Силы Афин выглядели весьма внушительно. Подчиненный их воле Делосский союз был крупнейшим политическим объединением в Греции. В союз с Афинами только что вступили Керкира и ряд полисов Великой Греции и Сицилии. Афины взимали форос на огромную по греческим масштабам сумму — 600 талантов (свыше 15 т) серебра в год, причем имелись и большие накопления. Сухопутное войско Афин насчитывало свыше 30 тыс. человек, из них 13 тыс. гоплитов, 1200 всадников полевой армии и 16 тыс. воинов в гарнизонах; флот состоял из 300 готовых к плаванию триер (Триера — боевой корабль с тремя рядами вёсел.), причем к ним должны были присоединиться большие союзные эскадры хиосцев, лесбосцев и коркиран.

Силы и возможности противников Афин выглядели менее внушительно. Правда, Пелопоннесский союз мог развернуть полевую армию до 60 тыс. человек. Однако флот пелопоннесцев уступал афинскому вдвое или даже втрое, а денежные возможности аграрных полисов вообще не шли ни в какое сравнение с афинскими. Характер вооружений определил и стратегические замыслы сторон. Пелопоннесцы планировали вторжение в Аттику, рассчитывая разорением сельскохозяйственной территории вызвать более слабое афинское ополчение на бой и, добившись победы в первом же сражении, сразу выиграть войну. План Перикла предусматривал на суше ограничиться обороной самих Афин и других крепостей, а активные операции вести на море. Осуществлял блокаду пелопоннесского побережья, высаживая десанты и подстрекая зависимое население к восстанию, афиняне могли надеяться на распад и крушение державы противника.

Архидамова война.

К весне 431 г. до н.э. стороны закончили свои приготовления. Военные действия открылись внезапным нападением фивапдев па союзный с Афинами беотийский город Платеи, но фиванский отряд был разгромлен. Взятые в плен воины — среди них видные фиванские аристократы — были казнены. Ответом явилось вторжение в начале лета большого пелопоннесского войска на территорию Аттики. Возглавлял пелопоннесцев спартанский царь Архидам, отчего весь первый период Пелопоннесской войны, до 421 г., часто называют Архидамовой войной.

Вторжение врагов принудило сельское население Аттики переселиться под защиту городских стен. В Афинах скопилась масса людей, часть которых разместилась у родственников и друзей, но большинство должно было искать пристанища в общественных зданиях, в храмах, в наскоро сколоченных бараках. Со стен города афинские земледельцы могли видеть, как враг уничтожал их поля и дома. В народе поднимался ропот, многие требовали дать отпор

неприятелю. Однако Перикл понимал рискованность открытого столкновения с превосходящими силами врага и сумел удержать сограждан от сражения. Опустошив северную часть Аттики, Архидам довольно скоро увел свое войско обратно в Пелопоннес, а афиняне сохранили живую силу.

Между тем афинский флот совершил рейд вокруг Пелопоннеса. Афиняне опустошали прибрежные области, присоединили к своему союзу о-в Кефалления и захватили одну коринфскую колонию. Кроме того, афиняне провели две карательные операции: с Эгины за сочувствие спартамцам были изгнаны местные жители и на их земле были поселены афинские колонисты-клерухи, а в конце года было произведено вторжение в Мегариду. В 430 г. пелопоннесцы повторили свое вторжение в Аттику; на этот раз Архидам проник глубоко на юг и оставался в стране почти полтора месяца. Вновь враги уничтожали посевы и насаждения и сжигали жилища афинских земледельцев. Разорение сельскохозяйственной территории было тяжким ударом для афинян, но еще хуже было то, что в гавани Пирее, а затем и в Афинах вспыхнула эпидемия, по-видимому, холеры; древние называли ее чумой (Историки не согласны между собой относительно того, что от была за болезнь; но медики довольно единодушно считают, что у Фукидида в данном случае описана холера.— Примеч. ред.). Говорили, что ее нарочно завезли враги, но, вероятно, она была завезена с торговыми кораблями из охваченных эпидемией Египта или Передней Азии. В городе, где на небольшом пространстве и при отсутствии элементарных гигиенических условна сгрудилось до 200 тыс. человек, эпидемия распространялась с невероятной быстротой. Эпидемия была первым непредвиденным, по закономерным осложнением, с которым пришлось столкнуться афинянам, ведшим войну по плану Порнокла. По свидетельству Фукидида, погибло около четверти боеспособного состава армии. Кроме того, велико было моральное потрясение, испытанное афинским пародом, который иод ударами судьбы начал терять уверенность в себе. Правда, боясь распространения заразы и в своем войске, Архндам очистил Аттику. В то же время Перикл с флотом предпринял новый рейд вокруг Пелопоннеса, но, кроме разорения некоторых пунктов на северном и восточном побережье, других результатов достигнуто не было. Затем флот и войско были направлены к берегам Халкидики, однако действия афинян здесь были совершенно парализованы распространением эпидемия. Болезнь погубила более трети новоприбывших воинов и перекинулась па то афинское войско, которое еще с 432 г. осаждало Потидею.

Следствием всех этих неудач было политическое падение Перикла. Летом 430 г. при выборах стратегов на следующий служебный год он впервые за последние 15 лет по был избран на эту важнейшую в Афинах должность. Оппозиция немедленно начала против Перикла судебный процесс: он был обвинен в растрате общественных денег л присужден к уплате огромного штрафа в 50 талантов. Однако отставка Перикла не привела в Афинах к изменению политического курса.

Предпринятые было попытки завязать переговоры со Спартой были скоро оставлены: ни одна сторона не хотела идти на уступки, и война была продолжена. Зимой 430/29 г. положение афинян немного улучшилось: им удалось наконец овладеть Потидеей; афинский флот вошел в Коринфский залив и начал блокаду Коринфа. Политическая обстановка в Афинах несколько разрядилась. С Перикла было снято обвинение, и он вновь был избран в стратеги. Но это был последний успех знаменитого афинского политика: осенью 429 г. он сам пал жертвой свирепствовавшей болезни.

Смерть Перикла привела в Афинах к своего рода политическому вакууму. Достойного преемника у него не нашлось. В народном собрании популярностью пользовался Клеон, но он был всего лишь демагогом; военными же делами руководил аристократ из круга Перикла Никий, заурядный стратег, который мог более или менее сносно продолжать военную часть Периклова плана, но был не в состоянии вдохнуть в него политический смысл. Отсутствие инициативного вождя почувствовалось сразу же: в 429 г, афиняне не провели ни одной активной операции. Зато противная сторона действовала энергично: пелопоннесцы начали осаду Платей и произвели два нападения на западе: на суше — против Акарнании, а на море — на афинский флот у Навпакта. Правда, обе последние акции окончились неудачей, однако было симптоматичным проявление активности пелопоннесцев на море.

428 год стал для афинян временем тяжелых испытаний. Спартанцы снова вторглись в Аттику, и почти сразу же затем вспыхнуло восстание на важном острове Лесбос. Отпадение этого острова ставило под вопрос афинское преобладание в северо-восточной части Эгейского моря, вблизи жизненно важной для Афин зоны проливов, и могло послужить опасным примером для остальных союзников.

Афиняне начали осаду главного города восставших — Митилены. Весной 427 г. в Митилены начался голод и вспыхнуло движение низов населения, которое заставило митиленских правителей капитулировать перед афинянами. Спарта упустила удобный момент напасть на Афины. В народном собрании Афин началось обсуждение того, какому наказанию подвергнуть восставших лесбосцев, чтобы их судьба послужила уроком для прочих союзников. Выражая интересы торгово-ремесленной верхушки и городского демоса, партия Клеона требовала решительного ведения войны и твердой линии в отношении союзников. Клеон предлагал всех взрослых мужчин-лесбосцев предать казни, женщин и детей продать в рабство, а земли разделить между афинскими клерухами. Этому предложению возражала другая группировка во главе с Никием. Его группа желала скорейшего окончания войны и была против любых крайних мер. Ее стараниями судьба побежденных была несколько смягчена: лесбосские города (за исключением сохранившей лояльность Метимиы) лишались остатков своей автономии и всего флота, но казни была предана лишь тысяча

наиболее активных участников восстания. Значительная часть земель на Лесбосе была выделена под наделы для 2700 афинских клеруков.

Подавление мятежа на Лесбосе потребовало от афинян напряжения всех сил и отвлекло их от других дел. Были предоставлены своей судьбе и осажденные врагами Платей. В конце концов городу пришлось сдаться (летом 427 г. до н.э., вскоре после падения Митилены); и здесь начались казни. Примерно в одно время с восстанием на Лесбосе и на Керкире сделана была попытка выйти из ставшего уже достаточно тягостным союза с Афинами.

Попытке этой, предпринятой по инициативе имущих группировок, воспротивился местный демос, и на острове началась гражданская война, в которой — главным образом на стороне демократов — приняли участие и рабы. Прибытие афинской эскадры содействовало торжеству демократов, и союз с Афинами был подтвержден. Керкирские демократы учинили резню своих противников. «В течение семи дней,— рассказывает древний историк,— керкиряне убивали из числа сограждан всех, казавшихся им врагами, обвиняя их в соучастии с теми, кто хотел ниспровергнуть демократию; иные, впрочем, пали жертвой личной вражды, другие убиты были должниками из-за денег, которые они были должны. Вообще смерть царила во всех видах, происходило все то, что обычно бывает в подобные времена, и даже больше: отец убивал сына, молящихся отрывали от святынь, убивали и подле них; некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли».

События на Лесбосе и Керкире обнаружили слабое место в афинской обороне — возможность сепаратных выступлений союзников, возможность распада державы. Война, которую афиняне вели прежде всего в собственных интересах, лишь стимулировала недовольство союзников. Вместе с тем отношение к Афинам становилось поводом к внутренней расправе в союзных городах: имущие группировки, на которые главным образом ложилось финансовое бремя, все более зажигались антиафинскими настроениями; демос, же, как правило, стоял за сохранение союза с Афинами. Следствием было все более тесное переплетение военных событий с социальными смутами, все большее превращение Пелопоннесской войны из собственно военного столкновения в всегреческий социальнополитический конфликт.

Между тем сохранение контроля над Керкирой оказалось для афинян тем более важным, что как раз в это время возросло значение западного фронта. В Сицилии также колыхнула междоусобная война, в которой одна группа полисов во главе с Сиракузами выступала против другой, состоявшей главным образом из небольших ионийских городов (Леонтины, Катана, Наксос (не смешивать с о-вом Наксос в Эгейском море.), Регий). Последним приходилось трудно, а между тем два из них — Леонтины и Регий — состояли в союзе с Афинами. Если зфיקяпе желали сохранить свое влияние на западе, им следовало

немедленно вмешаться. И действительно, осенью 427 г. в Сицилию отплыл с 20 кораблями стратег Лахет, которому довольно скоро удалось добиться крупных успехов; так, на сторону афинян перешла Мессана.

После того как в 420 г. афиняне, воодушевленные успехом, отклонили попытки Спарты начать переговоры, спартанцы в 425г. в пятый раз вторглись в Аттику. Между тем афиняне направили в Сицилию новую эскадру в 40 кораблей.

К экспедиции был прикомандирован энергичный стратег Демосфен с поручением воспользоваться этими силами для диверсии против Пелопоннеса. Незаметно от неприятеля он высадился в Пилосской бухте, на западном: побережье Мессении, и, оставшись здесь с небольшим отрядом, стал возводить у входа в бухту укрепленный форт. Известие о высадке афинян в Мессении, стране всегда готовых к восстанию илотов, заставило спартанцев немедленно прекратить вторжение в Аттику. Под Пилос были направлены значительные сухопутные и морские силы. Чтобы отрезать Демосфена от внешнего мира, спартанцы заняли гарнизоном о-в Сфактерия, закрывавший вход в Пилосскую гавань. Однако затем подошел посланный в Сицилию афинский флот разбил пелопоннесскую эскадру и начал блокаду спартанского гарнизона на Сфактерии. Спартанцы предложили начать переговоры о мире. Группа Никия, пожалуй, склонна была принять это предложение, но партия Клеона и слышать не хотела о соглашении.

В пылу спора Клеон заявил, что если бы война под Пилосом велась энергично, то Сфактерию можно было бы взять за 20 дней. Никий насмешливо предложил сопернику, человеку вполне гражданскому, самому возглавить операцию, но тот, будучи пойман на слове, и не подумал уклониться. Надо отдать должное мужеству и энергии Клеона: явившись с подкреплением к Пилосу, он вместе с Демосфеном произвел высадку десанта на Сфактерии и заставил спартанцев сдаться.

Эффект этой афинской победы под Пилосом был огромен. В руки афинян попало много знатных, спартанцев, и они пригрозили Спарте, что в случае повторения вторжения в Аттику пленники будут казнены. Афиняне теперь твердой ногой стояли в Мессении, и их присутствие здесь сковывало все действия Спарты. Вес Афин в их собственной державе также неизмеримо возрос, и, пользуясь этим, Клеон настоял на важной финансовой реформе: зимой 425/24 г. раскладка союзной подати была радикально пересмотрена; взносы отдельных городов были увеличены почти вдвое. Афиняне получили дополнительные средства для ведения наступательной войны.

Кампания 424 г. началась новым наступлением афинян: Никий овладел о-вом Кифера, лежавшим у самого лаконского побережья, а

другие стратеги, войдя в сговор с мегарскими демократами, захватили гавань Метры — Нисею.

Это была высшая точка афинских успехов, но опьяненные удачами в Мегаре афиняне задумали добиться подобного в Беотии. Афинские войска планировали с двух сторон вторгнуться в Беотию, между тем как их беотийские сторонники одновременно должны были выступить внутри страны. Однако широко задуманная операция провалилась: беотийские власти предупредили выступление демократов, из двух афинских армий вторжения одна была с уроном отброшена, а другая разгромлена на месте.

В то же время неприятным образом осложнилось для афинян положение на севере. Молодой спартанский полководец Брасид выдвинул блестящую идею — открыть новый фронт во Фракии, привлечь на свою сторону недовольных афинских союзников и нанести, таким образом, удар по тылам Афинской державы. С согласия спартанского правительства Брасид составил небольшой отряд из илотов и наемников, смело прошел через всю Грецию и появился на Халкидике. Македонский царь Пердикка немедленно перешел на сторону Спарты, а среди афинских союзников началось брожение. Продвинувшись дальше во Фракию, Брасид овладел г. Амфиполем — опорой афинского владычества на севере. Будущий историк, а тогда афинский стратег Фукидид не сумел предупредить переход Амфиполя к Спарте и поплатился за это изгнанием из Афин.

К поражениям в Беотии и во Фракии у афинян добавилось еще одно: в Сицилии греческие города, напуганные активностью афинян, договорились о прекращении междоусобной войны и поставили афинский флот перед необходимостью убраться восвояси. Эта серия неудач поколебала авторитет военной партии. Со Спартой вновь были начаты переговоры и было заключено годичное перемирие. По истечении года Клеон настоял на возобновлении военных действий. Он лично возглавил поход на север и в короткий срок восстановил афинский контроль над рядом утраченных пунктов. Однако на подступах к Амфиполю войско Клеона встретило Брасида и разбилось об эту преграду. Афиняне потерпели поражение, сам Клеон погиб в битве. Потери спартанцев были незначительны, но среди павших был также сам Брасид (422 г.).

Одновременная гибель военных лидеров обеих воюющих сторон вновь открыла дорогу мирным переговорам. Каждая сторона за десять лет войны убедилась в невозможности сокрушить своего противника. В Афинах людские и финансовые возможности были исчерпаны, прочность их морской державы оставляла желать лучшего, последние поражения сильно пошатнули уверенность в победе. Спарта, со своей стороны, непрестанно тревожилась за своих пленных сограждан. Кроме того, возникли недоразумения между нею и её пелопоннесскими союзниками — демократическими Мантинеей и Элидой. Наконец, истекал 30-летний срок перемирия с соседним

пелопоннесским государством — Аргосом, и Спарте надо было готовиться к войне с ним.

При таких настроениях в Спарте и в Афинах мир был вскоре заключен (весной 421 г.). Сторонам предстояло вернуться к положению, существовавшему до начала войны: афиняне должны были возвратить Пилос и Киферу, спартанцы — Амфиполь. Отпавшие от Афин халкидические города сохранили свою независимость, но должны были платить афинянам подать в первоначально установленном размере. Все пленные подлежали взаимному возврату. Мир этот был заключен в торжественной форме на 50 лет; по имени его афинского инициатора Никия его часто называют Никиевым миром.

Непрочное перемирие.

Заключение мира с радостью было воспринято массой простого народа. Свидетельством тогдашних настроений в Афинах может служить комедия Аристофана «Мир», поставленная в момент заключительных переговоров.

Здесь особенно ярко отражены чувства аттических земледельцев:

День счастливый, день желанный для хозяев-поселян! Увидав тебя, с весельем я встречаю сад родной. Вижу смоквы, что когда-то я мальчишкой посадил. Вас приветствовать я счастлив после долгих-долгих лет!

Однако государственные противоречия остались: их не мог устранить Никиев мир, который сам был порожден лишь временной неспособностью соперников продолжать борьбу. Заключенное в 421 г. соглашение было скорее непрочным перемирием. Державы, заключавшие договор, и не думали всерьез выполнять его условия: Спарта не обеспечила возвращения Афинам Амфиполя (спартанцы лишь отозвали свои войска, но город остался независимым), афиняне же, в свою очередь, не спешили возвращать Пилос и Киферу. Ни Коринф, который не мог смириться с тем, что Потидея и Керкира остались под афинским контролем, ни халкидические города не признали Никиева мира, что ставило под сомнение его правовую обязательность.

Последовавшее за мирным соглашением время отмечено ростом напряженности в отношениях между Спартой и ее союзниками. Растущую политическую изоляцию Спарта пыталась преодолеть искусственным сближением с Афинами, с которыми было заключено новое соглашение — о дружбе и взаимопомощи. Однако это лишь ускорило образование в недрах Пелопоннесской лиги антиспартанской коалиции: Элида, Мантинейя, Коринф, халкидические города отпали от Спарты и вступили в союз с ее вечным недругом — Аргосом. Тогда в

Спарте наконец оценили пагубность нового курса, и уже в 420 г. был возобновлен, союз с Беотией.

Между тем и в Афинах торжество мирной партии было непродолжительным. В лице Гипербола, принадлежавшего к тому же кругу зажиточных торговцев и ремесленников, что и Клеон, радикальная группировка вновь обрела нужного ей вождя, а вскоре к этой партии пристал и Алкивиад. Этот аристократ, племянник Перикла, был человеком новой формации. Он вполне усвоил представления об относительности существующих гражданских норм и праве сильной личности на преимущества и власть. В эту эпоху непрекращающегося насилия, разложения и упадка полисной морали и развития критической философии софистов подобные воззрения вошли в моду. Алкивиад был учеником Сократа. Великий философ-диалектик отвергал споры о мироздании и в беседах с многочисленными учениками учил добродетелям: умению обуздывать страсти, преодолевать опасности и соблюдать божеские и человеческие законы. В то же время он равнодушно и даже отрицательно относился к архаическим чертам народных общинных культов. В школе Сократа Алкивиад усвоил лишь умение отстаивать свое мнение в споре, искусно используя диалектику в своих интересах. Этим человеком управляло лишь честолюбие. Стремясь выдвинуться, молодой аристократ примкнул к радикальной группировке и, критикуя миротворцев, всячески ратовал за возобновление Афинами энергичной державной политики.

В 420 г. Алкивиад впервые был избран в стратеги и с этих пор непрерывно оказывал воздействие на политику своего государства, толкая его к новой войне. Свидетельством возобновления в Афинах военных настроений явилось заключение в том же, 420 г. союза с Аргосом, Мантинией и Элидой. Следствием был немедленный выход Коринфа из антиспартанской коалиции и новое сближение его со Спартой. В 419 г. Афины и Аргос начали военные действия против Эпидавра, на помощь которому пришли спартанцы, а в 418 г. дело дошло до открытой войны между Спартой и той пелопоннесской коалицией, которой помогали Афины. Вследствие неохотных действий и нерешительности Никия помощь Афин была сведена к минимуму, и Спарта в битве при Мантинее паголову разгромила противников, восстановив свою гегемонию во всем Пелопоннесе. Это привело к политическому кризису в Афинах: демократия по инициативе Гипербола решила подвергнуть остракизму политических руководителей.

Но опасность сблизил Алкивиад с Никием, и совместными голосами всех своих сторонников они добились того, что изгнанным оказался... вождь демоса Гипербол!

В ближайшие за тем годы решающим влиянием в Афинах снова пользовались Никий и Алкивиад, причем под энергичным воздействием последнего политика Афин скоро вновь обрела

инициативу и размах. После нескольких внешнеполитических успехов в 415 г. была предпринята грандиозная экспедиция в Сицилию.

Сицилийская экспедиция и Декелейская война.

В 416 г. маленький сицилийский городок Эгеста обратился к Афинам за помощью против своего соседа — дорийского Селинунта, за снопой которого стояли мощные Сиракузы. Афинских купцов увлекла перспектива утверждения на западных рынках, малоземельных крестьян — надежда на получение новых наделов на плодородной земле Сицилии, массу матросов и гребцов — возможность получать хорошее жалованье в длительном походе. Народное собрание приняло решение направить большой флот и войско, по видимости для оказания помощи Эгесте, а на самом деле для борьбы с Сиракузами и завоевания всей Сицилии. Руководство экспедицией было возложено на трех стратегов — Адквивада, Никия и Ламаха.

К весне 415 г. сборы были закончены, и огромная армада кораблей с более чем 6 тыс. воинов сосредоточилась в Пирее готовая к выступлению. Однако накануне отплытия случилось происшествие, которое бросило зловещую тень на все начатое предприятие. В одну ночь как-то злоумышленники изуродовали в Афинах все гермы — каменные столбы с изображением бога Гермеса, покровителя торговли и путешествий.

В массовом осквернении почитаемых святынь многие усмотрели не просто выходку подвыпивших молодцов, но вызов, брошенный демократии заговорщиками. Немедленно было начато следствие. Посыпались доносы, которые не дали ничего нового о гермах, но зато обнаружили новое кощунство: был обвинен в пародировании Элевсинских мистерий Алквивад. Всесильный стратег настаивал на немедленном судебном разбирательстве, однако дело было отложено, п Алквиваду пришлось отправиться в поход с пятном тяжкого подозрения.

В Сицилии афинян ожидал настороженный прием: лишь Наксос открыл перед ними ворота, а в соседнюю Катану пришлось вламываться силой. Обосновавшись в этих двух городах, афиняне предприняли плавание вдоль сицилийских берегов. Истинная цель афинского похода была уже ясна для многих сицилийцев, и в Сиракузах начали готовиться к отражению неприятеля.

Между тем в Афинах шло полным ходом следствие по делу «святотатцев». Недоброжелатели Алквивада решили воспользоваться случаем, чтобы свалить занесшегося честолюбца. Против Алквивада было возбуждено дело, а в Сицилию послали специальный корабль, чтобы вызвать стратега на суд в Афины. Алквивад последовал за гонцами, но по дороге сошел с корабля на берег и скрылся. Он не решился предстать перед судом и этим подписался под собственным обвинением. В Афинах он был заочно присужден к смертной казни,

его имя было предано проклятию, а имущество конфисковано. Отзыв Алкивиада, который был душой сицилийской экспедиции афинян, роковым образом сказался на ее исходе. Ставший главнокомандующим Никия действовал не лучшим образом. Лишь весной 414 г. афипяпе высадились под Сиракузами и начали осаду города. Сиракузяне за зиму успели возвести вокруг города новый пояс укреплений, собрали сильное войско и заручились поддержкой государств Пелопоннеса.

Они сумели остановить осадные работы афинян, предотвратив опасность вражеской блокады. Весной 413 г. сиракузяне перешли к активным действиям и на море. Афинским войскам под Сиракузами угрожал полный разгром.

Между тем возобновилась война и в самой Греции. Уже в 414г. спартанская армия вторглась в земли союзного с Афинами Аргоса. Ответом было нападение афинского флота на побережье Лаконики. Сославшись на нарушение мира Афинами (в чем афиняне обвиняли спартанцев еще в 419/18 г.), спартанское войско под командованием царя Агиса следующей весной вторглось в Аттику. По совету Алкивиада, который к тому времени перебрался в Спарту, они захватили Декелею, местечко в 20 км к северу от Афин, и взяли под непрерывное наблюдение добрую половину Аттики. Ввиду того что все свои операции против Афин спартанцы вели, базируясь на Декелето, этот заключительный период Пелопоннесской войны нередко называют Декелейской войной.

Утверждение спартанцев в непосредственной близости от Афин таило страшную угрозу. Тем не менее афипяно продолжали кампанию в Сицилии. Летом 413 г. они отправили туда новый, столь же большой флот и войско под командованием прославленного Демосфена. Прибытие такого подкрепления должно было поднять шансы афинян на победу. Однако сиракузяне, к которым тоже подошла подмога от сицилийских и пелопоннесских союзников, и не думали уступать. В двух сражениях афинский флот был разгромлен. Бросив обоз и всех, кто от ран или болезни не мог передвигаться, деморализованное войско афинян двинулось на юг Сицилии. Однако на марше корпусы Никия и Демосфена оторвались друг от друга, порознь были окружены сиракузянами и после страшной резни сдались на милость победителей. Сиракузяне заточили пленных афинян в каменоломни, а военачальников — Никия и Демосфена (Ламах погиб раньше.) — казнили как военных преступников, виновных в неспровоцированном нападении на мирное государство.

Масштабы поражения Афин в Сицилии были катастрофическими. Потери в людях и кораблях были столь велики, что их невозможно было восстановить в ближайшие годы. Спартанцы прочно засели в Декелею, и чем дальше, тем более страшным был тот урон, который они наносили Аттике: сельскохозяйственная территория разорялась, стало труднее продолжать добычу серебра в Лаврийских рудниках и в

довершение всего к врагу перебежало 20 тыс. рабов, запятых в ремесленном производстве.

Важнейшие союзники Афин — города Евбеи, Лесбоса и Хиоса — завязали тайные сношения с пелопоннесцами. Вскоре движение охватило всю Ионию и Эолиду.

Чтобы поддержать сепаратистов, Спарта нуждалась в большом флоте, но строительство его требовало огромных денег, которых у спартанцев не было. В этих условиях наметилось сближение Спарты с Персией. Спарта получила необходимые ей субсидии, но зато признала власть персидского царя над всей Малой Азией, включая прибрежные греческие города. Персия обрела возможность с помощью Спарты свести счеты со своим старым противником — Афинами.

Всю вторую половину 412 г. афиняне, напрягая силы, старались вернуть отпавших союзников. Афинскому флоту удалось вновь подчинить Лесбос, но действия против Хиоса результатов не дали, а операции под Мжлетом пришлось прекратить ввиду появления сильного пелопоннесского флота. К началу 411 г. под афинским контролем остались Лесбос, Самос, Кос и два-три города на малоазиатском побережье. Под влиянием всех этих неудач в Афинах в 411 г. разразился политический кризис. К антидемократическому движению примкнула часть командиров в афинском флоте у Самоса. Алкивиад, который успел поссориться со спартанцами и обретался при дворе персидского сатрапа Тиссаферна, вступил в контакт с афинскими военачальниками на Самосе и, со своей стороны, побуждал их к свержению изгнавшей его демократия, обещая за это содействовать заключению выгодного для афинян соглашения с персами.

Идеологом переворота стал видный софист Антифонт, а главными исполнителями военные — Писандр и Фрипих. Весной 411 г. Писандр с группой сторонников прибыл с Самоса в Афины. К этому времени город был уже охвачен антидемократическим движением: олигархические сообщества терроризировали население, вожди демоса — среди них Андрокл — были насильственно устранены. Запуганные граждане были созваны на собрание, и здесь по предложению Писандра было принято решение об изменении государственного строя: количество полноправных граждан было ограничено пятью тысячами состоятельных афинян, вся власть была передана в руки олигархического Совета четырехсот, были отменены массовые оплаты и раздачи.

Олигархия победила, но её торжество было непродолжительным. В Афинах, где большинство населения было носителем демократических традиций, отсутствовала почва для прочного и длительного существования олигархического режима. Тщетными были уже попытки олигархов поставить под свой контроль флот и войско на Самосе.

Демократически настроенные воины, матросы, гребцы и слышать не хотели об олигархии.

Командиры, сторонники переворота, были отрешены от должности, и на их место были выбраны новые.

В то же время Алкивиад, о котором пришедшие к власти в Афинах олигархи и не вспомнили, предложил свои услуги демократам на Самосе, и те, нуждаясь в его талантах полководца, приняли его в число своих командиров.

В самих Афинах правительство Четырехсот не чувствовало себя твердо. Часть олигархов во главе с Антнфонтон настаивала поэтому на немедленном соглашении со Спартой — пусть даже ценой полной капитуляции,— с тем чтобы приобрести недостающую опору в спартанцах. Против этого выступала другая, более умеренная группировка во главе с Фераменом. Однако разлад в правительстве сковывал его инициативу. Пользуясь внутренним кризисом в Афинах, спартанцы начали операции в проливах. Одного их появления там было достаточно, чтобы началось отпадение афинских союзников, и вскоре в руках афинян остались лишь Херсонс Фракийский и Лампсак на азиатском берегу. Жестокий ударом для афинян была также утрата Евбеи. па которую они привыкли смотреть как на свой домен и которая давала им не меньше хлеба, чем сама Аттика.

Отпадение Евбеи привело в Афинах к новому кризису: правительство Четырехсот пало, и к руководству пришла более умеренная группировка Ферамена (осень 411 г.). Теперь была выработана новая конституция (по которой власть передавалась собранию пяти тысяч), впоследствии заслужившая высокую оценку у сторонников умеренной политики — Фукидида и Аристотеля. Новое правительство припяло решение об амнистии Алкивиада и этим открыло дорогу к сотрудничеству с флотом. В трех последовательных сражениях Алкивиад и афиняне разгромили пелопоннесский флот и почти целиком восстановили контроль над зоной проливов. Под впечатлением этих побед демос в Афинах поднял голову, и весной 410 г. демократический строй был полностью восстановлен; вновь стало выплачиваться жалованье за исполнение судебных и иных обязанностей и даже была введена новая форма пособия нуждающимся — выдача в день двух медных монет (оболов).

В последующие годы афиняне делали все возможное, чтобы восстановить морскую державу. Своими новыми успехами они в значительной степени были обязаны энергии и искусству Алкивиада. Популярность этого полководца вновь невероятно возросла. В те тяжелые времена многие в Афинах теряли веру в политиков, действовавших традиционным путем, и проникались фанатическим убеждением, что лишь удачливый полководец, любимец богов, может еще спасти отечество от гибели.

В 407 г. Алкивиад возвратился на родину и был торжественно встречен афинским народом. Он был награжден золотым венком и назначен единоличным командующим на суше и на море. В конце того же года во главе эскадры в 100 триер Алкавизд отплыл из Афин для покорения Ионии. Между тем спартанцы восстановили свой флот, и в Эфесе афинян поджидала уже почти такая же эскадра. Командующим спартанским флотом стал Лисандр, искусный военачальник, столь же честолюбивый и столь же бесцеремонный, как Алкивиад. Он наладил хорошие отношения с новым персидским наместником в Малой Азии, царевичем Киром Младшим, который взял на себя содержание спартанского флота. Весной 406 г. Лисандру, воспользовавшемуся временным отсутствием Алкивиада, удалось нанести афинскому флоту частичное поражение. Размеры нанесенного афинянам урона были незначительны, но переменчивый в своих настроениях демос охладел к Алкивиаду, и тот не был переизбран стратегом. Обиженный Алкивиад сложил командование и удалился из Афин.

Тем временем спартанский флот вырос до 140 триер. Афинский флот был разбит и блокирован в гавани Митилены на Лесбосе. В Афинах были обращены в деньги все драгоценные посвящения, хранившиеся в храмах на Акрополе; на эти деньги был оснащен новый флот в 110 триер, на которые за нехваткой граждан посадили также метеков и освобожденных рабов. Этот флот направился к Лесбосу и в проливе между Лесбосом и материком после ожесточенного сражения разбил пелопоннесцев. Те лишились половины своих кораблей. Победа была решительная, однако подстрекаемая демагогами, истерически настроенная афинская масса обвинила стратегов в том, что они после битвы не подобрали моряков с собственных поврежденных и тонувших кораблей. Хотя обвиненные ссылались в свое оправдание на разыгравшийся шторм, всех явившихся на суд в Афины стратегов приговорили к смертной казни.

Процесс стратегов-победителей показателен для того состояния, в котором находилась в конце войны утомленная до предела, нервная и не контролирувавшая более собственных поступков афинская народная масса. На состоянии духа в войске эта выходка правящего демоса сказалась самым пагубным образом: стратеги боялись ответственных решений, воины утратили понятие о дисциплине.

Весной 405 г. спартанский флот, во главе которого стоял Лисандр, возобновил наступательные действия в Геллеспонте. Афинские стратеги заняли не слишком удачную позицию на берегу Херсонеса Фракийского у устья р. Эгоспотамы. Лисандр дождался удобного момента и напал на афинян, когда они того не ожидали. Афинские корабли стояли у берега без экипажа, и спартанцы без труда овладели ими. В руки спартанцев попало много пленных из афинян и местных жителей. Лисандр отобрал среди них собственно афинских граждан и всех их — числом до 3 тыс. — велел казнить.

Поражение при Эгосттотамах было для афинян катастрофой. У них уже не было никакой возможности восполнить потери. Судьба афинского государства была решена. Лисандр начал свой рейд вдоль афинских владений. Во всех городах он взамен изгоняемых афинских гарнизонов вводил свои собственные и устанавливал проспартапские олигархические правительства — декархии (комитеты десяти). Осенью 405 г. Лисандр со 150 кораблями появился под Афинами. Одновременно к городу с двух сторон подошли спартанские сухопутные войска. Афины были взяты в тесное кольцо блокады. В начале зимы в городе начался голод. Под его влиянием афиняне повели переговоры о мире, по требованию спартанцев, в частности срыть Длинные степы, соединявшие Афины с Пиреем, показались им чрезмерными, и переговоры были прерваны.

Однако весной 404 г. положение осажденных стало невыносимым. Сторонники мира взяли теперь верх, мир был заключен на крайне тяжелых для Афин условиях. Они теряли все свои внешние владения, должны были срыть Длинные степы и выдать спартанцам все оставшиеся корабли, кроме двенадцати, к оторые им разрешалось сохранить для защиты гаваней от пиратов. Их обязали принять обратно всех изгнанников (преимущественно врагов демократии); афинская внешняя политика целиком ставилась в зависимость от Спарты. В конце апреля 404 г. до н. э. Лисандр вступил в Афины, и немедленно при ликовании победителей началось разрушение Длинных стен. Затем Лисандр направился на Самос, где местная демократия упорно хранила верность Афинам. После длительной осады самосцы также должны были капитулировать, и на этом Пелопоннесская война действительно закончилась.

Итоги войны.

Главным итогом Пелопоннесской войны было полное и окончательное поражение Афин в их долгой борьбе со Спартой за гегемонию в Греции. В чем же были причины этого поражения афинян?

Прежде всего не выдержала проверки временем Афинская морская держава: политика Афин возбудила недовольство их союзников. Тяготы, которые афиняне возложили на своих сателлитов, превысили те выгоды, которые они доставляли им своим покровительством, и когда сила и воля лидера стали слабеть, союз распался. Другой причиной поражения Афин была несостоятельность их плана ведения войны: добиться морской войной сокрушения такого континентального государства, как Спарта, было невозможно. Ошибкой была, конечно, отдача собственной страны на разграбление врагу. Даже такой высокоразвитый город, как Афины, не мог существовать без живительной связи с сельскохозяйственной округой. Пока преимущество на море было за афинянами, их город мог существовать за счет внешних контактов, но с утратой этого преимущества Афины были обречены на голодную смерть. К этой общей неверной

ориентации добавлялись у афинян еще отсутствие устойчивого руководства, авантюризм и нервозность в осуществлении отдельных операций. Примером может служить Сицилийская экспедиция, имевшая такой трагический исход. И, наконец, разгрому Афин содействовала персидская финансовая помощь Спарте, что дало том возможность обзавестись собственным мощным флотом и нанести поражение Афинам там, где они были всего сильнее,— на море.

Что же принесла греческим полисам победа спартанцев? Спарта вела войну под лозунгом защиты эллинской свободы от афинских посягательств. Однако, поддерживая Спарту, греки не добились ровным счетом ничего. На смену афинской пришла спартанская гегемония, а поскольку она держалась исключительно силой оружия, то оказалась во сто крат тягостнее для «освобожденных».

Следствием спартанской победы было также повсеместное торжество аристократической реакции. Спарта последовательно поддерживала близкие ей по духу олигархические режимы. Характерной в этом отношении была ситуация в Афинах. Возвращение изгнанников привело к усилению антидемократического движения. Поддержанные Лисандром, олигархи навязали народному собранию решение об отмене существующей конституции и возвращении к идеальному «строю отцов». Для проведения реформы в жизнь была избрана комиссия из 30 человек, куда вошли софист Критий и Ферамен. Хотя официально политические нравы были сохранены за «тремя тысячами» наиболее состоятельных граждан, правители не считались ни с кем и превратились фактически в тиранов. Опираясь на спартанский гарнизон, они терроризировали афинян.

Репрессии обрушились на всех демократов, на влиятельных граждан, в ком «Тридцать» опасались найти противников, наконец, просто на состоятельных людей, чье богатство приглянулось кому-либо из правителей.

Между тем из Беотии в Аттику проникла группа изгнанников-демократов во главе с Фрасибулом. Инсургенты закрепились в крепости Филе, а затем двинулись па Афины, В решающем сражении у Мунихии (район Пирея) демократы разбили выступивших навстречу олигархов.

Критий пал в битве, и власть в Афинах перешла от комиссии Тридцати к новому олигархическому правительству, назначенному собранием «трех тысяч». Однако власть нового правительства распространялась только па сами Афины, в Пирее же прочно утвердились демократы. Лисандр хотел прийти на помощь олигархам, однако спартанские власти, которых тревожило чрезмерное возвышение Лисандра, остановили его вмешательство, и при их посредничестве в Афинах произошло примирение пирейской партии демократов с городской партией умеренных олигархов. Демократия была восстановлена (осень 403 г.), но это была только тень той

великой демократии, которая существовала в Афинах до поражения в войне.

Вообще значение Пелопоннесской войны было для греков но преимуществу негативным. Война уничтожила равновесие между Афинским союзом и Пелопоннесской лигой, которое позволяло полисам различных типов — торгово-промышленным и аграрным — находить условия для своего развития в среде себе подобных. Спарта не могла создать новой формы организации для развития морских полисов; ее собственное державное перерождение скоро стало ощущаться как весьма тягостное даже ее старинными союзниками. Новый мир и новая система господства были еще более непрочными, чем прежние, и очень скоро эллины были охвачены новой междоусобной распрей.

Война стимулировала разложение гражданских коллективов, она вызвала резкое обострение отношений между бедными и богатыми, между городским демосом и землевладельческой аристократией, между демократами и олигархами. Война содействовала упадку народного собрания и гражданского ополчения и, наоборот, повысила роль постоянных наемных армий и их полководцев. Война способствовала разложению и упадку также традиционной полисной морали: захватническая политика воюющих держав, своекорыстные действия политических группировок и их лидеров, авантюры полководцев — все демонстрировало условность принятых норм, все развязывало опасную для полиса инициативу сильной, критически мыслящей личности.

Пелопоннесская война выступила как мощный стимулятор тех процессов, которые в следующем столетии привели к кризису полисной системы, она сама уже была первой фазой этого кризиса.

Литература:

Фролов Э.Д. Пелопоннесская война./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.210-229

Лекция 12: Предэллинизм на западе: Греция и Македония в IV в. до н.э.

Уже в период Пелопоннесской войны, с конца V в. до н.э., мир греческих полисов вступает в состояние кризиса, который продолжает углубляться в течение IV в. до н.э., несмотря на многочисленные попытки его преодоления путем внутренних преобразований и внешнеполитической активности. Кризис, который Греция переживала в этот период, не был кризисом рабовладельческого способа производства. Рабство продолжает развиваться, наблюдается значительный прогресс в развитии товарно-денежных отношений, международной торговли. Но система небольших городов-государств, основанных на сплоченности замкнутого гражданского коллектива,

противопоставленного своими привилегиями внешнему миру, оказалась несостоятельной в условиях развития межгосударственных экономических связей, роста частной собственности, не обусловленной обязательной принадлежностью к миру данного полиса, и обострения социальных противоречия внутри свободного населения.

Социально-экономические отношения.

Как и прежде, сельское хозяйство остается основой экономической жизни Греции. Ввиду специфических природных условий преобладают мелкие хозяйства с ограниченными возможностями использования рабского труда. Тем не менее в Греции рассматриваемого периода появляются новые черты в землевладении и землепользовании. Распространяются купля-продажа земли, займы под залог земли (без ее изъятия у владельца — так называемая ипотека) и сдача земли в аренду. Продажа земли, как и займы под залог недвижимого имущества, насколько нам известно, не была законодательно запрещена в большинстве греческих государств и раньше, но лишь с конца V в. до н.э. она становится обычным явлением. Появилась возможность приобрести единовременно большие земельные владения в результате скупки продаваемых земельных участков или присвоения кредиторами заложенной земли несостоятельных должников. Наряду со старой земельной знатью, владевшей унаследованными от предков землями, выступают новые земельные собственники, люди, разбогатевшие на торговой и предпринимательской деятельности и скупавшие землю, чтобы укрепить свое общественное положение.

Однако методы обработки земли оставались прежними. Как правило, крупные земельные владения не представляли собой сплошного массива, а состояли из отдельных участков в различных частях страны. Владельцы сами не занимались хозяйством, ведение которого поручали управляющим из доверенных рабов или вольноотпущенников, а чаще сдавали землю в мелкую аренду. Таким образом, сохранялся дробный характер землепользования. Аренда была краткосрочной (один-три года) (С давних пор в аренду сдавались и общественные земли, принадлежавшие государству, филам, демам, фратриям. Там сроки были длительными — от десяти лет до наследственной аренды).

Арендаторами были граждане, нередко богатые люди, которые могли перепоручать обработку земли доверенным лицам.), и арендаторы не были заинтересованы в улучшении качества участков.

Это, разумеется, не исключало возможности попыток поднять доходность земли. В сочинении Ксенофонта «Домострой» изображен рачительный хозяин, который, скупая по дешевке запущенные земельные участки, приводит их (с помощью рабского труда) в хорошее состояние, а затем перепродает с большой для себя выгодой. Характерно, что это делается в спекулятивных целях, и земля

выступает здесь как товар, качество которого улучшают, чтобы его повыгоднее сбыть.

Несмотря на развитие на периферии греческого мира местного ремесла, в частности керамического, и в самой Греции активизируются многие виды ремесленной промышленности, особенно металлургическое, кожевенное, текстильное, парфюмерное ремесло, постоянные военные конфликты способствовали расширению производства оружия. Самая большая известная нам мастерская, где занято было 120 рабов, изготовляла щиты (Но это относится к последнему периоду Пелопоннесской войны.). Обычно же в ремесленных мастерских работало от 5 до 30 рабов. Если в сельском хозяйстве Греции (не считая специфических условий Спарты, Фессалии) в основном использовался свободный труд, то в ремесле, особенно в отраслях массового производства на экспорт, преобладал труд рабов. Ценность ремесленной мастерской (эргастерия) определялась количеством работавших там рабов. Это свидетельствует о низком техническом уровне ремесла — ценность оборудования не принимается в расчет.

Однако свободный труд в ремесле не был полностью вытеснен рабским. Только в каменоломнях и рудниках, на подземных работах, в невыносимо тяжелых условиях, трудились исключительно рабы. В других же ремеслах было также занято немало граждан. В Афинах V и IV вв. до н.э. на государственном строительстве за поденную плату и сдельно работали каменщиками, граверами, камнерезами, плотниками и т. д. свободные люди — афиняне и метеки, наряду и наравне со своими рабами. Очевидно, квалифицированному ремесленнику было выгодно, купив раба своей специальности или обучив его, затем использовать для совместной работы. О социальном составе афинского демоса свидетельствует увещание, обращенное, по воспоминаниям Ксенофонта, Сократом к одному из его знатных учеников, робевшему перед выступлением в народном собрании: «Неужели ты стесняешься валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев... А ведь из всех них и состоит народное собрание...» Однако у Ксенофонта звучит и пренебрежительное отношение к ремесленным занятиям, которые «разрушают тело работающего, заставляя его вести сидячий образ жизни... оставляют мало времени для заботы о друзьях и родном городе». Некоторые виды ремесленной и торговой деятельности считались унижительными для полноправных граждан. Так, гнушались работой, связанной с зависимостью от частных лиц (Унижительной считалась даже должность управляющего частным поместьем, не говоря уже о занятиях кормилицы, повара. Иное дело — получать плату от государства.). Не имевшие гражданских прав метеки и вольноотпущенники представляли свободный труд в тех отраслях хозяйства, от которых уклонялись граждане (обработка кожи и шерсти и изготовление изделий из них, парфюмерное дело, мелкая торговля, работа по найму у частных лиц). Их вклад в развитие экономики греческих полисов был очень велик.

Мелкие ремесленные мастерские обычно сочетались с лавкой, где продавались изделия. Они сосредоточены были в торговом центре города, в гавани, служили местом встреч, обмена новостями, политическими сплетнями, мнениями, были чем-то вроде клубов. Эти мастерские и лавчонки считались рассадниками смуты. Ремесло было тесно связано как с внутренним, так и с внешним рынком.

В IV в. до н.э. афинская гавань Пирей принимала много чужеземных судов ежедневно.

Создаются благоприятные условия для выгрузки, хранения и показа привозимых и продаваемых товаров. Особые льготы имели экспортеры хлеба, в котором остро нуждались такие полисы, как Афины. Государство, заинтересованное во взимании пошлин, принимало меры против утайки привезенных грузов и спекуляции, особенно хлебом. Экспортеры продавали его местным торговцам, которые затем сбывали его потребителям. В Афинах существовали строгие правила — не разрешалось скупать хлеб единовременно сверх установленного максимума и продавать его с большей, чем полагалось, наценкой. Специальные должностные лица следили за соблюдением этих правил, нарушителям которых грозила смертная казнь. Розничная торговля хлебом, как правило, находилась в руках метеков, Внешняя торговля тесно была связана с кредитными операциями. Многие купцы перевозили свои товары на чужих судах, только некоторые из купцов были одновременно судовладельцами. Им необходимы были средства для оплаты фрахта, закупки достаточного количества товаров, чтобы загрузить корабль. Выручить затраченные деньги они могли лишь после прибытия в порт назначения и продажи там привезенного груза.

Не имея оборотных средств, купцы обращались к процентным займам под залог груза, или, если купец был и судовладельцем, — корабля. В случае гибели корабля с грузом по пути кредитор не имел права требовать возвращения денег. Поэтому проценты при этих так называемых морских займах были очень высоки (30— 50 и выше)(Срок займа определялся временем, необходимым для плавания в один конец или туда и обратно. Он мог быть и меньше года, но процент начислялся одинаковый, без учета времени.).

В случае успешных операций морская торговля и морские займы приводили к быстрому обогащению. Многие состоятельные люди охотно вкладывают свои средства в такого рода деятельность. Но в пути груз подвергался постоянному риску из-за военных действий, пиратства, кораблекрушений. Нередко риск усугублялся для кредитора такими злоупотреблениями купцов, как займы под один и тот же груз у нескольких кредиторов, инсценировки кораблекрушений и др. Сохранившиеся судебные речи Демосфена в связи с тяжбами по таким делам дают живой материал о правах в греческой морской торговле.

Наряду с займами для морской торговли широко практиковались займы и для нужд внутренних — на обзаведение торговым или ремесленным предприятием, покупку дорогостоящей вещи, прием гостей, исполнение литургии, приданое дочери, выкуп из плена и др. В сохранившихся перечнях имущества сколько-нибудь состоятельных лиц наряду с землями, домами, рабами, дорогой утварью, как правило, фигурируют и деньги, отданные под проценты.

Кроме процентных займов развивается специфическая форма дружественных беспроцентных займов (так называемые эраны), которые обычно давались группой людей, сложившихся для оказания помощи близкому человеку или другу. Коллективный и беспроцентный характер этих займов свидетельствует о практике взаимопомощи. Возникнув среди гражданского коллектива, эти займы были восприняты и жившими в греческих полисах метеками, вольноотпущенниками, даже рабами. Они использовались порой для сбора денег на выкуп рабу. Несмотря на дружеский характер этих займов, они подлежали обязательному возврату и гарантировались иногда ипотекой, иногда поручительством третьих лиц.

Характерной фигурой деловой жизни Греции были трапезиты — своеобразные банкиры древнего мира. Они появляются уже раньше, во в IV в. до н.э. их деятельность активизируется. Трапезиты брали деньги и ценные вещи на хранение, посредничали в заемных сделках, сами давали в долг под проценты, осторожно участвовали и в кредитовании морской торговли. В отличие от обычных кредиторов трапезиты оперировали не только своими, но и чужими деньгами (вкладчиков), и в случае неудачи им грозило банкротство. Любому состоятельному афинянин не гнушался наживаться на процентных ссудах, по профессиональное занятие ростовщичеством находилось преимущественно в руках метеков. У каждого трапезита был обычно особо доверенный раб, который ведал делопроизводством и участвовал в сделках порой весьма деликатного и секретного свойства.

Эти доверенные рабы нередко получали впоследствии свободу и иногда сами становились трапезитами. Развитие товарно-денежных и кредитных отношений способствовало выделению прослойки богатых дельцов, которые наживали огромные состояния. Их экономические интересы выходили за рамки небольшого полиса, и они начинали тяготиться контролем государства и возлагаемыми на них обязанностями. Расцвет экономической жизни Греции сопровождался обострением социальных контрастов и обострением внутренних противоречий в полисе.

Кризис полиса.

Кризис греческого полиса, отчетливо ощущавшийся современниками, проявлялся в ряде аспектов.

Ослабляется традиционная связь между принадлежностью к гражданскому коллективу и земельной собственностью. Если раньше каждый гражданин обязательно владел землей на территории полиса и это было условием его полноправия, то теперь появляются безземельные не только среди бедняков, но и среди состоятельных людей. Так, например, в составе большого имущества, унаследованного известным оратором Демосфеном, были дома, деньги, отданные под проценты, квалифицированные рабы-ремесленники, ценная утварь, но не было приносящей доход земли. В комедии Аристофана «Женщины-законодательницы» одно из действующих лиц, говоря о невыполнимости предлагаемого проекта обобществления имущества, ссылается на то, что некоторым легко будет утаить его, ибо у них нет «ни сажени земли, зато серебро и червонцы и сокровища скрытые». Это не случайно. Земельный доход был надежен и устойчив, но составлял примерно 7—8% стоимости земли, процентные же ссуды давали минимум 12%, а при морских займах, как было сказано, значительно больше. Земля и дома принадлежали к «видимому имуществу», которое нельзя было утаить. Поэтому их собственники в большей мере привлекались государством к военным налогам и литургиям, бремя которых значительно возросло.

Распространение купли-продажи и залога земли создавало предпосылки для концентрации земли в руках немногих и роста числа безземельных граждан. В IV в. до н.э. возобновляются требования бедноты о перераспределении земель и отмене долгов. В ряде греческих государств (Дельфы, Гераклея Понтийская, Византии. Абидос, Хиос и др.) принимаются меры по регулированию отношения между должниками и кредиторами. Но это не было всеобщим явлением. Сохранившийся большой документальный материал о займах под залог недвижимого имущества в Афинах показывает, что займы эти нередко делались не бедняками, а состоятельными людьми ввиду временной нужды в деньгах (исполнение литургии, приданое дочери, выкуп из плена) и не обязательно вели к разорению должников.

Эксплуатация земельных владений путем сдачи их в аренду мелкими участками беднейшим гражданам, метекам и вольноотпущенникам вносила новый элемент в земельные отношения полиса. Аренда позволяла приобщаться к земледелию людям, не имевшим гражданских прав. В это время аренда в Греции не была кабальной. Арендатора с владельцем земли связывало свободное двустороннее соглашение, в течение условленного срока он мог возделывать снятый им участок по своему усмотрению. Это сближало социально арендаторов — метеков и вольноотпущенников — с жившими и работавшими по соседству мелкими землевладельцами-гражданами и пробивало брешь в стене исключительности, отделявшей полноправных членов полиса от людей, не имевших гражданских прав.

С конца V в. все более распространяется дарование в виде привилегии за какие-либо заслуги перед государством отдельным лицам — метекам или чужеземцам, иногда целым группам (обычно изгнанникам)—права владения домом и землей на территории данного полиса. Наряду с этим за особые заслуги (участие в политической борьбе, материальные траты на общественные нужды) некоторым лицам даруются и гражданские права. Поскольку это были, как правило, богатые люди, стремившиеся закрепить вновь обретенное общественное положение, они скупали в большом количестве землю и были демонстративно щедры при исполнении литургий. Так, траpezит Пасиоп, сам бывший раб траpezита, получив гражданские права, оставил детям огромное состояние, в том числе большое количество скупленной им земли. Старший его сын, выполняя дорогостоящую литургию — триерархию, потратил, подчеркивая свою признательность Афинскому государству, гораздо больше средств, чем от него требовалось, и был даже вынужден занять деньги под залог своих земель.

Ослабление связи граждан с землей сопровождалось падением характерного для древнего грека ощущения слитности со своим полисом.

Сознание неразрывности полиса и его граждан проявлялось даже в языке. Названия «Афины», «Спарта», «Коринф» обозначали лишь географические понятия, а когда речь шла о государстве как о политическом целом, говорили «афиняне», «спартанцы», «коринфяне» (Например, не «Афины вели войну со Спартой», а «афиняне со спартанцами» и т.д.). Граждане полиса отождествляли себя со своим государством, и само собой разумелось, что интересы гражданского коллектива в целом выше интересов частных лиц.

В IV в. до н.э. богатые граждане, экономические интересы которых нередко лежат за пределами узких территориальных рамок полиса (морские займы, внешняя торговля, заморские владения), начинают тяготиться низлагаемыми на них повинностями. Широко распространяется практика превращения «видимого имущества» в «невидимое» (т.е. продажа земельных владений), которая в судебных речах прямо квалифицируется как попытка скрыть подлинные размеры состояния от государства. Применяется так называемый обмен имуществом, когда лицо, привлеченное к выполнению дорогостоящей литургии, заявляло о своей несостоятельности и, предлагая взамен себя другого кандидата, в случае отказа последнего выражало готовность нести литургию, если будет произведен обмен их имущества. Источники IV в. до н.э. пестрят обвинениями по адресу некоторых из богатых граждан, уклоняющихся от выполнения своих обязанностей перед государством, В связи с непрерывными войнами, которые велись и в Балканской Греции и в Малой Азии, все чаще прибегают к чрезвычайному военному налогу — эйсфоре. В обычное время граждане греческих полисов прямых налогов не платили, и эйсфора каждый раз вводилась как единовременный налог

специальным декретом народного собрания, которое шло на эту меру очень неохотно. В некоторых случаях прибегали к проэйсфоре, заставляя богатых граждан авансировать налог государству, а затем самим собирать его с налогоплательщиков; тем по менее скапливались недоимки, для взыскания которых создавались специальные комиссии.

Ослабление полисной солидарности проявлялось и в отношении к военной службе. Служба в сухопутной армии и во флоте была тягостной для средних и беднейших слоев населения. Гоплиты и матросы во время походов получали небольшую плату для пропитания. Но их семьи оставались на это время без кормильца, а так как походы были далекими и длительными, это нередко приводило к разорению хозяйств. Уменьшалось число граждан, способных приобрести вооружение гоплита. Частые войны, ведшиеся нередко вдали от территории своего полиса, требовали большего, чем прежде, профессионального мастерства.

Все это способствовало распространению наемничества. Наемники, сделавшие военное дело своей профессией, были лучше обучены и дисциплинированнее гражданского ополчения. Их ряды пополнялись на счет разорившихся людей, политических изгнанников, искателей легкой наживы, граждан, потерявших в силу тех или иных причин связи в родном полисе. Появляются квалифицированные командиры наемников, опытные и храбрые вояки, готовые предложить свои услуги любому, кто способен платить.

Вызванное к жизни непрекращающимися войнами и социальными процессами, происходившими внутри полисов, наёмничество, в свою очередь, способствовало дальнейшему обострению внутривнутриполитического положения в Греции к появлению возможности использования наемников для захвата власти, завоевания чужой территории, просто грабежа. Сами наемники, жившие войной, не мирились с обстановкой мира. Возникают предпосылки для авантюры как внутри-, так и внешнеполитических. Независимо от результатов своей деятельности наемники требовали платы. По выражению одного античного автора, их тела принадлежат тому, кто дороже платит, а верность длится до тех пор, пока есть деньги в военной кассе. Содержание наемников создавало финансовые трудности для греческих полисов. Нередко они целиком перелагали это бремя на своих полководцев. Известный афинский стратег Тимофей заложил все свои земельные владения кредиторам и оказался неоплатным должником, так как был вынужден сам изыскивать средства для оплаты своих воинов. Другие стратеги искали выхода, грабя не только вражеские территории, но и нейтральные и даже союзные. Нередко прибегали к пиратским действиям на море и в прибрежных областях. Это вызывало естественную реакцию потерпевших и порождало новые военные конфликты.

Наряду с большими расходами на военные нужды государствам с демократическим политическим строем нужно было изыскивать средства на оплату должностных лиц, общественное строительство, помощь беднейшим гражданам. Свободное обращение земельной собственности и развитие товарно-денежных отношений способствовали росту имущественного неравенства. Увеличивается число неимущих граждан. Тем не менее сохранившиеся документы о людях, занятых на строительных работах в Афинах, показывают уменьшение среди них удельного веса граждан за счет увеличения числа метеков и рабов. И дело не в том, что работодатель-государство предпочитало последних: оплата не зависела от социального статуса работников. Очевидно, афинские граждане не были кровно заинтересованы в этих работах. Тем более не стремились они к считавшейся унижительной работе по найму у частных лиц. Но любой бедняк-гражданин считал себя вправе требовать помощи от государства и более богатых сограждан. Число богачей в греческих полисах IV в. до н.э. и объем сконцентрированных в их руках состояний были не меньше, чем в V в. до н.э., но ослабела их готовность тратить средства на государственные и общественные нужды. Впервые в истории греческих полисов проявляется в столь острой форме конфликт между интересами государства и частных лиц. Богатые граждане не стесняясь тратят огромные средства на предметы роскоши, дорогую домашнюю утварь, драгоценности, а у государства нет средств на самое необходимое. По словам Демосфена, предки афинян «передали нам в наследство Пропилея... портики и прочие сооружения, которыми украсили город; напротив... дома Фемистокла, Кимона, Аристиды и других знаменитых людей того времени... не были великолепнее ...чем дом соседа. Л теперь... наше государство довольствуется тем, что сооружает дороги, водопроводы, белит степы и делает еще разные пустяки... Зато в частной жизни люди, ведавшие общественными делами ...соорудили себе дома роскошнее общественных зданий».

Государства изыскивают меры для пополнения казны. В Афинах в IV в. до н.э. вновь оживляется деятельность Лаврийских серебряных рудников. Они принадлежали государству, которое сдавало их в разработку частным предпринимателям за определенную плату. Издаются законы, поощряющие внешнюю торговлю (срочное рассмотрение торговых тяжб, привилегии и почести чужеземным купцам, особенно ввозившим хлеб), что должно было увеличить доходы от торговых пошлин. Археологические раскопки свидетельствуют об улучшениях в торговой гавани Афин — Пирее, Наряду с практическими мерами, принимавшимися государством, над большими вопросами работает и теоретическая мысль. В середине IV в. до н.э. появляется сочинение Ксенофонта «О доходах». Автор рекомендует привлечь в город побольше метеков, освободив их от некоторых тягостных повинностей (например, от службы гоплитами) и дав льготы, в частности право застраивать пустовавшие в городе участки. Далее он советует улучшить материальные условия для

развития внешней торговли, а главное — построить государственные торговые суда и сдавать их в аренду частным лицам (Афинское государство владело только военным флотом, торговые суда принадлежали частным лицам.). Ксенофонт предлагает государству скупить как можно большее число рабов и сдавать их внаем частным предпринимателям, бравшим Лаврийские серебряные рудники в разработку. Через все сочинение красной нитью проходит мысль: государство должно обогащаться теми же способами, что и частные лица — рабовладельцы и предприниматели. В отличие от государств древнего Востока в греческих полисах не было государственного сектора хозяйства, приносящего сколько-нибудь прочные и значительные доходы. Плата от сдаваемых в аренду государственных и общественных земель шла на содержание святилищ, жертвоприношения, празднества и не была серьезным источником пополнения казны.

Постоянная острая финансовая нужда усугубляла тяжелое внутреннее положение греческих полисов. Государство не было в состоянии так, как это делалось прежде, различными мерами нивелировать уровень материального благосостояния своих граждан. Противоречия между богатыми и бедными, резкие социальные контрасты становятся характерной чертой жизни греческих полисов.

«Один на широкой пашет полосе, а у других нет земли на могилу», — пишет Аристофан.

Кто завладел талантами тринадцатую,
 Тот только и мечтает о шестнадцатую,
 Получит их — о сорока он думает.
 Благочестив и справедлив я бил всегда,
 Но был и беден и несчастлив...
 Кто ж богател? Безбожники, ораторы,
 Доносчики и негодяи. (Перевод В. Холмского.).

В демократических полисах, где все вопросы решались в народном собрании и судах, богачи боялись судебных процессов, сопровождавшихся конфискацией имущества, и вынуждены были заискивать перед профессиональными доносчиками — сикофантами, откупаясь от них, чтобы не доводить дела до суда. Ксенофонт, сгущая, разумеется, краски, влагает в уста бывшего афинского богача следующее рассуждение; «Когда я был богат, я боялся, чтобы кто не прокопал стены в моем доме и не забрал деньги... Я ухаживал за сикофантами, так как знал, что скорее я могу через них впасть и беду, чем они через меня... Я всегда получал требование сделать то или другое для города, а выехать из Афин мне не позволяли. Теперь, когда заграничных имений я лишился, от здешних не получаю дохода, а домашнее имущество все распродано, — теперь я сплю, спокойно растянувшись; город мне доверяет, никто мне больше не грозит, а я уже грожу другим ...передо мной уже встают с мест и уступают дорогу на улице богатые... Тогда я платил налог народу, а теперь город...

содержит меня». Сходные мысли мы читаем и у оратора Исократ, выразившего, как и Ксенофонт, идеологию рабовладельческой верхушки: «В дни моего детства можно было безопасно называться богачом, а люди гордились своим богатством. Теперь же, насколько возможно, утаивают свое состояние, так как считаться богатым опаснее, чем совершить преступление».

Богатая рабовладельческая верхушка опасалась бедноты, посягавшей на её имущество и привилегированное положение в обществе. В Афинах дело сводилось преимущественно к дебатам в народном собрании, судебным процессам и литературной полемике. Но и здесь проблема была достаточно острой. Лисий пишет в начале IV в. до н.э.:

«...согласие — величайшее благо для государства, а раздор — причина всяких бедствии... люди ссорятся друг с другом больше всего из-за того, что одни хотят завладеть чужим имуществом, а у других отнимают то, что у них есть».

В других греческих полисах борьба между бедными и богатыми гражданами приводила к кровавым столкновениям. В 392 г. в Коринфе ожесточенно дошло до того, что убивали людей в театре, на состязаниях, не щадя и тех, кто искал защиты у статуй и алтарей богов. В Лрге в 371 г. до н.э. народ, подстрекаемый демагогами, убил без должной проверки обвинений более 1000 именитых и состоятельных граждан. Сообщающий об этом историк Диодор Сицилийский замечает, что такого ещё на памяти эллинов не было. Характерно, что казни сопровождалась конфискацией имущества. Затем, устранившись содеянных беззаконий, народ предал казни толкнувших его на это демагогов. События в Арге свидетельствуют о крайней степени ожесточения и неустойчивости настроений широкой массы граждан. Такие отношения были характерны для многих полисов. По выражению Платона, «всякий город, как бы мял он ни был, всегда имеет в себе два враждебных города: один город бедняков, другой город богатых».

Поскольку бедняки были полноправными гражданами полиса, они считали себя вправе требовать материальной помощи от государства. Получаемые ими пособия использовались на потребительские нужды, а не на производственную деятельность, поэтому число нуждающихся не уменьшалось. Аристотель сравнивает эту помощь с «дырявой бочкой»: народ «принимает подачки и вместе с тем снова и снова нуждается в них». Демосфен, обращаясь к афинянам, говорит: «Как лепешки врачей, предохраняя больного от смерти, не влагают в него жизненных сил, так и подачки, которые вы теперь принимаете, не настолько велики, чтобы давать вам полное удовлетворение, по и не столь ничтожны, чтобы вы, отвернувшись от них, должны были добывать себе средства на стороне. Во всяком случае, они каждого из вас поощряют к нерадивости».

С ослаблением внутриволистной солидарности и поддерживаемого государством известного социального равновесия внутри гражданского коллектива рушатся основы волистной демократии. Народное собрание неустойчиво и по своему составу, и по своим настроениям. Плата за его посещение, введенная в Афинах в начале IV в. до н. э., свидетельствует не только о росте числа бедняков, но и о развитии политического индифферентизма. Большую роль в политической жизни стали играть ораторы.

Представляя интересы различных слоев населения и разные политические позиции, ораторы, изолируясь в своем искусстве, стремились увлечь за собой народное собрание. Дебаты нередко принимали бурный характер, сопровождаясь личными нападками, обвинениями в неблаговидном поведении, прямой клеветой. Постоянно звучат обвинения в обогащении за счет государства, во взяточничестве.

Внешнеполитические мероприятия в Афинах по-прежнему осуществлялись под руководством стратегов, но направляли решение вопросов как внутренней, так и внешней политики ораторы. Между ними нередко происходили конфликты. Стратеги, вынужденные сами изыскивать средства на ведение военных действий, содержание и оплату наемных войск, действовали порой на свой риск и страх, а затем по возвращении привлекались к ответу за свои действия.

Идут политические процессы, совершается быстрый взлет и падение военных и политических деятелей. Народное собрание легко присуждало лавры победителям, но столь же легко отворачивалось от своих вчерашних любимцев при первой их неудаче. Принесший ряд побед Афинам стратег Тимофей, потративший свое огромное состояние на военные нужды, был осужден афинским судом. Некоторые видные деятели подвергались изгнанию и даже смертной казни. Исократ обвиняет афинян в неблагодарности: «Вам нравятся самые негодные... те, которые делят мел; собой государственное достояние, более преданы, по-вашему, демократии, чем те, которые выполняют литургии из собственных средств».

Если Исократ критикует демос за недоверие к состоятельным гражданам, то его политический противник Демосфен выступает против распространившегося культа отдельных деятелей: «...ваши предки... не воздвигали... бронзовых статуй ни Фемистокла, руководившего морской битвой при Саламипе, ни Мильтиада, предводительствовавшего при Марафоне... Тогда никто не называл морское сражение при Саламине делом Фемистокла, но называли это делом афинян... Теперь же многие так именно и говорят, будто Керкиру взял Тимофей, отряд спартанцев перебил Ификрат, а в морском сражении при Наксосе одержал победу Хабрий...»

Таким образом, представители различных политических группировок волиса, расходясь по многим вопросам, были едины в

сознании неблагополучия сложившегося положения и необходимости перемен.

В то время как гражданский коллектив полиса раздирали внутренние противоречия, все большую роль стали играть люди, не имевшие гражданских прав,— метеки и вольноотпущенники. Отстраненные в силу своего положения от участия в политической жизни, они тем активнее участвуют в экономической деятельности. Число вольноотпущенников в IV в. до н.э. заметно увеличивается. Для того чтобы скопить необходимые для выкупа свободы средства, рабу надо было обладать хотя бы некоторой хозяйственной самостоятельностью. Вольноотпущенниками чаще становились те рабы, которые работали и жили отдельно от хозяев, имея небольшое ремесленное предприятие или лавчонку. Они платили хозяину определенную сумму денег, а то, что получали сверх нее, им разрешалось тратить по своему усмотрению. У них могла быть семья, какое-то личное имущество. Как правило, это были квалифицированные и предприимчивые люди.

Выкупаясь на свободу, они обычно продолжали свою прежнюю деятельность. Метеки и вольноотпущенники проникают во все поры хозяйства полиса, в том числе и в земледелие (через аренду частновладельческих участков), и сближаются со слоями гражданского населения, занятыми той же деятельностью.

Распространяются культовые и развлекательные сообщества, включавшие людей различного статуса. В тяжелые для полиса времена, в связи с внешнеполитической угрозой или материальными трудностями, отдельным пришедшим на помощь метекам и вольноотпущенникам даровались даже гражданские права. Это делается, правда, с большой осторожностью и только в исключительных случаях. Одновременно ведется борьба против попыток незаконного проникновения в списки граждан путём подкупа и т.п.

Предпринимаются, например, поголовные проверки состава граждан по демам, фратриям. Все это показывает, что постепенно рушится один из основных принципов полиса — замкнутость его гражданского коллектива.

Естественно, что эти процессы, ослаблявшие и внешнеполитические возможности полисов, вызывали серьезную тревогу среди политических деятелей и мыслителей, понимавших, что на карту поставлена судьба греческого мира. В IV в. до н.э. появляется ряд проектов общественного переустройства, авторы которых пытались исцелить видимые недуги современного им общества, не понимая лежащих в их основе причин. В первую очередь предлагаются меры по упорядочению отношений между богатыми и бедными гражданами. В упоминавшихся комедиях Аристофана в гротескном плапе отражены два типа таких проектов. В одном из них предлагается ликвидировать

неравенство, обобществив все имущество, движимое и недвижимое, привольно и праздно жить за счет общественных фондов. Во втором проекте речь идет о справедливом распределении богатства — оно должно быть изъято у дурных людей и негодяев и передано честным труженикам. В обоих случаях предполагается, что необходимые для существования материальные блага будут добывать рабы. Комедия, отражая носившиеся и в воздухе идеи своего времени, показывает в то же время их неосуществимость: при обобществлении имущества найдутся ловкачи, которые припрячут свое и не сдадут его в общий фонд; если труженики разбогатеют, они перестанут работать, а добывать рабов — это тоже нелегкое и рискованное дело.

В двух произведениях Платона — «Государство» и «Законы» — излагаются проекты государства, в котором жизнь граждан и их имущественные отношения будут строго регулироваться правителями и законами. В первом из них режим более строгий, во втором делаются некоторые уступки реальной действительности, по тенденции одна и та же — создать условия, при которых невозможны будут внутренние распри и смуты, раздиравшие в это время греческий мир.

Наряду с утопическими проектами общественного переустройства предлагаются и конкретные практические меры разрешения переживаемых Грецией трудностей, в частности за счет завоевания областей на Востоке. Глашатаем о тих идей выступает Исократ, призывающий к объединению греческих полисов под эгидой какого-либо сильного государства или государственного деятеля для организации панэллинского (общегреческого) похода против Персии. Он был осуществлен в 30-е годы IV в. до н.э. возвысившейся Македонией, но привел к совсем иным результатам, чем предполагали его инициаторы. Классический греческий полис зашел в безвыходный тупик. Это отчетливо показывают события политической истории IV в. до н.э.

Политическая история Греции в IV в. до н.э.

Утверждавшаяся после Пелопоннесской войны гегемония Спарты в Греции оказалась недолговечной. Бывшие союзники Афин не получили ни свободы, ни автономии, обещанной им Спартой. Во многих городах стояли спартанские гарнизоны, командиры которых бесцеремонно распоряжались, не считаясь даже с проспартаяскими группами местного населения. В отличие от афинян, привыкших к постоянному общению с чужеземцами, отличавшихся широтой кругозора и известной терпимостью, спартанцы проявляли высокомерие, непонимание локальных условий, грубость. В то же время соприкосновение с более привольной и богатой жизнью, чем в Спарте, не осталось без последствий для спартанских полководцев и рядовых воинов.

Присвоение военной добычи и прямые грабежи привели к обогащению многих спартиатов, которые тайком ввозят свои богатства на родину или хранят их в других местах Греции. Наглое поведение спартанцев не только по отношению к побежденному противнику, но и ко вчерашним союзникам вызвало сильное недовольство в Греции.

Спарта не только не выполнила данных ею во время Пелопоннесской войны обещаний, но не сумела обеспечить безопасность морских путей, жизненно важных для экономического развития и продовольственного снабжения ряда греческих государств. Крушение морского могущества Афин создало благоприятные условия для развития пиратства — постоянного бича древней торговли.

Таким образом, спартанское владычество и политически и экономически ущемляло интересы большинства населения в греческих полисах. Оно держалось только на военной мощи Спарты, и достаточно было некоторого ее ослабления, чтобы недовольство прорвалось наружу. Поводом к этому послужили события, связанные с так называемым походом десяти тысяч. В Персидском государстве в конце V в. до н.э. обстановка осложнилась в связи с борьбой за престол между двумя сыновьями Дария II — Артаксерксом II и Киrom Младшим.

Кир формально не имел права на царскую власть, но его поддерживала влиятельная группа придворной знати, включавшая, по-видимому, жену Дария Парисатиду. В последний период правления Дария Кир был отправлен в Малую Азию. Он завязал здесь дружеские отношения со спартанским полководцем Лисандром и щедро субсидировал Спарту в конце Пелопоннесской войны. После смерти Дария борьба между братьями приняла острый характер, победителем оказался Артаксеркс, и только заступничество матери спасло Кира от гибели. Притворившись, что он смирился со своей участью, Кир возвращается в Малую Азию и под предлогом борьбы с обвиняемым им в мятежных иланах другим сатрапом Малой Азии, Тиссаферном, набирает войска. Многочисленные греческие наемники, прельщаемые щедрыми обещаниями, охотно идут на службу к Киру. Формально это было их частным делом, ни один независимый от Персии греческий город не примкнул к Киру.

Но при большом влиянии Спарты такой единовременный набор целого войска не мог обойтись без ее ведома. Кир вначале не раскрывал своих планов и, только когда все было подготовлено, объявил, что поход предполагается в глубь Персидской державы. Среди наемников Кира оказался афинянин Ксенофонт, будущий историк, который, очевидно, вел дневники во время похода и описал его впоследствии в сочинении «Анабасис». Кир всячески подчеркивал свое восхищение греческой культурой, выучкой и дисциплиной греческих воинов. В случае его победы участники похода были бы щедро вознаграждены. Однако в битве, происшедшей в 401 г. до н. э. у деревушки Кунакса, неподалеку от Вавилона, Кир погиб,

пронзенный оруженосцами Артаксеркса, которого он стремился во что бы то ни стало убить. Победа, одержанная на том фланге армии Кира, где стояли греки, утратила всякий смысл. Когда распространилась весть о гибели Кира, греческие наемники попытались предложить свои услуги победителю. Стратеги их, вызванные якобы для переговоров, были вероломно убиты. Греки оказались в чужой стране, среди враждебного окружения, без командиров.

Из этого, казалось бы, безвыходного положения они сумели выйти. Были демократическим путем избраны новые стратеги, и преследуемые по пятам персидской армией греки двинулись в обратный путь. После долгих мытарств и лишений они в 400 г. до н.э. вышли к южному побережью Черного моря, к г. Синопа. Из 13 тыс. участников похода вернулись примерно 10 тыс. человек. Драматическая история всего похода красочно описана Ксенофонтом в его знаменитом произведении «Анабасис».

Эти события были чреватые серьезными последствиями не только для Персии, но и для Греции. Прежде всего они привели к конфликту между Персией и Спартой, затруднениями которой не замедлили воспользоваться её противники в Греции. В далекой перспективе поход 10 тысяч греков послужил как бы прелюдией к будущему походу Александра Македонского. Он показал, что огромная персидская держава не столь уж неуязвима, как это казалось на расстоянии. Возвратившиеся греки привезли ценные сведения о персидских дорогах, городах, селениях, о нравах и обычаях различных народов, о порядках в персидской армии. Все это пригодилось впоследствии для практических целей, а в ближайшем будущем способствовало возникновению и распространению идеи о возможности разрешить трудности путем территориальной экспансии на Восток.

Вскоре Спарта была вовлечена в военный конфликт с Персией) которая начала карательные действия против греческих городов Малой Азии (находившихся теперь под покровительством Спарты) за их содействие Киру, расцененное как прямое вмешательство во внутренние дела Персии. На Восток был отправлен спартанский царь Агесилай. Военные действия шли с переменным успехом, пока в них не включился поступивший на службу к персам афинский стратег Конон, сумевший после битвы при Эгоспотамах спасти несколько афинских триер и увести их на Кипр. Возглавив построенный им на персидские деньги флот, Конон успешно воюет против спартанцев у побережья Малой Азии. Между тем в Балканской Греции создалась антиспартанская коалиция, куда вошли не только давние противники Спарты — Афины, Аргос, но и бывшие ее союзники — Фивы и Коринф. Началась так называемая Коринфская война (395—387 гг. до н.э.). Вынужденная воевать на два фронта и считая более важными для себя позиции в Балканской Греции, Спарта отозвала Агесилая с Востока на смену погибшему в Средней Греции Лисандру. Уже после отплытия Агесилая в 394 г. до н.э. при Книде, а побережье Малой

Азии, персидский флот под командованием Конопа нанес сокрушительное поражение спартамцам. Приехавший вскоре в Афины Копоп был встречен с триумфом. На привезенные им деньги были восстановлены Длинные стены, разрушенные спартамцами в 404 г. до н.э. В Афинах царило воодушевление, смыт был позор поражения в Пелопоннесской войне. По инициативе талантливого афинского полководца Ификрата была проведена военная реформа. Доспехи воинов были значительно облегчены (в частности, щит), что удешевляло вооружение и обеспечивало большую подвижность на поле боя. Удлиненное копье и дротик позволили поражать врага на расстоянии. Под командованием Ификрата был одержан ряд побед над спартамцами. Антиспартамская коалиция добилась успехов и на Балканском полуострове.

Однако Персия, оказавшаяся временно в одном лагере с противниками Спарты, вовсе не заинтересована была в возрождении морской мощи Афин, тем более что они поддерживали сепаратистское движение на Кипре. Персии было выгодно сохранять известное равновесие в Греции, не позволяя чрезмерно усилиться ни одному государству, особенно опирающемуся на сильный флот. Поэтому, удовлетворившись некоторым ослаблением Спарты, персидское правительство навязало воюющим сторонам мир. Он был продиктован представителям Греции в Сузах и получил название «царского» или «Анталкидова» мира (по имени спартамского представителя). То, что война между греческими государствами завершилась заключением мира в Сузах, показывает, как далеко зашел переживавшийся греческими полисами кризис. Персия обладала неисчислимыми денежными средствами, войны в это время водились преимущественно силами наемников и требовали больших затрат. Послы воюющих сторон обивали пороги приемных в резиденциях персидского царя и его сатрапов, испрашивали субсидии. Поэтому властелин Персии считал вправе диктовать грекам свою волю.

По условиям «царского» мира признавалась верховная власть Персии над греческими городами Малой Азии и Кипром. Это было серьезной уступкой со стороны Спарты, претендовавшей на роль борца за независимость греков, и было использовано впоследствии в антиспартамской пропаганде. Всем остальным греческим государствам гарантировалась автономия.

Запрещалось образование союзов, но существовавший в то время Пелопоннесский союз сохранился. Это условие явно направлено было против Афин. В качестве компенсации Афины получили острова Лемнос, Имброс и Скирос, уже взятые к тому времени Конопом и не имевшие большого экономического и политического значения, но важные как стоянки для торговых судов, проходивших через Геллеспонт. По условиям мира восстанавливался г. Платеи, разрушенный спартамцами в 427 г. до н.э. В грамоте Артаксеркса, врученной в Сузах греческим представителям, было сказано: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с

принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами».

«Царский» мир лишь на короткое время приостановил военные действия в Греции. Спарта, взявшая на себя роль блюстителя условия мира, продолжает вмешиваться во внутренние дела других государств Греции. Когда группа городов Халкидики, откуда в Грецию шли хлеб и корабельный лес, попыталась объединиться, Спарта объявила это нарушением запрета создавать союзы и направила против них войско.

На обратном пути уже без всякого легального повода спартанский полководец Фабид вмешался в борьбу, происходившую в Фивах между демократами и олигархами, помог последним прийти к власти и поставил гарнизон в фиванской цитадели. Это попрание принципа автономии и невмешательства во внутренние дела других государств вызвало возмущение даже сторонников и почитателей Спарты.

Спартанское правительство, однако, не только не наказало совершившего эту акцию полководца, но поддержало ее, предав казни привезенных им из Фив демократов. Другая их группа, избежав расправы, нашла убожище в Афинах.

Спустя некоторое время (в 379 г. до н.э.) фиванским изгнанникам удалось, тайно вернувшись в Фивы, совершить там демократический переворот. Вожди олигархов были убиты, спартанцам разрешили удалиться домой. Во главе фиванской демократии стояли Эпаминонд и Пелопид, выдающиеся деятели и полководцы. Фивы сумели объединить вокруг себя и другие города Беотии.

Этот союз представлял собой не федерацию, а единое государство: граждане всех вошедших в него городов имели право участвовать в общебеотийском народном собрании, созывавшемся в Фивах. Поскольку земледельцам Беотии трудно было отрываться от своих хозяйств, перевес в собрании имели фиванцы. Беотийская армия была реорганизована. Большое значение теперь приобрели легковооруженные воины, более подвижные и лучше приспособленные к маневренным операциям. Применен был новый принцип построения войска: вместо принятого у греков прямоугольника армия строилась в виде клина, в выдававшемся остром углу которого на левом фланге стоял отборный отряд, так называемый священный лох. В отступающей назад части клипа стояли более слабые воины. Обычно греки укрепляли свой правый фланг, и в бою сталкивались лучшие силы одной стороны с более слабой частью войска противника. Реформировавший беотийскую армию Эпаминонд отказался от этого принципа, делая ставку на сокрушительный удар в самом начале боя по правому флангу противника.

Спарта потребовала роспуска Беотийского союза как противоречащего условиям Анталкидова мира.

Её призыв выступить против Фив не был поддержан другими полисами. В 371 г. до н.э. спартанская армия под командованием Агесилая вторглась в Беотию. В битве у г. Левктры новая тактика, примененная Эпаминондом, дала блестящие результаты. Ряды спартанцев дрогнули, и они, понеся большие потери, бежали с поля боя. Поражение спартанской армии произвело огромное впечатление. Однако Афины встревожились возможностью усиления соседних Фив. Они постепенно отходят от союза с ними, а после активизации беотийского флота открыто выступают на стороне Спарты.

Между тем в Беотийский союз вступил ряд государств Средней Греции, а затем и Пелопоннеса, куда начал вторгаться Эпаминонд, поддержанный местными демократами. Мессепия отложилась от Спарты, и на горе Ифоме, бывшей оплотом плотов во время их восстаний, строится г. Мессопа. Илоты бегут сюда из Лаконии и получают гражданские права. Владения Спарты ограничились одной Лаконией. Впервые вражеская армия подошла к самой Спарте и едва была отбита Агесилаем. В центре Пелопоннеса, в Аркадии, в результате синойкизма (селения вместе ряда полисов) создается Мегалоноль, центр демократического союза, собрание которого включало 10 тыс. человек.

Беотпская армия совершает походы и на север, вмешиваясь во внутреннюю борьбу в Фессалии, в которой по просьбе некоторых городов участвует и Македония.

Во время одного из таких походов Пелопид захватил и увез в Фивы группу заложников, включая юного Филиппа, будущего царя Македонии. Вскоре поело этого Пелопид, снова направившийся в Фессалию, погиб в одном из сражений, и вся тяжесть руководства политикой Беотийского союза легла на плечи Эпаминоида.

Между тем обстановка в Греции меняется но в пользу Беотии. Первое воодушевление, связанное с надеждами на поддержку беотянами демократических сил, прошло. Как это было в свое время с Афинами, затем со Спартой, Фивы мало считаются с автономией своих союзников, навязывают им свою волю, требуют их участия в походах беотийской армии. По мере того как военные действия переносятся далеко за пределы Беотии, падает дух воинов — выходцев из сельского населения, привязанного к своей земле и хозяйству, Ряд государств Пелопоннеса, напуганных ростом демократического движения, становится враждебным к Беотийскому союзу. В 362 г. до н.э. Эпаминонд вновь появляется в Пелопоннесе, пытаясь помочь своим союзникам в Аркадии, а также Мессене, Аргосу. На стороне Спарты выступили государства Пелопоннеса, где у власти стояли аристократические группы, и Афины. В решающей битве при Мантинее в Аркадии погиб Эпаминонд. Битва была ожесточенной, обе стороны просили друг друга о разрешении подобрать своих убитых, что, по греческим представлениям, означало признать себя побежденным. Описавший это сражение Ксенофонт, не скрывавший

своего сочувствия Спарте, все же воздаст должное стратегическому таланту Эпаминонда и считает победителями фиванцев. Однако гибель полководца деморализовала беотийскую армию, и победа не была закреплена.

Кратковременный период возвышения Фив, длившийся с 379 по 362 г. до н.э., закончился крушением еще одной попытки установить гегемонию одного государства в Греции. Опора на демократические слои населения вызывала сильную оппозицию со стороны противоборствующих групп, а методы насилия, применявшиеся демократическими Фивами даже к союзникам, вызвали разочарование и ослабили их поддержку. В Греции IV в. до н. э. не было государства, способного объединить на сколько-нибудь длительный срок и повести за собой другие полисы, обеспечив им возможность мирного и спокойного развития. Это показала судьба и другого возникшего в это же время союза.

Ещё в 90-е годы IV в. до н.э. Афины делают попытки оформить договорами дружеские отношения с рядом греческих государств на островах Эгейского моря. Постепенно, пользуясь затруднениями Персии в связи с непрерывными восстаниями сатрапов и распрями между Спартой и Фивами, Афины добились создания Второго морского союза под своей эгидой. Сохранилась надпись на камне с текстом декрета афинского народного собрания относительно этого союза. Целью его объявляется обеспечение свободы и независимости эллинов, взаимопомощь при нападениях с суши и моря. К участию в союзе приглашаются все государства, расположенные на островах и материке, кроме тех, которые подвластны персам. Эта оговорка имела целью обезопасить союз от подозрений и противодействия Персии. В отличие от Первого морского союза, созданного для борьбы с персидской угрозой, Второй союз был направлен против Спарты. Афины всячески старались заверить своих союзников, что не повторятся злоупотребления, вызвавшие столько нареканий. Они обязались не вмешиваться во внутренние дела союзных государств, не посылать туда своих гарнизонов и клерухов.

Афинским гражданам запрещалось приобретать земельные владения на территории союзников ни покупая их, ни с помощью ипотечных займов. Взамен ненавистного по Первому союзу фороса, который союзники рассматривали как навязанный им Афинами налог, устанавливались взносы в союзную кассу, именуемые синтаксис, что предполагало добрую волю и согласие плательщиков. Верховным органом союза был синедрион, куда входило по одному представителю от каждого союзного города, независимо от его величины, кроме Афин. Но заседания синедриона происходили в Афинах, и его решения через Совет 500 вносились на рассмотрение афинского народного собрания.

В состав союза вошло более 70 государств, как островных, так и материковых. Некоторые примкнули к нему лишь временно. Кроме

военных задач (оборонительного характера) большое значение имело обеспечение безопасности и благоприятных условий для торговли. Афины покровительствуют в этом плане своим союзникам в противовес торговле других государств. Второй Афинский союз просуществовал недолго, немногим более 20 лет. Осложнившаяся обстановка в Восточном Средиземноморье требовала активной дипломатии и военных действий. Во Фракии вновь усиливается царство одрисов (Одрисы — одно из фракийских племен.), претендовавшее на Хрсропес Фракийский — область, жизненно важную для торговли с Северным Причерноморьем. Тиран фессалийского города Фср организует пиратские набеги на ряд островов Эгеиды, совершает даже нападение на Пирей. Амфиполь был занят македонским гарнизоном. Афины вынуждены принимать контрмеры, которые дорого обходятся казне и осложняют отношения с союзниками. Вину за неудачи возлагают на стратегов и политических деятелей, некоторые из них платят за это жизнью.

Афинские стратеги и вожди наемников Тимофей, Харет, Хабрий, Ификрат проводят активные операции, защищая интересы Афин в различных частях Восточного Средиземноморья. Они сами завязывают отношения с правителями Фракии, полусамостоятельными династиями Малой Азии, принимают участие то в антинерсидских выступлениях, то в подавлении их Персией, уже не в качестве афинских полководцев, а как профессиональные наемники. По-разному ведут они себя и по отношению к афинским союзникам. В то время как Тимофей, сын Копона, старается не досаждать союзным государствам чрезмерными требованиями денежных средств и людей, другие стратеги, например Харет, допускают произвольные действия, озлоблявшие союзников и усиливавшие их готовность отложиться от Афин. Не только субъективные качества афинских полководцев, но и трудные условия, в которых им приходилось действовать, не получая необходимых субсидий от Афинского государства и зная, что им не простят неудач, толкали их на насильственные меры по отношению к союзникам. Обещания, торжественно провозглашенные Афинами в момент оформления союза, оказались фикцией. Несмотря на возрождение афинского флота, он был не в состоянии обеспечить своим союзникам безопасность. В Восточном Средиземноморье активизируются новые силы, которым Афины не могут противостоять. Кария и Малой Азии в правление Мавсола фактически выходит из подчинения Персии, хотя формально платит ей дань. Мавсол, создав сильный флот, стремится завоевать острова, входившие во II Афинский союз. Наряду с прямыми военными действиями, не принесшими ему большого успеха из-за противодействия афинского флота, Мавсол пытается использовать недовольство союзников растущим давлением Афин и ненависть олигархических групп к поддерживаемой Афинами демократии. Осенью 357 г. до н.э. острова Хиос, Родос и Кос, к которым присоединился г. Византии, объявили о выходе из Афинского союза и стали вести наступательные операции против Лемноса, Имброса, Самоса. Началась так называемая

Союзническая война (357—355 гг. до н.э.). Посланная против восставших союзников афинская эскадра не сумела добиться успеха. Ей на помощь отправляются еще 60 судов под командованием прославленных полководцев Ификрата и Тимофея. Тем не менее привести мятежников к покорности не удалось. Стратеги были вызваны в Афины для отчета. Обвиненный в получении взятки от Хиоса Тимофей был приговорен к уплате огромного штрафа в 100 талантов. Не будучи в состоянии уплатить его, он ушел в изгнание в Халкиду, где вскоре и умер. Уже после его смерти афиняне раскаялись в содеянном и снизили штраф сыну Тимофея Конону до 10 талантов. Судьба Тимофея, который наряду со своим отцом Кононом так много сделал для восстановления морского могущества Афин, весьма показательна для обстановки растерянности и неустойчивости, царившей во всей Греции.

В это время Афины оказались втянутыми в новый военный конфликт с Персией. Они поддержали восстание сатрапа Геллеспонтской Фригии против вступившего на престол в 358 г. до н.э. Артаксеркса III Оха. Вначале афинское войско, возглавленное Харетом, добилось успехов, но Ох пригрозил походом в Грецию. Призыв Афин к объединению греков против персидской угрозы не получил отклика. Они вынуждены были в ответ на ультиматум Персии отозвать Харета из Азии и признать независимость Хиоса, Коса, Родоса и Византия. Вслед за этим отложились и другие острова. Второй морской союз закончил свое существование. В Греции не было силы, способной сплотить полисы к борьбе за преодоление переживавшегося ими кризиса. Внутренние распри, внешнеполитические авантюры, истощение финансов, потеря в возможность выхода собственными силами из создавшегося тупика — такова обстановка в Греции к середине IV в. до н.э. В это время на арену выходит новая политическая сила в лице Македонии.

Возвышение Македонии.

Македония, расположенная к северу от Балканской Греции, отставала в своем развитии от передовых греческих полисов. Здесь были благоприятные условия для земледелия и скотоводства, богатые внутренние ресурсы, которые позволяли удовлетворять потребности населения без активной внешней торговли. Поэтому здесь развитие товарно-денежных отношений шло медленнее, чем в Греции, и затрагивало лишь отдельные районы и верхушечные слои населения (Из Македонии вывозили необходимый для строительства флота корабельный лес и металлы.). По своему общественно-политическому строю Македония еще в IV в. до н.э. сохраняла много архаических черт. Основную массу населения составляли земледельцы и скотоводы, своим трудом добывавшие средства к существованию и пополнявшие ряды македонской пехоты.

Крупные земельные владения были сосредоточены в руках знати, поставлявшей котищу. До IV в. до н.э. в Македонии почти не было ни

городов, ни удобных гаваней на морском побережье. Уровень жизни был низким, хозяйство носило преимущественно натуральный характер. По политическому строю Македония представляла собой наследственную монархию с сильными пережитками военной демократии. Приход к власти нового царя требовал утверждения собранием воинов. Царь имел неограниченную власть во время похода, но в мирное время был ограничен советом македонской знати.

Уже в V в. до н.э. Македония стала играть некоторую роль в политической жизни Греции. Македонские правители активизируют свою дипломатическую деятельность, стремятся заимствовать достижения греческой культуры, приглашая ко двору представителей литературы, науки и искусства и оказывая им покровительство. Однако подлинный перелом произошел лишь в IV в. до н.э. Македония не ограничивается более политическим посредничеством и культурными заимствованиями, а начинает претендовать вначале на роль равноправного партнера, а затем и на нечто большее. Эти притязания Македония, связанные с постепенным прогрессом в ее внутреннем развитии, совпали с периодом упадка и ослабления Греции. В решающий момент во главе Македонии оказался правитель, прекрасно оцеливший представившиеся ей возможности и сумевший использовать их для превращения этого государства в решающую силу на Балканском полуострове.

Филипп II, правивший Македонией с 359 по 336 г. до н.э., узурпировал власть у своего малолетнего племянника Аминты, воспользовавшись своим регентством. Устранив других претендентов на престол, он добился отречения Аминты в свою пользу, придав своему правлению видимость законности. Филипп, проведший некоторое время в Фивах в качестве заложника, многому научился там и впоследствии применил некоторые принципы военной организации Эпамипода в македонской армии. Это был человек неустойчивой энергии, инициативный и решительный, твердо, не считаясь со средствами, шедший к намеченной цели. Обладая сам незаурядными полководческими и дипломатическими способностями, Филипп был лишен зависти к чужим дарованиям и талантам, умел подбирать людей и ценить их по заслугам. Он окружает себя способными в различных областях и преданными ему людьми, с помощью которых неуклонно осуществляет поставленные им задачи.

Придя к власти, Филипп принял меры, чтобы обезопасить границы Македонии от беспокоивших ее соседей — фракийцев и иллирийцев и укрепить позиции центральной власти и гористой Верхней Македонии, где сильны были сепаратистские тенденции местной знати. Организовав при дворе военную школу для юношей из знатных семей, Филипп готовил себе верных придворных и в то же время мог превратить их в заложников в случае участия их отцов в направленных против него заговорах.

Филипп укрепил и реорганизовал армию, создав знаменитую македонскую фалангу, вооруженную длинными копьями — сариссами, внедряя новые тактические приемы комбинированного действия пехоты и конницы, преследования побежденного врага до его полного уничтожения (Греки обычно довольствовались сооружением трофея (памятника из захваченного оружия) на поле битвы, покинутом противником.) и др.

Упрочив свои позиции в Македонии, Филипп начинает проводить активную внешнюю политику, используя и дипломатические средства, и подкуп иолитических и военных деятелей Греции, и военную силу. Филипп стремится получить выход к морскому побережью и овладеть богатствами Фракии. Здесь интересы Македонии неизбежно должны были столкнуться с интересами Афин. Не имея достаточно сильного флота, способного противостоять афинскому, Филипп действует вначале с помощью хитрости. Он предлагает Афинам помочь им вернуть Амфиполь, откуда незадолго до того был выведен македонский гарнизон, с условием, что Афины не будут чинить препятствий к захвату им г. Пидны. Поверив обещаниям Филиппа, Афины не пришли на помощь осажденному им Амфиполю, хотя город просил их об этом. К тому же афинский флот занят был в это время, отстаивая интересы Афин против одного из фракийских царьков в районе Херсопеса Фракийского. Взяв Амфиполь, Филипп и не подумал отдавать его Афинам. Это явное вероломство привело к открытию военных действий между Афинами и Македонией. Отвлекаемые борьбой с непокорными союзниками, Афины не могли действовать достаточно активно. Филипп продолжает расширять свои владения. Захватив во Фракии, в районе золотых приисков, г. Крсниду, он переименовал его в Филиппы (До тех пор в Греции не было принято называть города именем смертного человека. В последующий, эллинистический период это стало распространенным обычаем.). Овладев золотыми месторождениями, Филипп получил в свое распоряжение большие средства.

Вскоре Македонии представилась возможность распространить свое влияние на Северную и Среднюю Грецию. Поводом послужила III Священная война (356 — 346 гг. до н.э.). Началась она из-за обвинения Фивами, игравшими в это время ведущую роль в Дельфийском культовом союзе (Амфиктионии), группы влиятельных фокидян в святотатстве.

Отказ обвиняемых уплатить возложенный на них штраф привел к объявлению Фокиде Священной войны. На стороне Фокиды выступили Афины, Спарта и правитель г. Фер в Фессалии. Фивы были поддержаны группой фессалийских городов, враждебных тиранам Фер. В ходе борьбы фокидяне, ссылаясь на свои исконные права на святилище, завладели Дельфами и использовали храмовые сокровища на военные нужды, что позволило им набрать большое наемное войско. Противники фокидян, встревоженные их успехами, обратились за помощью к Македонии. Филипп охотно откликнулся на этот призыв

и ввел свои войска в Среднюю Грецию. После упорной борьбы фокидяне были разгромлены, исключены из Амфикитии и должны были выплачивать Дельфам компенсацию за расхищенные сокровища. Отнятые у фокидяп два голоса в Амфикитии достались Филиппу. Это имело огромное политическое значение — македонский царь, не бывший греком, получил доступ в старинную, освященную древней традицией чисто греческую организацию. Кроме того, это создало ему плацдарм для дальнейшего наступления на Грецию. Афины, теснимые со всех сторон, лишившиеся своих опорных пунктов в Халкидике, рискуя потерять своих последних союзников, вынуждены были пойти на мирные переговоры с Македонией. Филипп, считаясь с наличием пока еще сильного афинского флота и, по-видимому, не желая обострять отношения с прославленным государством Греции, согласился заключить мир (346 г. до н.э.). Между Афинами и Македонией был установлен дружественный союз. Оба государства обязались обеспечивать безопасность на суше и на море, ведя борьбу с пиратством. Афины сохраняли за собой острова Лемнос, Имброс, Скирос, Евбею. Договариваясь с Филиппом, Афины оставили на произвол судьбы своего союзника — Фокиду, которая вскоре была вынуждена капитулировать.

В Афинах к этому времени четко обозначились две политические группировки, именуемые обычно промакедонской и антимакедонской «партиями». Расхождения между ними касались и внешнеполитических вопросов, и отношения к демократическим институтам Афин, по, поскольку угроза со стороны Македонии была страшной повседневной реальностью, этот вопрос выступал на первый и дан. Признанным главой антимакедонской политики был оратор Демосфен. Среди сторонников союза с Македонией и даже подчинения ей были не только деятели, подкупленные Филиппом (хотя таких было немало). Многие из них (прежде всего Эсхин, Исократ) были убеждены, что только объединение греческих государств под эгидой сильного правителя позволит положить конец внутренним распрям, междоусобным войнам и восстановить условия мирного и безопасного существования. Проживший долгую, почти столетнюю, жизнь Исократ в своих многочисленных политических произведениях, написанных в форме речей, постоянно ратует за единство Греции и ищет силу, способную это осуществить. Вначале он возлагал свои надежды на Афины, затем на Спарту, и, только убедившись в неспособности какого бы то ни было греческого полиса, достигшего гегемонии, воздержаться от насилий и злоупотреблений и сохранить власть, он обратил свои взоры в сторону Филиппа.

Представители промакедонской группы выражали интересы той имущей рабовладельческой верхушки, которая опасалась за свои богатства, тяготилась бременем, возлагавшимся на неё демократическим государством, считала несправедливым, что политическое руководство доверяется людям, которые не могут обеспечить себя и стремятся жить за счет общественной деятельности. Не осмеливаясь открыто выступать против демократических порядков

в целом, они критиковали лишь явные недостатки, объясняя ими все трудности и внешнеполитические неудачи. По мере того как развивались успехи Македонии, крепла их позиция. Они сулили разрешение всех проблем в случае осуществления объединенными силами греков под эгидой Македонии завоевательного похода на Восток. Исократ писал: «Нуждающееся в земле крестьянство... получит обширные пространства земли, бродяги, вместо того чтобы терзать Элладу, найдут применение для своей деятельности в Азии... Победа даст процветание тем, кто останется дома (т. е. дельцам), и богатую добычу воинам».

Антимакедонская группа понимала, что победа Македонии принесет крушение демократической системы правления, в которой были заинтересованы широкие слои населения не только в Афинах, но и в других полисах Греции. Против Македонии были настроены и представители торгово-денежных кругов Греции, чьи интересы были ущемлены претензиями Филиппа на контроль над важнейшими торговыми путями и захватом им фракийских золотых и серебряных месторождений.

Однако и среди них были люди, порожденные прежде всего своими богатствами, имевшие широкие связи за пределами своего полиса и тяготевшие к контролю и требованиям с его стороны. Неустойчивой была позиция и демоса, также разнородного по своему составу. Дорожа демократическим строем и всегда готовый обличать и карать его противников, демос в греческих полисах к этому времени включал немало паразитических элементов, требовавших постоянной помощи от государства и богатых граждан, но не желавших нести: бремя военной службы и позволить хотя бы временно использовать на военные нужды предназначенные для раздач средства. Все же в целом демос наиболее последовательно поддерживал вождей антимакедонской группы и в решающие моменты делал выбор в ее пользу.

Филипп, державший агентуру в греческих полисах, был отлично осведомлен о том, что там происходило, и искусно использовал борьбу различных группировок и деятелей, в своих целях. Взаимные нападки политических лидеров, обвинения в ошибках, в использовании своего положения во вред интересам государства в целом, изобличение друг друга в аморальном поведении, шумные судебные процессы — все эти черты, характерные для политической жизни того периода, подрывали демократию изнутри, мешали проводить последовательную целенаправленную политику. Пока греческие полисы были заняты внутренними распрями и междоусобной борьбой, Македония неуклонно шла к поставленной ею цели.

В 339 г. до н.э. разразилась IV Священная война — опять из-за обвинения в святотатстве. К этому времени расторгнут был заключенный Афинами с Филиппом в 346 г. до н.э. мир. Попытки Афин утвердить свои позиции на Херсонесе Фракийском вызвали активное

противодействие Филиппа. Потерпев неудачу при попытке взять осадой Византии, Филипп охотно откликается на призыв возглавить Священную войну против Амфиссы. Воспользовавшись этим, он занял Элатою, ключевую позицию у Фермопил на пути в Среднюю Грецию. Весть об этом потрясла Афины. Было ясно, что Филипп не остановится здесь, что на карту поставлена судьба всей Греции. Демосфен развил лихорадочную деятельность, сумев склонить афинян и фивапцев забыть долголетнюю вражду и объединить усилия для спасения Эллады. К ним присоединились Коринф, Мегара, Евбея и некоторые другие города. Спарта осталась в стороне.

В 338 г. до н.э. при г. Херонее в Беотии произошла решающая битва. Греческая армия была разбита. Страшная паника охватила афинян, Ждали с минуты па минуту вторжения македонской армии. Оратор Гиперид предложил пойти на крайнюю меру — дать свободу рабам, гражданские права метекам, вернуть изгнанников и тем самым пополнить ряды боеспособных. Это предложение было вначале принято, но затем отклонено. Однако Филипп не пошел на Афины. Ему нужен был для выполнения дальнейших планов афинский флот. Кроме того, слишком невыгодно было бы претенденту на господство в Элладе разрушить или даже подвергнуть расправе самый славный ее город. Жестоко наказав Фивы, своего бывшего союзника, за проявленное по отношению к Македонии вероломство, Филипп не только пощадил Афины, но заключил с ними новый мир на весьма умеренных условиях. Афины сохранили в своем владении Саламин, Делос, Самос, Лемнос, Имброс, получили г. Ороп на границе с Беотией. Но им пришлось отказаться в пользу Филиппа от Херсонеса Фракийского. Филипп возвратил без выкупа взятых в плен при Херонее афинян. В благодарность за великодушие Филипп и его сын Александр, командовавший левым флангом македонской армии при Херинее и впервые проявивший там свои полководческие способности, получили гражданские права в Афинах. Филиппу была воздвигнута статуя.

В 337 г. до н.э. в Коринфе созван был конгресс и создан общегреческий союз. Союзный совет (синедрион) должен был заседать в Коринфе. Филипп пытался придать союзу вид патриотического начинания греков, объединившихся для борьбы против своего исконного врага—Персии. В Греции объявлялись всеобщий мир, безопасность торговли и мореплавания, запрещались междоусобные войны, внутренние перевороты, противозаконные казни, конфискация имущества, отмена долгов, массовое освобождение рабов с целью использования их для переворотов. Филипп был назначен главнокомандующим союзной армией. Никто из греков не имел права воевать в армии, выступающей против Филиппа, или помогать такому войску.

Херонейская битва и последовавший за ней Коринфский съезд подвели черту под целым периодом в истории Греции. Отныне властелином на Балканском полуострове стала Македония. Провозглашенная автономия греческих полисов была фикцией.

Повсеместно распоряжалась Македония, прямо или через своих ставленников. Запрет внутренних переворотов удовлетворил чаяния тех кругов Греции, которые видели в Македонии защитника своих состояний. Готовившийся поход против Персии сулил разрешение ряда экономических и социальных проблем. Но осуществить его довелось уже не Филиппу, а его преемнику Александру.

Литература:

Глускина Л.М. Предэллинизм на западе: Греция и Македония в IV в. до н.э./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.230-256

Лекция 13: Предэллинизм на западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах.

Кризис полиса и возрождение тирании.

Хотя наиболее впечатляющей стороной истории Греции IV в. до н.э. был для современников и остается для новейших исследователей инертно кризис полиса, содержание исторического процесса не ограничивалось тогда одним разрушением старого полисного строя. Одновременно, как уже отчасти было показано в предыдущей лекции, более или менее стихийно шли поиски выхода из создавшегося тяжелого положения, испытывались различные варианты дальнейшего развития, и в этих поисках и опытах устанавливались новые истины, которые могли стать исходными моментами в формировании новой общественной системы.

Важное место в ряду этих исторических опытов принадлежит так называемой «младшей тирании» (обозначаемой так, чтобы отличать ее от тирании архаического времени, сопутствовавшей рождению греческого полиса).

В условиях кризиса обнаружилось банкротство полисного государства, чьи возможности были весьма ограничены, между тем как граждане предъявляли к нему все большие требования, настаивая: бедные — на дальнейшем расширении системы государственного вспомоществования, а богатые — на обеспечении своей собственности и жизни от посягательств со стороны этой бедноты, на наведении в стране твердого порядка. Не будучи в состоянии удовлетворить эти требования, а следовательно, и обеспечить единство и согласие граждан, полисное государство утрачивало исторический смысл. На практике было важно и то, что один и тот же социальный процесс — обнищание народных масс — приводил не только к подрыву традиционной опоры полиса — гражданского ополчения, но и к созданию новой политической силы —

наемной армии, которую при случае можно было использовать для ниспровержения существующего строя. Сложившееся положение поощряло отдельных честолюбцев, которые начинают все чаще помогать единоличной власти.

Наметившаяся тенденция к преодолению полисного строя изнутри дополнялась не менее отчетливой тенденцией к его преодолению и извне. Растущие экономические и политические связи подрывали полисный партикуляризм, повсюду обнаруживается тяга к объединению, в особенности в рамках отдельных исторических областей (Халкидидский, Фессалийский, Беотийский, Аркадский и другие союзы). Однако развитие это наталкивалось на серьезные препятствия; помимо традиций полисной автономии сопротивление вызывало стремление полисов-гегемонов превращать союзы в собственные державы, а в то же время продолжалось их соперничество между собой. Все это вело к непрекращающимся междоусобным войнам, которые ослабляли греков и поощряли вмешательство в их дела соседних пегреческих государств — Персии на Востоке и Карфагена на Западе.

Социальный и политический кризис полиса естественно дополнялся кризисом идеологии.

Характерной чертой времени было растущее равнодушие граждан к судьбам своего полисного государства. Рационалистическая и этическая критика существующего порядка, начало которой положили софисты и Сократ, не оставила камня на камне от полисного патриотизма, на смену которому теперь пришли новые настроения и новые идеи. Между тем как народная масса все больше увлекалась воспоминаниями иди, скорее, мечтами о примитивном, уравнительном общественном устройстве, верхушка общества все более и более пропитывалась индивидуалистическими и космополитическими настроениями. Традиционные государственные доктрины, равно и демократические и олигархические, оказывались несостоятельными перед лицом новых задач, и, по мере того как кризис принимал все более затяжную и острую форму, среди людей различного социального и культурного уровня начинало крепнуть убеждение, что лишь сильная личность, авторитетный вождь или диктатор, стоящий над гражданским коллективом, сможет найти выход из того тупика, в который зашло полисное государство. В литературе, выражавшей запросы полисной элиты, популярными становятся тема и образ сильного правителя (в трактатах Платона и Аристотеля, в речах Исократ, в исторических или мнимоисторических произведениях Ксенофонта). Поскольку, однако, внутреннее переустройство не мыслилось без переустройства внешнего, наведение порядка внутри отдельных городов — без установления общего мира в Греции ж победоносного отражения варваров, образ сильного правителя приобретал одновременно черты борца за объединение Эллады, руководителя общеэллинской войны против варваров, черты царя-завоевателя (в особенности у Исократ в речах «Эвагор» — и

«Филипп» и у Ксенофонта в романе «Киропедия»), Так мечты о социальном и политическом переустройстве общества оказались связанными с монархической идеей, а эта последняя, в свою очередь,— с идеей панэллинской.

Естественным следствием социального, политического и идеологического кризиса греческого общества в позднеклассический период явилось возрождение тирании.

Недостатка в попытках ее возрождения не было. Характерное для того времени развитие крайнего индивидуализма порождало у сильных и заносчивых людей стремление выйти из-под контроля общества, сбросить подчас действительно тягостную опеку гражданского коллектива и подчинить этот коллектив своей воле. Не человек — обществу, а общество — сильному человеку — такова была здесь исходная аксиома, теоретическое обоснование которой положили софисты своим учением об относительности закона по сравнению с природой, с конечным выводом о безусловном праве сильного от природы человека на первенство и власть над другими.

Это убежденно сильной личности в своем праве на власть опиралось на осознание реально существовавших возможностей. Ситуация была благоприятна для осуществления самых дерзких замыслов не только потому, что старый порядок был поколеблен непрерывной смутой; важным условием успеха было также наличие необходимых сил, на которые инициатор переворота мог опереться. Обычно такой авантюрист действовал в согласии с группой влиятельных друзей, возлагавших на него личные надежды. Затем он старался демагогическими заверениями привлечь на свою сторону массу простого народа, что при легкой возбудимости демоса сделать было не так уж трудно. Наконец, в его распоряжении всегда могло быть достаточное число вооруженных наемников. Распространение наемничества вообще было одним из важнейших факторов, подготовивших рождение «младшей тирании». Именно наемники, которым в отличие от воинов гражданского ополчения менее было свойственно чувство долга перед государством и больше — сознание своей связи с непосредственным командиром, оказывались чаще всего тем средством, с помощью которого честолюбивый и не слишком лояльно настроенный полководец мог свергнуть свое правительство. При этом очевидно, что такая возможность открывалась не только местным политическим деятелям, занимавшим высокий военный пост по воле своих сограждан, но и обычным начальникам наемных отрядов, чужакам-профессионалам, пришедшим на службу часто вместе со своими отрядами.

Обычно рождение тирании совершалось в обстановке острой внутренней смуты, стимулированной или осложненной внешними угрозами. В такой момент полисное государство, чувствуя свое бессилие справиться с одновременно обрушившимися на него внутренними и внешними трудностями, нередко прибегало к помощи

какого-либо авторитетного политика или полководца, а предоставление ему чрезвычайных полномочий, например, должности единоличного стратега-автократора, создавало необходимую легальную предпосылку к установлению режима личной власти. Тирании возникают и Сиракузах, в Фессалии, в Фокиде, в Сикионе, на Боспоре (династия Спартокидов), в Гераклее Понтийской, на Кипре; однако этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы убедиться, насколько распространенным явлением оказалась «младшая тирания».

Тирания в Балканской Греции.

В Балканской Греции условия для возрождения тирании в общем возникали повсеместно. Даже в крупных и развитых государствах с укоренившимися полисными традициями в пору сильных потрясений не было недостатка по крайней мере в кандидатах в тираны. В Афинах в конце Пелопоннесской войны Алкивиад был близок к захвату единоличной власти (в 407 г. до н.э., после своего назначения в стратеги-автократы), и если он не отважился на решающий шаг, то объяснялось это, по-видимому, его убеждением в невозможности удержать тираническую власть надолго. То, что не решился сделать Алкивиад, сделали, однако, другие, и дважды в этот период к власти в Афинах приходили антидемократические правительства — Совет Четырехсот в 411 г. до н.э. и «тридцать тиранов» — в 404—403 гг. до н.э.

В Спарте опасным было возвышение победоносного полководца Лисандра. и блюстителям традиционного порядка — царям и эфорам пришлось вскоре после окончания Пелопоннесской войны принять решительные меры, чтобы пресечь дальнейший рост его личного могущества. Лисандр покорился державной воле полиса, однако другой видный спартиат. Клеарх, тоже составивший себе имя во время Пелопоннесской войны, не побоялся бросить вызов своей общине, утвердившись в качестве тирана в союзном со Спартой Византии. Спартанскому правительству пришлось послать против непокорного полководца целое войско. Вынужденный оставить Византию, Клеарх удалился в Малую Азию и стал вождем одного из наемных отрядов на службе Кира Младшего.

Наконец, в Фивах в конце 80-х годов IV в. до н.э. утвердилась у власти олигархия, которая, по существу, была такой же корпоративной тиранией, как и правление афинских «Тридцати». Режим этот, просуществовавший около трех лет (382 — 379 гг.), был свергнут благодаря энергичному выступлению фиванских демократов во главе с Пелопидом.

Если язва тирании затронула, таким образом, даже ведущие полисы Эллады, которые лишь с трудом положили предел нарождавшемуся злу, то тем более широким было распространение этого общественного недуга в других районах и городах Балканской Греции,

где полисные, республиканские устои были менее прочными, а давление внешних обстоятельств более сильным. Наиболее значительной и интересной в историческом плане была тирания в Фессалии.

Оригинальна была ситуация, вызвавшая к жизни фессалийскую тиранию. В классическую эпоху Фессалия, подобие некоторым другим, по преимуществу аграрным, областям, сильно отставала в своем развитии. В существенных чертах здесь сохранялась архаическая, сложившаяся ещё в послемикенскую эпоху система общественных отношений. Основную массу свободного населения составляли потомки завоевателей-фессалийцев, покоривших эту область во время великого передвижения племен на рубеже II — I тысячелетий до н.э. Как и у других народов-завоевателей, сохранявших первобытнообщинный строй, захваченная фессалийцами земля составила собственность всего народа, общий фонд, откуда выделялись наделы-клеры для отдельных родов и семей. Фессалийцы — владельцы клеров образовали привилегированную военно-землевладельческую знать, гражданское сословие в собственном смысле, возвышавшееся над двумя другими группами населения — пенестами и периеками.

Потомки покоренного завоевателями населения, пенесты были крепостными, обрабатывавшими паделы фессалийцев. Подобно спартанским илотам, они не были собственностью отдельных хозяев, но составляли слой населения, зависящего от общины-государства завоевателей в целом, причем формы этой зависимости регулировались рядом установлений, возможно даже договорного характера. Другую группу неполноправного населения составляли периски — жители периферийных районов, подчиненные фессалийцами и обязанные платить им дань и поставлять вспомогательные отряды.

Однако в отличие от пенестов они оставались свободными людьми, сохраняли свое общинное устройство и известную автономию и даже наравне с самими фессалийцами пользовались представительством в Дельфийской Амфикипии.

В политическом отношении Фессалия представляла собой конгломерат практически независимых общин. В военных условиях эти общины объединялись в более крупные областные союзы, а эти последние — в единый Фессалийский союз во главе с выборным военачальником — тагом. Однако слабое развитие городской жизни и в связи с этим отсутствие такого центра, который мог бы стать носителем прочных объединительных тенденций, обусловили неразвитость и непрочность этого единства, которое после кратковременного периода активности в VI в. до н.э. влачило жалкое существование.

Как ни медленно совершался процесс социального развития в Фессалии, все же и здесь в конце концов под его воздействием стали обнаруживаться трещины в традиционном порядке. Решающее значение при этом имели спонтанное расслоение фессаллийских общин и связанное с этим формирование настоящих городских центров. Первое обстоятельство привело к выделению и общинах собственно знати, чья экономическая и политическая мощь основывалась на сохранении преимущественных связей с традиционной родо-племенной структурой: экономическая — на удержании в своих руках клеров, обрабатываемых пенестами, а политическая — на использовании в собственных интересах общинных органов власти.

Располагая материальным достатком и поставляя наиболее важный род войска — конницу, это военно-землевладельческое сословие всадников образовало привилегированный слой, противопоставивший себя остальной массе простых общинников-крестьян. Последние владели небольшими наделами, которые они обрабатывали собственными силами, служили в пехоте и сохраняли свое политическое значение лишь постольку, поскольку составляли окружение знатных родов.

Между тем с развитием городов началось формирование слоя свободных людей — ремесленников и торговцев, и вовсе утративших связь с общинами и потому лишенных политических прав. Оба эти процесса — и разложение общин, и рост городов — создавали объективные предпосылки для развития сословной борьбы. В стране рано или поздно должно было начаться движение неравноправной части фессаллийского населения вместо с переиками, а при случае также и с пенестами против засилья родовой знати.

Конечно, не приходится отрицать сильнейшего сходства процессов социального развития в Фессалии V—IV вв. до н.э. с тем, что было характерно для остальной Греции в архаическую эпоху. Однако, поскольку это развитие совершалось не в отрыве от остального греческого мира, оно подверглось воздействию ряда внешних факторов, которые ускорили его и сблизили по характеру происходящего с развитием остальной Греции в позднеклассический период.

Среди этих факторов надо отметить прежде всего вмешательство посторонних сил — Афин. Спарты, Беотии, македонских царей, — которые, откликаясь на призывы враждующих группировок и используя их в собственных интересах, усугубляли и без того сложную политическую ситуацию в Фессалии. При внешнем содействии быстро привилось использование наемников в решении внутренних споров, а знакомство с критическими идеями новейшей философии Сократа и софистов способствовало скорому вызреванию и на фессаллийской почве политиков типа Алкивиада или Лисандра.

К концу V в. до н.э. острота социально-политических конфликтов в Фессалии достигла предела, и на юго-востоке страны, в Ферах, ситуация разрешилась установлением тирании. Феры были самым развитым в торгово-промышленном отношении городом в этой консервативно-аграрной стране; этим он в значительной степени был обязан своей близости к единственной крупной в Фессалии гавани. Естественно, что противоречия между неполноправной народной массой и господствующей аристократией, равно как и ожесточение угнетенных пенестов против своих господ, должны были здесь достигнуть наибольшей остроты. Опасная ситуация могла еще усугубляться близостью пограничных периекских областей, запятых полуавтономными, беспокойными, всегда готовыми подать пример неповиновения общинами магнотов и фтиотидских ахейцев.

Возможно, что переворот готовился уже и раньше, по первым точно засвидетельствованным тираном Фер был Ликофрон (404 г. до н.э.). По предположению английского исследователя Г. Вестлейка, он вышел из низов общества, и быть может благодаря успехам на коммерческом поприще. Очевидно, он относился к числу народных вожаков, и его тирания могла быть итогом местного демократического движения.

Новый режим быстро набирал силы: в 404 г. Ликофрон уже вел борьбу за первенство и власть во всей Фессалии. Его противниками выступали знатные фессалийские роды. В борьбе с ними Ликофрон ориентировался на союз со Спартой, которая, в свою очередь, в ферской тирании мечтала видеть средство давления на строптивую фессалийскую аристократию. Ликофрону не удалось достичь главной цели — установить свой контроль над всей Фессалией. Однако он сумел добиться ослабления противостоявшей ему аристократической коалиции. Его правление продолжалось, возможно, до конца 80-х годов IV в. до н. э., и он сошел со сцены, обеспечив сохранение власти в Ферах за своим домом.

Новый этап в истории фессалийской тирании связан с именем его сына Ясона, при котором тиранический режим в Ферах достиг наивысшего могущества и стал фактором, оказывавшим решающее влияние на политическое развитие всей Фессалии и весьма существенное — на развитие остальной Греции. Энергичные действия Ясона неизбежно должны были привести его к столкновению с тогдашним общегреческим арбитром — Спартой. В этих условиях правитель Фер проявил большое политическое мастерство. Вступив в союз с враждебными Спарте Фивами и Афинами, он обеспечил себе свободу действий в Фессалии и в конце концов добился объединения всей страны под своей властью. В 374 г. до н.э. Ясон, оставаясь тираном Фер, был избран фессалийским тагом.

Вновь созданное ферско-фессалийское государство было основано на политическом дуализме. В своем родном городе Ясон правил как неограниченный владыка, не скрывая и не оправдывая свою власть

никаким официальным прикрытием. Его опорой здесь были группа преданных друзей и шеститысячное наемное войско. При этом, однако, полисная организация Фер не была уничтожена, о чем свидетельствуют существование гражданского ополчения и продолжавшийся чекан монеты от имени ферян. В остальной Фессалии Ясон выступал как конституционный вождь — таг. Правда, избрание его в фессалийские таги было им же самым искусно подготовлено, однако воссоздание единого фессалийского союза отвечало интересам всей страны, и население городов в массе своей склонно было поддерживать Ясона. Со сисей стороны, он выказывал уважение к полисной автономии и старался вовлечь фессалийские города в свою политику в качестве заинтересованных партнеров. В гибком сочетании монархического и державного принципов с полисной автономией, в признании за фессалийскими городами известного значения и роли надо видеть свидетельство большой политической мудрости нового фессалийского правителя.

Усилиями Ясона новое фессалийское государство скоро превратилось в сильную державу. В его состав помимо собственно Фессалии вошли соседние области; его влияние распространилось даже на Эпир и Македонию. Основой его военной мощи было наемное войско самого Ясона и общефессалийское ополчение, насчитывавшее до 20 тыс. гоплитов и 8 тыс. всадников. Для содержания этого войска периексийской общины были обложены большой данью. Ясон намерен был также приступить к строительству большого флота, куда в качестве гребцов он собирался привлечь пенестов.

С дальнейшие планы Ясона входило установление фессалийской гегемонии во всей Греции, Удобной формой достижения такой гегемонии, по мысли Ясона, могло стать восстановление руководящей роли фессалийцев в Дельфийской Амфикинии. По достижении гегемонии в Греции ферский правитель рассчитывал открыть завоевательную кампанию на Востоке против персов. Однако всем этим планам не суждено было осуществиться: в 370 г. до н. э., в самый разгар приготовлений к походу в Среднюю Грецию, Ясон пал жертвой заговора. Смерть Ясона не означала конца ферской тирании. Власть унаследовали его братья. Однако в отличие от Ясона его преемники оказались не на высоте исторических задач. При них происходит постепенный упадок ферско-фессалийского государства. Причиной этого отчасти была междоусобная борьба за власть, которая разгорелась в правящем семействе. Сначала один из братьев пал от руки другого, а тот был устранен племянником, который, в свою очередь, после 11-летнего правления был убит по наущению собственной жены (358 г. до н. э.). Исполнителями заговора и восприемниками власти стали ее братья, сыновья Ясона, которым суждено было продержаться в Ферах еще несколько лет.

Дело в том, что одновременно с вырождением династии шел и другой, более важный процесс — вырождение всей созданной Ясоном политической системы. Правление преемников Ясона являло собою

непрерывное сползание в сторону откровенной тирании не только в Ферах, но и в остальной Фессалии, что должно было иметь самые пагубные последствия для всего режима. Пробудившиеся к активности силы оппозиции, прежде всего аристократические роды, обратились за помощью к соседним державам, которые давно уже с тревогой следили за возвышением ферских правителей и теперь были рады повдаться в фессалийские дела. Неоднократные македонские и беотийские вторжения привели к тому, что власть Леонидов была ограничена областью Фер и учрежден был независимый от них союз фессалийских городов. В 353 г. до н.э.

Филипп Македонский совместно со свободными фессалийцами довершил разгром ферских тиранов, и Феры влились в состав опекаемого Филиппом II Фессалийского союза. Именно Филиппу, опиравшемуся на силы объединенных посредством личной унии Македонии и Фессалии, суждено было стать подлинным преемником Ясона, исполнителем его широких политических планов.

Тирания на периферии греческого мира.

Жизнь греческих колоний в общем подчинялась тем же законам, что и жизнь их метрополии, и в позднеекласический период эти дочерние поселения также оказались охваченными глубоким социально-политическим кризисом, следствием которого было и здесь повсеместное возникновение авторитарных, тиранических режимов. Все же принципиальное сходство не исключало и известных различий в развитии колоний и метрополий. В греческих колониях с их более подвижной, менее скованной традицией жизнью, с менее устойчивой в силу этого социальной и политической структурой развитие кризисных явлений совершалось даже быстрее, чем в городах Балканской Греции. Велика была при этом стимулирующая роль внешних осложнений: давление враждебной периферии непрерывно ощущалось греческими поселениями, а в моменты внутренних кризисов это давление немедленно превращалось в грозное наступление, что решающим образом ускоряло катастрофу. Это особенное стечение внутренних и внешних осложнений, нередко выпадавшее на долю периферийных полисов, создавало в высшей степени благоприятные условия для утверждения здесь тираний: на периферии греческого мира они возникали быстрее, развивались стремительнее и достигали более полных форм самовыражения, чем в собственно Греции.

В качестве характерного примера можно привлечь Сицилию. Для исторического разлития греческих городов Сицилии большое значение имело их вынужденное участие в Пелопоннесской войне в связи с двумя вторжениями афинян (в 427 — 424 и 415 — 413 гг. до н.э.), а затем возобновление борьбы с карфагенянами. Последние, пользуясь взаимным ослаблением греков, в 409 г. до н.э. в широких масштабах начали наступление на греческую часть острова и уже в том же году взяли и разрушили два больших города — Селинунт и Гимеру.

Эти войны решительным образом нарушили стабильность сложившегося к концу второй трети V в. до н.э. положения — и в каждом отдельном городе, где полисные, республиканские и демократические принципы только что обрели силу, и в Сицилии в целом, получившей устойчивость под знаком сиракузского верховенства. В самих Сиракузах затянувшаяся и потребовавшая огромного напряжения сил борьба с Афинами резко стимулировала внутреннее развитие в сторону обострения социальных и политических отношений, что нашло отражение, например, и в столкновениях близкого олигархии Герьюкрата с демагогами Афпдагором (в 415 г. до н.э.) и Диоклом (в 413 г. до н.э.), и в окончательном, как представлялось, торжестве радикальной демократии, которая после победы над афинянами добилась проведения важных преобразований в государственном строе Сиракуз (реформы Диокла в 412 г. до н.э.). Па дело, однако, оказалось, что этот успех демократии еще больше обострил социальные отношения, углубил противоречия между консервативными и радикальными группировками, что должно было крайне отрицательно сказаться на полисном единстве.

Вместе с тем войны, поощрив профессионализацию армии, повысив роль военачальников и вызвав к жизни практику чрезвычайных назначений, содействовали развитию и иных опасных для полиса тенденций. И здесь, как и в городах Балканской Греции, неустойчивость социально-политической обстановки развязала инициативу отдельных честолюбивых политиков, готовых — именно здесь больше, чем где-либо в другом месте, — в случае конфликта с собственной общиной силой отстаивать свое право на первенство. И действительно, когда в 408-407 г. изгнанный незадолго до этого Гермократ попытался насильственным путем добиться возвращения на родину, стало ясно, насколько реальна угроза ниспровержения республики и установления тирании в Сиракузах.

Гермократ был осужден на изгнание происками своих политических противников — демократов. Сам он в тот момент находился вместе с отрядом сиракузских кораблей у берегов Малой Азии, воюя на стороне Спарты против афинян. Получив известие о своем осуждении, он наберновал отряд наемников и вместе с ним вернулся в Сицилию. Здесь он пополнил свое войско гражданами разгромленных карфагенянами городов и на собственный страх и риск повел войну с финикийскими колониями в западной части острова. Спекуляциями на патриотических настроениях Гермократу удалось привлечь к себе симпатии народной массы в Сиракузах и даже с помощью друзей добиться устранения вождя радикальной группировки Диокла. Однако значительная часть граждан решительно воспротивилась возвращению Гормократа. С помощью своих сторонников Гермократу всетаки удалось проникнуть в Сиракузы, однако на городской площади отряд мятежного полководца был встречен вооруженными гражданами и после ожесточенной схватки весь уничтожен.

Путч Гермократа окончился провалом, однако это вовсе не означало, что опасность, нависшая над Сиракузской республикой, миновала. Положение оставалось весьма тревожным и в силу напряженности во внутренних отношениях, и ввиду растущей угрозы со стороны карфагенян. Победа над Гермократом усилила влияние консервативной группировки, что должно было вызвать подозрение у пылких приверженцев демократии, которые теперь не без основания могли опасаться олигархического переворота. При этом у демократов не было недостатка в поводах для критики: малоэффективная внешняя политика делала весьма уязвимыми позиции правящей группировки. Когда в 406 г. до н. э. карфагеняне возобновили свое наступление и осадили Акрагант, союзному греческому войску так и не удалось отстоять этот крупнейший после Сиракуз город Сицилии. II причиной тому была не столько многочисленность вражеского войска, сколько вялая и небрежная манера ведения войны, которой придерживались греческие стратеги.

Падение Акраганта повергло в ужас греков Сицилии и вызвало политический кризис в Сиракузах. Инициатором антиправительственного выступления стал, молодой командир, соратник покойного Гермократа — Дионисий. Поддерживаемый влиятельными друзьями, Дионисий на народном собрании подверг уничтожающей критике действия сиракузских стратегов. При этом, несмотря на молодость (ему было всего 25 лет), он показал себя умелым демагогом. Спекулируя на патриотических настроениях и социальных антипатиях низов, шантажируя их угрозами карфагенского нашествия и олигархического переворота, он увлек за собой большинство народа. Прежние стратеги были до срока отрешены от должности, и на их место были избраны другие вместе с Дионисием. Ловкий демагог сумел вскоре дискредитировать и этих своих коллег и добился для себя назначения в единоличные стратеги-автократоры. Затем с помощью провокации он убедил сограждан предоставить ему личную охрану из 600 воинов. Он сам укомплектовал этот отряд преданными людьми и довел его численность до 1000 человек. Опираясь на своих друзей, на телохранителей и на прочих наемников, которых он привлек обещаниями щедрого вознаграждения, поддерживаемый также многочисленными сторонниками среди городских низов, которые ожидали от него радикального переустройства общества, Дионисий прочно утвердился у власти (лето 405 г. до н.э.). До конца жизни он оставался единоличным правителем Сиракуз и, умирая, завещал власть своему сыну — Дионисию Младшему.

Авторитарное монархическое положение Дионисия было основано, безусловно, на подавляющем превосходстве сил, на которые он опирался, — партии друзей и войска наемников — над гражданским обществом. Однако его политика не была полностью беспринципной, и он умел частичным удовлетворением требований масс и особенно энергичной борьбой с карфагенянами создать некоторое оправдание и даже популярность своему режиму. Впрочем, действия Дионисия

против карфагенян на первых порах были не более успешны, чем действия свергнутого им республиканского правительства. Под Гелой он потерпел поражение, чем незамедлительно воспользовались принципиальные противники тирании — сиракузские аристократы-всадники, которые подняли против Дионисия мятеж. Тиранин сумел подавить это восстание, однако продолжать войну с карфагенянами было уже невозможно и пришлось заключить мир на условиях, которые продиктовала сильнейшая сторона (в конце того же 405 г.).

Этот мир перечеркнул все державные завоевания, сделанные Сиракузами при старшей тирании и при последующей демократии. Греческие города северо-восточной части Сицилии, равно как и все общины местных жителей — сикулов, стали свободными и независимыми. Размеры Сиракузского государства были ограничены г. Сиракузами и ближайшей примыкающей к нему территорией. Зато резко возросло могущество карфагенян, которые расширили и консолидировали свои владения на западе острова (с этих пор :аджио говорить о существовании правильно организованной карфагенской провинции в Сицилии) и поставили под контроль все греческие города южного и северного побережья. Военный разгром и последующее политическое уничтожение этих городов означали резкое ослабление греков в Сицилии. Последним оплотом эллинизма остались Сиракузы, и было ясно, что исход возобновившегося противоборства карфагенян с греками будет зависеть от способности к сопротивлению именно этого города.

Для Дионисия подготовка к новой войне с карфагенянами стала первоочередной задачей. Он понимал, что только в такой войне может найти оправдание дальнейшее существование основанного им режима. Уже в 404 г. до н.э., пользуясь внутренними трудностями Карфагена, он начал наступление на независимые сикульские общины и таким образом денонсировал соглашение с карфагенянами, по которому он вынужден был пойти в 405 г. Новое большое восстание сиракузян на рубеже 404—403 гг. прервало начатую кампанию, но лишь на короткое время. Подавив оппозицию, Дионисий немедленно возобновил наступление на сикульские и греческие города Восточной Сицилии и вел его столь успешно, что к 399 г. до н. э. установил свой контроль над всей этой частью острова.

Восстановление сиракузского верховенства в Восточной Сицилии означало создание необходимой политической предпосылки для последующей открытой борьбы с Карфагеном. Одновременно в широких масштабах Дионисием осуществлялась и собственно военная и техническая подготовка к этой борьбе: Сиракузы были обнесены новым кольцом укреплений, было заготовлено большое количество оружия и новых тогда метательных орудий — катапульт, созданы сильный флот (свыше 300 единиц) и многочисленная сухопутная армия. Завершив подготовку, Дионисий в 398 г. до н.э. начал новую войну с Карфагеном, открыто провозгласив своей целью полное изгнание карфагенян из Сицилии. Эта II Карфагенская война

продолжалась до 392 г. до н. э. Своей цели в полном объеме Дионисий достичь не смог: совершенно изгнать карфагенян с острова ему не удалось. Однако его успехи были значительны и приобретения обширны: его держава простиралась теперь далеко на запад острова. Одновременно шло расширение этой державы и за пределами Сицилии, в первую очередь за счет южноиталийских земель. Ведя борьбу с Регием, давнишним врагом сиракузской державы, и с федерацией греков-пталитов, поддержавших Реши, Дионисий сумел добиться исключительных успехов. В 388 г. сиракузский тиран нанес италиотам сокрушительное поражение, а в 386 г. до н.э. был взят наконец и Реши.

Таким образом, к середине 80-х годов IV в. до н.э. на западе Средиземноморья сложилась мощная территориальная держава, раскинувшаяся по обе стороны Мессинского пролива. Создавший эту державу сиракузский тиран не снижал своей политической активности и в последующие годы. Правда, в Сицилии, где он еще дважды воевал против карфагенян, ему не удалось добиться новых успехов. В итоге III Карфагенской войны (382— 374 гг. до н.э.) он даже должен был уступить неприятелю часть своих владений на западе Сицилии, и последняя, IV война, которую он вел с карфагенянами в год своей смерти (367/66 г. до н.э.), тоже ничего не изменила в этом отношении. Зато на других направлениях он добился многого. В северных водах его преобладание было безраздельным, о чем свидетельствуют и вывод колоний на побережья и острова Адриатического моря, и глубокое вторжение в Тирренское море, совершенное ради устрашения этрусков. В Южной Италии он расширил свои владения за пределы «носка» Апеннинского полуострова, овладев очень важным городом Кротонем. Наконец, он осуществлял систематическое вмешательство в дела Балканской Греции, действуя здесь на пользу союзной с ним Спарты, но одновременно имея в виду и собственные державные интересы.

Созданная усилиями сиракузского тирана держава была тогда, по справедливой оценке древних, самой мощной в Европе. На протяжении нескольких десятилетий это государство играло важную роль в политической жизни античного Средиземноморья, оказывая сильное воздействие на развитие дел на Западе и достаточно ощутимое — на Востоке.

Источником прочности этого государства была в первую очередь инициативная внешняя политика Дионисия, который сумел органически связать существование основанного им авторитарного режима с решением большой, жизненно важной для западных греков проблемы — отражения карфагенян. Вместе с тем и во внутренней политике сиракузского правителя можно обнаружить ряд конструктивных элементов, которые сообщали устойчивость его режиму. Весьма продуманной была социальная политика Дионисия. После подавления мятежа сиракузских всадников он пропел частичный передел собственности: земли и дома мятежных

аристократов были конфискованы, лучшие из них тиран подарил своим друзьям и командирам наемных отрядов, а прочие пустил в раздел между остальными сиракузскими гражданами и наемниками. При этом состав гражданского общества подвергся существенным изменениям: на место истребленных или изгнанных аристократов пришли так называемые неополиты (буквально «повограждане») — освобожденные на волю и наделенные правами гражданства рабы репрессированных аристократов. Проведение этих мероприятий позволило Дионисию сохранить еще на некоторое время маску народного вождя и придать своему перевороту вид социальной революции. Однако в действительности главным итогом этой «революции» было укрепление основ авторитарного режима, который располагал теперь массой приверженцев и внутри гражданского общества, и за его пределами.

Вообще и здесь характерной чертой новой государственной системы был дуализм, сосуществование двух различных политических начал — полисного и монархического. Двойственностью отличалась уже личная власть Дионисия, ибо она базировалась, с одной стороны, на предоставленных ему однажды общиной полномочиях стратега-автократора, а с другой — на силе его личных друзей и наемников, обеспечивавших ему возможность непрерывной узурпации этих полномочий. Но и более широко — в общей социально-политической организации Сиракуз — можно было наблюдать то же сочетание противоположных элементов: старое гражданское общество сосуществовало с новой прослойкой граждан (неополитов) и неграждан (наемников), для которых возможность политической активности определялась их связью с новым авторитарным режимом; наряду с гражданским ополчением выступила новая наемная армия, а рядом с традиционными представительными органами гражданской общины — народным собранием и выборными магистратами — выросла новая монархическая администрация — совет друзей и военно-полицейская бюрократия.

Замечательной особенностью политики Дионисия было старание не допустить развития антагонизма между этими, по существу, столь различными элементами, а наоборот, по возможности сплавить их в рамках непрерывного сотрудничества — прежде всего в борьбе с внешним врагом — в единое неразрывное целое. В умении добиваться этого и заключалась сила Дионисия. Однако справедливость требует признать, что конструктивное сотрудничество монархии и гражданской общины ограничивалось при Дионисии лишь рамками державного полиса Сиракуз и разве что ещё г. Локры, остававшегося и при Дионисии на положении привилегированного союзника. За их пределами, но отношению к другим греческим городам, Дионисий вел себя вполне однозначно — как безусловный деспот, и в этом пренебрежении к полисным традициям вис собственного города надо видеть свидетельство политической ограниченности сиракузского правителя, по крайней мере в сравнении с другим знаменитым тираном того времени — Ясоном Ферским. При жизни Дионисия

Старшего авторитарный режим в Сиракузах демонстрировал свою силу, однако после его смерти не замедлили обнаружиться и слабости. Преемник Дионисия Старшего, его сын, распутный и слабовольный Дионисий Младший, оказался неспособным сохранить наследие отца. Прекращение наступательных войн привело сиракузскую тиранию к утрате той внешней инициативы и силы, без которых такие системы не могут существовать, и вспыхнувшая в этих условиях дворцовая распря оказалась губительной для всего режима.

Дионисий Младший был сыном Дионисия Старшего от уроженки г. Локры Дориды. Но Дионисий Старший имел детей и от другой жены — сиракузянки Аристомахи. Брат Аристомахи Дион был одним из влиятельнейших соратников Дионисия Старшего. Накануне кончины тирана он безуспешно добивался изменения порядка престолонаследия в пользу своих племянников, а затем продолжал интриги уже прямо против Дионисия Младшего. Последнему удалось на время пресечь происки Диона. Однако изгнанный из Сицилии (в 366 г. до н.э.) Дион не успокоился и в 357 г. до н.э. вернулся обратно с отрядом наемников. Выступив под лозунгом освобождения сицилийских греков от тирании, Дион сумел привлечь на свою сторону целый ряд городов, да и в самих Сиракузах его поначалу встретили как освободителя. Не сумевший помешать высадке Диона в Сицилии, а затем его вступлению в Сиракузы, Дионисий Младший ограничился обороной сиракузской цитадели Ортигии. В начале следующего года сатрап, отчаявшись в возможностях продолжать борьбу, бежал в Локры. Он, правда, оставил на Ортигии гарнизон во главе со своим сыном Аполлокротом, но, предоставленный самому себе, этот гарнизон должен был в конце концов капитулировать (355 г. до н.э.).

Однако свержение Дионисия Младшего обернулось и для сиракузян, и для остальных сицилийцев худшей стороной. Республиканские традиции в сицилийских городах за полвека непрерывной тирании были сильно ослаблены, и полисы оказались теперь во власти предприимчивых вождей отрядов. В самих Сиракузах также тираны сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, и в этом водовороте еще раз вынырнул на поверхность Дионисий Младший, который в 347 г. до н.э. вторично овладел Сиракузами. К этому времени политический хаос в Сицилии достиг своего предела.

Мощная держава, созданная когда-то Дионисием Старшим, совершенно распалась. В каждом отдельном городе у власти стоял свой тиран, у которого, однако, сил хватало лишь на подавление местной гражданской оппозиции и на борьбу с соперниками. Страна, лишенная единства, в любой момент могла подвергнуться нападению врагов-карфагенян, которые давно уже с пристальным вниманием следили за развитием событий в греческой части острова.

В этих условиях представители республиканской оппозиции в Сиракузах обратились за помощью к своей метрополии — Коринфу. Оттуда в 344 г. до н.э. на помощь сицилийцам был отправлен

Тимолеонт, убежденный республиканец, доказавший свою приверженность полисным принципам выступлением против собственного брата, когда тот пытался захватить власть в Коринфе. Явившись в Сицилию с небольшим отрядом наёмников, Тимолеонт, действуя необычайно последовательно и энергично. В короткий срок добился исключительных успехов: Сиракузы были освобождены от тирании, древнее республиканское устройство было восстановлено и были приняты меры — в частности, путем приглашения новых колонистов из Греции — к расширению и укреплению сиракузской гражданской общины. Попытки карфагенян прямой интервенцией помешать возрождению Сиракуз были решительно пресечены. Для продолжения борьбы с Карфагеном был создан союз сицилийских городов. В 341 г. до н.э. союзные греческие войска наголову разгромили большую карфагенскую армию. Мир, заключенный вскоре после этого, подтвердил историческое разграничение владений карфагенян и греков (339 г. до н.э.).

Покончив с карфагенской опасностью, Тимолеонт вновь обратился против того, что считал главным злом, и довершил искоренение тиранических режимов в остальных сицилийских городах. К 337 г. усилиями Тимолеонта и его соратников мир и порядок в Сицилии были восстановлены повсеместно. Однако достигнуто было по преимуществу внешнее упорядочение, остановить внутренние процессы разложения было невозможно, и спустя короткое время, когда поколение Тимолеонта сошло со сцены, сицилийские города вновь оказались охвачены смутой.

Оценивая историческое значение «младшей тирании», следует еще раз подчеркнуть ее тесную связь с кризисом полиса. Позднеклассическая тирания все были порождены смутным временем и все являлись своеобразными вариантами преодоления смуты. Однако варианты эти были ущербными: господствующим мотивом в установлении и функционировании этих режимов личной власти была каждый раз личная воля узурпатора, как правило исполненная самого низменного эгоизма. Лишь в редких случаях отдельным, наиболее дальновидным властителям удавалось находить более общее принципиальное обоснование созданной ими политической системы. Связывая существование своей власти с решением — хотя бы частичным — какой-либо большой социальной или политической проблемы, они сообщали ей дополнительную устойчивость, но тогда и сама эта власть перерождалась и переставала быть просто тиранией.

В отдельных частностях тираны позднеклассического времени были предтечами позднейших владык Греции — македонских и эллинистических царей: в создании сильной единоличной власти, в выработке монархического этикета и культа правителя, в поисках равновесия между монархической властью и гражданской общиной, в стремлении выйти за пределы полиса и построить более обширное территориальное единство. Взятые в целом «младшая тирания» и греко-македонская эллинистическая монархия являют собою два

различных исторических типа. В тирании позднеклассического времени надо видеть вариант поиска, который велся только па греческой почве и греческими силами. Этот вариант оказался несостоятельным. Новый вариант — эллинистический — возник благодаря совершенно особой политической ситуации, вызванной державной политикой Македонии, и ни в каком генетическом родстве с тиранией не состоял.

Литература:

Фролов Э.Д. Предэллинизм на западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.257-273

Лекция 14: Греческая культура VII-IV вв. до н.э.

Религия и мифология.

Невозможно назвать область современной культуры — будь то география или медицина, архитектура или театр, где бы греки не оставили глубокого следа, но особенно велик их вклад в развитие философии. «В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений»(Ф.Эггелт, г. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». — К.Маркс и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 369.), — писал Ф. Энгельс. Мифология греков была той почвой, на которой выросли не только искусство и литература, по которая до известной степени питала и греческую науку. Типологически первоначальное греческое мировоззрение и мироощущение не отличалось от всех общинных религий и мифологий мира. Популярность греческих мифов, которую они сохранили и поныне, объясняется отчасти том, что они дошли до нас в художественно-философской обработке величайших представителей греческой литературы и искусства.

Греческая религия проходила те же ступени, что и религия других народов. Даже в V в. до н.э. поклонялись где камню, где пальме, в Афинах — оливе, в Додоне — дубам, шелест листьев которых якобы говорил о будущем. Изображения богов сначала были деревянными чурбанами. В народной религии греков встречались боги, сохранившие полуживотный облик: сирены — полуженщины, полуптицы, nereиды и тритоны — полурыбы, сфинксы с женской головой и львиным телом, сатиры, покрытые шерстью, с козлиными рогами и хвостами, кентавры — полулошади и т.п. Но главные боги греков имели уже человеческий образ, хотя пережитки тотемизма видны в их эпитетах — «волоокая Гера». «совоокая Афина», «ликейский (т.е. волчий) Аполлон».

Священной птицей Зевса был орел, спутницей Афины — сова, Артемиды — лань, Гермеса — ягненок, бога врачевания Асклепия — змея. В мифе Зевс превращался в быка или орла, Артемида — в лань или медведицу и т.д.

Божество земного плодородия греки называли различными женскими именами — Гея, Рея, Деметра и др. В Афинах и других полисах происходили таинства (мистерии), ставившие целью обеспечить плодородие земли, в которых могли участвовать только замужние женщины. Почитали также Солнце, Луну и светила: «волчий» Аполлон был также божеством света с прозвищем «Феб» («блестящий»), его сестра Артемида — богиней Луны; позже некоторые боги отождествляются с планетами. Важную роль играл патриархальный культ предков. Роды вели свое происхождение от богов: существовали мифы о браках богов со смертными женщинами, потомки которых стали основателями знатных родов. У каждого рода, каждой семьи появляются свои святыни — семейный очаг и могилы предков. Община тоже имеет свои святилища — храмы и расположенные под открытым небом алтари для жертвоприношений, священные рощи и водоемы. Для наблюдения за святилищами и принесением жертв выделяются жрецы; доступ в жрецы был открыт каждому свободному и физически здоровому гражданину.

Всякая греческая община имела своего местного бога: Афина покровительствовала Афинам, Гера — Самосу, Артемида — Спарте и т.д. Власть бога сначала не распространялась за пределы его общины, и в случае ее завоевания поражение вместе с ней терпел и ее покровитель: ему переставали приносить жертвы и его святилище приходило в запустение. Все-таки совсем отвергнуть поверженное божество не решались из опасения мести с его стороны, и статую побежденного бога обычно переносили в храм бога-победителя. Так в древнейшее время в Аттике почитался гигант Паллап, который, согласно мифу, был побежден Афиной в битве между богами и гигантами. Этот миф отразил, может быть, победу Афин над одной из мелких общин Аттики; из имени Паллапта возникло прозвище Афины; Афипа-Паллада. Слиянием культов божеств объясняется наличие нескольких имен и у других богов: Феб-Аполлон, Вакх-Дионис, Посейдон-Эрехтей и др. Еще с крито-микенской эпохи выделяется группа главных богов, а божества второстепенных общин занимают в сонме богов подчиненное положение. Ко многим из них уже почти не применяли слово «боги», их называют нимфами, демонами, героями, полубогами. В период расцвета полисов общегреческую религию называют олимпийской, по имени горы Олимп в Фессалии, где, по поверью, на снежной вершине в золотых дворцах единой общиной жили все главные боги. По преданию, среди богов также развертывалась борьба за власть (Миф этот имеет в мире много очень древних аналогий, особенно близкую — у хурритов.— Примеч. ред.).

Поколение первых богов свергли олимпийские боги, возглавляемые Зевсом, и олимпийцы стали управлять различными сторонами жизни

на земле: Зевс, божество грозового неба, становится царем богов и людей. Его брату Посейдону, первоначально божеству земли, считавшемуся также покровителем коневодства, принадлежит морская стихия, он опекает моряков. Другой брат, Аид-Плутон, управляет подземным царством мертвых и вместе с сестрой Демстрой ведает земным плодородием. Дети Зевса тоже входят в число олимпийских богов: они руководят занятиями людей. Афина, любимая дочь Зевса, обучила смертных ткацкому ремеслу и оливководству; она помогает ремесленникам, ученым, и ее щит или эгида прикрывает людей, склонных к мирным делам. Лук стреловержца Аполлона превращается в лиру (предполагают, что лира произошла из лука, на который натягивали звучащую тетиву), а самого Аполлона чтут как предводителя девяти Муз, бога певцов, музыкантов и предсказателей (Почти во всех мифологиях световые божества — одновременно покровители предсказателей. — Примеч. ред.). Гефест, сын Зевса и Геры, покровительствует кузнечному ремеслу, его жена Афродита, некогда богиня плодородия, становится богиней любви (не только телесной, но и духовной), Гермес, божество горных скотоводов, став вестником богов, помогает путникам на дорогах, торговцам и даже ворам и ростовщикам. Артемида — покровительница охотников, Арес — бог войны, а попечитель виноградарства — Вакх-Дионис (Диониса, однако, аристократы не включали в число олимпийцев).

Несмотря на то что олимпийская религия стала официальной в большинстве полисов (в Афинах выступления против нее приравнивались к государственному преступлению), старинные народные верования не были изжиты, а в рассказах о значении и происхождении олимпийских богов в каждой общине бытовали свои мифы, особенно о героях, происходивших, как правило, от союза Зевса со смертными женщинами; в эти сказания часто вплетались воспоминания о действительных событиях далекого прошлого. Мифы, приобретавшие популярность по всей Греции, соединялись в циклы — таким был цикл мифов о подвигах Геракла и сказания о Троянской войне. В связи с развитием международной торговли растет значение общегреческих святилищ; все полисы принимали на себя обязательства защищать такие храмы от нападений. Это делало их земли наиболее безопасными местами для обмена и торговли. Под защиту брались и паломники, направлявшиеся к храмам. Праздники в общегреческих святилищах, для проведения которых полисы заключали временный мир, сопровождалась гимнастическими, художественными соревнованиями и ярмаркой.

Философия и наука.

Развитие торговли и общегреческих связей привело к появлению письменности, что было важным этапом в развитии греческой культуры. Микенское линейное письмо повсюду (за исключением лежащего на окраине греческого мира Кипра) было забыто, и

потребности жизни толкали греков на заимствование подходящей системы письменности. Ею оказалась финикийская, уже достигшая буквенной ступени, но не пользовавшаяся знаками для обозначения гласных. Сами греки называли свой алфавит «финикийскими» буквами. Греческая письменность, передававшая все фонемы языка и ставшая прообразом основных алфавитов Европы, развилась не позднее VIII в. до н.э.

В VIII—VII вв. до н.э. в Ионии, самой передовой тогда части Греции, стали быстро развиваться естественнонаучные и математические знания. Появляются медицинские школы, обобщившие опыт многих поколений врачей и сведения, заимствованные с Востока. Математика, развивавшаяся тоже под сильным влиянием восточных культур, уже применяла важное для мореходов учение о подобии треугольников, астрономы составляли таблицы поправок к лунному календарю, пытались предсказывать затмения. Попытка обобщить сведения об окружающем мире привела к появлению философов. Наблюдая за природой, они приходили к выводу о материальности мира и всеобщей связи всех явлений. Основателем милетской философской школы обычно считают выдающегося мыслителя, математика и астронома Фалеса (середина VI в. до н.э.), утверждавшего, что основа мира — вода. Все, утверждал Фалес, возникает из воды и в нее превращается; в самом деле, воду можно обнаружить и во влажном приморском воздухе, и в земле, и в растениях, и в животных. Ученики Фалеса продолжали искать материальную сущность мира: одному из них удалось обнаружить, что вода не является первичной материей, она сама содержит воздух и может быть превращена в пар. Ионийские ученые не признавали нематериальных явлений. Душа, с их точки зрения, — это просто причина поступков и движений. Вещи тоже имеют душу; например, магнит — это душа металла.

Другим выдающимся философом был Гераклит из Эфеса (около 544—470 гг. до н.э.). От его сочинения «О природе» сохранились лишь отрывки; по-видимому, Гераклит разрабатывал материалистическую диалектику. Первичной материей Гераклит считал огонь. Окружающий мир — непрерывный процесс движения, подобный воспламенениям и затуханиям огня. «Все течет, все изменяется, — утверждал Гераклит, — В одну и ту же реку нельзя войти дважды». Движение вызвано борьбой противоположностей и строго обусловлено. Многие в учении Гераклита послужило отправным пунктом для дальнейшего развития философской мысли.

Материализму и диалектике ионийских ученых противостояли возникшие в «Великой Греции» пифагорейская и элейская философские школы. Об учении Пифагора (около 580—500 гг. до н.э.) сейчас известно мало достоверного. Он создал в Южной Италии религиозно-мистическое сообщество аристократически настроенных мыслителей — Пифагорейский союз. Пифагорейцы отдавали математике предпочтение перед другими науками потому, что она исследует не грубую и неустойчивые явления материального мира, а

имеет дело с лишенными материальной оболочки духовными сущностями — числами. Мистике чисел придавалось большое значение: единица считалась всеобщим началом, двойка — вносящей принцип противоположности, тройка в отличие от двойки была началом положительным. Заслугой пифагорейцев можно считать постановку вопроса о количественных закономерностях в природе. Пифагору, например, приписывают установление связи между частотой колебаний струны и высотой звука и на основании этого его считают основоположником теории музыки.

В Эле в конце VI в. до н.э. возникает философская школа элеатов, представители которой — Парменид, Зенон и др. — отвергали диалектику ионийцев. Отрицая опыт как источник знания, элейские философы пытались путем логических парадоксов доказать неподвижность мира. В V—IV вв. до н.э. Иония утратила свое ведущее значение. Победа демократии создала (прежде всего в Афинах) новые, неведомые дотоле возможности развития культуры. Пауке и искусству придавали серьезное значение в воспитании полноценного гражданина. Продолжала быстро развиваться математика; успехи ее были важны для торговли, мореплавания и строительства. В V—IV вв. до н. э. были разработаны почти все разделы элементарной геометрии, упорядочен лунный календарь. Гиппократ привел в систему первые медицинские знания. Крушение тысячелетних традиционных устоев, всеобщая политическая и идейная борьба, ведшаяся открыто и не стихавшая на протяжении всего классического периода, привела к краху авторитарного мышления: ничто не принималось на веру, каждое положение надо было доказывать.

Ученых в V в. до н.э. уже не удовлетворяло представление о материи как о чем-то едином и неделимом. Философы ищут путей к дальнейшему анализу, к определению мельчайших первичных частиц материи. Первым встал на этот путь друг Перикла, переселившийся в Афины иониец Анаксагор (около 500—428 гг. до н.э.). За основу всего сущего Анаксагор принимал материальные частицы, «семена вещей», обладавшие теми же свойствами, что и сами предметы, но неизмеримо более маленькие. Анаксагор первый высказал предположение, что Солнце и звезды — раскаленные камни, испускающие свет, а Луна отражает чужой свет. Из-за своих взглядов, противоречивших официальной религии, Анаксагор вынужден был покинуть Афины.

Вершиной греческого материализма были труды великого естествоиспытателя, математика и философа Демокрита (около 470—380 гг. до н.э.). Демокрит происходил из отсталого города Абдер на севере Греции. Математическое и астрономическое образование он получил у восточных ученых; он посетил Персию, Вавилонию и Египет. Он побывал и в Афинах, где общался с Анаксагором, Сократом и другими выдающимися мыслителями того времени. Результатом путешествий была книга «Большой мирострой». Демокрит был подлинным энциклопедистом; он написал ряд математических, астрономических сочинений) а также работы по истории, этике,

биологии и психологии, по прикладным дисциплинам — технике и медицине, музыке, ораторскому искусству. От его сочинений сохранилось лишь около 800 фрагментов, разбросанных в виде цитат в сочинениях его противников, приводивших вырванные из контекста фразы Демокрита, чтобы опровергнуть его.

Демокрит первый ввел в науку понятие атомов (первотелец), неделимых частиц материи. Согласно Демокриту, в мире нет ничего, кроме атомов и пустоты. Все атомы неизменны, неделимы, но атомы различных тел различаются формой и размером. Атомы огня, например, очень малы и шарообразны: они вечно движутся и, попадая в промежутки между другими атомами, приводят их в движение. Земля, воздух, вода — смесь различных атомов. Когда одинаковые атомы встречаются, образуются тела. Разница между телами объясняется не только различием формы входящих в них атомов, но и плотностью атомов и порядком, в каком они соединяются друг с другом. При увеличении промежутков между однородными атомами твердая материя становится жидкой, а дальнейшее разрежение превратит ее в газ, как при нагревании воды. Демокрит считал, что в основе познания лежат ощущения. Однако чувства дают нам лишь искаженное, «незаконнорожденное» познание. То, что одному кажется светлым, другому представляется темным. В действительности существуют лишь атомы и пустота. Когда мы видим, обоняем, осязаем или пробуем что-либо на вкус — это атомы, отделяющиеся от поверхности тел касаются наших органов чувств. Если форма их острая, у нас создается впечатление острого вкуса, цвета или запаха, а если атомы круглые, то и ощущения от них мягче. Только проверяя показания чувств выработанным в себе разумом, можно исключить ошибку, получить познание истинное.

Демокрит считал, что нет явлений без причины: природа и история не имеют цели, но все события обусловлены. В учении его не оставалось места для вмешательства сверхъестественных сил в явления мира. Материя вечна, утверждал он, и ее возникновение не нуждается в объяснении: объяснять надо только изменения, а это возможно без привлечения веры в богов. «Малый мирострой») Демокрита был посвящен происхождению и истории человека. Демокрит считал, что жизнь на земле произошла путем самозарождения («мухи, говорил он, заводятся в гнилом мясе, а черви — в иле»). В результате приспособления к условиям жизни и выживания наиболее приспособленных существ возник человек, но на нем развитие не должно остановиться. Причиной объединения людей была нужда: другим способом они не могли бы защитить себя от превосходящих их силой диких животных. Эта же необходимость вызвала и появление речи. Сперва люди обозначали предметы различно, потом, сговорившись, приняли общее название для вещей. Сговаривались люди, жившие по соседству, поэтому и сейчас сохраняются разные языки. Потребности общественной жизни вызвали появление нравственности. Хотя человек и стремится избегать страданий и получать удовольствия, но, умея рассчитывать будущее,

он должен иногда жертвовать своими радостями. Быть дурным в конечном счете невыгодно, разумнее подчинять свои интересы нуждам государства и соблюдать законы. Даже бедность в демократическом государстве следует предпочесть богатству в монархическом.

Если Демокрит признавал объективный характер нашего познания и вытекающую из него общеобязательность достигнутых выводов, то другое философское направление, возникшее в тот же период, утверждало, что истин может быть столько же, сколько существует людей. Представители этого направления — софисты (буквально «мудрецы») учили доказывать любое положенно. Первые философы действовали в узком кругу друзей. Софисты же, странствуя из города в город, набирали себе учеников, которые вовсе не собирались стать учеными, а знакомились с науками для того, чтобы легче было завоевать популярность и успешнее заниматься государственной деятельностью. За высокую плату софисты обучали их тому, что, по их представлениям, было необходимо общественному деятелю, — ораторскому искусству, умению вести спор («делать слабые доводы сильными»), знаниям о государстве и нравственности. Наибольший успех софисты имели в тех полисах, где карьера политического деятеля зависела от успеха его выступления в народном собрании. Богатые Афины привлекали софистов со всех концов Греции. Земляк и современник Демокрита Протагор учил в Афинах, что «человек есть мера всех вещей». «Один и тот же плод, — учил Протагор, — для одного человека может быть сладким, а для другого кислым. Общих для всех истин нет; правильно то, что кажется большинству». Софист Горгий шел дальше. «На самом деле не существует ничего, а если бы что и существовало, — утверждал он, — это невозможно было бы познать». Для софистов характерны умение находить противоречия в устоявшихся представлениях, включая религиозные, и интерес к законам человеческого мышления. Они докалывали, что существующие установления — не божественны, а суть лишь соглашение между людьми, которое можно и нужно исправлять. Софист Антифонт, например, отрицал изначальное различие рабов и свободных, говоря о равенстве всех людей «по природе».

Совсем с иной, этической точки зрения критиковал традиционные взгляды замечательный афинский мыслитель Сократ (409—399 гг. до н.э.). Сократ презирал наемных учителей мудрости и в отличие от них никогда не имел своей школы и не брал вознаграждения. Он даже не хотел записывать своих мыслей: от него не осталось ни одного сочинения. Учение Сократа известно нам из книг его учеников — Платона, который нередко вкладывал в уста учителя собственные идеи, и Ксенофодта, записавшего его беседы спустя много лет после смерти философа и, по-видимому, недостаточно точно. Эти обстоятельства явились отчасти причиной резких различий в оценке философии Сократа современными учеными. Сократ, по выражению римского оратора Цицерона, «свел философию с неба на землю», с кафедры на рыночную площадь. Прикидываясь простаком, который хочет поучиться мудрости у образованных людей, Сократ ходил но

улицам и площадям Афин, заводил беседы, собирал вокруг себя толпы слушателей, стремясь своими вопросами заставить собеседника самого прийти к подсказанным ему выводам. Он говорил: «Подобно тому как акушерка помогает рождению ребенка, так и я помогаю рождению истины». Идя от общего к частному, Сократ исследовал, что прекрасно, а что безобразно, что справедливо, а что нет, что полезно, а что бесполезно: всякий человек способен осмыслить жизнь во всех ее проявлениях, для этого достаточно разрушить установившиеся неверные представления и условиться о том, что мы подразумеваем под тем или иным понятием. Счастье, говорил Сократ, зависит от добродетели, а добродетели надо учить. Ни один человек не откажется от счастья, если будет знать, как его достигнуть. Пороки проистекают от незнания путей к добродетели, т.е. от невежества. Призыв к нравственному совершенствованию, последовательный рационализм, вера в силу разума — вот наиболее привлекательные черты учения Сократа. В отличие от позднейших философов-идеалистов Сократ основное место в познании истины уделяет разуму, а не божественному внушению и в отличие от софистов считает, что поведение человека должно быть подчинено законам этики (нравственности), а не субъективным представлениям отдельных людей. Он стремился возбудить мысль, но не утверждал, что знает все ответы: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Сократу важна была критика традиционной полисной морали. Он сравнивал себя с оводом, непрерывно жалящим могучего, но обленившегося коня — афинский народ, не давая ему желанного покоя. Сократ считал, что во главе государства должны стоять люди, специально подготовленные для управления, а не те, кому случайно выпал жребий или кто, подобно софистам, сумел ловкими речами обойти народ. Сократ не скрывал своего отрицательного отношения к существовавшей демократической организации Афин, но во время господства олигархов он, рискуя жизнью, отказался содействовать террору «Тридцати», среди которых был и один из его учеников — Критий. Аристократические симпатии Сократа привели к тому, что после восстановления демократии его привлекли к суду. Независимое поведение Сократа на суде, нежелание отказаться от проповедуемых им взглядов предрешили приговор. В последнем слове Сократ сказал: «Присуждая меня к смерти, вы думали избавиться от обличителя.

Умерщвляя людей, вы не избавитесь от порицания. Такой способ защиты ненадежен. Гораздо лучше другой способ: не затыкая рта другим, стараться самим быть как можно лучше». Сократ отказался сохранить себе жизнь ценой бегства из Лфии. Подчинившись приговору суда, он выпил ядовитый сок цикуты. Несмотря на то что Сократ сумел обосновать рационалистическую этику, не опирающуюся на религию, что его индуктивный метод в определении этических понятий сыграл большую роль в развитии логики, он не хотел исследовать, откуда взялись то общие понятия, тот сум», который он так прославлял. Этот вопрос он тщательно обходит. Направление, в котором развивалось его учение, было безусловно идеалистическим, и

в работах его учеников поиски обоснования нравственных законов перерастают в богоискательство, в поиски разума вне человека.

Одним из величайших философов древности был ученик Сократа Платон (427—348 гг. до н.э.). Он происходил из знатного афинского рода, получил хорошее образование, писал стихи и собирался заниматься политической деятельностью. Казнь учителя, однако, потрясла Платона. На смерть Сократа он откликнулся своим самым значительным в художественном отношении произведением — «Апологией» (по-гречески «Оправдание»), в которой содержатся две блестящие защитительные речи, будто бы произнесенные Сократом во время суда над ним. К «Апологии» примыкают диалоги «Критон» и «Федон», рассказывающие о последних днях и смерти Сократа. Образ Сократа встает перед нами как живой, однако мысли, развиваемые в этих диалогах (особенно в «Федоне»), едва ли принадлежали учителю Платона. После гибели Сократа Платон пришел к выводу, что все существующие государства безнравственны, и решил создать проект государства справедливого, которое он надеялся учредить, убедив в преимуществах своего плана какого-нибудь монарха. Чтобы собрать материал для своего проекта, Платон отправился в путешествие: он хотел познакомиться с государственным устройством соседних стран. Платон путешествовал 12 лет, посетил Египет, Киренаику, Южную Италию, Сицилию. В Египте Платона заинтересовало наследственное разделение труда между сословиями, в Великой Греции — союзы пифагорейцев, объединявшие местных аристократов. Вернувшись, Платон основал в Афинах, в роще героя Академа, свою школу, которая стала называться Академией.

Основным предметом в этой школе была математика. Рассказывают, что над своим домом Платон написал: «Да не войдет сюда никто, не знающий геометрии». Прежде чем заниматься философией, считал Платон, надо изучить арифметику, геометрию, гармонию и астрономию. Из школы Платона вышли многие выдающиеся ученые IV в.: доказавший шаровидность земли астроном Евдокс, автор «Начал» геометр Евклид, великий философ Аристотель и др. Само слово «Академия») стало нарицательным и употребляется сейчас для обозначения наиболее авторитетных научных учреждений. В годы преподавания в Академии Платоном написаны его основные философские диалоги. Хотя свои мысли Платон по-прежнему влагает в уста Сократа, ясно, что от его учения в этих диалогах ничего не осталось.

В основе философии Платона лежало учение об идеях (греч. «виды», «общие свойства»). Ранние греческие философы не могли объяснить возникновение накопленных человеком общих понятий. Как и откуда берутся обобщения,— вот вопрос, который стремился разрешить Платон. Истинной сущностью, «идеей» каждой вещи, по его мнению, является ее вечная форма, некая абстракция, которая характеризует и саму вещь, и её свойства и позволяет отнести предмет к данному «виду». Есть «идея человека», «идея животного»,

хотя нельзя встретить ни человека, ни животного «вообще», не имеющего каких-либо только ему присущих свойств и особого названия. Платон считал «идею» одновременно и причиной возникновения вещи или явления, и образом, целью, к которой они стремятся. Идею вещи нельзя исследовать опытом, ее можно постичь только разумом, отбрасывая все материальное, постигаемое чувствами. Логические категории, которые исследовал еще Сократ, у Платона превратились в нематериальные сущности, живущие своей жизнью. Материальные предметы стали как бы тенями идей, искажающими, как всякие тени, свой прототип. По Платону, полностью постичь идеи может только бог, люди же воспринимают их лишь частично. Желая познать идею, человек стремится стать причастным богу.

Теория познания у Платона неотделима от его учения о душе. Душа для него — посредник между «идеями» и чувственно воспринимаемым миром. Душе человека свойственно предаваться размышлениям, т.е. стремиться к вечному «миру идей». Однако кроме ума ей присущи также страсти и вожделения (Платон считает вместилищем ума голову, страстей — сердце, а вожделений — печень). Души людей не равноценны: одни влекутся к «миру идей», у других «крылья ломаются в полете»: они довольствуются представлениями, почерпнутыми из материального мира. Платон примыкает к пифагорейскому учению о переселении душ и утверждает, что душа, не познавшая истины, не примет человеческого образа. Душа человека с самого его рождения питается воспоминаниями о мире идей, о том времени, когда она «сверху смотрела на то, что мы называем теперь существующим, и ныряла в действительно сущее»). С помощью памяти человек становится как бы божественным.

Свое учение о государстве Платон тоже создает, руководствуясь умозрительными соображениями. Проект идеального государственного устройства Платон дал в диалоге «Государство». Все жители должны быть разделены на три сословия: принадлежность к ним определяется качеством души. Те, у кого преобладает ум, составляют группу философов, управляющих государством. Они должны руководствоваться размышлениями и воспоминаниями о мире идей. Люди, души которых лишены этих воспоминаний, не могут быть допущены к управлению, так как ни воспитание, ни науки не могут замолить этого важнейшего душевного качества. У второго сословия — стражей — в душах преобладают страсти. Их добродетель — мужество, и они посвящают себя защите государства. Добродетель третьего сословия — благоразумие: его задача — удовлетворять потребности высших групп. Высшие классы, как некогда в Спарте, должны жить коллективным бытом, не иметь ни индивидуальной собственности, ни семьи (жены переходят в коллективное владение; на особых надзирателей возлагается забота о том, чтобы потомство было здоровым).

Впоследствии, после неудачных попыток внушить свои идеи сицилийским тиранам Дионисию I и Дионисию II, Платон переработал свой план образцового государства, поняв его нереальность. Но и новый его проект, изложенный в одном из последних диалогов («Законы»), был не более осуществим. Государство должно было лежать как можно дальше от моря, чтобы не быть связанным с торговлей. Отказавшись от мысли совсем запретить деньги (в «Государстве» он предлагал именно это), Платон рекомендует по возможности ограничивать денежное хозяйство. Торговцев и ремесленников следует лишить гражданских прав, число граждан не должно возрастать. В основу общественной жизни должны быть положены музыка, астрономия, математика и старинные религиозные установления. Разработанная Платоном идеалистическая теория познания преграждала путь единственно плодотворному методу исследования мира — посредством опыта и наблюдений. Но среди его учеников были люди, видевшие слабость теории «идей».

Самым выдающимся из них был уроженец г. Стагира, сын придворного врача македонского царя Аминты Аристотель (около 384—322 гг. до н.э.). Около 20 лет Аристотель учился у Платона в Академии и был одним из его ближайших сотрудников. После смерти Платона его старшие ученики сблизились с пифагорейцами, увлеклись мистикой чисел и вопросами религии. Аристотель покинул Академию, уехал из Афин, а позже несколько лет был воспитателем наследника македонского престола Александра. Вернувшись в Афины богатым прославленным ученым, уже пожилой Аристотель основал в гимнасии, посвященном Аполлону Лакейскому, школу, получившую по имени гимнасия название Ликей. Слава школы Аристотеля вскоре затмила славу Академии, и ее латинизированное название «Лицей» в новое время стало нарицательным. Преподавание в Ликее было двух типов: для юношей, стремившихся получить общее образование, но не готовивших себя к научной деятельности, Аристотель читал лекции по этике и риторике (красноречию), прогуливаясь по аллеям прекрасного сада, примыкавшего к Ликее. Поэтому учеников Аристотеля называли также перипатетиками (от греч. перипатейн — «прогуливаться»). Кроме этого экзотерического («наружного») обучения Аристотель проводил утренние часы со своими ближайшими эзотерическими учениками (буквально теми, кто занимался «внутри», «за дверями.»). Эти ученики были его друзьями и сотрудниками, и с ними Аристотель изучал физику, метафизику, историю и естественные науки. Аристотель был великолепным организатором и умел выделить каждому ученику посильный участок научной работы. Во главе Ликей Аристотель оставался около десяти лет; написанные им в его школе книги носят поистине энциклопедический характер. Его ученики собирали сведения по зоологии, и ботанике, космогонии и физиологии, истории, экономике, этике, поэтике и другим наукам, а сам Аристотель приводил эти сведения в систему и писал обобщающие работы. По-видимому, он давал свое имя и некоторым составленным учениками трудам, которые он просматривал: иначе невозможно

объяснить, что в каталоге Александрийской библиотеки под именем Аристотеля значилось почти полтораста произведений, каждое из многих свитков.

Если верить традиции, Аристотель переписывался или, во всяком случае, сохранял связь со своим прославленным учеником Александром Македонским и возлагал большие надежды на успешное завершение его восточного похода. Когда после смерти Александра (323 г. до н.э.) в Афинах пришла к власти антимакедонская партия, против Аристотеля возбудили судебное дело. Ему пришлось, опасаясь судьбы Сократа, спешно бежать из Афин на Евбею, оставив в Ликее всю библиотеку и рукописи сочинений. На следующий год он умер. Из философских произведений Аристотеля едва ли не самое важное место занимают книги, посвященные логике — науке о правильных способах мышления, об искусстве строить умозаключения и опровергать ложные доказательства. Аристотель считал логику введением в философию, и сделанные им определения логических понятий но утратили своего значения и до сего дня. Целую группу философских трактатов Аристотеля составляет так называемая «Метафизика» («после физики»). Название возникло уже после смерти Аристотеля и обозначало лишь расположение указанных трактатов в собрании сочинении Аристотеля. По впоследствии это послужило поводом обозначать словом «метафизика» философию вообще — в отличие от экспериментальных наук. В «Метафизике»), как и в других работах, Аристотель уделит основное место систематизации материала и точному определению терминов. Но философские категории Аристотель рассматривает абсолютно, а не в движении, поэтому в современной философской терминологии метафизическим называют метод, противостоящий диалектике.

Аристотель не признавал воспоминания о «мире идей» источником наших знаний и не считал, что идеи предшествуют чувственно воспринимаемым предметам, существуя отдельно от них. Идеи, рассуждает Аристотель, бывают общие и частные. Стало быть, каждому предмету присуще несколько идей; идея данного предмета, идея вида, к которому данный предмет относится, идея рода подобных вещей и т.д. Получается, что идей значительно больше, чем предметов; но если идеи — это сущность вещей, то их число по должно превосходить числа предметов. Методом приведения к абсурду Аристотель доказывал невозможность существования идеи вне и независимо от предметов. Аристотель критикует и теорию познания Платона. Наши ощущения, утверждает Аристотель, отличаются достоверностью, допуская лишь незначительные ошибки. Нельзя, как это делает Платон, отделять материю от формы; для того чтобы материя обрела соответствующую ей форму, требуется энергия, т.е. действие, осуществление возможности.

Форму, к которой стремится материя, Аристотель называет энтелехия («действительность», «свершение»). Хотя эта форма и заложена в самой материи, она далеко не всегда может быть

достигнута, Чаще всего мы видим вещи только на пути к энтелехии, и, чтобы постигнуть истинную сущность вещей, надо наблюдать материальный мир в развитии. Уже в семени, утверждал Аристотель, predetermined возможность возникновения дерева и его будущая форма. Основываясь на наблюдении, можно приблизиться к пониманию конечной формы — энтелехии. Но, справедливо включая наблюдение и опыт в процесс познания, Аристотель выдвигал форму на первое место. Чтобы объяснить причину движения материи именно к данной форме, Аристотель вводит понятие верховного разума, «формы всех форм», т.е. возвращается к платоновскому тезису о неизменной божественности. «Конечно, это — идеализм,— пишет по поводу аристотелевской теории В.И. Ленин,— но он объективнее и отдаленнее, общее, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще — материализму»)(В.И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии».— Полное собрание сочинений. Т. 29, с. 255.). Философия Аристотеля объединяет некоторые черты ионийских материалистов и идеализма Платона. Это прослеживается на примере его трактата «О душе».

Душа (псюхэ), по Аристотелю,— форма, которую стремится принять тело и с которой оно неразрывно связано. Животные части души видают питанием тела, производением потомства, аффектами, ощущениями — всем, что отличает человека от мертвого тела. Эти части гибнут, когда умирает человек. Но есть часть души, не подверженная смерти. Это — ум, который появляется только на определенной ступени развития человека. Так как ум не рождается вместе с телом, то его существование не ограничено длительностью человеческой жизни. Мышление возникает на основе ощущений, но ум в силу своей нематериальности может познать и то, что непричастно материи. «Поэтика» Аристотеля, дошедшая не полностью, содержит систематическое исследование словесного искусства. Здесь многое, например определение трагического, не переведено и сейчас. Общая эстетика Аристотеля связана с его учением о психологии; причина возникновения искусств — подражание природе, но при этом человек создает новое, то, чего в природе не было. Искусство предназначено обобщать наблюдения: автору, художнику предстоит найти и показать вероятное, но не необходимое (последнее — сфера науки). Произведение искусства должно доставлять удовольствие; для него характерны порядок, соразмерность и определенность, иначе произведение искусства будет невозможно воспринять. Например, слишком большой памятник невозможно охватить взглядом, а слишком маленький трудно заметить. В отличие от Платона Аристотель отводит искусству важную воспитательную роль.

К вопросам нравственности Аристотель подходил в основном с материалистических позиций. Цель правильного поведения человека, по Аристотелю,— достижение блаженства, а условием достижения этой цели является разумная деятельность. Добродетели вытекают из правильных привычек, и воспитание должно сводиться к их выработке. Природа, утверждает Аристотель, вложила в каждое

существо естественное чувство любви к себе. Если это чувство не чрезмерно, то в нем нет дурного, оно не препятствует доброму отношению к другим людям. Любя их, мы заботимся о себе, ибо приобретаем друзей, без которых жизнь невозможна. Любовь к себе должна быть разумная: в себе надо любить не внешность, не желудок, а разум. Такая любовь не исключает ни воздержания от чрезмерных наслаждений, ни даже самопожертвования. Ведь разумный себялюбец предпочтет непродолжительное счастье героического подвига длительному и тягостному прозябанию. Лучшая часть нашей души — та, что размышляет над неизменными принципами, а для этого необходим досуг, свобода от повседневной суеты. Поскольку ни военная, ни политическая деятельность не оставляют досуга для созерцательной жизни, они неспособны дать истинного блаженства. Истинно разумная жизнь, следовательно, не доступна ни бедному человеку, ни человеку, обремененному общественными обязанностями. Свои взгляды на общественную жизнь Аристотель изложил в книге «Политика». Государство (полис) должно обеспечивать своим гражданам возможность жить счастливо. Человек по природе — животное общественное, и с начала своей истории люди объединялись в семьи, а семьи — в селения. Но только государство является такой формой объединения, которая имеет все необходимое для самостоятельного существования (автаркии) и может обеспечивать людям благосостояние и защиту их собственности. Рабы не входят в это объединение. Аристотель не сомневается в справедливости и полезности рабства. Он считает рабов породой людей, тело которых пригодно к труду, а разум годится только на то, чтобы понимать приказания. Деление общества на рабов и свободных, по мнению Аристотеля, естественно, ибо они неравны «по своей природе».

Разбирая вопрос о наилучшей форме государства, Аристотель подходит к этой проблеме, основываясь на анализе известных ему систем государственного управления. Аристотель и его ученики составили описание 158 государственных устройств — «политий», из которых до нас дошла только «Афинская полития». Аристотель пришел к выводу, что ценность государственного строя не определяется количественным соотношением правителей и управляемых: независимо от того, правит ли один человек (монархия), немногие (аристократия) или представители большинства (демократия), благополучие граждан определяется тем, какое число граждан обладает добродетелью и способно, правя, считаться с общим благом, а не только с собственными интересами. Если личные цели превалируют над общественными, монархия переходит в тиранию, аристократия — в олигархию, демократия — в охлократию (господство толпы). Житель охваченных политическим кризисом Афин IV в. до н.э., Аристотель хорошо видел все недостатки рабовладельческой демократии и сумел ярко показать непримиримость интересов бедняков и богатых. Ни те, ни другие, считает он, не могут прислушаться к голосу разума. Одни неспособны к подчинению: живя

в благоприятных условиях, они становятся наглецами и мерзавцами. Другие привыкают к унижениям, неспособны властвовать и легко подчиняются состоянию, близкому к рабству. Одни исполнены зависти, другие — презрения. Только люди, занимающие «среднее положение» (не слишком бедные и не слишком богатые), но стремятся ни к захвату чужого добра, ни к чрезмерному угнетению своих сограждан. На них и должно опираться государство. Вопрос о том, какую фирму государства следует признать наилучшей, решается, по Аристотелю, в зависимости от конкретных условий каждого полиса. Совершенство государства зависит от степени развития его граждан, никакие перевороты не могут здесь ничего изменить.

Разбирая все известные ему конституции варварских и греческих государств, Аристотель пытается повсюду выделить «относительно наилучшие формы» и на основе их спроектировать «условно образцовое государство». Управление в нем должно быть поручено старшему поколению, как наиболее опытному и мудрому, а младшему надлежит защищать государство. Подобно тому как в человеке душа играет более важную роль, чем тело, так и в государстве люди размышляющие имеют больше значения, чем те, что обеспечивают материальные потребности. Гражданские права следует предоставить только мыслителям и тем, кто защищает родину. Эти люди не должны заниматься ни ремеслами, ни торговлей, ни даже земледельческим трудом, ибо те, кто стремится к выгоде, не обладают досугом и лишены необходимых для свободного человека добродетелей. Младшим современником Аристотеля (вторая половина IV в. до н.э.) был Диоген из Синопы, по прозвищу «собачий» (киник) (Отсюда наши «циник», «цинизм»), задавшийся целью разоблачать «фальшивую монету» человеческих цепностей. Облачившись в рубище нищего, отказавшись от всякого имущества, кроме грубого плаща, посоха и кошель для подаяний, он называл себя «гражданином мира» (космополитом), разоблачал ложную мудрость всех философов и требовал от человека самодостаточности, безразличия к страданиям и страху смерти. По преданию, он ходил по Афинам с фонарем среди бела дня, говоря: «Ищу Человека». Диогену приписывалась пародийно-утопическая «Полития», где в подчеркнуто вызывающей, грубой форме развивалось его учение.

Литература, театр.

Началом греческой литературы принято считать приписываемые Гомеру поэмы «Илиада» и «Одиссея».

Высокое искусство их составителя заставляет предполагать длинный путь литературного развития, предшествовавший их появлению. Известно, что греки создавали и другие эпические произведения, а кроме того, еще до появления письменности существовали трудовые и любовные песни, басни и поговорки. В VIII в. до н.э. в Беотии, недалеко от горы Парнас, жил крестьянский поэт Гесиод. Он великолепно знал древний эпос, многие мифы, сказания,

басни. Это пригодилось для его «Теогонии» (поэмы о происхождении богов), написанной метром гомеровских поэм. Еще больше прославила Гесиода поэма «Работы и дни», впервые отразившая личность и жизнь самого автора. Поэт рассказывает о своем отце, о брате, который, подкупив судей, отнял у Гесиода его надел, советует, как поступать в подобных и иных случаях жизни, приводит поучительные примеры из мифологии, дает рекомендации по земледелию, мореплаванию и т.д. В греческом языке не было ясно ощутимого силового ударения, а только мелодическая тональность. Поэтому стихосложение было основано на счете повторяющихся групп (стоп) из долгих и кратких слогов. Стихотворная форма поэм Гомера и Гесиода — медленный мерный шестистопник (гекзаметр). Элегический (Элегия — первоначально песнь, исполнявшаяся под флейту, в то время как эпос исполнялся под аккомпанемент лиры или кифары.) дистих (двустопный) был дальнейшим развитием гекзаметра: каждая первая строка дистиха по размеру та же, что у Гомера и Гесиода, но цезура (пауза) в каждой второй строке придает стиху большую напряженность. С начала VII в. до н.э. элегический дистих становится излюбленным размером поэтов, воспевавших как военные подвиги современников, так и личные переживания (Тиртей, законодатель Солон, Феогнид и др.).

Элегический дистих явился переходом к собственно лирическим метрам, с более сложным ритмическим рисунком и частой сменой двух- и трехсложных стоп. Стихи исполнялись нараспев под аккомпанемент простейшего музыкального инструмента — лиры (отсюда и название жанра) — либо одним певцом (мелическая поэзия), либо хором. Появление новых поэтических форм и стихотворных метров, которым суждено было оказать большое влияние на развитие европейской поэзии, связано с именем величайшего греческого лирика Архилоха. Он был сыном рабыни и жил в середине VII в. до н.э. на о-ве Парос. В своих стихах Архилох рассказывает о годах наемничества, скитаниях на чужбине, о неудачной любви.

Архилох не боится касаться запретных тем, он с вызовом заявляет: Щит украшение брани, я бросил в кустах поневоле (Потерять щит считалось несмыслимым позором.), И для фракийца теперь служит утехой он...

Расширив круг тематики, Архилох стал использовать и новые двусложные метры: хорей и ямб — трехсложная стопа зачастую кажется ему слишком тягучей. Ямб употреблялся в народной поэзии и раньше — для сочинения насмешливых, часто непристойных стихов, и поэт, придерживаясь традиции, разрабатывает жанр короткого издевательского стихотворения, которое впоследствии получило название эпиграммы (В древности это слово означало «надпись».).

Иной характер носило творчество поэтов с о-ва Лесбос, живших на рубеже VII и VI вв. до н.э., — Алкея и Саффо. Алкей был аристократом и в своих «песнях мятежа» призывал к борьбе с демосом. Алкей

сравнивал охваченную гражданской войной Митилепу с кораблем в бурю:

Пойми, кто может, яростный бунт ветров.
Балы катятся — этот отсюда, тот оттуда...
В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смолёным...

В этой так называемой Алкеевой строфе двух- и трехдольные стопы причудливо переплетаются. Поэтесса Саффо была далека от политической борьбы. Она сочиняла гимны в честь богини любви Афродиты, сиадобийе песни, воспевала красоту и наряды своих учениц (Саффо руководила школой девушек-аристократок).

Аристократические поэты конца VI в. до н.э. уже не надеялись противостоять наступлению демоса, естественным казался им уход в личную жизнь. В этот период особенно прославился поэт Анакреонт, которому так много подражали, что сейчас уже нелегко выделить подлинные его стихи. Анакреонт представляется нам жизнелюбивым старцем, воспевающим легкую любовь, женскую красоту и радости дружеской пирушки. Важнейшим достижением греческой культуры было создание театра. Победившая демократия способствовала росту общественного значения театра как наиболее массового из «мусических искусств» (От слова «муза»). Лучшие поэты эпохи хотели обращаться ко всему народу. Возникновение греческого театра связано с культом бога Диониса и праздником в его честь — дионисиями.

Они издревле сопровождались пением дифирамба — хвалебной песни в честь бога, исполняемой запевадой (корифеем) и хором ряженных, одетых в костюмы козлоногих спутников Диониса — сатиров. Содержание песни первоначально сводилось к рассказу о страданиях Диониса, которого заковывали в цепи, убивали и разрывали на части враги, но он освобождался от оков, воскресал и, подобии возрождающейся весной природе, одерживал победу над смертью. Страсти Диониса представляли в лицах. Красивый мужчина изображал Диониса, иногда даже отвечал хору, вмешиваясь в постно. Он был прообразом будущего актора. Салю игрище из-за костюмов хористов, одетых в козлиные шкуры, называли трагедией («песней козлов»). При Писистрате культ Диониса стал в Афинах государственным, для представлений в честь бога отводят равное место — театр (погречески «зрелище»). Я окружающих скалах вырубали скамья для зрителей (амфитеатр). Площадку, на которой выступал хор, стали называть орхестра, позади орхестры поставили палатку для нереодсвапия актеров — скелэ (отсюда наше «сцепка»). Впоследствии вместо палатки стали строить постоянное каменное сооружение, на стене которого, обращенной к зрителям, вешали декорации.

С победой демократии в Афинах театр начинает меняться. Наряду с мифом о Дионисе появляются трагедии о других богах и героях, а

начиная с V в. до н.э.— и на темы современной истории («Падение Милета», «Персы»). К этому времени театр стал поистине массовым. Амфитеатр строили в расчете на все мужское население полиса. Афинский театр вмещал 17 тыс. зрителей, а были и значительно большие. Такие масштабы определяли своеобразную форму подачи текста, отличную от принятой в нашем театре. Драматурги умели заставить зрителя напряженно следить за ходом разыгрываемого сюжета, но чтобы все было ему слышно и понятно; поэтому много места отводилось партиям хора, который, дружно скандируя, пояснял все, что перед этим разыгрывали актеры, доносил до зрителя смысл происходящего и идею автора. Из задних рядов огромного амфитеатра фигурка актера казалась до смешного маленькой. Это старались исправить тем, что актеры выходили на оркестру в особой обуви, котурнах, благодаря очень толстой подошве увеличивавших рост человека. Так как мимику все равно не было видно, трагический актер надевал маску с горестно опущенными уголками губ, расширенными от ужаса глазами, распущенными волосами. Выступая, актер больше всего заботился о том, чтобы модуляциями сильного и красивого голоса передать обуревавшие героя чувства.

Театру придавали большое воспитательное значение. В Афинах неимущим гражданам выдавали даже деньги для приобретения «билетов». Регулярно стали происходить соревнования драматургов, где судьи, выбранные по жребию из числа зрителей, присуждали промин за лучшие пьесы. Если в VI в. до н.э. самые яркие представители литературы подвизались в жанрах эпической и лирической поэзии, то в V в. драматургия стала ведущим жанром литературы. Перед огромной аудиторией, собравшейся в театре, ставились самые острые вопросы общественной и частной жизни.

«Отцом трагедии» считается афинянин Эсхил (около 525 — 456 гг. до н.э.). Им было создано примерно 90 произведений, до нас дошло семь, написанных, за исключением трагедии «Персы», на мифологические сюжеты, но на деле касавшихся актуальных проблем. Эсхил прославлял справедливость принципов, лежавших в основе афинского государственного устройства, милосердие, справедливость и другие гражданские добродетели. Наиболее известна трагедия «Прометей прикованный», по-видимому вторая часть трилогии, рассказывавшей о судьбе титана Прометея, подарившего людям огонь; за это Зевс приковал его к скале, где орел терзал ему печень. Страдания не сломили Прометея, и он отверг предложение Зевса купить себе свободу ценой уступок царю богов. Трагедии Эсхила — своего рода «живые картины», представляющие один из эпизодов известного всем мифа. Успех их определялся великолепными стихами. Эсхил ввел в театр второго актера, но в его трагедиях не меньшую роль, чем актеры, играет хор, и актер еще часто ведет диалог не с партнером, а с предводителем хора (корифеем).

Младшим современником Эсхила был Софокл (около 496 — 408 гг. до н.э.); из его многочисленных пьес дошло тоже семь. Живший на

рубеже кризисной эпохи Софокл изображает своих героев такими, какими, в его представлении, должны быть идеальные люди, обреченные на гибель в столкновении с безжалостной судьбой. Идея бессилия человека перед неотвратимым роком отличает Софокла от Эсхила. Замечательно мастерство Софокла в построении драматического сюжета. Его трагедия «Царь Эдип» не сходит со сцены и по сей день. Весьма скупыми средствами (Софокл довел число одновременно выступающих лиц до трех) автор заставляет зрителей вместе с героем переживать страх перед неминуемо надвигающейся развязкой. Судьбы различных действующих лиц — мудрого и справедливого Эдипа, его предшественника царя Лаия, раба, единственного свидетеля убийства Лаия,— сплетаются по мере развития действия в узел. Напряжение нарастает, и, когда оно достигает высшей точки, трагическая развязка, в которой участвуют все герои, завершает пьесу.

Еврипида (около 480—406 гг. до н.э.) можно считать родоначальником психологической драмы. Его творческое наследие сохранилось гораздо лучше. Если Софокл, по определению Аристотеля, изображал героев такими, какими они должны быть, то Еврипид изображал тех людей, каких видел в жизни, старался разглядеть в характере человека причину его гибели. Любая страсть, если ее не сдержать в самом начале, влечет к гибели. Медею, всем пожертвовавшую ради любви, страсть толкает на убийство собственных детей; Федра гибнет, не сумев преодолеть любовь к пасынку; Агамемнон, охваченный жаждой власти, губит дочь Ифигению, чтобы самому пасть жертвой мести своей жены. Мировоззрение Еврипида отразило углубление противоречий, раздиравших общество. Вместо цельных характеров Эсхила и Софокла мы встречаем в его драмах героев, томящихся под гнетом неразрешимых проблем и душевного одиночества. Еврипид резко критикует общественный строй и этические взгляды своих современников. В «Медее» он говорит о несправедливости женщин, в «Финикиянках» — о несправедливой власти богатства, в «Ифигении и Авлиде» — о тщеславии и властолюбии вождей.

В Афинах возник и другой вид театральных представлений — политическая, так называемая древнеаттическая комедия. Условием зарождения этого своеобразного, нигде больше не повторившегося жанра также был демократический строй. Подобно трагедии, комедия возникла на основе культа Диониса: во время праздника молодого вина ватага ряженых обходила селения, распевая насмешливые песни. В V в. комические хоры переносят свои выступления в театр Диониса, лучшие поэты пишут для них пьесы. Всегда злободневный сюжет комедий живо затрагивал зрителей; маски актеров часто изображали всем известных политических и военных деятелей: таким образом, комедия заменяла и сатирическую частушку, и карикатуру. Чтобы обострить нелепость высмеиваемой ситуации, автор часто переносил действие в мир животных, использовал невероятные гиперболы, игру слов и т.п. Блестящим автором комедий был

Аристофан (около 445—385 гг. до н.э.); до нас дошло одиннадцать его пьес. Творчество Аристофана отразило политические взгляды аттического крестьянства, ненавидевшего войну и стоявших у власти демагогов. Аристофан резко бичует пороки общественного строя, призывая одуматься, пока не поздно. В своих комедиях Аристофан рисовал преимущества мирной жизни («Мир», «Лисистрата»), высмеивал паразитический характер афинского политического строя («Всадники», «Осы») и возникавшие в период кризиса утопические проекты уравнивания имущества («Женщины в народном собрании»).

Искусство.

Собственно греческое искусство, пришедшее на смену искусству эгейского мира, явилось результатом сложного процесса взаимодействия традиций, присущих местному населению, культурных достижений так называемых, дорийских завоевателей и постелей художественного наследия II тысячелетия до н.э., эпохи, именуемой ныне в научной литературе временем «дополисной Греции». На смену яркому, жизнерадостному искусству Крита, пронизанному религиозными представлениями, по облеченному в формы, восходящие к окружающему реальному миру, пришло искусство идеографическое.

Фигуры людей, животных прорисованы как ряды орнамента, и рисовальщику важно передать все детали предмета, то, что он помнит и знает, как бы отвлекаясь от него самого.

Памятники предполисного периода, который ранее привычно именовали периодом гоометрического стиля, малочисленны. Монументальная скульптура в это время, по-видимому, была деревянной, архитектура также создавалась из дерева и непрочного необожженного кирпича. Наиболее ярким проявлением искусства той поры являются дипилонские надгробные вазы, найденные на кладбище древних Афин. Четкая пропорциональная форма и мастерство технического исполнения свидетельствуют о преемственности, существовавшей между гончарным производством эгейского мира и Грецией начала I тысячелетия до н.э. Вся поверхность вазы заполнена рядами геометрического орнамента, подчеркивающего форму сосуда. Сюжеты геометризованных росписей, давших название всему этому этапу развития искусства, однообразны и тесно связаны с назначением предмета: оплакивание покойного, погребальные колесницы, состязание в память об умершем. Перспективы мастер по знает. Дальние предметы помещаются над ближними. Недоступны ему и ракурсы. Фигура человека передается в виде идеограммы: голова в профиль, тело и фас, ноги в профиль, руки либо опущены, либо подняты над головой так, чтобы не было сомнения в их наличии.

В дальнейшем развитие пойдет по пути освоения окружающей действительности, по чувство соразмерности форм, правильного

соотношения деталей, которое было присуще мастерам геометрического стиля, мы найдем во всех последующих произведениях греков. Стремление к общей гармонии составных частей здания, статуи, формы вазы и органичности росписи с этой формой заложено было мастерами гомеровской поры.

Протогеометрическое и геометрическое искусство относится к XI - концу VIII в. до н.э. К концу этого периода завершается сложный процесс формирования античного рабовладения, создается специфическая для него полисная система. Бурные темпы социального развития привели к широкому размаху торговли, а следовательно, и усилению контактов с государствами Средиземноморья. Греческая культура, достигшая к этому времени значительного развития, оказалась благодарным ронштпоптом для освоения достижениями этих новых явлений. В конце VIII в. до н.э. начинается новый, так называемый архаический период, первый этап которого не случайно именуется в искусстве ориентализирующим.

Восточный мир с его достижениями в области изображения человека, с его монументальной архитектурой и живописью, с его древними традициями в создании прикладного искусства не мог не оказать воздействие на искусство Греции архаической поры (конец VIII—VI в. до н.э.). Но сила греческого мировосприятия при освоении достижений Востока была в избирательности, в стремлении к продолжению той линии развития, которая наметилась ранее. В это время зарождаются почти все основные формы греческой керамики, в дальнейшем они лишь совершенствуются, достигая предельной соразмерности и утилитарной обоснованности.

В архаический период в искусстве все более и более уверенно начинает звучать тема человека. Ото божество, которому грек придает идеальный облик. Именно отсюда начинается эволюция реалистической трактовки двух тем в искусстве: обнаженного юноши (первоначально героя или Аполлона) и нарядно одетой, целомудренно задрапированной женщины (первоначально Афродиты, богини плодородия, богини-покровительницы всего живого). И хотя первые фигуры Аполлона или куросов («юношей») близки по схеме построения египетским монументальным статуям, греки очень быстро начинают создавать в пределах этой схемы нечто свое: статуи оживлены характерной «архаической улыбкой», как бы расчерчены в соответствии с деталями анатомического строения человека; они смотрят на мир широко раскрытыми глазами. В мужских фигурах выделена их молодость, мощь и сила. Возможно, уже здесь зарождаются те элементы воспитательного значения искусства, которым греческие художники позднеархаической и классической поры отводили такую важную роль. Хотя до VI в. до н.э. официально победителям Олимпийских игр статуи не ставились, идеал юноши, достойного подражания, начинает создаваться уже в архаический период (начало Олимпиад традиционно относится к 776 г. до н. э.).

Это идеал свободного человека, надежного защитника своего полиса в период военных столкновений.

Архитектура также рассматривалась греками в её соотношении с человеком. Она никогда не подавляла своими масштабами. К VI в. до н.э. создается архитектурный ордер в его ионийском и дорическом вариантах — как строгое соответствие несомых и несущих частей здания, как четкая рациональная композиция, где все направлено на создание гармонического сооружения. Основы ордера начали складываться еще в деревянной архитектуре архаического периода. Камеппал колонна, слегка расширяющаяся книзу, повторяет форму ствола дерева. Но под руками архитектора она приобретает и небольшое утолщение в нижней трети колонны — не сразу заметное на глаз, но создающее впечатление необыкновенной надежности этих важных конструктивных деталей храма.

Недоверие к новому материалу, камню, приводило архитекторов к излишнему запасу прочности: довольно толстые колонны первоначально ставили очень близко друг к другу (из боязни перекинуть слишком длинную плиту архитрава). Таков храм Аполлона в Коринфе, таковы храмы в Селинунте. Архаика — время поисков во всем: в этот период у разных храмов различно число колонны, неодинаково соотношение торцовых и боковых колонн, но уже появляется четкость в решении внутреннего пространства храма, возникают основные типы внешней организации здания (анты, периптер)(Анты — выступы продольных стен здания, ограждающие вход, сделанный в его торцовой стороне; периптер — прямоугольное в плане здание, со всех сторон окруженное колоннадой.).

В этот же период мастера решают проблему сочетания архитектуры с природой, а также задачи синтеза искусств. Храм — жилище божества, и поэтому внутри его ставится культовая статуя того бога, которому посвящен храм.

Очень рано скульпторы начинают использовать фронтоны, образовавшиеся на торцах здания под двускатной крышей, и проемы между торцами балок, декорированные плитами известняка, — методы — для помещения в них рельефов, которые со временем все более тесно связываются с божеством, для которого построен храм. Здесь была поставлена одна из важнейших задач греческого искусства — обоснованно использовать сложные конфигурации пространства для размещения на них многофигурных композиций.

Итак, создание ордера в архитектуре, двух основных типов одиночной скульптуры — обнаженного мужчины и задрапированной женщины, скульптурных многофигурных композиций в рельефах — это те достижения, которые появились в греческом искусстве в архаический период.

В VII в. до н.э. возникает много центров гончарного производства. Это Коринф, Родос, Самос, Клазомены, возможно, Милет, Хиос, Навкратис в Египте и др. Все они в той или иной мере переживают ориентализирующий период, и в каждом могут быть отмечены свои специфические особенности.

К VI в. до н.э. на первое место выдвигается Аттика с ее великолепной по качеству обработки глины керамикой с блестящим и плотным черным глазурованным покрытием. Афинские мастера раньше других отдают предпочтение изображению человека, многофигурным композициям, передающим эпизоды мифологических сюжетов. Быть может, в этом проявилась традиция диплопских ваз с их геометризированными фигурами, объединенными сюжетом оплакивания на похоронах героев.

Истинной энциклопедией греческой мифологии может быть назван знаменитый кратер (Кратер — большой широкий сосуд с двумя ручками, служивший для смешивания вина с водой (пить чистое вино у греков считалось предосудительным) .), или, как его называют, «ваза Франсуа». На этой вазе, относящейся к 70-м годам VI в. до н.э., имеются подписи мастеров — гончара Эрготима и рисовальщика Клития. Очень изящна и совершенна форма этого кратера с волютообразными ручками. Два пояса многофигурных композиций украшают венчик и горло сосуда, центральный же фриз (на плечиках) использован для главного сюжета: свадьбы родителей героя Троянской войны Ахилла — Пелея и морской нимфы Фетиды; на свадьбе присутствуют все боги. Ниже изображены эпизоды, связанные с осадой Трои и участием в ней Ахилла-воина, и в самом низу кратера, как дань прошлому, — борьба животных, сфинкс, пальметки. На ножке — битва пигмеев с журавлями. Удивительная тонкость рисунка, уверенность руки мастера позволяют говорить о высоком развитии графического искусства в Греции.

Крупнейшим графиком древности следует считать Эксекия. Он работал в 40 — 20-х годах VI в. до н.э. и создал всемирно известные произведения, такие, как ватиканская амфора (Амфора — большой сосуд для хранения вина или масла с длинным горлышком и двумя ручками.) с изображением Ахилла и Аякса, играющих в кости, и мюнхенский краснофонный килик (Килик — чаша для вина с двумя ручками.), в центре которого естественно, как по морю, плывет ладья Диониса, окруженная резвящимися дельфинами. Тонкость гравировки на первой вазе, мастерство композиции и уверенный рисунок при всей его условности выдвигают Эксекия на недостижимое место. В 30-х годах VI в. до н.э. в истории вазовой росписи происходит важное событие: замена чернофигурного силуэтного рисунка краслофигурным когда фон покрывали черным лаком, а у фигуры сохранялся цвет глины. Контуры прорисовывались топкими линиями, нанесенными лаком различных оттенков. Такая техника дала мастерам большую свободу в изображении человека, его движений и черт лица.

Эта замена была обусловлена не только общим техническим прогрессом, но и потоком новых сюжетов, которые необходимо было воспроизвести. Достаточно вспомнить знаменитую пслику (Пелика — вид амфоры с утолщенным книззу туловом.) с ласточкой, где изображена группа людей, указывающих па ласточку как вестницу весны. На этой вазе ритуальная сцена встречи весны приобретает характер жанровый. Первая половина V в. до н.э. явилась значительным этапом в развитии греческого искусства. Это был период, когда многие важные задачи решались в области прикладного искусства. Именно здесь, и особенно в области вазового рисунка, смело прокладывались пути к новой передаче окружающего мира. Греческие керамисты смело расширяют круг сюжетов и, что самое главное, стремятся к реалистической передаче сложных движений, к наивной, но все же перспективе; именно здесь происходит отход от канонического архаического облика человека, более свободно трактуются лица, одежды, появляются даже элементы пейзажа. В 60-х годах V в. до н.э. в творчестве отдельных рисовальщиков можно проследить подспудно зреющую тенденцию к проникновению во внутренний мир человека. Конечно, приемы эти еще очень несовершенны, в них главную роль играют позы и жесты персонажей, но сама проблема уже зародилась и будет очень медленно пробивать себе дорогу, чтобы найти выражение в портретах IV в. до н. э., скульптурах жанрового плана в эллинистический период. Здесь нельзя не учитывать тот огромный вклад, который внес и развитие искусства живописец Нолигпот (60-е годы V в. до н.э.) о чьих произведениях мы знаем лишь по описаниям.

Сведения, сообщаемые о Полигноте древними (Плиний, Павсаний), свидетельствуют о сложности его композиция, о выразительности поз, о глубине содержания сто росписей. Элементы этой выразительности мы прослеживаем и в вазовой росписи. Наиболее очевидно поступательное развитие общих закономерностей в первой половине V в. до н.э. проявляется ной сопоставлении позднсархаического храма Афины Лфайи на о-ве Эгипа (90-е годы V в. до н.э.) с храмом Зевса в Олимпии (60-е годы V в. до н.э.). Пропорции первого храма еще не достигли классического совершенства в соотношении длины и ширины, что находит свое выражение и в количестве колонн: их 6 на короткой стороне и 12 на длинной; во втором храме их соответственно 6 и 13 — это соотношение и становится отныне каноническим.

Стиль скульптурных украшений в храме Афины в делем архаический; в позах фигур на фронте ощущается скованность, искусственность. Храм Зевса в Олимпии — образен, более зрелого архитектурного решения, что проявляется во всех деталях здания. Фронтонные скульптурные композиции — результат нового подхода и к многофигурной композиции (отказ от зеркальной симметрии и вместо нее — равновесие, достигаемое четко прорисованной группировкой фигур, сложность движений, ракурсов, свободные жанровые позы, четкость построения фигур и глубокое знание анатомии человеческого тела).

В 60-е годы V в. до н.э. создавал свои произведения одни из трех великих мастеров Греции — Мирон. Для его творчества характерно стремление передать красоту человеческого тела, его пропорциональность и соразмерность в момент напряжения — например, тела спортсмена, приготовившегося к активному действию. Таков «Дискобол» Мирона, как бы замерший на одно мгновение, чтобы с следующее распрямиться, подобно тетиве лука, и метнуть диск. При этом на лице юноши не видно никакого напряжения. Следует заметить, что статуи победителей на Олимпийских играх не были портретными. Скульпторы стремились воплотить идеальный образ гражданина, гармонически развитого, «прекрасного и благородного». Поиск такого образа завершился созданием Поликлетом, вторым из великих скульпторов V в. до н.э., трактата «Канон», в котором он обосновывал идеальные пропорциональные соотношения при изображении человека. Створчеством этого мастера в искусство вошел рационализм, который положил конец бурным поискам, характерным для мастеров поздней архаики и ранней классики (наиболее прославленное его произведение — «Дорифор» — копьеносец).

Третий великий скульптор V в. до н.э. - Фидии. Стиль Фидия с его мощными фигурами богов-олимпийцев и героизированных людей оказал огромное влияние на все виды искусств. Монументальные образы, несколько смягченные по сравнению с каноническими статуями Поликлета, воспроизводились не только скульпторами всех разрядов, вплоть до ремесленников, но и в вазовой росписи, в мелкой терракотовой пластике, бронзе и ювелирном искусстве до начала IV в. до н.э. Это был период безраздельного господства монументальных форм. Фидии был не только скульптором. Он сыграл значительную роль в создании облика Акрополя, задуманного как мемориал в честь победы над персами; Фидию принадлежал замысел отделки храма Афны Девы (Партепос)—Парфенона. Парфенон возвышается над всеми зданиями Акрополя. Он выдержан и строгим дорическом стиле, в который органично вошли элементы ионического ордера. Сочетание того и другого ордера применено и в Пропилеях—парадном входе на Акрополь. Здания Акрополя разнообразны по своему архитектурному решению: справа от Пропилей на выступе скалы стоит небольшой изящный храм Ники Антерос — Бескрылой Победы (афинянам хотелось верить, что Победа навсегда поселилась в их городе). На Акрополе находится и один из самых своеобразных греческих храмов — храм Эрехтейон. Здесь крышу одного из портиков поддерживают не колонны, а мраморные фигуры девушек — кариатиды. Памятники Акрополя воплощают эстетический идеал греков, выраженный в словах Перикла: «Мы любим прекрасное, соединенное с простотой, и мудрость без изнеженности».

Следует подчеркнуть удивительную особенность греческого искусства: для его творцов как будто не существовало главных и второстепенных деталей. Все исполнялось с поразительным, присущим мастерам эпохи расцвета совершенством. Это касалось и

монументальной скульптуры, отделинной от зрителя большим расстоянием. Любопытно, что спины стоящих у стены фигур, которые находились вне поля зрения, исполнялись в эпоху расцвета с той же тщательностью, как и обращенные к зрителю части. Поэтому сейчас снятые с фронтонов и экспонируемые в Британском музее скульптуры Парфенона с точки зрения их технического исполнения воспринимаются как образцы круглой скульптуры.

В последней трети V в. до н.э. жил и творил живописец Аполлодор из Афин. С его именем связывают открытие светотени, применение полутонов. Можно считать, что именно он является родоначальником живописи и современном понимании. В искусство IV в. нашла свое отражение общественная психология, свойственная эпохе кризиса полиса, когда единство гражданского коллектива было разрушено. Восхищение доблестями прекрасного и благородного гражданина, которого изображали мастера V в., сменилось интересом к человеческой личности. Искусство ставит своей целью выразить чувства и переживания отдельного человека. Даже боги под резцом скульпторов IV в. теряли свою величавость. IV век до н.э.— время деятельности трех других великих ваятелей древности — Праксителя, Скопаса и Лисиппа.

Пракситель всем своим творчеством стремится отвлечь от окружающих потрясений. Подбор сюжетов, использование для этого мифов, связанных с Дионисом и его свитой, поиски идеала женской красоты — все это в сочетании с мягкостью моделировки, плавностью контуров и изяществом деталей позволило ему создать целую галерею образов, служивших образцом для подражания во все последующие века, особенно для декоративной скульптуры. Полной противоположностью было творческое направление Скопаса, Его скульптуры полны патетики, которой подчинены и стилистика и техника. В его творчестве впервые бушуют страсти, будь то эпизоды битвы греков с амазонками на рельефах, украшавших Мавзолей Галикаруасский, или головы воинов с фронтона храма Афины в Тегесе, многочисленные статуи Геракла или неистовая вакханка, воспетая древними авторами, считавшими, что в этой фигуре Скопас «оживил» камень.

Чрезвычайно интересен и сам памятник, в создании которого принимал участие Скопас, — Мавзолей в Галикарпасе. Это монумент в честь правителя Карий Мавсола. Подобные памятники, прославлявшие одного правителя, были невозможны в эпоху расцвета классического искусства, в период, когда интересы общества, полиса в целом преобладали над интересами индивидуальными. В описываемый период строятся храмы, но большое значение приобретают такие общественные здания, как театры, булектории, палестры, гимназии. Большое внимание уделяется строительству жилых домов. Появившийся в конце V в. до н.э. коринфский архитектурный ордер, выросший из ионийского, но более изящный и нарядный, все чаще применяется в строительстве в IV в. Мастера постепенно накапливали

интерес к передаче внутреннего мира человека, нашедший в эллинистический период благодатную почву. Интерес к личности, как токовой, к историческим персонажам и современным деятелям, и прежде всего к личности Александра, создал базу для развития жанра портрета. Постепенно совершался переход от портрета-образа, каким был портрет Перикла, к портрету-характеристике данного лица. Однако эта задача оказалась сложной для многих скульпторов, и лишь немногие, в том числе Лисипп, смогли создать подлинные шедевры портретного искусства. Таков портрет Александра, хранящийся в Константинопольском музее, в котором скульптор сумел передать, по-видимому, свойственные молодому царю черты беспокойства, страстности и даже какой-то болезненности.

Конечно, скульптура IV в. до н.э. не ограничивалась творчеством Праксителя, Скопаса и Лисиппа, представителей новых течений в скульптуре. Вместе со Скопасом над рельефами Мавзолея в Галикарпасе работал Леохар, создавший одно из наиболее прославленных произведений — статую Аполлона Бельведерского. Долгое время о греческой скульптуре судили по этому произведению, очень эффектной внешне, но чрезвычайно холодному, как бы созданному по математической схеме. В IV в. до н. э. Леохар пытался возродить образы предшествующей классики, механически сочетая их с декоративностью отдельных деталей.

На грани классики и эллинизма работал великий художник Апеллес. Древние авторы восхваляют удивительное мастерство его живописи и виртуозность исполнения портретов. Теперь портретная живопись занимает в искусстве все большее место, хотя полностью решение психологического портрета было предложено лишь мастерами эпохи Римской империи.

Раздел написан Горбуновой К.С.

Литература:

Ботвинник М.И. Греческая культура VII-IV вв. до н.э./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ. - М.:Знание, 1983 - с.274-301

Лекция 15: Александр и диадохи.

Поход Александра Македонского.

После подчинении Греции Филипп Македонский обратил взоры на восток, где господству Македонии на Эгейском море угрожали персы. В 335 г. до н.э. он послал в Малую Азию опытного полководца Пармениона. По-видимому, ему была дана задача захватить предместный плацдарм у переправы через Дарданеллы, чтобы обеспечить позже переброску в Малую Азию основных сил греков и македонцев. Но в том же, 336 г. до н. э., Филипп был убит

заговорщиками. На македонский престол взошел двадцатилетний: сын Филиппа — Александр.

Ученик Аристотеля, получивший хорошее образование, воспитанный в аристократических традициях македонской знати, Александр уже с юных лет показал себя человеком большого государственного ума и недюжинных способностей полководца. В шестнадцать лет он в отсутствие отца управлял Македонией и подавил восстание фракийцев. В восемнадцать лет он командовал левым флангом македонцев в битве при Херонее.

После смерти Филиппа сколоченный им Коринфский союз грозил распасться. Александру пришлось привести в подчинение полисы Греции и отразить нападение племен, надвигавшихся на Македонию с севера (335 г. до н.э.). Только обеспечив себе европейский тыл, он стал готовиться к восточной кампании. Для этого он отозвал Пармениона из Малой Азии, что было воспринято персидским командованием как отказ македонцев от агрессивных планов. Персы не приняли мер для обороны малоазийского побережья.

Весной 334 г. до н.э. армия Александра под командованием Пармениона пересекла Дарданеллы, и персы не смогли организовать ей отпор. Александр, высадившись в Илионе (древней Трое), даровал городу демократические свободы, освободил его от уплаты дани персам и затем двинулся на соединение со своей основной армией. Армия его была невелика по размерам. Считается, что она состояла примерно из 30 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы. Тяжелая и полутяжелая македонская пехота насчитывала 12 тыс. человек, включая личную царскую гвардию. Греческая армия также располагала примерно 12 тыс. гоплитов (союзников и наемников). Остальные части представляли собой легковооруженных пехотинцев и лучников. Конницу составляли восемь отрядов тяжеловооруженных (гетанров — «товарищей» царя из македонской знати) и других, более мелких отрядов. Кроме того, у Александра было 160 военных кораблей. За войском следовали обозы и осадные отряды со своими таранами, метательными машинами и прочим. Во главе армии стояла группа ближайших соратников царя, среди которых были отличные военачальники. Хорошо была поставлена штабная работа. Существовали специальные группы разведчиков, оценивавших силы противника и топографическую обстановку. В походе велись подневные записи. Помимо этого, войска сопровождали историки, философы и естествоиспытатели, работы которых впоследствии чрезвычайно расширили представление греков о мире.

Однако на первом этапе своей деятельности молодой македонский царь вряд ли помышлял о полном уничтожении Персидской державы, а тем более о мировом господстве. Отправляясь в азиатский поход, он ставил перед собой более достижимые задачи: очистить Эгейское море от персидского флота, лишить его малоазийских баз и вовлечь греческие города Малой Азии в сферу своего влияния. Но уже первое

серьезное сражение показало слабость Ахеменидского государства и открыло перед Александром возможность дальнейших завоеваний. Многочисленное войско Дария III состояло из весьма разнородных элементов, неравноценных в военном отношении. Дисциплина в войсках была слаба, у воинов не было той воли к победе, которая была характерна для маленькой, но отлично тренированной армии Александра.

Дарий III, не особенно полагаясь на покоренные народы и пытаясь приноровиться к греческой тактике, стремился создать регулярную пехоту, однако ему в основном приходилось полагаться на греческих наемников. Общая численность персидской армии была, видимо, значительно больше греко-македонской. Малоазийские сатрапы Дария, узнав о приближении Александра, стали делать запоздалые приготовления к сражению. Начальник; греческих наемников Мемнон советовал персам отступить, уничтожая все на своем пути и заманивая противника в глубь страны, навстречу главным силам Дария. Однако сатрапы решили дать Александру генеральное сражение на берегах реки Граник, впадающей в Мраморное море. Битва была выиграна Александром сравнительно легко. Александр оставил небольшой гарнизон из греков-союзников прикрывать дарданелльские пероправы, а сам с основным войском направился на юг, к греческим городам малоазийского побережья. В Малой Азии, где олигархию поддерживал персидский царь, Александр в отличие от своего отца выступил на стороне демократии. Этим он привлек на свою сторону широкие слои населения греческих городов и создал трудности для персидского флота. Он захватил Милет и после тяжелой осады взял Галикарнасс; Мемнон бежал.

Александр мог теперь продолжать поход в глубь Малой Азии. Он двигался с основными силами вперед, поручая своим сподвижникам завершать очистку тылов небольшими отрядами. Зимой 334—333 г. до н.э. он провел кампанию против горных племен, не давая горцам возможности уйти в неприступные местности и заставляя держаться долин, свободных от снега. Весной он достиг Гордиона — древней столицы Фригии (По преданию, в Гордионе, прикрепленная к яру сложным узлом, стояла в храме павозка Гордия, первого царя Фригии, и считалось, что тот, кто развяжет этот узел, овладеет Азией. Александр его разрубил.), где его ожидал Парменион с частью войска и обозом. Здесь Александр дал отдохнуть войску и пополнил его новыми силами, прибывшими из Македонии.

Летом 333 г. до н.э. Александр прошел в Киликию на юго-востоке Малой Азии. Закрепив за собой приморские города и оставив больных и раненых и г. Иссе, он устремился через южные, прибрежные перевалы в Сирию — к главным силам персов. Тем временем Дарий продвигался навстречу ему через более северные перевалы. Разминувшись с Александром, Дарий прибыл в Исс, где нашел только оставленных Александром инвалидов и перебил их.

Македонский царь оказался в очень тяжелом положении: противник зашел ему в тыл, притом в чужой, враждебной стране. Спасти Александра могли только решительность и быстрота действий. Он вернулся к Иссе и дал персам бой (октябрь 333 г. до н.э.). Задача персов сводилась к тому, чтобы не пропустить Александра, в то время как македонскому царю, чтобы спасти войско и судьбу всего восточного похода, необходимо было нанести персам полное поражение. Атака Александра во главе гетайров смяла центр персидской пехоты. Дарий, решив, что все потеряно, пустился в бегство, хотя его полководец Набарзан заставил отступить левый фланг македонцев. Успех Александра в центре и на правом фланге и бегство Дария решили исход боя. Македонцы потеряли 450 человек, потери персов были значительны. Кроме того, в руки Александра попали мать, жена и две дочери Дария и большая добыча.

В результате битвы при Иссе Малая Азия оказалась полностью потерянной для персов. До этого момента Александр, как видно не думал о разрушении всей державы Ахеменидов, добиваясь лишь решения задач, насущно важных для существования Македонского царства. До битвы при Иссе война, несмотря на наступательный образ действий Александра, воспринималась большинством македонской знати как оборонительная. После этой битвы перед Александром встала дилемма: ограничиться ли завоеванным в Малой Азии и заняться укреплением своих позиций там или продолжать поход в глубь Азии до полного разгрома Ахеменидского царства. Александр выбрал второе.

На продолжение похода его толкали, скорее всего, соображения экономического порядка. В начале восточного похода состояние финансов Александра было плачевным. В его казне находилось только 70 талантов серебра, в то время как долги составляли 1300, а ежемесячное содержание войска и флота — 300 талантов. Дорогостоящая война должна была принести огромную добычу, иначе она превратилась бы в государственную катастрофу. Персидское царство славилось своим богатством, получить же его было можно, только разрушив державу Ахеменидов до основания.

Однако Александр не стал сразу же преследовать Дария, отходившего к жизненным центрам своего государства, а направился на юг, в Сирию и Финикию, поставив перед собой задачу — уничтожить базы персидского (т.е. финикийского) флота, угрожавшего греческому владычеству на море. Города Арвад и Марат достались ему без боя, так же легко Парметнион захватил Дамаск, где в его руки попали обозы и походная казна Дария. Эта добыча существенно поправила финансовое положение македонцев. В Марате Александр получил письмо от Дария, в котором тот просил вернуть ему семью и заключить договор о союзе и дружбе. Македонец ответил отказом. В своем отлете он изобразил войну как отмщение за все обиды, нанесенные персами грекам, и объявил, что уже является царем Азии и что Дарий, если хочет добиться чего-либо, должен обращаться к

нему как низший к высшему. Тон письма исключал всякую мысль о примирении.

Дальнейшее продвижение Александра на юг также было удачно. Крупнейшие порты — Библ и Сидон подчинились без боя. Однако жители Тира, надеясь на неприступность своего островного города, отвергли условия, предложенные им Александром. Начались военные действия. Осада длилась семь месяцев, и тиряне проявили чудеса мужества, но Александр, насыпав перемычку через пролив, отделявший Тир от материка, взял город (июль 332 г. до н. э.). Население Тира было обращено в рабство и продано — такой исход пела к этому времени уже стал редким на Ближнем Востоке. Во время осады Тира Александр получил новое письмо от Дария, в котором тот предлагал 10 тыс. талантов серебра в виде выкупа за свою семью, и все земли к западу от Евфрата. Александр опять ответил отказом. После падения Тира Александр двинулся на Египет. Серьезное сопротивление он встретил только в Газе, на юге Палестины, и в ноябре 332 г. вступил в Нильскую долину. Египет никогда не имел органических связей с Ахеменидской державой и со времени первого завоевания персами при Камбисе не раз восставал против них, а с конца V в. до н. э. добился независимости. Только в 343 г. до н. э, персам вновь удалось временно овладеть этой страной. Ненависть египтян к своим поработителям была велика. Александра ждали как избавителя, шли слухи о его египетском происхождении. Персидский наместник немедленно сдался.

Александр наладил управление страной, основал на побережье новый город — Александрию, который был задуман как противовес Финикии, и затем посетил знаменитый оракул Амона, находившийся в оазисе в глубине пустыни. Жрецы провозгласили Александра сыном Амона, признав тем самым его фараоном. Уже весной 331 г. до н.э. он снова появляется в Тире. Отсюда, послав вперед Пармениона и приказав ему захватить переправы через Еуфрат, Александр выступил навстречу Дарию III. Персы понимали неизбежность этой схватки и лихорадочно к ней готовились. Они несколько улучшили вооружение конницы. снабдили некоторое количество колесниц лезвиями на осях колёс, чтобы наносить больший урон вражеской пехоте. Однако боеспособность персидского сборного войска оставалась липкой.

Соединившись с Парменионом, Александр перешел Евфрат. Персидский авангард отступил, и македонская армия беспрепятственно переправилась и через Тигр, двигаясь к г. Арбеле, где, по имеющимся данным, было сосредоточено войско Дария III. Сражение произошло 1 октября 331 г. до н.э. у селения Гаугамелы. Перед боем Александр дал своим воинам необходимый отдых. Дарий же, неуверенный в себе и своих силах, продержал свое войско всю ночь в боевой готовности, без сна. Александр, видя численное превосходство врага и наличие у него новых мощных родов войск — колесниц и слонов был озабочен тем, чтобы предотвратить охват своих флангов, так как линия фронта у персов была значительно

длиннее, чем у македонцев. Дарий бросал в атаку сначала сакскую, потом бактрийскую конницу, затем колесницы, но сколько-нибудь заветного успеха добиться не смог. Тогда, воспользовавшись тем, что персидская линия растянулась в попытках охватить его фланги, Александр сам предпринял атаку во главе гетайров, которых он до тех гор держал в резерве. Несмотря на то что Мазей на левом фланге македонцев наносил серьезные удары Парменнону, а бактрийская конница сатрапа Бесса полностью сохраняла боеспособность, Дарий опять бежал. Напрасно конница персов, прорвав македонскую фалангу, пыталась освободить и вооружить военнопленных, напрасно Мазей стремился развить достигнутый им успех — войска Дария дрогнули, и гетайры, во главе с Александром спешившие на выручку к Пармениону, довершили разгром. Отступление превратилось в бегство. Лишь бактрийская конница и греческие наёмники отошли в порядке.

Македонцы преследовали противника до Арбелы. Дарию и некоторым из сатрапов удалось с небольшой группой войск отойти в столицу Мидии Экбатаны. Мазей же отступил в Вавилон, и Александр счел более важным преследовать его. Вавилоняне вышли приветствовать нового царя как освободители. Сатрапом Вавилонии Александр назначил Мазея — первое назначение перса на такой пост. Из Вавилона Александр прошел и Сузы, а оттуда в Парс (Переиду) — родину Ахеменидов в ядро их царства. Сначала он предпринял зимний поход против местных горцев, затем без особого труда захватил обе столицы персов — Пасаргады и Персеполь. В Персеполе ему достались несметные богатства царской сокровищницы — предание говорит о сумме в 180 тыс. талантов, не считая посуды из золота и серебра и драгоценностей. Дворец Ксеркса был предан огню.

В Персеполе весной 330 г. до н.э. Александр узнал о поражении Спарты, нанесенном ей наместником Македонии Антинатром. Это означало, что серьезный противник македонского владычества в Греции сломлен (и Актинатр твердо стоит на ногах). Если у Александра и были какие-либо сомнения в целесообразности иранского похода, теперь все они отпали. Александр выступил в Мидию; Дарий со своей свитой покинул Экбатаны и бросился в глубь Ирана. Двигаясь с большой быстротой, сопровождаемый небольшим отрядом отборных войск, Александр догнал беглецов на дороге из Мидии в Парфию. Сатрапы закололи Дария, чтобы он живым не достался врагу, а сами бежали дальше. Подоспевший Александр оказал мертвому противнику царские почести. Бежавших сатрапов он не стал преследовать.

После смерти Дария Александр стал считать себя законным наследником Ахеменидов и царем Азии. Но чтобы утвердить свою власть на всем пространстве Ахеменидской державы, Александру еще предстояло замирить Восток. При этом он встретился с непредвиденными военными трудностями и с резкой оппозицией в среде своих сподвижников. Сначала Александр стремился привлечь на

свою сторону видных ахеменидских вельмож, раздавая им сатрапии на востоке, но после нескольких измен и восстаний перешел к карательным мерам. Между тем ему стало известно о заговоре, к которому оказался причастен один из главных полководцев Александра — начальник гетайров, сын Пармениона Филота. Участники заговора, как видно, принадлежали к верхушке македонской знати, которую вполне устраивало решение первых насущных задач персидской войны, длившейся без перерыва уже шесть лет. Представители оппозиции были недовольны превращением македонского царя, когда-то лишь первого среди македонской знати, в восточного деспота. При ликвидации заговора Александр впервые прибег к крутым репрессиям по отношению к своим ближайшим сподвижникам, которым в прежнее время он легко прощал многое, Филота был выдан войску, которое приговорило его к смерти и казнило. Александр же решил, что главным источником недовольства является осторожный, служивший ещё его отцу Парменион. Он долго был первым помощником царя, но, после того как Александр раз за разом отвергал советы старого военачальника, а сам Парменион, командовавший при Иссе и Гаугамеле левым крылом, оба раза действовал не очень удачно, отношения между царем и полководцем ухудшились. Пускаясь в погоню за Дарием, Александр не взял с собой Пармениона, а оставил его в Мидии, поручив ему обеспечение коммуникаций. После казни Филоты Парменион становился ненадежным, и Александр подослал к нему убийц, прежде чем старик узнал о смерти сына. Такие действия Александра объясняются, как видно, чрезвычайно тяжелой обстановкой, в которую он попал на востоке державы.

Сначала во главе антимакедонского движения здесь встал сатрап Бактрии Бесс, объявивший себя царем под именем Артаксеркса IV. К нему стекались все решившиеся сопротивляться. Ранней весной 329 г. после серьезной подготовки своего тыла Александр с основными силами перешел через Гиндукуш и вторгся в Бактрию. Бесс отступил в Согдиану, перейдя через Оке (Амударью). Александр последовал за ним. Здесь антимакедонское движение вступило в новую фазу. Руководителем движения становится согдийский предводитель Спитамен. Бесс отходит на задний плац, а вскоре затем попадает в руки одного из македонских военачальников — знаменитого впоследствии Птолемея Лага. Александр, как наследник Ахеменидов, обошелся с Бессом точно так, как персидские цари обходились с мятежниками: его распяли, предварительно отрезав ему нос и уши.

Бесс, претендовавший на продолжение политики ахеменидских царей, вряд ли мог быть популярен в Восточном Иране и особенно в Средней Азии. Эти области были слабо связаны с западной частью державы и всегда тяготились персидским господством. Характер развернувшейся борьбы, упорство сопротивления, методы партизанской войны, которыми пользовался Спитамен. свидетельствуют о том, что Александру в Согдиане пришлось бороться со свободными людьми, защищавшими дома и родную землю с

мужеством, которого македонцы не встречали у разношерстного персидского войска. Согдийцы опирались на «крепости» и «скалы», как называют их источники, т.е. на укрепленные поселения типа центров мидийских городов-государств IX—VII вв. до н.э.; такие укрепления теперь найдены археологами. Александр метался по Согдиане. Он захватил столицу страны Мараканду (Самарканд) и, оставив там гарнизон, двинулся к р. Яксарту (Сырдарье, которую принимал за... Дон!) с целью разобщить Спитамена и заяксартских кочевников-саков. Он расставил гарнизоны вдоль реки, основал г. Александрию Крайнюю (близ совр. Ленинабада) и с большой жестокостью подавил сопротивление местного населения. В это время было получено известие, что Спитамен осаждает гарнизон в Мараканде. Александр послал на выручку осажденным небольшой отряд, а сам переправился через Яксарт и нанес кочевникам серьезный удар. Тем временем Спитамен ловким тактическим приемом заманил в пустыню отряд, шедший на помощь гарнизону Мараканды, и истребил его. Александр во главе нового, отборного отряда поспешил к Мараканде. Неуловимый Спитамен, верный своей тактике, ускользнул от удара и ушел в пустыню. Александр не стал преследовать его, но опустошил плодородную, густонаселенную долину р. Зеравшана, истребив до 120 тыс. согдийцев и многих обратив в рабство. Затем Александр вернулся в Бактрию на зимовку (329— 328 гг. до н.э.). Кампания 328 г. до н.э. была целиком посвящена борьбе со Спитаменом. Александру удалось внести раскол в среду бактрийцев и согдийцев, так что в этом году в составе его армии действовали отряды бактрийской и согдийской конницы. Спитамен ушел за Окс к кочевым массагетам (в совр. Туркмению). С их конными отрядами он совершал набеги на Согдиану, однако в конце концов был разбит, снова бежал к массагетам, но был убит ими, а голова его была послана к Александру.

Но и гибель Спитамена не означала еще покорения Согдиатты. Нашлись новые руководители сопротивления: Оксарт, Хориен и др. Лишь в 327 г. до н.э. ценой огромных усилий Александру удалось взять горные убежища согдийцев — последний их оплот. Война в Средней Азии отняла три года. Стремясь примириться с верхушкой знати покоренной Согдианы, Александр женился на дочери Оксарта — Роксане. Эти три года были для Александра тяжелыми не только из-за трудной войны в Согдиане, но и из-за грозных событий, разыгравшихся в его собственном окружении. В 328 г. до н.э., находясь в Мараканде, Александр во время ссоры на пиру убил одного из своих близких друзей, спасшего ему жизнь при Грапико, — Клита. Это происшествие уряд ли можно объяснить случайностью. Вероятно, Клит, как и многие из окружавших царя, был недоволен политикой Александра и затянувшейся, утомительной и, как казалось, бессмысленной войной за тысячи километров от родины. Около того же времени Александр ввел при общении с царем преклонение ниц — проскинесис, что вызвало раздражение македонцев и греков, для которых это было выражением рабства. Даже придворный

историограф Каллисфен, племянник Аристотеля, в своем описании похода всячески восхвалявший царя, уклонился от выполнения нового обряда. На беду, вскоре был раскрыт заговор юных телохранителей царя, происходивших из знатнейших македонских фамилий и носивших звание «царских детей». Каллисфен был схвачен по подозрению в соучастии с заговорщиками и вскоре умер в заключении.

В такой сложной обстановке Александр предпринял свой последний — индийский поход. Не вызванный никакой необходимостью, он может быть объяснен отчасти желанием завладеть царством Дарий I во всем его объеме, отчасти же прямым авантюризмом и желанием дойти до «конца земли», который, по представлениям того времени, должен был находиться где-то сразу за р. Инд.

Поход начался в 327 г. до н.э.; Александр встретился со многими трудностями, однако нанес жестокое поражение индийскому царю Пору и продолжал продвижение за Индом на восток. У р. Влас в 326 г. до н.э. произошло наконец то, чего можно было давно ожидать: измученные войны отказались идти дальше.

Александр пришлось начать обратный путь. По дороге не раз происходили стычки с местным населением. Во время штурма одной из крепостей Александр был тяжело ранен. В авангарде на запад был направлен Кратер, заменивший теперь Пармениона. С ним двинулась часть войска, обозы, раненые и больные. Александр прошел далее на юг до Патталы, где был снаряжен флот, который, по смелой мысли Александра, должен был пройти от устья Инда до устья Евфрата,— идея, возникшая на основании теоретических построений, так как о существования этого морского пути никто из окружения Александра ничего толком не знал. Руководство флотом было поручено опытному мореходу Неарху. В октябре 325 г. до н.э. Неарх вышел в океан и направился на запад. Александр с отборными войсками пустился в обратный путь ещё в сентябре, двигаясь примерно вдоль берега и держа направление на Персеполь. Этот путь был исключительно труден. В сожженных солнцем пустынях Александр оставил более половины своего войска. Нелегко пришлось в неизвестных водах и Неарху. Но наконец на подступах к Сузам Александр увидел весь свой флот, подымавшийся навстречу ему вверх по реке (в начале 324 г. до н.э.).

Весну и лето Александр провел в Сузах. Отсутствие царя в центральных областях только еще сколачиваемого государства в течение пяти с лишним лет не могло не сказаться. Назначенные Александром сатрапы вели себя независимо, беззастенчиво грабя население, и даже в центральном аппарате господствовали своеволие и коррупция. Удивительно, что за все эти годы держава вообще не распалась; это указывает на то, что её существование отвечало реальным потребностям времени. Теперь завоевательные исходы были закончены, и Александру предстояло управлять этим огромным и

неустроенным государством. Александру казалось, что решение этой сложной задачи должно состоять в слиянии завоевателей с завоеванными. Сам он женился на Статире, дочери Дарпия III, и на Парисатиде, дочери Артаксеркса III, и чрезвычайно поощрял смешанные браки среди своих приближенных и воинов. Так, он роздал свадебные подарки 10 тыс. солдат, женатых на персиянках.

Кроме того, царь стал набирать в свое войско иранских юношей и обучить их по македонскому образцу.

Стремясь привлечь на свою сторону определенные круги иранского общества и поощряя смешение македонцев и иранцев, Александр в то же время сурово расправлялся с сатрапами-персами, проявлявшими в его отсутствие чрезмерную самостоятельность. Теперь почти во все области были назначены македоняне. Это как нельзя лучше характеризует двойственность политики Александра в Азии. Конец лета и осень 324 г. до н.э. царь провел в Экбатанах. В это время он потребовал от греческих городов обожествления своей особы. Хотя такое требование и встретило некоторое противодействие в Элладе, но гораздо большее впечатление произвел другой приказ: вернуть политических эмигрантов. Этот приказ греки рассматривали как незаконный, ибо Александр, будучи военным руководителем Коринфского союза, формально не имел права вмешиваться во внутренние дела греческих полисов. И хотя в начале 323 г. до н. э. представители греческих городов прибыли в Вавилон (который Александр избрал своей новой столицей), чтобы возложить на царя золотые венки, как на божество, возвращение эмигрантов встретило серьезное сопротивление.

Зимой 324 — 323 г. до н.э. Александр предпринял компанию против горного племени касситов (античные источники называют их косеями) для обеспечения безопасности пути из Вавилона в Иран. Затем он занялся планированием морской экспедиции вокруг Аравии в Египет и проектами колонизации побережья Персидского залива. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В начале июня 323 г. до н.э. Александр заболел и вскоре умер. Войско прощалось с умирающим царем проходя через царский зал во дворце Навуходоносора II, где на тронном возвышении было поставлено ложе Александра.

В десятилетний срок Александром Македонским было создано грандиозное государство, простиравшееся от Египта до берегов Инда, от Черного моря на севере до Персидского залива на юге. Естественно, личность Александра, его огромные военные успехи привлекали к себе внимание историков как в древности, так и в новое время. Но в оценке его деятельности и сейчас нет единодушия. Мировая держава Александра Македонского после, его смерти распалась, но распалась на довольно большие части, каждая из которых представляла собой не полис и не союз полисов, а обширное монархическое объединение, включавшее многие полисы как

органическую составную часть. Эти дочерние государства, хотя границы их были очень неопределены в своей основе смогли просуществовать довольно продолжительное время.

Победное шествие Александра на Восток, а также возникновение новых, «эллинистических» государств были подготовлены всем ходом предшествующего развития как самой Греции, так и стран Ближнего Востока. Необходимо было создать общественно-экономическую структуру, где были бы обеспечены частная собственность и частное производство без произвольного вмешательства со стороны царской власти, с определенными, более или менее единообразными гарантированными правами политической автономии, но в то же время где был бы обеспечен свободный доступ к источникам сырья и к межобластному товарному рынку. Такой структурой и была эллинистическая монархия, опирающаяся на сеть автономных полисов. Автономия города или храма — создание некоего государства в государстве — всегда имела идеологическое обоснование и облекалась в совершенно определенные идеологические формы. Естественно, что греческий полис должен был нести с собой и греческие формы идеологии и культуры, как обоснование своего существования. Вместе с полисом должна была прийти и эллинизация культурной жизни.

И если она не пустила на Востоке понастоящему глубоких корней, то только потому, что была ограничена миром привилегированных городов. Обширное градостроительство в странах Азии, проводившееся Александром и его преемниками, не может быть объяснено одной лишь греческой колонизацией — для заселения всех этих городов не хватило бы жителей всей Греции: ранее преуменьшалось значение эллинизации известной части местного населения. Помимо иранских воинов и знати, непосредственно влитых в состав греко-македонского войска, эллинизации подвергались, вероятно, и многочисленные местные жители — примкнувшие к обозам торговцы-поставщики, обслуживающий люд, жители разрушенных городов, дети греко-македонцев от местных женщин. Часто жители захваченных городов насильственно переселялись в основанные царями полисы; иногда переселение «варваров» было добровольным; были случаи, когда город целиком заселялся путем перемещения части граждан старых торгово-промышленных городов.

Западная Азия перед завоеванием Александра достигла такой ступени развития, когда ей нужен был новый тип политической организации; конкретно-исторические условия были таковы, что носителями этого нового типа были завоеватели — греко-македонцы. Процесс был двусторонним: восточный мир, не выработав нужных ему форм рабовладельческого строя, уже создал военно-административное объединение в виде «мировых» держав; греческий мир создал высокоразвитое товарное рабовладение и полис, но в своем прежнем виде система полисов испытывала кризис — нужно было военное объединение.

Результатом были завоевания Александра Македонского и возникновение того конкретно-исторического явления, каким в области культуры явился эллинизм — взаимопроникновения греческих и ближневосточных элементов культуры.

Наследие Александра.

Александр не смог обеспечить создание единого народа «персоэллинов», о котором он мечтал, ни даже обеспечить целостность созданного им государства. Но он содействовал созданию новых, более гибких политических форм на Ближнем Востоке. Первым важным шагом Александра, способствовавшим упрочению центрального правительства, было разделение власти в сатрапиях. Ставя в Иране на первых норах сатрапов-персов. Александр лишал их финансовой и военной власти. Наряду с сатрапом назначался специальный военачальник, а сбор налогов и все другие финансовые вопросы были поручены особому чиновнику, подчинявшемуся не сатрапу, а главному казначею, ответственному только перед царем. Должность главного казначея при Александре занимал Гарпал, не оправдавший царского доверия и при известии о возвращении Александра из восточного похода бежавший на запад со значительной частью казны.

У сатрапов было отнято и право чеканить монету, которым они пользовались при Ахеменидах. Лишь Вавилон да некоторые финикийские и киликийские, а также греческие города продолжали еще чеканить монету самостоятельно. Царь не только взял в свои руки чеканку монеты, но и произвел существенную денежную реформу, перейдя целиком на серебряную основу и объединив аттическую денежную систему с ахеменидской. Введенная Александром серебряная драхма привилась на Востоке и с некоторыми видоизменениями просуществовала много столетий. Эти финансовые меры способствовали объединению государства и упрочению экономических, а следовательно, политических и культурных связей между отдельными частями обширного государства. Росту производства содействовало и то, что огромные сокровища Ахеменидов, лежавшие в казне мертвым капиталом, были при Александре пущены в оборот.

Важной стороной деятельности Александра в покоренных областях было градостроительство. Традиция приписывает ему основание 70 городов, но цифра эта, вероятно, преувеличена (нам сейчас известно об основании им около десятка). Не все основанные Александром «города» были действительно городами — большей частью это были македонские военные поселения, колонии, находившиеся на царской земле, лишь впоследствии получившие полисные права; в ряде случаев мы имеем дело не с основанием нового города, а с расширением старого восточного города с предоставлением ему полисных прав.

Во всяком случае, при Александре на Востоке появляется много новых центров городской жизни — от Александрии в Египте до Александрии в Опиане. На восточном берегу Инда. Новые города основывались на важных стратегических и торговых путях и служили связующими звеньями между сатрапиями. Политически они подчинялись наместникам, назначаемым Александром, и, по-видимому, сатрапам.

Градостроительная политика Александра преследовала главным образом военные цели, но значение её вышло далеко за пределы замыслов завоевателя; эта политика в ещё более внушительном масштабе и планомерно проводилась его непосредственными преемниками, так называемыми диадохами, и позднейшими эллинистическими: царями, являясь важнейшей опорой их государственной системы.

За армией Александра последовали тысячи греческих торговцев и ремесленников в надежде на выгодные предприятия в новых странах. Большинство их осело в создававшихся городах, передавая свой богатый опыт и основывая ранее здесь неизвестные отрасли торгово-промышленной деятельности, а их старые связи с греческими торговыми центрами способствовали расширению товарного обмена между Ближним Востоком и Грецией. Расширению экономических и торговых связей содействовали также географические открытия, сделанные во время походов, и налаживание новых торговых путей. Проникновение греческого языка, образованности, искусства на Восток создало в дальнейшем основу для возникновения синкретичной по форме культуры эллинизма.

Держана Александра к моменту его смерти состояла из разнородных областей, мало связанных между собой. Прежде всего это была старая Македония, сохранявшая все эти годы под управлением Антипатра свой прежний жизненный уклад. Затем шли зависимые от Македонии полисы европейской Греции, где многие еще мечтали о полной самостоятельности. Малая Азия резко делилась на несколько зон.

Греческие полисы западного побережья тяготели к Европе и, несмотря на многолетнее господство там персов, мало чем отличались от своих европейских собратьев. Города южного побережья представляли совсем иной тип как в социальном, так и в политическом отношении, вероятно больше походя на финикийские города. Центральные и северо-восточные районы, населенные фригийцами и лувийскими народностями, по существу, не были покорены Александром, равно как армяне, а также различные закавказские и прикаспийские народы и племена. Некоторые из них номинально признавали власть Александра, другие же остались совершенно независимыми. Египет, мало связанный с Ахеменидской державой, и при Александре сохранял почти полную самостоятельность. Финикия и Сирия, несмотря на трагическую судьбу Тира, продолжали, как и при

Ахеменидах, играть важную роль посредников между Западом и Востоком и поэтому мирились с македонским завоеванием.

По мысли Александра, Месопотамия должна была стать центром новой державы, а Вавилон — её столицей. В этом отношении он был прав. Конечно, Месопотамия, старый культурный центр Ближнего Востока, соединенный караванными путями с Ираном, Кавказом и Средиземноморьем и водными — с Персидским заливом, Аравией и Индийским океаном, была естественным экономическим и политическим центром всех больших ближневосточных держав вплоть до средневековья. Дальше на восток простирались обширные пространства Иранского плато, населенные различными племенами, в большинстве своем стоявшими на более низком по сравнению с завоевателями уровне общественного развития. Многие из этих племен, особенно на востоке Ирана и в Средней Азии, отнюдь еще нельзя было считать покоренными окончательно.

Вкрапленные в эту «варварскую» (по греческой терминологии) стихию малочисленные гарнизоны, состоявшие главным образом из греков, а не македонцев, чувствовали себя очень неуверенно и часто стремились покинуть негостеприимные места. Восстания гарнизонов начались уже после смерти Александра. Обширные восточные области государства, столь разнородные по населению, уровню общественного развития, экономическим связям, было трудно удержать в составе одного государства. Тем более безнадежна была лелеемая Александром идея создания единого народа смешением этих разнообразных племен и этнических групп с количественно ничтожным греко-македонским элементом. Александр, умирая, не оставил наследника, да если бы он его и сделал, то вряд ли любому наследнику, кто бы он ни был, удалось удержать в руках такое наследство.

Управление Македонией осуществлялось Антипатром, а хозяином в Вавилоне оказался Пердикка, старший из командиров конницы. В его руках находились оба царя, в результате компромиссного решения провозглашенные войском — Филипп Арридей, слабоумный сын Филиппа Македонского, и новорожденный Александр, сын Александра и Роксаны, дочери Оксиарта. Пердикка командовал большей частью войска и располагал казной. Кратер, ближайший военный помощник Александра, отправился со своими ветеранами в Грецию, где Антипатр терпел поражение в войне против поднявшихся греческих городов.

По решению ближайших сподвижников Александра, принятому в Вавилоне, было произведено перераспределение сатрапий. При этом многие сатрапы (Пифон в Мидии, Птолемей Ляг в Египте) уже вынашивали сепаратистские планы. Пердикка, по-видимому, стремился сохранить целостность державы Александра и старался сурово подавлять попытки отдельных сатрапов приобрести независимость. Во время такого похода против коалиции сатрапов

(Антипатра, Антигона Одноглазого, Птолемея) Пердикка был убит собственными солдатами (321г. до н.э.).

После гибели Пердикки на совещании в Тринарадейсе (Сирия) верховным правителем был избран Антипатр, а сатрапии были снова перераспределены. Антигон, сатрап Фригии, был назначен главнокомандующим в Азии, Пифон — в «ворхних смтрапиях» (т.е. главным образом в Иране), Селевк, один из самых способных военачальников Александра, получил Вавилон. Распределены были и другие восточные сатрапии. Вне этого распределения остался Евмен из Кардии, бывший секретарь Александра, а также брат Пердикки, Алкет, занявший враждебную позицию по отношению к Антипатру.

После совещания в Трипарадейсе Антипатр вернулся в Европу, увозя с собою обоих царей, и, по существу, устранился от азиатских дел. В 319 г. он умер, и после его смерти центробежные силы дали себя знать еще сильнее. Уже никто из бывших сподвижников Александра не думал о том, чтобы сохранить или восстановить державу в ее прежнем объеме, хотя бы по видимости. Каждый старался ухватить для себя кусок побольше и получше, округлив свои владения за счет соседей. В 317 г. разгорелась борьба между Пифоном, сатрапом Мидии, желавшим подчинить себе весь Иран, и коалицией других восточных сатрапов. Пифон обратился за помощью к Селевку, сатрапу Вавилонии. В это время на Востоке появился Евмен, который действовал от имени обоих царей, находившихся под надзором Полиперхона, заменившего в Македония Антипатра. Селевк и Пифон выступили против Евмена и призвали на помощь Антигона, самого значительного из всех претендентов на власть в Азии и смертельного врага Евмена. В двух битвах Антигон вынужден был оставить поле боя за Евменом. Но он продолжал борьбу и в третий раз на иранской земле сразился с Евменом. На этот раз неудачу потерпел Евмен. Его погубила измена «серебряных щитов» — так называлась отборная македонская воинская часть, которая вместе с охраняемой ею казной была решением Полиперхона передана в ведение Евмена. «Серебряные щиты» выдали своего начальника Антигону, который казнил его. Антигон оказался самым могущественным человеком в Азии. В 316 г. он произвел новые перетасовки в восточных сатрапиях, убил Пифона, своего бывшего союзника; Селевк бежал в Египет к Птолемею.

Сатрапы не на шутку испугались усиления Антигона и создали против него сильную коалицию, куда вошли не только восточные сатрапы, но и Птолемея, Кассандр, правивший на Балканском полуострове, Лисимах, сидевший в западной Малой Азии. Ни одна из сторон не смогла получить в борьбе решительного превосходства, и в 311 г. был заключен мирный договор. По этому договору Кассандр получил европейские владения, кроме Фракии, которая досталась Лисимаху, Птолемея остался хозяином Египта, а Антигон — Азии. В прямом выигрыше, не участвуя в договоре, оказался Селевк, который, воспользовавшись трудностями, возникшими у Антигона на Западе, и

поражением, нанесенным Птолемеем под Газой (Палестина) сыну Антигона Деметрию Полпоркету, вернулся в свое прежнее владение — Вавилон — и прочло обосновался там (312 г. до н. э.). С этого момента начинается селевкидская эра. летосчисление, употреблявшееся на Востоке в течение более тысячи лет (оно ошибочно называлось здесь «эрой Александра»).

Таким образом, между государством Антигона, центром которого была Малая Азия, и Ираном легла подвластная Селевк Месопотамия. Сложная борьба Антигона с его противниками на Западе не давала ему возможности контролировать сатрапов, сидевших восточнее Евфрата. В конце концов Антигон, в битве под Инсом в Малой Азии был разгромлен и убит (301 г. до н.э.). Реальная власть на Востоке, не только в Месопотамии, но и в Иране, все больше переходит к Селевк, что лишний раз показывает ведущее значение Месопотамии на Ближнем Востоке в древности. Селевк оказался основателем самой значительной из эллинистических держав — Селевкидского царства.

Его власти уже не могла поколебать ожесточенная война между претендентами на гегемонию в Греции, в Малой Азии и Восточном Средиземноморье, которая продолжалась ещё двадцать лет после битвы при Инее.

Лекция представляет сокращенный вариант соответствующих глав книги «Очерк истории древнего Ирана» (М., 1961).

Литература:

Дьяконов М.М. Александр и диадохи./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.302-318

Лекция 16: Эллинистический Египет.

Особенности эллинизма.

В период ожесточенной борьбы полководцев за раздел державы Александра в Восточном Средиземноморье складывались элементы новых экономических и политических отношений. Массы македонян и греков — купцов, ремесленников, наемников — оседали в Азии и Египте; они приносили свои обычаи и, в свою очередь, знакомились с местными традициями; вырабатывались новые формы и методы эксплуатации сельского населения; цари искали пути сближения с местной знатью, складывался новый государственный аппарат. Начиналась эпоха, которая в научной литературе получила название эллинизма.

Этот термин ввел немецкий историк Дройзен, выпустивший в 30-х годах прошлого века трехтомную «Историю эллинизма». Для него эллинизм означал проявление эллинского духа и распространение эллинской культуры на Востоке. С тех пор содержание этого понятия

существенно изменилось. По мнению большинства советских исследователей, время от распада державы Александра до римских завоеваний государств Восточного Средиземноморья (III — I вв. до н.э.) было временем взаимодействия местных и греческих обычаев, установлений, правовых норм, взаимодействия, результаты которого соответствовали уровню и потребностям общественного развития населения этого района. При этом нужно иметь в виду, что взаимодействовали не только греки и жители восточных областей, но и различные местные народности друг с другом.

Отдельные области, входившие в III- I вв. до н.э. в эллинистические государства, имели свою специфику экономического развития: различия в хозяйственной организации были в областях орошаемого и неорошаемого земледелия; Месопотамия, ряд районов Египта, западная Малая Азия, города Сирии и Палестины были древними центрами ремесла и торговли, а в глубинных районах Малой Азии господствовало натуральное хозяйство. В этот период усиливается обмен не только между отдельными географическими районами, но и между сельскохозяйственной территорией и городом внутри отдельных районов.

Важная особенность обмена заключалась в том, что в наиболее крупных государствах внешняя торговля находилась под контролем центральной власти. Эллинистические монархи имели в своем распоряжении торговый флот, чеканили свою монету; караванные стоянки находились в ведении центральной администрации. Правители поощряли ввоз одних и запрещали ввоз других товаров, регулировали сельскохозяйственное и ремесленное производство. Распоряжаясь колоссальными продовольственными и денежными ресурсами, они поддерживали экономику нужных им торгово-ремесленных центров. Так, например, после землетрясения 227 г. до н.э., когда был разрушен крупнейший торговый город Эгейского моря Родос, эллинистические правители, заинтересованные в быстрейшем восстановлении этого транзитного пункта отправили родосцам колоссальные дары, в том числе хлеб, лес, металл и корабли.

Товарное производство внесло существенные изменения в традиционные формы организации хозяйства и методы эксплуатации непосредственных производителей, большинство которых было организовано в сельские общины. Распространение отношений зависимости (прежде всего от государства), основанной на применении насилия, на огромные массы сельского населения было характерной чертой периода эллинизма. Особенностью политической организации этого периода было сочетание обширных монархий с самоуправляющимися коллективами граждан, в которые не входило большинство населения.

Хозяйство и общество эллинистического Египта.

Одним из первых эллинистических государств, обособившихся из владений Александра Македонского, был Египет. С 323 г. до н.э. сатрапом Египта стал один из ближайших соратников Александра, энергичный и талантливый Птолемей, сын Лага, который в 305 г. провозгласил себя царем. Владения Птолемея 1 не ограничивались Египтом: он присоединил Киренаику на западе и начал борьбу с другими полководцами Александра за Южную Сирию. Его сын Птолемей II присоединил часть областей Малой Азии — Ликию, ряд городов Карики, захватил Милет. В правление первых царей из династии Птолемеев сложилась система хозяйства и управления, характерная в целом для всего эллинистического Египта.

Новые правители использовали как греческие институты, так и ряд местных традиций для укрепления своей власти. Птолемей I украсил и расширил Александрию, один из немногих полисов в Египте, стремясь превратить ее в крупнейший порт Средиземноморья. Он основал полис Птолемаиду — примерно на 200 км ниже Фив по течению Нила. Большое количество греко-македонских колонистов-клерухов получили земельные участки от царя на условиях несения военной службы. Птолемеи сохранили традиционное деление на номы, но во главе номов поставили стратегов. Греки — знатоки права и финансов занимали высшие государственные посты. Одновременно тот же Птолемей 1 стремился показать себя наследником фараонов, привлечь к себе знатных египтян (один из военачальников в его войске был правнук фараона Нектанеба, успешно отстаивавшего независимость Египта от персов) и опереться на местное жречество. В одной из надписей говорится, что Птолемей, будучи сатрапом, возвратил египетскому храму земли, отнятые персами. При Птолемеях в Египте продолжало существовать большое количество привилегированных храмов.

Птолемеи как завоеватели, с одной стороны, и наследники фараонов — с другой, считали себя вправе распоряжаться всей землей Египта. Часть земель была отдана немногим полисам (как это делалось и в других эллинистических государствах); на этих землях находились владения граждан. Вес остальные земли в Египте делились на собственно царские и уступленные. К последним относились храмовые земли, участки воинов-клерухов, дарственные земли, которыми царь вознаграждал высших чиновников, и так называемые частные земли, находившиеся в наследственном владении у отдельных лиц. Несмотря на известную дробность категорий землевладения, в птолемеевском Египте наблюдается очень большая централизация в организации сельского хозяйства. Все земли, за исключением дарственных, облагались налогами; цари вмешивались в обработку земли, в чем бы владении она ни находилась, предписывая каждому ному определенные планы посева. Даже первый министр Птолемея II — диойкет Аполлоний, ведавший всеми хозяйственными делами в

стране, владевший колоссальными дарственными землями, получал предписания от своего повелителя, что именно он должен сеять.

Вмешательство центральной власти в хозяйстве иную жизнь и тщательный контроль за ней нарушали традиционные нормы эксплуатации непосредственных производителей, Крестьяне, обрабатывающие царскую землю, назывались «царскими земледельцами». Юридически они выступали как арендаторы царской земли и заключали специальные договоры с представителями царской администрации. В этих договорах детальнейшим образом оговаривались обязательства крестьян по обработке данного участка. Земля по урожайности делилась на разряды, и с каждого разряда следовало платить определенное количество сельскохозяйственных продуктов. При такой системе взимания податей (не доли урожая, как в доэллинистическом Египте, а твердой платы натурой) все убытки в случае неурожая падали только на земледельца. Крестьяне не имели права оставлять хлеб себе, прежде чем расплатятся с казной; не могли они оставлять и семенной фонд. Семена сдавались в государственные хранилища, а затем те семена, которые должны были высеваться согласно посевному расписанию, выдавались в качестве ссуды. В ряде случаев крестьяне получали скот для обработки земли, за пользование которым они должны были платить. «Царские земледельцы» жили в деревнях; деревнякома в делем отвечала за выплату податей земледельцев. Основную массу царских земледельцев составляли египтяне, однако ими могли стать и переселенцы из других стран (в том числе даже греки), если им не удавалось найти какого-либо другого занятия. Царские земледельцы обладали некоторой правоспособностью, могли совершать сделки друг с другом, могли сдавать свои участки в аренду или арендовать землю у частных лиц. Среди них существовало имущественное неравенство.

Но по отношению к царской власти они выступали как зависимое население. За неуплату податей их могли продать в рабство; они были обязаны обработать свой участок. Земледельцы не были юридически прикреплены к земле: при условии выплаты податей они могли менять место жительства; но их уход из деревни без такой выплаты расценивался как бегство (анахоресис). У нас нет сведений, что бежавших земледельцев специально разыскивали; но деревня, если местопребывание бежавшего становилось известным, могла обратиться к царским чиновникам с просьбой о возвращении налогоплательщика.

Должностные лица в деревнях — старосты (комархи), писцы — назначались царской администрацией. Контроль над выполнением обязательств, взятых царскими земледельцами, осуществлялся специальными должностными лицами — инспекторами урожая в каждом селении и экономами — в масштабах нома. До нас дошла «Инструкция эконому», относящаяся, по всей вероятности, ко II в. до н.э., где подробно перечисляются все вопросы, связанные с контролем над производством. Эконому предписывалось следить за всеми

сельскохозяйственными работами: «Когда сов закончен, неплохо было бы, если бы ты внимательно его обследовал; таким образом ты ясно удостоверись в том, что выросло, узнаешь точно, что плохо посеяно и что вовсе не засеяно, Отсюда ты узнаешь, кто небрежно относился к делу, и тебе будет известно, не употребил ли кто семена для других целей, не по назначению. Особенное внимание обратите на то, чтобы ном з асевался согласно посевному расписанию».

Но имея хозяйственной инициативы, будучи обременены многочисленными обязанностями, «арендаторы» царской земли — крестьяне должны были также принимать участие в государственных работах, и прежде всего в строительстве ирригационных сооружений. Работы «на дом царя» были широко распространены в древневосточных государствах — Птолемеи усовершенствовали систему организации этих работ и контроля над ними, который осуществлялся целой иерархией должностных лиц — начиная от комарха и кончая специальными архитекторами. Царские земледельцы, как и остальные египтяне, платили и подушный налог и денежной форме, и большое количество всяческих пошлин — 5% с аренды дома, 10% с продажной цены товара и т.п.

Греческая организация косвенных поборов, выработанная в условиях классического полиса, не знавшего регулярных прямых налогов на имущество граждан, и система податей и повинностей, существовавшая в древнем Египте, слились в грандиозную систему ограбления народных масс, при которой ни одна сторона деятельности трудового населения Египта не могла бы ускользнуть от финансового контроля государства. Методы внеэкономического принуждения применялись в эллинистическом Египте и к работникам царских мастерских. Ряд отраслей производства, в частности маслоделие, были монополией царя. Птолемеи конфисковали все маслодельные прессы. Организацию производства в царских мастерских ярко воспроизводит та же инструкция эконому, Оборудование мастерских — ткацкие станки, прессы для производства масла — было на учете у государства. Ремесленники получали сырье из казны и в казну же сдавали готовую продукцию, качество и количество которой определялось указаниями сверху.

«Посещай и ткацкие мастерские...— говорится в инструкции, — и приложи все старания, чтобы по возможности большее количество станков работало и чтобы ткачи изготовляли падающий на пол ассортимент полностью. Если кто не выполнит предписанное количество штук, пусть с него будет взыскана цена, определенная для каждого сорта (царским) постановлением. Особое внимание обрати на то, чтобы полотно было хорошего качества и предписанной плотности...» Аналогичные указания приводятся и в отношении маслодельных мастерских. Сырье должно было выдаваться строго по норме, и хранилось оно, так же как и готовая продукция, в специальных складах, опечатанных экономом данного нома. Произведенная продукция продавалась по установленным сверху

ценам мелкими розничными торговцами, которые фактически были государственными агентами. Царские ремесленники не имели права покидать мастерские в период работ; так же как и царские земледельцы, они были в полной зависимости от государства.

Папирусы упоминают довольно значительное количество собственно рабов в частных — даже средних по размерам — хозяйствах (например, в хозяйствах воинов встречается свыше десяти рабов). Рабы использовались главным образом в качестве обслуживающего персонала: слуг, агентов; существенной роли в производстве рабы не играли, если не считать рабынь-ткачих и т.п. Рабами становились люди, захваченные на войне, проданные за долги царской казне. Не все военнопленные обязательно становились рабами, некоторые из них получали наделы земли, которые и должны были возделывать в качестве царских земледельцев. В данном случае Птолемеи продолжали практику, существовавшую в Египте в предшествующие периоды.

Особенно тяжелым было положение работников рудников. Подробное описание золотых рудников в Нубии сохранилось у более позднего греческого историка Диодора Сицилийского, заимствовавшего эти сведения у одного из писателей II в. до н.э. Людям, работавшим в рудниках, нечем было прикрыть наготу; днем и ночью они не знали отдыха.

В рудниках применяли и детский труд. Кормили работников настолько плохо, что они долго не выдерживали и погибали. Сильная охрана не давала возможности бежать. Пополнялись ряды работающих частично за счет военнопленных; осужденных за преступление; заключенных под стражу (без суда) «из-за несправедливых обвинений или личной вражды». Иногда к рудники отправлялись не только осужденные или обвинённые, но и их семьи. Таким образом, работа в рудниках была тяжелым наказанием, причем не только для уголовных преступников, но и для всех людей, проявлявших в той или иной форме ослушание государственной власти, или просто личных недругов власть имущих. Применяя труд осужденных в рудниках, Птолемеи преследовали и политические и экономические цели: они стремились подавить всякую возможность выступлений против правительства и используя жесточайшие методы внеэкономического принуждения, получать наибольшие доходы.

Основной опорой власти Птолемеев в Египте была целая армия чиновников: диойкет, эконоы, писцы, инспектора, сборщики, полицейские и т.п. Высшие чиновники получали от царя «дарственные» земли. У диойкета Аполлония были обширные владения в разных местах Египта, а также в Палестине. Эти земли частично были освобождены от податей; управляющий Аполлония сам ведал полицией и, следовательно, был в какой-то мере независим от царских чиновников. Однако цари могли отбирать «дарственные»

земли: после смерти Птолемея II Аполлоний был лишен, должности и его земли перешли в ведение царской казны.

Менее важным должностным лицам царь раздавал земельные участки (большей частью пустующие) в вечное пользование: с таких земель уплачивались налоги. Кроме того, чиновники получали денежное вознаграждение: в податном уставе Птолемея II указывается, что сборщикам налогов необходимо уплачивать 30 драхм в месяц каждому, их помощникам — 20 драхм и т.д. Помимо людей, непосредственно находившихся на службе царя, с государственным аппаратом была связана довольно большая группа людей — откупщиков, торговцев, получавших товары из царских мастерских. Птолемеи сбор ряда податей сдавали на откуп отдельным лицам, но деятельность последних находилась под строжайшим контролем правительственной администрации. Откупщики должны были гарантировать государству определенную сумму сбора и все недоимки покрывали из собственных средств. Они не имели права собирать больше положенного, а в качестве вознаграждения, согласно данным III в. до н.э., получали 5% собранной суммы. Таким образом, эти люди тоже выступали своего рода агентами центральной власти, весь аппарат которой — чиновники и полицейские — способствовал получению царем дохода от сбора податей.

Государство стремилось в эту разветвленную бюрократическую систему включить также и должностных лиц деревни — старейшин, писцов и т.д. сделав их представителями государственной власти на местах. Эти должностные лица руководили сбором подати в своей деревне. В одном из папирусов из Тебтюнуса комархи и старейшины земледельцев (последние выбирались деревней) сообщают о том, что они, «работая днем и ночью», собрали арендную плату со своих односельчан. Комарх и старейшины были также низшей судебной инстанцией.

Положение должностных лиц, за спиной которых стояло государство, давало им возможность обогащаться за счет общинников. В папирусах встречаются указания на конфликты между должностными лицами в деревне и крестьянами — в том же документе из Тебтюнуса комарх и старейшины жалуются на крестьян-односельчан, силой разогнавших сборщиков налогов. Сельская община в птолемеевском Египте была не организацией свободного населения для защиты его интересов, но организацией зависимых земледельцев в интересах государства. Опорой Птолемеев в Египте были также воины-клерухи (держатели участков царской земли) и египетское жречество. Среди клерухов преобладали греки и македоняне, но встречались также сирийцы, фракийцы и даже кельты (Кельты, или галлы — племена, обитавшие в I тысячелетии до н.э. в Центральной и частично Западной Европе. Кельты говорили на языках одной из ветвей индоевропейской языковой семьи. В III в. до н.э. ряд кельтских племен вторгся в Малую Азию (там их называли галатами). Из этих областей кельты и попадали в Египет.). Египтяне

служили только во вспомогательных войсках и в полицейских отрядах. Им выдавались значительно меньшие участки земли, чем другим воинам. Клерухи получали помещение для жилья — обычно часть дома местных жителей. В одном папирусе рассказывается, как некоторые жители Крокодилополиса в 242 г. до н.э., чтобы избавиться от постоев клерухов, разобрали крыши домов и поставили перед дверьми в качестве защиты алтари богам. Клерухи иногда привлекались к пополнению должности инспекторов урожая. Все это вызывало острую вражду рядовых египтян к клерухам.

Египетское жречество в целом оказало поддержку власти Птолемеев: оно получало от центральной власти привилегии, которые компенсировали им неудобства, связанные с вмешательством царской администрации. Храмам передавались участки запущенной земли, в пользу храмов шли некоторые подати.

Птолеми использовали не только местные культы. Важным шагом в религиозной политике Птолемеев было учреждение царских культов. В 269 г. до н.э. Птолемей II учредил культ своей умершей сестры-жены Арсиной Филадельфы (Птолемей II женился вторым браком на своей сестре, вдове Лисимаха, женщине энергичной и одаренной. Такой кровнородственный брак соответствовал традициям фараонов древнего Египта.), а затем культ своих родителей, Птолемея I и Берспнки, под именем богов-сотерев (спасителей). Сбор податей в пользу храмов был после создания новых культов централизован: царские чиновники собирали 1/6 часть урожая с садов и виноградников, которая раньше шла непосредственно храмам. Затем эта подать распределялась царской казной по тем храмам, которые ввели у себя царский культ. В знаменитой Розеттской надписи (той самой, изучение которой помогло Шамиольопу дешифровать египетские иероглифы) жрецы восхваляют Птолемея V за то, что тот сумел подавить народные движения, освободил храмы от недоимок по поставкам продовольствия, денег и льняных тканей казне и оказал им почести (196 г. до н.э.): «Так как он привилегии храмов и Египта сохранил без изменений и в целостности, в соответствии с законами, и украсил Аписейон (место пребывания священного быка Аписа.— И.С.) великолепными сооружениями... нуждающиеся же в восстановлении храмы он поправил, имея ко всему, что касается божества, усердие благодетельствующего бога: разузнав о наиболее уважаемых храмах, он восстановил их, как приличествует его царствованию», то жрецы всех храмов страны постановляют «как можно более умножить почести, оказываемые в настоящее время вечно живому царю Птолемею, возлюбленному Пта, богу Эпифану у Эвхаристу».

На землях египетских храмов могли работать царские земледельцы. Но существовала также особая группа людей, связанных с храмом, — иеродулы («священные рабы»), Иеродулы — не рабы в обычном, юридическом смысле слова. Они исполняли некоторые работы для храма, могли арендовать храмовую землю. Иеродулы могли иметь и собственное имущество, семью, обладали правоспособностью. Они

считались как бы состоящими под покровительством храма. Зависимость иеродулов была наследственной; свободные люди могли добровольно посвятить себя божеству и стать таким образом иеродулами: в одном папирусе, например, женщина посвящает себя Сокнебтюпису, богу-крокодилу; она обещает платить определенные денежные взносы ежегодно, не покидать храмовой округи и просит бога защитить ее от всяких духов, от пьяного, от мертвеца, от безумного и т.п. Посвящали себя божеству, по-видимому, люди из низших слоев общества; стремление получить покровительство храма тесно переплеталось с суевериями, но и то и другое выражало в данном случае ощущение неустойчивости, незащищенности, свойственное людям эллинистической эпохи.

Особое место в общественной структуре эллинистического Египта занимали полисы: основанные после греко-македонского завоевания Александрия и Птолемаида и старый греческий полис Навкратис. Египетские полисы, по-видимому, напоминали все остальные самоуправляющиеся гражданские коллективы эллинистического мира: они имели определенную территорию, их граждане пользовались самоуправлением (в Птолемаиде известно народное собрание и совет; в Александрии — во всяком случае, народное собрание), имели свои правовые установления. Наиболее сложным было устройство Александрии: там существовало несколько групп населения: полноправные граждане; люди, называвшиеся просто «александрийцы» (вероятно, пользовавшиеся ограниченными правами); самоуправляющиеся коллективы переселенцев из других областей Средиземноморья — такие коллективы назывались политевмами (так, в Александрии существовала политевма иудеев) и бесправные египтяне (подданные, лады — «люди»). Наряду с выборными должностными лицами в полисах были и царские чиновники, наблюдавшие за внутренней жизнью города. Основную массу населения Александрии (и, вероятно, других полисов) составляли торгово-ремесленные слои.

Сбор налогов с ряда областей, например Сирии и Финикии, сдавался на откуп.

Египетские вельможи и наместники получали от царя землю во владениях Птолемея вне самого Египта. Уже упоминались земельные владения диоикета Аполлония в Палестине; известны земли наместника Линии Птолемея, сына Лисимаха — в районе ликийского города Тельмесса, стратега Птолемея — в Сирии. На этих землях находились деревни; жители этих деревень (лаой) подчинялись крупным владельцам земли.

В ряде покоренных областей происходило в широких масштабах превращение местного населения в прямых рабов: Птолемей II издал специальный указ, запрещающий обращать свободных подданных в рабство. В течение III в. до н.э. Птолемеи вели активную внешнюю политику. Они стремились расширить свои владения в Малой Азии,

вмешиваться в дела Балканской Греции, поставить под свой контроль острова Эгейского моря. Особенно ожесточенной была борьба Птолемеев с Селевкидами за обладание Южной Сирией, через которую проходили важные торговые и стратегические пути (всего было пять так называемых Сирийских войн). Наибольших военных успехов добился Птолемей III в период III Сирийской войны; он захватил всю Сирию и Финикию; египетские войска даже вошли в столицу Селевкидов — Антиохию на Оропте. Хотя какие-то внутренние события в Египте заставили Птолемея III отступить, тем не менее значительная часть завоеванных территория осталась у Египта. Вплоть до начала II в. до н.э. под контролем Египта находился важный торговый путь из Индии, проходивший через Раббат-Аммон (или Филадельфию — ныне Амман в Иордании) к Акре (Птолемаиде) и финикийскому побережью.

Контролируя важные морские и сухопутные дороги, Египет ввозил все необходимое: дерево, металлы (центром добычи меди был Кипр, принадлежавший Птолемеям), лошадей, лучшие сорта вин, мрамор, пряности, рабов. Египетские купцы, выступавшие в качестве агентов центральной власти, вывозили зерно, масло, ткани, благовония, слоновую кость из Африки. Монополия внешней торговли приносила царской казне огромные доходы.

В III в. до н.э. улучшение ирригационной системы по всей стране, контроль над доходностью земель, эксплуатация внешних владений вызвали на некоторое время подъем производительных сил Египта. Благодаря посевным расписаниям в сельское хозяйство внедрялись новые сорта пшеницы и винограда. Из Малой Азии ввозились вместе с пастухами милетские овцы, дававшие высококачественную шерсть.

Особое внимание уделялось разведению масличных культур, а также винограда и льна, поощряемому государством в ряде районов; все это усиливало товарность сельского хозяйства. Сосредоточение огромных средств в руках главы государства давало ему возможность вкладывать эти средства в те отрасли производства, в развитии которых была заинтересована центральная власть. Для периода эллинизма характерен резкий скачок в развитии техники, в строительстве и военном деле. При строительстве ирригационных сооружений применялось специальное водоотливное приспособление, изобретение которого приписывалось Архимеду (так называемый Архимедов винт). Одно из «семи чудес света» — Фаросский маяк (Это и был «Александрийский столп» (т. е. башня); к Александровской колонне в Петербурге от названия применяется в переносном смысле.), величайшее достижение инженерного искусства древности, высотой около 120 и — был воздвигнут у входа в гавань столицы Египта — Александрии.

Были достигнуты успехи и в области кораблестроения: появились пятнадцатирядные и шестнадцатирядные военные корабли. По приказу Птолемея IV был построен сорокарядный корабль (Устройство

многорядных кораблей не совсем ясно; существует гипотеза английского ученого В. Тарна о том, что в многорядных кораблях гребцы группировались в звенья, сидевшие не на разных, а на одном уровне; каждым веслом управляло несколько человек. Увеличение «рядов» шло за счет увеличения гребцов на одном весле и увеличения звеньев.), имевший длину 125 м, высоту до верхней части форштевня — около 20 м., его обслуживали 4 тыс. гребцов и 400 матросов. Правда, этот корабль практического применения не имел, он представлял собой плавучий дворец и должен был демонстрировать мощь и величие Птолемеев. Историк Плутарх пишет о нем: «Однако корабль этот являл только зрелище, явно но отличаясь от неподвижных построек—он был создан напоказ, а не для дела — он двигался неверно и с трудом».

При некоторых успехах птолемеевское государство не отличалось внутренним благополучием; содержание огромного бюрократического аппарата требовало слишком больших налогов; постепенно нарушалось равновесие между ростом производства и ростом налогов. Переломным моментом в истории эллинистического Египта стала последняя четверть III в. до н.э.

Упадок Египта во II-I вв. до н.э.

Уже воцарение Птолемея IV в 221 г. до н.э. сопровождалось борьбой в придворных кругах: была убита царица-мать Береника. В 219—217 гг. до н.э. происходила IV Сирийская война между Птолемеем IV и Антиохом III Селевкидом. Только благодаря тому что Птолемей сформировал фалангу из египтян, ему удалось одержать решающую победу при Рафии. Но это была его последняя победа. Птолемей поспешил заключить мир, чтобы распустить египетских воинов, которым он имел все основания не доверять. Египетские воины, недовольные своим приниженным положением, начали волноваться. Волнения, выступления отдельных групп и прямые мятежи начались сначала в Нижнем Египте, а затем охватили всю страну. Б Фяваиде народные волнения продолжались около 20 лет. Восставшие нападали на земля клсрухов, выступали против представителей местной администрации и жречества. Жречество в целом продолжало оказывать Птолемеям поддержку. Только к 186 г. до н.э. восстание было подавлено.

В начале II в. до н.э. резко ухудшилось внешнеполитическое положение Египта. Антиох IV Селевкид захватывает сирийские владения Птолемеев и вторгается около 170 г. до н.э. на территорию Египта, заняв Мемфис. И только вмешательство Рима в 169- 68 г. заставило Антиоха IV уйти из Египта. Военные неудачи Птолемеев, прекращение притока податей из внешних владений ухудшили и внутреннее положение Египта.

Со II в. до н.э. Египет испытывает экономический и политический кризис. Этот кризис ранее всего сказывается в сельском хозяйстве,

где особенно явно выступает незаинтересованность непосредственных производителей в труде. Во II—I вв. растет количество бездоходных, т.е. запущенных, земель. Ухудшается ирригационная система, происходит население почвы. Правительство пыталось увеличить доходность земель, вводя принудительную аренду: царских земледельцев заставляли кроме своих участков обрабатывать еще и запущенные. Но земледельцы отвечали на эти меры бегством, уходили из своих деревень, Крестьяне переселялись в город или на частные земли, становясь там арендаторами.

Для II в. до н.э. характерно, с одной стороны, усиление роли частного землевладения, а с другой — попытка со стороны центральной власти усилить контроль над экономикой страны путем увеличения бюрократического аппарата. Царская казна продавала частным лицам выморочные, брошенные, конфискованные за долги земли. Покупатели обязаны были выплачивать налоги. Участки клерухов становятся наследственными владениями. Храмовые земли и земли воинов также переходят путем «уступки» в частные руки. Но крупных земледельческих хозяйств не создается: владения отдельных лиц обычно были расположены в разных местах и сдавались в аренду. В ремесленном производстве также происходит нарушение царских монополий, появляются частные мастерские. Чтобы в известной мере сдерживать и контролировать все эти процессы, Птолемеи увеличивают и «совершенствуют» свой бюрократический аппарат: экономы — хозяйственные чиновники стали подчиняться полицейскому чиновнику — архифилакиту; появляются две должности экомомов: одна — по контролю над донезными сборами, другая — над сборами натуральными. По усилению бюрократического аппарата привело к обратным результатам. Бюрократия превратилась в самодовлеющую силу в государстве, и злоупотребления па местах приняли такую форму, что центральная власть оказалась не в силах с ними справиться.

Хотя нехватка рабочей силы ощущалась на всех землях, все-таки положение на частных землях было лучше, чем на государственных. Получают распространение отношения «покровительства» (скепе), когда отдельные земледельцы или даже целые деревни переходили под покровительство крупных чиновников, вельмож, чтобы те оградили их от произвола местных властей.

Неустойчивость экономического положения порождает постоянную борьбу за власть, которая доходит до самых ожесточенных форм; примером может служить длительная борьба Птолемея VIII со своей сестрой и женой Клеопатрой II. Птолемей VIII женился на Клеопатре II, вдове своего брата Птолемея VI (предварительно убив ее сына, своего племянника), но потом отстранил ее от власти и взял в жены её дочь от первого брака Клеопатру III. Клеопатра II начала упорную борьбу, используя недовольство различных слоев населения, в том числе и недовольство торгово-ремесленных кругов Александрии. В конце концов произошло примирение, Клеопатра II была признана

царицей-сестрой наряду с царицей-женой Клеопатрой III — от имени всех троих в 118 г. были изданы так называемые «декреты человеколюбия», где объявлялась амнистия всем участникам политической борьбы и провозглашалась борьба с злоупотреблениями: чиновников. Само перечисление этих злоупотреблений наводит на мысль об очень широком их распространении. Прежде всего запрещалось собирать что-либо с земледельцев и царских ремесленников и других лиц «в пользу стратегов, или начальников фил а китов, или архифила китов, или экономов, или их подчиненных, или других чиновников». Затем запрещалось лицам, занимающим официальные должности, или их подчиненным, или вообще кому бы то ни было «отнимать обманном образом царскую землю у земледельцев и обрабатывать ее по своему произволу». Запрещалось также стратегам и другим чиновникам «привлекать кого-либо из жителей страны к работе на их собственные нужды... принуждать их работать даром». Итак, то самые люди, которые были призваны охранять интересы царя, захватывали царскую землю и присваивали себе подати с царских земледельцев. В «декретах человеколюбия» снимались недоимки по податям; утверждалось право владения землями, купленными у казны; воины-эллины, жрецы, царские земледельцы и ремесленники, имевшие только один дом, в котором сами жили, освобождались от постоев.

Однако эта попытка наладить нормальную жизнь в стране по увенчалась успехом. Птолемеи боролись с засильем чиновников бюрократическими же методами. Существование громоздкой машины управления приводило к перенапряжению экономики. В I в. до н.э. продолжается ухудшение сельскохозяйственного производства; почвы заболачиваются, земледельцы бегут; происходит обесценивание денег и, как естественное следствие, усиливаются злоупотребления местного аппарата. В Египте с начала I в. до н.э. снова вспыхивает восстание в Фиваиде. При Птолемеи XII Авлете («Флейтисте») волнения происходят сразу в трех номах: Гераклеопольском, Арсиноитском и Оксиринхском.

Во внешней политике Египет постепенно теряет свою самостоятельность и становится покорным слугой Рима. История последних лет существования независимого Египта в I в. до н.э. связана с именем знаменитой царицы Клеопатры. Клеопатра вела борьбу за престол со своим братом Птолемеем XIII. Её поддержал римский полководец Юлий Цезарь. Население Александрии, выступавшее против подчинения Риму, подняло восстание: во время этого восстания пожар уничтожил часть замечательной александрийской библиотеки. Всю зиму 48-47 г. до н.э. римский военный отряд во главе с Цезарем выдерживал осаду александрийцев в резиденции египетских царей. Когда прибыли подкрепления, Цезарь разбил восставших и армию Птолемея XIII; Клеопатра была объявлена царицей.

После смерти Цезаря Клеопатра попыталась укрепить Египет с помощью одного из сподвижников Цезаря — полководца и правителя восточных провинций Марка Антония. Марк Антоний женился на Клеопатре; он передал ей и её детям часть римских владений. Но Антоний потерпел поражение в борьбе за власть в Риме с Октавианом — будущим императором Августом — и покончил жизнь самоубийством. Попытки Клеопатры договориться с победителем кончились неудачей; тогда она тоже покончила с собой: существует легенда, что по её распоряжению слуга принес ей во дворец (где ода находилась под охраной римлян) корзину с инжиром; в этой корзине была скрыта ядовитая змея, и Клеопатра подставила руку ей под укус. Так погибла последняя египетская царица (Её сын от Юлия Цезаря, Цезарион, был убит по приказу Октавиана.); Египет перешел под власть Рима. Присоединение Египта к Риму явилось прежде всего следствием внутреннего ослабления этой некогда сильнейшей державы Средиземноморья, ослабления, вызванного экономическим кризисом, народными волнениями, междоусобной борьбой.

Литература:

Свенцицкая И.С. Эллинистический Египет./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.318-331

Лекция 17: Эллинизм в Передней Азии.

Царская земельная собственность и царское хозяйство.

К началу III в. до н.э. на территории бывшей Персидской державы сложились новые государства, самым крупным из которых была держава Селевкидов, основанная полководцем Александра Селевком. Мидия, Персида, Месопотамия, Северная Сирия, часть Малой Азии входили в это царство; индийские владения Селевк потерял еще в конце IV в. до н.э.

Селевкиды вели непрерывные войны то с одним, то с другим государством. Сам Селевк I был убит во время военного похода, предпринятого им для овладения Фракией и Македонией. При его преемниках начались длительные войны с Птолемеями за Южную Сирию. Около середины III в. до н.э., во время царствования Антиоха II, от державы Селовкидов отделились восточные области — Бактрия и Парфия. В 262 г. до н.э. правитель крепости Пергам (северо-западная Малая Азия) объявил себя царем; возникло Пергамское царство, где правила ещё одна македонская династия — Атталиды. Образовались также и небольшие царства, управлявшиеся местными династиями, например Влфиння и Каппадокия в Малой Азии. В первой половине III в. до н.э. в Малую Азию через Балканский полуостров вторглись племена галатов (кельтов), с которыми эллинистическим правителям пришлось вести упорную борьбу. Антиох I оттеснил галатов во

внутренние районы Малой Азии. Затем крупную победу над ними одержал пергамский царь Аттал I (241 — 197 гг. до н. э.); владения галатов были ограничены северными районами Фригии.

Владения Селевкидов вновь расширились при Антиохе III (223 — 187 гг. до н.э.), одном из самых талантливых эллинистических правителей. Особенностью его политики была опора не только на греков, но и на древние местные самоуправляющиеся центры, что обеспечило ему поддержку достаточно широких слоев населения в разных областях его царства. В армии Антиоха III сражались кроме греков и македонян представители многочисленных племен и пародов, входивших в его державу. Он присоединил новые территории в Малой Азии, завоевал часть Армении, одержал победу над царем Бактрии Евтидемом. Антиох III вел очередную (четвертую) войну с Египтом за Сирию. В этой войне он потерпел поражение в 217 г. до н. э., в битве при Рафии. Но затем, воспользовавшись внутренними смутами в Египте и заключив союз с Македонией, он занял часть Южной Сирии, Финикию и Палестину. В это время в дела Восточного Средиземноморья вмешивается Рим; римляне объявили войну Антиоху III. После поражения при г. Магнесии (Малая Азия) в 190 г. до н. э. римляне отобрали у Антиоха III часть его владений, которые были поделены между союзниками Рима. В их число ряд малоазийских областей получил Пергам. Первая половина II к. до н. э. была временем наивысшего расцвета Пергамского царства.

Большинство сведений по экономической истории Западной Азии III—I вв. до н.э., которыми мы располагаем, относится к царству Селевкидов и Пергаму, но ряд общих черт, присущих их экономическому и социальному строю, позволяет характеризовать общественную структуру и других эллинистических государств.

Уже во время походов Александра и борьбы его полководцев наметилось деление на собственно царскую землю и земли городов — самоуправляющихся гражданских коллективов. Преемники Александра продолжали эту политику, в царстве Селевкидов существовал фонд царской земли, созданный прежде всего за счет владений, отображенных у персов, и за счет племенных территорий; значительные земельные владения находились под контролем полисов, гражданско-храмовых общин, местных днастов. Из-за разнородности областей, входивших в их державу, Селевкиды не имели возможности создать единую организацию хозяйства и управления, подобную птолемеевской. Хотя их царство делилось на сатрапии (во главе со стратегами), внутри сатрапий сохранялись местные организации; свои распоряжения Селевкиды официально адресовали городам, династам, храмам и племенам.

Все население и все земли (за исключением отдельных крупных владений вельмож, полученных ими от царя, и земель ряда городов) были обложены налогами. Земледельцы, обрабатывавшие царскую землю, назывались «царскими людьми» (лаой); они жили деревнями,

и цари облагали налогом деревни-общины в целом. Мы не знаем, был ли налог однотипен по всей Западной Азии; вероятно, он менялся в зависимости от местных условий; в надписи из района Сард (Малая Азия) упоминается денежный налог, уплачиваемый деревнями в царскую казну. Взносы разных деревень сильно различались — в соответствии с количеством земли и населения (так, три деревни вместе платили ежегодно 50 золотых, и четвертая деревня — одна 57 золотых). В Пергамском царстве существовало денежное подушное обложение жителей деревень. Денежная форма налога приводила к тому, что убытки, как и в Египте, в случае неурожая падали только на земледельцев. Земледельцы вынуждены были продавать сельскохозяйственные продукты на городских рынках, что из-за колебания в ценах, урожае, близости или дальности ближайшего рынка вело к расслоению среди земледельцев. «Царские люди», как и «царский земледельцы» в Египте, были прикреплены не к своему участку земли, а к общине — в качестве налогоплательщиков; они тоже пытались бежать из своих деревень. Цари не возвращали земледельцев силой; во всяком случае, об этом нет никаких свидетельств. Переселившиеся земледельцы оставались членами своей общины: по отношению к центральной власти они выступали как «царские люди», а во всех других отношениях — как «кометы», общинника. Кроме древних общин в эллинистических государствах возникали и новые деревни-общины из переселенцев. Среди жителей одной такой новой деревни Панну, расположенной на царской земле в Малой Азии, были люди и с местными и с греческими именами — последние, вероятно, бывшие наемники или беглецы на греческих городах; они входили в общины, поскольку земледелие, основанное на ручном труде мелких хозяев, не могло существовать без организации, объединявшей индивидуальных производителей, регулирующей отношения между ними.

«Царские люди» владели имуществом, заключали торговые сделки. Зависимость их была не личной, а пообщинной; царская власть пользовалась связью земледельцев с общиной для организации взимания податей и повинностей. В эллинистический период можно говорить о прикреплении к общине, поскольку центральному аппарату было удобнее иметь дело с «организованными» подданными и взимать подати сразу с целых коллективов. Деревни, по-видимому, имели общинное самоуправление. Так, сохранилось совместное постановление двух деревень, принятое на собрании их жителей. В этом постановлении чествуются люди (один из них — крупный чиновник Селевкидов - назван «господином этого округа») за то, что они выкупили жителей деревень, попавших в плен к галатам.

Значительную часть царской земли Селевкиды передавали своим служащим, приближенным, родственникам. Земли, полученные за службу, но были собственностью их владельцев и могли быть царем отобраны: так, в одной надписи говорится о сирийской деревне Байтокайка, которую царь передает храму и которой раньше владел некий Деметрий. В ряде случаев владелец участка царской земли

собирал денежную подать с деревень и выплачивал ее в царскую казну; земледельцы, кроме того, были обязаны в пользу владельца денежными податями и трудовыми повинностями. Существовали крупные вельможные владения, которые были фактически независимы от царской администрации.

В этом отношении характерна переписка царя Антиоха III со стратегом Южной Сирии Птолемеем (перешедшим на сторону Селевкидов); Антиох оставил за ним все его прежние поместья и добавил новые. Царь дает распоряжения своим чиновникам, чтобы все торговые сделки внутри владений Птолемея производились под контролем его агентов, освобождает его деревни от постоя, запрещает накладывать штрафы на имущество его людей и выводить их на работы из его владений. Среди царских приближенных числились люди, не занимавшие определенных должностей, но носившие почетный титул «друг царя» или «друг и родственник» царя. Иногда они были гражданами городов и через них осуществлялась дополнительная неофициальная связь между царем и полисом. Таких приближенных царь также наделял землей, причем они имели право приписать свою землю к какому-либо полису, т. е. полностью изъять со из-под контроля царской казны. Этим способом Антиох II вознаграждал свою жену Лаодику, с которой он разошелся для того, чтобы вступить в брак с дочерью Птолемея II. Он продал Лаодике в Малой Азии деревню, укрепленный дом и прилегающую к деревне землю; под власть Лаодики перешли и люди (лаой), происходившие из этой деревни, но переселившиеся в другие места. Лаодика была освобождена от налога в царскую казну и получила право приписать землю к любому полису.

Кроме того, Антиох II передал Лаодике и своим сыновьям от нее земли в Вавилонии, которые были приписаны к вавилонским городам. Чтобы осуществить свои права собственников, люди, получившие земли у царя, должны были включить их в территорию самоуправляющихся городов. О положении земледельцев на приписанных к городу землях ничего не известно. Термин «лаой» в городских документах не встречается. Вероятно, их положение приближалось к положению других земледельцев-неграждан, а зависимость от владельца земли выражалась в уплате подати.

На землях, переданных частным лицам, кроме земледельцев-общинников работали рабы; они могли жить в тех же деревнях, что и земледельцы, в отдельных домах. Используя рабов в своих хозяйствах, землевладельцы приспособивались к господствующей форме организации труда на своих землях. Землевладельцу не было смысла создавать дорогостоящий аппарат контроля и принуждения (содержать надсмотрщиков, учетчиков и т. п.): живя в деревне, рабы подчинялись общинному распорядку и контролю. Рабы использовались также в царском хозяйстве, в частности в хозяйство Атталидов, пергамских царей. Владея компактной территорией, Атталиды имели возможность наладить более четкую систему управления, чем

Селевкиды, хотя и пергамские цари опирались на греческие полисы и местные храмовые организации. Сплошные массивы царских земель (в Пергамском государстве было меньше, чем у Селевкидов, крупных городов, земель которых вклинивались бы в царские), сосредоточенность ремесла главным образом в одном центре — г. Пергамс — позволяли царям осуществлять постоянный контроль над трудом рабов. Вероятно, за долги государству крестьян обращали в царских рабов, а не продавали с аукциона частным лицам, как в птолемеевском Египте.

Большинство своих рабов Атталиды получали из среды местного населения Пергамского царства, а эти рабы, занятые в сельском хозяйстве и ремесле, находились в лучшем положении, чем рабы-иноплеменики. В 133 г. до н.э., когда Пергам был охвачен восстанием рабов и бедноты, специальным постановлением были освобождены городские (принадлежавшие г. Пергаму) и царские рабы, «за исключением купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений, ставших царскими». Здесь четко проводится разница между основной массой царских рабов, с одной стороны, и рабами, купленными в царствование последних Атталидов или полученными у частных лиц, — с другой, т.е. в худшем положении оказываются рабы, которые не были связаны наследственными узами с царской землей и вообще с царским хозяйством. Царские рабы применялись в сельском хозяйстве и в ремесленных мастерских, которыми руководили специальные надзиратели, подчиненные царю, и в царстве Селевкидов, и в Пергаме значительная часть царской земли использовалась для организации военно-земледельческих поселений воинов-катеков. Земля выделялась поселению в целом, а затем уже распределялась между поселенцами в зависимости от их положения в армии.

Катеками в царстве Селевкидов были в основном греки и македоняне. С течением времени ряд военных поселений получал статус полиса, при этом иногда происходило объединение с местными самоуправляющимися коллективами. Так, в Гирканской долине в Лидии жили гирканцы, переселенные туда персами с берегов Каспийского моря; они образовали самоуправляющееся объединение вокруг храма Артемиды. С этим объединением слилось македонское военное поселение: объединенная гражданская община стала называться «полис македонцев-гирканцев».

Из военного поселения, по всей вероятности, вырос и полис на берегу Евфрата, известный под двойным (местным и греческим) названием Дура-Европос. Греко-македонские воины, составившие первоначально основное население Дура-Европоса, были наделены землей. Они могли продавать свои наделы, хотя эти участки формально считались собственностью царя: в случае отсутствия наследников клер (надел) возвращался в царскую казну. Дура-Европос представляла собой крепость, контролировавшую торговые пути по Евфрату. В крепости находились представители центральной

власти: стратег — начальник гарнизона, опистат (чиновник, «надзирающий» за внутренней жизнью города), царские служащие, следившие за торговлей и взимавшие пошлины в пользу царской казны. На земле, приписанной к Дура-Европос, как это видно из более поздних документов, были также и деревни с местным населением. Во II в. до н.э. Дура-Европос перешел под власть Парфии.

Пергамские цари наряду с греками и македонянами в качестве воинов привлекали выходцев из местных народностей (например, мисийцев). Согласно письму одного из пергамских царей, военным колонистам (катекам) за службу давались участки необработанной земли и виноградники. За эту землю катеки платили 1/20 с зерна и 1/10 с остальных плодов. Взимая часть урожая, а не твердую плату, царь делил с катеками убытки в случае стихийных бедствий. Кроме того, желая поощрить разведение нужных сельскохозяйственных культур, царь жаловал колонистам свободную от налогов землю для разведения оливковых деревьев. Помимо клеров, полученных за военную службу, катеки могли покупать землю у царской казны. Бездетные катеки имели право завещать свои наделы. Впоследствии земли в пергамских катекиях, как и в военных поселениях Селевкидов, стали покупаться и продаваться.

В целом на протяжении III — II вв. происходит постепенное сокращение собственно царского земельного фонда — не только за счет передачи земли в частные руки, но и за счет перехода царской земли к городам.

Полисы и гражданско-храмовые общины в период эллинизма.

Город как организация свободных граждан, обладавших определенными экономическими и политическими привилегиями, играл важную роль в общественной структуре стран Передней Азии периода эллинизма. К старым греческим и восточным городским центрам преемники Александра прибавили много новых. Есть сведения, что Селевк I основал 33 города. Разумеется, большинство городов было выстроено не на пустом месте. Обычно выбиралось какое-либо местное поселение, удобно расположенное в военном и торговом отношении, его расширяли, перестраивали, объявляли полисом и переименовывали в честь царя-основателя или его родственников: так появились Селевкия, Антиохия, Апамея, Стратоникея (две последние названы по имени цариц) и т.п. В этих городах солились македонские ветераны, греческие колонисты, гражданами их становилось местное население — или жившее здесь раньше, или переселенное из окрестных местечек. Наиболее развитые гражданско-храмовые общины (например, в Вавилонии, Палестине) сохраняли свою структуру, а их положение по отношению к царской власти приравнивалось к положению полисов.

Развитие городов не было только результатом государственной политики. Этот процесс начался в доэллинистический период и

продолжался в течение ряда последующих веков; царям чисто приходилось признавать существующее положение, даруя тому пили иному выросшему городу статус полиса, Такие названия полисов, как «Лошадиная деревня», «Священная деревня», показывают, что некоторые города возникли из деревень. Каждый самоуправляющийся гражданский коллектив имел под своим контролем определенную территорию. С большинства городов, которые входили в состав эллинистических монархий, цари взимали налоги — денежные или натуральные (традиционно они составляли десятину). Кроме полисов и гражданско-храмовых общин внутри эллинистических монархий существовали территории, находившиеся под управлением наследственного жречества; цари признавали внутреннюю обособленность таких территорий (например, Пессинунта в Малой Азии), но взимали с них налоги в царскую казну и в известной степени контролировали их деятельность. Полисы стремились включить соседние храмовые территории в свою округу, и царя способствовали им в этом. Так, известен длительный спор Мил асы с жрецом храма в местечке Лабраупда: каждая из сторон претендовала на управление этим местечком. Наконец Селевкиды (а затем и вторгшийся в эти районы македонский царь Филипп V) утвердили присоединение Лабраунды к Миласе.

Цари — и Селевкиды, и Атталиды, и представители местных династий — увеличивали земельные владения городов путем дарений и продажи царской земли, а также путем присоединения более мелких городов к более крупным. Создание крупных городских центров облегчало взимание податей, поскольку с городских территорий подать собирали полисные должностные лица, которые затем часть ее передавали в царскую казну. Но поддержка царями городов объясняется не только финансовыми соображениями: традиционная городская гражданская община была наиболее удобной формой организации свободного населения в среде зависимых эксплуатируемых земледельцев. Эти организации в период укрепления эллинистических монархий (III в. до н.э.) служили опорой царя и проводником его воли. Цари стремились поставить внутреннюю жизнь города под свой контроль, методы которого были различны: помещение военных гарнизонов, непосредственный надзор с помощью специальных чиновников-эпистатов, находившихся в городах; письма-распоряжения царей, адресованные городам. Существовали и косвенные методы вмешательства: города даровали права гражданства македонским военачальникам, царским приближенным и даже самим царям. Еще при жизни Александра Антигон получил гражданство в Приене; г. Баргилии сделал своим гражданином Антиоха I; некоторые города даровали гражданские права «друзьям царя». Как правило, эти лица получали еще ряд привилегий: например, важной привилегией было право входа в буле (совет) и народное собрание первыми после совершения жертвоприношений. Используя это свое право, «друзья царя» могли первыми выступать на собраниях, оказывая влияние на настроение граждан.

В эллинистических государствах Передней Азии в меньшей степени, чем в Египте, были распространены царские культы. Однако Селевкиды претендовали на то, что происходят от Аполлона — чтобы придать «божественный» характер своей династии. В некоторых полисах устанавливались за оказанные услуги культы отдельных царей; были и частные объединения почитателей царского культа (например, почитатели Евмена II): помимо политических мотивов в установлении таких культов играла роль вера в сверхъестественные способности правителей (особенно тех, кто одерживал победы над своими противниками), надежда обрести в них богов-покровителей вместо прежних, терявших доверие полисных богов.

В период расцвета державы Селевкидов, длившийся до начала II в. до н.э., сравнительно прочный союз центральной власти с городами, использование катекий для контроля над сельской территорией обеспечивали планомерную эксплуатацию масс сельского населения. В этот период мы можем проследить известный рост производительных сил на царских и городских землях, внедрение новых сельскохозяйственных культур. Селевкиды пытались культивировать индийский бальзам; в Вавилонии и Сузиане, по свидетельству Страбона, разводили рис и новые сорта винограда. Эллинистический полис представлял собой более сложную общественную структуру, чем полис классический. Эллинистический полис контролировал сельскую территорию, часть которой находилась в собственности граждан, часть составляла общественный фонд города (пастбища, которыми граждане могли пользоваться за плату; земли, сдаваемые в аренду); кроме того, к полису была приписана территория, где располагались деревни и различного типа поселения, жители которых не пользовались гражданскими правами, подчинялись должностным лицам города и уплачивали городу подати деньгами или натурой. Иногда крупный полис главенствовал над более мелкими, сохранявшими внутреннюю автономию, но платившими налоги господствующему городу. В зависимых полисах находились должностные лица, направленные туда из полиса господствующего.

Наиболее крупные города представляли собой независимые государства. В этом отношении показательна история малоазийских владений Родоса, по общей протяженности которых (включая и некоторые острова) он мог соперничать в начале II в. до н.э. с Пергамским царством. Колонизация родосцами малоазиатского побережья началась еще в VI—V вв. до н.э. Эти древние колонии Родоса представляли собой крепости, расположенные, как правило, на возвышенностях, с которых можно было вести наблюдение за береговой линией. После образования эллинистических государств, заинтересованных в союзе с Родосом — важным центром транзитной торговли по Эгейскому морю, он значительно расширяет свои владения. От Селевка II в награду за помощь в его войне с Птолемеем III Родос получил г. Стратопикею в Карий (на юго-западе Малой Азии) с прилегающими землями. Во II в. до н.э., воспользовавшись тяжелым положением стратегов, управлявших малоазийскими владениями

Египта, Родос купил у них г. Кавн (тоже в Карий). Наконец, за поддержку Рима в войне против Антиоха III родосцы были вознаграждены большей частью Карий и Ликий, бывшей прежде под властью Селсвкидов. Все эти новые владения управлялись специальными: должностными лицами, посылавшимися из Родоса, — стратегами, гегемонами и эпистатами, имевшими военные, полицейские и финансовые функции (они собирали подати с зависимого населения).

Эллинистический полис, таким образом, представлял собой иерархию общин. Сельские общины на городских территориях пользовались некоторым внутренним самоуправлением (там действовало деревенское народное собрание), имели общинный фонд и общественные земли (как правило, земли вокруг святилищ), которые находились под контролем общин: например, в надписи одной малоазийской деревни, расположенной на территории полиса, говорится о решении деревни засадить священный участок: тот из общинников, который вырастит не меньше трех деревьев и сохранит их в хорошем состоянии в течение пяти лет, будет за это чествоваться в течение последующих пяти лет на ежегодном празднестве. Кроме того, жители деревни делали взносы на общественные нужды (до 100 драхм). Земледельцы были лично свободны и имели свободу передвижения.

Характерной чертой эллинистического города было существование в нем разных групп населения — принадлежащих к разным народностям, имевших различное правовое положение. В гражданские коллективы полисов входили как греки и македоняне, так и представители местного населения: последних было особенно много во вновь основанных полисах и местных городах, получивших статус полиса. В Селевкии на Тигре отмечено большое количество переселенных туда вавилонян; в Антиохии на Оронте наряду с греками жили сирийцы; Антиохию-Эдессу в Верхней Месопотамии современники называли полуварварской. Граждане пегреческого происхождения часто принимали эллинские имена, но это не было правилом: в источниках встречаются упоминания представителей верхушки городского населения (например, послов к царю), которые носили негреческие имена и отчества.

В эллинистический период продолжают переселения ни одних областей и городов в другие. Отдельные переселенцы за особые заслуги перед городом или царем получали полные права гражданства (среди них были и лица негреческого происхождения); другие получали только право владения землей без политических прав (разрешение лицам, не являющимся гражданами города, приобретать землю на его территории — одно из характерных отличий эллинистического полиса от классического); иногда такое право на приобретение земли даровалось взаимно всем гражданам договаривающихся между собой городов. Переселенцы из сельской местности или других городов, не получившие никаких привилегий,

составляли более низкую правовую группу пареков — они имели право жить в городе и округе но не приобретать землю в собственность), принимали участие в городских празднествах. Пареками могли стать вольноотпущенники; земледельцы, переселившиеся в город и внесенные в списки пареков, теряли связь с сельской общиной. Иногда переселенцы одной народности составляли особую самоуправляющуюся организацию внутри города — политевму. Такие политевмы образовывали иудеи, возможно, также сирийцы в Антиохии на Оронте.

В эллинистических полисах сосредоточивается большое количество рабов — частных и общественных. Многие рабы были слугами в богатых домах, работали в ремесленных - мастерских. Общественные рабы были низшими служащими государственного аппарата, использовались в строительстве. В последнем случае они получали небольшую поденную плату и одежду. Если судить по материалам малоазиатского храма в Дидимах, рабы получали меньше свободных рабочих (3 обола в день, в то время как самая низкая оплата свободному рабочему была 4,5 обола). В период эллинизма продолжался перевод рабов на «оброк» — они вели самостоятельное хозяйство и выплачивали своим господам определенные взносы. Широко распространен был отпуск рабов на волю; вольноотпущенники оставались связанными со своими господами определенными обязательствами; иногда они до конца своих дней должны были, как указывалось в документах об отпуске на свободу, выполнять «всю ту работу, что они делали в рабстве». Дети, рожденные рабыней до отпуска на волю, оставались рабами, если их освобождение не было специально оговорено. По законам некоторых полисов следовало особо оговаривать также право вольноотпущенника на свободный выезд из города. Иногда вольноотпущенники откупались от своих обязанностей деньгами. Из своих вольноотпущенников и доверенных рабов богатые люди, как правило, вербовали управителей имений, надзирателей в мастерских и торговых агентов.

Помимо рабов и вольноотпущенников на общественных, прежде всего на строительных, работах использовались свободные работники, которых в изобилие поставляла сельская округа, где развитие товарно-денежных отношений вело к разорению земледельцев. Свободные ремесленники могли работать и в частных мастерских, причем трудно определить, чей труд преобладал — рабов или свободных. Внутреннее самоуправление эллинистического полиса по форме напоминало самоуправление полиса классического периода. существовали народное собрание, буле (совет), выборные должностные лица. Однако такой важный демократический орган, как выборный из числа всех граждан суд, в период III — I вв. отмирал. Широко было распространено приглашение судей из других городов для разбора внутренних споров, которые в условиях расслоения гражданского коллектива не всегда можно было решить своими силами. Иногда судьями выступали царские должностные лица.

Только незначительное число дел рассматривалось выборными судьями.

В эллинистических полисах постепенно все большую роль начинают играть должностные лица и все меньшую — народное собрание. Ряд должностей, в частности некоторые жреческие должности, продавались. Для периода III — I вв. до н.э. характерно резкое расслоение среди населения города. Существование прямого обложения в большинстве полисов, основанных в Азии, способствовало такому расслоению. Должники городской казны в ряде полисов лишались гражданских прав. Этот процесс несколько смягчался благодаря наличию общественного земельного фонда, который могли арендовать граждане, и раздачам более значительным, чем в предшествующий период. Раздачи производились и негражданскому населению, иногда рабам, как правило во время общеполитических религиозных празднеств. Таким образом, неграждане, которые в большом количестве скапливались в городах, в какой-то мере включались в жизнь гражданской общины.

В эллинистический период в различных областях Передней Азии продолжали развиваться гражданско-храмовые общины. Примером таких общин могут служить города Вавилонии. В этих городах существовал четко оформленный гражданский коллектив, образовавшийся в результате постепенного слияния зажиточных слоев населения города с храмовым персоналом. В указанное время большинство членов этого коллектива фактически не были храмовыми служителями: среди них отмечено много ремесленников; в клинописных контрактах упоминаются владельцы рабов и земельных участков (как внутри городской черты, так и вне её), но все эти люди были связаны с храмом, в частности получением от него довольствия — определенной нормы продуктов питания. Право на получение довольствия было когда-то связано с выполнением обязанностей в пользу храма. Уже и в более древние времена это право свободно продавалось, причем по частям (например, одна шестая или одна двенадцатая часть права на довольствие, положенное в определенные дни каждого месяца); в описываемый период право на довольствие, связанное с мужской должностью, могла покупать и женщина. Таким образом, это право перестало быть связанным с исполнением должности и осталось привилегией членов гражданского коллектива, которую они могли свободно передавать друг другу.

В вавилонских городах существовали собрания, председателем которых был эконо́м (шатамму) храмов; эти собрания решали имущественные вопросы, накладывали штраф, предоставляли почести царским должностным лицам. Как и у полисов, у таких городов была обширная сельская округа, земли которой частично принадлежали гражданам, частично обрабатывались зависимым сельским населением, платившим подати этому городу-храму. Частные земли, полученные от царя, могли приписываться к подобным городам так же, как и к полисам. В вавилонских городах, как и в ряде полисов,

находились царские должностные лица — эпистаты (из местных граждан).

Другим типом гражданско-храмовой общины были малоазийские объединения вокруг святилищ. Мы хорошо осведомлены об одном таком городе — Миласе. Миласа — известный религиозный центр карийцев, о ней писал еще Геродот в V в. до н. э. Жители Миласы были разделены на филы, представлявшие собой объединения вокруг храмов. Филы, в свою очередь, делились па сингении — небольшие общины, имевшие общее святилище. Земля святилища была землей общины, она распределялась между гражданами, которые выбирали должностных лиц. ведавших «священной» казной. В IV в. до н.э. Миласа называется полисом, по сохраняет ряд специфических черт, в частности сравнительную самостоятельность фил и сингений.

Храмовые земли фактически были общественной землей; распределение земли приняло форму аренды. Но условия аренды были сравнительно мягкими, чтобы дать доступ к земле и небогатым гражданам; существовала коллективная аренда, когда землю арендовала вся община-сипгспия в целом, а затем уже распределяла участки между гражданами. На примере малоазийских гражданско-храмовых общин особенно ясно видно, что общественный земельный фонд использовался для поддержки малоимущих граждан. Для эллинистического периода характерно не только развитие полисов и гражданско-храмовых общин, по п стремление всех этих самоуправляющихся городов к образованию более тесных союзов между собой, часто со взаимным гражданством (граждане одного полиса, переселяясь в другой, автоматически получали в нем права гражданства).

Существование союзов давало возможность городам противостоять пажиму со стороны эллинистических правителей и более успешно развивать свою экономику. Характерным примером такого союза в восточных районах Средиземноморья был союз городов Ликин. Согласно Страбону, в этот союз входило 23 города. Представители ликийских городов время от времени собирались в какой-нибудь город на общий совет — синедрион, Наиболее крупные города имели в этом синедрионе три голоса, средние — два голоса, прочие — один голос каждый. На сипедрионе избирались глава союза — ликиарх, начальник конницы и казначей. У городов ликийского союза была общественная казна, общие суды. Фактически важнейшие дела союза решались крупными городами, которые назывались «метрополиями ликпйского народа», а общественные должности занимали граждане этих городов. Граждане метрополий получали права гражданства во всех остальных полисах союза и право владения землей в них. Официальными и письменными языками в ликийском союзе наряду с унаследованным из ахемепидских канцелярий арамейским были также ликийский и греческий.

Обмен между западными и восточными областями, возникновение городов как ремесленных центров в экономически отсталых прежде областях приводили к распространению технических достижений и производственных навыков; в особенности это относится к массовому производству, например гончарному. Высококачественную посуду делали в самых различных местах — в городах Греции, Эгейского архипелага, Малой Азии, Южной Италии, Египта. Причем если уникальные золотые и серебряные сосуды, которыми пользовались при дворах эллинистических правителей, изготовлялись специальными мастерами по особым заказам, то керамику для более или менее состоятельных слоев горожан выделывали в разных центрах по одному и тому же шаблону.

Развитие обмена в эллинистических государствах привело к изменению монетного чекана. Уже Александр выпустил большое число золотых монет (статеров) и серебряные тетрадрахмы. Значительная часть драгоценных металлов, лежавшая в сокровищницах персидских дарей, была пущена в оборот. Эллинистические пари чеканили монеты тех же номиналов, что и Александр; на лицевой стороне монеты помещалось изображение царя. Монеты царской чеканки использовались для международного обмена: археологи находят их далеко за пределами территорий эллинистических государств.

Самоуправляющиеся города чеканили свою монету (часто подражая царскому, особенно александровскому, чекану), но она, как правило, имела хождение лишь на внутренних рынках. Однако развитию экономики мешали бесконечные военные столкновения между эллинистическими монархиями — борьба Птолемеев и Селевкидов, Селевкидов и Парфии приводила к разорению городов, нарушению торговых связей. Это было одной из причин того, что начиная со II в. до н. э. верхушка населения ряда эллинистических полисов выступает в поддержку новой великой державы — Рима, Другой причиной проримской позиции части богатых слоев было обострение в эллинистических государствах II—I вв. до н. э. социально-политической борьбы.

Упадок царства Селевкидов и Пергама. Социальная борьба во II в. до н.э.

Социально-политическая борьба в Передней и Малой Азии в последние века до нашей эры носила сложный характер и охватывала различные слои населения.

Так, борьба в Иудее против власти Селевкидов, о которой будет сказано дальше, была направлена не только против чужеземного господства, но и против усиления знатных иудейских родов, которые поддерживали политику эллинизация. Ряд крупных полисов выступал против зависимости от центральной власти; в период войн, между эллинистическими монархами (Селевкидами и Птолемеями, Филиппом

V Македонским и Пергамом), а также во время военных столкновений с Римом города переходили то па одну, то па другую сторону, Неустойчивость положения держаны Селевкидов особенно выявилась после поражения, нанесенного Римом Антиоху III в битве при Магнезии (Малая Азия). По миру, заключенному в г. Апамее, Антиох потерял значительную часть малоазийских владений (они были переданы союзникам Рима в этой войне Пергаму и Родосу). Великая Армения и Софона объявили себя независимыми; области за Титром были захвачены парфянами. Сын Антиоха III Антиох IV предпринял попытку восстановить державу Селевкидов в ее былых границах. Сивел успешные войны с Птолемеями и дважды вторгнулся в Египет. В 168 г. до н. э. Антиох IV осадил Александрию. По вмешались римляне: римский посол прибыл в Египет и предъявил Антиоху требование немедленно уйти из Египта; посол, разговаривая с царем, начертил на песке круг, внутри которого оказался Антиох, и заявил, чтобы тот дал ответ прежде, чем переступит круг. Антиох не рискнул на конфликт с римлянами: он вывел войска из Египта. Остаток своего правления АНТИОХ посвятил укреплению власти в тех областях, которые еще оставались в составе его державы. Он отказался от политики Антиоха III, поддерживавшего местные самоуправляющиеся организации, и пачал усиленную эллинизацию всех областей царства в целях создания единой политической системы и единой идеологии. Именно тогда Иерусалим был превращен в полис. Но эта политика привела к обратным результатам: вспыхнули народные волнения. Антиох IV погиб во время одного из восточных походов. После смерти царя по требованию Рима был уничтожен военный флот Селевкидов и перебиты боевые слоны. Военная мощь державы Селевкидов была сломлена.

С середины II в. до н.э. в Сирии началась длительная борьба за власть. В эту борьбу вмешался и Египет, поддерживая то одного, то другого претендента. В 142 г. до н.э. парфянский царь Митридат I захватил Вавилонию. Антиох VII на время несколько усилил свое царство: снова подчинил Иудею, пачал успешное наступление против парфян. Но в 129 г. до н.э. он потерпел поражение и погиб. Государство Селевкидов было ограничено Сирией. Всего за сто лет (со 163 по 63 г. до н.э.) в царстве Селевкидов сменилось 19 царей, причем ни один из них не умер естественной смертью. Наконец в 63 г. до н. э. Сирия, последняя область, оставшаяся у Селевкидов, была превращена в римскую провинцию.

Социальные движения происходили и на территории полисов: сельское население, но пользовавшееся гражданскими правами, выступало против граждан городов, разоряло их поместья, переходило на сторону врага в случае военных действий (например, жители сельской территории некоторых малоазийских городов перешли на сторону галатов, когда последние вторглись на территорию Малок Азии). Одним из самых значительных народных движений II в. было восстание, вспыхнувшее в Пергаме в 133 г. до н.э. («восстание Аристоника») п охватившее всю сельскую территорию страны. Как

гласит одна из надписей, относящихся к тому времени, земля Пергана осталась незасеянной и все плоды ее были свезены к врагам. Правивший государством в это время Аттал III — одна из странных и мрачных фигур, характерных для позднего эллинизма. Про него рассказывали, что его любимым занятием было разведение ядовитых растений для изготовления ядов. Желая избавиться от докучливых советников — приближенных своего отца Евмена II, он однажды пригласил их во дворец и приказал своей страже перебить всех. Не имея возможности подавить поднявшееся в стране восстание, везде и всюду подозревая измену, Аттал III под нажимом римлян составил завещание, по которому после его кончины Пергамское царство переходило к Риму. Римляне, вероятно, обещали за это военную помощь, по особенно долго ждать им не пришлось; в 133 г. Аттал умер, по официальной версии, от солнечного удара. Известие о его смерти и завещании вызвало дальнейшее расширение восстания, во главе которого стал претендент на престол — незаконный сын Евмена II Аристоник. Восставшие захватили ряд городов. На юге волнения распространились вплоть до Галикарнасса в Карин. Городские власти Пергама вынуждены были, даровать права гражданства катекам из местных племен и освободить царских и общественных рабов. Но это не остановило развитие восстания, так же как и последняя мера — дарование права гражданства рабам, вскормленным в доме своих господ.

Сторонники Аристоники называли себя гелиополитами - гражданами Государства Солпца.

Среди местных племен Малой Азии были широко распространены культы солнечных божеств, которые привлекали пародные массы в противовес официальной религии эллинских богов и богов-царей. Идеологи восставших, среди которых были и философы (например, некий философ-стоик из Кум, бежавший к Аристонику из Италии), связали стихийную веру народных масс в благодатное Солнце с учением об идеальном государстве, где все будут равны. Движение гелиополитов перешло за границы Пергамского государства. Римским легионам пришлось в тяжелых боях завоевывать завещанное Риму царство; с большим трудом им удалось запереть Аристонику в карийской Стратониксе (уже за пределами Пергама) и голодом принудить к сдаче в 130 г. до н. э. Отдельные отряды восставших еще в течение года оказывали сопротивление римлянам.

Пергамское царство было превращено в провинцию Азия — первую малоазиатскую провинцию Рима. Римские завоевания в Восточном Средиземноморье служат определенным хронологическим рубежом, поскольку включение этого района в единое централизованное (со времени установления империи в конце I в. до н. э.) государство оказало существенное влияние на внутреннее развитие покоренных западных областей бывшей державы Селевкидов и областей Пергамского царства.

Присоединение восточных областей Селевкидского царства к Парфии также внесло специфику в их историческую судьбу. И хотя эллинистические традиции продолжали существовать во многих сферах общественной и культурной жизни, период собственно эллинизма в Передней Азии закапчивается временем римских и парфянских завоеваний.

Палестина в эллинистическо-римский период.

Палестинская гражданско-храмовая община, руководимая иерусалимскими первосвященниками, окончательно сформировалась ко второй половине IV в. до н.э. и получила значительную степень автономии, обособившись от окружающего населения на «царской земле». Эта община весьма индифферентно отнеслась к гибели Ахеменидской державы и вполне благожелательно встретила в 332 г. до н. э. Александра Македонского, который разрешил ей сохранять свои старые законы, т. е. полную автономию и «ограждение» себя от внешнего мира.

После битвы при Инсе в 301 г. до н.э. которой завершилась борьба преемников Александра — диадохов, Палестину захватил правитель Египта Птолемей Лаг, однако в 200 г. до н.э. Антиох III включил страну в состав державы Селевкидов.

В период правления Птолемеев и Селевкидов в Палестине, в сатрапии, называвшейся тогда «Келесирия и Финикия» и включавшей Самарию, Иудею, Эдом, Заиорданье и Финикию, происходила интенсивная эллинистическая урбанизация. В основном она развертывалась в прибрежной полосе, Северной Палестине и в Запордапье. Эллинистические полисы с трех сторон окружали гражданско-храмовую общину в Иудее, не затронутую эллинистическим градостроительством. Хотя надежных данных о количестве жителей эллинистическо-римской Палестины нет, все исследователи признают, что иеиудеи составляли от половины до двух третей жителей страны, а среди них непрерывно возрастал удельный вес эллинов или эллинизированных представителей местного населения. Это значительно усиливало степень воздействия эллинизма на остальное население Палестины, вовлеченной к тому же в эллинистическую систему хозяйства.

Через Палестину проходили важные торговые пути эллинистического мира, что содействовало развитию внешней, особенно транзитной, торговли. Исследователи насчитывают около 240 названий товаров палестинской внешней торговли, из коих около 130 были предметами импорта: благовония, драгоценные камни и золото из Аравии, ткани из Двуречья, хлеб и полотно из Египта, специи из Индии и т.д. Постоянные контакты с эллинистическим миром способствовали внедрению более передовой агротехники, содействовали развитию ремесла и товарно-денежного хозяйства в Палестине. Вес эти явления в меньшей степени затрагивали П у дето,

однако приобщение всей страны к эллинистическому миру породило сдвиги также в структуре иудейской граждански-храмовой общины.

Она имела самоуправление, возглавляемое наследственным первосвященником и «герусией (советом старейшин) всего народа», на самом деле состоявшей из знати. Первосвященник был не только руководителем общины, но и представителем центральной власти, ответственным за сбор налогов и внесение их в царскую казну. Завоевав Палестину, Антиох III предоставил общине налоговые льготы: члены герусии, священники и храмовые служители были полностью освобождены от всех налогов, а остальные получили: освобождение на три года с последующим уменьшением налогов на одну треть.

Эдикт Антиоха III подтверждает, что в начале II в. до н.э. сохранялось характерное для гражданско-храмовой общины деление ее на священников, левитов и нежрецов. Но источники также указывают на ряд новых явлений в обществе. Если в VI—IV вв. до н.э. бет-абот был всеобъемлющей структурной единицей, общей для всех членов общины, то ныне возрастает число семей, не принадлежащих к этим широким агнатическим (Агнаты — лица, происходящие по мужской линии от одного родоначальника или усыновленные. В число агнатов не входили замужние дочери и внучки, но входили жены.) группам. Наряду с сохранившейся земельной собственностью бет-абот, отчуждаемой только внутри его и находящейся во владении семей этой группы, увеличивается удельный вес крупной и мелкой частной земельной собственности. Уже и раньше шла борьба между сторонниками «универсализма» и «партикуляризма». Несравнимо большей была напряженность в III—II вв. до н.э. перед лицом территориально близкого и наступающего эллинизма. Для иудейской общины — структуры, по своей функции близкой к эллинистическим полисам, возможны были два «ответа»: сохранить свою замкнутость или открыть себя для восприятия эллинизма. Выбор ответа определялся для каждого социального слоя и группы переплетением не только экономических, социальных и религиозных мотивов и побуждений, но также традиционной ориентацией влиятельных родов (бет-абот), например Тобиадов.

Этот знатный род, обитавший в Палестине и Заиорданье по крайней мере с VIII в. до н.э. и при Ахеменидах всячески противившийся созданию автономной гражданско-храмовой общины в Палестине, в конкретной политической ситуации III—II вв. до н.э. возглавил эллинизаторское движение. Тобиадов поддержали не только близкие им группы жреческой и нежреческой верхушки общины, но также представители других слоев, особенно часть торговцев и ремесленников Иерусалима, для которых эллинизация означала бы расширение их хозяйственной деятельности. В 175 г. до н.э. близкий к Тобиадам первосвященник Ясон добился от Антиоха IV Эпифана разрешения на организацию в Иерусалиме полиса с эфебней, гимнасием и прочими полисными институтами. Этот полис включал

только сторонников эллинизаторского движения, которые именовали себя «антиохийцами в Иерусалиме».

Эллинизаторы не считали свои действия отказом от иудаизма, напротив, по их мнению, отграничение от других народов было не только причиной бедствия, постигших евреев, но и нарушении завета Моисея, учившего, что бога Яхве могут и должны почитать все люди. Охвативший иудейское общество конфликт, выражая социально-экономические противоречия, развертывался в религиозно-идеологической плоскости. На первых порах разногласия не выходили за рамки общины, вопрос о политической независимости не выдвигался. Однако зависимость «антиохийцев в Иерусалиме» от поддержки Селевкидов, равно как и действия сирийских правителей, неизбежно подводила их к выбору: оставаться или не оставаться Иудее под властью «язычников»)?

Эдикт Антиоха IV (167 г. до н.э.) под угрозой смертной казни запретил выполнять предписания иудаизма — соблюдение субботы, обрезание, жертвоприношение Яхве, пищевые установления и др. Иерусалимский храм был превращен в храм Зевса Олимпийского, свитки священного писания сожжены и т. д. Столь непривычная для эллинистических царей практика религиозных гонений вытекает из самой сущности конфликта в Иудее; поскольку главным в нем была борьба за и против «ограждения» от внешнего мира, то реакцией Антиоха IV была попытка уничтожения этого «ограждения».

Характером развернувшейся в Иудее борьбы объясняется также зарождение тогда мученичества за веру: многие погибли, пассивно сопротивляясь проведению в жизнь эдикта Антиоха IV. Другие откликнулись на призыв Маттатии из священнического рода Хасмонеев активно бороться. Это положило начало восстанию (167—142 гг. до н. э.), известному как Маккавейская война (по прозвищу старшего из пяти сынов Маттатии — Иуды Маккавея). Действия повстанцев, основной базой которых явилась Иудея, были настолько успешными, что в 164 г. до н.э. Антиох IV обратился к ним с посланием, в котором потребовал прекращения вооруженных выступлений, обещав, что «тем, которые вернутся домой», будет гарантирована безнаказанность и что иудеи смогут употреблять свою пищу и хранить свои законы, как и прежде. Послание явилось официальным отказом от религиозных гонений и обещанием восстановить автономию иудейской общины. Однако повстанцы отвергли предложение царя.

Осуществлению цели Хасмонеев — достижению полной независимости — способствовали два обстоятельства. Первое — поддержка повстанцев Римом, заключившим в 161 г. до н.э. договор с Иудой Маккавеем о взаимной помощи в случае войны, что явилось признанием повстанцев самостоятельной политической силой. Второе — начавшийся после смерти Антиоха IV распад державы Селевкидов. Хасмонеи искусно использовали борьбу Селевкидов за престол, в ходе

которой претенденты искали у них поддержки, предоставляя им взамен весьма существенные привилегии — в рамках сохранения Иудеи в составе Селевкидской державы. Однако эта держава на глазах распадалась, и Хасмонеи, особенно Симон, возглавивший борьбу после гибели Иуды и его брата Ионатана, все настойчивее добивались полной независимости. В 142 г. до н. э. сирийский царь Деметрий II в послании «первосвященнику Симону и другу царей (т. е. Селевкидов), старейшинам и народу иудейскому» освободил Иудею от уплаты всех налогов и предложил заключить мир с ней — фактически как с равной стороной.

Стремление укрепить свою власть толкнуло первых Хасмонеицких правителей — Симона (142—134 гг. до н.э.), Иоанна Гиркана I (134—104 гг. до н.э.) и Александра Янния (103—76 гг. до н.э.) — на иудейские завоевания. Они включили в состав своего государства Эдом, всю Палестину (включая побережье), части Заиордания и Южной Финикии. Вследствие этого население Хасмонеицкого государства становилось в этническом и религиозном отношении все более многообразным.

Понимая опасность этого, Хасмонеи пытались разрешить эту проблему при помощи насильственной иудаизации страны, что вызывало сопротивление.

Расширявшееся государство Хасмонеев не могло уже быть гражданско-храмовой общиной, непреложными предпосылками существования которой (как и существования эллинистических полисов) являлись относительное социально-экономическое равенство и этнорелигиозная однородность её полноправных членов, небольшой численный состав и ограниченная территория. Государство же Хасмонеев постепенно превращалось в эллинистическую монархию. Когда в 140 г. до н.э. «Великое собрание» утвердило Симона в наследственном звании первосвященника, стратега и этнарха («главы народа»), а с конца II в. до н.э. его преемники присоединили к сану первосвященника царский титул, это явилось нарушением религиозно-политической доктрины иудаизма, согласно которой первосвященниками должны были быть только Цадокиды, а царями — только Давидиды, и то лишь в отдаленном будущем.

Эволюция Хасмонеицкого государства в эллинистическую монархию внешне проявилась в создании разветвленного административно-бюрократического аппарата, замене гражданского ополчения иноземными наемниками, образовании пышного двора, возведении дворцов и крепостей и т.д. Все это требовало больших средств и влекло за собой возрастание налогового бремени, что сводило на нет действительность того хозяйственного подъема, который наступил в стране после завершения Маккавейской войны.

Восторженная поддержка Хасмонеев народными массами постепенно сменялась растущим недовольством, которое при Александре Яннии приняло характер открытой и ожесточенной

борьбы. В течение шести лет (90—84 гг. до н.э.) происходило руководимое так называемыми фарисеями народное восстание, которое царь жестоко подавил. В антихасмонеяхском движении I в. до н.э. социально-экономические мотивы были неразрывно связаны с религиозными. Это движение по своему характеру было аналогично более раннему антиселевкидскому.

Победоносное завершение Маккавейской войны и создание независимого государства укрепляли веру в действенность «договора» с Яхве, в «избранность» народа Яхве, т.е. партикуляристическую тенденцию. С другой стороны, сдвиги в социально-экономической и политической жизни страны настоятельно требовали обновления и расширения самой религиозной общины, основанной на ветхозаветном законодательстве совсем иной эпохи. Такая универсалистская тенденция была особенно сильна среди евреев диаспоры (изгнания) — в Месопотамии и Египте, Малой Азии, Греции и других странах, непосредственно контактировавших с эллинистическим окружением, которое проявляло растущую заинтересованность к иудаистическому монотеизму. Для осуществления диалога между иудаизмом и эллинистической культурой произведения первого должны были быть не только переведены на греческий язык, но и приближены к системе эллинистических идей и образов. Это отчетливо проявилось в греческом переводе Ветхого завета, так называемом «Переводе 70 толковников», или «Септуагинте». Осуществленный в Александрии в III — II вв. до н.э. перевод и явился адаптацией Ветхого завета к миру эллинистических идей и образов.

Падение независимых государств в Палестине.

В 63 г. до н.э. римский полководец Помпеи включил Иудею в состав римской провинции Сирия на правах автономией области, однако сильно урезал ее территорию. Одип из последних Хасмонеев, Гиркан II, был назначен первосвященником и этнархом, но фактическая власть находилась в руках иудаизированного эдомитянина Антипатра и его сыновей.

Умело использовав сложную обстановку гражданских войн в Риме, самый энергичный и коварный из сыновей Антипатра — Ирод с тал правителем Иудеи в качестве «союзника и друга римского народа» (37— 4 гг. до н.э.).

Во внешней политике Ирод был ограничен указаниями и контролем Рима, но во внутренней ему была предоставлена почти полная свобода, которой он воспользовался для превращения граждан в безмолвных и безропотных подданных. Ирод отменил наследственное первосвященство, истребил Хасмонеев и другие знатные роды, а конфискацией их имущества пополнил казну. Эти мероприятия сопровождалась перераспределением земли: большую часть земли Ирод сконцентрировал в собственных руках, наделяя ею своих

родственников и приближенных, что создавало новую, зависимую от царя и угодливо служившую ему верхушку.

Ирод вошел в историю как один из крупнейших градостроителей. При нем были построены новые города-полисы (Себастья, Кесария и др.), крепости и многочисленные дворцы. Города украшались цирками, термами (античными банями), театрами и иными общественными сооружениями. Особенно прославился Ирод начатой им реставрацией Иерусалимского храма, который по иронии судьбы стал впоследствии важным очагом борьбы против Рима. Ирод часто посылал щедрые дары Афинам, Спарте, другим эллинистическим городам. Постоянно нуждаясь в больших средствах, царь резко увеличил налоговое обложение населения. Даже при преемниках Ирода, правивших значительно урезанной территорией, ежегодные поступления в казну достигали 1000—1200 талантов. Многочисленные налоги и поборы крайне обременяли страну и вызывали массовое недовольство, усиленное несовместимыми с иудаизмом нововведениями царя. Так, например, все подданные должны были присягать римскому императору и лично Ироду. При всем том Ирод продолжал считать себя приверженцем иудейской религии.

На непрерывные народные выступления и восстания Ирод отвечал массовыми кровавыми репрессиями, не щадя даже членов собственной семьи. Болезненно недоверчивый и мстительный тиран казнил жену, шурина, трех сыновей, что побудило римского императора Августа сказать, что «лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном». Смерть Ирода в 4 г. до н. э. послужила сигналом для новых массовых выступлений, которые нарастали после преобразования Иудеи в 6 г. н.э. в императорскую провинцию (В окраинных областях Палестины еще некоторое время правили сыновья Ирода, ставшие вассалами Рима. Например, Галилеей правил Ирод Антипа.) и подводили страну к трагическому взрыву — Иудейской войне с Римом 66-73 гг.

Разделы 4—5 написаны Войлбергом Н.П. с использованием материалов Амусина И.Д.

Литература:

Свенцицкая И.С. Эллинизм в Передней Азии./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.332-352

Лекция 18: Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма.

Общие замечания.

Государства Балканского полуострова, а также греческие полисы и царства, существовавшие в III — I вв. до н.э. на периферии античного

мира, в частности в Северном Причерноморье, нельзя назвать эллинистическими в прямом смысле слова; там не происходило того сложного взаимодействия античной и различных восточных цивилизаций, которое было характерно для стран Передней Азии и Египта. Однако и области Балканского полуострова, и периферийные греческие полисы имели в период эллинизма свою специфику развития.

Одним из последствий завоевательных походов Александра для Македонии и Греции было массовое переселение на Восток, что не могло не повлиять на хозяйственную жизнь этих областей. Экономический подъем эллинистических государств в III в. до н.э., приток восточных товаров на рынки Средиземноморья также приводили к упадку некогда развитых центров. Греческие ремесленники уже не были монополистами в отдельных отраслях производства, и местное ремесло когда-то далекой периферии успешно соперничало с ремеслом таких городов, как, например. Афины.

В общественной жизни влияние эллинистических государств на страны Балканского полуострова, в особенности на Македонию, сказывалось в заимствовании некоторых форм управления, организации царского землевладения и т.п. Важной особенностью, определявшей внутреннее положение рассматриваемых в этой лекции районов, был экономический и политический рост прежде отсталых областей и усложнение отношений греческих центров с окружающими племенами (например, со скифами), от которых отдельные полисы попадали в зависимость. Усиление таких племен было прежде всего следствием их внутреннего развития, но этому усилению способствовало и втягивание населения менее развитых областей в товарно-денежные отношения с эллинистическим миром.

Общественный строй македонского царства.

После длительной борьбы за власть над Македонией между полководцами Александра и их наследниками на македонском престоле утвердился внук Антигона Одноглавого Антигон Гонат. Он одержал в 227 г. до н. э. решительную победу над кельтскими племенами, вторгшимися на балканский полуостров. С этого времени вплоть до римского завоевания Македонией управляла династия Антигонидов. Македонским царям была подчинена часть Фракии, Фессалия, Халкидика; в ряде городов Греции стояли македонские гарнизоны (В течение некоторого времени с Македонией соперничало соседнее государство Эпир, выходившее на запад к Адриатическому морю и населенное, по-видимому, греками и иллирийцами, не входившими, однако, первоначально в круг эллинства по своей культуре. Короткое время, при царе Пирре (296—272 гг. до н.э.). Эпир был весьма значительной державой.).

Однако на протяжении всего эллинистического периода македонским царям пришлось вести борьбу то с одними, то с другими полисами Эллады, стремившимися к независимости. Цари владели значительными земельными территориями. Основные царские земли были расположены в завоеванных областях. Часть этих владений царь раздавал своим приближенным и воинам; леса и рудники принадлежали царю.

В Македонии и ее владениях основывались новые города. Один из таких городов, основанный ещё Кассандрой, Фессалоника, долгое время сохранял роль крупного экономического центра. Перестроена и украшена была столица Македонии Пелла. Новые города получали в свое распоряжение определенную земельную территорию. Политика македонских царей по отношению к полисам, входившим в их владения, не отличалась существенно от политики эллинистических монархов: признавая в известной степени городское самоуправление, они стремились поставить города под свой контроль. В Фессалонике находился правитель, посланный царем. В надписи из г. Верой (III в. до н.э.) об освобождении рабов указывается, что в случае, если кто-либо обратит в рабство освобожденных, он должен заплатить штраф: «за каждое тело» сто золотых (в пользу города) и еще сто — царю. Таким образом, правомочность сделки об освобождении гарантировалась и городом и царем — следовательно, подразумевается существование в городе представителей царской администрации, которые контролировали его внутреннюю жизнь. Даже в тех случаях, когда царь и полис заключали между собой договор и выступали как внешне равноправные стороны, фактически города исполняли волю царя. Македонские цари стремились насадить царские культы в зависимых от них полисах. Так, при заключении договора между царем и полисом Лисимахия граждане последнего клялись в соблюдении договора наряду с полисными богами божеством судьбы царя (Филиппа V).

Как и Селевкиды, македонские цари использовали форму письма (а не прямого приказа) городу для передачи своих распоряжений.

Управление страной было сосредоточено в руках царя: исчезли прежние гетайры — товарищи царя, оказывавшие влияние на политику. Теперь ближайшие вельможи носили общеэллинистический титул «друзей», что было весьма почетно, но не давало носителям этого звания существенных прав. Однако пережитки древней племенной организации все еще сохранялись и в III — II вв.: царю для занятия престола по-прежнему нужно было одобрение войска. Войско продолжало играть весьма значительную роль в Македонии. В войске служили македонские крестьяне в массе своей свободные. Современные исследователи полагают, что условия сельскохозяйственной жизни Македонии приближались к фракийским — а во Фракии в тот период основная масса земледельцев была организована в свободные территориальные общины; в таких общинах уже существовало имущественное неравенство.

Именно свободные македонские земледельцы, разоряясь из-за проникновения товарно-денежных отношений в деревню, поставляли контингенты македонских наемников в эллинистические государства.

Нехватка рабочей силы из-за постоянных войн и переселений приводила к тому, что цари селили на македонских землях немакедонян: Полибий сообщает, что царь Филипп V поселил в Македонии фракийцев.

В Македонии III — II вв. развивается рабовладение: имеются сведения о рабах, прислуживающих знати; в уже упоминавшейся надписи из Берои речь идет об отпуске на волю за выкуп нескольких рабов с женами, детьми и имуществом. Таким образом, существовали рабы, имевшие семьи и некоторую хозяйственную самостоятельность. Мы не знаем, насколько распространена была эта форма эксплуатации, но при отсутствии крупных рабовладельческих хозяйств (которые не могли сложиться в условиях сравнительно отсталой македонской экономики) такое использование труда рабов не было, по всей вероятности, единичным случаем.

Наивысшего могущества Македонское царство в эллинистический период достигло в начале царствования Филиппа V (221 — 179 гг. до н.э.), который проводил активную внешнюю политику. Филипп заключил союз с Антиохом III Селевкидом и захватил египетские владения в Малой Азии. Против него выступили Родос и Пергам, которые обратились за помощью к Риму. Рим успешно использовал противоречия между различными эллинистическими государствами для усиления своего влияния (кроме Пергама и Родоса союзниками римлян были также этолийцы в Балканской Греции). С 200 по 197 г. до н.э. длилась так называемая Вторая Македонская война (Первой войной считается конфликт между Филиппом V и Римом в конце III в. до н.э., когда Филипп заключил союз с Карфагеном против Рима. Но прямых военных действий между Римом и Македонией не происходило; римляне только оказали поддержку этолийцам в борьбе с Македонией). Филипп V потерпел поражение; он был лишен всех завоеванных владений, передал Риму военный флот.

Полностью уничтожили римляне Македонское царство в результате Третьей Македонской войны — с сыном Филиппа Персеем. Македония была разделена на четыре части (под римским контролем). Дольше всех на Балканском полуострове римлянам сопротивлялись фракийцы. Они составили основную силу антиримского восстания в Македонии и Фракии, поднятого в 149 — 148 гг. до н.э. фракийцем Андриском, выдававшим себя за Филиппа, сына последнего македонского царя Персея. Это восстание было подавлено римлянами при участии войска, посланного ахейскими городами и Пергамом. В 147 г. до н.э. Македония превратилась в римскую провинцию.

Полисы и союзы городов Балканской Греции.

Большинство древних полисов Эллады в период эллинизма в целом находились в экономическом и политическом упадке, ставшем особенно заметным после неудачной войны союза греческих городов (куда вошли Афины и Спарта) с македонским царем Антигоном Гонатом в первой половине III в. до н.э. К началу II в. до н.э. относится описание Афин, сделанное писателем Гераклидом (по прозвищу Критик): по его словам, большинство домов в Афинах бедны и некрасивы, по городу бегают в поисках заработка доносчики... Полибий, крупнейший греческий историк эллинистического времени, писал о беотийцах, что они уже с давнего времени находились в состоянии упадка.

Характерной чертой жизни некогда передовых полисов Греции было уменьшение населения вследствие переселения на Восток, распространения наемничества, значительного сокращения рождаемости. Полибий указывал, что греки воспитывали, как правило, не больше двоих детей.

Распространено было подкидывание детей.

В особом положении находились в Греции крупные храмы с собственной казной, такие, как храмы Аполлона в Дельфах и на Делосе. Дельфы к тому времени стали крупным международным центром, в Дельфийском храме хранились денежные вклады из самых разных районов Средиземноморья. Храмы занимались ростовщическими операциями.

Храм Аполлона на Делосе обладал значительными земельными владениями, которые сдавались в аренду, по преимуществу крупную. Среди арендаторов были должностные лица (архонты, булевты, жрецы), их родственники, банкиры. Обработывалась земля с помощью рабов. В случае неуплаты в срок арендной платы продавались урожай, скот и рабы. В III в. до н.э. земли Делосского храма увеличивались за счет частных участков, которые переходили храму в случае просроченного долга. Надписи об аренде земли в Делосе позволяют сопоставить экономическое положение в полисах Эллады и в полисах эллинистических государств. Условия аренды общественной земли в последних были более мягкими, а круг арендаторов более широким. Труд рабов применялся там в меньшей степени, чем в Греции. Эти отличия объясняются более благоприятными условиями восточных полисов, которые имели возможность получать подати с негражданского населения сельских территорий, использовать свое положение на торговых путях, увеличивать владения за счет царских пожалований.

Приток рабов в греческие полисы шёл отчасти за счет внешней торговли (в источниках, в частности, упоминается вывоз рабов из Северного Причерноморья), а также за счет междоусобных войн: так

поступили ахейцы, продав в рабство жителей захваченного ими г. Мантинеи в Пелопоннесе в 223 г. до н.э., этолийцы семнадцатью годами раньше продали в рабство много граждан пелопоннесских городов.

Большое число рабов доставляло пиратство. Развитие пиратства в Восточном Средиземноморье в III — I вв. до н.э. (вплоть до уничтожения его римлянами) объяснялось сложной международной обстановкой, при которой борющиеся государства часто использовали пиратов в борьбе друг против друга, и особой ролью пиратства в торговле: пираты из более отсталых областей захватывали то, чего не могли выменять, и сбывали свою добычу в различных районах эллинистического мира, тем самым втягиваясь в международный обмен и все более расширяя свои действия. Особенно важную роль играли пираты в работорговле: известно, например, что во II в. до н.э. Делос охотно допускал на рынок пиратов-работорговцев.

Однако, хотя рабы продолжали играть существенную роль в производстве, в Греции того времени не было возможности создать крупные рабовладельческие хозяйства. Распространен был отпуск рабов на волю путем их посвящения или фиктивной продажи божеству. Такой раб не становился иеродулом, а получал свободу на определенных условиях, зафиксированных в документе, за выкуп или за обязательство выполнять ту или иную работу в пользу господина. Иногда вольноотпущенник (если он был достаточно молод) обязывался обучиться ремеслу, а потом уже работать на своего господина (до смерти или на определенный срок). Много надписей об отпуске рабов дошло до нас из Дельф. Среди людей, отпускавших рабов на волю, там, как и среди арендаторов земель Делосского храма, преобладали должностные лица; жрецы, архонты, члены сонета и члены их семей. Очевидно, что в греческих полисах III — II вв. до н.э. должностные лица были в основном богатыми людьми, происходившими из определенных семей. Должностные лица получали преимущества в использовании общественных фондов, в частности арендуя общественную или храмовую землю. Таким образом, в эллинистический период произошли изменения не только в экономическом, но и в политическом положении греческих полисов, где фактическая власть оказалась в руках сравнительно узкого круга наиболее зажиточных семей.

В течение II в. до н.э. вмешательство римлян в дела Восточного Средиземноморья, войны, развернувшиеся на территории Греции, приводят к ухудшению положения даже храмовых центров: так, Делосский храм вынужден был продать частным лицам отдельные свои владения.

Если древние экономические и культурные центры Греции в III—II вв. потеряли свое ведущее положение, то ряд прежде отсталых областей, втянутых в более широкие отношения с эллинистическим

миром, испытывал известный подъем. Прежде всего он отмечался в Этолии и Ахайе.

Этолия — область в Северной Греции, где еще преобладал племенной строй; городов в Этолии не было, население занималось в основном скотоводством и земледелием. Отдельные сельские поселения Этолии еще в IV в. до н.э. объединились в союз, центром которого было святилище в Ферме. В III в. до н.э., в период борьбы с Македонией, союз укрепился и расширился. Главным органом, его было народное собрание, в котором принимали участие все свободные Мужчины-этолийцы. Собрание выбирало стратега и других должностных лиц. Этолийский союз благодаря своей часто успешной борьбе с Македонией привлекал к себе и другие греческие полисы Средней Греции, Мессении и др. Граждане этих городов могли участвовать в союзных собраниях; но управление столь обширным союзом при помощи одного лишь собрания (где фактически далеко не всем членам союза легко было присутствовать) становилось затруднительным, и в Этолийском союзе появляется коллегия апоклетов, которая правила вместе со стратегом и на дело решала все важнейшие дела. В Этолийском союзе не было города-гегемона, все поселения и города, входившие в союз, были равноправны и сохраняли внутреннее самоуправление.

В течение III в. до н.э. в Этолии быстрыми темпами идет процесс выделения и обогащения знати главным образом за счет военных набегов и пиратства. Полибий пишет, что у этолийцев было в обычае грабить не только те народы, с которыми они сами воевали, но и те народы, которые вели войну между собой. Племенное пиратство, связанное с неразвитостью экономики и невозможностью регулярного обмена, становится в эллинистический период одним из основных способов обогащения знати, поскольку добыча продавалась в более развитых районах. Органы управления Этолийского союза взяли пиратство под свой контроль. Некоторые полисы получали «безопасность и неприкосновенность от этолийцев или живущих в Этолии». В то же время союз, когда это было выгодно, брал пиратов под защиту: так, по словам Полибия, когда мессенцы потребовали от этолийского полководца наказать грабивших их пиратов, полководец заявил, что этим требованием мессенцы оскорбили не только его, но и Этолийский союз.

Обогащение знати вело к имущественной дифференциации внутри Этолии; к концу III в. до н.э. число бедняков, имевших непоплатные долги, настолько возросло, что под давлением народных масс этолийский полководец Скопас предпринял попытку отменить долги. По богатые оказали сопротивление этой реформе, так что Скопас был вынужден покинуть Этолию. Другим союзом, игравшим не менее важную роль в греческих делах, был возникший на северо-западе Пелопоннеса союз городов Ахайи, которая в классический период была отсталой сельскохозяйственной областью.

Союз ахейских поселений существовал задолго до эллинистического периода, он прекратил свое существование во время борьбы за власть полководцев Александра, но в III в. до н.э. возродился вновь как союз городов. Главным городом Ахейского союза был Эгион, где собиралось общесоюзное собрание — синод. В синод входили представители союзных городов; каждый город в синоде имел один голос; доступ в синод был ограничен имущественным цензом. Некоторые дела решались синклитом — экстраординарной сходкой всех граждан (не моложе 30 лет) союзных городов. Во главе Ахейского союза стоял стратег, обладавший значительной властью. Хотя города, входившие в Ахейский союз, пользовались внутренней автономией, общесоюзные органы управления повсюду поддерживали власть зажиточных слоев. Своего расцвета Ахейский союз достиг при стратеге Арате. Арат был стратегом в течение 30 лет (начиная с 245 г. до н. э.). ему удалось присоединить к союзу такие крупные города, как Сикион и Коринф. Ахейский союз находился во враждебных отношениях с этолинцами, с которыми он боролся за влияние в Греции, и особенно в Пелопоннесе. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, стремление греческих городов и поселений к объединению, а с другой — непрекращающаяся междоусобная борьба, которая еще больше ослабляла Грецию.

Социальная борьба в Греции в III—II вв. до н.э.

Имущественное расслоение среди свободного населения греческих полисов приводило к обострению социальной борьбы: народные массы выступали за отмену долгов и передел земли. В начале III в. до н.э. вспыхнуло восстание бедняков в г. Кассандрии (на месте прежней Потидеи па Халкидике), в результате которого власть захватил тиран Лполлотор, конфисковавший часть имущества богачей. Это движение было подавлено македонским царем Антигоном Гопатом. Наиболее известными эпизодами социальной борьбы в III в. до н.э. были события в Спарте, связанные с попыткой проведения реформ царями Агисом и Клеоменом.

В Спарте процесс имущественной дифференциации начался в связи с Пелопоннесской войной и усилился после введения золотых и серебряных денег и разрешения (по закону, принятому в 400 г. до н.э.) дарить и завещать земельные участки спартиатов. В III в. до н.э. этот процесс зашел уже далеко; резко сократилось количество полноправных граждан, владевших наделами; непрерывно возрастала задолженность населения. Плутарх пишет об этом времени: «Спартиатов было теперь не более семисот, да и среди тех лишь около ста владели землей и наследственным имуществом, а все остальные нищего и жалкою толпою сидели в городе, вяло и неохотно поднимаясь на защиту Лакедемона от врагов, но в постоянной готовности воспользоваться любым случаем для переворота и изменения существующих порядков». В такой обстановке молодой царь Агис (245 — 241 гг. до н.э.) решил провести реформу, которая отменила бы долги и произвела передел земли. Чтобы увеличить

число граждан, участками земли, по мысли Агиса, должны были наделяться не только спартиаты, но и нериеки. Первыми сторонниками Агиса выступали его мать и бабка, одни из самых богатых людей Спарты. Вокруг реформы разгорелась борьба; ее противником выступил второй царь — Леонид. Благодаря поддержке народных масс Агису удалось изгнать Леонида; отмена долгов была проведена. После этого от Агиса отошли те крупные землевладельцы, которые имели долги, но не хотели проводить поредела земли. Они всеми способами оттягивали его проведение. Между тем Агис должен был выступить в поход в связи с тем, что Ахейский союз попросил Спарту о помощи против этолийцев; земельную реформу он так и не успел провести. В его отсутствие противники Агиса призвали назад Леонида. По возвращении Агис был схвачен и удушен вместе с матерью и бабкой. Народ не вступился за него, так как, по словам Плутарха, «был возмущен, видя свои надежды на раздел земли обманутыми». Но гибель Агиса по остановила попыток изменить общественный строй Спарты. Продолжателем его дела стал сын Леонида царь Клеомон (235—222 г. до н.э.).

Леонид насильно женил сына на вдове Агиса, чтобы не упустить богатого приданого. Влияние жены способствовало тому, что Клеомен решил пойти по пути Агиса и даже дальше его: он поставил своей целью возродить старинный строй Спарты, «общину равных», отказаться от всякой роскоши и излишеств. Другим вдохновителем Клеомена был философ Сфер из Яорисфена (Ольвии).

Став царем, Клеомен прежде всего решил укрепить военное могущество Спарты и начал военные действия против Ахейского союза, который стремился поставить Спарту под свой контроль. Клеомен показал себя незаурядным полководцем; он одержал в 226 г. до н.э. победу над ахейцами. Вернувшись в Спарту, он перебил своих противников — эфоров и приступил к осуществлению реформ. Он переделал землю, наделил участками часть пориеков: число граждан было увеличено до 4 тыс. Реформы Клеомена вызвали отклик в разных городах Пелопоннеса, входивших в Ахейский союз. Плутарх пишет, что «даже в Сикионе и Коринфе обнаружили многие, что стояли в связи с Клеоменом...». Началась длительная борьба Клеомена с ахейцами. Клеомену удалось одержать ряд побед и тогда ахейцы призвали на помощь македонского царя Антигона Досона. Руководители Ахейского союза готовы были пойти на существенные уступки Македонии, лишь бы сохранить в неприкосновенности свое имущество и власть. Коринф был передан Антигону; в Орхомене поставлен македонский гарнизон; было принято постановление, запрещавшее ахойцам без согласия Антигона посылать послов к другим царям. Македонская армия выступила против Клеомена. Клеомен для увеличения своего войска освободил за выкуп 6 тыс. илотов; по македоняне оказались сильнее. В 221 г. до н.э. разбитый Клеомен бежал в Египет. Антигон вступил в Спарту; все реформы были отменены. Агис и Клеомен ставили своей целью возрождение древних спартанских обычаев и установлений, что было, конечно,

совершенно нереально в условиях III в. до н.э. Но объективно их деятельность отражала потребности народных масс Спарты, поэтому и после поражения Клеомена в Спарте продолжалась социальная борьба. Однако методы ее изменились: предводители народных масс не пытались действовать в рамках существующего государственного строя, а силой захватывали власть и устанавливали тиранию. В конце III в. до н.э. во главе Спарты стоял тиран Махонид, погибший в борьбе с ахейцами. Ему на смену в 207 г. до н.э. пришел тиран Набис. Сведения о Набисе исходят только от его противников, поэтому трудно составить ясное представление о его политике; он изгнал богатых граждан и конфисковал их имущество, освободил илотов (во всяком случае, часть из них). Но как и в других поздних тираниях, большую роль при Набисе играли наемники. Полибий, яростный противник Набиса, пишет, что тот создал отряд телохранителей и оруженосцев из беженцев. «для которых родина закрыта была подлыми и преступными деяниями». Наемники получили часть конфискованного имущества богатых спартанцев. Набис находился в союзе с критянами и принимал участие в морских набегах. Сообщения о жестокости Набиса, может быть, сильно преувеличены; по тем не менее политика Набиса была не менее противоречива, чем политика других представителей «младшей» тирании: народ не имел политической власти, наемники обогащались за счет конфискаций, образуя новую господствующую прослойку в стране. Набис погиб в 192 г. до н.э. Дальнейшая судьба Спарты, как и остальных греческих городов, оказалась в руках римлян. Острая внутренняя борьба в Греции послужила одной из причин того, что многие представители богатых слоев греков приветствовали вмешательство римлян в дела Балканского полуострова и тем самым способствовали переходу Греции во II в. до н.э. под власть Рима.

Северное Причерноморье в III—II вв. до н.э.

Со второй половины IV в. до н.э. происходит расцвет греческих городов-колоний в Северном Причерноморье и расположенного на Керченском полуострове в Крыму Босдорского царства. В этом сказалась неравномерность развития отдельных областей древнего мира; упадок центров Балканской Греции привел к тому, что внешняя торговля с восточерпоморских городов сосредоточивается в руках местных купцов; общее расширение рынка в Восточном Средиземноморье в период эллинизма повлияло и на экономику Северного Причерноморья. Происходило увеличение сельскохозяйственного производства, появлялись новые поселения. Укрепилось и политическое положение государств Северного Причерноморья. Эти процессы можно проследить на примере Боспорского царства и двух наиболее хорошо изученных городов-государств — Херсонеса (юго-запад Крыма, в районе Севастополя) и Ольвии (правый берег Бугского лимана).

Во второй половине IV в. до н.э. в Боспорское царство входил весь Керченский полуостров, включая Феодосию. Центром царства был город Пантикапей, резиденция боспорских царей и важнейший торговый центр царства. Кроме Пантикапея в Боспоре существовало значительное число городов, больших и малых, которые были центрами ремесленного производства, и городов-крепостей, имевших прежде всего военное значение. В боспорских городах перерабатывали продукты сельского хозяйства и разных промыслов (виноделие, засолка рыбы). Развивалось также ювелирное, гончарное ремесло.

В Пантикапее работали судостроительные верфи.

Разнообразны были сельские поселения Боспора, большинство которых относится к IV—III вв. до н.э. Около городов существовали изолированные усадьбы, вдали от городов — деревни, как местных племен (скифов и тавров), так и земледельцев греческого происхождения. В течение III в. до н.э. увеличивается число крупных изолированных усадеб; есть случаи, когда усадьба возникает на месте сельского поселения: происходит концентрация земли.

Боспорские цари владели большим количеством земель, которые обрабатывало жившее деревнями (вероятно, сельскими общинами) местное население. Деревни были подчинены царской администрации. Цари могли передавать свою землю переселенцам: так, царь Евмел (конец IV в. до н.э.) наделил землей жителей Каллатиса, бежавших на западное побережье Черного моря (во время осады этого города Лисимахом).

На городской земле находились наделы граждан городов. Кто работал па частной земле, сказать трудно: вероятно, там применялся труд подневольных земледельцев, в том числе и рабов.

Боспорские цари были крупными экспортерами зерна (в IV в. до н.э. — в Афины, а затем и в другие центры Восточного Средиземноморья). Царской казне принадлежало также много мастерских, изготовлявших черепицу.

К концу IV в. до н.э. укрепляется власть боспорских царей: если раньше они назывались царями только по отношению к местным племенам, а по отношению к городам — архонтами («архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и всех меотов и фатеев»), то с конца IV в. до н.э. (со времени правления царя Спартока III) употребляется один общий титул царя (басилея). Города в Боспорском царстве (как и в эллинистических царствах) имели некоторое самоуправление; в Пантикапее было пароднос собрание; города чеканили свою монету, имевшую хождение наряду с царской монетой. Географ Страбон называет Пантикапей метрополией европейских боспорцев, а Фанагорию — метрополией азиатских. Страбон обычно употребляет слово «метрополия» для обозначения полиса, господствующего над

другими, более мелкими городами. Можно полагать, что городки и поселения, расположенные в окрестностях этих крупных городов, были подчинены им в административном отношении.

Таким образом, Боспорское царство рассматриваемого периода имело ряд черт, характерных для других монархий того времени: сочетание царской и городской собственности, царской власти и самоуправляющихся полисов. Однако можно заметить и различие: внутри Боспорского царства мы не видим того союза с местной знатью, опоры на местные привилегированные самоуправляющиеся организации, которые были столь важны в эллинистических государствах. Племена Северного Причерноморья по уровню своего развития не могли создать таких организаций. Этнические различия в Боспорском царстве были очень сильны. Наряду с греками здесь жили скифы (племена, говорившие на языке иранской ветви индоевропейской семьи, родственном современному осетинскому), а также тавры (в Крыму), меоты, синды (у Азовского моря и в Прикубанье), вероятно родственные позднейшим абхазо-адыгским народам.

Периферийное положение этого царства, соседство с массами варварских племен делали его положение более неустойчивым, чем у других современных ему монархий.

Со второй половины IV в. до н.э. наступает экономический и политический расцвет Ольвии, расположенной на правом берегу Бугского лимана. Переломным моментом в ее истории можно считать осаду города полководцем Александра Зонирионом в 331 г. до н.э. (эта осада была эпизодом в походе Зопириона против скифов). В этот период в городе вспыхнула острая социальная борьба: было проведено освобождение рабов, наделение гражданскими правами иностранцев, смягчение долговых обязательств. Аналогичные действия предпринимали и другие греческие полисы в моменты опасности, например Пергам в период восстания Аристоника. Проведение социальных реформ в Ольвии подтверждается и свидетельством сохранившейся надписи в честь гражданина Ольвии Каллинка, который умиротворил народ и привел к соглашению враждующие стороны.

Зопирион не смог взять Ольвию. После осады Зопириона происходят изменения в политической жизни города, увеличивается значение народных собраний. Появляется культ «Демоса», что указывает на демократизацию общественного строя.

Расширяются торговые связи Ольвии с различными городами и областями Причерноморья и Средиземноморья, в Ольвию переселяются жители других греческих городов. На сельской территории, примыкающей к Ольвии, в IV—III вв. до н.э. появляются новые поселения. Для этих поселений характерно сочетание греческих и скифских элементов в быту и культуре. Вероятно, здесь

жило смешанное население, которое в надписях названо миксэллинами. Планировка некоторых сельских поселений позволяет думать, что это — военно-земледельческие поселения.

В конце IV — начале III в. до н.э. в г. Ольвии происходит перестройка центральной площади — агоры, оборонительные стены укрепляются башнями, заканчивается сооружение городского водопровода. Сходные процессы можно наблюдать и в Херсонесе, основанном выходцами из Гераклеи Понтийской (города на севере Малой Азии) в конце V в. до н.э. И здесь к началу эллинистического периода происходит экономический и политический подъем. Расширяется как территория самого города, так и его владения в Северо-Западном Крыму. Во второй половине IV в. до н.э. Херсонес подчиняет себе г. Керкинитиду (на месте совр. Евпатории); основывается г. Прекрасная гавань (в 80 км к северо-западу от Евпатории). Сельское хозяйство играло большую роль в экономике Херсонеса; вино было предметом экспорта. Зерно, предназначенное на продажу, надлежало привозить в Херсонес: сначала следовало обеспечить хлебом население самого Херсонеса. По это не означает, что херсонесцы совсем не вывозили зерна — экспорт происходил под контролем городских властей. Сельская территория, на которой находились владения граждан, была размежевана на прямоугольные участки — клеры. Такому же размежеванию подверглась и сельская территория Прекрасной гавани при основании этого города.

Размежевание, проводимое городскими властями, известно и для других районов в эллинистический период; оно проводилось обычно в момент основания нового города или для увеличения обрабатываемой земли за счет пустующих (или захваченных) территорий. Так, размежевание на клеры было дважды проведено в малоазийском городе Приене в начале эллинистического периода. В Приене клеры распределялись между гражданами по жребию; возможно, так же было и при размежевании херсонесских владений.

Кроме клеров на сельской территории Херсонеса существовало множество разнообразных поселений: усадьбы, похожие на крепости; укрепленные поселения; комплексы сельских имений; неукрепленные сельские поселения. Как и на территории Ольвии, некоторые поселения могли быть местопребыванием воинов. Состав населения в херсонесских владениях был разнообразным; жили там и переселенные из горных районов Юго-Западного Крыма тавры.

В конце IV — начале III в. до н.э. Херсонес был типичным демократическим полисом. До нас дошла надпись того времени, представляющая собой клятву, которую приносили херсонесские граждане (так называемая Херсонесская присяга). Там, в частности, говорится: «...я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных мест из остальной территории, которой херсонесцы управляли или управляют...» Далее приносится клятва в

том, что гражданин не будет злоумышлять ни против кого из граждан («не отпавших») и па суде подаст голос по закону. Текст присяги свидетельствует, что ее принятию предшествовала острая социальная борьба внутри гражданского коллектива, которая окончилась победой демократии. Интересно, что, в то время как в эллинистических полисах происходит упадок демократических органов управления, в частности выборного суда, в Херсонесе этот орган продолжает играть важную роль. Здесь, как и в Ольвии, неравномерность развития сказалась, в частности, в том, что демократизация политического строя произошла позже, чем в полисах классической Греции.

Херсонес поддерживал связи с многими греческими городами, в том числе с Дельфами и Делосом. На Делосе даже проводились специальные празднества — «Херсонесии» (на деньги, пожертвованные херсонесскими гражданами). Херсонес был очень красивым городом. Здания украшались росписями и мозаикой. Интересны религиозные культы Херсонеса. Кроме культов общегреческих божеств (Дионис, Геракл) в Херсонесе существовал культ божества, олицетворяющего город («Херсонес»), и главный в городе культ Богини-Девы, покровительницы города. Этот культ был заимствован херсонесцами у тавров и эллинизован.

Расцвет греческих городов-государств Северного Причерноморья (как и Боспорского царства) продолжался недолго: со второй половины III в. до н.э. начинается наступление на них скифов и других местных племен. Усиление этого натиска было обусловлено как стремлением скифской знати к захватам (в этот период складывается скифское государство), так и тем, что самих скифов теснили родственные им племена сарматов, проникшие с востока в Причерноморские степи. О трудном положении Ольвии в конце III в. до н.э. свидетельствует декрет, принятый в честь её гражданина Протогена, неоднократно оказывавшего материальную помощь городу, который находился в тяжелом положении «вследствие войн и неурожаев», Па сторону врага перешли и миксэллины. Во II в. до н.э. большинство сельских поселений на территории Ольвии прекращает существование; во второй половине этого же века на агоре разрушаются лучшие здания. Ольвия подчиняется скифским царям: на ее монетах появляются их имена. В I в. до п. э., как сказано в одном декрете, «город был обуреваем войнами». В этом же веке Ольвию захватило и разрушило фракийское племя готов. В первые века нашей эры город отстраивается заново, но уже в меньших размерах.

Ожесточенную борьбу со скифами в конце III — II в. до н.э. ведут Боспорское царство и Херсонес. В этот период в Крыму находился центр Скифского царства Неаполь, расположенный около современного Симферополя.

И связи с набегами скифов меняется характер сельских поселений Боспорского царства, они укрепляются или переносятся в труднодоступные места.

Скифы ведут наступление на владения херсонесцев: к середине II в. до н.э. весь Северо-Западный Крым оказался в руках скифов. Борьба с ними нашла отражение в декрете Херсонеса конца II в. до н.э. в честь Диофанта — полководца, посланного в Крым понтийским царем Митридатом. (Понт — государство, возникшее в III в. до н.э. на северо-востоке Малой Азии.) Херсонес и Боспор обратились к нему за помощью, и только благодаря понтийским войскам скифы были разбиты; однако и Херсонес и Боспор оказались под властью Митридата. Одним из эпизодов этой борьбы было выступление против боспорского царя скифов под предводительством Савмака в 107 г. до н.э. — после того, как войско Диофанта покинуло Пантикапсй. Скифы захватили столицу и убили царя Порисада. В научной литературе обсуждался вопрос о том, ком был Савмак — рабом или свободным. Новейший филологический анализ текста декрета в честь Диофанта, проведенный рядом советских исследователей (С.Я. Лурье, Э.Л. Грейс, А.И. Немировским), показал, что он не содержит никаких указаний на рабское положение как самого Савмака, так и его сподвижников. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с выступлением местного населения Боспора, поддержанным извне Скифским царством. Это движение также было подавлено понтийскими войсками.

В I в. до н.э. римские войска разгромили Понтийское царство. Города Северного Причерноморья и Боспорское царство перешли под власть Рима.

Литература:

Свенцицкая И.С. Македония, Греция и Северное Причерноморье в период эллинизма./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.353-367

Лекция 19: Эллинистическая культура.

Общие черты Эллинистической культуры.

Развитие культуры в странах Восточного Средиземноморья в III — I вв. до н.э. определялось теми социально-политическими изменениями, которые произошли в этом районе после завоеваний Александра, и усилившимся вследствие этого взаимодействием культур.

Хотя в отдельных областях и отдельных государствах процесс взаимодействия шел по-разному и сохранялись местные особенности в религии, литературе, искусстве, все-таки возможно характеризовать культуру эллинистического времени в целом. Выражением культурной общности этого периода было распространение двух основных языков в странах Западной Азии и Египте — греческого койнэ (койнэ по-гречески означает «общая [речь].» — имеется в виду общегреческое каречие. вытеснившее местные диалекты) и арамейского языка, которые были и официальными, и литературными, и разговорными

языками (при сохранении рядом народностей и своих древних языков)(Так, в Египте сохранялся позднеегипетский язык; и Малой Азии были еще живы хетто-лувийские языки: лидийский, кашинский, ликийский и др. наряду с кельтским (Галатия), фракийским (Мисия, Вифиния) и (возможно, родственными последним) фригийским и армянским; Финикия, Иудея, Вавилония сохраняли свои языки наряду с арамейским.).

Широкая и довольно быстрая эллинизация городского населения (за исключением населения ряда древних гражданско-храмовых общин) объясняется комплексом причин: греческий язык был официальным языком царской администрации; эллинистические правители стремились насадить в своих разноплеменных державах единый язык и по возможности единую культуру. В городах, организованных по греческому образцу, вся общественная жизнь строилась по типу, сложившемуся в полисах Греции (административные органы, гимнасии, театры и т.п.). Соответственно и боги должны были носить греческие имена. Напротив, самоуправляющиеся общины Вавилонии сохраняли свой язык, аккадских богов, свою правовую систему и обычаи; иудеи также сохраняли свой культ, свой язык и свои обычаи (отгораживаясь от чужаков, не являющихся членами общины, системой запретов: запрет смешанных браков, запрет всех культов, кроме культа Яхве, и т.п.).

В эллинистической культуре существовали разнообразные и противоречивые тенденции: выдающиеся научные открытия - и магия; восхваление царей — и мечты о социальном равенстве; проповедь бездействия — и призывы к активному исполнению долга... Причины этих противоречий крылись в контрастах жизни того времени, контрастах, которые стали особенно ощутимы из-за нарушения традиционных связей между людьми, изменения традиционного быта.

Изменения в быту были связаны с появлением новых государств, с развитием больших и малых городов, с тесными контактами между городским и сельским населением. Городской и сельский быт значительно отличались друг от друга: во многих городах, не только в греческих, но и в восточных, например в Вавилоне, существовали гимнасии и театры; кое-где было налажено водоснабжение, проведены водопроводы. Сельские жители часто стремились переселиться в город или по возможности подражать городской жизни: в некоторых деревнях появляются водопроводы, общественные здания, сельские общины начинают ставить статуи и делать почетные надписи. С подражанием городу связана поверхностная эллинизация тех сельских поселений, которые располагались вблизи полисов.

Но в целом разница между основной массой зависимого сельского населения, жившего своим традиционным бытом, и свободными горожанами была настолько ощутима, что порождала постоянные конфликты между городом и деревней. Эти противоречивые тенденции

— и подражание, и противопоставление городу — нашли свое отражение и в идеологии периода эллинизма, в частности в религии (своеобразии локальных деревенских божеств, которые, сохраняя все свои местные черты, нередко носили имена главных греческих богов), в литературе (идеализация сельской жизни).

Создание эллинистических монархий, подчинение самоуправляющихся городов царской власти оказало существенное влияние на общественную психологию. Неустойчивость политического положения, невозможность для рядового человека оказать сколько-нибудь заметное влияние на судьбы своей родины (своего города и даже своей общины) и в то же время кажущаяся исключительная роль отдельных полководцев и монархов приводили к индивидуализму. Нарушение общинных связей, переселение, широкое общение друг с другом представителей разных народностей определили появление идеологии космополитизма (космополит по-гречески — «гражданин мира»). Причем эти особенности мировоззрения были свойственны не только философам, но и самым различным слоям общества; их можно проследить на примере изменения отношения гражданина к своему городу.

В Греции классического периода индивидуум не мыслился вне государства. Аристотель писал в «Политике»: «Кто живет вне государства вследствие своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, тот или сверхчеловек, или существо недоразвитое...» В период эллинизма идет процесс отчуждения человека от государства. Слова философа Эпикура о том, что «самой настоящей безопасностью бывает благодаря тихой жизни и удалению от толпы», отражали сдвиги в социальной психологии широких масс. Граждане стремились избавиться от обязанностей по отношению к полису: в почетных декретах эллинистических городов отдельные граждане освобождаются от военной службы, от литургий (повинностей зажиточных граждан). Отказываясь от служения полису по обязанности, богатые люди при этом прибегали к частной благотворительности: снабжали город деньгами и зерном, организовывали празднества за свой счет, за что им ставили статуи, их восхваляли в надписях на камне, увенчивали золотым венком... Такие люди стремились не столько к действительной популярности у граждан, сколько к внешним атрибутам славы. За пышными, но трафаретными фразами эллинистических декретов трудно угадать подлинное отношение народа к чествуемому лицу.

Существование крупных держав облегчало переселения из города в город, из одной местности в другую, которые продолжались на протяжении всего эллинистического времени. Никакой патриотизм теперь не удерживал богатых людей от переезда в другое место, если им это было выгодно. Бедные же уходили искать лучшей доли — и часто становились на чужбине наемниками или неполноправными переселенцами. В небольшом малоазийском городе Ясосе сохранилось общее надгробие пятнадцати человек — выходцев из самых разных

районов: из Сирии, Галатии, Мидии, Скифии. Киликии. Финикии и т.д. Возможно, это были наёмники.

Идеи космополитизма, человеческой общности существуют и распространяются в течение всего эллинистического периода, а в первые века нашей эры они проникают даже в официальные документы: так, в постановлении небольшого малоазийского городка Панамары об организации празднеств сказано, что в них могут принимать участие все граждане, чужеземцы, рабы, женщины и «все люди населенного мира (ойкумены)». Но индивидуализм и космополитизм не означали отсутствия коллективов и объединения. Как своеобразная реакция на разрушение гражданских связей в городах (где состав населения был более пестрым и в этническом и в социальном отношении) возникали многочисленные товарищества, союзы, иногда профессиональные, большей частью религиозные, которые могли объединять и граждан и неграждан. В сельских местностях возникали новые общинные объединения из переселенцев. Это было время поисков новых связей, новых нравственных идеалов, новых богов-защитников.

Наука и техника эллинистического периода.

Характерной чертой интеллектуальной жизни периода эллинизма было отделение специальных наук от философии. Количественное накопление научных знаний, объединение и переработка достижений разных народов вызвали дальнейшую дифференциацию научных дисциплин.

Общие построения натурфилософии прошлого по могли удовлетворять уровню развития наук, требовавших определения законов и правил для каждой отдельной дисциплины.

Развитие научных знаний требовало систематизации и хранения накопленной информации.

В ряде городов создаются библиотеки, самые знаменитые на них — в Александрии и Пергаме. Александрийская библиотека была наиболее крупным книгохранилищем эллинистического мира. Каждый корабль, прибывавший в Александрию, если на нем имелись какие-либо литературные произведения, должен был или продать их библиотеке, или предоставить для копирования. В I в. до н.э. александрийская библиотека насчитывала до 700 тыс. папирусных свитков. Кроме основной библиотеки (она называлась «царской») в Александрии была построена еще одна, при храме Сараписа. Во II в. до н.э. пергамский царь Евмен II основал библиотеку в Пергаме, соперничавшую с Александрийской.

Именно в Пергаме был усовершенствован материал для письма из телячьей кожи (пергамен, или «пергамент»): пергамцы были

вынуждены писать на коже в связи с тем, что вывоз папируса из Египта в Пергам был запрещен.

Крупные ученые обычно работали при дворах эллинистических монархов, которые давали им средства к существованию. При дворе Птолемеев было создано специальное учреждение, объединявшее ученых, так называемый Мусейон («храм муз»). Ученые жили в Мусейоне, проводили там научные исследования (при Мусейоне находились зоологический и ботанический сады, обсерватория). Общение ученых между собой благоприятствовало научному творчеству, но в то же время ученые оказывались в зависимости от царской власти, что не могло не влиять на направление и содержание их работы.

С Мусейоном связана деятельность Евклида (III в. до н.э.) — знаменитого математика, который подытожил достижения геометрии в книге «Начала», служившей основным учебником геометрии в течение более двух тысячелетий. В Александрии ряд лет жил и один из величайших ученых древности — Архимед, математик, физик и механик. Его изобретения послужили на пользу родному городу Архимеда Сиракузам при обороне от римлян.

В развитии астрономии велика была роль вавилонских ученых. Кидинну из Сипнара, живший на рубеже IV и III вв. до н.э. вычислил продолжительность года весьма близко к истинной и, как предполагают, составил таблицы видимых движений Луны и планет.

Астроном Аристарх с о-ва Самос (III в. до н.э.) высказал гениальную догадку о вращении Земли вокруг Солнца. Но он не мог доказать свою гипотезу ни с помощью расчетов, ни с помощью наблюдений. Большинство астрономов отвергли эту точку зрения, хотя вавилонский ученый Селевк Халдеянин и некоторые другие выступали в её защиту (II в. до н.э.).

Крупный вклад в развитие астрономии внес Гиппарх из Никеи (II в. до н.э.), используя вавилонские таблицы затмений. Хотя Гиппарх выступал против гелиоцентризма, его заслугой было уточнение календаря, расстояния Луны от Земли (близко к действительному); он подчеркивал, что масса Солнца во много раз больше земной. Гиппарх был также и географом, разработавшим понятия о долготе и широте.

Военные походы и торговые путешествия вызвали повышенный интерес к географии. Самым крупным географом эллинистического времени был Эратосфен из Кирены, работавший в Мусейоне. Он ввел в науку само слово «география». Эратосфен занимался вычислением длины окружности земного шара; он считал, что Европа-Азия-Африка — это остров в мировом океане. Он высказал предположение о возможном морском пути в Индию вокруг Африки.

Из других естественных наук следует отметить медицину, которая объединила в этот период достижения египетской и греческой медицины; науку о растениях (ботанику). Эта последняя обязала многим ученику Аристотеля Теофрасту, автору «Истории растений».

Эллинистическая наука при всех ее достижениях носила в основном умозрительный характер.

Гипотезы высказывались, но экспериментально не доказывались. Главным методом научного исследования были наблюдения; Гиппарх, выступая против теории Аристарха Самосского, призывал «охранять явления», т.е. исходить из непосредственных наблюдений. Логика, доставшаяся в наследство от классической философии, была главным инструментом построения выводов. Эти особенности приводили к тому, что появлялись различные фантастические теории, которые спокойно соседствовали с подлинно научными знаниями. Так, наряду с астрономией широко распространилась астрология — учение о влиянии звезд на жизнь человека, причем астрологией иногда занимались и серьезные ученые.

Науки об обществе были развиты слабо. В царских дворах не было возможности заниматься политическими теориями; в то же время бурные события, связанные с походами Александра и их последствиями, вызывали интерес к истории: люди стремились осмыслить настоящее через прошлое. Появляются описания истории отдельных стран (на греческом языке): жрец Манефол написал египетскую историю; его деление этой истории на периоды по царствам и по династиям до сих пор принято в исторической науке; вавилонский жрец и астроном Берос, работавший на о-ве Кос, создал труд по истории Вавилонии; Тимей написал сочинение, где рассказывается об истории Сицилии и Италии. Даже в сравнительно небольших центрах были свои историки: так, в III в. до н.э. в Херсонесе был принят декрет в честь Сириуса, написавшего историю Херсонеса. Однако успехи исторической науки были в целом количественные, а не качественные. Большинство исторических трудов носило описательный или нравоучительный характер.

Только крупнейший историк эллинистического времени Полибий (II в. до н.э.), развивая идеи Аристотеля о наилучших видах государственного устройства, создал циклическую теорию смены государственных форм: в условиях безвластия и хаоса люди выбирают себе вождя: возникает монархия; но постепенно монархия вырождается в тиранию и сменяется аристократическим правлением. Когда аристократы перестают заботиться об интересах народа, их власть сменяется демократией, которая в процессе развития опять приводит к хаосу, расстройству всей общественной жизни, и снова появляется необходимость в выборе вождя... Главную ценность истории Полибий (вслед за Фукидидом) видел в той пользе, которую изучение ее может принести политическим деятелям. Такой взгляд на историческую науку был типичен для эллинистического периода.

Появилась и новая для греков гуманитарная дисциплина — филология. Филологи занимались главным образом критикой текстов древних авторов (отделение подлинных сочинений от подложных, устранение ошибок) и комментированием их. Уже в ту эпоху существовал «гомеровский» вопрос: появилась теория «разделителей», которые считали «Илиаду» и «Одиссею») написанными разными авторами.

Технические достижения эллинистических государств проявились главным образом в военном деле и строительстве, т.е. в тех отраслях, в развитии которых были заинтересованы правители этих государств и на которые они тратили большие средства. Совершенствуется осадная техника — метательные орудия (катапульты и баллисты), которые бросали тяжелые камни на расстояние до 300 м. В катапультах использовались скрученные канаты из сухожилий животных. Но наиболее прочными считались канаты из женских волос: их обильно смазывали маслом и сплетали, что гарантировало хорошую упругость. Во время осад женщины часто отрезали свои волосы и отдавали их на нужды обороны родного города. Были созданы специальные осадные башни — гелеполы («берущие города»): высокие деревянные сооружения в форме усеченной пирамиды, поставленной на колеса. Гелепола подводилась (с помощью людей или животных) к стенам осажденного города; внутри нее находились воины и метательные орудия.

Прогресс осадной техники вызывал совершенствование оборонительных сооружений: стены становились выше и толще, в многоэтажных стенах делались бойницы для стрелков и метательных орудий. Необходимость возведения мощных стен повлияла на общее развитие строительной техники.

Крупнейшим техническим достижением того времени было строительство одного из «семи чудес света» — маяка, расположенного на о-ве Фарос (Остальные шесть чудес света: египетские пирамиды, «висячие сады» в Вавилоне, статуя Зевса работы Фидия в Олимпии, огромная статуя бога солнца Гелиоса, стоявшая у входа в порт Родоса («колосс родосский»). храм Артемиды в Эфесе, гробница Мавсола, правителя Карий IV в. до н. э. (Мавзолей).), у входа в александрийскую гавань. Он представлял собой трехъярусную башню высотой около 120 м. В верхнем этаже горел огонь, топливо для которого доставлялось по пологой винтовой лестнице (по ней могли взбираться ослы). Маяк служил также наблюдательным пунктом, в нем размещался гарнизон.

Некоторые усовершенствования можно наблюдать и в других отраслях производства, но в целом труд был слишком дешев, чтобы вызвать серьезные изменения в технике. Показательна в этом отношении судьба некоторых открытий. Крупный математик и механик Герон Александрийский использовал свойства пара: он создал прибор, состоявший из котла с водой и полого шара. Когда вода

подогревалась, пар по трубе поступал в шар и выходил из него по двум другим трубкам, заставляя шар вращаться. Герон создал и кукольный театр автоматов. Но и паровой шар, и автоматы остались только забавой; их изобретение не оказало влияния на развитие производства в эллинистическом мире.

Религия и философия.

В религиозных верованиях народностей Восточного Средиземноморья ясно отразились черты социальной психологии, о которых говорилось выше. В период эллинизма широкое распространение получили культы различных восточных божеств, объединение культов богов разных народов (синкретизм), магия, верования в богов-спасителей. С падением значения независимого полиса его культы перестали удовлетворять духовные потребности народных масс: греческие боги не были ни всемогущи, ни милосердны; им не было дела до страстей и бедствий человеческих. Философы и поэты пытались переосмыслить древние мифы, придать им нравственную ценность. Но философские построения оставались достоянием лишь образованных слоев общества. Восточные религии оказались более притягательными не только для основного населения эллинистических государств, но и для переселившихся туда греков. Во многих случаях, даже когда божества носили имена греческих богов, сам культ был совсем не греческим.

Интерес населения Восточного Средиземноморья к новым культам вызывался желанием найти богов наиболее могущественных и заручиться их покровительством.

С этим же была связана и множественность культов в эллинистических государствах. Эллинистические цари стремились объединить культы греческие и восточные, чтобы иметь идеологическую опору в разных слоях населения; кроме того, они поддерживали многие местные храмы и храмовые организации по политическим соображениям. Ярким примером создания синкретического культа является культ Сараписа в Египте, основанный Птолемеем I. Это божество объединяло черты Осириса, Алиса и греческих богов — Зевса, Аида, Асклепия.

Культ Сараписа и Иисиды (считавшейся его женой) распространился далеко за пределы Египта. Во многих странах почитались одно из древнейших малоазиатских божеств — Кибела (Великая мать), месопотамская богиня Нанай, иранская Анахита. В эллинистическое время начинается распространение культа иранского солнечного бога Митры, который особенно почитаемым станет в первые века нашей эры (Следует заметить, что митраизм, распространившийся в дальнейшем по Средиземноморью, кроме имени божества имел мало общего с культом индоиранского Митры; круг идей и мифов митраизма надо скорее искать в Малой Азии и соседних странах.).

Восточные культы в греческих городах часто появлялись сначала как неофициальные: алтари и святилища воздвигались отдельными лицами и товариществами. Затем полис особыми декретами делал общественными наиболее распространенные культы, жрецы их становились должностными лицами полиса. Из греческих, божеств в восточных областях наиболее популярны были Геракл, олицетворение физической силы и могущества (статуэтки, изображающие Геракла, найдены во многих городах, в том числе в Селевкии на Тигре), и Дионис, образ которого к этому времени значительно трансформировался. Главным содержанием мифа о Дионисе становятся рассказы о его смерти и воскрешении его Зевсом. Согласно учению почитателей Диониса — орфиков, Дионис сначала был рожден Персефоной под именем Загрея; Загрей погиб, растерзанный титанами. Затем Дионис воскрес уже под своим именем как сын Зевса и Семелы.

Период эллинизма был периодом оживления местных культов божеств-покровителей деревень.

Часто такое божество носило имя какого-либо из важнейших богов (Зевса, Аполлона, Артемиды) и локальный эпитет (по названию местности). Но и в сельских поселениях, как и в городах, встречаются посвящения сразу многим богам.

Характерно распространение веры в богов-спасителей, которые должны были избавить своих почитателей от смерти. Такими чертами наделялись прежде всего древние умирающие и воскресающие боги растительности — Осирис-Сарапис, Дионис, фригийский Аттис. Почитатели этих божеств верили, что путем особых обрядовых действий — мистерий, во время которых представлялись сцены смерти и воскресения бога, они сами становились сопричастны богу и тем самым обретали бессмертие. Так, во время празднований в честь Аттиса жрец провозглашал: «Утешьтесь, благочестивые, подобно тому как спасен бог, спасетесь и вы». Для культа Аттиса были характерны оргиастические обряды и самооскопление жрецов.

Эллинистические мистерии восходили к древним восточным празднествам и к более ранним греческим мистериям (в честь Деметры, Диониса). В III—I вв. до н.э. эти мистерии привлекали значительно большее, чем раньше, число почитателей, и в них усиливалась роль мистического учения о спасении (во всяком случае, о духовном спасении) путем приобщения к божеству.

Однако при всей своей распространенности мистерии объединяли только избранных; чтобы стать таким «избранным», нужно было пройти многочисленные испытания. Народные массы искали спасения в магии — различных заклинаниях, талисманах, вере в духов-демонов, которых можно было призвать на помощь. Посвящения демонам встречаются в эллинистических надписях рядом с посвящениями: богам. Специальные магические формулы должны были принести

излечение от болезни, успех в любви и т.п. Магия была тесно связана с астрологией: с помощью магии суеверные люди надеялись избежать влияния небесных светил на их судьбы.

Чисто эллинистическим религиозным верованием было почитание Тихе (Судьбы). Это почитание возникло в условиях, когда люди менее чем прежде могли быть уверены в завтрашнем дне. В период господства мифологического мышления люди по традиции, перешедшей от бесчисленных поколений, полагались на извечную «заданность» миропорядка и своего места в коллективе как его нераздельной части. Неизбежность событий, вызванных мифологическим миропорядком, не подлежала сомнению. Теперь же традиционные устои были повсеместно нарушены. Жизнь стала как никогда раньше неустойчивой, процессы возникновения и падения царств приняли масштабы, огромные по охвату территорий и человеческих масс, и к тому же казались случайными и непредвидимыми. Теперь произвол монархов, военный успех или поражение того или иного полководца определяли судьбу и населения: целых областей, и отдельного человека. Тихе была не просто олицетворением случайности, но и неизбежной необходимостью, понять которую было невозможно.

Определение места индивида в окружающем неустойчивом мире, восстановление чувства единства человека и космоса, своего рода моральное руководство поступками людей (взамен традиционного общинного руководства) стали важнейшими задачами эллинистической философии. Наиболее значительными философскими школами были школы эпикурейцев и стоиков; известное влияние имели также киники и скептики.

Эпикур (начало III в. до н.э.) был материалистом, продолжателем учения Демокрита. Он учил, что бесчисленное множество атомов двигается в бесконечной пустоте; он ввел понятие о весе атомов. В отличие от Демокрита Эпикур считал, что атомы произвольно отклоняются от своих путей и поэтому сталкиваются друг с другом. Атомистическая теория Эпикура опиралась на его общую этическую позицию: она исключала сверхъестественные силы; человек без вмешательства божественного провидения по собственной свободной воле может достичь счастья в жизни. Эпикур резко выступал против учения о предопределенности. Его идеалом был человек, свободный от страха смерти, смеющийся над судьбой, в которой «некоторые видят владычицу всего». Человек в силах достигнуть истинного счастья, которое, по Эпикуру, заключается в здоровье тела и безмятежности души.

Противники Эпикура обвиняли его в том, что он проповедует жизнь, полную удовольствий. Эпикур отвечал им, что понимает под удовольствием свободу от телесных страданий и душевных тревог. Свобода выбора, таким образом, проявилась у Эпикура в отказе от всякой деятельности, в уединении.

«Живи незаметно!» — таков был призыв Эпикура. Стронниками Эпикура явились представители образованной части общества, не желавшие принимать участие в бюрократизированной политической жизни эллинистических монархий. Основателем стоицизма — философии, развивавшейся затем в Риме, был философ Зенон (конец IV — начало III в. до н.э.), уроженец о-ва Кипр. Зенон учил в Афинах; его сторонники собирались в Пестром портике (по-гречески Стоа пойкиле, отсюда произошло и название школы). Стоики делили философию на физику, этику и логику. Их физика (т. е. представления о природе) была традиционной для греческой философии: весь мир для них состоял из четырех основных элементов — воздуха, огня, земли и воды, которыми движет разум — логос. Человек — часть природы и вместе с ней обладает способностью к разуму. Все явления определяются причинной связью: то, что представляется случайностью, на самом деле — результат неоткрытых причин. Боги тоже подвластны логосу или Судьбе. Зенону приписывается такое высказывание: «Судьба — это сила, которая приводит в движение материю... она не отличается от провидениям. Зенон называл Судьбу также природой. Можно думать, что стоиков оказали влияние восточные религиозно-философские учения: недаром с развитием стоической философии Судьба стала восприниматься стоиками как всемогущая, непознаваемая божественная сила. Некоторые стоики увлекались поздней ближневосточной астрологией (например, философ Посидоний). Философия стоицизма имела своих сторонников в разных странах Средиземноморья; так, учеником Зенона был карфагенянин Герилл.

Стоики в соответствии со своим учением о предопределении утверждали, что все люди равны перед Судьбой. Основная задача человека, по Зенону, — жить согласно природе, т.е. жить добродетельно. Ни здоровье, ни богатство не являются благами. Только добродетель (справедливость, мужество, умеренность, благоразумие) — благо. Мудрецы должны стремиться к апатии — освобождению от страстей (по-гречески патос, откуда рус. «пафос» — «страдание, страсть»). Стоики в отличие от эпикурейцев призывали к исполнению долга. Долгом они называли то, что внушается разумом, — почитание родителей, братьев, родины, уступки друзьям. Мудрец-стоик по велению разума должен отдать жизнь за родину или друзей, даже если он, подвергается жестоким испытаниям. Поскольку смерть — неизбежность, нельзя бояться ее или пытаться спастись. Философия стоиков получила большое распространение, так как она противопоставляла видимой неустроенности стройность и организованность мира, включала индивида, осознавшего свою отдельность (и испугавшегося этого сознания), в систему мировых связей. Но стоики не могли ответить на важнейший этический вопрос о сущности и причинах существования зла. Один из философов-стоиков, Хрисипп, даже высказывал мысль о «полезности зла» для существования добра.

В эллинистический период продолжала свое существование и школа киников (название происходит как от названия гимнасия в Афинах — «Кипосарг», где учил основатель этой школы Антисфен, так и от образа жизни киников — «подобных собакам»), возникшая в первой половине IV в. до н.э. Киники проповедовали необходимость полного освобождения от материальных благ, жизни согласно «природе» в прямом смысле слова. Они прославляли крайнюю бедность, отрицали рабство, традиционную религию, государство.

Наиболее известным философом-киником был уже упоминавшийся Диоген из Синоны, современник Александра Македонского, живший, по преданию, в пифосе (большом глиняном сосуде). Сохранилась легенда, согласно которой Александр Македонский пришел к Диогену и спросил, какие у него есть желания. II Диоген ответил царю: «Не заслоняй мне солнца». Многие киники в эллинистический период были бродячими нищими проповедниками. Учение киников выражало в примитивной форме протест индивида, потерявшего связь с обществом, против социальных контрастов этого общества. Противоречивость философских учений, невозможность дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопросы, мучившие людей, привели к возникновению ещё одной философской школы — скептической. Главой скептиков был Пиррон, живший на рубеже III и II вв. до н.э. Он резко критиковал другие школы и провозгласил принцип отказа от каких-либо безоговорочных утверждений (догм). Все философские системы, основанные на определенных теориях и утверждениях, скептики называли догматическими. Скептики говорили, что всякому положению можно противопоставить другое, равное ему; вследствие этого они считали необходимым вообще ничего не утверждать. Главная заслуга скептиков — в критике современных им философских теорий (в частности, они выступали против учения о предопределении).

Наряду с системами, созданными на основе древнегреческой философии, в эллинистический период создавались произведения, где продолжались и обобщались традиции древневосточного философствования. Замечательной книгой такого рода была книга «Экклесиаст» («Проповедующий в собрании»), одна из самых поздних книг, включенных в Библию. «Экклесиаст» был создан в Палестине в начале III в. до н.э., во времена господства Птолемея. Начинается он фразой, вошедшей в поговорку: «Суета сует, и нес суета». В этой книге в соответствии с общим духом эллинистической эпохи говорится о тщетности человеческих усилий к достижению счастья. Мироззрение автора «Экклесиаста» пессимистично и индивидуалистично:

Ибо участь сынам человека и участь скоту —
Одна и та же участь:
Как тому умирать, так умирать и этим,
И одно дыханье у всех, и не лучше ската — человек,
Ибо всё — тщета.
Перевод Дьяконова И.М.

В «Экклесиасте» говорится о боге, но это бог грозный, недоступный человеческому пониманию и равнодушный к людям. Такое представление о боге перекликается с представлением о неумолимой судьбе (и, возможно, первое повлияло на второе).

Своеобразную философскую притчу представляет собой и библейская «Книга Иова», созданная, по-видимому, в IV в. до н.э. (возможно, в Эдеме, к югу от Палестины?). В ней рассказывается о праведном Иове, на которого бог, чтобы испытать его, насыляет несчастья, В «Книге Иова» поставлен вопрос о взаимосвязи страданий человека и его вины, о разладе между отвлеченной доктриной и реальной жизнью, об ответственности человека за свои поступки. С горечью восклицает Иов обращаясь к богу: Что есть человек, что Ты отличил его, Занимаешь ли мысли Твои, Каждое утро вспоминаешь о нём, Испытуешь его каждый миг? Перевод Аверинцева С.С.

Ответ, который предлагается в «Книге Иова» на поставленные вопросы, сводится к тому, что бог посылает страдания не столько как наказание, сколько как средство очищения Души человека.

Эллинистические философские системы оказали значительное влияние на дальнейшее развитие философии в странах Восточного Средиземноморья, а также — через различные восточные учения и римский стоицизм — на христианство.

Литература.

Существенные изменения происходят в эллинистический период и в литературе (эллинистической литературой обычно называется грекоязычная литература III — I вв. до н.э.).

Появляются новые формы в поэзии и прозе, в то же время можно говорить об упадке драматургии и публицистики. Хотя театры теперь существуют во всех, даже в небольших, городах, уровень театрального искусства значительно ниже классического времени. Театр стал просто развлечением, лишенным глубоких общественных идей. Из постановок исчезает хор: даже трагедии великих поэтов прошлого ставились без хоровых партий. Главным жанром драматургии становится бытовая комедия и мелкие комические жанры, такие, как мимиямбы, пантомимы и др.

Самым крупным комедиографом, создателем типа новой комедии считается афинянин Менандр, живший на рубеже IV и III вв. до н.э. Он был другом Эпикура, и взгляды последнего оказали влияние на творчество Менандра. Сюжеты комедий Менандра основаны на различных недоразумениях и случайностях: родители находят своих подкинутых детей, братья—сестры и т. п. Главная заслуга Менандра —

в разработке характеров, в достоверности психологических переживаний персонажей. Полностью дошла до нас только одна его комедия — «Брюзга», найденная в Египте в 1958 г.

В «Брюзге» (другой перевод названия — «Ворчун») рассказывается о вечно раздраженном старике Кнемоне, от которого из-за его характера ушла жена. С ним осталась только дочь. В молодую девушку влюбился сын богатого соседа, но старик против замужества дочери. С Кнемоном произошел несчастный случай — он свалился в колодезь, откуда его вытащили его пасынок и возлюбленный дочери.

Кнемон, смягчившись, соглашается на брак, но не желает участвовать в общем празднестве, и его туда уносят... Интересны образы рабов в комедиях Менандра: он показывает самые разнообразные характеры — и глупых, и корыстных, и благородных рабов, в нравственном отношении стоящих выше своих господ.

Все комедии Менандра имеют счастливый конец: влюбленные соединяются, родители и дети обретают друг друга. Такие развязки были, конечно, редкостью в реальной жизни, но на сцене именно благодаря точности бытовых деталей и характеров оати создавали иллюзию достижимости счастья; это была своего рода «утопия», помогавшая зрителям не терять надежд в том суровом мире, в котором они жили. Творчество Менандра было широко использовано римскими комедиографами и через них оказало влияние на европейскую комедию нового времени.

Мимиямбы (до нас дошли «Мимиямбы» Геронда III в. до н.э.) — это небольшие бытовые сценки с несколькими действующими лицами. В одной такой сценке, например, показана мать, которая привела своего сына к учителю и просит его выпороть за лень.

В поэзии III — II вв. до н.э. боролись противоположные тенденции; с одной стороны, была сделана попытка, возродить героический эпос: Аполлоний Родосский (III в. до н.э.) написал большую поэму, посвященную мифу об аргонавтах — героях, добывших золотое руно («Аргонавтика»), с другой стороны, широкое распространение получает поэзия малых форм. Известен александрийский поэт Каллимах (родом из Кирены), создатель кратких стихотворений-эпиграмм, где он говорит о своих переживаниях, об отношении к друзьям, прославляет египетских владык. Иногда эпиграммы носили сатирический характер (отсюда более позднее значение этого слова). Каллимах также написал несколько поэм (например, поэму «Локон Береники», посвященную жене Птолемея III). Каллимах очень резко выступал против новой эпической поэзии и, в частности, против Аполлония Родосского.

Недовольство жизнью в больших городах (особенно жизнью в столицах с ее раболепством перед монархом) приводит в литературе к идеализации сельской жизни, близкой к природе. Поэт Феокрит,

живший в Александрии в III в. до н.э., создал особый поэтический жанр идиллий, где описывается безмятежная жизнь пастухов, рыбаков и т. п., приводятся их песни. Но, как и Каллимах, Феокрит прославлял эллинистических правителей — тирана Сиракуз Гиерона, Птолемея II, его жену, без этого было невозможно благополучное существование поэтов.

Острые социальные контрасты приводят к созданию в период эллинизма социальных утопий, которые, с одной стороны, испытывали на себе влияние политических трактатов философов классической Греции, а с другой — различных восточных сказаний. Примером может служить «Государство Солнца» Ямбула, изложение которого содержится у писателя I в. до н.э. Диодора. В этом произведении речь идет о путешествии на чудесные острова, посвященные богу Солнца.

На островах живут идеальные люди, отношения между которыми основаны на полном равенстве: у них общность жен и детей, они по очереди служат друг другу. Ямбул, от имени которого велось повествование, и его спутники не были приняты в это сообщество — они оказались неподходящими для такой жизни. Влияние на грекоязычную литературу литературы восточной, где сюжетная проза, судя по Библии, стала складываться в составе исторических повествований еще в первой половине I тысячелетия до н.э., сказалось в период эллинизма и в том, что начинают создаваться прозаические повести и романы.

Прозаические повести псевдоисторического и нравоучительного жанров, датируемые IV—II вв. до н.э., были включены в состав Библии; это книги «Иона», «Руфь», «Эсфирь», «Юдифь», «Товит» и отрывок «Сусанна и старцы» — три последние сохранились только в греческом переводе; одновременно занимательные прозаические псевдоисторические повести — цикл о Петубастисе — создавались и в Египте.

Ряд сюжетов романов был также взят из истории восточных государств: ко II в. до н.э. относится отрывок из романа «Сон Пектанеба»; в I в. до н.э. был написан роман о Нине и Семирамиде, владыках Ассирии.

Однако жанр греческого романа получил развитие уже в эпоху римского господства.

В ближневосточной литературе получают широкое распространение сборники нравоучительных афоризмов, служивших наставлениями для практической жизни (переработки «Повести об Ахикаре», «Книга Иисуса сына Сирахова» и др.)

Искусство.

Искусство эллинизма чрезвычайно сложно и многообразно, поэтому в данном параграфе будут отмечены лишь его основные тенденции и их специфическое выражение на территории того или иного эллинистического государства. Наиболее значительным было Птолемеевское царство в Египте.

Эллинистические монархи, основные заказчики произведений искусства, считали себя потомками и наследниками фараонов. Гигантомания, стремление к никем не оспоримой славе выявились здесь, например, в создании Фarosа Александрийского. В то же время строительство этого маяка свидетельствовало о новом этапе инженерно-строительного мастерства, о применении и развитии наук. Все большее значение приобретает искусство портрета, стремление увековечить правителя или видного деятеля, передать и портретные черты его. и величие. Наряду с монументальными бронзовыми статуями портрет становится сюжетом глиптики. Ярчайший пример александрийской глиптики — каменная Гонзага (Эрмитаж) выявляет характерные черты этого придворного искусства, не чуждого классицизма в передаче натуры и в то же время ставившего перед собой ясную задачу прославления властелина. Это сказалось и в выборе размера каменной (крупнейшая эллинистическая каменная), и в передаче аксессуаров, и в стремлении придать Птолемею черты идеального человека, равного божеству.

Интерес к человеческой личности вызвал расцвет портретной живописи, лишь отдаленные отблески которой мы видим в дошедших от более позднего времени фаюмских портретах (Эти портреты, изображавшие покойного (часто весьма реалистически), прибинтовывались в римское время к мумиям умерших. Они продолжали традиции древнеегипетского, греческого и римского искусства.).

Высокого развития достигают также прикладные искусства, особенно торевтика (изделия из металла). Исследователи связывают многие шедевры её с Александрией.

Для эллинистических государств было характерно развитие градостроительного искусства и архитектуры. Создаются новые города, перепланируются старые, и них создается прямоугольная сеть улиц. Резкое имущественное расслоение приводит к появлению богатых особняков; часто такие особняки строятся в пригородах, окружаются садами и парками, украшенными скульптурами: зажиточные люди, все больше и больше теряющие чувство гражданской солидарности, стремятся уйти от городской тесноты. В эллинистический период особенно широко стали использоваться мозаичные покрытия внутренних двориков, полов в парадных помещениях (как частных, так и общественных). Стены зданий часто украшали росписями, имитирующими облицовку цветным камнем, но

нередко встречались и сюжетные росписи. Не случайно именно в это время зарождается, по существу, совершенно новый жанр в античной литературе — описание картин. И хотя большинство самих картин не сохранилось, мы знаем о них по описаниям; этот жанр нашел свое блестящее завершение в творчестве Филострата. Мозаики же, найденные на Делосе, в Пергаме, даже в Херсонесе Таврическом, сохранили нам блестящие образцы искусства «вечной живописи», получившей позже, в период Римской империи, широчайшее распространение.

Своего рода реакцией на идеализирующее, придворное искусство явились статуэтки, изображавшие простых людей (главным образом из терракоты—обожженной глины). При изображении детей, городских и сельских жителей заметны реалистические элементы, граничащие с натурализмом: здесь и безобразные старики, и педагог с ребенком, как будто вышедшие из «Мимиямбов» Геронда, и озорные мальчишки. Натурализм сказывается и в изображении представителей различных профессий, и в передаче этнических особенностей негров, нубийцев. В монументальной скульптуре заметна акцентировка внутреннего состояния человека, страдающего от боли, от кары богов и т.д. Таков знаменитый «Лаокоон», созданный родосскими мастерами Агесандром, Полндором и Афинодором.

Трактовка мускулатуры граничит с анатомическим этюдом, а трактовка искаженных страданием лиц, несомненно, натуралистична. Обращает внимание чрезмерная усложненность силуэта группы, мешающая охватить весь замысел творцов. «Лаокоон» явился одним из произведений, олицетворявших последние этапы, закат эллинистического искусства в I в. до н.э.

Среди эллинистических художественных школ следует отметить еще одну значительную — пергамскую. Архитектура Пергама поражает особой монументальностью — отчасти благодаря удачному расположению самого города в гористой местности. Театр Пергама — один из крупнейших среди античных театров. Именно в этом городе как своеобразный символ победы могущественных пергамских царей над галатами был сооружен прославленный Пергамский алтарь Зевса, изображающий борьбу олимпийских богов с мифическими гигантами. Большой фриз (120 м) огромного Пергамского алтаря, сооруженного на вершине горы, над монументальной мраморной лестницей, представляет собой итог развития греческого искусства, воплотившийся в этой многофигурной горельефной ленте. Удивительны мастерство композиции, отсутствие повторяющихся групп, полная свобода в размещении человека в пространстве, реалистическая передача лиц, фигур, бурного движения.

Если создатели пергамского фриза ориентировались на творчество Скопаса, то существовало и другое направление, черпавшее вдохновение в изящных произведениях Праксителя. К произведениям этого направления принадлежат Венера Милосская, терракотовые

статуэтки стройных, грациозных дам, искусно задрапированных в плащи, то гуляющих, то сидящих, то играющих на музыкальных инструментах или в любимые игры.

Со II в. до н.э. культурные силы концентрируются в Риме, и римское искусство, впитывая достижения предшествующей поры, знаменует новый взлет, последний этап в развитии античного искусства.

Раздел написан Горбуновой К.С.

Литература:

Свенцицкая И.С. Эллинистическая культура./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.367-383

Лекция 20: Общественные и религиозные течения в Палестине во II в. до н.э. - I в. н.э. Кумранская община.

Общие замечания.

В условиях создания «мировых» империй старая идеология общинных культов, строившихся только на мифологическом и магическом обряде, на ритуальных табу и «кормлении» человекоподобных божеств жертвами, была обречена: образованная элита в столь примитивные культы не верила, народным массам они не приносили утешения. В предыдущей лекции мы уже говорили о том, что для эллинистического времени были характерны религиозные поиски — поиски новых богов-спасителей (материалистическое объяснение мира в те эпохи могло быть только наивным, да и доступно оно было пониманию лишь немногих просвещенных людей). Ощущалась потребность в таких учениях, которые обращались бы прежде всего к этическим ценностям, были эмоциональны (потому что объяснить жестокость мира и общества рационально было невозможно) и универсальны (чтобы разорвать тесные рамки общинных связей и представлений, отгораживавших человека от человека).

В ряде религиозных течений Восточного Средиземноморья на рубеже нашей эры можно увидеть стремления к созданию новых религиозных и нравственных ценностей. Разные течения боролись друг с другом; в этой борьбе формировались идеи и этические нормы, которые затем впитала в себя нарождающаяся «мировая» религия — христианство.

Значительный интерес для выявления этих идей, а также конкретно-исторических истоков христианства представляет история религиозных течений в Палестине, и прежде всего той сравнительно небольшой общины на пустынных берегах Мертвого моря, о существовании которой ученые узнали только в конце 40-х годов нашего века.

Раздел написан редколлекцией.

Общественные течения в Палестине во II в. до н.э. - I в. н.э.

Во второй половине II в. до н.э. выкристаллизовались три общественно-политических и религиозно-философских течения; саддукеев, фарисеев и ессеев. Помимо них в рассматриваемый период возникало множество других направлений и сект, но о них нам мало известно, о некоторых — только их названия. Саддукеи объединяли в своих рядах членов знатных священнических родов, возводивших свою родословную к роду первосвященника Цадока (в греческой передаче — Саддук), а также представителей воеппой и землевладельческой аристократии. По словам Иосифа Флавия, писателя, пытавшегося в конце I в. н.э. изложить для греко-римского читателя всю историю еврейского народа и иудейского вероучения (В этом он примыкал к таким восточным писателям эпохи эллинизма, как Берос, написавший в III в. до н. э. по-гречески историю Вавилонии, и Манефин, еще несколько раньше написавший по-гречески историю Египта. Большой интерес раннехристианского читателя к истории Палестины, чем Египта и Вавилонии, позволил произведениям Иосифа сохраниться до нашего времени, в то время как сочинения Бероса и Манефона дошли лишь в пересказах.), «за саддукеями следовали лишь зажиточные люди, народную массу они не могли привлечь на свою сторону». Это течение, но-видимому, со времени правления Гиркана I (135 — 104 гг. до н.э.) и стало социально-политической опорой хасмонеи династии. Саддукеи скрупулезно придерживались храмового культа и настаивали на строгом соблюдении только «писанных» законов «Пятикнижия», отрицая «предание», или «устное учение». Саддукеи стремились к совмещению в руках высшего священства и знати всей светской и духовной власти. Всякая попытка нового истолкования «Закона» рассматривалась как посягательство на монопольные права священнического сословия. В своем философско-теологическом учении саддукеи отвергали предопределение судеб, отрицали посмертное существование души, воскресение мертвых (Вопрос о воскресении мертвых был постоянным предметом спора между саддукеями, с одной стороны, и фарисеями и христианами — с другой. Все они ссылались на ветхозаветные тексты.) и наказание грешников в потустороннем мире.

По мнению саддукеев, бог не вмешивается в действия и поступки индивида, которому предоставлена полная свобода воли. Формальная

приверженность к «Закону» не препятствовала саддукеям приобщаться к эллинистической культуре.

После разрушения Иерусалимского храма в 70 г. н.э. саддукеи вскоре сошли с исторической арены.

Подлинными создателями нормативного иудаизма были фарисеи, в какой мере они были связаны с хасидеями, партизанами и борцами против Селевкидов, о которых рассказывается в книгах Маккавеев, неясно; противоречивы также сведения об их социальном составе, политических воззрениях и политической программе. Неясным является и происхождение самого термина «фарисеи» (По-видимому, слово это означает «отделившиеся» и первоначально имело характер осуждающий. Сами фарисеи чаще называли себя хиверим — «сотоварищами»). Флавий ничего не сообщает о социальном составе фарисейских общин, или «сотовариществ», за исключением того, что они вели простой, воздержанный образ жизни, отказываясь от дорогостоящей нищи и всякой изнеженности, и что за ними шел простой народ (Так, Флавий пишет: «Фарисеи пользуются таким влиянием в народе, что им верят даже тогда, когда они говорят против царя или первосвященника»). Фарисейские «сотоварищества» были организациями со строго регламентированным порядком приема членов и их образа жизни. Судя по талмудическим данным, социальный состав фарисейских общин был весьма пестрым. Среди видных фарисеев можно встретить людей, находившихся на низшей ступени социальной лестницы, например поденщиков, угольщиков, льночесальщиков, пастухов, по также и представителей социальной верхушки, например крупных землевладельцев, судовладельцев и т.д., в частности богача Гамалиэла, учителя будущего апостола Павла.

Однако основную массу фарисеев составляли, по-видимому, средние слои — квалифицированные ремесленники, торговцы, средние землевладельцы, средние и мелкие чиновники и, конечно, прежде всего «ученые, мудрецы», профессиональные законоведы. Именно они образовали ведущую элиту фарисейских общин. Число их было значительным. Согласно Флавию, более 6 тыс. фарисеев отказались при Ироде принести присягу императору Октавиану Августу.

Несколько тысяч фарисеев приняли участие в массовом народном восстании против царя Александра Янняя в 80-х годах I в. до н.э. Фарисеи, по словам Флавия, считались авторитетными истолкователями законов в отличие от саддукеев, признававших лишь «писанный Закон», закон Моисея, и отвергавших так называемое устное учение, возникшее после фиксации «Закона» реформатором Эзрой (V в. до н.э.). В основе «устного учения» фарисеев лежало специфическое истолкование законов «Пятикнижия» применительно к новым общественно-экономическим условиям. Отсюда та роль, которую фарисеи играли в жизни общества.

Фарисеи выработали и совершенствовали стройную систему герменевтики (т.е. способов извлечения из текста некоего тайного смысла.) и логические приемы дедукций и силлогизмов (Некоторые исследователи (У. Олбрайт и др.) полагают, что при выработке своей герменевтической системы фарисеи адаптировали греческую диалектику и опирались в большей мере на филологические методы эллинистических комментаторов, чем на иудейскую традицию.), при помощи которых из «Пятикнижия» «выводились» новые законы, вызванные потребностями жизни, и видоизменялись законы, ставший анахронистичными и противоречащими новым экономическим и общественным условиям. Например, древний закон о прощении долгов каждый седьмой год приводил к тому, что, чем ближе к сроку семилетия, тем неохотнее давали беднякам в кредит. Фарисей Гиллель (сам из бедняков) установил юридическую процедуру, разрешавшую судьям давать документ, освобождающий от правила невзыскания долгов после установленного срока.

Суровый закон талиона («око за око») был так истолкован, что в ряде случаев мог быть заменён штрафом. Из нововведений фарисеев известны, например, такие, как обязательное школьное обучение детей и фиксация в брачном договоре права жены на часть доходов мужа.

В отличие от саддукеев фарисеи признавали божественное предопределение, но считали, что свободно избираемые человеком как добрые, так и дурные поступки находятся в полном соответствии с судьбой и предопределением. Фарисеи верили в бессмертие души, в воскресение мертвых и загробное воздаяние за добрые и злые дела, совершенные в земной жизни. Эти стороны учения фарисеев, как и их ангсология и демонология, оказали большое влияние на христианство.

Фарисеи достаточно деятельно участвовали в политической жизни. Уже при Гиркане I фарисеи перешли в оппозицию к режиму Хасмотгеев. При Александре Яннае (103—76 гг. до н.э.), опиравшемся на саддукеев, фарисеи возглавили массовые народные восстания, причем на помощь себе пригласили не кого иного, как селевкидского царя Деметрия III. В период правления вдовы Янная фарисеи, по существу, захватили всю полноту власти во внутренней жизни страны.

В период гражданской войны между Гирканом II и Аристокбулом II фарисеи активно поддерживали первого. При правлении Ирола I (37 — 4 гг. до н.э.), как уже упоминалось, более 6 тыс. фарисеев отказались присягать Августу и Ироду, за что были наказаны штрафом, а наиболее активные из них были казнены. Правда, часть фарисеев, напротив, призывала сограждан подчиниться режиму Ирода. Позиция фарисеев в период антиримской войны 66 — 73 гг. н.э. была во многом противоречива. Подхватываемые волной всенародного возмущения бесчинствами римских властей, фарисеи оказывались иногда на гребне движения и одно время даже

возглавляли восстание в Иерусалиме против прокуратора Гссия Флора. Однако по большей части фарисеи принадлежали к так называемым умеренным, или «партии мира» с Римом.

В пределах течения фарисеев было много враждующих школ, например либеральная школа Гиллеля и весьма ригористичная школа Шаммая. В талмудической литературе встречаются выражение «бедствие (или «бич») фарисейский» и указание на Фарисеев лицемерно-ханжеских, фигурирующих под названием цевуим, т.е. «крашенные». Именно против таких лицемеров и ханжей в первую очередь направлены многочисленные резкие высказывания о фарисеях в новозаветной литературе. Наивысший расцвет течения фарисеев падает на период после 70 г. н.э., после разрушения храма и разгрома восстания. В Ямнии были с разрешения властей открыты Академия фарисейских законоучителей и Синедрион (Синедрион — совет иудейских законоучителей, обладавший известными судебными административными правами.); последний во главе с этнархом (наси) стал религиозным и административным центром палестинских иудеев. Возможно, что в качестве образца была взята иудейская община в парфянской Нави л опии во главе с ненаследственным давидидом — эксилархом (реш-галута). Наибольшим влиянием в Академии и Синедрионе стали пользоваться гиллслиты, в то время как влияние шаммаитов постепенно сошло на нет (В результате активной комментаторской и законодательной деятельности фарисеев, развития ими «устного учения» был создан обширный свод законов — «Мишна» (первая и основная часть Талмуда), всесторонне регламентирующий хозяйственные, социальные, юридические и религиозные стороны общественной и частной жизни (I—начало III в. н.э.).).

Третьим общественно-религиозным течением были ессеи (Может быть, из арамейского хасайя — «благочестивые», но есть и другие толкования.). Генетически ессеев связывают с движением «благочестивых» — хасидеев предмаккавейской поры и периода маккавейских войн, однако надежных данных об этом пока нет (Выдвигается также предположение, что ядро ессеев составляли переселенцы из Вавилонии.). Во второй половине II в. до н.э. они, во всяком случае, уже существовали. Флавий впервые упоминает их в связи с событиями 145 г. до н. э. Сведения о ессеях сохранились в сочинениях античных авторов, которые рисуют обобщенную картину главным образом социального строя и внутренней организации ессеиских общин в том виде, в каком они лично наблюдали их и слышали о них в I в. н. э. Истории ессеиского движения указанные авторы совсем не касаются и только мельком останавливаются на отдельных сторонах идеологических воззрений ессеев.

Численность ессеев Филоп и Флавий определяют в 4 тыс. человек, расселенных в различных местах.

Плитий Старший и ритор Дион Хрисостом (I — II вв. н.э.) локализуют ессейские поселения в районе западного побережья Мертвого моря.

Общими в описании названных авторов являются следующие принципы социальной организации ессеев. Отвергая частную собственность, рабство, торговлю, ессеи объединялись в общины, в которых господствовал принцип общей собственности, совместного труда и коллективного быта. Занимались они земледелием, скотоводством, пчеловодством, ремеслом, но не связанным с изготовлением военного оружия и снаряжения. По словам Филона Александрийского (I в. до н.э.), «у них вы не найдете ремесленника, изготавливающего луки, стрелы, кинжалы, шлемы, панцири, щиты, и вообще никого, делающего оружие, орудие или что бы то ни было, служащее для войны». Занятие отхожим промыслом предусматривало внесение всего заработка в общую кассу.

«Свидетельством свободы,— пишет Филон,— является их (т.е. ессеев) образ жизни. Никто из них не имеет ничего собственного: ни дома, ни раба, ни земельного участка, ни скота, ни других предметов и обстановки богатства. Все внося в общий фонд, они сообща пользуются доходами всех. Живут они вместе, создавая товарищества... и все время проводят в работе на общую пользу. Усердно трудясь, они смело соревнуются, не выставляя в качестве предлога ни жару, ни холод, ни какие бы то ни было изменения погоды. За привычную работу они принимаются еще до восхода солнца, а оставляют со только после заката, сохраняя при этом здоровье не меньше тех, кто участвует в гимнастических состязаниях...

Ежедневно питаясь вместе за общим столом, они радуются одному и тому же, будучи сторонниками малых потребностей и отвергая расточительность как болезнь тела и души. Общим у них является не только стол, но и одежда... И если кто-нибудь из них заболевает, то его лечат из общих средств и все помогают ему заботами и вниманием. Старики же, если они окажутся без детей, обычно завершают жизнь не только как многодетные, но как имеющие очень хороших детей... Отлично видя, что брак — единственное, что может в большей мере разрушить их общность, они отказались от него и вместо с тем прекрасно соблюдают воздержание...» В другом месте Филон говорит об отношении ессеев к торговле и рабству: «Нет у них и тех мирных занятий, которые легко ведут ко злу: так, они даже во сне не знают ни крупной, ни мелкой, ни морской торговли, ибо отклоняют от себя побуждения к корыстолюбию... У них нет ни одного раба, по все они свободны, взаимно оказывая друг другу услуги. Они осуждают господ, владеющих рабами, не только как людей несправедливых, оскверняющих равенство, но и как нечестивцев, нарушающих закон и установления природы, которая, подобно матери, всех породив и выкормив равным образом, сделала людей законными братьями не только по названию, но и в действительности...»

Более подробно, нежели Филон, сообщает о внутренней жизни есеевских общин Флавий — порядок приема новых членов и их испытания, выбора должностных лиц общины, распорядок дня общинников, некоторые их обряды и в первую очередь обязательное омовение холодной водой, изучение и комментирование в нерабочее время священных книг, административные наказания за проступки членов общины и др. Флавий рассказывает о мужественном поведении ессеев во время войны с римлянами, когда они подвергались страшным пыткам, но не изменяли своим убеждениям. Говоря об идеологических воззрениях ессеев, Флавий сближает их с пифагорейскими учениями. Флавий сообщает также о существовании двух ветвей есеевства, одна из которых признает брак в интересах продолжения человеческого рода. Филон отмечает наличие есеевских общин и за пределами Палестины. В частности, в специальном трактате «О созерцательной жизни» Филон изображает общину терапевтов в Египте, имеющую ряд сходных черт с палестинскими ессеями.

Даже отрывочные сведения, сохранившиеся в трудах античных авторов, рисуют весьма примечательную картину. Возвеличение физического труда, признание его обязательным для всех членов добровольно созданного коллектива, отказ от частной собственности и торговли, полная коллективность быта, резкое осуждение рабства как социального института, противоречащего естественному равенству людей, осуждение воин — программа необычная для того времени и несомненно представляющая собою одну из ярких страниц в истории социальных учений. Не случаен поэтому тот интерес, который проявляли к учению и образу жизни ессеев социальные реформаторы и утописты вплоть до XIX в.

Помимо трех перечисленных религиозно-философских и политических направлений Флавий называет ещё одно, наиболее политически радикальное течение. В него входили zeloty и sikarii. Это были возникшие в конце I в. до н.э.— начале I в. н.э. организованные религиозно-политические и террористические группы. Слово zeloty означает «ревнители». Согласно Флавию, основателями этого течения были Иуда Галилеянин (сын Хизкии, казненного Иродом вождя мятежников) и фарисей Цадок, «которые основали четвертую философскую школу и, собрав вокруг себя большое количество приверженцев, не только ввергли государство в смуты, но своей философией, о которой раньше никто не слышал, посеяли семена будущих бедствий».

Отличие zeloty от фарисеев обнаруживается главным образом в их политической программе, выражавшей интересы средних и низших слоев населения. Zeloty были радикальной в социальной области, патриотической и резко антиримской группировкой или, вернее, группировками. Антиримская направленность zelotizma прямо вытекает из «философии» Иуды Галилеянина, который возвел любовь к свободе до уровня религиозного догмата. Согласно этому учению, в

передаче Флавия, в мире есть только один владыка — бог — и подчиняться кому-либо другому недопустимо. Отсюда вытекает не только отрицание военно-политического господства Рима и культа императора, но и конкретнополитический вывод о недопустимости уплаты налогов римлянам. Не случайно выступление и гибель Иуды Галилеянина связаны с первым мероприятием Рима после превращения Иудеи в императорскую провинцию — налоговой переписью, проведенной в 7 г. н.э. Квиринием, римским наместником в Сирии. Иуда Галилеянин и Цадок призывали народ противиться переписи, ибо она означает признание своего рабства, к которому неизбежно ведет уплата налогов Риму.

В новозаветной литературе сохранились также прямые отголоски движения Иуды Галилеянина. Борьбу Иуды Галилеянина продолжали его сыновья, которые были казнены римскими властями.

Другим радикальным и революционным течением, о котором повествует Флавий, были сикарии (от лат. *sica* — «кинжал»). Название возникло от того, что приверженцы этого течения носили под плащами кинжалы, которыми поражали ненавистных римлян, а также знатных и богатых проримскя настроенных иудеев. В частности, согласно Флавию, первой их жертвой пал первосвященник Йонатан. Скорее всего, прозвище «сикарии» им было дано римлянами. Флавий кратко говорит; «те, кого называют сикариями, являются разбойниками». Как известно, такую кличку нередко в истории господствующие классы давали революционерам из низов.

По-видимому, сикарии, настроенные более антиримски, чем zeloty, представляли интересы самых обездоленных социальных низов.

Они тоже, несомненно, не были единой партией в современном смысле слова. В движение сикариев входили группы под руководством разных вождей, часто ожесточенно боровшихся не только с zeloty, но и между собой. Наиболее характерной особенностью сикариев является то, что острие кинжалов они направляли против собственных, иудейских богачей и угнетателей. Флавий рассказывает, что однажды, в день праздника, проникнув вместе с массой богомольцев в цитадель, сикарии сожгли там дом первосвященника и дворцы правителей. «Затем,— продолжает Флавий,— сикарии перенесли огопь в городской архив, чтобы как можно быстрее уничтожить долговые документы и сделать невозможным взыскание долговых сумм по обязательствам.

Этим они привлекли на свою сторону большое количество должников и подстрекали бедных против богатых».

О группе Симона бар Гиоры, героя антиримской войны 66 — 70 гг., Флавий сообщает, что он привлек на свою сторону множество недовольных и обратился к грабежам. При этом он не только грабил дома богатых, но и физически расправлялся с теми, кого считал

своими врагами. В другом месте Флавий пишет, что Симон бар Гиора «провозгласил свободу рабам, свободным обещал награду и таким образом собрал вокруг себя всяких дурных людей из всей области... Его войско,— продолжает Флавий,— состояло теперь не только из рабов и разбойников, но немало там было граждан, которые подчинились ему как царю».

Итак, сожжение долговых обязательств, изъятие имущества у богатых и физическое их преследование, освобождение рабов на волю, призывы к отказу от уплаты податей Риму, непримиримая борьба с римским владычеством и проримски настроенными гражданами — вот характерные черты социально-политической программы сикариев и зелотов.

Кумранская община.

В 1947 г. стало известно о случайной находке юношей-бедуином в одной из пещер района Кумрана на северо-западном побережье Мертвого моря рукописей на коже на еврейском и арамейском языках. По месту нахождения этих рукописей они получили название «кумранских». В последовавшей за этим «цепной реакции» новых открытий, продолжающихся по сию пору, только в районе Кумрана были обнаружены около 40 тыс. фрагментов различной величины (до мелких и мельчайших клочков) — остатки примерно 600 книг — и памятники материальной культуры владельцев этих рукописей.

Большая часть найденных рукописных фрагментов еще не издана, поэтому время для окончательных выводов не наступило.

По палеографическим данным, большая часть кумранских рукописей датируется периодом между второй половиной II в. до н.э. и Иудейской войной с Римом 66—73 гг. н.э. По своему содержанию кумранские рукописи делятся на три основные группы: библейские рукописи, апокрифические произведения и, наконец, собственные произведения общины, условно называемой кумранской (Кумран — не единственный район подобных находок. В 1963—1965 гг. при раскопках крепости Масады в юго-западной части побережья Мертвого моря помимо огромного множества памятников материальной культуры было найдено несколько фрагментов библейских рукописей и апокрифических произведений, в том числе значительные по своему объему и научной ценности отрывки «Книги Премудростей» Бен-Сиры, рукописи кумранского происхождения и 759 хозяйственных документов, написанных на черепках (остраках). Кроме того, были найдены фрагменты документов на греческом и латинском языках. Раскопки подтвердили известие Флавия о том, что весной 73 г. н.э., после длительной римской осады, повстанцы-сикарии подожгли крепость, а сами покончили с собой; окончательно она была разрушена римлянами. Таким образом, документы из Масады освещают эпилог Иудейского восстания 66—73 гг. н.э. находка в Масаде фрагментов рукописей кумранского происхождения и точно

известная дата разрушения и гибели крепости придают документам из Масады важное датирующее значение для кумранских рукописей. Эти находки ставят также сложный вопрос об отношениях между кумранитами и сикариялш. В пещерах Вади-Мурабба'ат и других районов пустынного западного побережья Мертвого моря на протяжении 1951—1961 гг. обнаружены следы скрывавшихся там во II в. н.э. последних участников Второй Иудейской войны — повстанцев Вар-Кохбы. Здесь помимо скелетов и памятников материальной культуры обнаружены письменные памятники на шести языках: еврейском, арамейском, греческом, латинском, иабатейском и арабском. В Вади-Мурабба'ат, Нахал-Хэвер и др. помимо библейских и прочих литературных текстов оказались также датированные хозяйственные, юридические, административные документы, и среди них несколько подлинных писем самого Бар-Кохбы.).

Сейчас уже раскопан центральный кумранский комплекс сооружений — Хярбет-Кумран; другой, находившийся неподалеку от него комплекс строений, где, по-видимому, было сосредоточено сельскохозяйственное производство; а в 15 км отсюда — ещё одно поселение кумрапского типа. Комплексы построек были разделены дворами. В Хирбет-Кумране внутри дворов находились семь больших каменных водоомов-цистерн, сообщавшихся с разветвленной системой акведука, а также гончарные мастерские, прачечная, красильня и др.

Основное строение состояло из ряда помещений, самое большое из которых (22 X 4,5 м) было, вероятнее всего, местом собраний общины и в то же время трапезной. К этому помещению примыкала небольшая посудная. Другие помещения служили, по-видимому, писцовой и комнатой для совещаний Совета общины. Имелись кладовые, ямы-зернохранилища, мельницы, хлебопекарня, обширная кухня. Анализ всей структуры археологического комплекса приводит к выводу, что это был центр совместного труда и потребления при общей кассе (все монетные клады обнаружены в центральном строении, и ни одна монета не была найдена в местах обитания членов общины). Члены общины проживали в окрестных пещерах, под тентами у входов в пещеры и, по-видимому, также в шатрах.

Поселение просуществовало с 40-х годов II в. до н.э. до 68 г. н.э., когда было разрушено римским легионом (археологические находки в этом отношении полностью совпадают с сообщением Флавия). Найденная в трех археологических комплексах керамика идентична той, что обнаружена в пещерах с рукописями. Установлено также сходство надписей на сосудах из Хирбет-Кумрана с начертанием знаков в рукописях из пещер. Таким образом, здания одновременны находкам в пещерах.

Совокупность всех данных заставляет считать кумранитов ессекми. Одним из решающих доводов в пользу этого сближения является точное совпадение данной Плинием Старшим и Дионом Хрисостомом географической локализации ессеев и фактического местонахождения

поселений кумранской общины. Рукописи показывают, что их создатели и владельцы действительно предприняли в уединении пустыни поразительную для своего времени попытку осуществления смелой социальной утопии — организацию коллективистского строя жизни.

Основными признаками социальной организации общины, отраженной в кумранском «Уставе», являлись общность имущества, обязательный совместный труд и коллективный быт. Так, в «Уставе» говорится: «Все те, кто добровольно изъявляет готовность придерживаться истины Бога, должны принести в общину Бога все свое знание, всю свою силу и все свое имущество». Из общности имущества и обязательности совместного труда закономерно вытекали также совместные трапезы.

Условия отбора и приема новых членов были весьма строгими. О социально-имущественном положении будущих членов общины нам ничего не известно. Римский писатель Плиний Старший в весьма общей форме замечает: «Изо дня в день число их увеличивается благодаря появлению толпы утомленных жизнью пришельцев, которых волны фортуны влекут к обычаям ессеев». Каждый вновь вступающий в кумранскую общину подвергался проверке его внутреннего совершенства и преданности основам есеевского учения, затем проходил двухлетний испытательный срок, во время которого его имущество ещё «не смешивалось» с имуществом общины, лишь после всесторонней проверки новички решением собрания общины зачислялись в полноправные ее члены, их имущество поступало в распоряжение общины, а сами они начинали принимать активное участие в её жизни.

«Уставом» предусматривается строгая субординация во всех вопросах труда и имущества: «Пусть младший слушается старшего относительно труда и денег».

Должностное лицо, ведающее трудом членов общины, названо в тексте «надзирателем (меваккер)» (В раннехристианских общинах аналогичное должностное лицо называлось синонимичным греческим термином — епископос (букв, «надзиратель».) над работой» полноправных членов общины. Подобная универсальная коллективность была, однако, характерна не для всех общин кумранского толка. В другом важнейшем кумранском тексте, «Дамасском документе», характер социальных отношений выглядит совсем по-иному. В нем в отличие от «Устава» отчетливо выступают черты индивидуального хозяйства и частной собственности («свое поле», «свой ток», «своя давальня», «собственный скот» и т. д.). Как нам представляется, «Дамасский документ» не мог быть составлен применительно к условиям жизни в кумранской общине. Он находится в противоречии как с природными условиями Кумрана, так и с характером и структурой кумранских археологических памятников. Как было уже сказано, палестинские ессеи в описании Филопа

принципиально отрицали рабство и торговлю. Такой же была и позиция общины египетских терапевтов. В кумранском «Уставе») о рабстве и об отношении к нему ничего не говорится, но в социальной организации общины «Устава» для рабства и места не было. Между тем в общине «Дамасского документа», члены которого вели частное хозяйство и владели частной собственностью, засвидетельствованы также рабовладение и занятие торговлей. Надо полагать, что кумранская община была своего рода центром ессеяского движения и наряду с пей существовали общины, различавшиеся по своей социальной организации.

Высшим органом управления всеми делами кумрапской общины, как явствует из «Устава», было общее собрание её членов, на котором избирались общинные должностные лица. «Устав» упоминает также «Совет общины», состоящий на «двенадцати человек и (или: в том числе) трех священников». Общее собрание занималось также судебными делами.

Несмотря на демократическую процедуру избрания должностных лиц, священники - цадокиды, оппозиционные к пецадокпдскому иерусалимскому храмовому священству, находились в привилегированном положении и пользовались большой властью в общине.

Сутки кумранитов, судя по «Уставу» и параллельным сведениям античных авторов о есеях, заполнялись общеобязательным совместным трудом, совместным питанием, выполнением религиозных обрядов и ночными бдениями, когда «треть каждой ночи» посвящалась изучению и комментированию священных книг и документов общины. Жизнь всей общины в целом и каждого ее члена в отдельности регламентировалась дисциплинарным уставом. Например, за сокрытие части имущества от общины при вступлении в нее виновный наказывался лишением части рациона— от 1/4 до 1/2. За жалобы на устои общины предусмотрено полное отлучение от общины. Все полноправные члены общины проходили ежегодную проверку, проводившуюся по тщательно разработанной процедуре.

О семейной жизни в кумранском «Уставе» никаких указаний нет. Это молчание тем более знаменательно, что в других документах брак признается основой творения и регламентируется брачный возраст. Можно поэтому допустить, что кумранская община «Устава» была общиной монашеского типа.

Члены общины считали иудейское храмовое священство нечестивым, а Иерусалимский храм — оскверненным через него. Отказываясь в силу этого от традиционных жертвоприношений животных в храме, кумранская община искала заместителя жертв в виде добрых дел и чувств. Мысль о том, что праведность и добрые дела важнее жертв, уже давно высказывалась в пророческой

литературе, однако кумранская община впервые практически отказалась от жертвоприношений.

Другим, еще более существенным показателем отхода от официального культа было наличие у кумранской общины своего собственного календаря, отличного от общепринятого, по которому между тем справлялись иудейские религиозные праздники.

Это свидетельствует о разрыве и деловых и культовых связей общины с внешним миром. О том же свидетельствуют также новый характер ритуальных омовений, особый обряд захоронения, собственные молитвы и гимны, резкие выпады против нечестивых стяжателей — иерусалимских священников. Основой идеологических воззрений кумранской общины является дуалистическое учение о двух изначально возникших и противоборствующих лагерях или царствах: царстве света, добра и правды, к которому кумраниты относили только самих себя — «сынов света», и царстве тьмы, зла и кривды, или царстве «сынов тьмы», к которому кумраниты относили весь остальной мир. Вековечная борьба между этими двумя царствами должна завершиться в «конце дней» сокрушительным поражением лагеря «тьмы» и победой «сынов света».

Целью вступления в общину они считали отделение от «сынов тьмы» и создание в пустыне скрытого от постороннего взора, замкнутого религиозного и трудового коллектива, который будет деятельно готовиться к «последним дням» и решающим сражениям с лагерем «тьмы»).

С дуалистическим учением тесно связано учение о предопределении, согласно которому вес происходящее в мире предрешено заранее, в том числе и принадлежность людей к тому или иному лагерю. Отсюда вытекает и концепция избранничества: кумраниты, как позднее и ранние христиане, называли себя «избранниками бога», а свою общину — «общиной Его избранников». Дуализм, учение о предопределении и избранничестве, — это форма протеста против общественного зла, осуждение существующих земных порядков, отмежевание от них вплоть до ухода в пустыню. В кумранской литературе встречаются резкие выпады против основных общественно-политических и религиозных течений того времени — саддукеев и фарисеев.

В одном кумранском фрагменте, в котором утверждается идея торжества общечеловеческого добра («и как рассеивается дым и нет его больше, так исчезнет нечестие навеки, а праведность откроется как солнце... Тогда знание заполнит мир, и никогда не будет в нем больше безрассудства»), весьма реалистически рисуется картина всемирного социального зла: «Разве не все народы ненавидят кривду? И тем не менее она среди них водится. Разве не из уст всех народов раздается голос истины? Но есть ли уста и язык, придерживающиеся ее? Какой народ желает, чтобы его угнетал более сильный, чем он?

Кто желает, чтобы его достояние было нечестиво разграблено? А какой народ не угнетает своего соседа? Где народ, который не грабил бы богатства другого?» Из этого обличения присущего всем народам зла и взаимной ненависти вытекает также идея общечеловеческой значимости этических, гуманных принципов, независимых от этнических различий.

Идеологические воззрения и социальная направленность у кумранской общины нашли свое выражение также во множестве самоназваний кумранитов. Из этих самоназваний особо обращают на себя внимание следующие:

«Новый союз» (или «Новый завет»), «сыны света», «община избранных бога», «простоцы» (или «малые»), «община бедных».

Название «Новый завет» («Новый союз») говорит о том, что, по представлениям кумранитов, «Ветхий (старый) завет», заключенный, по учению «Пятикнижия», между Яхве и иудейским народом, утратил свою силу и начался период Нового завета, договора, заключенного богом с кумранской общиной (Как известно, «Новым заветом» называли себя впоследствии раннехристианские общины, и так называется свод произведений христианского канона. Также и «сынами света» называли себя ранние христиане, как в канонической, так и в апокрифической литературе. Кумранское самоназвание «избранные бога» отсутствует в Ветхом завете, но продолжает жить в новозаветном самоназвании христиан. Самоназвание «простоцы» или «юные», «малые» также весьма близко раннехристианскому выражению «малые сии», которые в новозаветной литературе противопоставляются «мудрым и разумным», но неправедным.).

Наконец, в самоназвании «община бедных» отчетливо проявляется тот аспект идеологических воззрений кумранитов, который можно назвать «идеологией нищеты». Называя себя «общиной бедных», «бедняками» (Так впоследствии называлась одна из иудеохристианских сект — эйоним, по-гречески «эбиопиты».) и «простоцами», они не только превозносили бедность и простоту, но обещали беднякам все блага в будущем мире после окончательной победы «сынов света».

Превознесение бедности, утверждение аскетизма в различных его формах и проявлениях означает обособление от существующих иорядков, обособление, которое является предпосылкой. и условием predeterminedного существования и конечной победы избранных. Но как мыслится победа «сынов света», когда и как она будет завоевана? Ответ на эти вопросы заключен в мессианском учении кумранской общины.

Учение кумранитов о «последних днях», «времени очищения» и «переплавки» нашло весьма яркое выражение в «Свитке Войны» — своеобразном произведении, в котором описания будущих сражений,

носящих дорой космический характер, иногда даны с неожиданной реалистичностью.

Важным звеном в осмыслении «конца времен» и «последних дней» являются представления о помазаннике — мессии, посреднике между богом и общиной: «...его мудрость снизойдет на все народы; он будет знать тайны всех живущих; все их злоумышления против него окажутся тщетными... [но] замыслы его [увенчаются успехом], так как избраннык Бога он, порождение Его и дух Его дыхания... замыслы его будут существовать вечно».

Особый интерес этого текста заключается в том, что он показывает процесс вызревания и кристаллизации идеи божественного происхождения той, несомненно, важной фигуры, о которой идет речь в этом документе. В другом кумранском документе говорится, что «Бог породит Мессию».

К сожалению, наиболее важные тексты мессианского содержания еще не опубликованы. В одном из таких текстов, о котором нам пока известно только из предварительного сообщения, говорится о мессии-искупителе, который совершит искупление за всех сынов его поколения.

Особо пристальное внимание привлекает к себе во многом еще загадочная фигура кумранского «Учителя праведности» — анонимного основателя и идеолога общины. В опубликованных текстах из Кумрана об Учителе содержится весьма мало сведений. Обращает на себя внимание, что в таких основных кумранских документах, как «Устав», «Гимны», «Свиток Войны», он вообще не упоминается. Возможно, что это объясняется тем, что они по крайней мере частично написаны самим Учителем.

Весьма отрывочные сведения содержатся лишь в некоторых из кумранских комментариев и в «Дамасском документе». Согласно этим сведениям, Учитель происходил из священнического сословия. Он был избран богом для передачи через него истинного учения и тайн «конца времен», оставшихся неизвестными даже пророкам. Учителю же они стали ведомы непосредственно «из уст Бога». Учитель и его приверженцы подвергались жестоким преследованиям со стороны главного антагониста Учителя — «Нечестивого священника». Никаких конкретных сведений об этих преследованиях и об обстоятельствах смерти Учителя в известных пока документах нет.

С достаточной ясностью — и это очень существенно — говорится, что членов общины «Бог спасет от Дома суда за их страдания и веру в Учителя праведности». Бесчисленные попытки отождествить Учителя и «Нечестивого священника» с кем-либо из известных исторических лиц оказались пока тщетными. С большей или меньшей вероятностью в настоящее время можно определить лишь приблизительные хронологические рамки жизни Учителя: конец II в. до н.э. — начало I

в. до н.э. (Ряд видных исследователей относит время деятельности Учителя к середине II в. до н.э., другие — к I в. н.э. в зависимости от принятого ими отождествления «Нечестивого священника».).

Таковы в самых общих чертах характерные особенности кумранской общины.

Большое значение кумраиских рукописей заключается не только в том, что это первые подлинные документы, отражающие ессе́йское движение. Именно идеология ессе́йско-кумранской общины позволит конкретнее и глубже уяснить переход от учений эпохи позднего эллинизма к христианству.

Литература:

Амусин И.Д. Общественные и религиозные течения в Палестине во II в. до н.э. - I в. н.э. Кумранская община./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.384-398

Лекция 21: Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма.

Независимые государства IV—III вв. до н.э.

Поражение, нанесенное Александром Македонским Ахеменидской державе, хотя македонские войска и не побывали в Закавказье и на нагорьях к югу от Аракса, естественно, прервало отношения между этими странами и Ираном. Пока был жив Александр, здешние сатрапы и полузависимые цари формально выражали свою приверженность ему, но с его смертью их независимость стала неоспоримой.

Западное протогрузинское объединение Колхида существовало самостоятельно давно; уже в VIII в. до н.э. оно предположительно унаследовало северные земли уничтоженного урартами хурритского государства тахов, расположенные в долине р. Чорохи. Здесь, вероятно, близ Батуми, находился первоначальный центр Колхиды. Колхская культура была бесписьменной, и установить время начала классового общества и цивилизации трудно. Древнейшая Колхида, видимо, погибла в эпоху киммерийско-скифских вторжений VIII—VII вв. до н.э.; новая Колхида, с центром севернее — в долине р. Риони, возникла, насколько можно судить, в середине I тысячелетия до н. э. Населена она была предками мегрелов и, возможно, отчасти абхазцев.

Греческая колонизация побережья Черного моря охватила и берега Колхиды. Так, в V в. до н.э. (возможно, еще в конце VI в.) здесь возникает колония милетян — Фасис (ныне Поти в устье р. Риони) со святилищем Аполлона, а не позже второй половины V в. до н. э. — Диоскурия (ныне Сухуми). Налаживается торговля между греческим

миром и внутренними областями Грузии. Колхида производила сельскохозяйственные продукты, в том числе виноград, воск, изготавливала гончарные и ювелирные изделия; кое-что из этого вывозилось. Но главным объектом колхидского экспорта было полотно; из толстых слоев этой ткани с переплетением туго ссученных пеньковых веревок изготавливались даже боевые доспехи, бывшие в ходу у ряда племен Южного и Западного Причерноморья.

Ввоз в Колхиду соответствовал отмеченному археологами сильному имущественному (и, может быть, уже и классовому) расслоению в этой стране. Импортировались оливковое масло, греческая чернолаковая посуда. Но был и ввоз более массовых товаров. Так, в греческих колониях на побережье имелись соляные промыслы, вероятно добывавшие соль для продажи внутри Закавказья.

Наиболее отдаленные из западных протогрузинских племен (халибы, или мосхи (Термин «халибы», видимо, связан с древнейшим названием железа (хаттское хабалки), которое первоначально монополично добывалось ими в области их обитания; термин «мосхи», возможно, связан с восприятием ими фригийской культуры (мушки — одно из названий фригийцев). Они же, по-видимому, назывались «халиту» или «халды» — термин, который ранее неправомерно переносили на урартов.), — видимо, предки живущих сейчас в Турции чанов), а также некоторые другие при Ахеменидах входили в 19-ю сатрапию, связь которой с Персидской державой была довольно слабой. Колхи время от времени посылали Ахеменидам символическую дань рабами, возможно захваченными у соседних горских племен, и поставляли вспомогательные отряды, по-видимому, в распоряжение сатрапа Западной (или собственно) Армении (13-й сатрапии Ахеменидов, первоначально называвшейся Мелитеной; Северо-Восточная Армения, продолжавшая называться также Урарту, составляла 18-ю сатрапию и в то время, по всей вероятности, еще не вполне арменизировалась по языку; в ее состав входили наряду с армянами, урартами-алародиями и хурритами-матиенами также и восточные протогрузинские племена — саспиры).

Уже характер поставлявшейся колхами дани указывает на известное развитие у них рабовладельческого (в широком смысле) способа производства. Оно было в довольно высокой степени товарным, на что указывает факт чеканки и широкого распространения на территории Колхиды и соседних территорий своеобразных монет, так называемых колхидок. Они известны с V вплоть до III в. до н.э. Часть исследователей приписывает их чеканку колхидским царям, другая же часть — греческим городам колхского побережья. Однако чекан колхидок имеет мало формального сходства с чеканом греческих монет того же времени, также изредка находимых в Колхиде. В то же время следует заметить, что г. Фасис позже считался не только греческим городом, но и портом колхов и население его, видимо, было смешанным, а не чисто греческим.

После падения Ахеменидов сын одного из последних персидских сатрапов, Митридат II (300—266 гг. до н.э.), сумел выкроить себе из бывшей 19-й сатрапии особое царство Понт; население этого царства частично состояло из западных протогрузинских племен; по-видимому, Понт подчинил своей власти или влиянию и Колхиду. Становым хребтом Понтийского царства были, однако, греческие или эллинизированные города. К этому времени относится основание в Колхиде еще одного греческого города — Пителии (ныне Пицунда). Временами влияние Понта, как можно думать, распространялось и на синдо-меотские племена Западного Кавказа и Прикубанья — предков абхазо-адыгских народностей.

Что касается Восточной Грузии, то местная раннесредневековая довольно смутная традиция связывает возникновение здесь первого царства, Иверии (Нами употребляются здесь более поздние формы названий — Иверия, Алвания вместо более древних — Иберия, Албания с целью избежать смешения с одноименными странами — Иберией на Пиренейском и Албанией на Балканском полуострове. Это случайное созвучие не раз давало повод к самым фантастическим гипотезам.) (со столицей в Мцхете у слияния Арагвы с Курой, недалеко от нынешнего Тбилиси), со временем падения Ахеменидской державы. Основателем Иверийского царства одно из преданий называет некоего Азо, «сына царя Ариан-Картли», т.е. «арианской» Грузии, якобы приближенного Александра (что исторически совершенно невероятно). Напомним, что древнеперсидские цари, как и другие индоиранцы, называли себя ариями и что область, населенная ариями, называлась Арианой. Очевидно, Ариан-Картли — это та часть территории грузинских (картвельских) племен, которая входила в состав одной из ахеменидских, а затем селевкидских сатрапий, скорее всего 18-й, ибо известно, что к этой сатрапии принадлежало восточное протогрузинское племя саспиров.

Существовала легенда и о том, что вместе с Азо в Иверию пришла большая группа переселенцев, от которых вели свое происхождение позднейшие роды иверийской знати; этих поселенцев предание, по-видимому, считало грузинами с ранее ахеменидских территорий.

Однако, согласно другому, пожалуй более достоверному, старинному грузинскому преданию, подлинным основателем Иверийского царства был не Азо, а свергший его Фарнабаз, причем ряд деталей явно указывает на его связь с Селевкидским царством III в. до н.э., Азо же был захватчик, опиравшийся на греков. Если предание о греческой поддержке Азо имеет какое-то историческое ядро (Не исключено, что легенда об Азо вообще не более как отголосок греческих сказаний о Ясоне, предводителе аргонавтов, якобы совершивших поход в Колхиду еще до Троянской войны. Псевдоисторические построения греков V—III вв. до н.э. делали легендарных Ясона и колхидскую царевну Медею предками ряда народов Востока.), то скорее можно поверить в его связь не с Александром, а с понтийскими Митридатами (Армянский историк

Моисей Хоренский упоминает тут Митридата, хотя ошибочно считает его персидским сатрапом.).

Древнейшие надписи из столицы Иверийского государства Михеты восходят лишь к I в. н.э. и составлены на арамейском языке ахеменидских канцелярий, только более поздним курсивным письмом, что указывает на длительное употребление здесь этого языка. Отдельные греческие буквы на колхидках и греческая надпись, сделанная в связи с фортификационными работами, произведенными римскими воинами по просьбе иверийского царя I в. н.э., говорят о некотором распространении здесь греческой грамотности. Более древних надписей в Грузии не найдено, и сведения о первом иверийском царстве (до I в. до н.э.) у нас есть только либо чисто археологические, либо легендарные: исторические сказания о древнейшей Иверии дошли лишь от средневековья.

Ксенофонт в «Киропедии» повествует об армянском царстве VI в. до н.э., подчиненном Мидии (обязанном платить ей дань, помогать войсками, не строить укреплений и т.п.), но стремившемся к независимости. Царь Армении не назван по имени, упомянуты его сыновья — Тигран (товарищ Кира) и Сабарис, военачальник Эмбас; отмечены немалые богатства и военные силы царства. Кир, тогда еще мидийский полководец, приводит Армению к повиновению мирным путем и даже регулирует ее отношения с северо-западными ее соседями — халдеями (халибы). В дальнейшем Кир опирается при свержении Мидийского и основании собственного царства также на армянские войска во главе с Титаном.

Литературное сочинение Ксенофонта, по мнению исследователей, в разделах об Армении (в которой он побывал с 10 тыс. греков и описал в «Анабасисе») обретает историчность. Кроме того, эти его сведения в определенной степени переплетаются с сообщениями Моисея Хоренского о союзе Кира с армянским царем Тиграном, сыном царя Ерванда, направленном против Мидии: возможно, что эти данные опираются на историческую почву. То же царство названо в Библии «Домом Тогармы».

С созданием Ахеменидской державы армянское царство, вероятно, пережило постепенный процесс превращения в ее сатрапию. Во всяком случае, в этом статусе его застаёт Бехистунская надпись Дария I, где царь говорит об Армении (Армина; в вавилонском тексте — все еще Урарту) как о восставшей провинции. Восстание усмиряется двумя полководцами Дария Годин из них, Дадаршиш, был армянином) в пяти сражениях. Любопытно, что одно из восстаний Вавилонии было возглавлено также армянином (урартом?) Арахой, сыном Халдиты. Из сведений Геродота вытекает, что армянские земли были включены в две ахеменидские сатрапии: 13-ю и 18-ю.

Ксенофонт, отступивший в 401 г. до н.э. через Армению вместе с 10 тыс. греков после битвы при Кунаксе, упоминает сатрапа Армении

Ерванда (Оронта), женатого на дочери персидского царя, и Тирибаза, гипарха Западной Армении, стремянного персидского царя. Греки останавливались в деревнях, изобиловавших сельскохозяйственными продуктами и состоявших из вырытых в земле жилищ с отдельными входами для людей и скота. Элементы социальных отношений в описании Ксенофонта, по мнению исследователей, указывают на то, что эти деревни представляли собой соседские общины.

Совпадение имени сатрапа Армении на грани V и IV вв. до н.э. Ерванда с именами, с одной стороны, царя Армении VI в. до н.э. (по Моисею Хоренскому), а с другой — сатрапа Армении, сражавшегося в битве при Гаугамеле в войске Дария III, а затем ставшего царем обретшей независимость Армении (конец IV в. до н. э.), а также армянского царя конца III в. до н. э., в совокупности с другими фактами, изложенными в греческих надписях царя Коммагены Антиоха I (первая половина I в. до н. э.), породило мнение о существовании рода Ервандидов (Оронтидов), имевшего в VI—III вв. до н.э. тесное отношение к управлению Арменией в качестве царей, затем сатрапов и вновь царей. При Ерванде, современнике Ксенофонта, Ервандиды, породнились, как мы видели, с Ахеменидами, и в какое-то время, видимо, с Гидарнидами, потомками Гидарна, одного из семи персов, соратников Дария I в его борьбе за власть (см. лекцию 7), отчего и Страбон, упоминающий последнего Ерванда (конец III в. до н.э.), считает его Гидарнидом.

Наши источники по истории Армении III в. до н.э. чрезвычайно скудны, события и даже политическое деление страны устанавливаются весьма ненадежно. По мнению некоторых исследователей, ахеменидская 13-я сатрапия (в западной части Армянского нагорья) в конце IV в. до н.э. разделилась на Малую Армению и Софену (это Цупа урартов, Цопк средневековых армян). Софена была независимой и даже ненадолго, видимо, присоединила к себе Коммагену или ее часть. Около 240 г. до н.э. софенский царь Аршам построил г. Аршамашат (ныне Шимшат в Турции) в Софене, а в Коммагене — два города Арсаеи. Аршам оказывал поддержку брату Селевка II Антиоху Гиераксу — неудачливому претенденту на престол Селевкидов. Малая Армения также временами пользовалась независимостью, ориентируясь на Понт и Селевкидов; позднее она отошла к Понту. В северо-восточной части нагорья, в так называемом царстве Айрарат правили потомки ахеменидского сатрапа Ерванда. Они развили здесь широкую строительную деятельность, основав на месте слияния рек Араке и Ахурян новую столицу — Ервандашат (прежняя — Армавир, на месте урартского Аргиштихинили, продолжала выполнять роль культового центра) и другие поселения, названия которых также включали династическое имя Ерванд.

В 212 г. до н.э. Антиох III начал свой знаменитый восточный поход с осады столицы Софены Аршамашата. Однако софенский царь Ксеркс не только сумел добиться мира (ценой уплаты части задержанной дани), но и получил в жены сестру Антиоха Антиохиду. Все это не

помешало Антиоху III в 201 г., имея за спиной удачно завершённый восточный поход и победоносную войну с Египтом, устранить Ксеркса при посредничестве Антиохиды и обратить Софену в селевкидскую провинцию. Аналогичная судьба постигла в это же время царство Айрарат и его правителя — последнего Ерванда: Антиох III стремился укрепить свой тыл перед запланированным западным походом в Европу. В момент разгрома Дария III войсками Александра при Гаугамелах на персидской стороне находились не только оба сатрапа двух армянских сатрапий — Ерванд (Оронт) и Михрвахишт, но и сатрап Мидии Атропат. После поражения большинство Дариевых сатрапов явилось к Александру, и некоторых из них тот оставил на прежних должностях. Это произошло и с Атропатом, который участвовал даже в первом совещании полководцев Александра после его смерти, но на второе совещание, в Трипарадейсе (321 г. до н.э.), не явился и объявил себя независимым царем. Вся сатрапию Мидия он, однако, не пытался удержать за собой (через Южную Мидию проходили важнейшие коммуникации греко-македонян, и никто из них не собирался уступать ее местным вельможам). Атропат отделил себе лишь Северную Мидию, включая области вокруг оз. Урмия, к северу от Экбатаны и по обе стороны Аракса. Новосозданное царство называлось «Атропатовой Мидией», по-мидийски Мад-и Атурпаткан, а потом его стали именовать Атурпаткан (Возведение термина «Атурпаткан» к сохранившемуся в некоторых из ассирийских надписей VIII—VII вв. до н.э. названию какого-то из мелких округов Центральной Мидии — «Андарпаттиан» — не выдерживает ни лингвистической, ни исторической критики. Также совершенно не обосновано встречающееся утверждение, будто Атропат — не иранское имя собственное, а титул. Заметим, что в Атропатену обычно не входила горная Кордуэна — страна кардухов, предков курдов.) или по-гречески Атропатена.

Что касается Атропата, то есть основания полагать, что он и раньше был наследственным правителем Мидии и имел в пределах будущей Атропатены прочные родственные и политические связи. Особенно следует отметить союз, в котором Атропат еще при Дарий III состоял с алванами и другими племенами Восточного Закавказья. Его дружеские связи простирались и до степей Северного Кавказа, где в то время кочевали савроматы (сарматы). Археологические данные подтверждают тесные культурные связи Алвании с Атропатеной в течение IV—II вв. до н.э.

Дальнейшая история Атропатены вплоть до конца III в. до н.э. неясна. В 222—220 гг. мы застаем царя Атропатены Артабазана владельцем обширной территории не только к югу, но и к северу от Аракса и союзником мятежного сатрапа Мидии против селевкидского царя Антиоха III. Столицей Атропатены была в это время Ганзака, город на полпути между Экбатаной и Армавиром на р. Араксе. По словам греческого историка Полибия, владения Артабазана простирались от Каспийского моря до верховьев Риони (древнего Фасиса) и, таким образом, должны были включать Айрарат и Иверию;

однако эти сведения Полибия не отличаются достоверностью; они отражают, видимо, лишь факт некоторого продвижения Артабазана в сторону Армении вдоль долины Аракса. Иверия же, напротив, переживала политический подъем и осуществляла натиск на Армению с севера. Война Антиоха с Артабазаном закончилась миром.

Когда же Антиох укрепил свою власть над всем Армянским нагорьем, его позиция и по отношению к Атропатене усилилась, хотя полностью уничтожить это царство Селевкидам так и не удалось.

В течение всего III века до н.э. социально-экономическая жизнь Закавказья и примыкающих к нему с юга нагорий находилась в относительном упадке, несмотря на создание некоторых независимых государств. Это объясняется тем, что традиционные связи и торговые пути в Малую Азию, Месопотамию и Иран были нарушены; очевидно, понизилась товарность отдельных хозяйств, уменьшился приток рабов, возможно, ослабел контроль над подневольными работниками других категорий. Денежное обращение развивалось еще слабо: хотя серебряные монеты Александра Македонского и селевкидских царей имели хождение, но собственную монету (помимо колхидок) в III в. до н.э. чеканили, по видимому, только цари Софены. В пределах ее продолжал функционировать верхнеевфратско-чорохский торговый путь, по которому в Понт вывозились медь, железо и сперское (саспирское) золото (Оно же, вероятно, и колхидское. Предполагают, что его добывали в долине р. Чорохи), а также кермес (багрец — красная краска органического происхождения).

Армения, Атропатена, Иверия и Алвания во II-I вв. до н.э.

Как мы видели, конец III в. до н.э. был периодом могущества Селевкидской державы Антиоха III и подчинения либо его власти, либо, во всяком случае, его влиянию закавказских, армянских и атропатенских областей. Такое положение продолжалось до поражения Антиоха III в битве с римлянами при Магнезии (190 г. до н.э.). Политическая активность в Армении сразу усилилась. В 189 г. здесь, согласно упоминанию Страбона, создал собственное, сначала небольшое царство выдающийся государственный деятель Арташес I (Так его имя звучало в позднейшем древнеармянском языке; в своих собственных надписях он называл себя Артахшаси, что значит «потомок Артаксеркса»; греки называли его Артаксием.), ранее селевкидский стратег Армении. Отцом его был Зариатр, возможно потомок софенских царей.

Однако в своих надписях Арташес именует себя Ервандаканом, претендуя, таким образом, на родство с поверженной династией. Одновременно было восстановлено самостоятельное царство и в Софене. Здесь правил другой Зариатр (или по-средневековому — Зарех), также бывший селевкидский стратег этой области, возможно родич Арташеса.

Царство Арташеса включало в первую очередь Араратскую равнину па среднем Араксе. На левом берегу этой реки Арташес построил свою первую столицу, названную в его честь Арташатам(Собственно Артахшасишатай, по-гречески Артаксатой.). Им было основано еще несколько городов, названных в честь отца Зарехаванами или Заришатами.

Как средневековое предание, так и подлинные надписи Арташеса I говорят о проведении им важной земельной реформы. В различных частях Армении найдены каменные стелы, служившие обозначением межей между селами; на них — надписи по-арамейски(Точнее, вероятно, на иранском языке, «зашифрованном» арамейскими написаниями отдельных слов (т. е. написано арамейское слово, а на его месте надо читать слово иранское). Такая «гетерографическая» письменность, которой монополюльно владели специально обученные писцы, была в ходу от Малой Азии до Индии в течение III в. до н. э.— VII в. н. э.). Речь шла о более четком разграничении царских (в том числе и выданных частным лицам) и общинных земель, а также, вероятно, земель городов, которых в царстве Арташеса было уже несколько.

Арташес I расширил свои владения в Армении за счет областей, подчиненных ранее Атропатеной, а также Иверией; кое-где он вышел и за пределы территории с армяноязычным населением. В Иверии был убит Фарнаджом, потомок Фарнабаза, и на престол возведен армянский царевич. Затем Арташес распространил свои владения также на запад — за счет Малой Армении и на юг, где он столкнулся с Селевкидами.

После смерти Арташеса I наступила полоса войн между Арменией и усилившейся Парфянской державой, которые привели к установлению зависимости Армении от Парфии. Армянский царь Тигран I был вынужден отдать своего наследника, тоже Тиграна, в заложники, и тот вырос при парфянском дворе. Однако территория Армянского царства оставалась более или менее такой же, что и при Арташесе I.

В отличие от Армении Атропатена не сумела воспользоваться сокрушительным поражением Антиоха III при Магнесии. Зато им воспользовалась Парфия: несмотря на то что атропатенцы пытались привлечь на свою сторону селевкидского царя Деметрия II Никатора, Атропатена была завоевана парфянским царем Митридатом I Аршакидом к 139 г. до н.э. Но Парфянская держава была довольно рыхлым политическим образованием, и многие подчиненные парфянскому «царю царей» правители сами носили царский титул. Это касается и парфянских царевичей, правивших теперь в Атропатене. Реальная власть подобных царей зависела от общей политической ситуации в Парфии.

Находившийся в плену армянский царевич Тигран уговорил Митридата II вернуть его на престол Армении в обмен на передачу

Парфии «70 долин» в Атропатене. В 95 г. до н.э. Тигран II Великий стал царем Армении. Тигран сумел присоединить к себе Софену и часть Восточного Закавказья — Утик. В 94 г. он заключил союз с царем Понта Митридатом VI Евпатором, женившись на его дочери. Союзники начали с того, что разделили между собой другое эллинистическое царство, Каппадокию, причем Тиграну досталась Мелитена — когда-то центр образования армянской народности. Затем решено было воспользоваться временным ослаблением как Рима, где бушевала гражданская война, так и Парфии. Митридат нанес удар по римским владениям в Малой Азии, а Тигран занял Атропатену и Верхнюю Месопотамию; он даже дошел до стен Экбатаны и сжег летнюю резиденцию парфянских царей около этого города.

Тигран принял титул «царя царей», который ранее носили правители Парфии. Победоносно завершив войну с парфянским царем Готарзом, Тигран решил затем разгромить и уменьшившуюся к тому времени до одной лишь Сиро-Финикии Селевкидскую державу. Это ему удалось, и к 83 г. до н.э. он завоевал и Сирию и Финикию.

Огромные завоевания Тиграна II были в значительной мере обусловлены слабостью других великих держав этого времени. Армении приходилось либо перенапрягать свои силы в его войнах, либо привлекать наемников или воинов из покоренных народов, чего раньше армянские пари, по-видимому, не делали.

Поэтому, подобно всем прочим военным империям I тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке, держава Тиграна оказалась неустойчивой. Однако Тигран II отлично сознавал, в чем состояла сила эллинистических монархий: в соединении военной силы царей с богатством и процветанием торгово-ремесленных городов. Каждый сколько-нибудь значительный эллинистический царь старался учреждать или поощрять городские общины, даруя им привилегии и сселяя жителей мелких поселков в более важные городские центры. Селевкиды при этом опирались частью на греко-македонских переселенцев, частью на самоуправлявшиеся общины, унаследованные ими от доэллинистического времени. В Армении существовали только города и царские резиденции и административные центры: Армавир, Арташат, Ервандашат, Аршамашат и т.д. Тигран II в 77 г. заложил новый грандиозный город — Тигранакерт в области Агдзник (древнейшее Алзи), на юго-западе нагорья, ближе к торговым путям как по Евфрату, так и поперек Армянского нагорья с востока на запад: этот путь стал приобретать все большее значение в связи с возникновением торговых отношений с Индией и Китаем через Среднюю Азию и Иран; по нему шли предметы роскоши — шелк, пряности и т.п. Кроме того, Тигранакерт, видимо, казался армянскому царю лучшим центром для его новой обширной державы, чем расположенный далеко на севере Арташат.

В Тигранакерт и другие города Армении Тигран II насильственно переселил сотни тысяч ремесленников и торговцев из ряда

завоеванных им городов Малой Азии и Сирии (В числе последних было и много иудеев, переселенных до этого в Сирию Селевкидами, по-видимому, арамеязычных, так как прямых заимствований из древнееврейского в армянский язык нет. Они полностью слились с местным населением, как и остальные депортированные.). Доныне торговая и отчасти ремесленная терминология в армянском языке — староарамейского происхождения (напомним, что арамейский был к этому времени уже около 500 лет основным разговорным и письменным языком всей Передней Азии). Хотя в Тигранакерте помещалась и царская резиденция, это был типичный эллинистический торгово-ремесленный город со своим самоуправлением, театром и другими характерными полисными установлениями.

Поощрялись проникавшая в Армению эллинистическая образованность, искусство и архитектура, вводились культы греческих богов или с ними отождествлялись божества местные и иранские. Можно сказать, что Тигран II был последним великим эллинистическим монархом.

Помимо предметов транзитной торговли Армения при Тигране, очевидно, вывозила и свои товары: лошадей и мулов, кермес, хлеб, вино и масло, а также многие ремесленные изделия.

Но дальнейшее развитие показало, что, находясь на важнейшем пути между Ираном и Римом, имея огромное стратегическое значение для обеих держав, Армения без помощи надежных союзников едва могла поддерживать лишь собственную независимость в пределах своей коренной территории. Обширные завоевания оказались ей не по силам, и империя Тиграна стала разваливаться еще при его жизни. После разгрома Митридата Понтийского римским полководцем Лукуллом (70 г. до н.э.) тот бежал в Армению. Тигран довольно неохотно дал Митридату убежище. Но Лукулл вторгся в Армению и разбил Тиграна под Тигранакертом; городом римлянам овладеть не удалось, но его разношерстное население восстало и само сдалось Лукуллу. Казна Тиграна II и другие богатства достались римлянам; Армения потеряла Сиро-Финикию и свои владения в Малой Азии. Однако в 68 г. до н.э., при попытке взять Арташат, Лукулл потерпел поражение, армянам удалось оттеснить римлян в Месопотамию и возвратить Митридата в Понт. Зато в 66 г. новый римский полководец, Помпеи, сумел натравить на Тиграна его сына, который предательски вызвал против отца парфянские войска. Митридат же был окончательно разбит римлянами, бежал в Боспорское царство и там покончил самоубийством. По миру в Арташате 66 г. до н. э. Тигран II сохранил собственно армянские земли и часть бывших парфянских, но признал себя зависимым «другом и союзником римского народа» и уплатил огромную денежную контрибуцию. Из Арташата Помпеи двинулся на союзную Тиграну Иверию, где ему удалось захватить цитадель Армази при столичном городе Мцхете и нанести поражение иверийскому царю Артоку; затем Помпеи через Сурамский перевал

вышел в Колхиду, где в г. Фасисе встретился с командующим римским флотом.

В связи с походом Помпея мы впервые узнаем о существовании в Восточном Закавказье особого Алванского царства. Его царь Оройс, через окраинные территории которого двигался Помпей, пытался уничтожить его армию по частям, но был вынужден к перемирию. Не увенчалась успехом и попытка брата Оройса поразить Помпея во время боевых действий в Иверии и увлечь римские войска в безводную пустыню. Хорошо обученные римские легионеры разбили алванов, несмотря на то что не только мужчины, но и женщины отважно сражались. Помпей добился того, что иверийский и алванский цари тоже признали свою зависимость от Рима на таких же условиях, как и Тигран. Именно от участников этого похода греческие и римские ученые, видимо, и получили основные из тех немногочисленных сведений об иверийском и алванском обществе, которые дошли до нас.

Помпей произвел передел царств Малой Азии, Армении и Закавказья. Колхиду он отделил от Понта и посадил там некоего Аристарха, монеты которого сохранились, а основную часть Понта и Малую Армению отдал галатскому (кельтскому) вождю Дейотару. В дела Иверии и Алвании римляне практически вмешиваться не могли ввиду отдаленности этих стран, и «союз» с Римом пошел им скорее на пользу, так как усилил их политически и укрепил экономические связи с Римом. Возможно, часть торговли Рима с Востоком пошла через Закавказье в обход Армении.

Что же касается Армении, то ее подчинение Риму на этой стадии оказалось номинальным. Сын Тиграна II Артавазд II (55— 34 гг. до н.э.), который сочетал управление государством с занятиями историей и даже драматургией (писал он по-гречески), уклонился от поставки Риму военных контингентов против Парфии, обещанных по Арташатскому миру, и выступил в союзе с парфянами. Когда римский полководец Крассе погиб в битве с парфянским полководцем Суреном при Каррах (Харране) в Месопотамии (53 г. до н.э.), Сурен прислал его голову царю Парфии, который находился в Арташате на свадьбе своего наследника с дочерью Артавазда. Царь присутствовал на представлении «Вакханок», трагедии Еврипида, и актер вынес вместо бутафорской головы, требовавшейся по ходу действия, голову римлянина.

Гибель Красса позволила Артавазду снова расширить пределы Армении на западе(Он, по-видимому, участвовал в походе парфянского царевича Пакора (40 г. до н. э.) против средиземноморских провинций Рима и привел по примеру своего отца Тиграна II группу иудейских ремесленников, поселенных им в г. Ване (Тушпе).

В отличие от тиграновских переселенцев они сохранили иудейскую веру.), но римляне не прекращали своих нападений. В 36—34 гг. начал войну с Парфией, а затем и с Арменией римский полководец Антоний, который, опираясь на помощь египетской царицы Клеопатры, управлял восточной частью римских владений. Несмотря на начальные поражения, Антоний смог заманить Артавазда в свой лагерь якобы для переговоров и захватить его. Арташат был разграблен.

В числе прочего была увезена золотая статуя богини Анаит и множество других сокровищ. Артавазд был проведен в триумфальном шествии римского полководца, а затем обезглавлен. Однако оставленные Антонием в Армении римские гарнизоны были позже перебиты войсками Арташеса II, сына Артавазда (30—20 гг. до н.э.). Лишь после убийства Арташеса II римлянам удалось навязать Армении своих ставленников в качестве царей, пользуясь тем, что страна была с трех сторон окружена союзниками Рима — Иверией, Алванией и Атропатовой Мидией (в Иверию и Алванию были даже введены небольшие римские отряды). Первый римский император, Август, поставил армянским царем Тиграна III, воспитанного в Риме (20—6 гг. до н. э.). После его смерти армянская знать возвела на престол Тиграна IV и его сестру Эрато. Началась новая война с римлянами и их союзниками, окончившаяся гибелью Тиграна и отречением Эрато; Август отдал Армению царю Атропатены; его преемник Тиберий передал ее было понтийскому царевичу, а когда задумал поставить своего человека также и в самую Парфию, то Армения была обещана иверийскому царевичу. Страна стала на длительное время полем сражения между римлянами, парфянами и иверами, которых поддерживали алваны и сарматы. На некоторое время из этой борьбы наибольшую выгоду извлекла Иверия; создалось положение, когда иверийский царь (сначала Митридат I, потом Фарасман I) мог ставить своих сыновей царями Армении и одновременно, видимо, осуществлять гегемонию и над Алванией. По непрерывные войны и смена правителей не прекращались. Наконец, восставшая в 52 г. н.э. армянская знать добилась от парфянского царя Вологеса (Валарша) I разрешения поставить его брата Тиридата I независимым царем Армении.

Попытки римских полководцев восстановить утраченное положение (причем один из них, Корбулон, даже сжег Арташат) в конце концов потерпели неудачу, и в 64 г. н.э. в Рандее, на р. Арацани, был заключен мирный договор между Римом и Арменией. Тиридату в сопровождении огромной свиты пришлось отправиться в Рим получать венец независимого царя (правда, из рук римского императора Нерона). Кроме того, Нерон «пожертвовал» большую сумму на восстановление разрушенного Арташата.

Началась новая, Аршакидская эпоха в истории Армении, оставившая в ней глубокие следы.

Общество и культура Закавказья и сопредельных стран в IV—I вв. до н.э.

К сожалению, об обществе Армении, Колхиды, Иверии, Алвании и Атропатены IV—II вв. до н.э. мы не знаем ничего достоверного; сообщения Страбона (I в. до н.э.— I в. н.э.), Плутарха (I—II вв. н.э.), Аппиана (II в. н.э.) и Диона Кассия (II—III вв. н.э.) очень кратки, и, поскольку источник их неясен, неизвестно, к какому времени относятся их сведения — наиболее вероятно, что главным образом к I в. до н.э., хотя возможно, что они пользовались в какой-то мере и более ранними авторами.

Что касается Армении и Атропатены, то, как можно думать, их общество в IV—II вв. до н.э. мало отличалось по своему состоянию от того, в котором оно находилось при Ахеменидах. Реформы Арташеса I в Армении, вероятно, сводились к попытке приблизить социально-экономический строй к тому, который установился в эллинистических государствах, а та государственность, которую насаждал Тигран II, как и армянское общество его времени, вероятно, уже мало отличалось по своей структуре от позднеселевкидской.

Во всяком случае, нельзя считать, что Армения совершенно сызнова должна была создавать цивилизацию после гибели Урарту и что только ко II—I вв. до н.э. в ней вновь начинает преобладать рабовладельческий господствующий класс. Хотя на нагорье уже начал складываться новый, армянский народ, но армянское общество было прямым продолжением хуррито-урартского, и даже термины для понятий «раб» и «рабыня» продолжали применяться хуррито-урартские. Отличие заключалось в постепенном — впрочем, очень медленном — создании самоуправляющихся торгово-ремесленных городов типа эллинистических полисов, а с другой стороны — обширных царских и частных рабовладельческих владений (дастакертов и агараков) (Разница между дастакертами и агараками пока остается спорной.).

Существовали и сельские общины (гевлы), однако неясно, принадлежали ли земледельцы-общинники к частному сектору (на что может указывать сохранение у них большесемейных коллективов), или они являлись царскими людьми. По сравнению с ахеменидским временем значительно усилились международная торговля и товарно-денежные отношения внутри страны. Если в начале II в. до н.э. монету чеканила одна лишь Софена, то в I в. до н.э. денежное обращение в Армении было распространено не меньше, чем в других частях эллинистического мира.

В отношении обществ Иверии и Алвании нам приходится довольствоваться довольно неясными известиями, прежде всего Страбона. Об Иверии он говорит: «Равнину населяют те из иверов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни,

снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми находятся в соседстве и родстве (Действительно, надписи из Мцхеты доказывают распространенность скифо-сарматских имен в Иверии.), впрочем, они занимаются и земледелием... Жители страны делятся на четыре разряда: один из них — тот, из которого ставят (сакральных? — Ред.) царей по признаку родства и его первенству в старшинстве; следующий же (по старшинству и родовитости?) творит суд и предводительствует войском; второй разряд составляют жрецы, которые также ведают спорные дела между соседями; к третьему разряду относятся воины и земледельцы, к четвертому — лаой, являющиеся царскими рабами». Таким образом, категория царских людей (лаой) в отличие от Селевкидского государства не поглотила здесь свободных общинников, составлявших массу носивших оружие полноправных земледельцев вне государственного сектора экономики. Говоря об иверах, Страбон прибавляет, что имущество у них — общее по родственным объединениям: «возглавляет каждое и заведует имуществом старейший». Это порядок, хорошо знакомый нам по шумерскому или хурритскому обществу ранней древности Передней Азии. Частные рабы, видимо, большой роли не играли.

В Иверии хотя и медленно, но также развивалась городская жизнь, по-видимому частично за счет переселенцев с юга. Так, есть основание предполагать, что в Мцхете появились группы евреев еще в середине II в. до н.э., а затем — после разрушения Иерусалима Титом в 70 г. н.э.; по преданию, здесь помимо коренного имелось также арамейское, греческое и другое население.

Сходным во многом представляется и общество Алвании. И здесь важную роль наряду с военной знатью играло жречество и храмы, имевшие, вероятно, своих храмовых зависимых людей, сходных с лаой. Однако значительного государственного сектора здесь, очевидно, не было, как не было и значительных городов, кроме резиденции царей — Кабалаки. Денежное обращение здесь развивается позже, чем в Армении и Атропатене; со II в. до н.э. отмечены клады селевкидских монет, видимо являвшихся здесь средством накопления сокровищ (античные авторы упоминают о меновой торговле в Алвании); с конца II в. до н.э. встречаются парфянские, а позже и римские монеты.

Отставанию Алвании способствовала ее племенная раздробленность: население говорило на десятках наречий, взаимно мало или вовсе непонятных, хотя возможно, что в части страны один из местных языков был лингва франка.

В Атропатене, Армении и Иверии в рассматриваемые периоды выработались общенародные языки-койнэ: среднемидийский, армянский и картвельский.

В Западной Грузии и в Алвании койнэ не было. Ни в одном из государств не было своей письменности: пользовались либо греческой (особенно в городах), либо арамейской (по-видимому, гетерографической, т.е. обслуживавшей не собственно арамейский, а мидийский или парфянский язык). В Атропатене, как и в Парфии, были распространены иранские культы, традиционно связывавшиеся с именем Заратуштры (Зороастра), хотя фактически, вероятно, имевшие мало общего с его учением, как оно изложено в Старшей Авесте («Гатах» и т. д.). Зороастрийские и мнимозороастрийские учения были занесены при Ахеменидах также в Армению и Малую Азию, но, чем далее на запад, тем более они сочетались с местными культурами или преображались под их влиянием.

Так, в Армении наряду с зороастрийским Арамаздом и иранскими Анаит (Анахитой) и Вахагном (Веретрагной) почитался бог Торк, по-видимому лувийский, и ряд, вероятно, протоармянских божеств; все они отождествлялись, особенно при Тигране II, и с греческими богами. Обо всех этих культах мы знаем лишь по христианским средневековым малодостоверным известиям, где предки-эпонимы смешаны с богами, эпитеты божеств — с самими божествами, боги зороастрийские — с местными. Во всяком случае, еще до воцарения в Армении Аршакидов зороастризм в одной из его разновидностей прочно вошел в быт армянского народа. Об этом свидетельствуют средневековые предания и зороастрийский или, во всяком случае, иранский характер дохристианских армянских имен собственных. В восточной части Малой Азии и отчасти в Армении более всего, пожалуй, почитался световой бог Митра, называвшийся именем иранского бога, но в формах, совершенно отличных от распространенных в Иране и восходящих к каким-то местным культам (в Армении, по-видимому, Митрой назывался урартский бог Халди). Местный древнейший бог-громовержец, почитавшийся хурритами под именем Тешуба, урартами под именем Тешубы, хетто-лувийцами — под именем Тархуса или Тархунта, стал протоармянским Торком и, видимо, был отождествлен, с одной стороны, с греческим Зевсом (в Коммагене), с другой — с иранским Вахагном (Веретрагной). В целом можно считать, что для Атропатены была характерна разновидность зороастризма, а для Армении, Малой Азии и Понта — типичный вообще для эллинистического периода синкретизм, но с преобладанием зороастрийских или по крайней мере признанных позднейшим зороастризмом иранских божеств.

Что касается Иверии и Алвании, то здесь существовали собственные древние культы общинных богов.

Так, в столице Картли почитался бог Луны Армази, которого одни исследователи с большой вероятностью отождествляют с зороастрийским Ахура-Маздой, а другие приписывают ему хеттское происхождение. Там же почитались божества Гац, Га и т.п. Влияние зороастризма было в какой-то мере безусловно ощутимо в Иверии, но характер имен иверийских царей по большей части скорее скифский,

чем зороастрийский. В Алванию влияние зороастризма проникло поздно. По Страбону, здесь почитали «Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну». Он описывает алванский храм божества Луны, находившийся недалеко от границ Иверии, возможно в нынешней Кахетии, и обряд происходивших здесь человеческих жертвоприношений. Есть предположение, что они приносились и в Иверии, да и ахеменидскому Ирану они не совсем были чужды.

Во всех перечисленных странах должность главного жреца была второй в государстве после должности царя. В каждой из них (и в этом — отличие от более древнего царства Урарту) существовали огромные храмовые хозяйства и даже целые области, населенные храмовыми людьми. Такова, например, была, по-видимому, область Анахтакан, принадлежавшая храму богини Анаит в Армении. В Алвании храмам отведена была земля (хора), по словам Страбона, «обширная и хорошо населенная» храмовыми рабами (иеродулами), по крайней мере часть которых имела и культовые обязанности; из них же избирались человеческие жертвы. В отличие от других эллинистических государств в государствах северного горного пояса Ближнего Востока сохранялось значение также и свободных земледельцев, принадлежавших к общинно-частному сектору, хотя они могли не быть гражданами самоуправляющихся городов.

Между тем состояние производительных сил достигло в большинстве случаев примерно того же уровня, что и в более развитых странах Ближнего Востока. Древняя формация подошла на этих территориях к порою своего упадка и гибели при все еще не полностью исчезнувших архаических формах социальных отношений. Таким архаизмом, в частности, было существование (вне храмовых и городских общин) свободного общинного крестьянства.

Литература:

Редакционная коллегия. Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.399-414

Лекция 22: Этруски и Ранний Рим.

Географическая и историческая среда Древней Италии.

Этруская цивилизация существовала в Италии; здесь же возник город Рим; вся его история, начиная с его возникновения в легендарные времена и кончая гибелью Римской империи на пороге средневековья, была связана с Италией.

Поэтому, приступая к рассказу об этрусках и Риме, необходимо прежде всего коснуться географических и исторических условий развития древней Италии, расположенной на Апеннинском полуострове.

Этот большой полуостров, формой напоминающий сапог, глубоко вдаётся в Средиземное море в его центральной части. С севера к нему примыкает широкая долина р. По, огражденная со стороны материка дугой Альп. Вдоль всего полуострова тянется горная цепь Апеннин. На севере и юге горы приближаются к западному побережью Италии, а в средней ее части — к восточному побережью. Апеннинский полуостров омывается Адриатическим, Ионическим, Тирренским и Лигурийским морями, которые являются частями Средиземного моря.

Условия для развития мореплавания в Италии были хуже, чем в Греции. Близ Италии мало островов. Крупнейший из них — Сицилия — служил мостом между Италией и Северной Африкой, но два других больших острова — Корсика и Сардиния — лежат довольно далеко к западу.

Береговая линия Апеннинского полуострова слабо изрезана: здесь мало удобных бухт, особенно на восточном побережье. Правда, древнейшие беспалубные и однопалубные корабли можно было почти всюду вытаскивать на берег.

Древняя Италия располагала большим, чем Греция, массивом плодородных земель: в долине р. По, в Этрурии, Кампании, Сицилии. В древнем Лациии многие земли были заболочены, но с созданием осушительной системы в виде сточных каналов эта область тоже стала вполне пригодной для земледелия. Менее плодородны были почвы в центре и на юге восточной части полуострова. Италия изобилует реками.

Большинство из них теперь мелеет летом, но в древности они были полноводнее благодаря обилию лесов, позже вырубленных. Полезными ископаемыми древняя Италия была не слишком богата.

Здесь добывали мрамор и другие породы строительного камня, а также глину, пригодную для гончарного производства. В устье Тибра находились залежи поваренной соли. Зато рудных залежей почти нет; лишь в Этрурии выплавляли медь, да на о-ве Ильва (Эльба) — железо.

Благоприятные для жизни первобытных людей природные условия Италии, которая была заселена с эпохи палеолита, долгое время способствовали некоторой замкнутости ее исторического развития, в то время как, например, греков нужда в хлебе, связанная с относительным перенаселением, погнала за море ещё с VIII в. до н.э. Невозможность до появления стальных или хотя бы бронзовых орудий широкого развития земледелия в Италии с её густыми лесами и преимущественно тяжелыми почвами исключала создание более или менее высокопродуктивного хозяйства и классового общества на его базе.

Олово здесь появилось лишь с конца II тысячелетия до н.э., его, возможно, начали ввозить из Испании и Британии. Соответственно

только с этого времени началось в Италии производство бронзы. Производство железа, особенно стали, распространилось ещё позже. Большая по сравнению с Грецией удаленность Италии от передовых цивилизованных стран Востока также тормозила темпы ее исторического развития в древнейшие времена.

Этнический состав населения Италии к середине I тысячелетия до н.э.

Население Апеннинского полуострова к середине I тысячелетия до н.э. отличалось этнической пестротой. Если в Греции к этому времени существовало довольно однородное по этническому составу население (греки имели даже общее самоназвание — эллины), то население Италии весьма сильно разнилось языками и культурой.

Очень древними племенами были лигуры, жители северо-западного побережья Италии, называвшегося по их имени Лигурией. Язык их остался неизвестным, неизвестны поэтому и их родственные связи.

В восточных областях Апеннинского полуострова жили племена, языки которых относились к иллирийской ветви индоевропейской семьи (или были родственны иллирийским). Из этих племен известны веныеты в Северо-Восточной Италии. Населенная ими область называлась Венецией; это имя получил и город, возникший здесь во времена поздней античности.

На юго-восточной оконечности Апеннинского полуострова жили япиги и другие иллирийские племена, по-видимому переселившиеся сюда с Балканского полуострова. Греки называли Иллирией обширную страну на северо-западе Балканского полуострова, отчасти совпадавшую с нынешней Югославией.

Большинство населения Италии к середине I тысячелетия до н.э. составляли италийские племена. Италики пришли на Апеннинский полуостров на рубеже II и I тысячелетий до н.э. с севера — из придунайских областей. Среди италийских племен известны оскоумбры, сабины-самниты, латиняне.

С начала I тысячелетия до н.э. в Италию, Сицилию, Северную Африку, Испанию и Галлию (нынешнюю Францию) начинают проникать выходцы с Востока: этруски (Восточное (малоазийское) происхождение этрусков весьма вероятно, но окончательно еще не доказано.), финикийцы и греки. Этруски в VII — VI вв. до н.э. господствовали в Средней и Северной Италии. Финикийцы имели постоянные колонии на Сицилии, Сардинии и, может быть, Корсике.

Крупнейшим центром финикийской колонизации был Карфаген, основанный выходцами из Тира в IX в. до н.э. на северном побережье Африки напротив Сицилии. Греки в VIII—VI вв. до н.э. так густо

заселили побережья Южной Италии и Сицилии, что этот район стал называться «Великой Грецией».

Позже других древних народов поселились в Италии индоевропейские племена кельтов, которых римляне называли галлами. Вторжение кельтов в Северную Италию произошло в середине I тысячелетия до н.э. Они заселили долину р. По, которую римляне стали называть Цизальпинской Галлией («Галлией по эту сторону Альп») в отличие от Трансальпийской (Заальпийской) Галлии.

Этруски. Источники об Этрусках и вопрос о происхождении этого народа.

В Средней и Северной Италии в I тысячелетии до н.э. жил народ, называвший себя расенами. Греки именовали его тирренами или тирсенами, а римляне — тусками или этрусками. Последнее название и вошло в науку. Основная область обитания этрусков, расположенная на северо-западе Средней Италии, была известна у римлян как Этрурия, в средние века ее стали называть Тосканой; это имя носит она доныне. Плодородные почвы, множество рек, самая крупная из которых — Арно, доступ к залежам медной и железной руды, выход к морю, обильная растительность — все это делало Этрурию одной из наиболее удобных для жизни людей областей Италии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Этрусское общество было древнейшим классовым обществом на Апеннинском полуострове. Этруски еще до римлян создали в Италии федерацию городов-государств.

От этрусков сохранилось много исторических памятников: остатки городов с каменными стенами и зданиями, с четкой планировкой улиц, пересекавшихся под прямым углом и ориентированных по странам света, множество могильников, оружия, домашней утвари, украшений, около десяти тысяч надписей, следы этрусского влияния в культуре поздней Италии, упоминания об этрусках в сочинениях античных авторов.

Письменные памятники этрусков по буквам читаются, поскольку они пользовались алфавитом, близким к греческому; сейчас ученые понимают около 500 отдельных этрусских слов, но в целом язык этрусков непонятен. Близких родственников этого языка не обнаружено. По мнению одних, этрусский язык был родствен индоевропейским (хетто-лувийским) языкам Малой Азии; другие полагают, что он вообще не состоял в родстве с индоевропейской языковой семьей.

На основе изучения материальных и письменных памятников этрусского происхождения, а также античной традиции, которая вслед за Геродотом почти единогласно называла этрусков выходцами из Малой Азии, часть современных ученых считает, что этруски переселились с Востока — из Малой Азии или прилежащих к ней

островов — и прибыли в Италию примерно на рубеже II и I тысячелетий до н.э. Но есть и другое мнение о происхождении этрусков, опирающееся на высказывания Дионисия Галикарнасского, который считал их автохтонами в Италии. Во всяком случае, в формировании этрусской народности на итальянской почве, несомненно, участвовало и местное население Италии. К началу нашей эры этруски растворились среди итальянского населения; вышел из употребления этрусский язык, уступив свое место латыни — языку римлян.

Раздел лекции изложен в основном по кн.: Н е м и р о в с к и й А.И., Х а р с е к и н А.И. Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969г.

Экономика этрусских городов-государств.

Начиная с VIII в. до н.э. этруски занимали кроме собственно Этрурии большую территорию в Северной и Средней Италии. Основным занятием их было земледелие. Как и в других областях Италии, в Этрурии выращивали пшеницу, полбу, ячмень, овес, виноград. Хорошо было развито у этрусков льноводство. Из льняных тканей изготавливали одежду, паруса, зонты для защиты от дождя и солнца. Льняные ткани служили и писчим материалом; обычай писать полотняные книги позже перешел к римлянам. Льняные ткани использовались этрусками для изготовления панцирей. Из льна изготавливались также сети.

Предполагается, что этруски первыми в Италии стали применять искусственное орошение.

Известно, что в тех городах, где было сильно этрусское влияние, например в Риме, при этрусских царях строились каналы, регулировалось течение рек, производилось осушение болот и озёр с помощью подземного дренажа. Осушение болот, необходимое для земледелия, было в то же время самым эффективным средством для борьбы с малярией, от которой страдало население Этрурии. Как и повсюду в Италии, в Этрурии разводили коров, овец, свиней; занимались этруски и коневодством, но в ограниченных масштабах. Конь считался у них священным животным и применялся, как и на Востоке, исключительно в военном деле.

Во II и I тысячелетиях до н.э. в Этрурии добывали медь и изготавливали бронзу. Олово поступало через Галлию из Британии. Металлургия железа широко распространилась в Этрурии с VII в. до н.э. Этруски добывали и обрабатывали огромное по тем временам количество металла. Обилие и хорошее качество металлических орудий труда содействовали развитию хозяйства этрусков, а хорошее вооружение их войска способствовало завоеваниям, установлению господства над покоренными общинами Италии и развитию рабовладельческих отношений.

Мастерство в обработке металлов этруски, возможно, вынесли с Востока, иначе остается необъяснимым тот факт, что за короткое время они ушли далеко вперед в развитии металлургии по сравнению со всеми другими народами этой страны.

Предполагается, что ремесленники были свободными людьми, объединявшимися в коллегии по профессиональному признаку. Коллегия защищала интересы ремесленников данной профессии в данном городе.

Этруски вели обширную торговлю с Грецией, финикийскими колониями, Малой Азией, племенами Италии и более северными народами Средней и Западной Европы. Торговля этрусков, как и других мореходов того времени, сочеталась с пиратством.

Между этрусками и греческими городами Италии и Сицилии шла борьба. Греческие колонисты стремились проникнуть к этрусским источникам сырья в район Ильвы, Корсики, Сардинии и южного побережья Галлии. Кроме того, греки и этруски столкнулись в процессе колонизации Средней Италии. В плодородной Кампании, где возникли греческие города Кумы и Неаполь, вскоре выросли этрусские (или итальянские под этрусским господством) города Капуя, Помпеи, Нола, Геркуланум и др. Этруски стремились избавиться от посредничества греков в торговле с приморскими городами Балканской Греции и Малой Азии, для этого пытались, в частности, овладеть Мессинским проливом между Италией и Сицилией. Не случайно все военные действия между греками и этрусками развертывались в VI—V вв. до н.э. в районе Сицилии, Корсики и Средней Италии.

Между этрусками и карфагенянами тоже существовало соперничество. Их торговые и колонизационные интересы сталкивались в VII—VI вв. до н.э. в Сицилии, Сардинии, Корсике, на южном побережье Галлии.

Но появление в Западном Средиземноморье греков заставило соперников объединиться против общего врага. В 535 г. до н.э. этруски (граждане г. Цере) в союзе с Карфагеном разбили греческий флот у побережья Корсики и захватили остров. Это на несколько десятилетий обеспечило этрускам свободу действий в центральном районе Средиземноморья. Этрусские товары (главным образом металлические изделия и рабы) следовали теперь на Восток через Мессинский пролив без посредничества греков. С одним из греческих городов в Южной Италии, Сибарисом, этруски поддерживали дружеские отношения и успешно сбывали сюда свои товары. Но в 510 г. до н.э. Сибарис был разрушен жителями другого южноиталийского греческого города — Кротона, а в Мессинском проливе греки установили сторожевой пост. Это явилось первым ударом по этрусской торговле на юге. Вторым оказался разгром греками (сиракузянами) объединенного этрусско-карфагенского флота при Кумах в 474 г. до

н.э. С этого времени торговые связи этрусков с Грецией и Ближним Востоком, по-видимому, стали осуществляться через порты Адриатического моря, минуя Мессинский пролив. На этой торговле расцвел в V в. до н.э. этрусский город Спина в устье По.

Очень большое значение для этрусков имела их торговля с северными племенами, жившими за Альпами в Средней и Западной Европе. Заальпийским галлам они привозили для обмена бронзовые и керамические изделия, ткани и вино, причем греческий историк Диодор Сицилийский сообщает, что, например, за амфору вина италийские купцы получали мальчика-раба. На северо-востоке этруски проникали в придунайские страны, а на западе — в Испанию. В Средней и Западной Европе потребителями этрусских товаров была главным образом знать варварских племен, которая расплачивалась с этрусскими купцами рабами, оловом, янтарем. Галльский военный набег 390 г. до н.э. подорвал этрусскую торговлю не только на севере, но и в восточном направлении. Часть галлов укрепились к югу от Альп и перерезала пути, соединявшие Этрурию с побережьем Адриатического моря. Правда, на севере этрусская культура долго сохраняла значение. Например, германцы, по-видимому, через посредничество альпийских племен еще в первых веках нашей эры получили руническое письмо, восходящее минуя латинское прямо к этрусскому.

Общественно-политический строй Этрусков.

В течение всей истории этрусского народа у него не было единого государства. В период своей независимости Этрурия являлась федерацией (союзом) двенадцати самостоятельных городов-государств, точного списка которых не сохранилось. В их число входили Вейи, Тарквинии, Цере, Вольсинии, Руселлы, Ветулония, Арреций, Перузия, Волатерры, Вольцы, Клузий, а также Фезулы или Кортонна. В случае выбытия одного из членов федерации (например, вследствие военного разгрома) в состав объединения принималось другое государство.

Так, после падения Вей, разрушенных Римом в 396 г. до н.э., на их место в федерацию была принята Популония, остававшаяся до этого, несмотря на свое экономическое значение крупного портового города и важного центра металлургии, в составе государства Волатерры. Подобные двенадцатиградия этруски создали в основных районах своей колонизации — в долине По и Кампании.

В каждом из независимых этрусских государств кроме главного города имелись города, подчиненные главному. В своей внутренней жизни многие из этих подчиненных городов пользовались автономией. Каждую весну в святилище бога Вертумна в Вольсиниях собирались главы и представители этрусских государств. К этим собраниям были приурочены общенародные игры и ярмарки. Собравшиеся обсуждали вопросы общей политики, совершали жертвоприношения и выбирали

главу союза из числа двенадцати этрусских царей. Глава федерации, по-видимому, не имел реальной власти. Федератия была преимущественно религиозным союзом. Единство военно-политических действий этрусских городов-государств достигалось редко: города воевали, мирились, заключали договоры независимо друг от друга и от общего согласия. Отсутствие единства этрусских государств явилось одной из главных причин их поражения в борьбе с Римом.

Основной единицей древнейшего этрусского общества была родовая община. Главы родовых общин составляли совет старейшин; из их числа, возможно, избирался лукумон. Власть лукумонов, подобно власти греческих басилеев, была пожизненной, но не наследственной. Функции лукумона неясны; некоторые полагают, что он был верховным судьей, военным предводителем и главным жрецом государства.

Развитие хозяйства, в том числе широкой внешней торговли, а также завоевания способствовали обогащению и усилению этрусской знати, которая захватывает власть в городах: в VI в. до н.э. царская власть сменяется в этрусских городах-государствах олигархическими республиками.

Некоторые исследователи полагают, что большая часть земель сосредоточивалась в руках этрусской знати. По мнению других ученых, основная масса земли находилась во владении мелких свободных крестьян.

В этрусском обществе известны три категории зависимых людей: лаутни, этэра и рабы.

В V—IV вв. до н.э. у знати было много домашних рабов, а также имелись рабы-гладиаторы. Но основную массу угнетенных составляло подневольное местное сельское население, напоминающее спартанских илотов, фессалийских пенестов и царских людей на древнем Ближнем Востоке. Лаутни — это зависимые люди, включенные в домашнюю общину своего покровителя — патрона. Большинство лаутни, как показывают их имена, происходило из чужеземцев. В категорию лаутни попадали свободные, оказавшиеся вследствие задолженности или других бедствий в подчинении у аристократов. Положение лаутни было потомственным: их дети и внуки оставались в сословии лаутни. Таким образом, лаутни — это патриархально-зависимые лица, являющиеся членами господского «дома».

Категорию этэра античные авторы отождествляют с фессалийскими пенестами. По-видимому, этэра происходили из местного, неэтрусского населения. Этэра известны в восточной и юго-восточной областях Этрурии, где до позднейшего времени сохранились остатки италийского населения. Этэра привлекались в Этрурии к военной

службе и, возможно, к трудовым повинностям в пользу государства. Большинство этэра владели небольшими земельными наделами, за которые отдавали своему господину часть урожая. Другие этэра жили при дворе господина, занимаясь ремеслом или домашней работой; такие этэра назывались у этрусков лаутни этэра.

Итак, в этрусском обществе имелись, во-первых, собственно рабы (слуги, гладиаторы), во-вторых, патриархально-зависимые люди, одна часть которых была занята в собственно господских хозяйствах в качестве ремесленников и другого обслуживающего персонала (лаутни и лаутни этэра), а другая часть обрабатывала наделы за долю урожая (этэра).

Этруская религия.

Сведения о религии этрусков сохранились лучше, чем о других сторонах жизни этрусского общества. Главными божествами этрусского пантеона были верховный бог Вертумн, функции которого известны мало, и триада богов — Тин, Уни и Мнелва. Тин был божеством неба, громовержцем и считался царем богов. Его святилища находились на высоких крутых холмах. По своим функциям Тин соответствовал греческому Зевсу и римскому Юпитеру, поэтому не случайно позже в Риме образ Тина слился с образом Юпитера. Богиня Уни соответствовала римской Юноне, поэтому они также слились в Риме в едином образе Юноны. В образе этрусской богини Мнервы видны черты, свойственные греческой Афине: обе считались покровительницами ремесел и искусств. В Риме с развитием ремесел распространилось почитание богини Минервы, образ которой был тождествен Афине-Мнерве.

Кроме перечисленных богов этруски поклонялись также целому сонму добрых и злых демонов, которые во множестве изображены в этрусских гробницах. Подобно хурритам, ассирийцам, хеттам, вавилонянам и другим ближневосточным народам, этруски представляли себе демонов в виде фантастических птиц и животных, а иногда и людей с крыльями за спиной. Например, добрые демоны лазы, соответствующие римским ларам, считались у этрусков покровителями домашнего очага и представлялись в виде молодых женщин с крыльями за спиной.

Важную роль в религии этрусков играло представление о мрачном загробном царстве, где собираются души мертвых. Этрусский бог подземного царства Аита соответствовал греческому богу Аиду.

В жертву богам приносили зерно, вино, плоды, масло, животных. Во время семейной трапезы на стол или на очаг ставили маленькую чашечку с едой для демонов — покровителей дома. На погребальных тризнах знатных людей в жертву богам приносили пленных. Из этого обряда у этрусков развились гладиаторские игры: рабов заставляли сражаться насмерть на похоронах их господина или с целью

жертвоприношения травили людей собаками. Заимствованные у этрусков гладиаторские игры и травля людей зверями утратили у римлян свой первоначальный ритуальный смысл и превратились в кровавые зрелища, которые устраивались для развлечения горожан.

Этруски явились, по-видимому, первыми строителями храмов в Италии. Впоследствии и в Риме первые храмы были построены этрусскими мастерами.

Важное место в этрусском обществе занимало жречество. Жрецы-гаруспики (гадатели) ведали гаданием по внутренностям жертвенных животных, в первую очередь по печени, а также толкованием различных знамений — необычных природных явлений (молний, рождения уродов и т.п.). Эти черты этрусского культа через ряд посредствующих звеньев заимствованы из Вавилонии.

Возникновение Рима.

Древнеримские легенды связывали основание Рима с Троянской войной. Они рассказывали, что, когда погибла Троя, некоторым троянцам удалось спастись. Во главе их стоял Эней. Корабли беглецов долго носились по морским волнам. Наконец они прибыли в Италию и основали г. Альбу-Лонгу в Лации. Прошло много времени. Один из потомков Энея, царь Нумитор, был свергнут своим братом Амулием. Боясь мести со стороны детей или внуков Нумитора, Амулий принудил его дочь Рею Сильвию стать весталкой. Весталки, жрицы богини Весты, покровительницы домашнего очага, не имели права вступать в брак. Однако у Сильвии от бога Марса родились два сына-близнеца, Ромул и Рем. Чтобы избавиться от них, Амулий приказал бросить их в Тибр. Но младенцы были чудом спасены: волна выбросила младенцев на берег, где их вскормила волчица. Затем воспитателем детей стал пастух. В конце концов братья узнали о своем происхождении, убили Амулия, восстановили в правах своего деда, а сами основали новый город — Рим. При основании города между братьями возникла ссора, во время которой Ромул убил Рема. Ромул стал первым римским царем, и город получил название от его имени: Рим по-латыни Roma. В соответствии с этой легендой римляне воздвигли позже на Капитолии бронзовую статую волчицы.

Римские ученые пытались определить на основании легенд дату основания Рима. Варрон в I в. до н.э. предложил считать днем основания Рима 21 апреля 753 г. до н.э. (по нашему летосчислению). День 21 апреля был у древних латинян пастушеским праздником. В настоящее время ученые смотрят на дату, предложенную Варроном, лишь как на традиционную, легендарную. К тому же установлено, что первые жители Рима — латиняне и сабиняне были италиками, а не выходцами из Малой Азии, италики же если и мигрировали сюда, то из Центральной Европы.

Однако ученые признают, что в римских легендах наряду с вымыслом отразились и воспоминания о реальных исторических событиях: о приблизительном времени возникновения Рима, о связи первых римских поселенцев с Альбоп-Лонгой и других фактах. Так, легенда о похищении римлянами сабинянок возникла после слияния латинской и сабинской общин в Риме. Она рассказывает, что первыми жителями Рима были только юноши — спутники Ромула, его дружина.

Соседние общины отнеслись к новым поселенцам недоверчиво и не хотели выдавать за них своих дочерей.

Тогда Ромул устроил праздник, на который пригласил сабинян. Во время пира римляне похитили девушек-сабинянок. Сабиняне пошли войной на Рим, но сабинянки сумели помирить своих отцов и мужей.

Обратимся к археологическим данным о древнейшем населении Рима и Лация. Ланий — область на западе Средней Италии. Это холмистая равнина площадью около 2 тыс. кв. км. Она ограничена морем, р. Тибром и горами. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. эту область заселили латиняне, давшие ей свое имя. Селились они преимущественно на холмах, где был более сухой и здоровый климат; в заболоченных низинах люди страдали от малярии. Жили латиняне в укрепленных поселках-городках, первоначально состоявших из примитивных хижин.

Каждый город являлся центром окружающей территории. Традиция насчитывала в Лации 30 таких поселений во главе с Альбой-Лонгой.

По-видимому, это была федерация латинских городов, созданная в целях защиты от внешних врагов. Вулканическая почва Лация была плодородна и годилась для земледелия, хотя низины и были заболочены. Большую роль в хозяйстве латинян играло скотоводство. Они разводили коров, овец, свиней. Лошадей было мало, и применялись они исключительно в военном деле. Предполагают, что заселение Лация шло из Альбы-Лонги и Рим появился позднее её.

Рим возник на левом берегу Тибра, в 23 км от его устья, на холмах. Географическое положение Рима было выгодным во многих отношениях: он стоял на судоходной реке, вблизи моря. По левому берегу Тибра, у самого подножия холмов, на которых зародился город, проходила древняя «соляная дорога», по которой в глубь страны везли соль, добываемую в устье Тибра. Холмы, особенно Капитолий и Палатин, имевшие обрывистые склоны, были удобны для обороны от врагов.

Первое поселение на месте будущего Рима возникло в X в. до н.э. на Палатинском холме. Жители этого поселка сжигали покойников так же, как это делали обитатели Альбы-Лонги. Очевидно, это были латиняне. В IX в. до н.э. были заселены некоторые соседние холмы. Обосновавшиеся на них люди не сжигали умерших, а хоронили в

могилах. По-видимому, это была другая ветвь италийских племен — сабиняне.

В VIII или VII в. до н.э., вероятно, произошло объединение латинской и сабинской общин.

Не исключено, что в VII в. до н.э. в это объединение вошла еще этрусская община, поселившаяся на одном из холмов. Предполагают, что само слово «Рим» (по-этрасски Ruma) этрусского происхождения. Таким образом, Рим возник как территориальная община, как союз, основанный не на племенной общности, а на соседской. Воспоминание об объединении трех общин при образовании Римского государства сохранилось, в частности, в том, что и в более позднюю эпоху полноправное население Рима делилось на три трибы (племена): Рамнов (латинян), Тициев (сабинян) и Луцеров (этрусков?). В конце VIII в. до н.э. Рим начал подчинять города Лация. По преданию, римляне захватили и разрушили Альбу-Лонгу.

Царский период в Риме.

В VII—VI вв. до н.э. этруски установили свое господство в Северной и Средней Италии. Рим тоже попал в сферу их влияния. Неизвестно, был ли Рим завоеван этрусками; скорее в VII в. до н. э. происходило мирное взаимодействие между ними и латино-сабинской общиной. В VI в. до н.э.

Рим сложился как город-государство. По преданию, в Риме правили семь царей; последние трое были этруски. Ученые считают этих трех царей — Тарквиния Древнего, Сервия Туллия и Тарквиния Гордого — реальными историческими личностями.

При этрусских правителях Рим стал значительным центром ремесла и торговли. В это время в нем поселилось много этрусских ремесленников, возникла Этрасская улица. Рим был обнесен каменной стеной, в городе была устроена канализация; сооруженная при Тарквинии Древнем так называемая Большая клоака — облицованный камнем широкий подземный сточный канал — действует в Риме и поныне. При Тарквинии Древнем в Риме был построен первый цирк для гладиаторских игр, еще деревянный. На Капитолии этрусские мастера воздвигли храм Юпитера, который стал главной святыней римлян. От этрусков римляне унаследовали более совершенный вид плуга, ремесленную и строительную технику, медную монету — асс. У этрусков было заимствовано и одеяние римлян — тога, форма дома с атрием (внутренним помещением с очагом и отверстием в крыше над ним), письменность, так называемые римские цифры, способы гадания по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных.

Общественный строй Древнейшего Рима.

Царский период в истории Рима (VIII—VI вв. до н.э.) был эпохой разложения первобытных отношений и возникновения классов и государства в Риме. «Римский народ» (*populus Romanus*) в начале своей истории являлся родо-племенным объединением. Согласно традиции, в Риме было 300 родов, которые составляли 30 курий (по 10 родов каждая) и 3 трибы (по 10 курий). Правда, эту традицию нельзя считать вполне надежной. Римская триба, в известной степени соответствующая греческой филе, - это Римская курия представляла собой объединение близкородственных-редов. Каждый род якобы состоял из десяти семей. Строгая правильность римской родо-племенной структуры носит на себе печать позднейшего искусственного переосмысления или следы вмешательства государства в первоначальный строй древнейшего Рима. Однако, как подчеркивал Ф. Энгельс, «при этом не исключено, что ядром каждого из трех племен могло служить подлинное старое племя»(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е Т. 21, с. 120.). Возможно, древняя родо-племенная организация римского общества была преобразована путем численного уравнивания родов и курий в каждой трибе с целью упорядочения войска и государственного управления.

Согласно теориям некоторых современных ученых, родо-племенное деление римского народа уже очень рано стало дополняться, а впоследствии вытесняться территориальными общинами — пагами; в результате объединения этих пагов и возник Рим. Древние авторы считают паг основной единицей, во главе которой стоял какой-нибудь магистрат, наблюдавший за тем, чтобы жители пага хорошо обрабатывали землю и не уходили из своей общины.

В царский период в Риме родичи были связаны обычаями кровной мести и взаимопомощи. Члены рода вели свое происхождение от общего предка и носили общее родовое имя (например, Юлии, Клавдии).

В пределах родов существовали семейные общины. Римская патриархальная семья называлась «фамилией» (*familia*). В царский период она обычно являлась большесемейной домашней общиной, сходной с древневосточным «домом» и включавшей детей, внуков, жен сыновей и внуков, а также рабов. Глава патриархальной (агнатической) семейной общины назывался *pater familias* — «отец семьи» или *dominus* — «господин, хозяин» (от слова *domus* — «дом, хозяйство»). Женщины, выходя замуж, утрачивали связь со своей семейной общиной и вступали в патриархальную семью мужа, но не в его род и поэтому сохраняли свое добрачное родовое имя (Личных имен (если не считать прозвищ) женщины в архаический период вообще не имели; старшая дочь в семье носила только родовое имя, последующие — номера («Вторая», «Третья», и т. д., изредка — «Старшая», «Младшая»)). У каждой семейной общины был свой культ

домашних божеств, в том числе культ семейных предков. Семейные культы переплетались с культами, отправлявшимися пагами. Наиболее характерным для семейной и территориальной общин был культ ларов.

Во владении патриархальной семьи находились дом, скот, оружие, домашние вещи, украшения и небольшой приусадебный участок земли. Пахотная земля делилась между семейными общинами по жребию. Время от времени производились земельные переделы. Пастбища использовались членами соседской (территориальной) общины коллективно. Пустующая земля оставалась всенародной — *ager publicus*.

В римском обществе верховным собственником всей земли являлась община-государство.

Землевладение же (за исключением коллективного использования общинных угодий — лесов, пастбищ и т. п.) было частным. Общественное производство существовало в виде частных хозяйств патриархальных семей. Право участия в общинной собственности на землю было неразрывно связано с гражданством в общине: только римские граждане могли владеть землей и арендовать участки *ager publicus* в Римском государстве. Общинный, государственный характер земельной собственности обусловил и коллективный характер государственного управления. Политическими органами гражданской общины в Риме были царь, сенат и народное собрание.

Старейшие римские роды объединялись под названием патрициев. Из них выделилась родовая аристократия, состоявшая из глав наиболее знатных фамилий. Эта знать впоследствии чаще всего и называется патрициями в узком смысле слова. Они захватывали в свои руки значительную долю имущества распадавшейся родовой общины, прежде всего землю, а также большую долю военной добычи.

Пришельцы и лица, потерявшие родовые связи, попадают в положение клиентов, зависимых от патрициев. Они втягиваются в патрицианские фамилии в качестве патриархально-зависимых лиц. Здесь наблюдается аналогия с древневосточными патриархально-зависимыми работниками, втянутыми в хозяйства богатых и знатных «домов». Как в Передней Азии, так и в Риме патриархально-зависимыми могли стать не только обедневшие сородичи, но и чужаки, включая вольноотпущенников. Клиенты носили родовые имена своих покровителей — патронов, участвовали в общих праздниках фамилии своего патрона; хоронили клиентов на фамильном кладбище.

Земельный надел клиент получал из рук патрона.

Клиент обязан был прислуживать в доме патрона, сопровождать его в военных походах, а также во время торжественных выходов, обеспечивать некоторые платежи например при выкупе патрона из

плена. Патрон оказывал покровительство клиенту, защищал его на суде. И патриции и клиенты участвовали в народном собрании, где клиенты, конечно, голосовали по указке своих патронов. Голосование в Риме в этот период было открытым. Кроме клиентов в раннем Риме существовал еще один неполноправный общественный слой - плебс, несколько похожий на афинских метеков или спартанских периеков. Плебеи были лично свободными людьми, но стояли вне родо-племенной организации римского народа, считались чужаками в римской общине, а поэтому не обладали правами общинников.

Предполагается, что плебеи — потомки древнейшего покоренного римлянами населения Лация; впоследствии масса плебеев, вероятно, пополнялась пришельцами, оторвавшимися от своих общин, которые по собственной инициативе или по принуждению переселялись в Рим и получали там землю. Современные ученые высказывают предположения, что эти люди получали наделы или из царской земли, о существовании которой упоминают источники, или из *ager publicus*, поскольку общественный земельный фонд ещё далеко не весь был занят (Из такого предположения следовало бы, что земельные наделы плебеев не являлись их частной собственностью, но есть и другое мнение; юридическое основание приобретения земельных участков плебеями остается для раннего периода истории Рима неясным.). Есть основания предполагать, что в древнейшем Риме часть *ager publicus* была закреплена за определенными пагами, а часть оставалась в общей собственности всех объединившихся пагов. Из такого фонда могли предоставляться наделы переселенцам, из которых и пополнялся плебс.

Некоторые плебеи занимались ремеслами и торговлей, а часть отдавала себя под покровительство патрициев, становясь их клиентами.

Плебеи привлекались к несению военной службы, но не участвовали в дележе военной добычи; не допускались они и к раздilu к разделу земель из общественного фонда, увеличивавшегося в результате завоеваний. В следующую, республиканскую эпоху аграрный вопрос стал основным в борьбе между патрициями и плебеями.

Низшую социальную категорию составляли рабы. Рабами являлись преимущественно чужаки (купленные, пленные), но в рабство попадали путем долговой кабалы и люди из свободного местного населения. Итак, в древнейшем Риме существовало четыре основных сословия: патриции, плебеи, клиенты и рабы. На противоположных полюсах римского общества уже в царский период начали зарождаться классы рабов и рабовладельцев.

Рабовладельцами становились не только богатые патриции, но и богатые плебеи.

Политический строй Рима в Царский период.

Система управления в древнейшем Риме внешне сохраняла форму военной демократии, но ее административные органы все в большей степени выполняли уже классовые, государственные функции. Царь (rex) был прежде всего военачальником, а также верховным судьей и жрецом. Он выбирался всем римским народом.

По преданию, цари правили Римом с его основания до 510 г. до н.э. Рядом с царем стоял сенат — совет старейшин (от лат. senex — «старик»). Сенаторов было 300, по одному от каждого рода. Сенат вместе с царем утверждал или отвергал решения народного собрания. Оно существовало в форме куриатных комиций, что значит сходки членов курий. Народ группировался для голосования по куриям. После голосования внутри курии она подавала на комициях один голос. Плебеи к политическому управлению не допускались.

Важным событием общественно-политической жизни Рима явились реформы предпоследнего этрусского царя — Сервия Туллия, жившего, согласно традиции, VI в. до н.э. По преданию, он установил деление римских граждан по территориальному и имущественному признакам. Начиная с этого времени в Риме стала производиться через каждые четыре года перепись всех граждан и их имуществ. На основании переписи все население, включая патрициев и плебеев, делилось на шесть имущественных разрядов.

По - видимому, критерием имущественного положения гражданина считался размер его земельного надела. Люди, обрабатывающие полный надел (20 югеров, т.е. 5 га) относились к I классу; 3/4 надела — ко II классу; 1/2 надела — к III классу; 1/4 надела - к IV классу; обрабатывающие надел еще меньших размеров - к V классу; совсем безземельные к VI классу. Безземельных граждан римляне называли пролетариями. Позже имущественный ценз был установлен в денежной форме. Вместо прежних трех племенных триб Сервий Туллий разделил Римское государство на четыре территориальные трибы.

Деление граждан по имущественному признаку использовалось лось прежде всего для распределения воинской повинности. Все свободное население, включая патрициев и плебеев, было обязано служить в ополчении. Первый класс выставлял 98 центурий(сотен), в том числе 80 центурий тяжеловооруженной пехоты и18 центурий конницы; все остальные классы, вместе взятые, выставляли 95 центурий легкой пехоты и вспомогательных отрядов(Если эти цифры достоверны, то это значит, что в городе-государстве Риме уже тогда было свыше 100 тыс. жителей, не считая рабов. Но скорее всего эти традиционные данные нельзя считать точными.). Вооружение и содержание воинов ложилось на самих граждан, а не на государство.

Традиция приписывает Сервию Туллию создание нового народного собрания — центуриатных комиций. Голосование в этом собрании происходило по центуриям, а при общем подсчёте голосов каждая центурия имела один голос. Первому классу было обеспечено большинство голосов: 98 против 95 голосов всех остальных классов, вместе взятых. В центуриатных комициях патриции и плебеи участвовали без различия их сословного положения, а с учетом только имущественного ценза и обусловленной им военной службы. Причина реформ Сервия Туллия коренилась в борьбе между плебеями и патрициями. Эти реформы нанесли первый удар по первоначальному сословному строю Рима и способствовали дальнейшему формированию классового, рабовладельческого общества.

В качестве приблизительного хронологического рубежа между царским и республиканским периодами римской истории современная наука признает традиционную дату — 510 г. до н.э. Согласно преданиям, этрусское господство и в то же время царский период в Риме кончились в связи с восстанием римлян против этрусского царя Тарквиния Гордого. По римской легенде, толчком к восстанию послужило то, что царский сын Секст Тарквиний обесчестил женщину патрицианского рода Лукрецию и та покончила жизнь самоубийством. Движение против царя возглавили патриции, стремившиеся захватить власть в свои руки. Вспыхнувшее восстание заставило Тарквиния Гордого бежать вместе с семьей в Этрурию, где он нашел приют у царя города Клузия Порсены.

Этруски сделали попытку восстановить свое господство в Риме. Порсена осадил Рим. По преданию, юноша Муций отправился в лагерь этрусков с целью убить Порсену. Будучи схвачен, он сжег на огне свою правую руку, чтобы показать презрение к пыткам и смерти. Изумленный стойкостью римского воина, Порсена не только отпустил Муция, но и снял осаду с Рима. Муций получил прозвище «Сцевола», что значит «Левша», которое стало передаваться по наследству. Имя Муция Сцеволы стало нарицательным: оно обозначает бесстрашного героя, жертвующего всем для отечества.

Литература:

Неронова В.Д. Этруски и Ранний Рим./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.415-430

Лекция 23: Карфагенская держава в западном средиземноморье (I тысячелетие до н.э.).

Создание карфагенской морской державы и соперничество с греками.

Вторая четверть I тысячелетия до н.э. была ознаменована в Западном Средиземноморье созданием Карфагенской державы — объединения финикийских (или по-латински пунических) колоний в Северной Африке, Южной Испании, Западной Сицилии и Сардинии. В этих областях уже длительное время ведущую роль в политической жизни играл город Карфаген (финик. Карт-хадашт — «Новый город»)(Карфаген был назван «Новым городом» в противоположность Тиру, который, как показывает наименование главного городского божества Мелькарт — «царь Города», мог называться и Карт — «Город». Под названием «Нового города» на Средиземном море существовало еще несколько городов: Карт-хадашт на о-ве Кипр, построенный на месте разрушенного тирянами Кития, Карт-хадашт — Карфаген в Африке и Карт-хадашт, или Новый Карфаген, ныне Картахена в Испании.). Карфаген был основан в нынешнем Тунисе выходцами из Тира около 825 г. до н.э.(Такова легендарная дата; на территории самого Карфагена, однако, по мнению ряда видных археологов, пока не найдено археологических памятников старше конца VIII в. до н.э.; другие ученые считают возможным, что финикийские постройки существовали уже в X в. или даже еще раньше, но аргументация остается спорной. — Примеч. ред.).

Благодаря своему исключительно выгодному географическому положению в самом узком месте Средиземного моря, в непосредственной близости от Сицилии город Карфаген рано превратился в один из крупнейших средиземноморских торговых центров; он поддерживал непосредственные контакты с Египтом, Грецией, Италией (главным образом с Этрурией), Сицилией и Сардинией. Развитие торговли привлекало в Карфаген многочисленное разноязычное население: кроме финикийцев здесь постепенно поселилось много греков и этрусков.

С самого основания и до падения Карфагена его главную силу составлял флот. Если во II тысячелетии до н.э. финикийцы плавали на кораблях, напоминавших древние египетские и шумерские, только изготовленных не из стволов тростника или папируса, а из прочного ливанского леса, с высоким носом и кормой, беспалубных или однопалубных, с одним широким прямым парусом и с большим двойным рулевым веслом на корме, — то в первой половине I тысячелетия до н.э. устройство кораблей значительно усовершенствовалось. Корабли стали теперь двухпалубными; фальшборт верхней палубы, где находились войны, был защищен круглыми щитами, на нижней палубе в два ряда (один выше, другой ниже) сидели гребцы (вероятно, из рабов), на носу под водой был устроен мощный таран для потопления вражеских судов, а кормчего, управлявшего рулевыми веслами, надежно защищала высоко поднятая и загнутая сверху корма.

На носу можно было поднимать дополнительный прямой парус. Лишь торговые суда строили попрежнему с одинаковым носом и кормой, но и на них было по два ряда гребцов.

В VII—VI вв. до н.э. карфагеняне вели активную наступательную политику в Северной Африке.

Вдоль морского побережья по направлению к Геркулесовым Столпам (ныне Гибралтарский пролив), а также за ними на атлантическом побережье основывались карфагенские колонии. Уже к концу VII в. до н.э. существовали карфагенские колонии на атлантическом побережье современного Марокко (Таков Лике у нынешнего города Аль-Арайш (Ларош). Найдено также безымянное поселение (Карийская стена?) у г. ас-Сувейра (Могадор).).

В середине VI в. до н.э. карфагеняне под предводительством Малха вели войну против ливийцев и, по-видимому, в результате победы добились освобождения от уплаты арендной платы за городскую землю, которую они до этого должны были регулярно вносить одному из местных племен. В конце VI в. до н.э. была завершена и многолетняя борьба с Киреной, греческой колонией в Северной Африке, за установление границы между двумя государствами. Граница была значительно отодвинута от Карфагена на восток, в сторону Кирены.

В те же века Карфаген укреплялся и на Пиренейском полуострове, где финикийские колонии во главе с Гадесом (ныне Кадис) ещё до того вели упорную борьбу с Тартессом за торговые пути к Британским островам, которые были богаты оловом. Тир и Карфаген оказывали жителям Гадеса всевозможную поддержку. Разгромив Тартесс на суше, они подвергли его блокаде и захватили часть принадлежавшей ему территории. В середине VII в. до н. э. Карфаген основал свою собственную колонию Эбесс (ныне Ивиса) на Балеарских островах, вблизи берегов Испании. Эти острова Карфаген также захватил у Тартесса.

Во второй половине VII в. до н.э. карфагеняне решили закрепиться на полуострове. Гадес воспринял такой шаг Карфагена как угрозу своему монопольному положению в международной торговле цветными металлами и оказал Карфагену упорное сопротивление. Но карфагеняне взяли Гадес штурмом и разрушили его стены. После этого под властью Карфагена оказались, несомненно, и другие финикийские колонии на Пиренейском полуострове. Дальнейшее продвижение карфагенян в этом районе было остановлено греческой (фокейской) колонизацией средиземноморского побережья полуострова. Около 600 г. до н. э. фокейцы нанесли карфагенскому флоту ряд серьезных поражений и остановили распространение карфагенского влияния в Испании. Основание фокейской колонии на о-ве Корсика прервало па длительное время и карфагено-этрусские связи.

В середине VI в. до н.э. карфагеняне вели серию войн в Сицилии (карфагенскими войсками командовал полководец Малх), и в результате под их властью оказались значительные территории на западе острова, в том числе и старые финикийские колонии. Но поход Малха в Сардинию закончился неудачно, и карфагенское правительство осудило полководца и его армию на изгнание.

Власть в Карфагене с самого начала находилась в руках торгово-ремесленной олигархии. По преданию, во главе государства на первых порах стояла царица Элисса, основательница города, после своей гибели обожествленная и, видимо, почитавшаяся под именем популярнейшей в городе богини Тиннит (Существует мнение, что легенда о Дидоне-Элиссе (Элисса означает «Кипр», более раннее название — Аласия) и о постройке ею Карфагена относилась первоначально к Карт-хадашту на Кипре, который был основан в конце IX в. до н.э., и лишь позже эта легенда была перенесена на африканский Карфаген.). Позже власть захватили коллективные органы олигархической диктатуры — совет старейшин и, видимо, возглавлявший его совет десяти. Решение совета старейшин об изгнании Малха привело к резкому обострению в городе политической борьбы. Не подчинившись приказу об изгнании, Малх штурмом захватил Карфаген, а затем, созвав народное собрание, добился казни всех членов совета десяти. Источники говорят, что Малх ввел в Карфагене собственные законы. По-видимому, подобно раннегреческим тиранам, он пытался опереться на народное движение, однако не сумел обеспечить себе поддержку народа на длительное время. Враги обвинили его в стремлении к узурпации власти, добились его свержения и казни. К власти пришел представитель враждебной Малху олигархической группировки Магон, вероятно принявший активное участие в низвержении Малха.

Правление Магона, его сыновей и внуков (с середины VI до середины V в. до н.э.) стало для страны временем важных преобразований.

Из них особо должно быть отмечено создание наемного войска, значительно превосходившего численностью и боевыми качествами карфагенское гражданское ополчение. Результатом этой реформы было резкое ослабление позиций демократических кругов карфагенского общества: режим Магона и Магонидов опирался на наемную армию.

По-видимому, после прихода Магона к власти были установлены союзнические отношения с этрусскими городами Италии. Этот союз был направлен против общего врага — фокейцев и их союзников — тартессцев. Союз с этрусками был настолько прочен, а разнообразные карфагено-этрусские связи настолько глубоки, что взаимная торговля была в дальнейшем детально регламентирована, были установлены взаимные гарантии. Посвятительные надписи из этрусского города Пирг финикийской богине любви и плодородия Аштар (в этрусском

тексте — Уни-Ашарт) с параллельными текстами на этрусском и финикийском языках продемонстрировали и распространение в этрусской среде карфагенских культов, и отождествление этрусских и финикийских богов.

Карфагено-этрusская коалиция существенно изменила политическую обстановку в Западном Средиземноморье. После битвы при Алалии (у берегов Корсики) господство греков (фокейцев) на средиземноморских путях было уничтожено. После этого Карфаген предпринял новое наступление на Сардинию, где были основаны колонии на побережье и многочисленные мелкие пунийские поселения в глубине острова. Победа при Алалии изолировала Тартесс в политическом и военном отношении, и в конце 30-х — начале 20-х годов VI в. до н. э. карфагенские захватчики буквально стерли Тартесс с лица земли, так что поиски археологов, пытающихся обнаружить его местонахождение, до сих пор не дали удовлетворительных результатов. Почти в то же время (509 г. до н.э.) Карфаген заключил с этрусскими городами, а также с Римом серию договоров, согласно которым карфагеняне обязались не появляться севернее определенного пункта (по-видимому, в Испании?), а этруски и римляне — южнее его. Этими договорами был произведен раздел Западного Средиземноморья между союзниками — карфагенянами и этрусками — и узаконены притязания карфагенян на монополию в западной части Средиземного моря. Дальнейшие столкновения карфагенян с греками в Западном Средиземноморье (например, с жителями Массалии, ныне Марселя) происходили с переменным успехом и не повлияли сколько-нибудь существенно на соотношение сил и границ между зонами карфагенского и греческого господства.

Вторжение персидских войск в Грецию в начале V в. до н.э. создало предпосылки для военного союза между Персидской державой и Карфагеном. Около 480 г.

Ксеркс договорился с карфагенянами об одновременном ведении боевых действий, однако это предприятие карфагено-персидской коалиции закончилось неудачей. В 480 г. одновременно с разгромом персидского флота при Саламине карфагеняне потерпели сокрушительное поражение при Гимере (в Северной Сицилии) от объединенных войск греческих городов-государств на этом острове — Сиракуз и Акраганта. Наступление карфагенян в Сицилии было на длительное время приостановлено.

Тем более энергичную политику Карфаген начал вести в Северной Африке, где ему удалось захватить обширные территории и подчинить своему господству коренное ливийское население.

К середине V в. до н.э. Карфагенская держава представляла собой конгломерат областей, племен и народностей, экономически и политически слабо связанных между собой. Их правовое положение было неодинаковым. Граждане некоторых финикийских (пунийских)

городов, в том числе Утики (пунич. «Старый город»), считались равноправными с гражданами Карфагена и его метрополии — Тира.

Другую группу составляли собственно карфагенские колонии, возможно привилегированные. В третью группу входили территории, формально подчиненные администрации г. Карфагена: на них распространялось действие карфагенских законов, их внешняя торговля велась под контролем должностных лиц Карфагена, взыскивавших пошлины в его пользу. В Лептисе Малом (на восточном побережье нынешнего Туниса) такая пошлина составляла талант в день (20—30 кг серебра). Наиболее бесправными и угнетенными были в Карфагенской державе подданные ливийцы. Во главе управления ливийскими областями и городами стояли военные администраторы — стратеги. Они ведали налогообложением (взыскание податей здесь производилось с чудовищной жестокостью), а также осуществляли насильственную мобилизацию ливийцев в карфагенскую армию.

Одним из важнейших результатов завоевания территорий в Северной Африке было появление карфагенского крупного землевладения. В долине р. Баграда и на морском побережье возникли крупные хозяйственные комплексы, где практиковалось орошаемое земледелие, скотоводство и работало очень много рабов. На базе опыта этих хозяйств в Карфагене сложилась высокоразвитая агрономическая наука. Труд ее виднейшего деятеля, Магона, неоднократно переводился (в том числе и по приказанию римского сената) на латинский и греческий языки, постоянно цитировался в сочинениях по естественным наукам и сельскому хозяйству. Крупные землевладельцы-рабовладельцы в Карфагене составили социально-политическую группировку, враждебную политике дальнейшей экспансии, которую проводила торгово-ремесленная аристократия Карфагена.

Во второй половине V в. до н.э. Магониды утратили — при неясных обстоятельствах — власть. Она снова оказалась в руках коллективных органов аристократического господства. Чтобы предотвратить в будущем возникновение диктатуры, карфагенская олигархия создала специальный орган — совет 104-х, наделенный судебными и финансовыми функциями. Под его контроль была поставлена деятельность военачальников. Члены совета назначались особыми коллегиями (пентархиями) по признаку принадлежности к аристократическим родам; в свою очередь, пентархии пополнялись путем кооптации. Постепенно контролю совета 104-х стали подведомственны все магистраты. Для расширения социальной базы олигархии численность совета старейшин была увеличена до 300 человек, а его президиума — соответственно до 30. В выборах совета участвовали все свободные карфагеняне, но избранными могли быть только самые богатые люди. Верховная исполнительная власть находилась в руках суфетов («судей»), избиравшихся сроком на один год. Имелись и другие администраторы, ведавшие различными сферами управления (например, казначеи), и административные

коллегии, в частности «десять мужей», ведавшие храмами. Аналогичные органы управления существовали и в других финикийских колониях на Средиземном море.

В конце V в. до н.э. Карфаген возобновил свою экспансию в Сицилии. Причинами этого поворота во внешней политике Карфагена явились, по всей видимости, усиление Сиракуз после разгрома в 416 г. афинского экспедиционного корпуса, пытавшегося захватить Сиракузы, и угроза со стороны этого города карфагенским владениям на западе острова.

Непосредственным поводом к вмешательству Карфагена в дела острова послужило столкновение между Сегестой, старым союзником Карфагена, и Селинунтом (410 г. до н.э.). Сегеста обратилась за помощью к Карфагену. В 409 г. карфагенские войска высадились на западе Сицилии, неподалеку от финикийского города Мотни, а к 406 г. все греческие города на юге Сицилии, включая важный город Акрагант (ныне Агридженто), оказались в руках карфагенян, подошедших вплотную к Сиракузам. От осады Сиракузы спасла чума, разразившаяся в карфагенском лагере. В 405 г. между Сиракузами и Карфагеном был заключен мир, гарантировавший Карфагену господство на западе и юге острова. Но через несколько лет сиракузский тиран Дионисий Старший вторгся в Западную Сицилию. Карфагенский полководец Гимилькон, высадившийся в тылу Дионисия, неподалеку от финикийского города Панорма (на северо-западе Сицилии, ныне Палермо), заставил сиракузян отступить и позже блокировал их город. Однако и на этот раз в карфагенском лагере началась эпидемия, и Гимилькои вместе с карфагенскими гражданами бежал на родину, бросив наемное войско на произвол судьбы.

Эта неудача послужила сигналом к массовому восстанию в Северной Африке ливийцев и рабов, которым удалось осадить Карфаген с суши. Только отсутствие твердого руководства у повстанцев и подкуп позволили карфагенянам разгромить их.

Начиная с 398 г. до н.э. до смерти Дионисия Старшего в 367 г. с короткими перерывами в Сицилии опять бушевала война, в которой то карфагеняне, то сиракузяне несли тяжелые поражения. После 367 г. до н.э. Дионисий Младший решил прекратить бесперспективные попытки создать в Сицилии сиракузскую державу, и мирный договор подтвердил и закрепил положение, существовавшее до войны. Это был большой успех карфагенян. Им они были обязаны реорганизации своей армии, произведенной их полководцем Ганноном Великим.

По-видимому, одновременно с этими событиями в Северной Африке вспыхнули новые волнения, подавленные Ганноном. Резко обострилась политическая борьба и в самом Карфагене. Воспользовавшись своими военными успехами, Ганнон Великий

попытался истребить членов совета старейшин и установить свою диктатуру.

Его планы были раскрыты, и Ганнон был вынужден бежать в глубь материка. Вооружив 20 тыс. своих рабов, он занял там небольшую крепость и попытался вести войну с Карфагеном. Предприятие Ганнона закончилось неудачей: он был захвачен правительственными войсками и убит, а труп его распяли на кресте. Казнены были также его сыновья и все родственники.

Между тем в 345 г. до н.э. в Сицилии снова начались военные действия. Карфагеняне вмешались в борьбу в Сиракузах между Дионисием Младшим и аристократической партией. Противники Дионисия Младшего в Сиракузах обратились за помощью к Коринфу — метрополии Сиракуз, и оттуда в Сицилию были присланы войска под командованием Тимолеонта. Карфагенские владения в Сицилии оказались под серьезной угрозой, однако и на этот раз Карфагену удалось их сохранить.

В 318 г. до н.э. Карфаген поддержал авантюриста Агафокла, возглавившего в Сиракузах демократическое движение, помог ему овладеть городом и расправиться со своими противниками из олигархической партии. Однако, придя к власти, Агафокл прежде всего попытался уничтожить карфагенское господство в Сицилии. В течение ряда лет война шла с переменным успехом, и наконец в 311 г. удача стала склоняться в пользу Карфагена. В этих условиях Агафокл решил перенести войну в Африку, рассчитывая на солидарность местного населения. Карфаген действительно очутился в тяжелом положении. Агафокл нанес карфагенским войскам несколько чувствительных поражений и сумел заключить союз с одним из ливийских «царей». К этому добавился тяжелый внутренний кризис, вызванный попыткой полководца Бомилькара, командовавшего карфагенской армией, захватить власть в свои руки. В Карфагене шли уличные бои между сторонниками и противниками претендента.

Восстание Бомилькара потерпело поражение, сам он был распят на карфагенской рыночной площади.

Агафокл добился в Северной Африке значительных военно-политических успехов. Он овладел даже Утикой и Гиппон-Диарритом — двумя важнейшими портовыми городами на флангах Карфагена; казалось, главнейшая часть Карфагенской державы в Африке — в его руках. Тем не менее Агафоклу не удалось главное: он не сумел заставить карфагенян отказаться от блокады Сиракуз. Это обстоятельство заставило Агафокла вернуться в Сицилию. Затем карфагеняне нанесли сиракузской армии серьезное поражение в Африке, и Агафокл вскоре прекратил военные действия. Еще один мирный договор, на этот раз между Карфагеном и Агафоклом, снова позволил Карфагену сохранить все свои владения в Сицилии.

В 278 г. до н.э. над карфагенскими владениями в Сицилии нависла новая угроза: из Южной Италии на остров переправился Пирр, царь Эпира. Греческие города один за другим признавали его власть, и карфагенское правительство, чувствуя себя неготовым к борьбе, предложило Пирру мир, отказываясь от всех своих территорий в Сицилии, кроме одного опорного пункта — г. Лилибея. Пирр потребовал, чтобы карфагеняне уступили и его. Получив отказ, он осадил спорный город. Между тем политика Пирра в Сицилии оттолкнула от него граждан греческих городов, которых он пытался превратить из автономных союзников в прямых подданных своего царства.

Теперь сицилийские греки увидели в карфагенянах освободителей от новоявленного властителя. После вынужденного ухода Пирра в Южную Италию Карфаген полностью, уже в пятый раз менее чем за полтора столетия, восстановил свое положение в Западной Сицилии.

Пунические войны (борьба Карфагена с Римом).

Период, начинающийся с середины III в. до н.э. и заканчивающийся серединой II в. до н.э., был временем ожесточенной борьбы Карфагена за господство в Западном Средиземноморье с новой силой — Римом. В римской историографии это время называется периодом Пунических войн.

Накануне I Пунической войны Карфаген представлял собой высокоразвитое торгово-ремесленное рабовладельческое государство. Здесь были широко развиты все виды ремесел, в том числе обработка металлов, ювелирное дело, ткачество, изготовление ковров, строительное дело, судостроение и т.д. Ремесленники, по-видимому, объединялись в культово-профессиональные коллегии. Торговые связи карфагенян охватывали все страны Средиземноморья; карфагенские купцы участвовали в торговле даже со странами Причерноморья, а через Египет также с Южной Аравией. Наряду с торговлей изделиями местных ремесленников и местным зерном (Северная Африка считалась одной из житниц древнего Средиземноморья) они вели и интенсивную посредническую торговлю. Из глубины Центральной Африки в Карфаген доставлялась и перепродавалась пунийцами дальше слоновая кость; из Испании, Северной Африки и Сардинии — серебро и свинец; с Атласских гор — высокосортная древесина; с островов Средиземного моря — оливковое масло, вино, ткани, рыба. Рост товарного производства на Ближнем Востоке, в Греции, Италии, в ряде областей Африки и Испании и активное участие этих стран в мировой торговле привели к накоплению огромных богатств в руках карфагенской торгово-ремесленной верхушки и общему росту среднего жизненного уровня карфагенского населения.

Очень важную роль в жизни Карфагена играло и сельское хозяйство. Значительные земельные фонды оставались в руках

подвластного Карфагену ливийского населения. Оно выплачивало Карфагену поземельный налог (1/10 долю урожая зерновых). Во время I Пунической войны эта подать была удвоена: кроме того, карфагенские правители начали взимать налог и с других культур, составлявший половину урожая. Но, как уже говорилось, большое количество земель принадлежало и непосредственно крупным землевладельцам-карфагенянам. Богатыми хозяйствами располагали также храмы.

Карфагенская держава была страной высокоразвитого рабовладения. В руках рабовладельцев здесь сосредоточивались огромные армии рабов, занятых как в сфере материального производства, так и в сфере личного обслуживания рабовладельцев. Рабский труд применялся и в ремесле, и в сельском хозяйстве. Рабы-ремесленники приобретали известную самостоятельность, могли вести свое хозяйство и заключать браки, признававшиеся законом. В карфагенских надписях упоминаются и вольноотпущенники, которым иногда предоставлялось «сидонское право» («сидоняне» было распространенным обозначением всех финикийцев вообще; в данном случае имелись в виду лица, приравненные в правах к гражданам тех финикийско-пунических городов, которые не обладали всеми привилегиями Тира и его дочернего города — Карфагена; таким образом, граждане «сидонского права» имели статус, вероятно схожий с положением италиков в Римской державе эпохи ранней республики).

Широко распространена была в Карфагене и эксплуатация полусвободного зависимого населения (бодов). К сожалению, о нем известно мало. В хозяйствах крупных землевладельцев, а также, по всей видимости, и в крупных ремесленных мастерских использовался также труд свободных наемных работников.

Первая Пуническая война началась с того, что римляне захватили в 264 г. до н.э. Мессану — город в Сицилии, на берегу узкого пролива, отделяющего остров от материковой Италии, тем самым перерезав главный путь сиракузской торговли. К 262 г. до н.э. римские войска овладели практически всей Сицилией, за исключением немногих прибрежных городов.

Правда, карфагеняне обладали ещё преимуществом на море, что позволяло им удерживать приморские гавани Сицилии и даже предпринимать набеги на италийское побережье. Однако римляне ликвидировали это преимущество Карфагена созданием собственного флота и изобретением абордажных мостиков («воронов»), навязали карфагенянам неслыханную до того тактику абордажного боя и сумели одержать ряд морских побед. В 256 г. римские войска высадились на африканском побережье.

Часть римской десантной армии вскоре была отозвана сенатом, во главе оставшихся оказался Марк Атилий Регул. В сражении неподалеку от Карфагена римские войска были разбиты, лишь

небольшой группе римлян удалось бежать в Рим; Регул попал в плен. Основным театром военных действий снова стала Сицилия. В 242 г. до н. э. римляне полностью блокировали последний опорный пункт карфагенян в Сицилии — Лилибей.

Карфагенское правительство послало к северу Сицилии новую флотилию, но и она была разгромлена в морской битве. В этой ситуации карфагенский совет решил кончить войну. Рим тоже не был в состоянии продолжать борьбу, и после длительных переговоров был заключен мир, по которому Карфаген отказался от всей Сицилии и Липарских островов, возвратил Риму пленных без выкупа и в течение десяти лет выплатил контрибуцию — 3200 талантов серебра.

Неудачный для Карфагена исход I Пунической войны вызвал в государстве острый социально-политический кризис — восстание наемных солдат, ливийских крестьян и рабов (241—239 гг. до н.э.), которое поставило государство на край гибели. Для своей сухопутной армии Карфаген почти всегда привлекал наемников, что в моменты неудач усугубляло опасное положение.

Под руководством выдающихся военачальников и политических деятелей Матоса, Спендия и Автарита повстанцы осадили с суши Утику, Гиппон-Диаррит и Карфаген.

В этой критической ситуации карфагенское правительство поручило подавление восстания Гамилькару Барке. В ходе длительной и трудной кампании он разгромил и перебил восставших наемников.

Подавление восстания 241—239 гг. значительно укрепило положение Гамилькара Барки, который возглавлял торгово-ремесленные круги Карфагена, требовавшие проведения активной завоевательной политики. По мысли Гамилькара Барки, исходной позицией для новой войны с Римом должна была стать Испания, где Карфаген имел давние дружеские связи. В 237 г. он высадился на Пиренейском полуострове и приступил к планомерному завоеванию его. После гибели Гамилькара Барки эту политику продолжил его зять Гасдрубал, один из руководителей карфагенского демократического движения, а после смерти последнего — Ганнибал, сын Гамилькара Барки (По преданию, Ганнибал еще мальчиком в торжественной обстановке поклялся своему отцу в вечной вражде к Риму («Аннибалова клятва»)). Ганнибалу к тому времени исполнилось 25 лет. Он был известен как способный и опытный воин, и армия провозгласила его командующим. При поддержке демократических слоев населения Карфагена она заставила яростно сопротивлявшихся олигархов утвердить это решение. В результате в Карфагене возникла военная диктатура; основные направления политики определял находившийся в Испании Ганнибал.

В течение 221—220 гг. до н.э. Ганнибал почти целиком завоевал Пиренейский полуостров к югу от р. Ибера (Эбро). Весной 219 г., не

обращая внимания на протесты римского правительства, Ганнибал осадил и взял штурмом Сагунт — город, пользовавшийся статусом римского союзника. Это был прямой вызов Риму. Требование римского правительства выдать Ганнибала как виновного в нарушении соглашения о границах карфагенских владений в Испании Карфаген отклонил, и весной 218 г. до н.э. Рим объявил войну Карфагену. Ганнибал между тем уже вел свои войска на север, чтобы, пройдя через Южную Галлию и преодолев Альпы, вторгнуться в Италию с севера.

Ганнибал шел на Рим с очень большой по тому времени армией; греческий историк Полибий говорит о 90 тыс. пехоты и 12 тыс. кавалерии, но даже если эти цифры преувеличены вдвое, переход через Альпы с таким войском был замечательным достижением военного искусства.

В армии Ганнибала был отряд слонов. Весь поход от Пиренейского полуострова до равнин Северной Италии Ганнибал провел в постоянных боях с союзными римлянам или просто враждебными галльскими и другими племенами; переход через Альпы затруднялся обвалами, льдом и снегом. У Ганнибала не было карт местности, и ему приходилось полагаться на проводников из местных жителей, надежность которых трудно было проверить. В пути погибло, вероятно, более половины армии и большая часть слонов, но Ганнибал сумел настолько воодушевить оставшуюся часть войска, состоявшую из пестрой массы пунийцев, ливийцев, иберийцев и галлов, что она показала себя в боях с римлянами не только вполне боеспособной, но и превосходящей своего противника.

План Ганнибала был полностью осуществлен. Римская армия опоздала и не сумела помешать ему переправиться через р. Родан (Рону). В конце 218 г. карфагенская армия, измученная трудным переходом через Альпы, оказалась в верховьях р. Пада (По). Военные действия в Италии длились 15 лет (описание их см. в лекции 24). Положение римлян не раз было критическим.

Однако в 204 г. до н.э. римским войскам удалось высадиться в Северной Африке. Карфагенское правительство отозвало Ганнибала на родину. В битве при Заме (202 г. до н.э.) карфагенские войска были разбиты. Ганнибал, понимая, что ресурсы Карфагена исчерпаны и продолжать войну он больше не может, настоял на заключении мирного договора (201 г.), хотя тот серьезно ограничивал суверенитет Карфагена.

Последний не только терял свои внеафриканские владения и должен был уступить значительные территории союзнику Рима Масиниссе, царю Нумидии (большого ливийского царства в современном Восточном Алжире), но и лишался права вести войну с кем бы то ни было без разрешения Рима. Сверх того на Карфаген была наложена огромная контрибуция. Ганнибал рассчитывал, что ему

удастся подготовить Карфаген к новой войне с Римом. Однако все его попытки в этом направлении были пресечены Римом при поддержке враждебных полководцу карфагенских олигархов. Ганнибал был вынужден бежать в Сирию, а затем в Малую Азию, где и погиб в 183 г. до н.э.

Несмотря на тяжелые условия договора 201 г., Карфаген сохранил свои торговые преимущества и сравнительно быстро восстановил свой экономический и военный потенциал. Такое развитие событий вызвало в Риме опасение, что в один прекрасный день карфагеняне попытаются взять реванш за свои неудачи в предыдущих войнах. В римском сенате взяла верх группировка во главе с Катонем, стремившаяся к уничтожению Карфагена. Катон взял за правило заканчивать любое свое выступление словами: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Предлогом для войны послужили столкновения между Карфагеном и Масиниссой, непрерывно требовавшим от Карфагена уступки все новых и новых территорий. В 150 г. к власти в Карфагене пришли демократы и попытались (неудачно) оказать Масиниссе вооруженное сопротивление. Воспользовавшись этим нарушением мирного договора, Рим объявил Карфагену войну в 149 г. до н.э. (III Пуническая война). Карфагенский совет, желая избежать борьбы, покорно выполнил все требования Рима: выдал заложников, оружие и снаряжение. Однако вслед за этим римское правительство потребовало, чтобы Карфаген был разрушен, а его граждане переселились на другое место, но не ближе 80 стадий (15 км) от моря. Это требование вызвало в Карфагене взрыв народного гнева и против трусливого совета, предававшего город, и против римлян. Демократические круги, пришедшие в городе к власти, решились защищаться и быстро подготовили Карфаген к обороне. Только после продолжительной осады весной 146 г. до н.э. римские войска штурмом взяли Карфаген.

Шесть дней длился уличный бой. Каждое здание в горевшем городе римляне захватывали только после ожесточенного сопротивления и ценой огромных потерь. Жители города, не погибшие во время боев (из 300 тыс. человек их осталось не более 50 тыс.), были проданы в рабство. По приказанию римского сената город был разрушен до основания (так что и в наше время оказывается невозможным археологически восстановить план доримского Карфагена), а место, где он стоял, было предано проклятию и перепахану.

Религия и культура Карфагена.

Подобно всем финикийским и вообще ханаанейским городам-государствам, Карфаген имел городских богов-покровителей, обычно называвшихся не собственными именами (они были табуированы), а нарицательными, например «господин» (Ба'л, Ваал), «богиня» ('Аштар, Астарт). Главными богами Карфагена были Ба'л-Хаммон — как видно, грозное солнечное божество — и богиня Тиннит. Ба'л-

Хаммону и Тиннит, «украшению Ба'ала», в жертву приносили не только животных, но в особо важных случаях и людей; около храма Тиннит найдено целое кладбище из погребений детей, принесенных в жертву. Кроме того, почитались бог-покровитель метрополии — Тира, «Царь города» (по-пунийски Мелькарт) и бог Эшмун. Ба'л-Хаммон, видимо, отождествлялся с египетским Амоном; местная Астарта тоже, вероятно, соотносилась с египетскими богинями Хатхор и Исидой. Тесные связи с другими народами Средиземноморья приводили к отождествлению пунических богов также с этрусскими (о чем мы уже говорили), а также с греческими и римскими: Тиннит — с Церерой, богиней плодородия, или с Юноной; Эшмуна — с богом врачевания Асклепием; Мелькарта — с Аполлоном или Гераклом. Храмы, строившиеся всем этим богам, по-видимому, были подражанием финикийским и греческим образцам.

Описания морских путешествий карфагенских флотоводцев Ганнона и Гимилькона в переводе на греческий язык с пунийских оригиналов (и, возможно, в переработке) были широко известны в греко-римском мире. Даты путешествий определяются различно; наиболее вероятные — VII — VI вв. до н.э. для Ганнона и VI в. до н.э. для Гимилькона (По другой версии, путешествие Ганнона было связано с антидемократическими реформами Магона и Магонидов и относится к середине V в., а путешествие Гимилькона — к концу V в.— Примеч. ред.). Целью путешествия Ганнона было выведение карфагенских колоний на атлантическое побережье. Он вышел в путь с 60 пятидесятивесельными кораблями и, если верить дошедшему до нас тексту, с 30 тыс. пассажиров — мужчин и женщин (это значит, что на каждом корабле было по 100 гребцов и 500 пассажиров). Основав несколько колоний на побережье современного Марокко, Ганнон не ограничился этим, но проплыл налегке и дальше на юг. Создав еще один далеко выдвинутый карфагенский форпост Керну (вероятно, близ устья р. Сенегал), он продолжал путешествие, поднимался вверх по большой реке, затем посетил какие-то острова, видел действующий вулкан, заходил в залив «Южный Рог», где встретил горилл, и т. п. (Наиболее вероятно, что это была р. Сенегал и острова Зеленого Мыса, вулкан находился на одном из них (о-ве Фога); Южный Рог — это Гамбия. Но есть и другие отождествления.— Примеч. ред.).

По-видимому, это было не единственное плавание карфагенян по Атлантике, так как карфагенская монета была найдена даже на Азорских островах; пунийцы, несомненно, обосновались и на Канарских островах. Геродот рассказывает о меновой торговле пунийцев с местными жителями Африки, по-видимому, далеко на юге, и ему же принадлежит безусловно достоверное известие о финикийцах, находившихся на египетской службе (V в. до н. э.), которые, начав путешествие в Красном море, за три года обогнули Африку, прибыли в Карфаген и оттуда вернулись в Египет.

Плавание Гимилькона было связано с поисками морского пути к местам добычи олова. Испанские месторождения находятся на северо-

западе Пиренейского полуострова, за пределами прямой досягаемости финикийских колоний, и олово приходилось выменивать через посредство местных племен. Но олово имелось также на Британских островах, и карфагеняне решили попытаться проложить туда прямой морской путь. Однако четырехмесячное плавание Гимилысона, видимо, не увенчалось успехом.

Значительного развития достигла в Карфагене историография. Труды карфагенских историков пользовались античные авторы, черпая из них информацию по истории Северной Африки и самого Карфагена.

Известен также карфагенский философ Гасдрубал, возглавивший во II в. до н.э. в Афинах одну из философских школ. Развита в Карфагене была и грамматическая наука.

Гибель Карфагена не привела к исчезновению в Северной Африке финикийской цивилизации: несмотря на интенсивную романизацию страны под властью Рима, пунический язык сохранился здесь до V в. н.э.

Под влиянием пунийцев была создана своеобразная местная письменность у ливийцев и нумидийцев, в измененном виде применяемая и сейчас берберским народом туарегов в Мали, Нигере и алжирской Сахаре. Официальные документы, в том числе и надписи, составлялись в эпоху римского владычества не только на латинском, но и на финикийском, а иногда и на ливийском языке. По-прежнему сохранялись финикийские культы, в особенности культ легендарной основательницы Карфагена — богини Тиннит. К карфагенским образцам восходила здесь повсюду и организация городского самоуправления.

Литература:

Шифман И.Ш. Карфагенская держава в западном средиземноморье (I тысячелетие до н.э.)./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.431-444

Лекция 24: Римская республика с конца VI до середины II в. до н.э.

Периодизация.

Вторым периодом римской истории после свержения власти царей является эпоха республики(Термин *res publica* означает по-латыни «народное дело», так римляне называли всю совокупность дел своей общины и государства во все периоды. Отнесение этого термина только к немонархическому типу государства принадлежит к позднему времени.), которая продолжалась с конца VI в. по 30 г. до н.э.

Историю республики обычно делят на три больших периода: ранняя республика; эпоха великих завоеваний (265 г.— 30-е годы II в. до н.э.); гражданские войны и кризис республики (133 — 31 гг. до н.э.).

Период ранней республики характеризуется двумя важными процессами. Во-первых, в это время происходит сословная борьба между патрициями и плебеями, в ходе которой были созданы социально-экономический базис позднейшего римского общества и его политическая система. Во-вторых, в этот период Рим завоевывает Италию, что позволило ему стать гегемоном, а затем и хозяином Средиземноморья.

Борьба патрициев и плебеев.

Борьба патрициев и плебеев началась ещё в царский период, но особенно обострилась во времена ранней республики. Плебеи стремились к уравниванию в правах с патрициями и равному участию в управлении.

Положение полноправного римского гражданина в основном определялось следующими чертами: право имущественной правоспособности (*ius commercii*), право вступления в квиритский брак (*ius connubii*) (Судя по всему, это право имело большое значение потому, что только человек, рожденный в квиритском браке, мог с момента рождения считаться римским гражданином (квиритом).), активное и пассивное избирательное право (*ius suffragii* и *ius honorum*). Ко всей этой совокупности прав примыкал еще один важнейший атрибут римского гражданства — право аренды общественной земли (*ager publicus*).

В VI—V вв. до н.э. плебеи не обладали всей этой совокупностью прав. Они не могли быть избранными на государственные должности и не имели права на брак с патрициями. Только при Сервии Туллии, допустившем плебеев в легион, последние смогли участвовать в центуриатных комициях.

Не совсем ясен вопрос об участии плебеев в аренде государственной земли. Впрочем, если такая аренда и разрешалась, все равно львиная доля земель находилась в руках патрицианской знати. Поэтому для плебеев первостепенное значение имел аграрный вопрос.

Другим наболевшим вопросом была массовая задолженность плебса, вызванная политическим господством патрициев и крайне нестабильной внешней обстановкой.

Расстановка сил в борьбе патрициев и плебеев была сложной. Плебс представлял собой разнородную массу, объединяя как выходцев из местной знати присоединенных к Риму городов и областей, так и рядовых жителей. Многие из плебеев владели

большим состоянием, и наличие крупной собственности сближало их с патрициями; другие располагали весьма скудными средствами к существованию. Это обстоятельство обусловило некоторое различие целей: если народные массы в основном стремились к наделению плебеев землей и смягчению долгового права, то верхушка плебса требовала прежде всего равного участия в управлении.

Патриции также не были единым политическим целым. Борьба за власть между отдельными родами и группировками вела к тому, что некоторые патриции становились на путь сотрудничества с плебсом. Напротив, другие группировки более определенно отстаивали сословные интересы патрициата.

Во главе управления в период ранней республики стояли два консула (По мнению некоторых исследователей, первоначально консулы назывались преторами; иногда полагают, что они не были равноправны и один из них являлся младшим коллегой другого. Версия вполне возможная.), избираемые на годичный срок народным собранием (центуриатными комициями (Комиции — буквально «сходка», собрание народа для решения вопросов путем голосования.)). Консулы, по существу, обладали той же властью, что и цари, с той разницей, что эта власть вручалась им на время; впрочем, еще не существовало законов, ограничивающих возможности их повторного избрания. Кроме консулов были только младшие магистраты — квесторы, первоначально назначаемые консулами.

Большое значение имел сенат, комплектовавшийся из бывших магистратов. Будучи формально консультативным органом при должностных лицах, он постепенно превратился в фактическое правительство республики. Народное собрание, формально считавшееся высшим органом государства, на самом деле имело весьма ограниченные возможности. Кроме того, один вид комиций (куриатные) состоял только из патрициев, а в другом (центуриатные) богатая часть населения имела подавляющий перевес. В этих условиях плебс находился на грани закабаления, и только упорная борьба предотвратила этот процесс.

Первая вспышка сословной борьбы относится, если верить римскому историку Титу Ливию, к 494 г. до н.э. В ответ на невыносимые условия долговой кабалы и произвол кредиторов плебеи удалились из Рима на Священную гору. Опасаясь осложнений в случае военной угрозы, патриции пошли на уступку. Плебеи добились права избрания особых должностных лиц из своей среды — народных трибунов, игравших роль представителей плебса перед государством.

Трибун был обязан защищать как отдельных плебеев, так и сословие в целом от злоупотреблений со стороны патрициев и прежде всего патрицианских магистратов. Вскоре трибуны получили право наложения запрета на решения магистратов или сената (право интерцессии) и возможности для принятия мер против нарушителей

договора между сословиями (арест, штраф и др.). Власть трибуна имела силу только в пределах городской черты. Особа народного трибуна считалась неприкосновенной. Доступ к этим должностям получила прежде всего верхушка плебса, которая и возглавила дальнейшую борьбу.

В 451—450 гг. до н.э. под давлением плебеев происходит первая кодификация права. Она была, однако, поручена комиссии «десяти мужей» (децемвиров) из патрициев, временно заменившей всех магистратов. Результатом её работы были «Законы XII таблиц», записанные на медных пластинах и выставленные для всеобщего обозрения. Они представляют собой характерный образчик законов раннеклассового общества. Так, принцип талиона (возмещение равным деянием: т.е. весьма древний принцип «око за око, зуб за зуб») сочетается в них с денежными наказаниями за членовредительство, стремление сохранить собственность внутри рода — со свободой завещания и т.д. Здесь нашли отражение патриархальный характер семьи и отношения клиентелы.

Кодификация была победой плебеев, так как теперь писанные законы ограничивали произвол патрицианских магистратов. Другой существенной уступкой было запрещение выносить приговоры о смертной казни иначе как в центуриатных комициях. Вместе с тем «Законы XII таблиц» содержали ряд антидемократических норм, в частности очень суровую систему долгового права, позволявшего кредитору распоряжаться не только свободой, но и жизнью несостоятельного должника. Кроме того, законы запрещали браки между патрициями и плебеями.

События 451—450 гг. до н.э. едва не привели к реакционному перевороту. Децемвиры во главе с Аннием Клавдием отказались сложить с себя данную им на время власть, и только новый демонстративный уход плебеев из Рима заставил их образумиться.

В 449 г. до н.э. государство вновь увеличило права плебеев. По законам консулов этого года Луция Валерия и Марка Горация был восстановлен священный характер народного трибуната. Кроме того, подтверждалось право апелляции к народному собранию на приговор магистрата, касающийся смертной казни или телесного наказания (В дошедшей до нас исторической традиции подобный закон упоминается трижды — под 509, 449 и 300 гг. до н.э. Неясно, означает ли это возобновление фактически не соблюдавшегося закона или ошибку в самой традиции. Так или иначе, такой закон стал основной гарантией прав личности в римском обществе.). Наконец, постановления, принятые на собраниях по трибам, в которых принимали участие плебеи, приобретали силу закона. Теперь трибутные комиции наряду с куриатными и центуриатными стали разновидностью полномочного народного собрания.

445 год до н.э. ознаменовался новой победой плебеев. Закон Канулея санкционировал разрешение браков между патрициями и плебеями. Прежде всего этим правом воспользовалась верхушка плебса. Закон стал первым шагом на пути образования новой патрицианско-плебейской знати — нобилитета.

Начиная с 444 г. до н.э. в Риме устанавливается практика, по которой вместо двух консулов могли избираться так называемые трибуны с консульской властью, число которых колебалось от трех до восьми. Эта магистратура была доступна плебеям. Вопрос о том, кто будет избираться в данном году, консулы или трибуны с консульской властью, решал сенат.

В ответ на это в 443 г. до н.э. из полномочий консула были изъяты функции производства ценза и контроля за составом общины, которые перешли к новым магистратам — цензорам, избиравшимся только из патрициев.

После законов 40-х годов V в. до н.э. сословная борьба на время затихает, хотя время от времени возникали конфликты на почве аграрного и долгового вопросов. Вероятно, одной из причин этого спокойствия была успешная внешняя политика, давшая в руки государства земельные резервы. Галльское вторжение 390 г. в Италию вызвало очередной кризис, достигший своей высшей точки в 376 г., когда народные трибуны Лициний и Секстий выдвинули три законопроекта:

Во-первых, всем римским гражданам, независимо от их сословной принадлежности, предоставлялись равные права на пользование общественной землей. При этом была установлена максимальная норма заимки — 500 югеров (125 га).

Во-вторых, была сделана уступка должникам: уплаченные по займу проценты засчитывались в счет погашения долга, а оставшуюся часть разрешалось уплатить в рассрочку в течение трех лет. Это означало фактическую кассацию долгосрочных займов, так как проценты часто равнялись сумме долга или даже ее превышали.

В-третьих, упразднился институт военных, трибунов с консульской властью. Вместо этого всегда должны были избираться консулы, но один из них обязательно из плебеев. Этим законом патрицианско-плебейский нобилитет окончательно закреплял свои позиции.

Патриции оказали законам ожесточенное сопротивление, и только в 367 г. до н.э. они были приняты. Тем не менее аграрный и долговой вопросы не получили разрешения. Острота аграрных проблем несколько смягчилась, но не столько путем законодательства, сколько при помощи захвата новых земель, на которые выводились многочисленные колонии. Впоследствии в Риме еще не раз возникала

аграрная проблема; долговые кризисы также повторялись вплоть до конца республики.

Вскоре после законов Лициния — Секстия плебеи добиваются доступа и к другим должностям, в том числе к должности диктатора (Диктатором называли экстраординарного магистрата, избираемого на 6 месяцев в особо трудных случаях и обладавшего всей полнотой власти.).

Во второй половине IV в. до н.э. был изменен порядок утверждения сенатом решений народного собрания. Теперь утверждение давалось предварительно, а не после решения и тем самым сводилось к фикции. Народное собрание стало действительно решающей законодательной инстанцией. Конец IV в. до н.э. ознаменовался новым существенным изменением. В 326 или 313 г. по закону Петелия — Паприя было установлено, что должник отвечает перед кредитором только имуществом, а не своим телом. Закон ликвидировал долговое рабство и возможность физической расправы кредитора с должником. Отныне в представлении римского права понятия «римлянин» и «свободный» стали тождественны.

Последним актом сословной борьбы был закон Гортензия, окончательно утвердивший за плебисцитами (опросами народа по трибам) силу закона.

Период борьбы патрициев и плебеев в целом имел для Рима то же значение, что для Греции — архаический период. Причину победы плебеев следует искать в сплоченности римских низов, сумевших отстоять личную, а вместе с ней и политическую свободу. В Риме, как и в большинстве обществ Греции, не создался государственный сектор экономики, в котором обычно возникали условия для массового закрепощения.

С другой стороны, следует отметить, что государство продолжало оставаться элитарным. Политическое руководство и социально-экономическое преобладание концентрировались в руках небольшой замкнутой группы повой знати. Не сумев заставить мелкое крестьянство работать на себя, знать постепенно становится на путь его экономического вытеснения. Однако это происходит уже значительно позже.

Завоевание Италии.

Судя по традиции, весь V век до н.э. был заполнен непрерывной и безрезультатной борьбой римлян с соседями: этрусками на севере и италиками — герниками, эквами и вольсками на юге и востоке. Первоначально спор шел о господстве в Лации. Только в начале IV в. до н.э. Риму удалось достичь крупного успеха. В 396 г. до н.э. после длительных войн был захвачен этрусский город Вейи, в 30 км к северу от Рима.

В 390 г. до н.э. Рим подвергся нашествию кельтов (галлов) из Северной Италии. Они заняли и сожгли Рим, не сумев овладеть лишь крепостью на Капитолии (Героем обороны Капитолия был патриций Марк Манлий. По преданию, он был разбужен гусьями, заготовавшими при появлении галльских воинов. Впоследствии Манлий возглавил движение за кассацию (отмену) плебейских долгов и за это был осужден и сброшен с Тарпейской скалы (обрыв Капитолийского холма, предназначенный для таких казней).). За выкуп римляне добились освобождения своей территории.

Набеги галлов продолжались ещё несколько десятилетий, достигая Южной Италии. Галльское нашествие существенно ухудшило внешнеполитическое положение Рима. После него римляне на протяжении пятидесяти лет ведут непрерывные войны, вызвавшие максимальное напряжение военных и дипломатических сил. В 80-е годы IV в. до н.э. Рим был вынужден обороняться от натиска соседей. Но затем, заключая союзы с одними соседями против других и разбивая своих врагов поодиночке, а также совершенствуя свою военно-политическую организацию, римляне к середине IV в. до н.э. укрепили свое положение в Лации; в 355—351 гг. потерпел поражение один из крупнейших этрусских городов — Тарквинии; к 338 г. римляне взяли главный город вольсков и полностью подчинили их.

Рим стал одним из сильнейших государств Центральной Италии. Дальнейшее продвижение римлян на юг столкнуло их с самнитами, многочисленной группой племен, обитавшей в горах Средней Италии. Яблоком раздора стала Кампания. Ещё в V в. до н.э. она была захвачена самнитскими племенами, которые смешались с местными греческими колонистами и утратили связь со своими соплеменниками. Поэтому, когда в середине IV в. до н.э. в Кампанию двинулась новая волна самнитских переселенцев, местное население обратилось за помощью к Риму. В результате так называемой Первой Самнитской войны (343—341 гг. до н.э.) римляне захватили кампанскую равнину.

В 340 г. началось восстание латинских союзников. Последние требовали предоставления им одного консульского места и половины мест в сенате. Рим отклонил ультиматум. В битве при горе Трифане возле Суэссы латины потерпели поражение. К 338 г. война закончилась победой римлян.

С этого времени Рим прочно завоевал положение гегемона в Латинском союзе. Кроме того, он подчинил племена вольсков и аврунков.

В 327—304 гг. до н.э. произошла Вторая Самнитская война. Пока военные действия развертывались на равнинах Кампании, успех был переменным. Но когда самниты и их союзники укрылись в горах юго-западной части Самнни, римляне потерпели тяжелое поражение.

Римское войско под начальством обоих консулов попало в засаду в узком лесистом ущелье.

Консулам пришлось заключить позорный для римлян мир. В частности, они должны были сдать оружие и поодиночке пройти «под игом» (т.е. под двумя копьями, воткнутыми в землю и покрытыми третьим в виде буквы П). Через несколько лет военные действия возобновились. Повидимому, именно к этому времени римляне реорганизовали войско: для увеличения его маневренности, особенно необходимой в сражениях на пересеченной местности, они ввели манипулярный строй вместо применявшейся ими прежде македонской фаланги. Легионы (Римский легион был воинской частью (а позже соединением) по менее чем из тысячи человек.

Впоследствии легион делился на воинские части — когорты. Когорта, состоявшая сначала из 600 человек, а потом из тысячи, соответствовала полку или отдельному батальону в современных армиях.) теперь имели подразделения — манипулы (Манипул назывался так от лат. manus — «рука», так как он имел значок в форме человеческой ладони на конце древка.), состоявшие из двух центурий (сотен). Манипул мог действовать в бою и самостоятельно.

Хотя против Рима выступили также этруски на севере, римлянам удалось победить на обоих фронтах, и в 304 г. до н.э. самниты запросили мира. Однако решающую роль в борьбе за Среднюю Италию сыграла Третья Самнитская война (298—290 гг. до н.э.). Риму противостояли самниты и их союзники — галлы Северной Италии и этруски. В 296 г., введя в действие всю свою армию, римляне одержали победу над объединенными силами противников при Сентине, в Северной Умбрии. Эта победа определила судьбу Средней Италии. Галлы отступили на север. С этрусками был заключен мир. Через пять лет было окончательно сломлено сопротивление самнитов. Они сохранили за собой небольшую территорию и были вынуждены стать римскими союзниками. В 290 г. до н.э. были покорены сабиняне, земли которых захватил Рим. Таким образом, к 290 г. до н. э. вся Средняя Италия, залитая кровью и опустошенная, оказалась во власти Рима, Остатки италийского населения, спасшиеся от истребления, были загнаны в горы.

Галлы в 80-х годах III в. до н.э. ещё трижды вторгались в Среднюю Италию, но римлянам удалось отразить их нападения. Одновременно римляне навязали неравноправные договоры большинству этрусских городов.

В 280—272 гг. до н.э. Рим завоевал Южную Италию. Главной силой, противостоящей ему здесь, были греческие города во главе с Тарентом. На помощь против Рима тарентинцы пригласили эпирского царя Пирра. Он прибыл в Южную Италию с войском, в составе которого кроме пехоты и конницы имелись боевые слоны.

В двух сражениях, у Гераклеи и Аускула, Пирр одержал победы над римскими войсками. Правда, победа у Аускула досталась ему ценой таких больших потерь, что он сказал после битвы: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем» (Плутарх). Отсюда пошло выражение «пиррова победа». Разочаровавшись в планах собственного утверждения в Южной Италии, Пирр отправился на завоевание Сицилии, где безуспешно провел три года. Когда он вернулся в Италию, римляне разбили его войско при Беневенте в 275 г. до н.э. Забросав копьями слонов, они заставили их повернуть вспять. Шедшие вслед за слонами воины Пирра были смяты и обращены в бегство. Вскоре Пирр вернулся на Балканский полуостров, где погиб в междоусобной войне. Греческие города Южной Италии подчинились Риму. Итальянские племена, воевавшие на стороне Пирра, тоже были покорены Римом. Завоевание Южной Италии закончилось.

На первый взгляд превращение маленькой общины на Тибре в хозяина Италии кажется поразительным, однако этот факт вполне объясним. Латинская равнина была одним из двух-трех наиболее населенных районов Италии, и Рим сумел использовать предоставлявшиеся людские ресурсы. Положение в центре Италии давало ему огромные стратегические преимущества. Кроме того, Рим и латинская федерация сумели достичь гораздо более высокой степени централизации, чем их противники. Конец сословной борьбы между патрициями и плебеями позволил Риму добиться более высокой морально-политической сплоченности, чем у его противников. Римские легионы обладали и значительно лучшими боевыми качествами, чем ополчения самнитов и галлов или греческие наемники. Немалую роль сыграла и искусная римская дипломатия.

Поэтому Рим оказался единственной силой, способной объединить Италию. Самниты и этруски представляли собой разрозненные общины, галлы и греки являлись инородными элементами, а другие племена были слишком слабы для ведения большой политики.

Италии под римским владычеством.

Завоеванная Римом Италия не представляла собой единого государства. Это была группа общин и городов, находившихся под властью города-гегемона и имевших различный правовой статус. В современной науке этот сложный конгломерат обозначается термином «римская федерация», что, строго говоря, неверно. Единого союзного договора не было, существовали лишь сепаратные договоры Рима с каждым из союзников. Договорные условия в них различались и зависели от многих причин, прежде всего от значения данной общины и обстоятельств, при которых произошло подчинение.

Наиболее привилегированной частью населения Италии были римские граждане, обладавшие всей совокупностью гражданских и политических прав. Кроме собственно жителей Рима к этой категории

относилось население выводимых в Италию римских колоний. Некоторые союзные общины, в основном латинские, получали право римского гражданства, сохраняя при этом самоуправление (муниципии). Другие получали такие права лишь в ограниченном объеме.

подавляющее большинство италиков находилось в положении союзников (*socii*). Как правило, они сохраняли самостоятельность во внутренних делах, но лишались права вести внешнюю политику и были обязаны доставлять Риму военные контингенты. Приморские города, в основном греческие, именовались морскими союзниками и поставляли флот. Наиболее привилегированную часть союзников представляли собой так называемые латинские колонии, жители которых в случае переселения в Рим получали римское гражданство. В середине III в. до н.э. это право было еще ограничено, в основном распространяясь на тех, кто занимал в своем городе выборные должности.

Наконец, самую бесправную категорию образовывали так называемые сдавшиеся, подчинявшиеся власти римских магистратов.

Завоеванные общины сохраняли некоторую часть своих земель (от 1/3 до 1/2). Остальная земля частью поступала в *ager publicus* («общественную землю») Рима и продавалась всем желающим, а частью бесплатно раздавалась римским гражданам в виде небольших участков.

Римское общество в период развитой республики.

В экономическом отношении Рим III в. до н.э. представлял собой аграрное государство; Принадлежавшие ему земли делились на две основные категории: государственный фонд (*ager publicus*) и частный фонд. Подобное разделение свидетельствует о полисном характере государства. Однако при наличии государственного земельного фонда, составлявшего, по-видимому, значительную часть всей земли, не существовало государственного экономического сектора. Частные лица могли арендовать государственные земли за определенную плату. Такие арендаторы назывались *поссессорами*. Постепенно *поссессоры* превращаются в фактических собственников земли, хотя верховная собственность государства продолжала сохраняться. Иногда беднейшие граждане наделялись небольшими участками в 2—7 югеров и освобождались от налога.

В структурном отношении господствовало мелкое крестьянское землевладение. До середины III в. до н.э. процесс концентрации земельной собственности еще не зашел далеко. Государство, как это явствует из законов Лициния — Секстин, стремилось к поддержанию характерного для полиса относительного экономического равновесия. Рабство ещё не приобрело больших масштабов. Основными культурами были зерновые, виноград и оливки, а также фрукты и

овоци. Вследствие низкой техники хозяйство носило преимущественно натуральный характер, хотя крестьяне все же нуждались в торговом обмене. Поэтому в городах, прежде всего в Риме, появляются рынки. Каждые восемь дней устраивались базары, реже — крупные ярмарки.

Сведения о появлении профессиональных ремесленников относятся ещё к периоду царей.

Присоединение Этрурии и греческих городов юга Италии способствовало подъему ремесла. Среди археологических находок встречаются изделия высокого качества. Частые войны стимулировали развитие оружейного производства, которое велось местными силами. В IV в. до н.э. в Риме ведется крупное государственное строительство: город восстанавливается после галльского нашествия, прокладывают Аппиеву дорогу (312г. до н.э.), сооружают многочисленные храмы и т. д. В Риме функционировал водопровод. Немалую роль в ремесле играло производство предметов роскоши.

Хотя Рим имел большой внутренний и внешний рынок, торговля никогда не была основным источником дохода. Основной целью хозяйства было удовлетворение собственных нужд, а не производство товаров. В римской иерархии ценностей земледелие всегда стояло выше торговли.) Ремесленное же производство в первую очередь ориентировалось на нужды сельского хозяйства и военного дела.

Римское общество теперь делилось на три сословия: сенаторы, всадники и плебс, однако сословная принадлежность автоматически не наследовалась. Существовал цензовый критерий и критерий общественного положения в государстве, который в конечном счете и был решающим. Поэтому сын сенатора мог не принадлежать к сословию отца, а сын плебея теоретически имел право стать сенатором.

Высшим сословием было сенатское, к которому принадлежали только члены правительственного органа — сената. Имущественного ценза для них не существовало, хотя, как правило, сенаторы были богатыми людьми. Важнейшим условием вхождения в сословие было занятие магистратурьт. В ранние времена низшей должностью, дающей право входить в сенат, была претура (преторы были помощниками консулов главным образом с судейскими функциями) ; во II — I вв. до н.э. в сенат стали входить лица, отслужившие должности и более низкого ранга — квестора, эдила(Это была должность, связанная с внутригородскими делами.), народного трибуна. Акт включения в сенатский список осуществлялся консулом, а позже — цензором. Раз в пять лет цензоры производили ревизию списка сената и могли вычеркнуть тех, кто не оправдал высокого доверия, но практически звание сенатора было пожизненным.

Фактически сенат был в руках небольшой группы патрицианских и плебейских родов, которые получили название нобилитета. Формально нобили не имели, никаких особых прав, а идеологическим обоснованием их особого положения было не происхождение, а заслуги (действительные или мнимые) на поприще государственной службы.

Второе сословие римской республики называлось всадническим. Первоначально в него входили самые богатые граждане, несшие службу в кавалерии и голосовавшие в 18 всаднических центуриях. К III в. до н.э. всадничество утратило свой военный характер. К этому сословию принадлежали лица, обладавшие цензом в 400 тыс. сестерциев (Эта цифра показывает огромный рост товарности производства со времен ранней древности вместе с соответствующим падением цены на серебро и увеличением частных состояний.) и выше, однако, чтобы стать римским всадником, недостаточно было богатства.

Это был почетный титул, который давало государство в лице цензору) Вместе с титулом всадник получал лошадь и деньги на ее содержание. Каждые пять лет цензоры устраивали «переаттестацию» всадников, причем некоторые могли лишиться этого звания.

В новейшей литературе установилось представление о том, что всадничество представляло собой торгово-финансовую элиту в противовес сенатской земельной аристократии. В последнее время эта точка зрения подвергается пересмотру. Выяснилось, что значительная часть всадников состояла из землевладельцев. Конечно, всадники активно участвовали в деловой жизни общества, однако в основном они играли роль крупных банкиров. Сенаторы также активно участвовали в деловой жизни. Массу же торговцев и владельцев производств составляли лица из низших сословий.

Все остальное население считалось плебсом. Он представлял собой разнородную группу, включавшую как сравнительно богатых людей, так и неимущую массу.

Плебс делился на городской и сельский. Если первый постепенно превращался в неимущий люмпен-пролетариат, то второй был по преимуществу сословием мелких землевладельцев.

Несмотря на отсутствие правовых барьеров, римские сословия оставались довольно замкнутыми, и выходцы из низов были практически лишены возможности войти в высшее сословие.

Особую категорию римских граждан составляли вольноотпущенники. Получив свободу, раб обретал и ограниченные права гражданства. Ограничены были и права его детей, либертинов. Обладая этим комплексом «социальной неполноценности» и не имея возможностей для государственной карьеры, либертинны активно

участвовали в производительной жизни общества. Их роль в ремесле и торговле была весьма значительна.

Высшим государственным органом республики считалось народное собрание. В Риме существовало три типа комиций: куриатные (собрания патрициев по куриям), центуриатные и трибутные. В основе центуриатных комиций лежало деление по имущественным классам, каждый из которых выставлял определенное число центурий (Первоначально они совпадали с военными центуриями. В период развитой республики между военными и избирательными центуриями уже не было ничего общего, кроме названия.). Всего насчитывают 5 классов. Согласно конституции Сервия Туллия I класс выставлял 80 центурий, II, III и IV — по 20, а V — 30. К ним были добавлены 18 центурий всадников, 4 центурии ремесленников и музыкантов и 1 центурия пролетариев, т.е. лиц, не обладавших низшим цензом — в 12,5 тыс. сестерциев. В период между 241 и 238 гг. распределение центурий было изменено. Каждый класс (с I по V) получил равное число центурий — по 70. Число центурий всадников, ремесленников и пролетариев осталось тем же.

Трибутные комиций возникли из сходов плебса по территориальным округам — трибам.

После 287 г., согласно закону Гортензия, их решения стали обязательными для всего народа. (Каждая триба имела один голос. Всего в Риме было 35 триб (4 городские и 31 сельская).

Строгого разделения функций между разными комициями не было, и это позволяло магистратам маневрировать. По установившейся практике в III — I вв. до н.э. основные законы проходили через трибутные комиций. Они же избирали низших магистратов (квесторов, эдилов и др.). Центуриатные комиций решали вопросы войны и мира и выбирали высших магистратов (консулов, преторов, цензоров).

Оба собрания не имели законодательной инициативы. Они могли собираться только по инициативе должностного лица и давать ответ на его предложение. Свободы дискуссии в комициях не было. Что касается куриатных комиций, то они утратили свое значение и перестали собираться.

Текущая политика осуществлялась должностными лицами, которые назывались магистратами. Рим не знал деления власти на законодательную, исполнительную и судебную. Большинство высших магистратов имели так называемый империй, совокупность прав, включавшую в себя военное командование, власть в области юрисдикции, право созывать сенат и народное собрание, право издавать правовые нормы, касающиеся частных вопросов, и некоторые религиозные полномочия.

Всем римским магистратурам присущи общие черты: выборность (Кроме временной магистратуры диктатора.), безвозмездность, временность (для большинства магистратур — сроком на один год), коллегиальность (Кроме диктатора.).

Во главе республики по-прежнему стояли два ежегодно избираемых консула. Консулы были главами государства и верховными главнокомандующими с высшим империем. Их именами назывался год. Младшими коллегами консулов были преторы, избираемые на тот же срок. Они также имели империй, но основной их функцией было руководство судом. Раз в пять лет выбирались два цензора, срок власти которых длился 18 месяцев. Цензоры составляли списки граждан и проводили ревизию сената и всадничества. К числу более мелких должностных лиц относились эдилы, игравшие роль надзирателей за состоянием города и ведавшие устройством государственных празднеств и прочих зрелищ (что связывало эту должность с большими личными затратами), а также квесторы, выполнявшие функции казначеев. Особое место занимали народные трибуны, избираемые на год числом 10 человек. Они могли вносить законопроекты и налагать veto (букв. «запрещаю») надгешения всех магистратов и сената; империя трибуны не имели. Все вышеупомянутые должности были ординарными. В особо важных случаях избирались или назначались экстраординарные магистраты, наиболее значительным из которых был диктатор, Он назначался на шесть месяцев одним из консулов по специальному решению сената и обладал всей полнотой власти. По сути дела, назначение диктатора было временной реставрацией монархии. Против него не действовало ни право апелляции, ни трибунское veto. Диктатор назначал себе помощника, именуемого начальником конницы?

К III в. до н.э. установились иерархия должностей и последовательность их прохождения.

После исполнения должностей квестора, эдила и народного трибуна (для плебеев) можно было выставлять свою кандидатуру на должности претора и консула. Из бывших консулов избирались цензоры и при случае назначались диктаторы.

Доставленный из бывших магистратов сенат формально считался консультативным советом при магистратах. Тем не менее, поскольку ни лишенное инициативы народное собрание, ни постоянно меняющиеся магистраты не могли эффективно осуществлять повседневную политику, сенат превратился в правительство. Его власть основывалась не столько на законах, сколько на существовавшей практике. Сенат монополизировал финансы, внешнюю политику и дела, связанные с культом. Он ведал также организацией военных действий. Вскоре сенат присвоил себе роль арбитра в случае конфликтов между магистратами. Это был постоянно действующий орган.

Списки сената составлялись цензорами. В период республики число сенаторов равнялось приблизительно 300.

Роль сената увеличивалась благодаря ещё одному обстоятельству. Рим не имел писаной конституции. Она слагалась из различных правовых норм, принятых в разное время. В такой ситуации велика была роль неписаных правил и практики. Контроль сената над политической жизнью общества усиливался еще и тем, что из числа его членов избирались судебные комиссии.

Римское общество и государство были сильно милитаризованы. Агрессивные войны привели к тому, что в Риме, по сути дела, существовала всеобщая воинская повинность.

Любой гражданин от 18 до 60 лет мог быть призван в легионы. В периоды максимального военного напряжения Рим мог выставить несколько сот тысяч солдат, чего не способен был сделать ни один из его противников.

Огромные ресурсы Рима и были одной из основных причин последовавших в III—II вв. до н.э. крупных завоеваний.

Пунические войны.

После завоевания Италии агрессивные устремления Рима были направлены на Сицилию, где уже несколько сот лет шла борьба между Карфагеном и Сиракузами. К 60-м годам III в. до н. э. Карфаген захватил почти весь остров.

Северо-восточный угол острова с г. Мессаной был занят южноиталийскими наемниками, мамертинцами. Находясь ранее на сиракузской службе, они отделились от своих бывших хозяев и теперь терпели от них поражения. Желая спасти себя, мамертинцы призвали карфагенян; другая же их группа обратилась за помощью к Риму. В 264 г. римские войска вошли в Мессану и выбили оттуда карфагенский гарнизон. Это явилось началом Первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.). Военные силы Рима и Карфагена были различны. Карфаген обладал преимуществом на море, однако, как показали дальнейшие события, имея на своей стороне греческие города, Рим мог компенсировать это неравенство. Сухопутная армия Карфагена состояла из наемников. По профессиональной выучке они стояли не ниже римлян, однако это была ненадежная и трудноуправляемая масса. Кроме того, Рим превосходил своего противника численностью войск. Важным преимуществом карфагенян была большая стабильность командного состава.

Война в Сицилии началась удачно для римлян. В 264—263 гг. они разбили объединенные силы карфагенян и Сиракуз и заставили сиракузского правителя Гиерона заключить с ними мир и союз. В 262 г. был взят один из оплотов Карфагена в Сицилии — Акрагант. Решив

перенести войну на море, римляне создали флот и одержали две победы над карфагенским флотом у берегов Сицилии. Затем римляне высадили десантную армию в Африке и захватили ряд городов. Казалось, война окончена, но именно в этот момент наступил перелом. Карфагеняне собрались с силами и уничтожили десантную армию консула Регула; сам консул попал в плен (где, по преданию, вел себя необычайно мужественно).

Лишь спустя три года римляне снова добились успеха в Сицилии, разгромив карфагенян под Панормом. Теперь у Карфагена в Сицилии остались только две крупные морские крепости — Дренанум и Лилибей.

Тем не менее Риму не удалось реализовать свой успех. В 247 г. в Сицилию прибыл талантливый карфагенский полководец Гамилькара Барка.

Опираясь на несколько захваченных им плацдармов, Гамилькара Барка полностью парализовал наступление римлян.

С небольшими силами и затратами карфагеняне вели войну на истощение и почти достигли своей цели. Ослабленный войной Рим предпринял последнюю попытку. В 242 г. на средства богатых граждан, данные взаймы государству, был построен новый флот, и в марте 241 г. консул Лутаций Катул разбил карфагенян у Эгатских островов и тем самым отрезал Гамилькара от Африки.

Карфаген согласился на мир. По мирному договору 241 г. к Риму перешли все сицилийские владения Карфагена. Последний также обязался выплатить контрибуцию в 3200 талантов.

После 241 г. обе стороны активно готовятся к войне. Карфагеняне создают мощную базу в Испании.

Руководство карфагенской политикой взяла в свои руки антиримская партия Баркидов, возглавляемая Гамилькаром, а затем его сыновьями Ганнибалом, Гасдрубалом и Магоном. В лице Ганнибала Риму противостоял один из крупнейших полководцев античности.

Рим также ведет активную политику. В 238 г. воспользовавшись внутривосточными осложнениями в Карфагене, он захватил Сардинию. В 225—222 гг. римляне захватили долину р. По, разгромив галльские племена боев и ипсубров. На севере была построена так называемая Фламиниева дорога, соединившая Рим с главным городом Цизальпинской Галлии — Медиоланом (будущий Милан). В ходе двух Иллирийских войн (230—228 и 220—219 гг.) римляне захватили полосу восточного побережья Адриатического моря и очистили его от иллирийских пиратов. Это были первые завоевания Рима на Балканах.

Осенью 219 г. Ганнибал захватил испанский город Сагунт, являвшийся союзником Рима, что послужило поводом ко Второй Пунической войне (218—201 гг. до н.э.).

Римский сенат планировал комбинированный удар по Карфагену. Одна армия под командованием консула Публия Сципиона была отправлена в Испанию, вторая во главе с его коллегой Семпронием Лонгом нацелилась на Африку. План римлян был бы хорош, если бы их противником не был Ганнибал. Стратегический план карфагенского полководца учитывал реальную обстановку. С самого начала Ганнибал решил перенести войну в Италию.

Учитывая господство римлян на море, он принял решение о сухопутном походе через Галлию и Альпы.

Понимая свое тактическое превосходство, Ганнибал собирался обескровить римскую армию в полевых сражениях. Все сражения, данные Ганнибалом, преследовали цель не только победы, но и нанесения максимальных потерь. Кроме того, Ганнибал надеялся отколоть от Рима италийских союзников, создать мощную антиримскую коалицию и уничтожить противника — и это ему почти удалось.

В начале мая 218 г. Ганнибал выступил из Нового Карфагена (Испания) на север. Он перешел Пиренеи и вскоре подошел к Родану (совр. Рона), где встретился с направлявшимся в Испанию Сципионом. Успешно избежав столкновения, Ганнибал приблизился к Альпам. Тридцатидневный переход через этот хребет был труднейшим этапом похода. Только в конце сентября небольшая часть армии, составлявшая 20 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы, вступила в долину р. По. При появлении Ганнибала восстали недавно покоренные римлянами галлы, и он пополнил свою армию за их счет.

В двух сражениях — при Тиципе (218 г.) и Требии (217 г.) (Тицин (совр. Тичино, или Тессино) и Требия (совр. Треббия) — соответственно левый и правый притоки р. Пада (ныне По)) — Ганнибал разбил консулов 218 года Сципиона и Лонга. В битве при Требии он впервые применил свой новый тактический прием — фланговый охват, который впоследствии (в битве при Каннах) дал блестящие результаты. После этого две римские армии под командованием консулов 217 года Гая Фламиния, победителя галлов, и его коллеги Сервилия закрыли карфагенянам путь на юг у г. Арреция в Этрурии. Ганнибал в течение нескольких дней в очень трудных условиях обошел их по болотистой равнине р. Арно и оказался в тылу римских армий. Фламиний бросился догонять его. Ганнибал устроил ему засаду у Тразименского озера. Здесь 21 июня 217 г. до н.э. в узком проходе между озером и подступающими к нему горами была уничтожена 30-тысячная римская армия вместе с ее полководцем Фламинием. Потерпел поражение и второй консул. В

Риме началась паника, все ожидали похода карфагенян на Рим. Но Ганнибал прошел в Южную Италию.

Римляне передали командование назначенному диктатором Квинту Фабию, названному впоследствии Кунктатором («Медлителем»). Он был первым из римских полководцев, начавших искать новые способы ведения войны. Он избегал крупных столкновений, изнуряя врага мелкими стычками. Однако стратегия диктатора вызвала недовольство в Риме.

В 216 г. консулами были избраны Гай Теренций Варрон, сторонник наступательной тактики, и Эмилий Павел. Римляне решили дать Ганнибалу генеральное сражение. 2 августа 216 г. армии встретились в Апулии, на равнине возле Канн. Римляне располагали 80 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы, Ганнибал — 40 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы. Битва закончилась страшным поражением римлян: римская армия была окружена, свыше 70 тыс. человек пали на поле боя. Это была треть всех военных ресурсов Рима и союзников. В битве погиб консул Эмилий Павел. Варрон бежал с остатками армии.

Поражение поставило Рим на грань катастрофы, и только ценой невероятных усилий сенат сумел спасти положение. Были мобилизованы все имеющиеся силы; кроме того, были сформированы два новых легиона из числа способных носить оружие рабов. Эти силы прикрыли подступы к столице.

Другим опасным последствием каннского разгрома был переход на сторону Ганнибала юга Италии: прежде всего самнитов, луканов и апулов; осенью 216 г. к карфагенянам присоединилась Капуя. Напротив, Средняя Италия осталась верна Риму.

Канны явились для Рима хорошим уроком. Избегая больших сражений и изнуряя противника мелкими стычками, римляне медленно, но верно теснили Ганнибала на юг.

Впрочем, вскоре Рим постигли новые неудачи. План Ганнибала по созданию большого антиримского союза начал осуществляться. Война охватила все Западное Средиземноморье. В 211 г. карфагеняне, стянув подкрепления, уничтожили римские войска в Испании; летом 214 г. в Сиракузах победила прокарфагенская партия. Этим воспользовались карфагеняне, сумевшие захватить большой кусок острова. Примерно в это же время Ганнибал заключил союз с македонским царем Филиппом V, который начал военные действия против Рима.

Римляне защищались. Им удалось создать сильную коалицию греческих государств, которая нейтрализовала Филиппа. После двухлетней осады римляне взяли в 211 г. до н.э. упорно сопротивлявшиеся Сиракузы.

Во время грабежа погиб организатор обороны Сиракуз знаменитый ученый Архимед. Карфагеняне были выбиты из Сицилии. В Италии римляне осадили Капую и взяли ее в 211 г., причем Ганнибал не смог оказать помощи своему союзнику, хотя и попытался сделать это. С целью отвлечения римских войск от Капуи он совершил поход на Рим, во время которого подъехал на коне к самым городским воротам. Появление карфагенского войска под Римом вызвало панику в городе. Выражение «Ганнибал у ворот!» вошло в поговорку как обозначение крайней внешней опасности для государства. Но взять Рим Ганнибал даже не пытался, понимая, что у него для этого недостаточно сил. Падение Капуи способствовало отходу от Ганнибала его союзников в Италии. Спустя два года римляне овладели Тарентом.

В 210 г. до н.э. Рим перешел в наступление, которое возглавил молодой полководец Публий Сципион, сын консула 218 года. Будучи направлен в Испанию, он захватил центр испанской державы Баркидов — Новый Карфаген, а в 207 г. вытеснил карфагенян из Испании.

В Италии война затянулась. Каждый небольшой успех в борьбе с Ганнибалом стоил римлянам больших потерь. Ведь уже много лет шла война на территории Италии: она вела к полному истощению людских ресурсов Рима, его экономика находилась в упадке. Стратегия Ганнибала едва не привела к гибели Рима. В 208 г. над римлянами нависла смертельная опасность: сильная армия Гасдрубала (брата Ганнибала) перешла Альпы и двинулась на помощь последнему. Только умелый маневр римлян спас их положение.

Весной 207 г. на р. Метавре карфагеняне были разбиты. Гасдрубал пал в бою.

Вернувшийся из Испании Сципион предложил новый план действий. Он убедил римлян перенести войну в Африку. В 204 г. до н.э. армия Сципиона высадилась недалеко от Утики. Ряд успехов римлян вынудил карфагенское правительство отозвать Ганнибала из Италии. Осенью 202 г. Сципион и его союзник нумидийский царь Масинисса в битве при Заме, южнее Карфагена, одержали победу над Ганнибалом. Карфаген был побежден.

В 201 г. до н.э. Рим и Карфаген заключили мир, который ознаменовал собой окончательную победу Рима и полное поражение Карфагена. Последний отказался от всех своих владений вне Африки, выдал все военные суда и слонов, уплатил контрибуцию в 10 тыс. талантов. Кроме того, Карфаген был лишен права вести войну без разрешения Рима. Наконец, Рим помог усилиться юго-западному соседу Карфагена — Нумидии, во главе которой стоял Масинисса, злейший враг Карфагена.

Завоевания на востоке и в Испании.

Победа над Карфагеном сделала Рим самой могущественной державой Средиземноморья и развязала ему руки для дальнейшего наступления на Востоке.

Здесь его основными противниками были Селевкидское царство, возглавляемое способным правителем Антиохом III, и Македония. В борьбе с этими державами Рим искусно использовал их сложные отношения с греческими полисами и вел топку дипломатическую игру.

В 200 г. до н.э. римляне воспользовались конфликтом македонского царя Филиппа V с Родосом и Пергамом и выступили на стороне последних. В ходе Второй Македонской войны (200—197 гг. до н.э.) римляне одержали победу при Киноскефалах в Фессалии (197 г. до н.э.). По мирному договору македонский царь отказался от всех владений вне Македонии, выдал военный флот и уплатил 1 тыс. талантов. Сразу же после этого Рим декларативно провозгласил свободу Греции. Этот удачный политический ход укрепил позиции римлян на Балканах. Исподволь они устанавливают контроль над политической жизнью Греции.

Успехи римлян вызвали беспокойство Антиоха III. Рассчитывая на начавшееся в Греции недовольство политикой Рима, Антиох высадился в Фессалии с 10-тысячным войском. Немалую роль в развязывании войны сыграл появившийся при дворе царя Ганнибал. Но надежды Антиоха на поддержку греков не оправдались: большинство их сохранило верность Риму. В 191 г. Антиох потерпел поражение при Фермопилах и очистил Грецию. Вскоре римляне добились превосходства на море. Театр военных действий переместился в Азию. В генеральном сражении при Магнесии в 190 г. до н.э. сирийский царь был разбит. По Апамейскому договору Антиох отказывался от своих европейских и малоазиатских владений и обязывался уплатить огромную контрибуцию в 15 тыс. талантов. Большую часть завоеванных владений Рим отдал своим союзникам, особенно царю Пергама Евмену.

В 171 г. до н.э. началась новая война с Македонией. После серии нерешительных столкновений римляне разбили нового царя Македонии, Персея, при Пидне в 168 г. Эти события получили название Третьей Македонской войны. Македония была разделена на четыре самостоятельных изолированных округа. Половина податей теперь шла в римскую казну.

Особенно жестоко Рим расправился с союзником Македонии Эпиром. Территория Эпира была разграблена, а 150 тыс. его жителей уведены в рабство.

Битва при Пидне стала поворотным пунктом римской политики на Востоке. Не довольствуясь ролью арбитра, Рим переходит к роли хозяина. Два крупных союза Греции — Этолийский и Ахейский — попали под контроль римлян.

За симпатии к Персею тяжело поплатился былой союзник Рима Родос — он был лишен всех своих материковых владений. Объявив свободным портом о-в Делос, римляне нанесли смертельный удар городской торговле.

В 146 г. до н.э. Греция была превращена в римскую провинцию Ахайю. Поводом к этому послужила попытка ряда греческих городов освободиться от римской зависимости. Войну против римлян поддерживали демократические элементы греческих городов. Центром антиримского движения в Греции был Коринф — огромный по тем временам город.

К этому времени он выдвинулся на первое место среди греческих городов по развитию морской торговли, ремесла и культуры.

Но римляне разбили малочисленное войско, которое смогли выставить против них греки, разрушили Коринф и продали его жителей в рабство. В завоеванной Греции римляне разграбили памятники искусства, вывезли оттуда в качестве рабов учителей и философов.

В это же время римляне добились своего старого врага — Карфаген. Они спровоцировали новую войну, исход которой был предопределен. В отличие от первой и второй римско-карфагенских войн, где противостояли друг другу примерно равные противники, Третья Пуническая война (149—146 гг. до н.э.) представляла собой уничтожение сильнейшим противником слабейшего. После двух лет безуспешной осады города во главе римской армии встал Публий Корнелий Сципион Эмилиан, усыновленный сыном победителя Ганнибала Сципиона Старшего. Весной 146 г. до н.э. Карфаген был взят. По приказу сената город срыли, а место, где он стоял, предали проклятию. 55 тыс. карфагенян было продано в рабство. Бывшие владения Карфагена стали римской провинцией под названием Африка.

В 133 г. до н.э. в Пергаме скончался царь Аттал III, который завещал свое царство Риму. В стране вспыхнуло восстание во главе с побочным братом Аттала Аристонином. Только в 129 г. римляне справились с повстанцами. Аристоник умер в римской тюрьме, а Пергам был превращен в провинцию Азия.

После вытеснения карфагенян из Испании римляне повели в этой стране наступление на местные племена. Мелкие войны в Испании почти не прекращались, временами они выливались в большие восстания. В 195 г. до н.э. крупное выступление местных племен было

подавлено консулом Марком Порцией Катоном. В 150—140-х годах до н.э. вспыхнуло восстание в Лузитании (совр. Португалия), которое превратилось в массовое движение. Его возглавил талантливый вождь Вириат. Только в 139 г., организовав убийство Вириата, римляне подавили восстание. Почти одновременно с восстанием Вириата поднялись племена Северной Испании. Центром движения стал город Нуманция. В 137 г. нумантинцы вынудили к капитуляции большую римскую армию. В 133 г. под Нуманцию были брошены огромные силы во главе с победителем Карфагена Сципионом Эмилианом. После длительной осады город был взят.

Таким образом, к середине II в. до н.э. Рим превратился в огромное государство, сильнейшее во всем Средиземноморье. Он владел Балканским и значительной частью Пиренейского полуострова, частью Малой Азии, бывшей территорией Карфагена в Африке и островами Сицилия, Сардиния и Корсика.

Литература:

Егоров А.Б., Неронова В.Д. Римская республика с конца VI до середины II в. до н.э./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.445-464

Лекция 25: Парфия и греко-бактрийское царство.

Селевкидское царство, оказавшееся наследником восточных владений Александра, стало уменьшаться в размерах уже через несколько десятилетий после своего возникновения. Особенно ощутимой для Селевкидов была потеря двух самых дальних восточных областей — Бактрии (современный Северный Афганистан и частично правобережье р. Амударьи) и Парфии (горы Копет-даг и примыкающие к ним долины Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточного Ирана. Они были утрачены в середине III в. до н. э. во время междоусобиц между двумя селевкидскими царевичами — Селевком и Антиохом.

Парфянский период длился дольше, чем ахеменидский: на него приходится без малого пять веков — со второй половины III в. до н.э. (отложение Парфии от Селевкидов) по первую четверть III в. н.э. (возвышение и окончательная победа над последними парфянскими царями династии Сасанидов). Но позднейшая иранская историческая традиция (восходящая к Сасанидам) не сохранила об этом периоде почти никаких сведений. «Их корни и ветви были короткими, так что никто не может утверждать, что их прошлое было славным. Я не слышал ничего, кроме их имен, и не видел их в летописях царей». Такая память осталась о парфянах к X в. н.э., когда персидский поэт Фирдоуси писал свою «Книгу царей».

Парфяне вошли в мировую историю прежде всего как могущественные и коварные противники римских легионов,

сражавшихся на Востоке. И до самого недавнего времени, не имея других источников, историкам поневоле приходилось смотреть на парфян глазами латинских и греческих авторов. Естественно, что взгляд их был недружелюбным и настороженным, а главное, беглым и весьма поверхностным. Так, из-за неполноты и односторонности источников возникло представление о «темных веках» в истории Ирана, когда эллинистическое наследие оказалось в руках варваров-эпигонов, а духовная культура находилась в упадке. Только в XX в. стали появляться новые материалы (в первую очередь археологические находки), позволившие взглянуть на историю Парфянской державы по-новому.

С разной степенью подробности исследованы в настоящее время десятки городов и поселений парфянского времени на всей обширной территории государства. Яркую картину жизни небольшого пограничного римско-парфянского города удалось воссоздать благодаря работам в Дура-Европос на среднем течении Евфрата. В 20—30 годах проводились раскопки одного из наиболее крупных эллинистических городов в Месопотамии — Селевкии-на-Тигре. Менее детально исследованы парфянские слои Ктесифопа, одной из столиц Парфянской державы (тоже на Тигре). Проводились раскопки и ряда других городов — Ашшура, Хатры и др., начаты исследования одной из столиц — Гекатомпила, большие результаты дает исследование парфянских памятников в Южной Туркмении (т.е. в Парфии собственно), и в первую очередь многолетние раскопки остатков парфянского города Михрдаткерта (городища Старая и Новая Ниса в 16 км от Ашхабада). Здесь раскопало несколько храмов, зданий общественного назначения и некрополь. Из наиболее интересных находок в Нисе следует назвать памятники парфянского искусства (глиняная и каменная скульптура, резные роги для вина — ритоны из слоновой кости). Но особое место занимает находка хозяйственного парфянского архива — написанные тушью на остраках (глиняных черепках) документы, учитывающие поступления вина с окрестных виноградников в царские погребя Михрдаткерта, а также его выдачу. Всего архив из Нисы содержит более 2500 таких документов, относящихся к I в. до н.э.

Основателем Парфянского царства считается Аршак — «человек неизвестного происхождения, но большой доблести...» (пишет римский историк Юстин). Его имя дало название династии Аршакидов. Не исключено, что Аршак был выходцем из Бактрии. Но основной силой, на которую он опирался, были северные соседи Парфии — кочевые племена парны (или дахи — название большого племенного союза, в который входили и парны).

Отложение Бактрии и Парфии от Селевкидов относят к средине III в. до н.э., но захват власти Аршаком произошел несколько позже, вероятно в 238 г. до н.э. Первые десятилетия существования Парфянского царства были заполнены напряженной борьбой за расширение владений и отражением попыток Селевкидов вернуть себе

власть над мятежной областью. В 228 г. до н.э., когда на парфянском престоле находился уже брат Аршака I Тиридат I, только помощь кочевых среднеазиатских племен спасла парфянского царя от поражения во время похода на Парфию Селевка II. В 209 г. до н. э. сын Тиридата I был вынужден, уступив часть владений, заключить мир с селевкидским царем Антиохом III, совершившим победоносный поход на восток.

К этому времени под властью Аршакидов уже находились богатая прикаспийская область Гаркания и частично Мидия. Но окончательное превращение Аршакидов из скромных владетелей сравнительно небольшой области в могущественных повелителей мировой державы — «Великой Парфии» — произошло только при Митридите I (171 —138 гг. до н.э.). К концу его царствования владения Аршакидов простирались от гор Гиндукуш до Евфрата, включая (кроме собственно Парфии и Гиркании) на востоке области, отвоеванные у Греко-Бактрии, а на западе — большинство областей Ирана и Месопотамию. Селевкиды пытались безуспешно противостоять напору Аршакидов: Митридат I взял в плен и поселил в Гиркании Деметрия II Никатора, а сын и преемник Митридата I Фраат II (138—128-7 гг. до н.э.) упрочил завоевания парфян, нанеся в 129 г. до н.э. поражение Антиоху VII. Парфянская экспансия на запад временно приостановилась, когда державе Аршакидов с востока стала угрожать нахлынувшая из степей Центральной Азии волна кочевых племен (в китайских династийных хрониках это племенное объединение, в состав которого входило и племя кушан, носило название да-юэчжи; античные авторы называли их тохарами). В борьбе с этими племенами нашли свою смерть и Фраат II, и правивший после него Артабан I (128-27 — около 123 гг. до н.э.). Дальнейшее продвижение этих племен удалось остановить только Митридату II (около 123 — около 88 гг. до н. э.). Упрочив границы своего царства, Митридат II сумел «присоединить к Парфянскому царству многие страны». Особенно активной была его внешняя политика в Закавказье (в частности, в Армении).

В 92 г. до н.э. Митридат II, отправив посольство к Сулле, открыл совершенно новую страницу во внешней политике Парфянской державы — контакт с Римом. В последующем отношения между двумя государствами имели далеко не мирный характер. Парфия оказалась главной силой, препятствовавшей проникновению Рима на Восток.

Борьба, для которой находилось немало поводов, шла с переменным успехом в течение трех веков: закованных в цепи парфян разглядывали на нарядных улицах Рима во время очередного триумфа, а тысячи римских легионеров извели тяготы плена в глубине Парфянской державы.

Самую яркую победу парфянам в этой борьбе принес 53 год до н.э., когда в битве при Каррах (Харране в Верхней Месопотамии) римское войско потерпело сокрушительное поражение (только убитыми римляне потеряли 20 тыс.).

В 52—50 гг. до н.э. парфянами была оккупирована вся Сирия, в 40 г. до н.э. парфянскую конницу видели у стен Иерусалима. В 39 и 38 гг. до н.э. успех был на стороне римлян, но в 36 г. до н.э. снова полной неудачей окончился большой поход римского войска против парфян. На этот раз римлян возглавлял Марк Антоний. Это произошло уже в царствование Фраата IV (38-37 — 3-2 гг. до н.э.), использовавшего победу для установления длительных мирных отношений с Римом.

В 20 г. до н.э. Фраат IV совершил важный дипломатический шаг, который произвел огромное впечатление в Риме,— возвратил пленных и штандарты римских легионов, захваченные после побед над армиями Красса и Антония. После этого крупных столкновений между Римом и Парфией не было более ста лет.

Но в 115 г. н.э., уже при императоре Траяне, Армения и Месопотамия были объявлены римскими провинциями. В 116 г. н.э. создается новая римская провинция — «Ассирия», а войска Траяна вступают в Селевкию и в парфянскую столицу Ктесифон, где захватывают «золотой трон» Аршакидов. Только смерть Траяна (117 г.) поправила дела парфян. Однако в 164 г. и. э. (при императоре Марке Аврелии) римляне снова вторглись в Месопотамию, сожгли Селевкию и разрушили царский дворец в Ктесифоне. В 198—199 гг. армия императора Септимия Севера нанесла новое сокрушительное поражение парфянам и захватила в Ктесифоне царские сокровищницы и 100 тыс. пленных. Победа последнего парфянского царя, Артабана V (213—227 гг.), над римлянами в 218 г. возвратила Аршакидам Месопотамию, но их трон уже сотрясился в это время под ударами внутреннего врага — возвысившейся в провинции Парс династии Сасанидов, которым предстояло не только поставить последнюю точку в истории Аршакидов, но и продолжить их борьбу с Римом.

Внутреннее устройство Парфянского государства.

Ещё недавно социальную структуру Аршакидской державы некоторые исследователи уверенно определяли как феодальную. Представители знатных парфянских родов и царские вельможи (вазурги), мелкие владетели и полузависимые князьки, управители областей и другие сановники рассматривались при этом как находившиеся на разных ступенях иерархической лестницы вассалы верховного сюзерена — «царя царей». К числу проявлений «феодализации» парфянского общества относили распространение единообразного костюма воина, сложный ритуал придворных церемоний, пышную титулатуру и другие чисто внешние признаки. Однако новые материалы (и прежде всего данные хозяйственных документов) не укладываются в эту схему. Общая картина, которая сейчас только смутно вырисовывается, оказывается намного сложнее, и для её твердого обоснования потребуется еще немало новых фактов. Пока же можно говорить только об отдельных элементах

общественного устройства Парфянского государства и об основных тенденциях в его социальной жизни.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что социальная структура парфянского общества оставалась неизменной на протяжении всех пяти веков его существования. Во-вторых, следует учитывать, насколько принципиально различные по своему общественному и экономическому устройству социальные организмы оказались объединенными в политических рамках «Великой Парфии»: здесь были и эллинистические города, сохранявшие самоуправление, и мелкие арабские княжества с очень сильными традициями патриархально-родового устройства, и полузависимые царства, управлявшиеся где родичами «царя царей», а где местными династиями и сохранявшие право выпускать свою монету. Здесь были и экономически сильные храмовые поместья (В частности, учетные документы, найденные в Михрдаткерте, видимо, относятся к царско-храмовым землям, которые обрабатывали зависимые люди и, возможно, арендаторы,— Примеч. ред.) , и частновладельческие поместья-дастакерты с прикрепленными к земле рабами, и свободные землевладельцы, жившие по традиционным нормам общинного уклада, и рабы-военнопленные (аншахрйк — «иноземные»).

Плиний писал, что парфяне владеют восемнадцатью царствами. Позднее их называли «царями племён», и в этом, очевидно, содержится один из ключей к пониманию внутреннего устройства Парфянского государства. Номады-парны, оказавшись в роли создателей одной из самых могущественных мировых держав своего времени, ещё долго, видимо, сохраняли пережитки кочевнических родовых традиций. Именно этим, а не «феодализацией» следует объяснять ту особую роль, которую в течение всей истории Парфянской державы играли могущественные роды парфянской знати — Карены, Сурены, Михраны и др., имевшие каждый свое войско. К пережиточным явлениям родо-племенной организации относится и сохранение у парфян общегосударственного совета родовой знати.

Пока можно судить только о военно-политической организации, которую создали Аршакиды, чтобы удержать в своих руках завоеванные страны: она была достаточно гибкой и приспособленной к особенностям и традициям каждой области. Так, в западных областях засвидетельствованы названия должностных лиц, восходящие — через Селевкидов — к греческой номенклатуре чиновников («стратег Месопотамии и Парapotамии», «архос (глава) арабов» — в долгом контракте из Дура-Европос) или к ещё более древним ахеменидским терминам (аркапат — «начальник крепости»). Местные титулы и звания иранского происхождения существовали и в Закавказье (битахш, или питахш — «наместник», «занимающий второе место»), и в Восточном Иране (нахвадар, ноходар — «державший первое место»). Более подробно (благодаря хозяйственным документам из Нисы) исследовано административное деление, существовавшее на восточной окраине Аршакидской

державы — в собственно Парфии. Здесь оно было трехступенчатым: дизпат (правитель селения или небольшой крепости с прилегающими землями) подчинялся сатрапу (шахрап), управлявшему в отличие от ахоемидской эпохи сравнительно небольшой областью, а над сатрапами стоял марзбан («охраняющий границу»), ведавший более крупной административно-территориальной единицей (все эти термины иранского происхождения). Видимо, по областям различалась и система налогообложения.

Подобная система административного устройства, приспособленная к особенностям каждой области, могла обеспечивать управление огромной державой лишь в условиях сильной царской власти, но, когда она ослабевала, немедленно проявлялась тенденция к децентрализации.

Соперничество между родами парфянской знати усиливало эту тенденцию. Ещё одна могущественная внутренняя сила, противостоявшая власти царя в Парфии,— экономически развитые города Месопотамии. Их неоднократные антиаршакидские выступления во II—I вв. до н.э.— косвенное подтверждение того, что Аршакиды пытались нарушить их традиционный статус. Каковы бы ни были процессы, происходившие в социально-экономической жизни месопотамских городов парфянского времени, ко II в. н.э. уже не наблюдается никаких резких проявлений антагонизма между этими городами и царской властью.

Тенденция к децентрализации с последней четверти I в н.э. заметно усиливается и приобретает обычно форму борьбы за власть между несколькими представителями аршакидской династии, которых поддерживали различные внутривластные силы. В конце I — начале III в. н.э. у власти в Парфии нередко находятся одновременно два (а иногда и три) враждующих правителя, каждый из которых носит пышную царскую титулатуру, чеканит свою монету и т.д. Однако расстановка сил в этой междоусобной борьбе была, очевидно, непостоянной — мы ничего не знаем о разделах Парфянского царства, которые закрепили бы за разными ветвями аршакидской династии определенные территории: каждый из соперников претендовал на все царство. Ослабление центральной власти не замедлило сказаться во внешнеполитических неудачах (именно междоусобицы облегчили римские завоевания в Месопотамии во II в. н.э.) и в усилении сепаратистских тенденций царств и областей, составлявших Парфянскую державу. Еще в 58 г. н.э., после восстания стала независимой Гиркания, неоднократно отправлявшая собственных послов в Рим. Многие свои владения аршакидские цари теряют во II в., а к началу III в. из-под их власти окончательно выходит Парс (Перспда), где местные династии (сперва с титулом фратарак — «князь», «предводитель», затем с титулом шах (В текстах обозначается арамейским написанием — малка.)— «царь») сохранялись у власти и чеканили свою монету непрерывно начиная с III в. до н.э. Здесь правители и жречество считали себя преемниками и хранителями

ахеменидского наследия. Их оппозиция Аршакидам привела в первой четверти III в. к тому, что против парфинского царя выступил Арташир, «сын Папака, из семени Сасана», победы и царствование которого открывают новую эпоху в истории Ирана — сасанидскую.

Культура Парфии.

Нельзя рассматривать парфянскую культуру как «арифметическую сумму» культур тех стран и народов, которые составляли аршакидскую державу. Не происходило и иранизации покоренных народов, насильственного навязывания им культуры завоевателей или слияния культур с потерей облика каждой из них. Греки в Селевкии-на-Тигре продолжали приносить жертвы своим богам; в Парсе чтили Армазда (Ахурамазду) и Анахиту (особенно славился ее храм в Стахре), т.е. древних зороастрийских божеств, культ которых сохранялся здесь вместе с другими ахеменидскими традициями. В собственно Парфии и в ряде других областей были распространены культы, восходившие к учению Заратуштры, но претерпевшие очень сильные изменения. Несомненно, существовала и «Авеста» или ее важнейшие части, но неизвестно, в устном ли только исполнении магов или уже записанная (арамейскими буквами или как-нибудь иначе).

В арабском княжестве Хатра (среди пустыни между Тигром и Евфратом) поклонялись древним семитским божествам, хотя и изображали их по эллинистическим образцам: ал-Лат — как Афины, Шамса — как бога солнца Гелиоса и т.д. В кварталах римско-парфянского пограничного города Дура-Европос храм Зевса-Теоса мог соседствовать с синагогой, храм «пальмирских богов» — с римским «Митреумом» (митраизм — религия, очень далекая от первоначального иранского культа светового божества Митры, — распространился в Римской империи через Малую Азию, на первых порах соперничая здесь с ранним христианством).

Только в изобразительном искусстве разных областей Парфии местные черты часто выглядят как бы сглаженными — прежде всего потому, что художники в далеких областях Парфянской державы часто следовали одним и тем же эллинистическим образцам, наполняя их, однако, своим содержанием (как это было, например, с изображениями божеств в Хатре).

Широкое распространение определенного набора эллинистических сюжетов и образов (особенно популярна была, например, фигура Геракла), чисто внешних атрибутов нередко переосмысляемых изображений характерно в это время для огромной территории — от Средиземноморья до Индийского океана. Одни области, как, например, Парс, оказались в меньшей степени затронутыми этими веяниями эпохи, другие — в большей.

Очень высокого развития достигла парфянская архитектура: несмотря на явное преобладание в ней эллинистических приемов и традиций, «лицо» парфянской архитектуры определяет их сочетание с древневосточным архитектурным наследием (купольные своды особой конструкции, большое развитие открытых во двор помещений под сводом или на столбах — айванов).

Специфические парфянские черты в искусстве Аршакидского государства полнее всего проявляются в изображениях правителей. Именно в эту эпоху складываются те особенности иранского официального образа царя, которые достигают высшего расцвета в сасанидском искусстве III—IV вв.

Официальных письменных языков в державе Аршакидов было несколько. Широкое распространение имел греческий язык, служивший не только для составления различных документов, но и являвшийся языком монетных легенд. Это был прежде всего язык городов и торговли, но знали его и в собственно парфянской среде, где было распространено увлечение греческим театром. Важную роль в жизни Парфянского государства играли и семитические языки. Созданный на основе арамейского алфавита письменный язык парфянских канцелярий состоял более чем наполовину из арамейских слов, которые, однако, полагалось читать по-парфянски (таким способом записаны документы архива из Нисы и некоторые другие документы и надписи). Вряд ли у парфян существовала своя письменная литература. Однако к парфянскому времени относится расцвет искусства иранских певцов-сказителей (гошанов) и, вероятно, сложение восточно-иранского эпоса в той его форме, которая была записана позднее, при Сасанидах, а до нас дошла в поэтической передаче Фирдоуси.

Греко-бактрійское царство.

Сведения о странах, лежавших на восточной окраине эллинистического мира (современные Афганистан, Средняя Азия, Пакистан и северо-западные районы Индии), весьма скудны и отрывочны. Далеко расположенные от цивилизаций с развитой письменной исторической традицией, эти страны лишь изредка попадали в поле зрения как греко-латинских историков и географов, так и придворных историографов китайских императоров. Собственная же историческая традиция в этих странах если и была, то нам пока неизвестна. Поэтому особенно велика ценность прямых исторических свидетельств, поставляемых археологией,— будь то хозяйственные документы или монетные находки, памятники искусства или предметы вооружения, остатки ирригационных сооружений или развалины древних зданий. Все это в особенности приходится учитывать, рассматривая историю Греко-Бактрійского царства.

В середине III в. до н.э. (между 256 и 245 гг. до н.э.) одновременно с Парфией от Селевкидов «отложился и Диодот, наместник тысячи

городов бактрийских, и приказал, чтобы его величали царем; следуя этому примеру, пароды всего Востока отпали от македонян»,— пишет римский историк Юстин.

Ядро владений Диодота и его преемников составляла территория Северного Афганистана (столица Бактрии находилась около современного города Балха), однако точные границы царства определить трудно.

Стремление греко-бактрийских царей распространить свою власть на север, очевидно, наталкивалось на сопротивление обитавших там народов. Насколько грозной силой были эти северные соседи, показывает эпизод, рассказанный историком Полибием и относящийся к 208—206 гг. до н.э., когда селевкидский царь Антиох III осаждал греко-бактрийского царя в его столице. Осада продолжалась два года и была снята только после того, как греко-бактрийский царь передал через посредника Антиоху III, что «положение их обоих становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища кочевников, угрожая обоим: если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет завоевана ими».

Экспансия на юг оказалась менее трудным делом: уже в первой четверти II в. до н.э. греко-бактрийский царь Деметрий перешел Гиндукуш и стал «завоевателем Индии». На его монетах в первые наряду с греческими появляются и индийские надписи, а с середины II в. до н.э. такие двуязычные монеты чеканят все последующие правители (по этому признаку их отличают как «греко-индийские» от более ранних, собственно «греко-бактрийских»).

Греко-Бактрийское царство сохраняло четкое обособление греков (Имеются в виду люди, сохранявшие греческий образ жизни и греческую культуру; они не обязательно были потомками только греков.— Примеч. ред.) от местного населения с сохранением всех эллинистических институтов и традиций в социальной жизни, греческого языка и большинства других элементов культуры. Один из греко-бактрийских городов, раскапывавшийся французскими археологами в Северном Афганистане (городище Ай-ханум у впадения р. Кокча в Амударью),— это типично эллинистический город с характерными для него акрополем и агорой, регулярной планировкой и общественными зданиями, пропилеями и портиками, колоннадами и фортификационными сооружениями, надежно охранявшими обитателей этого островка греческой культуры среди «варварского» окружения. Этот город был основан в последней четверти IV в. до н.э., а прекратил существование в конце II или в I в. до н.э.

Чисто греческий облик столь же характерен и для монетной чеканки греко-бактрийских царей — от титулатуры и имен царей до весовой системы. Именно здесь, в Бактрии, были отчеканены самые крупные в истории античного мира золотые (достоинством в 20 статеров — около 160 г) и серебряные (достоинством в 20 драхм — более 80 г) монеты.

Портреты греко-бактрийских царей на монетах считаются одной из непревзойденных художественных вершин античного медальерного искусства. На оборотной стороне монет изображались греческие божества, покровительствующие царю, прототипом для которых служили лучшие каноны эллинистического времени.

В письменных источниках встречаются упоминания только о семи греко-бактрийских царях. Основателю Греко-Бактрийского царства Диодоту I наследовал (видимо, в 30-х годах III в. до н.э.) его сын Диодот II. В 20-х годах III в. до н.э. у власти уже находился царь Евтидем, выдержавший в 208—206 гг. двухлетнюю осаду Антиоха III. В самом конце III или в начале II в. до н.э. начал царствовать его сын Деметрий, прославившийся как завоеватель Индии. В 70—50-х годах II в. до н.э. Бактрией правит царь Евкратид, именующий себя на монетах «великим». Известно, что он был современником и, возможно, противником парфянского царя Митридата I; доблестно, но не всегда успешно вел многочисленные войны; совершил, как и Деметрий, поход в Индию. Погиб Евкратид от руки собственного сына, бросившего его труп без погребения и проехавшего по крови своего отца в колеснице. Ещё два царя — Менандр и Аполлодот — упоминаются в связи с проникновением греко-бактрийских царей в Индию, что находит подтверждение и в их монетном чекане.

Наибольшую известность на Востоке получил Менандр. Рожденный близ эллинистического города Александрия, недалеко от нынешнего Кабула, он распространил свои владения далеко в глубь Индии, по-видимому проникнув в долину Ганга. Если верить индийской традиции, Менандр воспринял учение буддизма.

На этом список греко-бактрийских царей, который можно составить по письменным источникам, оказывается исчерпанным. И здесь обнаруживается, насколько неполны сведения античных авторов о греко-бактрийских и греко-индийских царях: их монетами засвидетельствовано существование ещё не менее двадцати (часто, судя по титулам на монетах, тоже «великих») царей. Где они правили и когда — на эти вопросы исследователям пока приходится отвечать только гипотетически, исходя прежде всего из самих монет.

Тохары (Да-юэчжи).

Пришедшие из глубин Центральной Азии кочевники, которые в 20-х годах II в. до н.э. угрожали Парфянскому царству с востока, представляли еще более серьезную опасность для владений греко-бактрийских царей. Китайский историк Сыма Цянь рассказывает, что да-юэчжи двинулись на запад, потерпев в 70-х годах II в. до н.э. поражение от племен сюн-ну (гунпов). Очевидно, это была борьба за господство в степях Центральной Азии. Гунны помнили об этой победе и гордились ею; их вожди, сделав сосуд из черепа убитого предводителя тохаров, еще долго пользовались им в особо торжественных случаях (например, в 47 г. до н. э. вождь гуннов пил

из него «клятвенное вино», заключая мир с послами китайского императора).

Пройдя через Давань (совр. Фергану), да-юэчжи вторглись в Среднюю Азию и подчинили себе значительную ее часть. В столкновении с Бактрией они, по словам китайского историка, одержали верх (возможно, это была одна из неудачных войн царя Евкратиды) и «утвердили свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй» (Амударья). Там их и застал в 128 г. до н.э. китайский путешественник Чжан Цянь, оставивший краткое описание Средней Азии и Бактрии.

По Чжан Цянго, западный сосед да-юэчжей — Парфия, южный — Бактрия, а границей между ними служит Амударья.

У кочевников да-юэчжей в это время насчитывается «от 100 до 200 тыс. войска», но, «обитая в привольной стране, редко подверженной неприятельским набегам, они расположились вести мирную жизнь».

В Бактрии, по словам Чжан Цяня, «население простирается до миллиона»: «Там ведут оседлый образ жизни; имеют города и дома; в обыкновениях сходятся с даваньцами.

Не имеют верховного главы, а почти каждый город поставляет своего правителя. Войска их слабы, робки в сражениях. Жители искусны в торговле... столица называется Ланьгаи (Александрия?). В сем городе есть рынок с различными товарами... купцы их ходят торговать в Индию», где «большая жара» и «люди сражаются, сидя на слонах».

Почти ничего не добавляет к сведениям Чжан Цяня китайская хроника «История Старшей династии Хань» («Цянь Ханьшу»), в которой описываются события до 25 г. н. э. В ней только перечислены пять «домов», на которые разделялись да-юэчжи, и среди них «дом» кушан (гуйшуан).

Литература:

Зеймаль Е.В. Парфия и греко-бактрийское царство./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ. - М.:Знание, 1983 - с.465-475

Лекция 26: Индия во второй половине I тысячелетия до н.э.

Индия в VI-IV вв. до н.э.

Период второй половины I тысячелетия до н.э. в истории Индии важен во многих отношениях.

Наиболее заметным событием в политической области было образование государств общеиндийского характера, а в области идеологии — оформление буддизма. В основе этих событий лежали не столь заметные на первый взгляд сдвиги в сфере материального производства и социальных отношений.

Выяснение их составляет труднейшую задачу для историка, так как ни одна из равных по значению древних цивилизаций не оставила после себя столь скудных источников для изучения.

Для рассматриваемого периода появляются, правда, данные эпиграфики и нумизматики (и те и другие, впрочем, немногочисленны), свидетельства античных писателей. Но огромная по объему религиозная и полурелигиозная литература содержит очень немного исторических данных и все еще часто датируется очень приблизительно; отсутствуют исторические хроники, политические и хозяйственные документы дворцовых и частных архивов, точно датированные памятники действующего законодательства и т.д. Эти невыгодные для древнеиндийской историографии условия надо постоянно иметь в виду.

К середине I тысячелетия до н.э. подвижность населения — следствие освоения долины Ганга — прекращается и сменяется состоянием относительной стабильности. В это время в Северной Индии насчитывалось несколько десятков небольших и до 16 более крупных государств. В борьбе за преобладание наибольшее значение приобрели Кошала (в современном штате Уттар Прадеш) со столицей сначала в Айодхье, а затем в Шравастии, и Магадха (в южной части современного штата Бихар) со столицей сначала в Раджагрихе (совр. Раджгир), затем в Паталипутре (ныне Патна). Между ними в основном и развернулась борьба за политическую гегемонию. В начале V в. до н.э. при магадхском царе Аджаташатру она закончилась победой Магадхи, постепенно усиливавшейся все более и более и в IV в. до н.э. ставшей ядром империи Нандов, объединившей все государства долины Ганга и, возможно, часть Южной Индии в одно политическое целое.

Сведения об империи Нандов не только скудны, но и сбивчивы. А между тем она представляет собой, вероятно, интереснейшее явление в древнеиндийской истории. Все более поздние источники с редким единодушием отзываются о царствовавшей в ней династии с ненавистью и презрением, причисляют ее к шудрам (т.е. представителям самого «низкого» общественного слоя), а её основателя Уграсену Нанду называют сыном цирюльника. Около 345 г. до н.э. он сверг царя Магадхи и воцарился сам. Такое чрезвычайное при существовавшей в то время социально-психологической атмосфере событие не могло остаться простым эпизодом придворной хроники, и Уграсена встретился с сильнейшим противодействием в кругах господствующей знати; это видно из того, что о нем осталось воспоминание как о яром враге и истребителе кшатриев (родовитой

знати). Вместе с тем ясно, что Уграсена должен был не только обладать выдающимися качествами государственного деятеля, но и опираться на какие-то оппозиционные господствующей знати общественные слои, иначе ему не удалось бы долго продержаться. А он не только продержался, но и подчинил военным путем огромную территорию в долине Ганга, создал государство, на которое не решились напасть в 327 г. до н.э. даже войска Александра Македонского, победоносно промаршировавшие до этого по всему Ближнему и Среднему Востоку. Но никаких данных, которые бы позволили представить картину происходивших событий и судить об их социальном характере, в нашем распоряжении нет.

Северо-Западная Индия на протяжении VI — IV вв. до н.э. состояла из большого числа мелких государств. Территории к западу от Инда в конце VI в. до н.э. вошли в состав империи Ахеменидов. Возможно, что власть персидских царей распространялась и на какие-то территории к востоку от Инда, но как далеко в глубь страны, это даже приблизительно указать невозможно.

Александр Македонский после разрушения империи Ахеменидов и отпадения бывших индийских сатрапий этой империи в 327 г. до н.э. вторгся в глубь страны. Некоторые из расположенных здесь государств подчинились добровольно, другие же оказали ожесточенное сопротивление. Хорошо известно, какой трудной для Александра оказалась, например, его победа над одним из пенджабских царьков — Порой. Обескураженные этим сопротивлением и трудностями похода, воины Александра отказались последовать за ним, когда он вознамерился напасть на империю Нандов, о могуществе которой греко-македонцы были много слышаны; им было известно, что на левом берегу Ганга их ожидает армия в 200 тыс. воинов пехоты, 80 тыс. всадников, 8 тыс. колесниц и 6 тыс. слонов, т. е. более чем десятикратно превышающая войско Пора.

В 325 г. до н.э. Александр ушел из Индии, оставив в завоеванной части страны подчиненных правителей и греко-македонские гарнизоны.

Империя Муарьев.

Пребывание захватчиков на индийской земле оказалось недолговечным: уже в 317 г. до н.э. последний их отряд покинул страну. Причиной этого были как войны между полководцами Александра после его смерти, так и борьба индийцев против иноземных завоевателей.

Возглавил эту борьбу Чандрагупта Маурья. По некоторым сведениям, он был родом из шудр, но большинство источников указывают, что он происходил из родовитых кшатриев. В молодости Чандрагупта служил Нандам, по рассорился с царем и вынужден был бежать на северо-запад страны. Здесь он примкнул к Александру,

уговаривал его вторгнуться в долину Ганга и обещал легкий успех, так как царь — низкого происхождения и подданные не поддержат его. Но попытка расправиться с противником чужими руками не удалась, так как Александр не решился продолжать поход дальше на восток.

После смерти Александра и последовавшего затем замешательства в его империи Чандрагупта добился изгнания греко-македонцев из страны и укрепился на северо-западе так, что смог возобновить борьбу с Пандами. На этот раз она была успешной: царствовавший тогда сын Уграсены Дхана Нанда был около 317 г. до н.э. свергнут, и Чандрагупта воцарился в Паталипутре. На всех этапах бурной карьеры Чандрагупты его верным сподвижником и советником был брахман Чанакья, ярый враг Нандов. О Чанакье в преданиях осталась память как о хитроумном политике, поэтому ему (под именем Каутилья) приписывалось составление известнейшего сочинения «Артхашастра» — «Наука о политике».

Несмотря на то что о Чандрагупте сохранилось множество преданий, точно известен только один факт его 24-летнего царствования. Около 305 г. до н.э. произошло военное столкновение между ним и Селевком I Никатором, вторгшимся в Индию. Повидимому, перевес остался на стороне Чандрагупты, так как Селевк в обмен на 500 слонов вынужден был уступить противнику значительные территории современных Афганистана и Ирана; Чандрагупта получил также в жены дочь Селевка. После этого ко двору Чандрагупты прибыл от Селевка посол Мегасфеи, оставивший описание Индии, до нас не дошедшее, но хорошо известное по обширным цитатам в сочинениях других античных писателей.

После 25-летнего царствования сына Чандрагупты Биндусары (293—268 гг. до н.э.), о котором почти ничего не известно, воцарился его сын Ашока (268 г. до н.э.), при котором империя Маурьев достигла наибольшего расцвета.

Империя Маурьев в царствование Ашоки охватывала почти весь Индийский субконтинент, за исключением крайнего юга Декана, а также значительные территории к западу от Индии. Эта империя была создана, по-видимому, в основном воинскими трудами его отца и деда, так как от правления самого Ашоки известно только о завоевании им на восьмом году царствования Калинги (совр. Орисса). Главной задачей, стоявшей перед ним, было не дальнейшее расширение пределов и без того огромной империи, а внутреннее ее укрепление, сплочение в единое целое большого числа народов, различавшихся по языку, культуре и уровню социального и экономического развития.

Самой настоятельной была потребность в организации управления. Вся империя была разбита на пять основных областей — паместничеств, управлявшихся обычно членами царского дома: Магадха с долиной Ганга, находившаяся под непосредственным управлением из Паталипутры, северо-запад с центром в г. Таксиле,

запад (г. Уджияни), Калинга (г. Тосали) и юг (г. Сувариагири). Наместничества делились на более мелкие административные единицы. Сам царь и высшие сановники систематически объезжали провинции с инспекционными целями.

Насущно необходимым было создание идеологической основы империи. На ее территории существовало множество племенных религий, что создавало между правительством и подданными и между самими подданными многочисленные общественные и культурные перегородки.

Нужна была религия, более соответствующая новым общественным и политическим условиям, способная стать единой для разноплеменного населения огромной страны. Лучше всего для этого подходил буддизм. Ашока, религиозная политика которого нам хорошо известна благодаря многочисленным надписям, оставленным им на колоннах и скалах, сумел оцепить его. Он сам принял буддизм и государственной поддержкой, щедрыми дарами буддийской общине и строительством культовых сооружений способствовал его распространению. Государство впервые при Ашоке начало устанавливать контроль за духовной жизнью своих подданных.

Государственная и религиозная политика Ашоки встречала постоянное сопротивление со стороны местных сепаратистов и брахманского жречества. Особенно обострилось положение в последние годы жизни Ашоки; возможно даже, что он был отстранен от фактической власти. После его смерти (231 г. до н.э.) начались ослабление и распад империи, ускорившийся благодаря нападению со стороны Греко-Бактрийского царства. Около 180 г. до н.э. последний представитель династии Маурьев был свергнут и убит своим военачальником Пушьямитрой, основавшим новую династию Шупгов. В это время власть царей Магадхи распространялась, видимо, только на долину Ганга и на земли, непосредственно примыкавшие к ней с юга.

Государству Шупгов пришлось неоднократно и не всегда удачно воевать с греко-бактрийцами и индийскими государствами на западе, возглавлявшимися греческими династиями.

В 68 г. до н.э. в Магадхе произошла очередная смена династии: к власти пришли Канвы, о 45-летнем правлении которых почти ничего не известно.

Образование и полуторавековое существование первого всеиндийского государства Маурьев имело огромное значение. Было достигнуто (хотя и насильственным путем) политическое объединение самых различных по этнической принадлежности, языку, уровню развития, характеру производства и формам культуры народностей и племен. Это способствовало общему экономическому развитию,

сближению составных частей империи, обмену культурными достижениями.

Индия все это время не подвергалась вражеским нашествиям. Установлены были внешние торговые и политические отношения со странами Средиземноморья.

Южная Индия.

Вплоть до начала нашей эры Южная Индия (полуостровная часть страны) заметно отставала от Северной. Это было следствием менее благоприятных условий для занятия земледелием и для внутренних связей, большей удаленности от других центров древних цивилизаций. В последние века до нашей эры положение начинает меняться.

Распространение железных орудий труда позволило местному населению преодолеть трудности в освоении новых земель, добыче полезных ископаемых, развитию морских промыслов и установить морские связи с другими странами (Африкой, Цейлоном, Юго-Восточной Азией). Пребывание большей части Южной Индии в составе империи Маурьев также способствовало усвоению местным населением передового северо-индийского опыта.

Уже в период Маурьев известно о существовании на крайнем юге нескольких государств (Керала, Чола, Пандья), отстаивших свою независимость, что свидетельствовало об их достаточной зрелости.

После же распада империи на территориях, принадлежавших ей ранее в Южной Индии, также образовались самостоятельные государства, причем некоторые настолько сильные, что сами совершали завоевательские походы в Северную Индию (Калинга, государство Сатаваханов).

Хозяйство и общественные отношения.

Рассматриваемый период отмечен прогрессом во всех областях экономики. В сельском хозяйстве происходило освоение новых земель, развитие искусственного орошения, расширение набора возделываемых культур. Известно о существовании крупных хозяйств — царя, знати и богачей — в многие сотни гектаров, с тысячами голов скота, с большим числом подневольных работников. Основной задачей животноводства становится выращивание рабочего скота.

Лесные и морские промыслы остаются уделом отсталых окраинных племен. От этого периода мы уже располагаем некоторыми данными, чтобы судить о формах земельной собственности. Соответственно уровням развития отдельных обществ формы эти были неодинаковы — от первобытных коллективных до вполне развитых частновладельческих. Но даже в самых передовых обществах, где

существовали не только владение и пользование землей, но и все основные формы отчуждения земли (дарение, продажа, передача по наследству), государство сохраняло право собственности на необрабатываемую землю, на полезные ископаемые и на клады, а община — на пастбища и пустоши. Кроме того, и государство и община сохраняли право на контроль за всеми земельными сделками.

Важнейшим свидетельством технического прогресса является развитие ремесла. Имеется много данных о высоком уровне развития черной и цветной металлургии, кузнечном, оружейном и ювелирном деле, хлопкоткачестве, резьбе по дереву, камню и кости, гончарном деле, парфюмерии и пр. В каждой деревне было несколько ремесленников, удовлетворявших скромные потребности односельчан в промышленных изделиях, но основными центрами сосредоточения ремесла, особенно по производству сложных и высококачественных изделий и предметов роскоши, были города. Здесь ремесленники расселялись по специальностям и имели свои союзы — шрени, представлявшие перед властями и защищавшие ремесленников от произвола. Немало крупных мастерских, в которых были заняты и подневольные труженики, и наемные работники, принадлежало царю (верфи, прядильные, оружейные, ювелирные).

Развитие материального производства и специализация его приводили к росту торговли. Наметилась также естественная областная специализация: Магадха славилась своим рисом и металлами, северо-запад страны — ячменем и лошадьми, юг — драгоценными камнями, жемчугом и пряностями, запад — хлопком и хлопковыми тканями; хлопкоткачеством отличались и некоторые города вне этой области — Варанаси, Матхура и др. Купцы были людьми богатыми и уважаемыми; как и ремесленники, они объединялись в шрени.

Государство получало немалые доходы от торговли и потому способствовало ей поддержанием порядка на рынке, контролем над мерами и торговыми сделками, прокладкой дорог. Государи сами были крупными купцами, и торговля некоторыми товарами была их монополией. Продолжала расширяться торговля со странами Юго-Восточной Азии, Аравией, Ираном.

Развитие торговли привело к расширению монетного обращения. На это указывают находки кладов, содержащих иногда тысячи монет.

Наиболее распространенной была денежная единица пана, по весу и составу сильно различавшаяся в разных государствах и в разное время.

На северо-западе страны имели хождение и иностранные монеты — персидские, греческие, греко-бактрийские.

Имеется много данных о ростовщичестве. Минимальным долговым ростом были 15% в год, при этом, чем ниже была Варна должника, тем выше можно было брать процент, вплоть до 60% с шудры. Но и эта цифра могла значительно вырасти, если давалась ссуда натурой, а не деньгами, если она не была обеспечена залогом и т.д. Долговое закабаление могло повлечь за собой частичное или полное лишение должника свободы.

От времени упадка индской цивилизации до середины I тысячелетия до н.э. мы не знаем ни одного города, хотя бы отдаленно напоминающего Мохенджо-Даро или Хараппу. Но с этого времени начинается новый расцвет городов. Античные писатели удивлялись огромному числу городов в Индии, называя иногда неправдоподобные цифры. Многие города вырастали из сел, особенно удобно расположенных с точки зрения путей сообщения, безопасности, наличия природных ресурсов (воды, руд, гончарных глин, древесины и т. д.). Другие основывались государством и были первоначально опорными пунктами, крепостями, административными центрами.

Многие из этих городов существуют и теперь, иногда под другими или сильно измененными названиями — Индрапрастха (совр. Дели), Паталипутра (Патна), Шакала (Сиалкот), Пурушапура (Пешавар), а иногда под теми же или только немного изменившимися — Варанаси, Каушамби, Насик, Матхура и др. Среди них были и очень большие. Так, судя по тому, что рассказывают греки о столице Магадхи Паталинудре, ее площадь должна была составлять 25—30 кв. км и, следовательно, население могло достигать до 1 млн. человек. Организационная структура городов и возможная степень их автономии не выяснены.

Как и во всякой другой стране, рабство в древней Индии имело свои особенности, но принципиальные его положения были характерны и для Индии. Индийский даса был рабом в самом точном смысле этого слова: он был чужой собственностью, не имел права на результаты своего труда, хозяин мог казнить его по своему произволу; рабов, как и всякое другое движимое имущество, продавали, покупали, передавали по наследству, дарили, проигрывали, закладывали. От скота, как «четвероногих», рабы отличались только как «двуногие». Хозяин имел безусловное право на потомство рабыни, независимо от того, кто был фактическим отцом. Разнообразные жизненные обстоятельства вносили коррективы в эти основные положения: иногда рабов привлекали в качестве свидетелей в суде, им часто разрешалось накапливать материальные средства, необходимые для уплаты выкупа, положение рабов значительно разнилось в зависимости от обстоятельств порабощения и др. Но все это имело место и в других странах. Наиболее важной особенностью древнеиндийского рабства были различия в положении рабов и в условиях их освобождения, зависевшие от их сословно-кастового положения до потери ими свободы.

Самым обильным и постоянным источником рабов стало, видимо, естественное воспроизводство, т.е. рождение рабов рабынями. Такие рабы были и самыми удобными, так как с детства привыкали к рабской доле.

Обращение в рабство военнопленных и захваченной победителем лагерной прислуги, захват рабов противника, а иногда и мирного населения имели место на протяжении всего периода древности. Обычным явлением стало порабощение за долги, продажа и дарение самого себя или продажа и дарение детей и иных свободных родственников. В рабство обращали также за некоторые преступления.

Имелись факты похищения людей с целью обращения в рабство, проигрыш свободным самого себя.

Рабский труд использовался в различных сферах хозяйства в неравной мере. Это зависело от специфики производства, от численности рабов, от прочности государственного аппарата и его карательных органов и многого другого. Как правило, труд рабов хозяева старались использовать на таких работах, которые обеспечивали постоянную занятость, простоту контроля, а также на тех, для которых трудно было найти свободных работников (особо тяжелые и опасные работы, ритуально нечистые и т. д.). Этим условиям более всего удовлетворяли работы при доме — молотьба, очистка зерна и хлопка, изготовление муки, доставка воды, уход за скотом, прядение, ткачество, плетение и др. По той же причине сложности контроля труд рабов на полевых работах использовался в мелких хозяйствах значительно реже, чем в крупных; в последних же при перечислении используемых работников первыми неизменно называются рабы.

Специфическим рабским трудом считалось и исполнение обязанностей домашней прислуги. Почти каждая даже не очень состоятельная семья имела слуг-рабов, а дома богачей кишели ими — гаремная прислуга, носильщики паланкинов, посыльные, привратники, сторожа, уборщики и т.д. Обладание такими слугами считалось необходимым и с точки зрения социального престижа.

Наличие рабовладельческих отношений не исключало существования других форм эксплуатации (арендные отношения, ростовщическая кабала, наемный труд в его специфической для древности форме), как и общественных отношений, вовсе не основанных на эксплуатации. Все они испытывали влияние рабства, обеспечивавшего необходимую при том уровне развития производительных сил максимальную зависимость эксплуатируемого от эксплуататора. Все отношения в обществе определялись наличием рабства, тем, что утвердилась эксплуатация человека человеком в самой её примитивной и хищнической форме.

Личность человека стала товаром, даже младшие члены семьи являлись объектом торговых сделок. Соответственно менялась государственность за счет усиления карательных функций, идеология — за счет освящения власти эксплуататоров.

Рабы и рабовладельцы были двумя полюсами, определявшими социальную структуру древнеиндийского общества. Между ними располагались, тяготея к тому или другому, остальные социальные слои. Так, труженики, потерявшие экономическую самостоятельность или гражданские права и вынужденные работать на других, неизбежно образовывали промежуточные общественные прослойки, в той или иной мере примыкающие к классу рабов.

Всякое рабовладельческое хозяйство стремилось иметь столько рабов, сколько оно могло использовать постоянно. Но потребность в рабочей силе часто менялась (особенно в земледелии от сезона к сезону), поэтому рабовладельцы были заинтересованы в наличии в обществе каких-то постоянных резервов дешевой рабочей силы, которую можно было бы использовать тогда, когда в ней есть необходимость, и отпускать ее, когда она не нужна. Соответственно и содержать таких работников можно было только в период работы, а когда они не заняты, то должны были бы заботиться о себе сами.

В древней Индии такие работники назывались кармакарами. К ним причислялись все, нанимавшиеся на определенный срок — батраки, поденщики, бродячие ремесленники, даже художники и лекари. Часть домашних слуг (не рабы) также считались кармакарами. Наряду с рабами кармакары широко использовались как в царских хозяйствах (земледельческих и ремесленных), так и в частных — и крупных и мелких.

Кармакары не были рабами, так как они работали по соглашению в течение определенного срока и плату получали соответственно предварительной договоренности. Однако их работа на других была следствием не только их доброй воли, и даже не только результатом бедности, но и внеэкономического принуждения, прежде всего сословно-экономической регламентации, предопределявшей, что они обязаны работать на других в соответствии со своим социальным статусом и не могут претендовать на большее. Поэтому при некотором внешнем сходстве с пролетариями капиталистического общества их нельзя считать свободными продавцами своей рабочей силы.

Действительные отношения между работодателями и кармакарами определялись в конечном счете ведущей формой эксплуатации — рабовладельческой. Поскольку рабство являлось для древней эпохи наиболее полной и эффективной формой использования зависимости, хозяева стремились хотя бы частично приравнять наемных работников к рабам.

И те и другие представлялись работодателям общей массой зависимых людей, только одних они купили на срок, а других навсегда. На работе и в обыденной жизни их зачастую не отделяли друг от друга, и кармакары считались почти таким же имуществом хозяина, как и рабы. Так же как и рабы, кармакары в период действия соглашения могли быть подвергнуты физическим наказаниям вплоть до калечения.

Отдельные группы кармакаров сильно отличались друг от друга. Одни (например, отработывающие долг, постоянные батраки) были ближе по своему фактическому положению к рабам, другие (подмастерья, бродячие ремесленники, краткосрочные наемники) — дальше, но обо всех можно сказать, что если они рабами еще не стали, то вполне свободными их тоже считать нельзя. Сильно усложняло социальную структуру наличие традиционных форм зависимости (патронат, старшие и младшие в роде, коренное и пришлое население), ещё мало изученных.

Характерным для общественного строя Индии было существование на протяжении всего периода древности многочисленного слоя общинного крестьянства. Это был слой свободных тружеников, не подвергающихся эксплуатации, так как они обладали всеми основными средствами производства.

В наиболее развитых частях Индии пахотная земля была частной собственностью, хотя община и контролировала её использование и отчуждение. Хозяйствование велось, как правило, силами одной семьи, однако при тогдашнем уровне технической вооруженности и в специфических природных условиях Индии этим семьям необходимо было постоянно поддерживать производственные связи.

Борьба с наводнением и засухой, расчистка пашен, охрана людей и посевов, строительство дорог — все это требовало коллективных усилий.

Особенность общины как производственного коллектива заключалась и в том, что в нее входили также некоторые неземледельцы, обслуживающие общие и частные нужды общинников, — горшечники, кузнецы, плотники, мусорщики, сторожа и др. Это делало общину самостоятельным экономическим организмом, мало подверженным воздействию со стороны.

Вместе с тем она представляла собой автономную гражданскую организацию со своей деревенской сходкой, старостой, писцом, жрецом-астрологом, руководившим общинным культом. Большинство судебных дел, возникавших в общине, разрешалось третейским разбирательством — собранием общинников или старостой; только самые серьезные преступления рассматривались в царском суде. Государство использовало общинную администрацию как низшее звено налогового аппарата, возлагая на неё сбор налогов. Деревни

часто были укрепленными: их окружала прочная ограда, а общинники всегда были готовы отразить нападения разбойников и мародеров.

Общины были мало связаны с политической жизнью своего государства. Изолированность общины и различие между городом и деревней в политическом отношении отмечены и греком Мегасфеном (передано Страбоном): «Земледельцы освобождаются от военной службы, их работы не нарушаются ничем; они не ходят в город, не занимаются никакими другими делами, не несут никаких общественных обязанностей».

Замкнутая и устойчивая община оказывала замедляющее действие на развитие общества; пережитки общинной собственности на землю задерживали становление частной земельной собственности, имущественную и общественную дифференциацию. Будучи автономным общественным организмом, община препятствовала росту межрайонного разделения труда, товарного производства и торговли. Густая сеть обычаев и традиций опутывала труженика, обуславливая косность и технический застой.

Община при всей своей прочности не была неизменной. На неё воздействовали рабство, сословно-кастовое деление, частнособственнические устремления, рабовладельческая идеология. В разных частях страны это воздействие было неодинаковым. В наиболее развитых государствах община стала сама выступать как коллективный эксплуататор по отношению к своим рабам и слугам и превращаться в коллектив мелких рабовладельцев.

Хотя господствующие классы и государство стремились к поддержанию системы варн в неизменном состоянии, варны изменялись и приспособлялись к новым условиям. Основные принципы сохранились: наличие четырех варн, неравенство их прав и обязанностей, принадлежность к варнам по рождению, существование важных ограничений в общении между ними. Однако со временем все большее значение для оценки общественной значимости человека приобретает его фактическое положение и особенно богатство.

Это особенно заметно в частом отходе от традиционных занятий. Определяющим для брахмана остается исполнение жреческих обязанностей, но теперь все чаще встречаются брахманы земледельцы, пастухи, ремесленники, знахари, лекари и даже слуги. Только брахманы-жрецы оставались освобожденными от налогов, остальные их платили. Другие древние привилегии (освобождение от смертной казни и телесных наказаний, закабаления за долги) на брахманов-нежрецов также распространялись все в меньшей мере, и они в конце концов теряли свой брахманский статус.

В Индии ещё не было храмов и храмовых хозяйств, отсутствовала организация брахманов даже в местном масштабе. Следовательно, отсутствовали экономические и политические предпосылки для их

главенства в древнеиндийском обществе, хотя варна брахманов и считалась высшей. Но брахманы как идеологи господствующего класса, хранители и толкователи древних традиций, исполнители культовых действий продолжали занимать важное место.

Кшатрии по своей духовной чистоте считались второй варной, но военная, политическая и экономическая власть находилась в их руках. Все же и здесь можно обнаружить изменения. Многие кшатрийские роды слабели, и члены их становились гаремными стражниками, телохранителями вельмож, а некоторые торговцами и ремесленниками. Родовитую знать зачастую оттесняет служилая. Это особенно видно на примере выдвижения царских династий из других варн, например шудрянской Нандов и брахманской Канвов.

Процесс расслоения затронул и варку вайшьев. Разбогатевшие вайшьи (особенно из купцов) занимают места в государственном аппарате как торговые агенты царя, сборщики пошлин, служащие в царском хозяйстве и казначействе и т.д. Такие вайшьи пробивались в верхи рабовладельческого общества; большинство же их, как занятые физическим трудом и составлявшие основное податное сословие, все более сближались с шудрами, общественный статус которых постепенно повышался.

Равноправия шудры не добились. Для них оставались ограничения в выборе профессии и места жительства, более строгие наказания по суду, они подвергались ограничениям в религиозной обрядности. И все же, хотя авторы законоведческих трактатов всячески старались подчеркнуть приниженность шудр, фактическое положение их изменилось, и прежде всего потому, что они составляли основное производительное население растущих городов. Имеется немало примеров того, что состоятельные шудры нанимали слуг из дваждырожденных и даже брахманов. Если появляются даже царские династии из шудр, то тем чаще должны были встречаться факты занятия шудрами и менее заметного, хотя и немислимого ранее общественного положения.

Недаром во многих версиях мифа «О четырех веках» с горечью констатируется (впрочем, с явным намерением сгустить краски), что в последний грешный век Кали главными становятся шудры.

Культура.

Значительные изменения произошли в области идеологии. Со времени смерти Будды в начале V в. до н.э. буддизм успел претерпеть значительные изменения. По преданию, первый буддийский собор состоялся еще при жизни учеников Будды, причем были сформулированы устав монашеской общины (сангхи) и канон, преподанный в форме бесед Будды, однако неясно, были ли устав и канон уже записаны или только заучивались наизусть. Во всяком случае, устные толкования очень долго сохраняли значение. Самый

древний и дошедший в наиболее полном виде из нескольких существовавших буддийских канонов, почитаемый наиболее ортодоксальным южным течением «Тхеравада», был записан лишь в I в. до н. э., причем уже не на родном древнеиндийском диалекте самого Сиддхартхи Гаутамы, а на более позднем языке пали. Сохранились — в санскритском оригинале, а чаще в переводе на тибетский, китайский и другие языки — отрывки из другого канона или канонов.

В начале IV в. до н.э. наметилось расхождение между более ортодоксальным, консервативно-философским буддизмом и откровенно религиозными течениями, где Будда представал уже в виде божества, причем не только исторический Сиддхартха Гаутама Будда, но мифические, предполагаемые Будды предшествовавших эпох, к каждому из которых можно было обращаться с молитвами за помощью. Оба течения созывали отдельные соборы, находилось и много «неорганизованных» устных толкователей учения.

Наряду с буддийскими существовали и другие вероучения, обещавшие путь к спасению. Некоторые, например учение Девадатты, откололись еще от первичного буддизма, другие существовали независимо и, может быть, раньше буддизма, например джайнизм. Джайны отвергали учение буддистов о вечной изменчивости бытия и считали материю неизменной, но, деля ее на «живую» (куда помимо органической жизни они включали огонь, воздух и т.п.) и «неживую», подобно буддистам, проповедовали ахинсу — запрет убивать живое. Одна из групп джайнов в своем крайнем аскетизме отвергала даже одежду; возможно, слух именно о ней дошел еще раньше времен Александра до греков, которые рассказывали о «нагомудрецах» (гимпософистах) Индии, отличных от брахманов. Существовали также другие учения наряду с традиционными культами ведической религии.

Именно буддизм, деятельно отрицавший этнические, сословные и родо-племенные различия, оказался наиболее приемлемой идеологической основой для империи, своим существованием разрушавшей традиционные перегородки. Наряду с беднотой и отверженными к буддизму уже с V в. до н.э. стали примыкать богачи и высшая знать.

Монашеские общины получали от них значительные земельные и денежные дарения (и на буддийских соборах принятие подаяний золотом тщетно провозглашали грехом). Ко времени создания империи Маурьев буддизм уже имел много сторонников. Ашока сам принял буддизм (повидимому, в более ортодоксальной, «южной» форме) и всячески содействовал его распространению. При нем же начинаются странствия буддийских проповедников за пределы державы Маурьев. Важным культурным достижением рассматриваемого периода стало широкое распространение грамотности, особенно среди горожан.

Точно датированные памятники письменности относятся к III в. до н.э., но она столь совершенна, что предполагает несколько веков предварительного развития. Попытки связать это письмо с письменностью Хараппы не удалось: по-видимому, оно возникло вполне независимо. В то же время возникает письменная литература на разных языках. Записываются некоторые религиозные тексты (например, «Буддийский канон»), сборники правил обыденной жизни и нормы обычного права (дхармасутры), ставшие зачатками законоведческой литературы, сборники наставлений в политике, в частности основные части из дошедшей до нас «Артхашастры». Вследствие огромного значения, которое эта литература (особенно религиозная) приобрела, развилось языкознание. Труды древнеиндийских грамматиков Панини (V—IV вв. до н.э.) и Патанджали (II в. до н.э.) по своему научному уровню представляют собой такое высокое достижение, к какому не смогли приблизиться ученые ни в одной стране древнего мира.

К этому же времени можно отнести возникновение театра и драматургии. Известно о существовании профессиональных певцов, музыкантов, плясунов, актеров, организованных в постоянные труппы.

Из описаний греков мы знаем о существовании в период Маурьев величественных построек.

Но основным строительным материалом в долине Ганга было дерево, и поэтому памятников зодчества этого периода дошло немного (сохранились только каменные постройки). Таковы здания раннего периода г. Таксилы, древнейшие пещерные храмы (I в. до н.э.) в разных частях страны и пр. Создание памятных колонн, иногда весом до 50 т. со сложными капителями (одна из них, на Сарпатхской колонне из г. Варанаси с изображением четырех львов, является гербом Индийской республики), резная ограда вокруг Большой ступы в г. Санчи и др. свидетельствуют о техническом и скульптурном мастерстве древнеиндийских ваятелей. В связи с развитием буддизма начинается строительство ступ — памятных сооружений курганного характера, предназначенных для хранения буддийских святынь.

По мере развития международных контактов в некоторых сферах культуры отмечается влияние соседей. Такие влияния исследователи находят в государственных институтах, письменности, скульптуре и др. Можно уверенно предполагать, что развитие материального производства привело к накоплению производственного опыта, познанию свойств материалов и пониманию природных явлений, но в какой мере они стали научными, судить трудно ввиду почти полного отсутствия данных.

Литература:

Ильин Г.Ф. Индия во второй половине I тысячелетия до н.э./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ. - М.:Знание, 1983 - с.476-489

Лекция 27: Расцвет рабовладельческого общества в Китае.

«Воюющие царства» (V—III вв. до н.э.).

Период V—III вв. до н.э. вошел в историю Китая под названием «Чжань го» — «Воюющие царства». Этот традиционный термин, заимствованный из древнекитайского исторического сочинения «Политика Воюющих царств» («Чжань го цэ»), оказался приемлемым для научной классификации эпохи бурных военных столкновений, серьезных исторических перемен.

Несомненно, в основе социально-экономических сдвигов данного периода лежало широкое освоение техники обработки железа. Первое упоминание о железоплавильном деле донесла до нас летопись, сообщающая об отливке в царстве Цзинь железного треножника с «записью уголовных законов» (513 г. до н.э.). Эта дата фиксирует важную веху в развитии общественного и государственного строя древнего Китая: введение писаного государственного законодательства взамен устного обычного права.

В середине I тысячелетия происходило преобразование ландшафта Северного Китая, изменились его природные условия. Огромные лесные массивы в бассейне р. Хуанхэ были выкорчеваны, обширные заболоченные пространства осушены, большие земельные площади обработаны, частично орошены. Расширение пашен сопровождалось снижением влажности и охлаждением климата в Северном Китае. Животные жаркого пояса, такие, например, как слон и носорог, исчезают из бассейна Хуанхэ; уже в VII в. до н. э. они встречались крайне редко, в то время как во II — начале I тысячелетия до н.э. водились здесь в изобилии.

Несмотря на кровопролитные войны, население на территории Китая значительно возросло; наиболее плотно заселенными к III в. до н.э. оказались помимо древнего культурного региона на северо-востоке Хэнани и юге Хэбея бассейны рек Фэнь (в Шапси), Вэй (в Шэньси), Миньцзян (в Сычуапи).

Массовое освоение новых земель было бы невозможным без использования железных орудий и широкого проведения мелиоративных работ. Но, кроме того, это было не под силу ни отдельным объединениям общин, ни мелким городам-государствам Великой Китайской равнины.

Даже укрупненные царства «новой формации» не могли взять на себя выполнение таких задач без осуществления политико-

административных реформ и централизации государственного управления. Экономическая необходимость создания ещё более обширных государственных образований в той исторической обстановке не могла быть выполнена мирным путем и влекла за собой дальнейшее усиление захватнических войн между царствами.

В напряженной борьбе царств во второй половине V в. до н.э. среди них определились «семь могущественнейших» («цисюн»). Ими оказались царства Хань (в Северной Хэнани), Вэй (в Южной Шаньси и примыкающих к ней районах Северо-Восточной Хэнани и Южного Хэбэя) и Чжао (в Северной Шаньси и Центральном Хэбэе), бывшие царства-гегемоны Ци (в Шаньдуне) и Чу (в Хубэе и прилегающих областях Южной Хэнани, Западного Аньхоя и Северной Хунани), царство Янь (в Северном Хэбэе) и, наконец, самое «молодое» из всех, царство Цинь (в Шэньси), на долю которого выпала исключительная историческая роль.

Все «Воюющие царства», по традиции, делят на две группы: «центральную» — в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ, где сложились древнейшие в Китае государственные образования (она почти совпадала с племенной иньской территорией), и «периферийную». К «центральным» царствам относились Чжао, Вэй и Хапъ, а также Ци на Шаньдунском полуострове. Группу «периферийных» царств составляли Янь, Цинь и Чу.

На протяжении V—III вв. до н.э. все древние малые царства Великой равнины постепенно были поглощены сильнейшими державами Хань, Вэй, Ци, Чу и Цинь. В том числе Западное Чжоу (В 367 г. до н. э. Чжоу распалось на два царства: Восточное и Западное Чжоу.) было захвачено царством Цинь, а Лу — родина Конфуция — царством Чу.

Все большую значимость в событиях эпохи приобретали периферийные царства, что было вызвано общим ходом развития древнего Китая.

В эпоху «Воюющих царств» железный век уверенно вступал в свои права. Главные месторождения железа (причем в неглубоком залегании) находились на севере страны — там, где в то время были царства Чжао, Хань, Янь и Ци, но известны были и крупные залежи железной руды к югу от р. Янцзы, в районе нынешнего г. Чанша и в Сычуани. Медных месторождений было меньше, важнейшие из них располагались в бассейне Янцзы, в области озер Поян-Дунтин, и на юго-западе, где находился один из древнейших очагов бронзолитейного производства Восточной Азии. Железные изделия с самого начала изготавливались в технике литья, довольно быстро вытесняя бронзовые. Что же касается оружия, то здесь бронза долго не уступала место железу. Только тогда, когда в царствах Южного Китая Чу, У и Юэ в конце периода «Чжань го» научились изготавливать

железное оружие, сочетая плавку с ковкой, оно и в Северном Китае стало постепенно вытеснять бронзовое.

С изменением климатических и физико-географических условий ирригация приобрела все большее значение, становясь важнейшим условием развития земледелия. Северные и северо-западные районы периодически страдали от засухи, которая иногда длилась по нескольку лет. Вместе с тем губительные наводнения постоянно угрожали плодородным землям Великой равнины в бассейнах рек Хуанхэ и Хуайхэ. Засухи и наводнения поражали также и царства бассейна Янцзы.

Если на протяжении предшествующих двух веков летопись «Чунь цю» зафиксировала ирригационное строительство лишь в Лу, то начиная с V в. до н.э. в ряде царств развернулись крупные дренажные и оросительные работы в масштабе очень обширных регионов.

Так, в 486 г. до н.э. было завершено многолетнее сооружение глубокого канала, соединившего р. Янцзы с р. Хуай, а затем этот водный путь продолжили до рек Южного Шаньдуна. В конце V в. царство Вэй (на территории Великой равнины — его необходимо отличать от царства Вэй, создавшегося после раздела царства Цзинь) провело важный осушительный канал на рубеже современных провинций Хэнань и Хэбэй, а в течение IV в. до н.э. предприняло сооружение ряда каналов и дамб, в частности в районе современного города Кайфына. В середине III в. до н.э. магистральный канал Чжэнго, идущий параллельно реке Вэй, был проложен в царстве Цинь. Он превратил бассейн р. Вэй в богатейшую житницу. Около 300 г. до н.э. в верхнем течении р. Миньцзын (в Сычуани) была сооружена плотина и создана одна из самых крупных ирригационных систем, защитившая от наводнений и оросившая плодородную равнину Чэнду.

Кроме проведения сети каналов предпринимались и другие гидротехнические работы. Создавались обширные водохранилища. Вдоль берегов многих рек, опасных в половодье, были сооружены защитные дамбы. Пропускная способность водных путей регулировалась шлюзами. Плотины и запруды меняли течение рек.

Однако строительство гидротехнических сооружений в различных царствах никак не согласовывалось между собой. Например, постройка береговых дамб для предохранения полей от наводнений в царстве Ци приводила к страшным разливам в царстве Вэй, расположенном выше по течению Хуанхэ. К тому же эта капризная и грозная река часто меняла русло. Одна из самых страшных в истории Китая катастроф произошла в 602 г. до н.э., когда Хуанхэ на огромном протяжении (от Кайфына до Тяньцзиня) резко изменила течение, избрав новое русло много южнее и отступив на десятки и сотни километров от своего прежнего пути.

Кроме того, в условиях постоянных войн ограждающие дамбы часто намеренно разрушались для затопления территории противника. Так, в 226 г. до н.э. циньские войска затопили г. Даляп, разрушив дамбу около г. Кайфына.

В тех царствах, где была введена в строй система регулирования речного течения и созданы крупные ирригационно-мелиоративные сооружения, отмечен быстрый и значительный подъем сельского хозяйства.

В конце периода «Чжань го» в северных царствах появились первые железные лемехи, стала применяться тягловая сила, использоваться удобрения.

Искусственное орошение и удобрение ранее сухих лёссовых земель позволило значительно повысить общую продуктивность земледелия. Наряду с возделыванием пшеницы, проса и гаоляна на юге расширяются посевы риса. Возникают специализированные отрасли сельского хозяйства — огородничество, садоводство, разведение тутового шелкопряда.

Именно в этот период складывается концепция, признававшая землю единственным источником богатства (и основным предметом обложения), считавшая производительным только земледелие. Настаивая на узаконении купли-продажи земли и допуская в этом отношении известную экономическую свободу, сторонники этого политико-экономического направления вместе с тем провозглашали принцип вмешательства государства в промышленную и торговую жизнь страны. Наряду с этим они требовали также ограничения личной свободы земледельцев, запрещения общинникам покидать постоянное местожительство, регламентации их занятий в соответствии с сезоном, возрастом работников и т.д.

Период «Чжань го» отмечен подъемом специализированных ремесел: ткацкого, металлургического, кораблестроительного, столярного, лакового, керамического, ювелирного. Ремесло все более усложняется, появляются новые его отрасли, складываются и укрепляются местные ремесла.

В V—III вв. до н.э. происходит быстрое развитие товарно-денежных отношений. Формируется социальный слой шан жэнь — «торгового люда». Наследственная аристократия, ранее занимавшая господствующее положение в управлении царств, начинает отступать перед повой имущественной нетитулованной знатью, «выскачками пз низов», как их именуют источники. Известны крупные дельцы (например, Фань Ли, действовавший в царстве Юэ), вышедшие из рабов. Активизации частной торговой деятельности способствовало введение письменных договоров (по типу верительных бирок). Частные торговые дома брали на откуп государственные предприятия: рудники, соляные копи и плавильные мастерские. Влияние этих

богатеет становится все заметнее, оно ощущается в политике реформ, осуществляемых с большей или меньшей последовательностью почти во всех ведущих царствах. Одним из первых политические реформы, направленные на централизацию управления, провело царство Ци, потом Чу, Чжэу, Вэй (в долине р. Фэнь) и др., позже других (но наиболее кардинально) — Цинь.

В царствах Вэй, Ци и Чжэн отмечены мероприятия, поощряющие частную торговлю и нормализующие положение торговых слоев. Важное значение стала приобретать международная торговля. Северные и западные племена в обмен на сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия поставляли рабов, лошадей, рогатый скот, жители юга — предметы экзотики и красители; оттуда же, вероятно, шло и олово. Сложнее обстояло дело с торговлей между самими китайскими царствами; как и в Передней Азии II тысячелетия до н.э., создание крупных и воинственных государств, введших высокие пограничные пошлины, препятствовало нормальному развитию торговли. В середине I тысячелетия до н.э. главным посредником в межгосударственной торговле «Воюющих царств» становится царство Чжэп, расположенное в Восточной Хэнани, между царствами Хань, Вэй и Чжао. Жители царства Чжэн постоянно упоминаются в хрониках как «торговый народ».

Хотя в Китае не так отчетливо, как в Передней Азии, противостояли друг другу страны «первого подразделения» общественного производства (средств производства) и страны «второго подразделения» (предметов потребления), однако проблема контактов и объединения обеих групп стояла и тут. Эту функцию в масштабах всего древнего Китая предстояло выполнить государству, которое оказалось наиболее сильным в военном отношении.

В V—III вв. до н.э. военная организация царств также претерпела существенные изменения. Старинные аристократические колесничные войска в ряде царств (прежде всего в «периферийных») сменяют сначала стрелковые отряды, вооруженные дальнобойными арбалетами, а затем, с конца IV в. до н. э., конница. Первые конные группы были созданы в III в. до н. э. в царстве Чжао по типу конницы кочевников Ордоса и монгольских степей. Изменяется сам характер войны.

Если раньше судьбы сражений определялись за два-три дня, то теперь войны становятся затяжными, осада городов длится иногда годами.

Ожесточенное военное соперничество между царствами переросло в своего рода тотальную войну, имевшую целью уничтожение врага, захват людей и территории. Исход войн зависел теперь от могущества царств, т.е. от их экономического, политического и военного потенциала. В V—III вв. до н.э. создаются отдельные линии укреплений, ограждающие царства от набегов

кочевников (позже они стали звеньями Великой китайской стены), а также друг от друга. От последних не осталось и следа — они были снесены по велению циньского правителя Ин Чжэна, ставшего в 221 г. до н.э. первым императором древнего Китая. Не дошли до нас и другие крепостные сооружения. Однако, по свидетельству письменных источников того времени, искусство фортификационного строительства достигло в период «Чжань го» высокого уровня.

Впервые страна покрывается сетью торгово-ремесленных городов, обнесенных двойным кольцом укреплений. Если раньше городские стены имели в периметре не более полукилометра, то в городах IV—III вв. до н.э. их длина нередко достигала 3 км. Население крупнейших городов исчислялось десятками тысяч жителей. Одним из самых знаменитых считался город Линь-цзы — столица царства Ци, население которого якобы превышало 300 тыс.

Поскольку в древнем Китае культ верховного божества — Неба — принял в основном форму почитания «Сына Неба», т.е. священной особы чжоуского правителя, а важнейшие культы предков были сосредоточены внутри патриархальной семьи, здесь не создано сколько-нибудь значительных храмовых хозяйств, которые стали бы основой для создания гражданско-храмовых общин. Не выработалось здесь и городской автономии в тех масштабах, как в Средиземноморье и даже на Ближнем Востоке (хотя и в Китае также можно выявить и подобие общин «номового типа», и стадию независимых городов-государств). Однако, как уже упоминалось, городские общины существовали и имели свое самоуправление, обязанное, в числе всего прочего, организовывать граждан во время войны на оборону своего города.

В сельском хозяйстве основной фигурой по-прежнему оставался полноправный земледелец-общинник.

Развитие специализированных отраслей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле способствовало росту внутреннего обмена и товарно-денежных отношений, распространявшихся и на сделки с землей (В ряде царств законом была разрешена скупка земли — сначала садовой и огородной, но затем и полей.). Это вело к резкому имущественному расслоению, ещё более усилившемуся в обстановке непрерывных войн. На общинников налагалась не только строительная повинность, но и воинская, надолго отрывавшая от хозяйства 10% мужского населения, а также крайне обременительная гужевая (перевозки для армии). Характерно, что в период «Воюющих царств» не только не существовало обширных царских сельскохозяйственных имений, но постепенно было ликвидировано и отчуждение в пользу государства 1/9 (или $\frac{1}{9}$) части общинных земель (гун тянь). Основной доход государство теперь получало от натурального поземельного налога с населения. В связи с ширившейся практикой земельных сделок эта система налогообложения стала базироваться на имущественном принципе. Община превращалась в объединение частных земельных

собственников разной степени состоятельности, причем собственность на землю осуществлялась ими, по-видимому, по праву принадлежности к общине. Во всех царствах этого периода отмечается тенденция к увеличению нормы налогообложения, прежде всего поземельного налога. Всеобщее налоговое обложение не сопровождалось превращением всего сельского земельного фонда в царский, а земледельцев — в царских людей рабского типа. Сельская община всюду была достаточно сильна, а царям не удалось ещё сломить значение органов общинного самоуправления — старейшин фулао во главе с «тремя старейшинами» — санълао и главой общины личжэном. Кое-где существовали культовые объединения группы общин.

Несмотря на трудности внутренней и внешней торговли, товарный рынок сильно вырос повсюду. Как сообщает один из древних источников, «в центральных царствах можно было приобрести хороших скакунов и крупных собак — с севера ... перья, слоновую кость, шкуры носорогов, краски — с юга ... изделия из кожи и шерсти, бунчуки из воловьих хвостов — с запада. Жители низинных озерных мест могли получить лесные материалы, а жители горных местностей — продукты водного промысла; земледelec, не работая топором, не обжигая кувшины, не выплавляя железо, мог приобрести необходимые орудия; ремесленник и торговец, не обрабатывая землю и не сея, могли получить продовольствие». Как и в других странах, разделение труда приводило к необходимости приобретать орудия и часть продуктов на стороне. Но при сезонном и низкотоварном характере мелкого сельскохозяйственного производства и высоких ценах для такого приобретения необходим был кредит. Кредит был нужен и для уплаты поземельного налога. Богачи предоставляли кредит под ростовщические проценты, под заклад земли; зачастую дело доходило до самопродажи должников.

Свободные денежные средства сосредоточены были в основном у торговцев (как и в Передней Азии), которые одновременно были и ростовщиками. Не удивительно, что торговцы повсюду домогались политического влияния. Реформы, проводившиеся постепенно, как в «центральных», так и в «периферийных» царствах, были направлены на политическую централизацию, пресечение аристократических привилегий знатных семей, административно-территориальное переустройство, изменение системы налогообложения с учетом утверждающихся товарно-денежных, частнособственнических и рабовладельческих отношений. Эти реформы, несомненно, соответствовали интересам недавно выдвинувшейся части господствующего класса.

Развивающаяся торговля требовала разработки устойчивого денежного эквивалента. Около 500 г. до н. э. появились первые литые металлические деньги — сначала неудобной формы и большого размера. В IV в. до н.э. монеты стали менее громоздкими и приобрели

нарицательную стоимость. На них обозначались место отливки (столица или крупный город) и достоинство монеты.

По археологическим данным известно 96 монетных дворов. В IV—III вв. имело хождение несколько видов монет: бронзовые—в форме лезвия мотыги (в царствах Хань, Вэй и Чжао), в форме ножа (в царствах Янь и Ци), круглые с квадратным отверстием посередине (в царстве Цинь); золотые пластинки с насечкой, указывающей их достоинство, а также бронзовые каури (в царстве Чу). На этих образцах можно проследить переход от ранней предметно-монетной формы единиц обмена к поздней форме денег «космического» типа — символа квадратной земли, обрамленной круглым небом.

Введение металлической монеты, переход на всеобщий налог, разрешение свободной скупки земли отвечали интересам торгово-ростовщических кругов общества. Экономические факторы, и прежде всего расширение товарно-денежных отношений, способствовали развитию рабовладения.

Богачи создают крупные частные хозяйства — специализированные сельскохозяйственные и особенно ремесленно-промышленные, более других связанные с рынком. И, естественно, тем самым развивается и «классическое» рабство. Поименно известны богатые семьи из разных царств, основывавшие свои хозяйства на рабском труде. В источниках упоминаются частные или семейные (сы-ну-бэй, цзя-ну-бэй) и государственные (гуань-ну-бэй) рабы. Частных рабов, по-видимому, в основном захватывали во время войн или приобретали в других странах, а затем продавали и перепродавали на специальных рынках в крупных городах. Как и у греков, чужестранцы считались прирожденными рабами. Так, северные племена обозначались в это время иероглифами сюн-ну, т.е. «злые рабы». Существовало также долговое рабство, хотя владение такими рабами считалось предосудительным.

Число государственных рабов пополнялось главным образом за счет военнопленных и осужденных. Порабощение осужденных с введением в ряде царств новых уголовных законов, направленных на расширение источников государственного рабства, приобрело в эпоху «Чжань го» особое значение.

Нарушение древних традиций и многих статей законоположений, даже «бедность из-за лени» карались порабощением временным, пожизненным или наследственным (формально — до трех поколений, фактически—навсегда), причем порабождался не только сам осужденный, но также и его семья вместе с группой других семей, взаимно связанных круговой порукой. Рабством заменялись разные виды казни. Естественно, такая возможность пополнять число государственных рабов вела к грубейшим нарушениям правосудия. Рабы-осужденные назывались ту или ту-ну-бэй.

До нас дошло довольно много сведений об отдельных выступлениях рабов против хозяев, рабских бунтах и восстаниях бедноты, а также о бегстве бедняков и рабов в разбойники, которое в этот период приняло массовый характер. Создавались целые «армии» из беглых рабов, разорившихся земледельцев и ремесленников, к ним примыкали неудачники из числа обедневших, некогда знатных родов. Эти бродячие толпы оторванных от производственной деятельности и постоянного жилья, но вооруженных людей иногда целыми отрядами поступали на службу к влиятельным родам и знатным лицам, использовались в междоусобных войнах царств.

«Разбойничьи орды» («пагуба всей Поднебесной», по определению Конфуция) пересекали страну из конца в конец, наводя ужас на господ, но вызывая горячее сочувствие в низах общества; главари этой вольницы представлены в народных былинах как удалые герои. Внутри господствующего класса также шла ожесточенная борьба. Старая наследственная должностная знать оттеснялась торговой знатью; должности, ранее переходившие только по наследству, теперь стали раздавать за личные заслуги, а затем их стало возможным покупать.

Империя Цинь (III в. до н.э.).

До IV в. до н.э. царство Цинь мало или почти не участвовало в борьбе между царствами, занятое войнами против горцев и кочевников. От вторжения центральных царств оно было хорошо защищено излучиной р. Хуанхэ и горами.

К этому времени в результате многовекового хищнического использования леса в бассейне р. Вэй были уже сведены, плодородные прежде земли потеряли продуктивность, оказались заболоченными. Введение их в оборот было для царства Цинь насущной хозяйственной задачей. Крайне трудоемкие работы по мелиорации, сооружению ирригационных каналов были под силу лишь мощному централизованному государству, располагающему большими людскими и прочими ресурсами. Осуществив ряд важных мероприятий, царство Цинь сумело создать ирригационную систему Вэйбэй (в бассейне р. Вэй) и значительно увеличить свою сельскохозяйственную продукцию. К концу IV в. по численности населения это государство уступало только царству Чу — своему главному сопернику в борьбе за гегемонию.

Основной этнос Чу, как и Цинь, был отличен от ханьцев. Однако правители Цинь охотно привлекали к себе население других, в первую очередь ханьских, царств, в качестве поселенцев-колонистов, военных советников, чиновников царской администрации.

При царе Сяо-гуне (361—338 гг. до н.э.) таким пришельцем — сановником Шап Яном были проведены важные реформы землепользования: узаконены взятие в залог и скупка земли и

отменены ограничения размера земельных владений. Уже одно это приводило к подрыву сельской общины, но Шан Ян пошел дальше. С не разделенных после смерти патриарха хозяйств «больших семей» стали взимать двойной и тройной размер налога — по числу совместно живущих братьев. Был запрещен обычай кровной мести.

Развитие товарно-денежных отношений стимулировали унификация мер длины, веса, объема, монетная реформа.

Большой доход приносили государству пошлины с торговли. Могущество потомственных знатных родов было подорвано единообразным разделением государства на административные округа (сянь), подразделявшиеся на более мелкие единицы, вплоть до групп из пяти и десяти семей, связанных круговой порукой: в случае провинности одного все члены группы становились государственными рабами. Шан Ян заменил налог со сбора урожая налогом с земельного участка семьи; таким образом, стихийные и социальные бедствия всецело ложились на плечи земледельца, а казна получала постоянный доход. Шан Ян поощрял крупное землевладение, видя в нем основу экономики страны. На льготных условиях он разрешал любому желающему обрабатывать пустоши, но такая обработка была возможна лишь при наличии свободных средств. Его законы о рабах, создававшие дополнительный резерв рабочей силы, также благоприятствовали зажиточным землевладельцам, в чьих хозяйствах преобладал труд рабов.

Будучи главнокомандующим царства Цинь, Шан Ян перевооружил и реорганизовал армию, во многом использовав опыт кочевников. Он отменил колесницы — основу военной мощи знати, ввел кавалерию, улучшил воинское снаряжение, ввел железное оружие. Была установлена строжайшая дисциплина, также основанная на круговой поруке групп воинов. Шан Ян ввел 20 степеней гражданских рангов знатности на основе имущественного ценза, но с обязательным учетом и военных заслуг; так, за уничтожение, а особенно за захват в плен врага воина повышали в ранге, а это давало право на получение рабов и земли. Такие нововведения придавали государству Цинь эпохи Шан Яна черты военно-бюрократической деспотии. Только военные — обладатели рангов считались полноправными свободными гражданами, порабощать их запрещалось законом. Позже, однако, ранги стали объектом купли-продажи.

Старая потомственная знать была лишена всех привилегий и отстранена от власти. Это вызвало возмущение аристократов, и после смерти Сяо-гуна Шан Ян был казнен. Однако его реформы остались в силе.

Государство Цинь превратилось в сильнейшую военную державу и перешло в наступление на соседние страны. Одной из первых была захвачена область Шу-Ба в Сычуани с её плодородными землями и рудными богатствами, давно служившая предметом раздоров между

Цинь и Чу. Проведя здесь крупные оросительные работы, Цинь обеспечило себе добавочный важный источник Сельскохозяйственной продукции, что в немалой степени облегчило дальнейшую экспансию. В конце IV в. циньцы захватили верхнее течение р. Хань (юг Шэньси) и запад Хэнани, вплотную подойдя к царствам Чу, Вэй и Хань. Напрасно центральные царства заключали против циньских царей союзы — они постепенно теряли свои территории. В конце концов при помощи подкупа и интриг циньцам удалось развалить противостоявшую им коалицию и в 278 г. до н.э. захватить столицу Чу. Но и после потери древней столицы это царство оставалось сильнейшим соперником Цинь. Затем последовала кровопролитная война Цинь с Чжао, приведшая к многотысячным жертвам.

Однако, хотя Цинь значительно расширило свои владения за счет других царств, уничтожить их не удалось. В 241 г. до н.э. царства Вэй, Хань, Чжао и Чу заключили против Цинь новый военный союз, но их объединенные войска потерпели поражение. Циньцам противостояли также царства Янь и Ци. В 238 г. до н.э. на циньский престол вступил энергичный царь Ин Чжэн, и ему удалось поодиночке разбить своих противников. В результате 17-летних войн в 221 г. до н.э. было завоевано последнее самостоятельное царство — Ци на Шаньдунском полуострове. Победитель Ин Чжэн отверг титул чжоуских ванов «Сын Неба» (тяньцзы); он впервые принял совсем новый, но также обожествлявший его титул хуанди, который традиционно переводят как «император»; в историю он вошел как Цинь Ши хуанди—«Первый император Цинь».

Объективно выполняя задачу объединения областей первого подразделения (в данном случае скотоводческих областей севера, а также районов месторождений меди, железа, олова и областей юга — поставщиков леса) с областями второго подразделения, Цинь Ши хуанди не ограничился захватом шести крупнейших царств древнего Китая, но продолжил завоевания на север и на юг. На юге ему удалось подчинить так называемые «царства Юэ», расположенные в лесных районах вплоть до Южно-Китайского моря, включая и нынешний Северный Вьетнам, на севере — оттеснить за р. Хуанхэ кочевых сунну (гуннов). Для того чтобы обезопасить всю северную границу империи, Цинь Ши хуанди приказал построить гигантское фортификационное сооружение — Великую китайскую стену, соединив и значительно расширив пограничные крепостные оборонительные укрепления царств Цинь, Чжао и Янь.

Великая китайская стена протяжением почти в 4 тыс. км была сооружена из утрамбованной земли и каменных глыб, возносясь над горными кручами, пересекая безводные степи и пустыни. В определенных местах в стене были устроены тщательно охраняемые ворота, превратившиеся в места торговли с кочевниками.

Сооружение стены продолжалось десятков лет и стоило империи невероятных тягот и людских потерь.

Цинь Ши хуанди распространил на всю империю порядки, подобные установленным Шан Яном. Страна, не считаясь с традиционным делением на царства, была разделена на 40 областей, а области — на округа (сяни). Населению запрещалось именовать себя вэйцами, яньцами, циньцами, чусцами и т.п., было введено обязательное для всех (знатных и простолюдинов) единое обозначение гражданского подданства—«черноголовые». Запрещение самоназваний по прежним царствам наряду с уничтожением Ципь Ши хуанди крепостных стен внутри страны способствовало политическому укреплению империи.

Учреждение единого для всего населения наименования («черноголовые») и отмена всех прежних потомственных аристократических титулов, по сути дела, уравнивали перед законом всех граждан империи. Цинь Ши хуанди не сделал исключения даже для своих сыновей и братьев, «низведя их до простолюдинов».

Были введены единое писаное законодательство, единая система чиновничества, а также инспекторский надзор, державший под контролем деятельность всего административного аппарата сверху донизу и подчиненный лично императору. Цинь Ши хуанди ограничил культовые и другие функции общинных старейшин — саньлао (Саньлао буквально означает «трое старейшин» и свидетельствует о пережитках общинного триединого совета.), хотя, видимо, не ставил целью уничтожить общинное самоуправление. Будучи заинтересован в использовании общины как фискальной единицы, Цинь Ши хуанди уважительно упоминал саиьлао на своих тронных стелах и закрепил за ними обязанность раскладки налогов внутри общины.

По примеру Шап Яна Цинь Ши хуанди ввел карательную систему, предусматривавшую как массовый вид наказания порабощение государством всех членов семьи преступника в трех поколениях, а также семей, связанных между собой круговой порукой, так что в рабство обращались целые группы сел. Особо тяжелые преступления карались казнью также не только самого виновного, но и всех его родственников в трех поколениях.

Во введенной табели о рангах критерием знатности стали богатство и личные заслуги перед императором. Более ста тысяч аристократических семей прежних царств переселили в новую столицу империи Сяньян под наблюдение соглядатаев. Многие из тех, кто открыто выражал недовольство новым порядком, были преданы казни, а их родственники обращены в рабство. Были разрушены все укрепления внутри Китая, изъято оружие у частных лиц: будучи, как правило, бронзовым, оно было перелито на колокола.

Железное оружие, очевидно, было привилегией царских воинов; введенная в Цинь монополия на железо гарантировала сохранение его в руках государства.

Развернулись работы для создания новых и реставрации старых ирригационных сооружений: жизненно важное значение орошения для основных сельскохозяйственных районов империи стало несомненным.

Было предпринято также широкое дорожное строительство (путем принудительных повинностей и использования рабского труда); сооружались трехколейные дороги и транспортные каналы.

Подверглись унификации меры веса, длины, емкости, стандартизировались даже оси телег, чтобы они соответствовали установленной ширине дорог. Денежной реформой повсюду была введена единообразная медная монета. Кроме нее в уплату разрешалось принимать лишь золотые слитки, хождение ценностей нестандартной стоимости запрещалось. Унифицирована и несколько упрощена была письменность, введена единообразная система канцелярского письма. Циньская форма иероглифики легла в основу современной китайской письменности.

По всей империи сооружались храмы и дворцы Цинь Ши хуанди. Колоссальный размах приняло строительство и благоустройство столицы империи. Главный столичный дворец с заповедным парком слыл настоящим чудом света; на его постройке трудилось, по преданию, 700 тыс. рабов.

В империи господствовала военно-бюрократическая знать, преимущественно из числа новых богачей — крупных предпринимателей и торговцев.

Была легализована покупка должностей и рангов знатности. Естественно, что подавляемая аристократия была недовольна новыми порядками. Идеологами аристократической оппозиции стали конфуцианцы.

Выступая за патриархальное господство знати, покоящееся на обычном неписаном праве, они были рьяными противниками писаного закона — главного постулата политической доктрины Цинь Ши хуанди. Положив писаный закон в основу управления, император стремился утвердить в стране его авторитет, воплощением которого выступал он сам.

Преданный императору сановник Ли Сы обвинил в государственной измене всех, кто «рассуждал о древности, чтобы порочить современность». Воспользовавшись примером Шан Яна, Цинь Ши хуанди приказал «изъять Песни и Предания, изречения всех учителей», т.е. повелел под страхом казни сжечь все частные бамбуковые книги, кроме трактатов по агрономии, математике и другим практическим знаниям (включая гадание). Был издан указ, запрещающий критику правительства. Сотни противников режима, в их числе много конфуцианцев, были зарыты живыми в землю, другие

обращены в рабство и направлены на стройку Великой стены. Позднее при малейшем возмущении поголовно вырезалось все окрестное население. Стремясь подавить идеологическое сопротивление, Цинь Ши хуанди запретил частное обучение, введя только государственные школы.

Налоги в империи стремительно росли, повинности приняли чудовищные размеры: по некоторым данным, они увеличились в 20—30 раз. Обнищание земледельцев было неслыханным. Новая знать беззастенчиво обогащалась. Грандиозные мероприятия Цинь Ши хуанди, направленные на коренное переустройство общественной и политической жизни страны, привели к ускорению подспудно протекавших социально-экономических процессов, обусловленных развитием частнособственнических и рабовладельческих отношений. В более поздних источниках резкая имущественная дифференциация в общине, вызванная реформами династии Цинь, расценивалась как катастрофическое нарушение хозяйственного равновесия. Однако сам Цинь Ши хуанди неоднократно заявлял (об этом сви детельствуют хвалебные надписи на каменных стелах того времени) о своем покровительстве земледелию. Он полагал, что стимулировал процветание сельского хозяйства, узаконив куплю-продажу земли.

В первые годы его правления не взимался поземельный налог с новины — земель, вводимых в севооборот. В указе о подушной подати подчеркивалось, что она взимается с каждого налогоплательщика вне зависимости от наличия и количества земли. Эта подать разоряла неимущие семьи в общине, «бедняки,— как говорится в одном источнике,— старались избежать уплаты налога и убежали». Их поля оказывались присоединенными к угодьям общинной верхушки— «богачей из народа» (хаоцзе, хаомин). Таким образом, на одном полюсе оказывались зажиточные земельные собственники, а на другом — лишившиеся полей и домов бедные семьи общинников, стоявшие на грани потери гражданской свободы.

Облагая «черноголовый» народ подушной податью вне зависимости от владения землей, Цинь Ши хуанди, видимо пытался противопоставить прежним общинно-государственным нормам гражданской правоспособности (когда гражданином считался обладающий наделом общинник) принципиально иные. Недаром в надписях на стелах он подчеркивал, что установил четкую грань между высшими и низшими, почитаемыми и ничтожными, свободными и рабами.

Но грань между свободным, и рабом при Цинь Ши хуанди оказалась легкопреодолимой путем порабощения свободных — с помощью его же установлений. Резкое увеличение числа рабов в империи — факт неоспоримый. Оно происходило и за счет расширения источников государственного рабства: в рабов обращали военнопленных и осужденных. Данное обстоятельство наряду с фактом массового обнищания земледельческого населения при Цинь относится древними

авторами к числу причин быстрого падения этой династии. Люди, разоренные налогами и повинностями и поработанные государством, были тем горючим материалом, который создавал постоянную угрозу правящей династии. Народные выступления периодически вспыхивали еще при Цинь Ши хуанди, но подавлялись жестокими репрессиями.

Однако и более зажиточное население проявляло недовольство. В 216 г. до н.э. Цинь Ши хуанди повелел всем гражданам империи самим доложить о наличии у них пахотных земель и ввел поземельный налог, который вскоре достиг 2/3 дохода земледельцев. Эта мера не могла не настроить против императора как малоимущие, так и зажиточные семьи, не вызвать их сопротивление действиям циньских чиновников (которое отмечалось и раньше). Особенно активны были в этом отношении представители аристократии побежденных царств.

Вот почему введение Цинь Ши хуанди новых принципов государственного управления, ликвидация им институтов потомственной титулованной знати и наследственных земельных пожалований — краеугольных камней государственного устройства всей предшествующей истории Китая — выставляются подавляющим большинством древних авторов чуть ли не основной причиной крушения империи Цинь.

Представители аристократии неоднократно предпринимали покушения на Цинь Ши хуанди и тайно готовили вооруженное сопротивление царствующей династии, опираясь на традиционную свою связь с местными общинами. Видя в лице аристократических родов прежних царств, лишенных им всех их привилегий, смертельную для себя угрозу, Цинь Ши хуанди был к ним непримирим. Трудно сказать, какими средствами кроме террора рассчитывал он сломить сопротивление аристократии. Непримируемость и прямолинейность политического курса Цинь Ши хуанди почти беспримерны; они были и залогом его феноменальных успехов (ибо за время своего короткого правления он сумел заложить основу имперской государственности и социально-экономической системы «страны Хань» на четыре века вперед), и возможной причиной быстрого крушения его династии. Цинь Ши хуанди, видимо, недооценивал мощь низверженных им аристократических родов и не предвидел столь резкого и быстрого ухудшения положения трудового населения империи, на плечи которого ложились налоги и повинности. А между тем эти поборы становятся поистине нестерпимыми, особенно после предпринятых императором колоссальных затрат на сооружение сотен дворцов, храмов и собственного огромного подземного мавзолея. Источники сообщают, что после неоднократных покушений на его жизнь Цинь Ши хуанди, страдая манией преследования, построил 37 сообщающихся дворцов, с тем чтобы никто не знал, где именно проводит император данную ночь. И все-таки Цинь Ши хуанди умер, не дождавшись окончания строительства мавзолея: скоропостижно, от переутомления, в возрасте 48 лет (В 1974 г. китайскими археологами был найден склеп, являвшийся частью

гробницы Цинь Ши хуанди, содержащий глиняные фигуры воинов (конных и пеших) с полным вооружением. Эта шеститысячная «армия» должна была «охранять» гробницу императора.). Это произошло в 210 г. до н. э., всего через десять лет после его восшествия на императорский престол, когда многие из его мероприятий ещё не успели утвердиться.

Положение после смерти императора осложнялось тем, что не была ещё преодолена та хозяйственная неустроенность, которая явилась результатом многолетних войн Цинь Ши хуанди за создание единой империи. Несмотря на решительные меры, неустойчивым продолжало оставаться внутривластное положение в стране, давали себя знать следы былой политической раздробленности. Неблагополучной была и обстановка при дворе. Придворные интриги при малолетнем наследнике престола сразу поставили государство Цинь Ши хуанди перед реальной угрозой политического переворота. Вопреки собственным мерам, направленным на создание в стране «гражданского равенства», император окружил себя гвардией из циньцев; они же составляли его ближайшее окружение, в частности инспекторат, надзирающий над гражданскими и военными властями. Это способствовало разжиганию этнической розни. После смерти Цинь Ши хуанди антициньские мятежи и восстания вспыхнули сразу и почти повсеместно.

В 209 г. до н.э. на востоке страны (в Аньхое) началось мощное восстание, возглавляемое двумя разорившимися земледельцами. Одним из них был порабощенный бедняк Чэн Шэн. Группу вели на север для отбывания повинностей — партия запаздывала, а это по циньским законам каралось смертью. Депортируемые убили начальника партии и подняли восстание. Хотя первые вожди повстанцев скоро погибли, но в ближайшие два года волнениями оказалась охваченной вся империя, и в 207 г. повстанцы заняли Сяньян. Теперь восставшие объединяли не только порабощенные массы, бедняков из общинных крестьян — к ним добавились представители господствующего класса, в основном из знатных родов прежних царств, желавшие «вовремя» свергнуть ненавистную династию Цинь, чтобы остановить ширившееся народное возмущение. Началась гражданская война.

Наиболее популярным вождем оказался Лю Ван, бывший староста небольшой деревни, вышедший из среды рядовых общинников. Всюду, где проходили его отряды, отменялись циньские законы, освобождались государственные рабы — и в то же время Лю Ван выражал подчеркнутое уважение к представителям традиционной аристократии.

Он запрещал своим солдатам грабить местное население, чем обеспечил себе доброжелательство и поддержку широких народных масс. В конце 207 г. до н.э. циньский император (сын Цинь Ши хуанди) сдался ему в плен. После этого главным соперником Лю Вана

стал аристократ Сян Юй из знатного рода потомственных полководцев царства Чу. Война Сян Юя и Лю Бана была одной из самых кровопролитных в истории древнего Китая. Тактика обоих была различна: Лю Бан делал ставку на поддержку народа, Сян Юй понимал свою задачу как чисто военную операцию. Используя противоречия среди военачальников Сян Юя, Лю Бан сумел привлечь их на свою сторону, одержал победу над противником и в 202 г. объявил себя императором нового государства и династии — Хань. «С тех пор как живет наш народ, Небо никогда столь стремительно не давало полномочий (на власть)» — так столетие спустя оценивали летописцы поразившее их воображение вступление на престол безродного деревенского мужика Лю Бана.

Империя старшей династии Хань (II в. до н.э. - начало I в. н.э.).

Политическое объединение страны при Цинь Ши хуаиди, узаконение в масштабах империи частной собственности на землю, последовательное территориально-административное деление, разграничение населения по имущественному признаку, проведение мероприятий, способствующих развитию торговли и денежного обращения, открывали возможности для развития производительных сил и утверждения социально-экономической системы империи.

Однако положительный результат мероприятий Циньской империи сказался не сразу. Напротив, после свержения династии Цинь положение в стране оказалось отчаянным.

«Когда (династия) Хань пришла к власти, ей от Цинь досталось сплошное разрушение,— пишет древнекитайский историк Сыма Цянь,— взрослые мужчины находились в войсках, старики подвозили провиант. Заниматься чем-либо было чрезвычайно трудно. Хозяйство пришло в упадок. (Даже) для выезда Сына Неба нельзя было найти четверки лошадей одной масти. Военачальники и высокие сановники ездили в повозках, запряженных волами, простой народ не имел ничего...» Другой источник добавляет, что в столичной области «люди ели человеческое мясо, более половины населения вымерло». По подсчету Сыма Цяня, людей осталось «в огромных городах... известнейших столицах... из десяти лишь два или три». Старый государственный аппарат был уничтожен, новый не создан.

Лю Бан распустил частные армии, всем было предложено вернуться по домам. Приступили к ремонту ирригационных сооружений. Заповедные леса, парки и водоемы, бывшие во владении дома Цинь, были розданы народу. Необходимо было восстановить порядок в громадной империи, и сдержать свои обещания, данные в период восстаний, прежде всего общинам, Лю Бан не мог.

Например, в свое время по договору с сельскими и городскими самоуправляющимися общинами он отменил карательные законы Цинь, оставив казнь только за убийство, а за членовредительство и

грабеж вернув к действию закон талиона (согласно нормам обычного права). Но затем были введены более суровые законы — «Законоположение в десяти статьях». Однако на целые роды наказание все-таки не распространялось. Земельный- налог повсюду был снижен до 1/15 урожая, но зато восстановлен циньский подушный налог с населения в возрасте с 15 до 56 лет. Закон о свободной продаже земли остался в силе, и обогащение землевладельцев продолжалось; ближайшие соратники Лю Бана создали себе огромные земельные владения. Общинная верхушка от них не отставала. «Сельские богачи захватывали поля», — с осуждением пишет Сыма Цянь.

С превращением Лю Бана из вождя угнетенных масс в императора менялись цели и задачи его политики. Выступая сначала как защитник интересов поработанного и обездоленного люда, Лю Бан освобождал государственных рабов и объявлял об отмене всех циньских налогов и повинностей. Но постепенно, по мере восхождения на вершину власти, он изменял своим обещаниям. Перед началом войны с Сян Юем Лю Бан ещё в качестве правителя — вана вынужден был на захваченной им территории ввести налогообложение общинного населения. Он и остановился тогда даже перед проведением единственной в своем роде меры, к которой не прибегали прежние государственные деятели, официально разрешив продажу свободных в рабство частным лицам и узаконив таким образом частное рабовладение. Закон о продаже людей был обусловлен развитием частнособственнических и рабовладельческих отношений, по решению Лю Бана весьма показательны также для определения его классовой позиции и принципиально новой политики императорской власти по отношению к частному рабству.

Лю Бан в основном сохранил циньское административное деление и принялся за восстановление системы централизованного бюрократического управления, внося в нее исправления. Во время антициньского движения и гражданской войны органы общинного самоуправления показали себя единственной реальной властью, Лю Бан не раз с успехом использовал их для осуществления своих мероприятий. По воцарении он возвратил часть бывшего значения институту общинных старейшин — сань-лао. При каждом начальнике сяня был утвержден один выборный от саньлао, на которого возлагались полицейские и фискальные функции. Сам же он освобождался от налогов и повинностей и получал мясное и винное довольствие от государства. Стремясь таким путем объединить общегосударственную администрацию с формами традиционного общинного самоуправления, Лю Бан пытался подчинить себе общину, превратить саньлао в низшее звено имперской администрации.

Торговцы и ростовщики, занимавшие привилегированное положение при Цинях, были подвергнуты различным ограничениям, купцы обложены повышенным налогом. Дело было ещё и в том, что крупнейшие торговые семьи, о которых источники сообщают, что они

«богатством сравнились с вапами», рассматривались теперь Лю Баном как опасный конкурент государства по использованию богатств и распределению доходов страны.

В обстановке роста товарности хозяйства земледелие не давало таких прибылей и доходов, как торговля, ростовщичество, спекуляции и т.п., для государства же именно оно представляло особую важность. Общественное мнение также испокон веков считало владение землей непременным условием престижа и почета. Земледелие было провозглашено основой хозяйства и самым уважаемым занятием населения. Главам семей общинников Лю Бан присвоил низший из 18 сословных рангов полноправного гражданства, дающий право на смягчение наказания (и в том числе, видимо, на освобождение от каторжного рабства). Лю Бан и его ближайшие преемники опирались на землевладельцев.

В период борьбы против династии Цинь вожди повстанцев стихийно присваивали себе прежние высшие титулы знатности (отмененные Цинь Ши хуанди). В 207 г., после сдачи циньской столицы и ликвидации династии Цинь, наступил момент равновесия сил повстанческих армий, когда их вожди провозгласили Сян Юя верховным правителем-гегемоном (ба-ваном) Поднебесной. Тогда же Сян Юй разделил всю страну на 19 наделов между сильнейшими военачальниками, провозгласив всех их ванами. Лю Бан был утвержден ваном Хань (захваченной им, а потом пожалованной ему территории): отсюда и пошло название основанной им династии.

Расстановка сил во внутренней борьбе не давала возможности Лю Бану, придя к власти, отстранить прежнюю потомственную аристократию — активную участницу антиципского движения, и потому он вынужден был частично возродить и прежние принципы распределения доходов верхушкой господствующего класса. В угоду ей Лю Бан восстановил высшие чжоуские титулы — ван и хоу. Носителям таких титулов (присваиваемых теперь за личные заслуги) были переданы в наследственное пользование земли, точнее, наследственное право на присвоение определенной доли государственных налогов и повинностей с этих земель. Поэтому в актах пожалований указывалось не количество земли, а число податных единиц — семей или «очагов». В административном отношении эти пожалованные территории входили в состав государственных округов на общем основании. Лишь крупнейшие из них (прежде всего «ванства» членов императорской семьи) представляли собой отдельные административные единицы, где ваны назначали собственную администрацию.

Выданная в наделы знати земля считалась собственностью императора, он мог отобрать ее или переместить владельца в другое место. Хотя официально ванства были подконтрольны центральному управлению, ваны вскоре стали вести себя в своих обширных владениях весьма самостоятельно и неоднократно поднимали мятежи.

Выделение ванских наделов было для Лю Бана вынужденной мерой, и, сознавая всю опасность её для молодого государства, Лю Бан постепенно уничтожил всех ванов из числа бывших соратников, за исключением близких родичей из своего клана Лю и клана своей жены, императрицы Люй.

Многие годы после смерти Лю Бана прошли под знаком борьбы императоров против мятежных ванов из числа собственных родичей. Ваны отливали свою монету, заключили союз с сюнну, вторгшимися в 177 г. до н.э. за излучину р. Хуанхэ, вступали в заговоры с южными и юго-западными юэскими государствами Миньюэ и Наньюэ, добились даже казни одного из самых верных сторонников империи, требовавшего расчленения их владений. В 154 г. мятеж семи крупнейших ванов едва не прекратил правление династии. Окончательно сила ванов была сломлена при императоре У ди (140—87 гг. до н.э.).

Если социально-политический строй империи диктовал борьбу с новой крупной поместной наследственной аристократией, то он же делал нетерпимым ущемление интересов торговой верхушки — «нетитулованной знати», как ее неизменно величают источники. Сразу после смерти Лю Бана были отменены унижительные запреты, направленные против «нетитулованной знати». Однако чиновничья карьера не разрешалась торговцам и их потомкам довольно долго. В официальных докладах трону торговля и ремесло продолжали именоваться «второстепенными занятиями», их противопоставляли основному и самому почетному труду населения — земледелию и шелководству. Однако все настойчивее звучали иные голоса: «От пахаря народ зависит в пище, но разве не ремесленник ему все вещи создает и не кузнец ли их распространяет? Уместно ли властям сюда вмешиваться с указами, ограничением или поучением? Известно, что природа вмешательства не терпит, вмешательства также не терпит богатства и бедности путь». В этих противоположных сентенциях отразилось наличие в империи двух различных экономических тенденций, вместе с тем в них нашла продолжение борьба двух идейно-политических направлений — конфуцианства и даосизма.

Мероприятия правительства по нормализации хозяйственной деятельности, поощрение общинного производства, снижение гнета налогов и повинностей и, конечно, прекращение внутренних и внешних войн способствовали налаживанию народного хозяйства. Ко времени У ди источники единодушно отмечают расцвет экономики страны, рост общественного благосостояния и увеличение народонаселения империи, которое по сравнению с началом династии Хань значительно возросло — по сведениям нарративных памятников, будто бы в 3—4 раза (по-видимому, эти данные отражают не столько физический прирост населения, сколько упорядочение учета).

При императоре У ди были значительно улучшены и расширены ирригационные системы, что увеличило площадь орошаемых земель.

Особое внимание уделялось столичному и примыкающим к нему районам. Одновременно были проведены грандиозные работы по возведению дамб при выходе Хуанхэ на Великую равнину, чтобы обезопасить массив плодородных полей от периодических губительных наводнений.

Это было время хозяйственных нововведений: был изобретен плуг с воронкой для сеяния (сходный с древним шумерским), двухлемешный плуг, стала применяться новая система «переменных полей» (особая разновидность двупольной системы, сочетавшаяся с тщательной ручной обработкой «грядок» на зерновых полях).

Однако агротехнические новшества вводились преимущественно на государственных землях гун тянь, а за их пределами — только в хозяйствах крупных землевладельцев. Что касается рядовых общинников, то даже простые чугунные сошники имелись не у всех. К тому же развитие отдельных районов Китая было далеко не одинаковым: лишь 10% земли интенсивно возделывалось, а территории, заселенные племенами, в частности, на юге и юго-востоке были ещё вообще незнакомы с плугом.

Развитие производительных сил особенно бурно происходило в ремесленной промышленности, где наметилось укрупнение производства, основанного на рабском труде: частные предприниматели использовали в своих рудниках и мастерских (литейных, ткацких и т.п.) до тысячи работников. После введения при У ди государственных монополий на соль, железо, вино и отливку монеты возникли крупные государственные ремесленные и промысловые предприятия. Возросло число городов с населением до 50 тыс. жителей.

Продолжала развиваться торговля, в том числе за рубежами империи. После открытия Великого шелкового пути внешняя торговля империи приобрела очень большое значение.

До У ди монеты отливало не только государство, но и частные лица. Ликвидация Лю Баном циньской денежной монополии свидетельствовала об усилении натурализации хозяйства страны, уровень товарности которого вообще не следует переоценивать. Несмотря на несомненное развитие товарно-денежных отношений в Цинь-Ханьской империи, на всем протяжении её существования жалованье чиновникам исчислялось зерном, и именно зерно всегда рассматривалось государством как всеобщий меновой эквивалент. Однако и денежное обращение получило большое распространение. Богатство часто оценивалось в монетных единицах — золотых цзинях (цзинь — 244 г.) Имущество человека средней состоятельности оценивалось в 10 цзиней (Состояние в 10 цзиней золота примерно соответствовало состоянию в 1—2 таланта в Средиземноморье.), богача — в сотни тысяч. Ростовщичество приняло такой размах, что отдельные богачи предоставляли займы государству. С 123 г. до н. э.

было объявлено о свободной купле-продаже должностей; покупать их было разрешено и купцам.

У ди ввел новые чрезвычайно суровые законы. Опять начали порабощать семьи казненных; государственное рабство вновь стало потомственным; роль рабского клейма выполняла зеленая татуировка вокруг глаз. Большое значение приобрело и частное рабство, работорговля достигла небывалого размаха.

Государство использовало рабов в сельском хозяйстве, на строительстве, на тяжелых работах в ремесле, в рудниках, на других промыслах. Рабами, как товаром, можно было откупиться у государства от наказания или повинности или, напротив, купить должность. Но рабов использовали и иначе: императоры и богатые рабовладельцы держали множество рабов для развлечения — в качестве музыкантов, певцов и т.п.

При Старшей династии Хань существовали и свободные мелкие землевладельцы. Они платили поземельный налог в размере от 1/15 до 1/30 урожая, а сверх того — подушный и другие налоги, притом в денежной форме, и обязаны были повинностями: трудовой (преимущественно ирригационной, транспортной или строительной) и воинской.

В любое время и на неограниченный срок их могли призвать в ополчение. Богатым разрешалось откупаться от повинностей и воинской службы зерном, деньгами или рабами. По условиям древности все это нельзя считать чрезмерными тяготами. Положение крестьян ухудшали непредвидимые экстренные поборы и повинности, а также денежный характер налогов при малой товарности мелких хозяйств. Поэтому крестьяне, продолжая разоряться, попадают в долги к ростовщикам и оказываются в долговом рабстве, или бегут в город, отдаваясь внаем, или же переходят в арендаторы исподу к богатым землевладельцам. Со времен У ди Ханьская держава превратилась в сильное централизованное государство, одно из самых многонаселенных в древнем мире (сравнимое, пожалуй, лишь с Римской империей). По переписи 2 г. н. э., население империи составляло около 60 млн. человек. По данным той же переписи, площадь обрабатываемой земли, в том числе орошаемой, составляла 827 млн. му (около 56 млн. га). Империя включала в себя 13 краев (чжоу), разделявшихся на 83 области (цзюнь), а области состояли из сяней. В каждом чжоу был подчиненный лично императору инспектор циши, державший под контролем весь административный аппарат. Общее число чиновников к концу I в. до н.э. превысило 130 тыс. Введение монополий на соль, железо, вино и отливку монеты сильно повысило доходы империи. Во главе управлений, ведавших монополиями, были поставлены крупнейшие торговцы — бывшие владельцы соответствующих рудников и мастерских.

Единая централизованная империя требовала для своего упрочения разработанной религиозно-идеологической системы. Если Лю Бан относился к конфуцианцам с явным недоверием, то при У ди конфуцианство было признано официальной имперской доктриной и религией.

Это наложило свой отпечаток на специфику бюрократической системы древнекитайской империи. В 136 г. до н.э. для чиновников была введена экзаменационная система с присвоением «звания эрудита» разных степеней (рангов), согласно которой претенденты на чин должны были сдать экзамен по книгам складывающегося конфуцианского канона — «Пятикнижия», куда вошли древнейшие своды «Шуцзин» и «Шицзин», «Книга обрядов», «Книга музыки», а также летопись «Чунь цю», приписываемая Конфуцию.

Однако представители даосизма и прочих политико-философских направлений не преследовались: сдав соответствующий экзамен (как бы пройдя проверку на лояльность), они также могли получать чины, исповедуя свои взгляды. Вместе с тем практическая направленность политики У ди далеко не всегда отвечала букве и духу конфуцианского вероучения.

К этому времени конфуцианцы сильно перестроили свое учение, которое приобрело черты религиозной системы. Их видный представитель Дун Чжуншу, считающийся основоположником трансформированного ханьского конфуцианства, в своем сочинении «Трактат о божественной сущности императорской власти» настаивал на признании конфуцианства официальной господствующей идеологией и запрещении всех остальных учений. Освящение конфуцианской религией власти государя, проповедь наряду с культом предков беспрекословной сыновней почитательности, совершенной покорности правителю вполне отвечали задачам императорской власти ханьской державы. На основе догм ханьского конфуцианства и благодаря введению так называемой «экзаменационной системы» в ханьской империи постепенно сложилась особая модель государственной администрации, построенной по типу церковной иерархии, что, по сути дела, приблизило государственный строй древнекитайской империи Хань к теократическому.

При династии Хань большую роль стали играть степные кочевники сюнну, в конце III в. до н.э. образовавшие на огромной территории за северными границами империи мощный племенной союз. Эта «кочевая империя» представляла страшную угрозу Ханьскому Китаю.

Императорам приходилось откупаться от их вторжения данью, посылать их верховным вождям шаньюям в жены своих принцесс. Однако сюнну не только продолжали совершать набеги на Китай, угрожая даже Чаиани — столице империи, но и захватили обширную

область на северо-западе страны, преодолев Великую китайскую стену. Для борьбы с кочевниками У ди пришлось перестроить армию.

Были значительно увеличены пастбища для конских табунов; основную силу китайского войска теперь составляла тяжеловооруженная конница, закованная в пластинчатую броню и вооруженная пиками, мечами и луками. Существовала также легкая кавалерия и прекрасная пехота, вооруженная самострелами. В армии имелись метательные орудия, стрелявшие каменными ядрами почти на полкилометра. К 123 г. сюнну были оттеснены с ханьской территории и отогнаны от северных границ империи.

Между тем в 126—125 гг. в Чапань возвратился китайский путешественник и разведчик Чжан Цянь- которого У ди ещё в 138 г. послал в Среднюю Азию для заключения союза против сюнну с племенами юэчжи (тохаров) или кушан. Десять лет Чжан Цянь провел в плену, потом долго разыскивал племя юэчжи, переместившееся к югу. Во время поисков он объехал большую территорию и впервые узнал о существовании многих государств Индии и Средней Азии, об их богатствах и о южных торговых путях. После экспедиции Чжан Цяня У ди поставил себе задачу захватить торговые пути из Китая на Запад. Поэтому дальнейшие походы против сюнну были нацелены прежде всего на северо-запад. В этом направлении в 121 —119 гг. до н.э. была завоевана и колонизована территория современной провинции Ганьсу вплоть до г. Дуньхуана на пороге восточнотуркестанских пустынь, где была немедленно возведена мощная линия укреплений. Ганьсу стала плацдармом для дальнейших войн У ди на севере и северо-западе.

Сюнну уже не угрожали сердцу Ханьского Китая, но упорно сопротивлялись продвижению китайцев в Восточный Туркестан (бассейн р. Тарим), где проходили торговые пути, ведущие в Бактрию, Парфию, Индию и далее на запад. Города-государства Восточного Туркестана (китайцы называли его Западным краем) находились под властью сюнну, и, чтобы вытеснить их, У ди предстояло вести дальнейшие ожесточенные войны. Готовясь к ним, император задумал новую военную реформу конного войска. Чтобы осуществить ее, требовались рослые боевые кони («небесные кони»), которых не разводили поблизости, и У ди запланировал поход на Фергану.

Первый поход полководца Ли Гуанли через пустыни в горы (104 г. до н.э.) окончился неудачей, но в 102 г. до н. э. он дошел до Ферганы и получил с нее дань «небесными конями».

В конце II в. до н.э. империя подчинила ряд городов-государств Западного края и установила контакты со Средней Азией. Начал функционировать Великий шелковый путь, ведущий из ханьской столицы Чанани через Ганьсу в Среднюю и далее в Переднюю Азию — на римский Восток. «Шелковым» он назывался по одному из предметов китайского экспорта; этим путем империя кроме шелка

вывозила также железо, никель, драгоценные металлы и предметы ремесла. Ввозили с запада рабов, стекло, драгоценные камни, пряности, благовония. В результате связей со Средней Азией в Китае были введены новые культуры — люцерна, фасоль, виноград, шафран, гранат, орех.

Почти одновременно с отправкой посольства Чжан Цяня на запад правительство У ди стало искать также торговые пути на юг; в этом направлении тоже был послан путешественник-разведчик. В 119—109 гг. до н.э. войска У ди смогли значительно расширить ханьские границы на юго-западе, но открыть доступ к южным путям в Индию не удалось. В 109—108 гг. было покорено древнекорейское государство Чосон (Чаосянь), и таким образом империей был приобретен еще один важный рынок сбыта для ханьских товаров.

Все эти завоевания потребовали значительного увеличения налогов, повинностей и сроков военной службы. Подушный налог возрос в полтора раза, им облагались жители с 3 до 80 лет (а не с 15 до 56, как прежде), так что участились случаи убийства младенцев и стариков для избавления семьи от непосильного налогового бремени. Доведенные до крайней нужды люди укрывались от сборщиков, бежали в разбойники. Вспыхивали стихийные бунты. Серьезные восстания начались в 99—98 гг. до н.э., угрожая перекинуться на столичную область; при их подавлении погибли тысячи повстанцев. Под угрозой восстаний даже представители господствующего класса стали требовать ослабления гнета, лежавшего на бедноте и рабах, улучшения положения общинников. Властям пришлось несколько снизить налоги и ограничить порабощение осужденных. Однако восстания продолжались. Источники сообщают о крупных волнениях рабов на государственных рудниках, разразившихся в последней четверти I в. до н.э.

Резкое обострение внутренних противоречий империи во второй половине I в. до н.э. стояло в тесной связи с ростом крупного землевладения и рабовладения. При императоре Ай ди (6—1 гг. до н.э.) была сделана попытка ограничить величину земельных наделов (до 140 га) и число рабов у одного владельца (от 30 до 200). Государственных рабов старше 50 лет предполагалось отпустить на свободу.

Но такая реформа вызвала протест рабовладельцев и не была проведена в жизнь. Вскоре после провала политики реформ в стране снова вспыхнули восстания.

В 8 г. н.э. власть захватил некто Вап Ман, тесть императора Пин ди (1—5 гг. н.э.), регент при малолетнем наследнике престола, объявивший себя императором «Новой» династии Синь. Идейными вдохновителями переворота были конфуцианцы, потребовавшие сожжения легистских трактатов Шан Яна и Хань Фэйцзы. Ван Ман объявил, что восстановит «счастливые порядки древности». Он

основывался при этом на более или менее фальсифицированной конфуцианской канонической книге, якобы восходившей к династии Чжоу,— «Своде обрядов Чжоу» (зафиксировавшей изустную традицию).

В частности, Ван Ман провозгласил восстановление древней системы группового общинного землевладения цзин тянь, пообещал раздать землю всем безземельным и установить равные (и притом малые) земельные наделы для всех в общине. Это обещание, естественно, выполнено не было. Ван Ман объявил все частновладельческие, равно как и государственные, земли неотчуждаемой «царской землей» (ван гянь), а частных рабов — «частнозависимыми» (сы шу). Очевидно, тем самым частные рабы, основные производители материальных благ, превращались в государственных (царских) рабов, находящихся в зависимости от частного лица. Частным лицам было запрещено покупать и продавать земли и связанных с ними рабов. Работорговля вообще была органичена, вплоть до запрещения. Тем не менее государственное рабство было сохранено, а количество государственных рабов увеличилось: теперь вместе с «преступниками» обращали в рабство всех членов пяти семей, связанных с семьей виновного круговой порукой. Таким образом были обращены в рабство сотни тысяч свободных, множество их погибало при пересылке — мужчин везли в деревянных клетках, жещипны и дети шли пешком закованные. Якобы ведя борьбу с ростовщичеством, Ван Ман фактически пытался сосредоточить ссудные операции в руках государства. Для увеличения доходов государства он неоднократно менял денежный чекан, ухудшал качество металла. В империи резко возросли цены. Значительно увеличены были и налоги; поземельный налог возрос до 1/10 доли урожая. Тяжелыми налогами были обложены ремесленники.

Фактически реформа Ван Мана сводилась к всемерному усилению гнета до крайности бюрократизированного полицейского государства в ущерб интересам как народных масс, так и частных рабовладельцев.

Указ Ван Мана о земле и рабах вызвал повсеместное ожесточенное сопротивление. Через три года Ван Ман вынужден был издать новый указ, отменяющий первый и разрешающий свободную продажу земель и рабов.

Предпринятая им в дальнейшем новая попытка частичными мерами вторгнуться в права рабовладельцев повлекла за собой массовые волнения. Трудности усугубляла начатая Ван Маном война с сюнну, возобновившими набеги на Китай. В конце I в. до н.э. сюнну активизировали свои действия на северо-западных границах империи и подчинили своему влиянию весь Западный край, перехватив торговлю на Великом шелковом пути. Ван Ман рассчитывал вытеснить сюнну из Западного края, восстановить функционирование Великого шелкового пути и выгодами внешнеторгового баланса предотвратить финансовую катастрофу.

Но война была проиграна. Неудачная кампания против сюнну, потребовавшая от империи предельного напряжения, привела к полному истощению казны.

По всей стране начались восстания воинов, земледельцев, мелких торговцев, пастухов и др. Во главе их стояли наиболее отчаявшиеся элементы: разорившиеся общинники, рабы, батраки. Их отряды принимали своеобразные названия — «Зеленый лес», «Медные кони», «Большие пики», «Железные голени», «Черные телята». Жестокие репрессии центральных властей не помогли: восстания только ширились. Самым мощным было восстание «Красных бровей» в Шаньдуне (18 г. н.э.). Поводом для него стало катастрофическое изменение русла Хуанхэ в 11 г. н.э., дамбы на которой давно не ремонтировались. При выходе на равнину Хуанхэ разделилась на два мощных, устремившихся к Желтому морю потока: один — к северу, а другой — к югу от Шапьдунского полуострова, и Шаньдун оказался таким образом полностью отрезанным от остальной территории Китая. Огромные области были затоплены, другие страдали от голода. Пострадавшие от наводнения беженцы и образовали повстанческий отряд во главе с бедняком Фань Чуном. Он приказал своим приверженцам в качестве опознавательного знака выкрасить в красный цвет брови. Огромная армия Ван Мана, названная «Зубами тигра», которую он послал против «Красных бровей», стала разбегаться. «Красные брови» и другие повстанцы со всех сторон двинулись к синьской столице Чанани. В 23 г. н.э. она была взята отрядом «Зеленого леса», возглавляемым потомком ханьской династии Лю Сюанем, тут же объявленным императором под именем Гэн-ши. После трех дней осады во дворце был схвачен и обезглавлен Ван Ман, тело его изрубили на куски.

Но затем движение раскололось, и началась гражданская война. В 25 г. н.э. Чанань захватили отряды «Красных бровей», Гэн-ши был убит, а императором провозгласили бедного пастуха (якобы дальнего отпрыска царского рода Лю). Однако повстанцы не смогли долго продержаться в столице. В г. Лояне объявился новый император из дома Хань — Лю Сю (Гуан У ди). Ему удалось нанести «Красным бровям» ряд поражений и к 29 г. окончательно подавить их движение.

Литература:

Степугина Т.В. Расцвет рабовладельческого общества в Китае./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.490-516

Лекция 28: Идеология и культура Китая периода расцвета рабовладения.

Основные древнекитайские идеологические течения.

В период «Воюющих царств» в Китае возникают первые философские школы как своего рода итог длительной эволюции мифологических представлений и развития элементарных естественнонаучных знаний. В это время в борьбе с мифологическим мировоззрением создаются материалистические концепции, но вместе с тем развивается идеализм, в разновидностях которого сохраняется связь с религиозно-мифологическим мышлением. В анонимном натурфилософском трактате IV—III вв. до н.э. «Си цы чжуань» излагалось учение о материальном мире: единой изначальной материи тайцзи, порождающей две противостоящие субстанции — мужское начало ян и женское инь.

Взаимодействие и борьба этих начал порождает пять первостихий — воду, огонь, дерево, металл и землю, из которых возникает затем все многообразие предметов и живых существ. Движение — основное свойство объективно существующего мира. Мир состоит из «триады»: неба, людей и земли. В общественной жизни человек должен руководствоваться законами природы, следуя «естественности неба и земли». Развиваемые в «Си цы чжуани» представления о целостности природы, включающей в себя и человека, и её непрерывном изменении вместе с идеей сочетания противоположностей можно считать проявлением стихийно-диалектического мировоззрения.

Три основных идеологических течения древнего Китая — конфуцианство, даосизм и легизм (или фацзя) — складываются именно в этот период, называемый также периодом «ста философских школ». В учениях данных школ нашла выражение социально-экономическая и культурно-идеологическая мысль эпохи.

Конфуцианство (Древним самоназванием этого учения было жуцзя — «школа служилых людей», так оно названо и у Сыма Цяня. Иногда полагают, что школа Конфуция выросла на базе аристократического учебного заведения.) возникло на рубеже VI и V вв. до н.э. Оно восприняло и развило традиционные чжоуские теологические представления о Всемогущем Небе, Небесной Воле и правителе как Сыне Неба. Родоначальником учения (впоследствии обожествленным) считается отпрыск обедневшего аристократического рода царства Лу — Кунцзы (Конфуций) (551—479 гг. до н.э.). Учение он проповедовал изустно, в форме своего рода «диалогического собеседования». Изречения и афоризмы Конфуция были записаны со слов его учеников и сведены в сочинение «Лунь юн» («Беседы и суждения»). Согласно его учению, всякому человеку отведено в государстве (и вообще в мире) постоянное, строго определенное место, общественная структура, как и структура мира, вечна и неизменна. Конфуцианство требовало строжайшей дисциплины и социально-иерархического подчинения: сын беспрекословно слушается отца и чтит его превыше всего, отец — начальника и т.д., вплоть до Чжоуского вана, являющегося Сыном Неба — Верховного божества. «Правитель —

ветер, подданные — трава; куда ветер подует — туда и трава клонится» («Лунь юй»). Характерно, что, преклоняясь перед Небом как сверхъестественным сознательным существом, управляющим миром, Конфуций не смел даже рассуждать о нем: толкователем Воли Неба мог выступать лишь Сын Неба. Конфуцианство отстаивало общинно-патриархальные порядки раннерабовладельческого общества и отрицало социальную правомерность личного обогащения, происходящего в ущерб иерархическому принципу знатности.

Философские проблемы конфуцианства были разработаны учеником Конфуция, также уроженцем царства Лу, Мэнцзы (372—289 гг. до н.э.). Мэнцзы пытался теоретически обосновать положение о «небесной воле», повелевающей людьми и осуществляемой через мудрое управление государством.

Классово целенаправленный характер конфуцианской «патриархальной теории» создания государства виден из афоризма одного из учеников Конфуция: «Почитающие родителей и старших редко восстают против начальников» («Лунь юй»). В конфуцианском учении predeterminedенное свыше разделение общества на «высших» и «низших» выступало как основа «высоконравственного правления» (жэнь-чжи).

Правление должно было осуществляться путем соблюдения ритуалов и традиций, т.е., в сущности, как в первобытный период, когда традиция принималась безоговорочно, ибо убеждал лишь коллективный опыт, воплощенный в обрядности и деяниях предков. Провозглашаемый Конфуцием принцип «самоусовершенствования» (для его реализации Конфуций создал впервые в истории Китая платную частную школу) не распространялся на занимающихся физическим трудом простолюдинов — подразумевалось, что они не обладают «высоконравственностью» (жэнь) и неспособны к разумному познанию.

Отсюда был сделан вывод: рассуждение низких людей о высоких вещах и делах управления есть преступление. Конфуций проповедовал врожденность истинного доэмпирического знания у «совершенномудрых» царей древности, а в идеале — и у современных ему правителей, что было шагом к их обожествлению. Мэнцзы пошел дальше и настаивал на врожденности всех качеств людей. Согласно его учению об обществе, занимающимся умственной деятельностью «благородным мужам» велением Неба предначертано господствовать над остальной неразумной массой («народ по природе глуп»), чье предназначение, отчасти даже почетное (что напоминает культовые обязанности), заключается в том, чтобы обслуживать и кормить аристократическую элиту во главе с Сыном Неба (Истоки этой «культовой обязанности» — в древней обрядности, требующей от коллектива обязательного разделения трапез с богами — обожествленными предками.) и быть управляемой ею. Именно в таком смысле Мэнцзы провозглашал народ основой государства,

предпринимая попытки завоевать его сочувствие. Призыв Мэнцзы к возврату системы цзин тянь — уравнилельного землепользования патриархальной родственно-семейной общины (вместо общины территориальной) — отражал стремление аристократии обратить себе на пользу традиционные обычаи общинной взаимопомощи и совместной обработки «общественных полей» (гуи тянь).

Однако тезис Мэнцзы об общественной необходимости отделения умственного труда от физического при всей его откровенной классовой направленности был своего рода попыткой научного объяснения устройства общества. Поучения Мэнцзы о «высококонравственном (гуманном) правлении» были призваны укрепить религиозно-идеологическими средствами отживающий строй чжоуского государства и обосновать «естественное право» потомственной аристократии на политическое господство, возведенное к Воле Неба.

Для Мэнцзы характерно подчеркнуто демагогическое противопоставление «народа» и правителя с заметной тенденцией принижения достоинства последнего. Это можно было бы расценивать как отголосок пережитков первобытной демократии. Но, возможно, здесь сыграло роль и воспоминание о древнейшем обряде унижения царя, восходившем, как считают многие этнографы, к ритуалу «убиения» состарившегося вождя, лишившегося мужской силы и неспособного обеспечить стране плодородие (Аналогичный обряд символически совершался (по случаю стихийных бедствий и небесных явлений) даже в эпоху империи, как о том свидетельствуют анналы ханьского императора Вэнь ди в «Исторических записках» Сыма Цяня.). В духе учения о правителе как о Сыне Неба и утверждении его царственного права небесным волеизъявлением древние культовые представления были переосмыслены в идею о Гэ мин — «Изменении воли Неба» или «Каре Небес», служившую целям религиозно-идеологического оправдания смены династии.

«Я передаю, но не создаю» — эта знаменитая фраза Конфуция из «Лунь юй» стала основополагающей для теории и практики конфуцианства, противящегося всему новому. В этом отношении показательна активная борьба Конфуция против сторонников введения единого писаного права. Известны его выступления против законов 513 г., принятых в царстве Цзинь, против Цзы Чаня, кодифицировавшего уголовное право в царстве Чжэн, его приказ о казни Шао Чжэнмао, отстаивавшего «управление на основе писаного закона» в царстве Лу (где Конфуций в то время возглавлял судебные инстанции). Противодействие конфуцианцев кодификации законов диктовалось интересами наследственной аристократии, ее освященными обычаями привилегиями, согласно которым «наказания не поднимаются до великих мужей» («Ли цзи»). Конфуцию принадлежат слова: «Что за государство без различных порядков для знати и простолюдинов?»

Конфуций придавал огромное значение культу предков и полному соблюдению обрядности как неотъемлемой части «высоконравственного правления», видя в них оплот положения и авторитета аристократии. Соблюдение конфуцианских заповедей в жизни должно было гарантировать человеку место и на том свете — в строгом соответствии с его прижизненным общественным положением. Посмертная слава предков, в свою очередь, сулила возвышение их живым потомкам. Отсюда следовало требование тщательного осуществления похоронного ритуала, жертвоприношений. Знаменательно приписываемое Конфуцию изречение: «Невысоконравственно заменять человеческие жертвы предкам куклами и чучелами».

Классовая артистократическая мораль конфуцианства с особой силой проявилась в теории Сюньцзы (Сюньцзы (ум. в 238 г. до н.э.) критиковал многие положения конфуцианства, однако в основных вопросах оставался на конфуцианских позициях.) об обществе и государстве, где виднейшее место заняло учение о ли — ритуале. Ритуал Сюньцзы считает высшей формой различий между знатными и незнатными, «управляющими» и «управляемыми», ибо носителем ли признается лишь потомственная аристократия. Ритуал объединяет в себе этические, политические и правовые нормы. В отличие от Конфуция Сюньцзы признавал необходимость законов в государстве, но отстаивал тезис: закон — для народа, ритуал — для аристократии. Таким образом, действие закона, по Сюньцзы, распространяется только на простолюдинов (земледельцев, ремесленников, торговцев), что же касается аристократии, то на нее распространяются лишь нормы ритуала. Это положение вошло и в каноническую книгу ортодоксального конфуцианства: «Наказания не опускаются до высокопоставленных, ритуал не поднимается до простолюдинов» («Ли цзи»).

Сюньцзы — яркий представитель рабовладельческой аристократии — утверждал, что социальное и имущественное неравенство коренится в самой природе человека, и требовал неукоснительного соблюдения различий между знатью и простым народом во всем, начиная с одежды и кончая имущественным цензом. Подобно Ксенофону и Платону, Сюньцзы видел в наследственном разделении труда основной принцип государственного устройства: «Естественно, что один — знатен, другой — низок... Правитель должен быть правителем, отец — отцом, сын — сыном, старший брат — старшим, младший брат — младшим. Земледелец должен быть земледельцем, служилый — служилым, ремесленник — ремесленником, торговец — торговцем... Один человек не может быть искусен во многих ремеслах... Разделение обязанностей — источник великой пользы для Поднебесной».

В отличие от своих предшественников в философии (Гуаньцзы, ум. в 645 г. до н.э., и Моцзы, V—IV вв. до н.э.) Сюньцзы и Мэнцзы отстаивали существование природного неравенства общественных групп.

С самого возникновения конфуцианство было противником развития естественнонаучных и прикладных знаний. Даже Сюньцзы, представлявший «критическое» течение внутри конфуцианства, отказывался размышлять о природе и объявлял напрасной тратой времени наблюдение над «движением тела в пространстве», заявляя, что «ремесленник и без знаний мастерство знает». Такая позиция характерна для идеологии высших слоев господствующего класса рабовладельческого общества в целом.

В обстановке господства в обществе религиозно-мифологических представлений учение Конфуция, постулировавшее неукоснительное следование традиции и беспрекословное выполнение заветов предков, не могло не иметь достаточно широкую социальную базу. В условиях, когда древняя религия теряла свой общинный характер, перед господствующим классом вставала идеологическая задача религиозного освящения существующего государственного строя.

Летопись «Чунь цю» («Весны и осени»), заложившая основу конфуцианского этико-политического учения (ее создание приписывают самому Конфуцию), сыграла важную роль в выполнении этой задачи, способствуя оформлению конфуцианской теологии и утверждению конфуцианства в качестве официальной религии древнекитайской империи.

Борьба материалистического и идеалистического направления философии с особой силой разворачивается вокруг философской категории дао (буквально «путь»), которую даосы и легисты трактовали как естественную закономерность, всеобщий закон развития природы и всех вещей, а конфуцианцы — как божественный Путь Небес. Так, в трактате «Чжун юн» («Учение о середине») ученика Конфуция Цзы Сы (V—IV вв. до н. э.) дао отождествляется с «небесной волей», «небесным законом».

В отличие от метафизического в целом конфуцианства даосское учение у всех его представителей отмечено яркими чертами стихийно-диалектического мышления.

Создание даосизма связывают с именем мудреца из царства Чу — Лаоцзы, старшего современника Конфуция; некоторые считают его личностью легендарной. Лаоцзы приписывают философское сочинение «Дао дэ цзин» (записано, вероятно, в IV—III вв. до н.э.). Социальным идеалом древнего даосизма был возврат к первобытной простоте и равенству, но не столько к общине родовой, сколько к древнему государству-общине, сохраняющему традиции первобытной демократии. Даосы никогда не брали под защиту раба, считая наличие рабства естественным состоянием общества, однако они всегда резко осуждали порабощение собственных сограждан. Даосы выступали против богатства и роскоши, против непомерных поборов и войн, приводящих народ к нищете и рабству, против насилия правителей и

самочинства знати. Постоянный рефрен «Дао дэ цзина»: «Дао совершенно-мудрого— деяние без насилия».

Отсюда — из страданий народа делался лишь тот вывод, что человек должен осознанно и безропотно следовать дао, естественному течению жизни, и стремиться лишь к самосохранению.

Лаоцзы отвергал понимание дао (пути) как божественного Пути царей-предков. Для него дао — Путь природы, вечное самодвижение материи — основа и источник всего сущего, «Мать всех вещей». Даосы признавали объективность мира, выступали против обожествления Неба и «небесной воли», считая, что небо (так же как и земля) — часть природы.

Вместе с тем Лаоцзы не отрицал существования богов, считая и их порождением дао. Но влияние их па людей, по его учению, устраняется соблюдением естественного хода вещей. Другие даосские мыслители (Сун Цзян, Инь Вэнь, Чжуанцзы — IV—III вв. до н.э.) также возводили богов к природным стихиям, объявляя их одной из форм существования материи. Мир, в представлении даосов, состоит из мельчайших, неделимых материальных частиц ци и находится в постоянном изменении: «Неполное становится полным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое — новым» («Дао дэ цзин»).

Потому-то человек и должен предоставить вещам развиваться самим по себе. Дао, будучи и непознаваемым до конца, материализуется в дэ — своем обнаружении в мире явлений. Таким образом, значение этической категории дэ («достоинство человека») расширено Лаоцзы до гносеологической категории атрибутов всех вещей.

Идеи даосизма получили дальнейшее развитие в творчестве философа Лецзы (V—IV вв. до н.э.) и великого писателя древности Чжуанцзы (369—286 гг. до н.э.). Оба они вышли из ремесленной среды. Лецзы (по прозвищу «Защита разбойников») был уроженцем царства Чжэн, Чжуанцзы — царства Сун. Лецзы принадлежит учение о происхождении и развитии Вселенной и эволюции жизни на Земле от простейших организмов до человека. Теория материи у Лецзы близка к представлению об атомистическом строении вещества. В пей предстают в качестве материальной субстанции два первоэлемента: ци («эфир») и цзи («семена»).

«Вся тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается» («Лецзы»). Это положение повторяется и у Чжуанцзы. Последнего особо занимала проблема жизни и смерти.

Решая её материалистически, Чжуанцзы утверждал, что «со смертью тела исчезает и душа человека». Мировую стихию он образно уподоблял «огромному плавильному котлу». У Чжуанцзы дао выступает как сущность бытия, субстанциальная первооснова мира, абсолютное единое начало, от которого происходят все вещи,

непрерывно изменяющиеся в вечном круговороте природы. Жизнь — непрерывный процесс движения. Всеобщность изменения и переход явлений в свою противоположность делают все качества относительными. «Жизнь вещи подобна стремительному бегу, она изменяется с каждым моментом движения». Чжуанцзы сравнивают с Гераклитом, однако ему чужда идея последнего о борьбе противоположностей и войне как всеуправляющем начале. Чжуанцзы отрицал деление на «благородных» и «ничтожных», устами своего любимого героя — разбойника Чжи страстно обличал паразитизм.

В поговорку вошел пародийный афоризм Чжуанцзы, направленный им против конфуцианства: «Укрывшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство!»

К даосизму тяготели и некоторые школы, проповедовавшие равенство всех свободных. Одна из них выдвигала тезис: «Поднебесная принадлежит всем» — и настаивала, в частности, на равноправии женщин, другая (школа «южного варвара» Сюй Сина из царства Чу, III в. до н.э.) требовала обязательного совмещения функций управления с производительным трудом, прежде всего земледельческим (поэтому ее сторонников именуют «нун-цзя» — «аграрники»). Мэнцзы передает, что все последователи Сюй Сина «носили грубую одежду; чтобы прокормиться, плели сапдали и сами изготовляли циновки». В этих учениях нашли отражение пережитки идеологии племенной массы первобытности, когда рядовые свободные ещё не противопоставлялись в социально-психологическом отношении господствующей рабовладельческой знати, а обрядность и культ объединяли в общине всех.

Одним из наиболее ярких философов даосского направления был материалистически мыслящий просветитель Ван Чун (27— 97 гг.), автор трактата «Критические рассуждения». Ван Чун признавал единство, вечность и материальность мира; продолжая традиции древнекитайской натурфилософии, он развивал учение об атомическом («зернистом») строении вещества. Конфуцианскому обожествлению Неба и Сына Неба Ван Чун противопоставлял материалистическое в своей основе утверждение, что «небо есть тело, подобное земле». Ван Чун боролся со всевозможными предрассудками и суевериями своего времени и решительно выступал против конфуцианского культа предков и даосских идей бессмертия. Эти идеи развивало другое течение даосизма, постепенно трансформировавшееся в религию, которая в дальнейшем противостояла ортодоксальному конфуцианству как народная ересь.

Религиозное течение даосизма, эволюционировавшее в направлении мистицизма, было связано с древними верованиями. Оно явственно заявило о себе в восстании «Желтых повязок» конца II в. н. э. — первом бунтарском проявлении даосской проповеди как форме идеологии эксплуатируемых масс. Даосизм с его утопической мечтой о счастливом царстве без царей и господ в тех условиях был главной

идеологической силой, противостоявшей официальному конфуцианству, являясь как бы прибежищем, в котором искали утешения отчаявшиеся люди.

Общая социально-идеологическая направленность учений даосского направления отвечала настроениям низов свободного населения, и в этом кроется причина его популярности. Однако натурфилософские воззрения и широта этических принципов даосизма привлекали к нему симпатии и других слоев общества. Однако в их интерпретации этическая доктрина древнего даосизма приобретала выраженный индивидуалистический характер.

Особое положение между конфуцианцами и даосами занимали монеты — сторонники философа Моцзы (V—IV вв. до н.э.), уроженца царства Сун. Монеты также преклонялись перед божественной Волей Неба, которое очеловечивали, превращая его в носителя принципов своего учения. Однако в противовес конфуцианцам монеты утверждали, что Воля Неба познаваема, что судьба человека не predetermined, но зависит от него самого. В отличие от учения Конфуция о врожденном доэмпирическом знании монеты признавали источником подлинных знаний о мире лишь чувственное восприятие, сближаясь здесь с наивно-материалистическими представлениями.

Школа моистов придавала большое значение эмпирическим естественнонаучным наблюдениям. «Знания, которые нельзя применить на практике, являются ложными», — провозглашали они. Не случайно именно у моистов получают развитие логика, математика, возникают начатки физики, инженерных знаний.

Школа моистов была более организованной и однородной по составу и более многочисленной, чем другие школы того времени. Ее положения были близки к идеям рабовладельческой демократии. Все ее члены были связаны неким подобием устава, одевались в одежду «простонародья». Они обучались технике защиты городов и основам фортификации и требовали активного сопротивления врагу при защите родного города. Считалось, что монеты не имели себе равных в искусстве спора (Надо отметить, что этико-политические взгляды не только моистов, но и других идейных школ находили наиболее полное свое выражение именно в диалогах.). В логических примерах учения Моцзы постоянно фигурируют рабы и рабыни. Однако ни в его, ни в других проектах политического переустройства они не принимаются во внимание — речь идет только о свободных.

Сам Моцзы вышел из среды бедных ремесленников (возможно, даже из рабов). Вообще представители городских низов были активным контингентом в его школе. «Справедливый человек не избегает бедных и нищих», — наставлял Моцзы. Все его симпатии были на стороне тружеников-простолюдинов (минь, гоэнь, чжун) — земледельцев, ремесленников, торговцев, для которых он требовал равноправия с аристократией, в том числе равных возможностей в

делах управления. Тезис Моцзы о равноправии свободных затрагивал весьма важную в глазах современников религиозно-идеологическую сферу. Дело в том, что конфуцианцы отстаивали положение об абсолютном праве аристократов на культ предков, не признавая его за простолюдинами («Ли цзи»). Сюньцзы прямо заявлял, что «добывающие пропитание своим трудом не имеют права на храмы (предков)». Согласно учению Моцзы, и знатные и незнатные в равной мере являются носителями ритуала — это положение звучало вызовом аристократической конфуцианской морали. Вместе с тем Моцзы резко выступал против массовых человеческих жертвоприношений, против пышной похоронной обрядности и долгосрочного траура, считая этот ритуал губительным и разоряющим людей, наносящим вред общественному благосостоянию.

Моцзы особо подчеркивал важное общественное значение физического труда и считал, что в нем должны принимать участие поголовно все граждане государства. Защищая тезис о великом значении творческого, созидательного начала в деятельности человека, Моцзы полемизировал с учением Конфуция, уничижительно отзывавшегося о физическом труде и всяком изобретательстве, и отчасти с Лаоцзы с его теорией «недеяния».

Ещё Гуаньцзы(Гуаньцзы (он же Гуань Чжун, ум. в 645 г. до н.э.) происходил из небогатой торговой семьи, был поработан, но потом поднялся до положения первого советника в царстве Ци, уроженцем которого был.) развивал теорию о разделении (почти кастовом) обязанностей в государстве между четырьмя категориями населения: земледельцами, служилыми людьми, ремесленниками и торговцами, в равной мере оценивая их важность в социальной структуре общества, «чтобы каждый выполнял свое дело как можно лучше и таланты людей могли проявляться полностью».

Вслед за Гуаньцзы и Моцзы провозглашал разделение труда важнейшим условием существования и процветания человеческого общества.

Путем разделения труда совершенствуются, по мнению моистов, и производитель и продукт. Считая критерием истинности знаний применимость их в повседневной жизни людей, монеты во всех своих суждениях о вещах акцентировали внимание на их «практическом использовании». «Всеобщая польза» Поднебесной(Принцип «всеобщей пользы» у моистов был неотъемлем от принципа «всеобщей любви», противопоставляемой конфуцианскому жэнь (аристократической морали).) — основная категория теории государственного управления Моцзы; «погоня за прибылью», «личное обогащение», «отдельная корыстная выгода» приносят непоправимый ущерб обществу.

Ни Гуаньцзы, ни Лаоцзы не делили общество на высших и низших, не признавали никакого социального неравенства «сословий», однако

представители легистов Шан Ян и Хань Фэйцзы, будучи в известной мере их последователями и отвергая различия между аристократией и народом, в то же время разделяли занятия парода на «основные» и «второстепенные», отдавая предпочтение занимающимся земледелием.

Учение Моцзы о государстве основывается на идее «общественного договора», согласно которой «Сын Неба» избирается из числа «наимудрейших людей» независимо от происхождения. Эта концепция была воспринята легистами, развившими на её основе теорию, в которой они подошли к осознанию диалектики общественного развития.

Течение «фацзя» («сторонников закона») зародилось почти одновременно с конфуцианством и даосизмом. Важнейшими представителями легизма (фацзя) были уроженец царства Вэй Шан Ян (действовавший в царстве Цинь и там же казненный в 338 г. до н.э.) и Хань Фэйцзы — уроженец царства Хань (отравленный в царстве Цинь в 233 г. до н.э.). Главное в их учении заключалось в социально-политических теориях. Они провозглашали необходимость объединения «Поднебесной». Все легисты были государственными деятелями, вдохновлявшими и осуществлявшими реформы, направленные на подрыв позиций потомственной аристократии, ослабление патриархально-общинных и укрепление территориально-административных связей, утверждение частной собственности на землю и развитие товарно-денежных отношений. Они отстаивали политическую централизацию царств и необходимость введения единого, обязательного для всех государственного законодательства. Правитель выступал в их учениях как верховный законодатель, единственный источник закона, но осуществление этих законов они предполагали возложить на государственную бюрократию. Контроль над исполнительной властью, находящейся в руках административного аппарата, осуществлял государь.

Легисты требовали гласности закона. «В государстве просвещенного правителя (всех) обучают закону, (там) не передаются заветы прежних правителей, а учителем становится чиновник» (Хань Фэйцзы). «Закон не дает предпочтения знатым», — пишет Хань Фэйцзы. Легисты были сторонниками жестоких наказаний за малейшее нарушение закона, ибо в «строгой семье не бывает строптивых рабов». «Единые законы устанавливают равные для всех наказания — от царского сановника до простолюдина. Ослушавшийся приказа царя... подлежит казни без снисхождения и без учета прошлых заслуг» (Шан Ян). Введение суда царских чиновников было одним из важнейших мероприятий легистов.

Как уже говорилось, в известном смысле легисты подошли к осознанию диалектики общественного развития. Так, Хань Фэйцзы сделал попытку нарисовать картину возникновения и последующего развития общественной жизни. Он предполагал, что в глубокой

древности люди вели стадную жизнь, были беспомощными перед силами природы, «не могли одолеть диких зверей и гадов». Они не имели жилищ, питались случайной пищей, не знали употребления огня, гибли от страшных наводнений. Людей было мало, земли — много.

Постепенно образ жизни их изменился, они научились строить гнезда-жилища на деревьях, стали добывать огонь трением и готовить пищу, одеваться в шкуры животных. Потом люди провели каналы для отвода воды, стали строить дома из бревен. Мужчины освоили обработку полей, женщины — ткачество.

Народонаселение увеличилось. Люди стали жить семьями и «управлялись сами собой», правитель «сам шагал впереди народа с сохой, бедра у него были тощими, на голених не было ни волоска». Потом появилось наследование власти, возникли имущество, богатство и бедность, и теперь люди «отчаянно борются за клочок земли». В таком обществе стали необходимы законы и наказания. «То, что было применимо в древности, ныне оказалось неприменимым», ибо изменились условия жизни, а с ними и права людей. «В древности и сейчас разные обычаи, старые и новые средства неодинаковы. Если, к примеру, желать великодушной и мягкой политикой управлять народом в напряженную эпоху, то это все равно что без узды и плети править норовистой лошадью» (Хапъ Фэйцзы).

Апогеем и завершением процесса общественно-политического развития легисты считали единую централизованную державу, которая должна поглотить все ныне существующие царства.

Легисты уделяли немалое внимание философским вопросам и были сторонниками наивно-материалистического толкования категории дао как естественного пути развития природы и общества, не оставляя места для сверхъестественных сил и рока. Хань Фэйцзы резко выступал против поклонения богам и духам и решительно осуждал жертвоприношения. Однако мировоззренческие проблемы были у легистов подчинены конкретным практическим задачам управления, став теоретическим обоснованием проводимых ими реформ. Все они стояли на позициях своего рода «этатизма» — усиления роли государства во всех областях жизни, выступали за «естественное разделение» занятий и обязанностей.

В идеале легисты были за прекращение войн между царствами и их объединение в сильное централизованное государство, но достижение этого мирным путем считали нереальным, поэтому военное усиление и внешнюю агрессию полагали важнейшей государственной задачей. С этой целью Шан Ян в царстве Цинь установил военно-бюрократический режим, а Хань Фэйцзы в своем знаменитом трактате «Хань Фэйцзы» провозглашал централизованное авторитарное государство идеалом политического строя.

Позиция легистов в целом объективно отражала тенденцию общественного развития, их реформы открывали путь для развития частнособственнических тенденций и роста товарности хозяйства, да и общественная психология менялась в пользу новых богачей. У провозвестника легизма Гуаньцзы, как и в сочинениях ряда других мыслителей того времени, как мы уже видели, лицам, занимавшимся торговой деятельностью, отводилось в обществе заметное и почетное место. В то же время конфуцианцы рассматривали торговлю как занятие низкое и недостойное (Мэнцзы), что выражало закономерную реакцию потомственной знати па появление новых общественных сил, угрожавших ее престижу. Однако по мере осуществления политики реформ, открывавших новые возможности экономическому развитию страны, у легистов стало намечаться отрицательное отношение к крупному частному предпринимательству, развивавшемуся наиболее активно в области промыслов, ремесла и торговли. «Если государство вызовет к жизни силы народа, но не сумеет их обуздать, то оно будет нападать на самого себя и обречено на гибель», — заявлял Шан Ян. Легисты царства Цинь стали расценивать бесконтрольно развивавшиеся частное ремесло и торговлю как наносящие ущерб государственным доходам, как «второстепенные» по отношению к «основным» занятиям населения — военному делу и земледелию (последнее после реформы фиска стало основной статьей государственных доходов). В сущности, Шан Ян и Хань Фэйцзы не отрицали торгово-ремесленной деятельности вообще, а настаивали на ограничении активности новой имущественной знати, шедшей вразрез с интересами казны и внешнеполитическим курсом правителя. Сама по себе эта деятельность должна была, по мнению легистов, открыть важные источники дополнительных доходов страны. Вслед за Гуаньцзы они разработали положение о праве государства на недра земли, лесные богатства и продукты рек и болот, требуя введения на них, а также на торговлю зерном своего рода государственной «монополии» (Видимо, речь шла об изъятии в пользу государства соответствующих общинных угодий, поскольку политика «монополий», например, у Гуань Чжуна непосредственно была связана с введением системы обложения семей по имущественному принципу взамен прежней практики налогообложения, когда фискальной единицей являлась община в целом, отдающая государству часть общей продукции общины — 1/9 (в сельской местности) и 1/10 (в городах), или обрабатывающая соответствующую часть земли в пользу государства.).

Легисты подняли проблему соотношения частных и государственных интересов и выдвинули теорию о их противоположности в тех случаях, когда частные хозяйства «скапливают несметные богатства», выразив её в афоризме: «Нет большего порока, чем незнание границ своих желаний».

Идея разумного ограничения человеческой деятельности в пределах «удовлетворения естественных потребностей» (Люйши Чуньцю) теоретически увязывалась легистами с даосской теорией «недеяния»,

понимаемого не в значении пассивного ухода от всякой деятельности вообще, но в смысле отказа от противодействия естественному ходу вещей, от «чрезмерного желания выгоды для себя», наносящего вред государству.

По учению легистов, законы — это дао государства; вырабатываемые и изменяемые согласно требованию времени, они стоят выше индивидуумов и как единое дао определяют все. Государь правит на основании закона, не вмешиваясь в конкретные дела управления, передоверенные им административному аппарату. Провозглашая этот принцип «недеяния» правителя, Хань Фэйцзы выступает как против конфуцианского ограничения власти правителя аристократией, так и против диктаторской власти государя.

Хань Фэйцзы решительно протестовал против продажи должностей, открывающей каждому стяжателю возможность пробиться в ряды царской бюрократии, чтобы поставить закон на службу своекорыстным целям. Однако попытки поставить торговцев в приниженное положение в обществе расходились с общей направленностью социально-экономического развития этого периода, когда подъем рабовладельческого и развитие товарного хозяйства были взаимно обусловлены. По настоянию денежной рабовладельческой знати в царстве Цинь была разрешена продажа должностей и рангов знатности, что привело (как и предсказывал Хань Фэйцзы) к политическому господству новой знати, занявшей ведущие посты в царстве Цинь и ряде других государств древнего Китая к концу эпохи «Воюющих царств».

Легисты утверждают свои мерилы этических ценностей; на место устоев патриархального домостроя они выдвигают принципы государственного верноподданничества, провозглашая несовместимость старой конфуцианской и новой морали: «почтительный к родителям чиновник — изменник государю», «прямодушный для государя подданный — жестокий сын для отца» (Хань Фэйцзы).

Если конфуцианцы представляли интересы старой потомственной аристократии, опиравшейся на патриархально-общинные и патриархально-рабовладельческие отношения, если даосы в какой-то степени выражали протест и отчаяние народных масс, а монеты — интересы самоуправляющейся общины полноправных граждан, то легисты были идеологами восходящей имущественной знати, связанной с развитым рабовладением, и новой бюрократии.

Среди философов периода «Чжань го» выделяется как крупнейший мыслитель материалист Ян Чжу (IV в. до н.э.). Ян Чжу вышел из среды небогатых землевладельцев царства Вэй. Учение его вызывало яростные нападки как конфуцианцев, так и даосов и легистов. По учению Ян Чжу, человек состоит из тех же пяти первооснов, что и вся природа, и отличается от других живых существ лишь разумом. Исходя

из материалистического понимания природы, он отрицал страх перед богами и страх перед смертью. Бессмертия нет, смерть — естественно-необходимое явление, в котором уравниваются все. Быть равнодушным к смерти — это и значит следовать естественному закону дао.

Ян Чжу отрицал сверхъестественную сущность неба и вмешательство богов в дела мира, выступая против культа предков, призывал радоваться жизни, не надеяться на богов и духов, а самому заботиться о собственном благополучии, удовлетворяя свои потребности и желания. Отражением общественного и психологического перелома, знаменующего торжество отношений частной собственности, является знаменитая инвектива Ян Чжу, не желавшего «ни единым волоском» поступиться в пользу общественных интересов Поднебесной. Не удивительно, что противники Ян Чжу считали его учение антигосударственным. Индивидуалистический идеал избавления от страданий и утверждения разумного наслаждения выступает у Ян Чжу как этический принцип нравственности для господствующего класса рабовладельческого общества, тогда как отказ от безмятежной жизни и наслаждения, почитаемого высшим благом, рассматривается как признак рабского состояния. Смысл жизни — не деятельность, а невозмутимый покой.

Культура времени расцвета рабовладения в Китае.

Помимо чисто технических знаний наиболее раннее развитие получила в Китае астрономия — вероятно, как и в Вавилонии, в связи с разработкой календаря, который необходимо было согласовывать с естественными природными сезонами. Велись записи астрономических наблюдений, например появления комет (впервые в 613 г. до н.э., регулярно — с III в. до н.э.), был составлен звездный каталог, видимые звезды классифицированы по созвездиям. Астрономы умели вычислить наступление лунных затмений и возможность солнечных. В 28 г. до н.э. ханьские астрономы впервые зафиксировали существование солнечных пятен.

Значительные успехи в области физических знаний были ознаменованы изобретением первого в мире компаса. Он состоял из квадратной железной пластины со свободно вращающейся на ее поверхности магнитной «ложкой», ручка которой неизменно указывала одно направление, но не север, а юг. Этот прообраз компаса так и назывался — «указатель юга».

Для того времени характерна разработка положений механики о действии и противодействии: «Если вода устремляется, она становится диким потоком, если стрела выпущена, она летит далеко. Но все это обладает силой, действующей назад, и все колеблется в этом противоборстве... Таков дао (естественный порядок) природы» (Цзя И).

Развитию письменности содействовал переход от письма на узких бамбуковых дощечках(Они обусловили и направление строки в традиционном китайском письме, где иероглифы пишутся сверху вниз.) к письму на шелке, а затем и на бумаге, впервые в мире изобретенной китайцами на рубеже нашей эры,— с этого момента писчий материал перестал лимитировать объем письменных текстов.

В конце I в. до н.э. была изобретена тушь. Для передачи всего богатства китайского языка число применявшихся иероглифов было недостаточно (напомним, что в китайском письме каждое односложное слово должно было выражаться отдельным иероглифом и даже многочисленные омофоны — сходно звучащие слова-однослоги — в зависимости от их смысла изображаются разными иероглифами). Теперь число знаков было пополнено, с тем чтобы учесть и более редкие понятия, и доведено до 18 тыс., знаки были строго классифицированы. Начали составляться словари.

Так были заложены предпосылки для создания обширной письменной литературы, включающей не только поэзию и афоризмы, рассчитанные и на устное запоминание, но и художественную прозу, прежде всего историческую. Самым выдающимся писателем-историком был Сыма Цянь (около 145—86 гг. до н. э.). Отец его был ханьским официальным историографом, сын унаследовал эту должность.

Он много ездил по стране, собирая старые рукописи и фиксируя устные известия. Личные взгляды Сыма Цяня, сочувствовавшего даосским настроениям, расходились с ортодоксальными конфуцианскими, что не могло не отразиться на его труде. По-видимому, за это инакомыслие историк попал в опалу. В 98 г. до н.э. по обвинению в сочувствии к полководцу, оклеветанному перед императором У ди, Сыма Цянь был приговорен к позорной каре — кастрированию; реабилитированный позднее, он нашел силы возвратиться на служебное поприще с одной целью — завершить труд своей жизни. В 91 г. до н.э. он закончил свое замечательное произведение «Исторические записки» («Ши цзи») — сводную историю Китая, включавшую также описание соседних народов от древнейших времен. Выдающийся стилист, Сыма Цянь давал картины политических и экономических событий и жизни народа ярко, сжато и со всей доступной ему достоверностью. Труд его повлиял не только на всю последующую китайскую историографию, но и на общее развитие литературы.

По его образцу построен труд второго крупного ханьского историка Бань Гу (32—92 гг.) — «История династии Хань». В противоположность «Ши цзи» труд Бань Гу выдержан в духе ортодоксального конфуцианства, что наложило отпечаток на содержание этого произведения, в частности определило критическое отношение автора к «Запискам» Сыма Цяня как «слишком личным» и даже «клеветническим». Уже в предисловии Бань Гу объявляет Сыма Цяня «еретиком». Поскольку же Бань Гу принадлежал к политически

господствовавшей школе, его отрицательная оценка труда своего знаменитого предшественника имела результатом исключение «Ши цзи» из числа «официально признанных» исторических произведений. Идеальный антагонизм этих двух самых крупных исторических сочинений является как бы знаменем эпохи, ибо принадлежность авторов к остроконфликтующим школам прослеживается почти во всех произведениях времен империи.

В эпоху «Воюющих царств» появляются произведения индивидуального творчества и в поэзии. В царстве Чу жил великий поэт Китая Цюй Юань (340—278 гг. до н.э.). Его лирика славится своей изысканностью и глубиной. Цюй Юань горячо выступал за сплочение всех царств против агрессии Цинь, но из-за интриг при чуском дворе попал в немилость к правителю, был отрешен от высокой должности и сослан в изгнание. Здесь он создал знаменитую оду «Скорбь отлученного» — свою поэтическую исповедь.

Преданный друзьями и подавленный несправедливостью опалы, поэт тяжело скорбит о крушении всех надежд, о глубоком одиночестве: «Как грязен мир!.. Во всей стране нет человека! Всему конец!» По преданию, узнав о победе циньцев над Чу, старый поэт утопился. В лирике Цюй Юаня получило дальнейшее развитие песенно-поэтическое творчество; разнообразные ритмы его стихов тесно связаны с мелодией. Рифма — правило для поэзии Цюй Юаня. Ода «Скорбь отлученного» заложила основу нового песенного жанра крупной формы («фу») — лирическим элегиям и лиро-эпическим одам с прозаическим вступлением. Они получили развитие в следующую эпоху — ханьскую.

В элегическом жанре творил и другой крупнейший чуский поэт — Сун Юй (290—223 гг. до н.э.), усовершенствовавший по сравнению с Цюй Юанем форму и содержание оды. Сун Юй считается первым певцом любви и женской красоты в литературе Китая (в том числе в форме воспевания древнего обряда священного брака — как подражание ритуальной свадебной песне). Мифологические образы, используемые еще Цюй Юанем, у Сун Юя становятся важным художественным средством. В стихах Сун Юя и Цюй Юаня во многом сохраняются стилистические приемы и особенности устной поэтической речи. Вообще литература этого периода еще очень близка к устному словесному творчеству. Именно в этот период были заложены основы для выделения литературы в самостоятельный вид искусства и тем самым сделан шаг к преодолению синкретического этапа в развитии культуры древнего Китая.

При У ди была создана «музыкальная палата» (Юэфу). Здесь, видимо, в целях создания официальных религиозных гимнов и канонизации песенно-поэтического наследия собирались и обрабатывались народные песни, создавались музыкальные произведения. Некоторые песни «Юэфу» построены на напевах и сюжетах, пришедших из Средней Азии.

В ханьский период получила развитие также и религиозно-философская литература. Основатель конфуцианской теологии Дун Чжун шу создал новую идеалистическую концепцию мира: небо, являясь божеством, действует целенаправленно, поэтому стихийные явления природы предопределяют общественную жизнь человека; они предупреждают, карают или вознаграждают людей. Конфуцианство постепенно превращалось в ортодоксальную бюрократическую религию, строго регламентирующую все государственные функции и нормы поведения людей.

Конфуций был посмертно обожествлен. Культ Конфуция соединился с культом предков, который занял огромное место в конфуцианстве. Обряды и заповеди конфуцианского домостроя требовали подчинения всей жизни на земле подготовке к пребыванию в загробном мире.

Во II в. до н.э. был установлен (в своем первоначальном составе) религиозный канон «Пятикнижие» — своего рода «священное писание» ортодоксального ханьского конфуцианства. В нем получил особое значение постулат о сверхъестественной магической силе особы императора, от поведения которого зависят все явления природы и благополучие страны.

Период несомненного подъема переживают при династии Хань архитектура и изобразительное искусство (особенно глиняная скульптура). Хорошо сохранившиеся памятники относятся главным образом к периоду Цинь-Ханьской империи. О ханьском зодчестве мы знаем по дошедшим до нас керамическим моделям зданий и изображениям на рельефах, которые позволяют заключить, что в это время уже сложились основные особенности архитектуры позднейшего Китая. Ханьские здания — обычно двух- и трехэтажные высокие постройки и башни с многоярусными покатыми кровлями-навесами над каждым этажом, крытые полуцилиндрической черепицей.

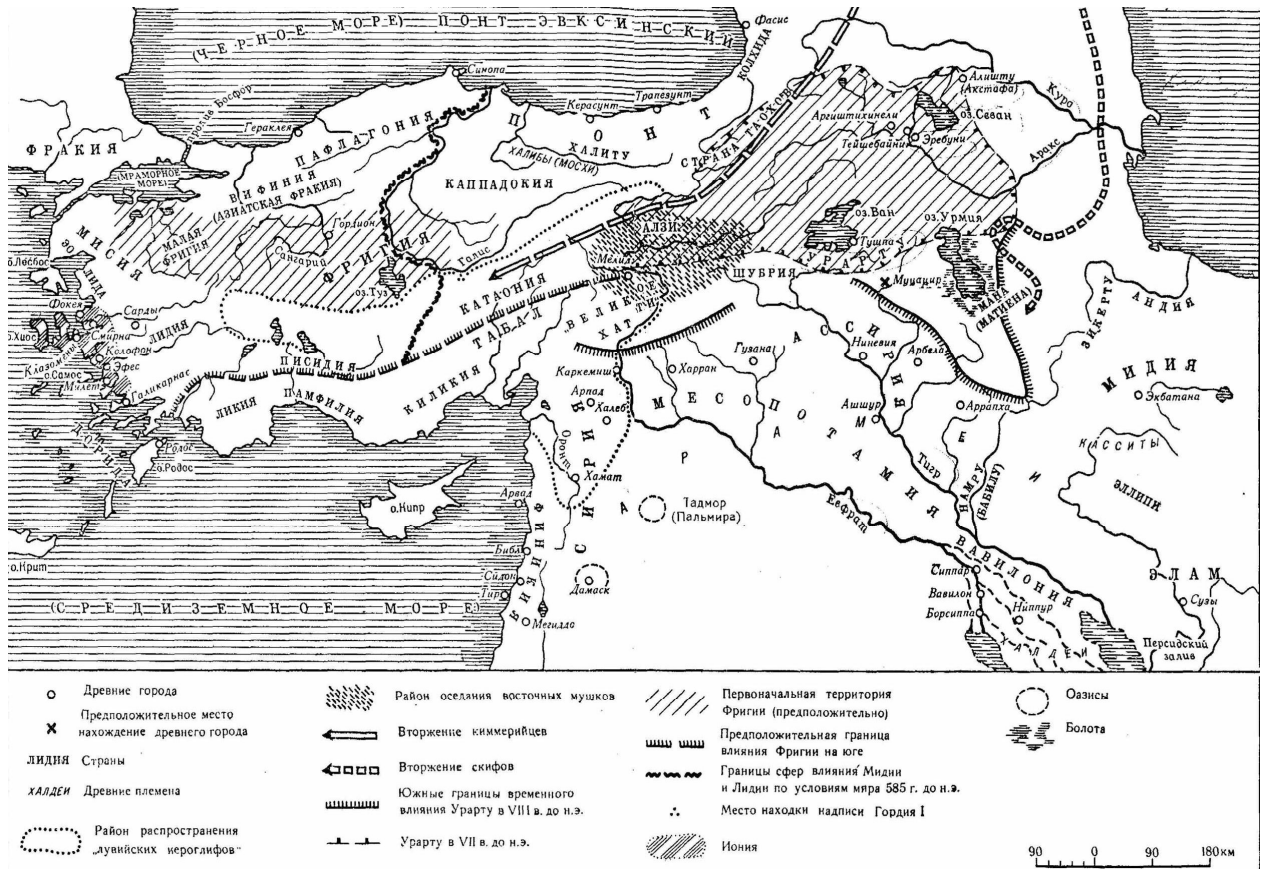
Можно сказать, что многие структурно важные черты, характерные для всей системы дальневосточной культуры, были заложены именно в данный период.

Литература:

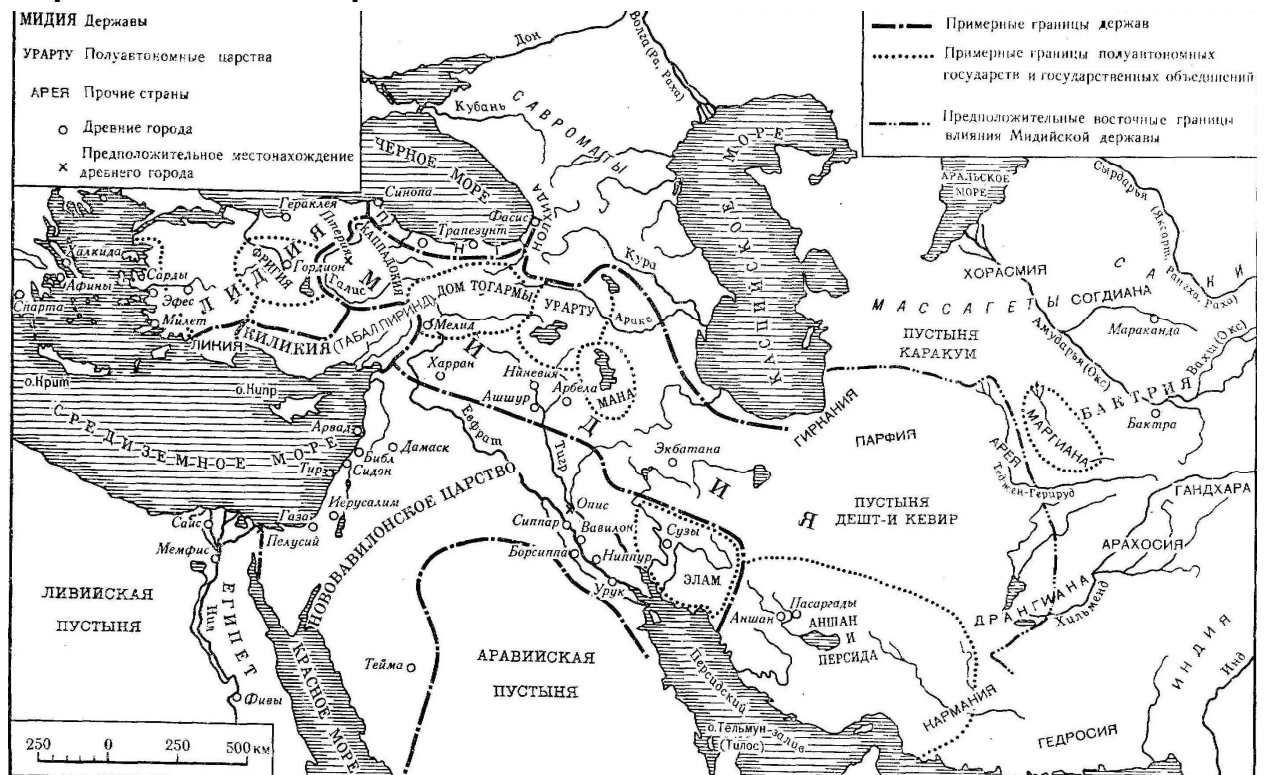
Степугина Т.В. Идеология и культура Китая периода расцвета рабовладения./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.517-533

Карты.

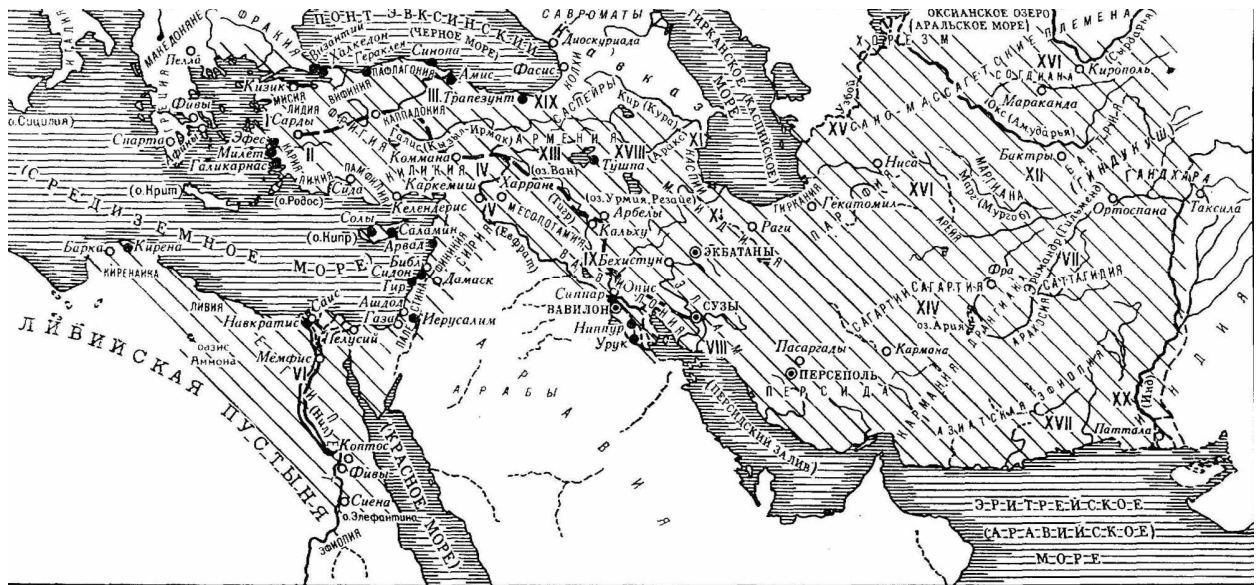
Урарту, Фригия и Лидия.

Передняя Азия в первой половине VI в. до н.э.

Держава Ахеменидов.

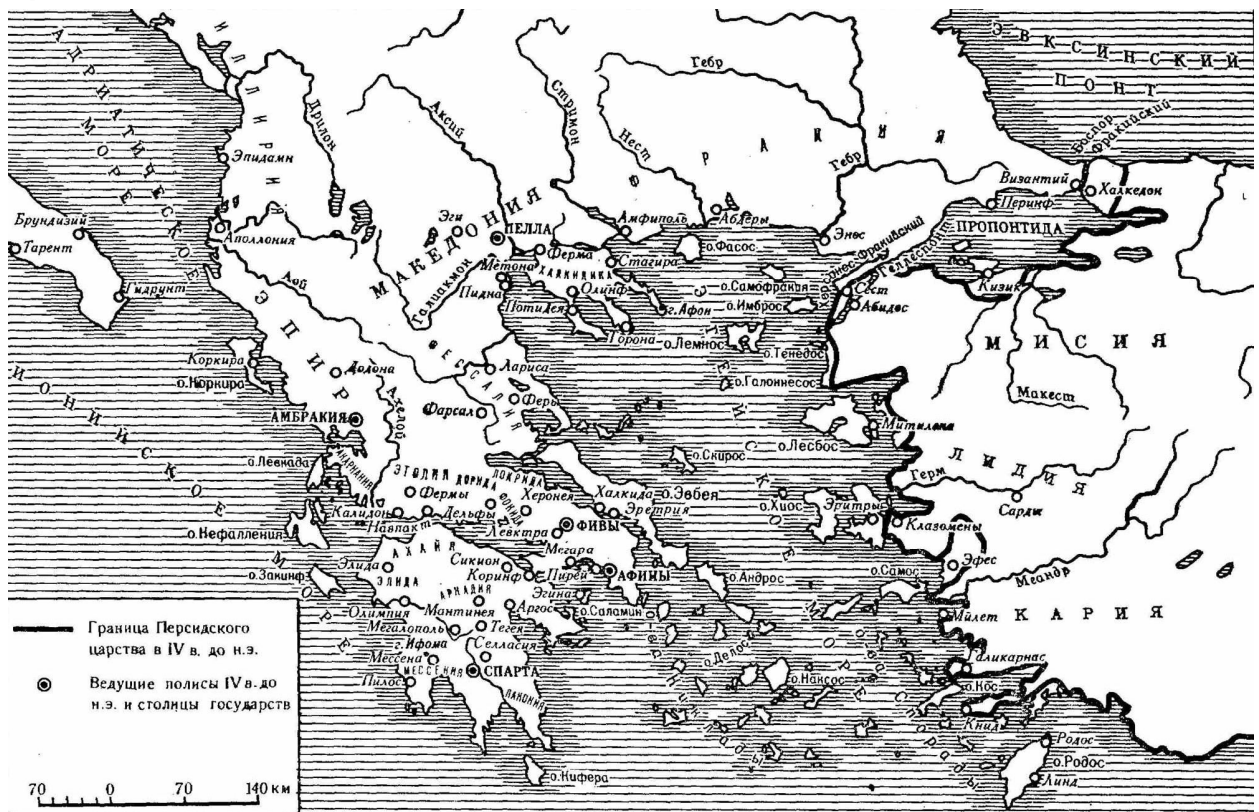

	Территория Персидского государства к концу VI в. до н.э.		Важнейшие самоуправляющиеся города		Прочие древние населенные пункты		„Царская дорога“		Историческая береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударья и Узбоа
XV	Сатрапии, учрежденные Дарием I		Вавилон		Сусы		„Царская дорога“		Историческая береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударья и Узбоа
мисия	Историко-географические области		Вавилон		Сусы		„Царская дорога“		Историческая береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударья и Узбоа
волки	Народы		Вавилон		Сусы		„Царская дорога“		Историческая береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударья и Узбоа
сузы	Столицы Персидского государства		Вавилон		Сусы		„Царская дорога“		Историческая береговая линия, русла Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Амударья и Узбоа

I	Иония	VIII	Элам	XV	Сак и каспий
II	Лидия	IX	Вавилония	XVI	Парфия, Хорезм
III	Каппадокия	X	Мидия	XVII	Арея и Согдиана
IV	Киликия	XI	Каспiana	XVIII	Азнатская Эфиопия
V	Заречье	XII	Бактрия	XIX	Армения (восточная)
VI	Египет	XIII	Армения (западная)	XX	Причерноморские народы
VII	Саттагия и Гандхара	XIV	Дрангиана и Кармания		

Примечание: Сатрапия Фракия (Скудра) в список Геродота не вошла

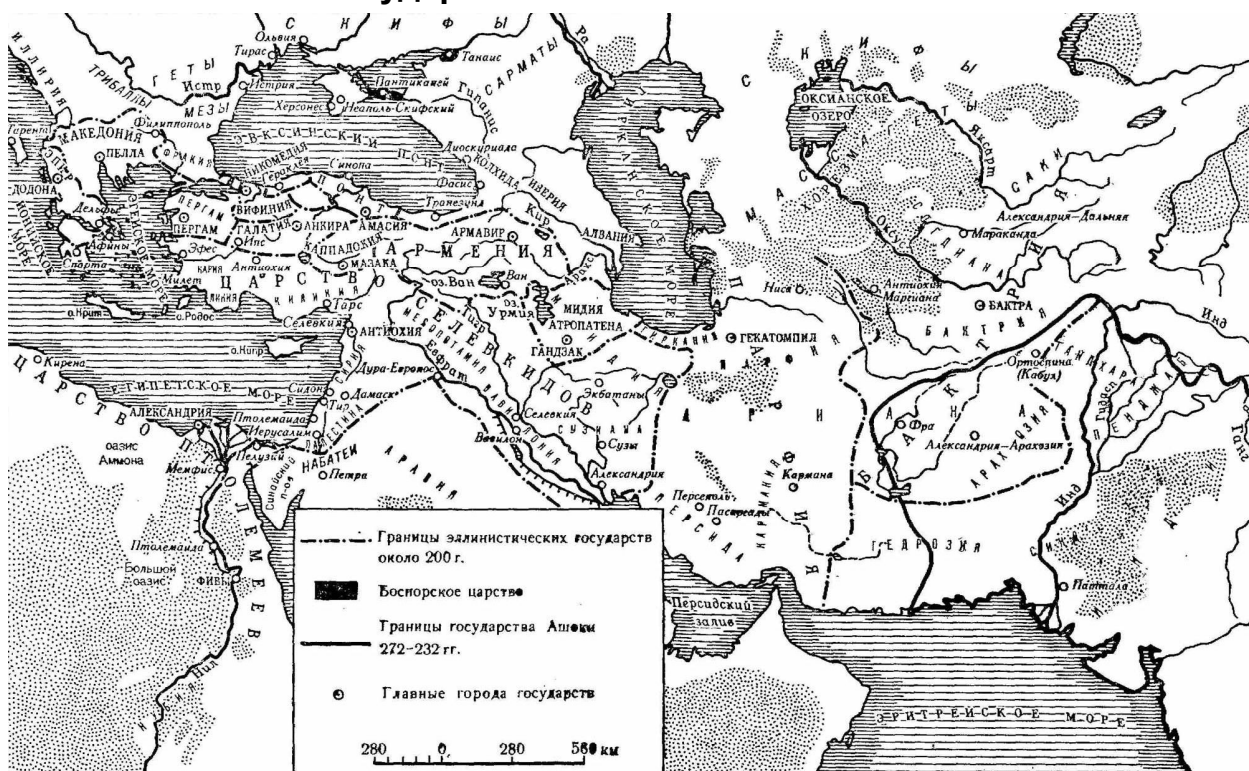
Греция в IV в до н.э.

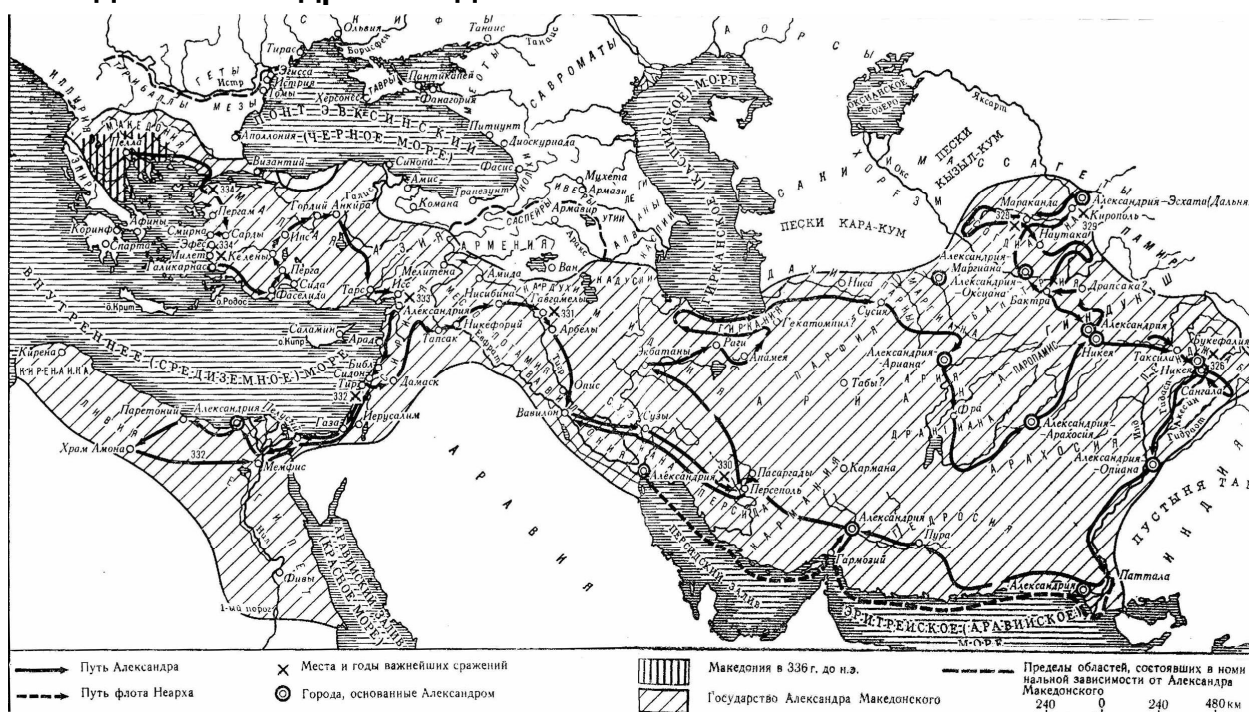
	Граница Персидского царства в IV в. до н.э.
	Ведущие полисы IV в. до н.э. и столицы государств

70 0 70 140 км

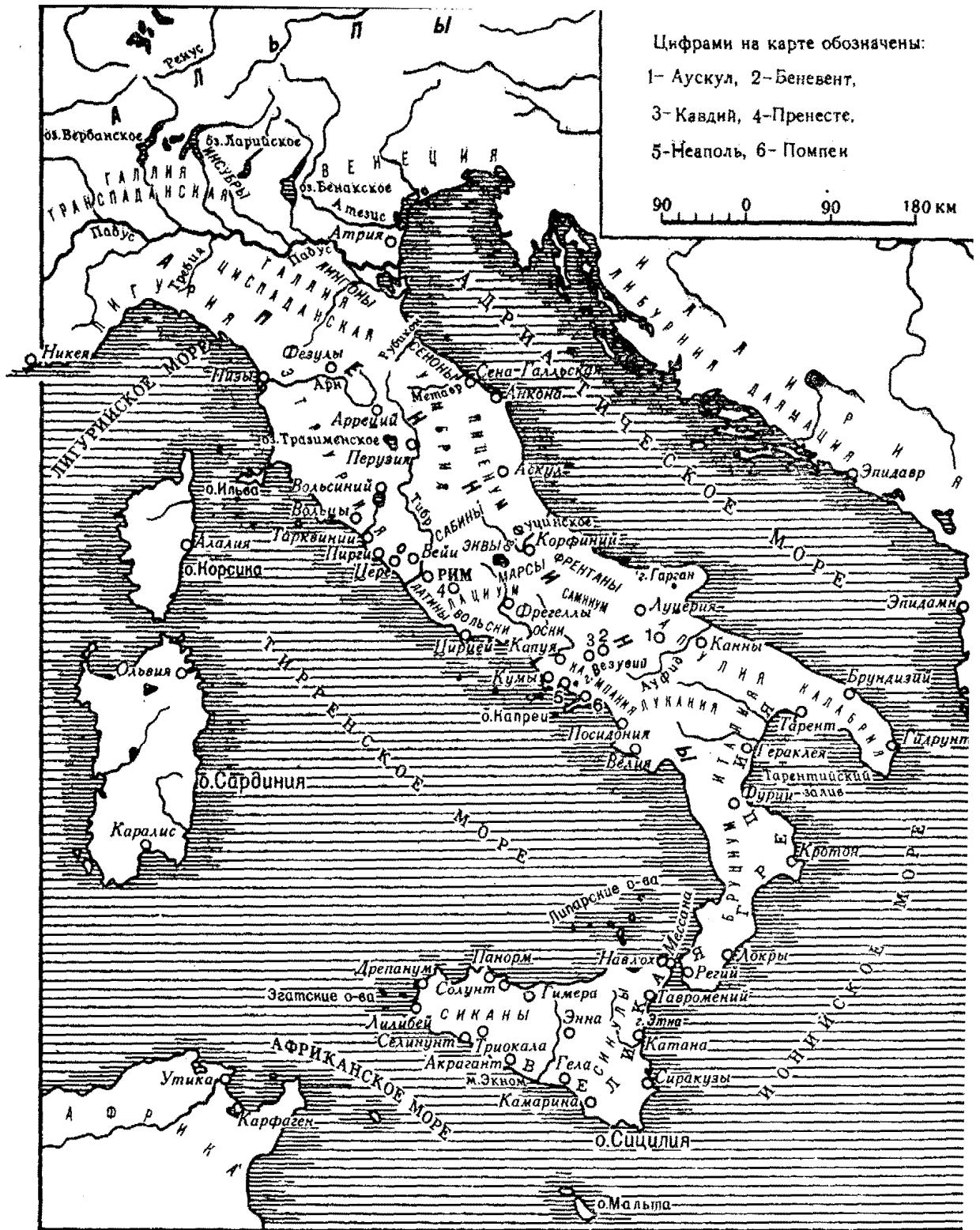
Эллинистические государства.

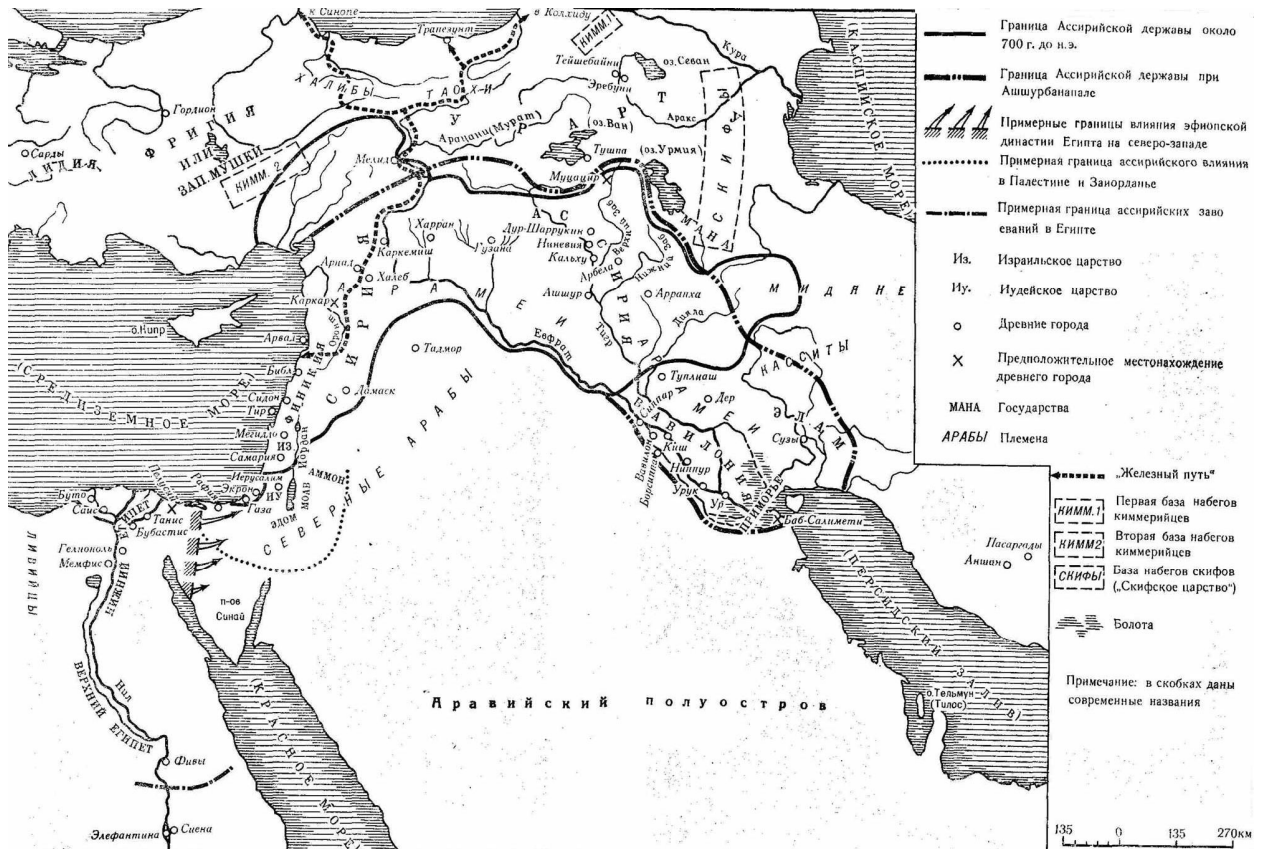
Походы Александра Македонского.

Древняя Италия.

Ассирийская держава в VIII-VII вв. до н.э.

Литература:

Карты./История Древнего мира. Расцвет Древних обществ.- М.:Знание, 1983 - с.517-533 560-572